

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского»

**ОБРАЗЫ ГОРОДА
В ГОРИЗОНТЕ РОССИЙСКОЙ ДИНАМИКИ**

**Научный сборник по материалам конференции,
проведенной 11-13 ноября 2010 года
при поддержке Российского гуманитарного научного фонда
(грант 10-03-14063г)**

Ярославль
2010

УДК 008:001.8(082)
ББК 71.0
О 23

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Издано в рамках работы по гранту РГНФ 10-03-14063г.

О 23 **Образы города в горизонте российской динамики** : научный сборник / отв. ред. М.В. Новиков, Т.С. Злотникова, Т.И. Ерохина. - Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010. – 458 с.

ISBN 978-5-87555-653-1

Ярославль как репрезентативный российский город был избран местом проведения конференции не только в связи празднованием его 1000-летия, но и в связи с тем, что он в полной мере воплотил в своей социально-исторической и современной практике опыт русского провинциального города (храмовая культура, театральные, музыкальные, художественные традиции, культурные мифы, противоречивая политическая история, научно-образовательная среда). Концепция конференции учитывала тот факт, что для фундаментальных научных исследований в гуманитарной сфере актуальной и нерешенной проблемой является межнаучная интеграция, необходимая для осмысления общественно-культурных процессов современности. Научно-исследовательский и социально-нравственный смысл представленных материалов связан с формированием общенациональной идеи приобщения к историческим корням как основе современной духовной жизни представителей всех социально-демографических групп, преодолением «комплекса неполноценности» в массовом сознании жителей российских регионов.

УДК 008:001.8
ББК 71.0

ISBN 978-5-87555-653-1

© ГОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», 2010
© Авторы, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....

Часть I. Методологические проблемы анализа образа города в теории и истории культуры

Новиков М.В. (Ярославль). Динамика образовательной среды города Ярославля.....

Ермолин Е.А. (Ярославль). Мифообраз города: итоги и перспективы изучения.....

Васильев А.Г. (Москва). Urban studies: классическое наследие - современное состояние - перспективы развития.....

Кондаков И.В. (Москва). Город как текст: структура, культурная семантика, смысловая динамика.....

Летина Н.Н. (Ярославль). Рубежи российского хронотопа.....

Ерохина Т.И. (Ярославль). Символика города в культуре русского символизма.....

Юрьева Т.В. (Ярославль). Сакральный модус храма в архитектурно-пространственной среде города.....

Полознев Д.Ф. (Ярославль). Основные смысловые идентификации и доминанты образа Ярославля.....

Пермиловская А.Б. (Архангельск). Влияние городской культуры на традиционный крестьянский дом (по материалам Русского Севера).....

Бурлина Е.Я. (Самара). Динамика образа города в постсоветском пространстве. Самара в прозе В. П. Аксенова на рубеже XX – XXI века.....

Федюк В.П. (Ярославль). Революция и изменение облика русского провинциального города.....

Злотникова Т.С. (Ярославль). Российская динамика: от театра в городе к городу-театру жизни.....

Часть II. Старый город – столица и провинция. Усадьба. Дом. Храм

Скибинская О.Н. (Ярославль). Sakrum патриархального рода как доминанта в формировании среды провинциального исторического города.....

Балдандоржиев Ж.Б. (Чита). Прошлое и настоящее провинциального города.....

Петрова М.В. (Ярославль). Традиции городского жизнеустройства в провинции.....

- Стовичек М.В.** (Ярославль). Личное и публичное пространство горожанина в исторической динамике.....
- Бабаева Т.Б.** (Таганрог). Знаково-семиотическая природа национальной архитектуры.....
- Щербакова Л.В.** (Астрахань). Русский средневековый город в описании европейцев.....
- Иванов В.Н.** (Ярославль). Стилиевые особенности храмовой архитектуры провинциального города XIX века: ярославский классицизм.....
- Болдырева М.А.** (Ярославль). Опыт типологизации декора окон деревянных домов частного сектора Ярославля.....
- Резчикова Е.А.** (Углич). Провинциальный город в период «Русской смуты» начала XX века: от богоспасаемости к богорочеству.....
- Рутман Т.А.** (Ярославль). Святитель Димитрий Ростовский в церковной истории Ярославля.....
- Проскурина Е.В.** (Ярославль). Сакральная геометрия куполов (на примере храмов г. Ярославля).....
- Седых М.Г.** (Белгород). Влияние Русской Православной Церкви на облик Белгородской области.....
- Всеволодов А.В.** (Череповец). Религиозная жизнь советского индустриального города 1960-1980-х гг.: некоторые теоретические аспекты изучения.....
- Батурина Ю.В.** (Рыбинск). Роль личности святителя Тихона в инкультурации современного подрастающего поколения.....
- Пономарёва М.Г.** (Ярославль). Образ Ярославля в творческой рефлексии исторических романистов.....
- Устюгова В.В.** (Пермь). Жизнь губернской столицы и первые гастроли кинематографа (по материалам «Пермских губернских ведомостей»).....
- Личак Н.А.** (Ярославль). Формирование местных органов охраны памятников истории и культуры в Ярославле в 1918-1924 годах.....
- Соколов Д.А.** (Ярославль). Музей в современном городе.....
- Маслова А.А.** (Ярославль). Ярославль в старых путеводителях по Волге.....

Часть III. Динамика образа города. Российский путь

- Катерина И.А.** (Ярославль). Медвежий текст ярославской культуры.....
- Кузнецова Д.А.** (Ярославль). Семья Богдановичей как социокультурный феномен ярославской культуры конца XIX в. - начала XX в.....

- Яновская Е.В.** (Ярославль). Отражение вопросов восприятия городов в переписке семьи Ф.А. Некрасова.....
- Азеева И.В.** (Ярославль). Театральная школа в контексте провинциального города.....
- Кузовенкова Ю.А.** (Самара). «Городская сцена» Самара: аккумуляция ментальности и порождение образов.....
- Люкманова Н.А.** (Ярославль). Город-пространство и персонаж в кинематографе: от замысла к воплощению.....
- Колокольчикова Р.С.** (Череповец). Опыт формирования пространственной среды индустриальных городов Европейского Севера (на примере строительства г. Костомукши в 1970-е – сер. 1980-х годов).....
- Басалаева (Решикова) И.П.** (Новокузнецк). Конструирование образа города в современном (пост)индустриальном регионе.....
- Санникова Т.О.** (Воткинск). Полифония городского пространства.....
- Якушева Л.А.** (Вологда). Повседневная жизнь города: человек из очереди.....
- Ивлев Я.С.** (Белгород). Образ города как результат визуального восприятия человека.....
- Корсикова Е.Н.** (Ярославль). Динамика образа города Ярославля в художественной фотографии (на материале фотоконкурса «Мой любимый город»).....
- Шахова Е.А.** (Ярославль). Создание образа города в региональном деловом журнале.....
- Заостровцев К.Д.** (Ярославль). Образ Ярославля в Интернете.....
- Киселева Н.В.** (Ярославль). Место изучения культуры родного города в современном образовательном пространстве.....
- Прошутинская П.А.** (Ярославль). Феномен толкинизма в современной городской субкультуре.....
- Медведева Е.Н., Туркина В.Г.** (Саратов, Белгород). Вербальные и невербальные контексты пространства современного города.....
- Поддубровская О.В.** (Белгород). Озеленение как фактор успешного развития инфраструктуры современных городов.....
- Семикопенко Д.С.** (Белгород). Стратегия развития городов России.....
- Салохин Н.П.** (Омск). Самоуправление городского социума в процессах саморазвития.....
- Сведения об авторах.....**

Предисловие

С 11 по 13 ноября 2010 г. ГОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д.Ушинского» при поддержке РГНФ (грант 10-03-14063г) была проведена научная конференция «Образы города в горизонте российской динамики». Конференция предусматривала актуализацию опыта ученых России, принимавших участие в ряде научных мероприятий в период подготовки к 1000-летию Ярославля (2010 г.).

В основу концепции, предложенной для обсуждения и развития в ходе конференции, был положен приобретенный учеными коллектива-заявителя значительный опыт более чем 15-летней работы в указанном направлении, а именно, материалы свыше 20 докторских и кандидатских диссертаций, 3 интернет-конференций и более 10 научных и научно-практических конференций и «круглых столов» международного и российского уровня, 10 научных сборников, 4 научных монографий, более 100 научных статей. Проблематика конференции и соответствующие секции и «круглые столы» были определены следующим образом: «Динамика образа города: ментальность и повседневность, гармония и смута», «Старый город – столица и провинция», «Российский путь: хронотоп – векторы – материальные и духовные константы», «Усадьба как судьба и образ», «Дом – человек/творец/заказчик/обитатель», «Храм и город».

К участию в конференции были привлечены представители многих гуманитарных специальностей (философы, культурологи, историки, филологи, искусствоведы, архитекторы, педагоги, религиоведы, музеологи), а также практики – архитекторы, реставраторы, работники музеев и библиотек, представители СМИ, региональных и муниципальных органов власти, представители различных религиозных конфессий. В работе конференции, кроме представителей научной общественности Ярославля (ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, ЯрГУ им. П.Г. Демидова и др.), приняли участие ведущие российские ученые – представители учебных и научных центров, а также исследователи иного статуса, включая аспирантов и студентов (РГГУ, МПГУ, Российского института культурологии, Института философии РАН, университетов Архангельска, Астрахани, Белгорода, Вологды, Воткинска, Новгорода Великого, Новокузнецка, Омска, Перми, Рыбинска, Самары, Саратова, Таганрога, Углича, Череповца).

Программа была сформирована в соответствии с концептуальными основаниями научной работы, последовательно реализуемыми в ЯГПУ им. К.Д. Ушинского.

Во-первых, при условии монопроблемной постановки вопроса, предложенного для коллективного рассмотрения, был реализован междисциплинарный подход к изучению обозначенной проблемы (философия культуры, история, культурная антропология, искусствоведение, религиоведение).

Во-вторых, наряду с ведущими российскими учеными, докторами наук, профессорами, чьими трудами обозначены научные направления, были представлены перспективные ученые, кандидаты наук, ведущие исследования в тесной связи с научной школой ЯГПУ им. К.Д. Ушинского; это стало своего рода воплощением принципа динамики, заявленного в теме конференции.

В-третьих, состав участников обозначил географический аспект научного взаимодействия, сложившегося в ходе длительного и последовательного изучения образов города: наряду с городом-юбилеем Ярославлем были представлены как столица государства, Москва, так и специфические региональные культурные центры, такие, например, как Архангельск, Самара. Важными и актуальными в ситуации резких изменений представлений о городе и жизни самого города были признаны доклады, посвященные жизни конкретных российских городов – Астрахани, Череповца, Таганрога и др.

Для ряда участников конференции, приехавших в Ярославль из других регионов, в своем роде показательными и инновационными были доклады ярославских участников конференции, посвященные проблематике духовно-материальной среды города, в частности, таким ее элементам, как храм и дом. Следует подчеркнуть, что ряд подобных докладов был сделан молодыми ярославскими исследователями, аспирантами и студентами, что свидетельствует о четкой и методологически выверенной ориентации представителей научной школы, чья работа была положена в основу работы конференции.

Таким образом, в самом содержательном сочетании проблематики докладов и персональных научных подходов было реализовано глубинное соответствие конференции заявленной теме. Проблематика и методы исследования, представленные авторами докладов, а также высокий интеллектуальный уровень дискуссии, сопровождавшей большинство докладов, имели двоякий смысл: как сугубо академический, так и научно-образовательный.

Часть I. Методологические проблемы анализа образа города в теории и истории культуры

УДК 008.009:3

М.В. Новиков

Динамика образовательной среды Ярославля

Образовательная среда является важнейшей составляющей образа любого современного города. В понятие «образовательная среда» обычно включаются следующие основные его составляющие: сеть образовательных учреждений, участники образовательного процесса, организация учебного процесса, результативность и эффективность образовательной среды и т.д. Формат доклада вынуждает нас ограничить объект исследования сферой высшего профессионального образования, целью является показать динамику развития с момента возникновения до наших дней.

Появление первого высшего учебного заведения в Ярославле связано с именем Императора Александра I и некоторой либерализацией российского общества, характерной для первых лет его правления. Примечательно, что императорский указ об открытии в Ярославле высшего учебного заведения состоялся всего на год позднее создания в структуре государственного управления России Министерства народного просвещения – в 1802 и 1803 годах соответственно. В тот период правительство России приступило к открытию сети государственных университетов на необъятных просторах страны, руководствуясь несколькими соображениями, среди которых был и чисто географический фактор. Близость Ярославля к Москве, вхождение Ярославля в сферу влияния Московского университета лишали город надежды на открытие в нем собственного университета, и действительно, в имперский период истории нашей страны, то есть до 1917 года, университет в Ярославле так и не был открыт.

Открытие в Ярославле вуза в форме Ярославского высших наук училища было компромиссом между ярославским дворянином статским советником Павлом Григорьевичем Демидовым, мечтавшим об открытии в Ярославле университета и готовым вложить собственные средства в его становление и развитие, и правительством России, придерживавшимся строго географического принципа создания университетов и соответственно университетских учебных округов, где университету отводилась роль своеобразного научно-методического центра для всей сферы обра-

зования округа. Следствием этого компромисса стало прошение П.Г. Демидова на имя Императора, в котором он писал: «Принимаю смелость просить Ваше Императорское Величество, дабы Высочайшим Указом Вашим повелено было назначенную в Ярославле гимназию возвысить в такое училище, которое бы имело одинаковую степень с университетом и все преимущества оно, заведя в нем класс наук университетских...» [1].

Детище П.Г. Демидова просуществовало 115 лет, пережив обструкцию ярославского дворянства, мечтавшего о создании в Ярославле военного учебного заведения, и две реорганизации – 1833 и 1868 годов. В ходе последней и появилось то название, которое на слуху у ярославцев, – Демидовский юридический лицей. Ярославское высших наук училище, начавшее образовательную деятельность в 1804 году, по уставу имело в штате 7 профессоров, из которых у 6 была степень магистра. В Демидовском лицее в начале 20-х годов преподавало несколько десятков профессоров, доцентов и преподавателей. В 1804 году в училище было зачислено 11 студентов, в 1908 году число студентов в Демидовском лицее превысило 1000. Интересен социальный состав студентов 1908 года. Он отражает полное неприятие ярославским дворянством Демидовского лицея: 45,6% – из семей духовенства, 15,7% - дети чиновников, 10,7% - дети мещан, 10,6 – дети крестьян, 17,4% - дети купцов и военных [2].

Необходимо отметить, что идея П.Г. Демидова об открытии в Ярославле собственного университета витала в городе постоянно, и в 1906 году, во время первой русской революции, когда центральная власть ослабла, была предпринята попытка преобразования Демидовского лицея в университет. В Министерство народного просвещения было направлено соответствующее прошение, которое осталось без ответа. Подходящий момент для реализации этой идеи наступил в 1918 году, когда рухнула вся система управления Российской Империей, включая деление страны на университетские округа. Новая власть без особых колебаний шла навстречу обращениям из губерний, включая Ярославль. Демидовский юридический лицей, готовивший кадры для охраны устоев Империи, был обречен, и поэтому обращение новых ярославских властей и общественности о преобразовании лицея в университет было встречено в Москве с пониманием. В 1918 году лицей был преобразован в университет, 21 января 1919 года этот факт был узаконен декретом Совета народных комиссаров.

7 декабря 1918 года учительский институт, открытый в Ярославле в 1908 году, преобразуется в высшее учебное заведение – педагогический институт, и начинается недолгий период функ-

ционирования в Ярославле двух вузов. В 1922 году педагогический институт становится факультетом университета, а в 1924 году университет расформировывается и на его базе воссоздается педагогический институт. Таким образом, педагогический институт становится правопреемником Демидовского юридического лицея, а также двух духовных учебных заведений – Ярославской семинарии и Ионофановского женского училища, унаследовав их материальную базу, кадры и образовательную традицию. В течение последующих 20 лет (1924-1944 гг.) педагогический институт остается единственным высшим учебным заведением Ярославля, пройдя сложный путь различных реорганизаций, разгром преподавательских кадров старой школы в начале 30-х годов, тяжелейший период Великой Отечественной войны.

Качественные показатели профессорско-преподавательского состава института за этот период изменились в худшую сторону.

Таблица 1 [3]

Годы	Общее кол-во	Профессора	Доценты	Преподаватели
1929	58	19 (2 – дворяне 2 – крестьяне 15 – мещане)	24	12
1940	121	3	18	100

Меняется социальный состав студентов, среди них все больше детей рабочих и крестьян.

Таблица 2

Социальный состав поступивших в Ярославский пединститут (1925 и 1929 гг.) [4]

	1925		1929	
	Абс.	%	Абс.	%
Всего принято	207	100	207	100
Рабочие	47	23	72	35
Крестьяне	54	26	71	34
<i>Служащие</i>	36	17	28	14
<i>Специалисты</i>			33	16
«Трудовая интеллигенция»	56	27		
Работники умственного труда в целом	92	44	61	30
Ремесленники (кустари)	9	4	3	1
Прочие	5	2		

Таблица 3

**Социальный состав студентов Ярославского пединститута
в 1929-1932 гг. (в %) [5]**

Год/ партийность и социальное происхождение	1929	1930 (сентябрь- ский набор)	1931	1932
Рабочие	22,5	60	46,5	47,3
Крестьяне	28	31,3	12,5	16,5
<i>В том числе: батраки</i>		1,3	1	4,5
<i>Бедняки</i>		11	3	3
<i>Середняки</i>		11	6	
<i>Колхозники</i>		8	2,5	9
Служащие	44	8,7	40	36,4
Прочие	5,5	2	1	1,3

Педагогический институт в этот период становится кузницей кадров для всей страны.

Таблица 4

Выпуск в 1925-1940 годах [6]

Год	1925	1926	1927	1928	1929	1930	1931	1932
Выпуск	85	136	169	134	138	207	201	138
Год	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940
Выпуск	299	210	150	105	70	185	190	177

В 1944 году в условиях Великой Отечественной войны в Ярославле открываются сразу два высших учебных заведения – Ярославский технический институт резиновой промышленности (с 1994 года Ярославский государственный технический университет) и Ярославский государственный медицинский институт (с 1994 года Ярославская государственная медицинская академия). В 50-80-х годах XX века в Ярославле окончательно складывается система государственного многопрофильного высшего профессионального образования, сохранившаяся с определенными изменениями и поныне.

Таблица 5

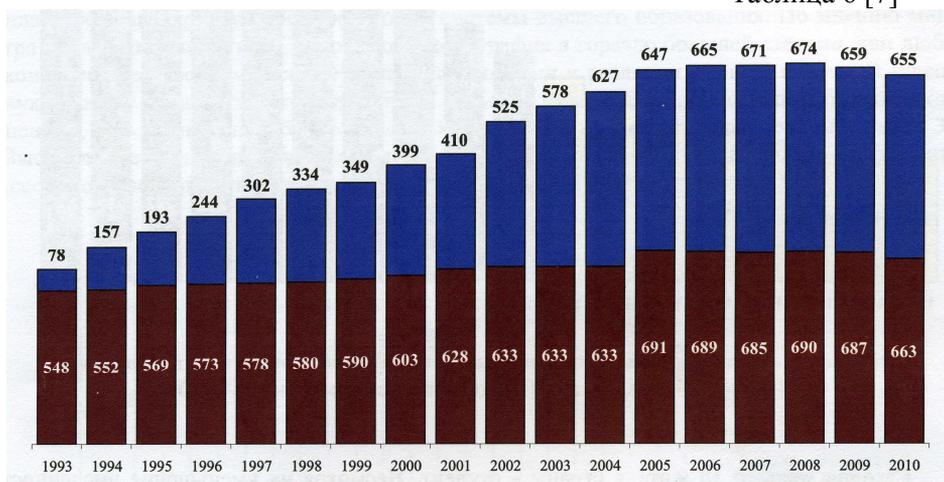
1951	- Ярославское военно-техническое училище войск ПВО (Ярославское высшее зенитное ракетное училище противовоздушной обороны (военный институт)
1957	- Военно-финансовое училище Советской Армии (последнее название – Военный университет (филиал в Ярославле, расформирован в 2010 году)

1958	- Филиал Всероссийского заочного финансово-экономического института
1970	- Ярославский государственный университет (с 1995 года им. П.Г. Демидова)
1972	- Филиал Всесоюзного заочного института железнодорожного транспорта (Российского государственного открытого технического университета путей сообщения)
1977	- Филиал Московской сельскохозяйственной академии имени Тимирязева (с 1990 года Ярославский государственный сельскохозяйственный институт, с 1995 академия)
1980	- Ярославский государственный театральный институт

К концу советского периода истории нашей страны, к 1991 году, в Ярославле функционировало 6 государственных вузов, 2 военных училища, 2 филиала московских вузов, в них обучалось около 20 тысяч студентов.

Следующие 20 лет истории нашей страны характеризуются глубокими трансформациями в политической, социально-экономической и духовных сферах, менее всего трансформации затронули сферу высшего профессионального образования, хотя и здесь произошли некоторые изменения. Главными из них необходимо считать хроническое недофинансирование и, как следствие разрешение приема студентов в государственные вузы на платной основе, создание сети негосударственных платных вузов. Динамика количества государственных и негосударственных вузов в России представлена в следующей таблице.

Таблица 6 [7]

Как видим, даже в условиях демографического спада последних лет количество вузов в стране сократилось незначительно. В большей степени сокращение коснулось военных вузов. В ходе проводимой в стране реформы военного образования вместо 65 военных вузов предполагается оставить 10. Эта реформа затронула и Ярославль, в 2010 году под сокращение попал Ярославский филиал Военного университета.

В Послании Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 ноября 2009 года впервые озвучена идея преобразования части педагогических вузов «в крупные базовые центры подготовки учителей».

В течение 20 последних лет наш университет активно работал в этом направлении. То, о чем сказал Президент, юридически было оформлено приказом по Министерству образования в 1994 году как эксперимент. В учебно-педагогический комплекс, ныне это Ассоциация, были включены ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, лицеи и колледжи Рыбинска, Ростова, Углича, Ярославля, а затем лицеи и колледжи Архангельской, Вологодской, Тверской областей и Республики Коми. В понятие «базовый центр подготовки учителей» мы включаем следующее содержание, которое доведено до сведения руководства Министерства образования и науки РФ.

1. Социально-образовательной миссией базового центра подготовки педагогических кадров (далее Центр) является теоретическое, научно-методическое, кадровое, инновационно-консалтинговое и мониторинговое обеспечение системы качественного образования в регионе (Федеральном округе) на уровнях общего, а также начального, среднего, высшего и дополнительного профессионального образования, реализация региональной образовательной политики через выявление потребностей регионального рынка труда и реализацию соответствующих образовательных программ, разработка научно-методического обеспечения вариативных компонентов образовательных программ для всех уровней образования.

2. Центр представляет собой университетский комплекс непрерывного педагогического образования, обеспечивающий интеграцию на базе крупного педагогического университета ресурсов образовательного пространства региона, для подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров для сферы образования, науки и культуры региона.

3. В состав Центра входят инновационные общеобразовательные учебные заведения (педагогические лицеи и гимназии, лицей и гимназии для одаренных детей, педагогические классы); учреждения среднего профессионального образования педагогиче-

ского профиля; ориентированные на смежные сферы (социальная работа, культура и искусство, общественная деятельность и т.д.) учреждения дополнительного профессионального образования, обеспечивающие повышение квалификации и переподготовку работников образования, как для системы общего образования, так и для учреждений начального, среднего, высшего профессионального образования региона, включая учреждения технического, медицинского, сельскохозяйственного и других профилей.

4. Центр должен обладать кадровым, научно-методическим, материально-техническим потенциалом, обеспечивающим все уровни и направления подготовки специалистов, необходимые современному образованию, – от специфической профориентационной работы и довузовского образования, специальностей начального и среднего профессионального образования, направлений бакалавриата, магистратуры до подготовки кадров высшей квалификации через аспирантуру и докторантуру.

5. Важное условие успешного развития Центра – особая воспитательная среда, которая должна быть пронизана духом уважения к профессии учителя, иметь ярко выраженную профессионально-педагогическую направленность, вооружать студентов опытом нравственной, патриотичной, креативной деятельности, который с успехом может быть применен ими в будущей профессиональной педагогической деятельности.

6. Правовой формой регулирования деятельности базовых центров подготовки педагогических кадров является объединение в форме ассоциации или союза на базе ведущего в регионе (Федеральном округе) педагогического университета образовательных учреждений педагогической направленности, представляющих все уровни образования.

Развитие рыночных отношений в сфере образования привело к увеличению объема платных услуг, отмечается тенденция роста «платников» в государственных вузах, с 2008 года их количество стало превышать число «бюджетников». В то же время уменьшилось число студентов в негосударственных вузах. В целом по стране доля обучающихся на платной основе в 2009 году превысила 60%. В Ярославле аналогичная картина. Это позволяет сделать вывод о том, что образование в стране становится преимущественно платным, а значит, сокращается доступ к нему социально не защищенных слоев населения.

Таблица 7 [8]

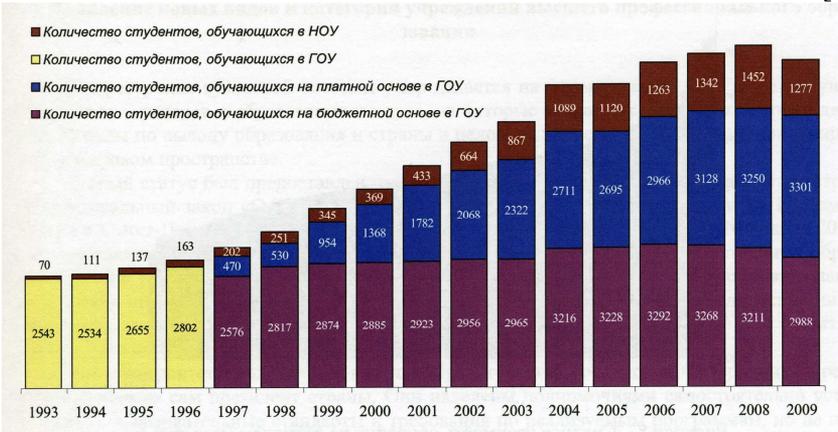
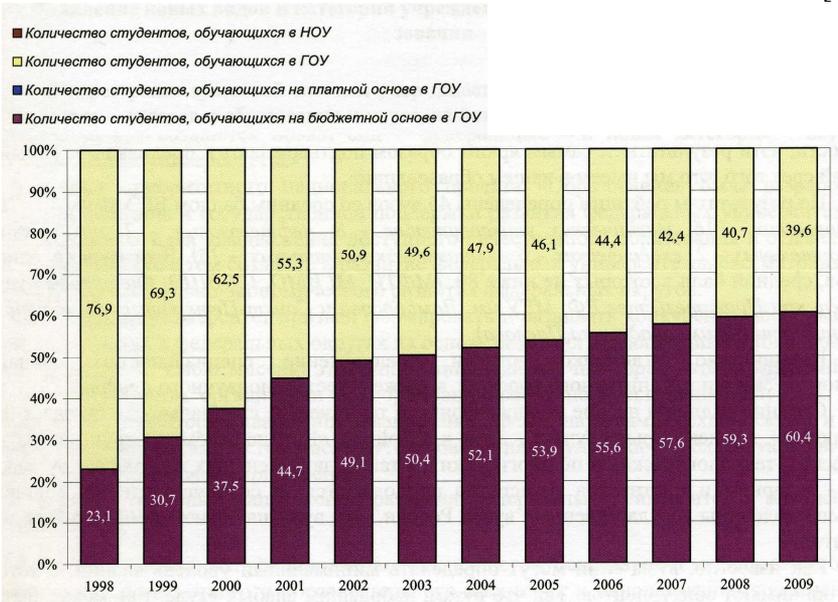

Таблица 8 [9]

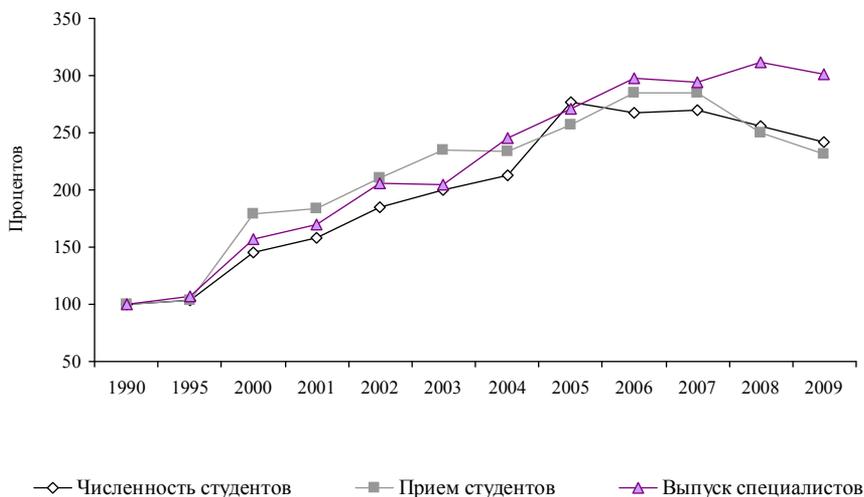
Динамика развития сферы высшего профессионального образования в Ярославской области представлена в следующей таблице.

Таблица 9 [10]

Годы	Число учебных заведений		в них студентов, человек	в том числе по формам обучения		
	самостоятельных	филиалов		очная	очно-заочная	заочная
Государственные учебные заведения						
1990	6	-	21852	16448	2710	2694
1995	7	-	22531	17395	1686	3450
2000	7	-	29075	20292	2794	5929
2002	7	4	37287	22884	2597	11736
2003	7	4	39607	24229	2573	12750
2004	7	6	41749	24904	2482	14340
2005	7	12	43503	25246	2336	15909
2006	7	13	45152	25281	2239	17631
2007	7	14	45558	24693	2195	18670
2008	7	13	43556	23676	2065	17815
2009	7	13	41298	22916	1928	16454
Негосударственные учебные заведения						
2000	3	1	2679	799	254	1626
2002	3	2	3147	1285	225	1637
2003	3	2	4097	1469	253	2375
2004	3	5	4657	3013	286	1358
2005	2	12	12567	3091	292	9184
2006	2	12	13398	3072	303	10023
2007	2	12	13775	3125	270	10380
2008	2	12	12461	2450	198	9813
2009	2	12	11637	1925	145	9567

Таблица 10

Динамика численности приема студентов и выпуска специалистов высшими учебными заведениями ¹⁾
(1990/91 учебный год=100%) [11]

¹⁾ Включая негосударственные высшие учебные заведения.

**Удельный вес женщин в составе студентов
государственных высших учебных заведений по отдельным
группам специальностей**
(на начало 2009/2010 учебного года, процентов) [12]

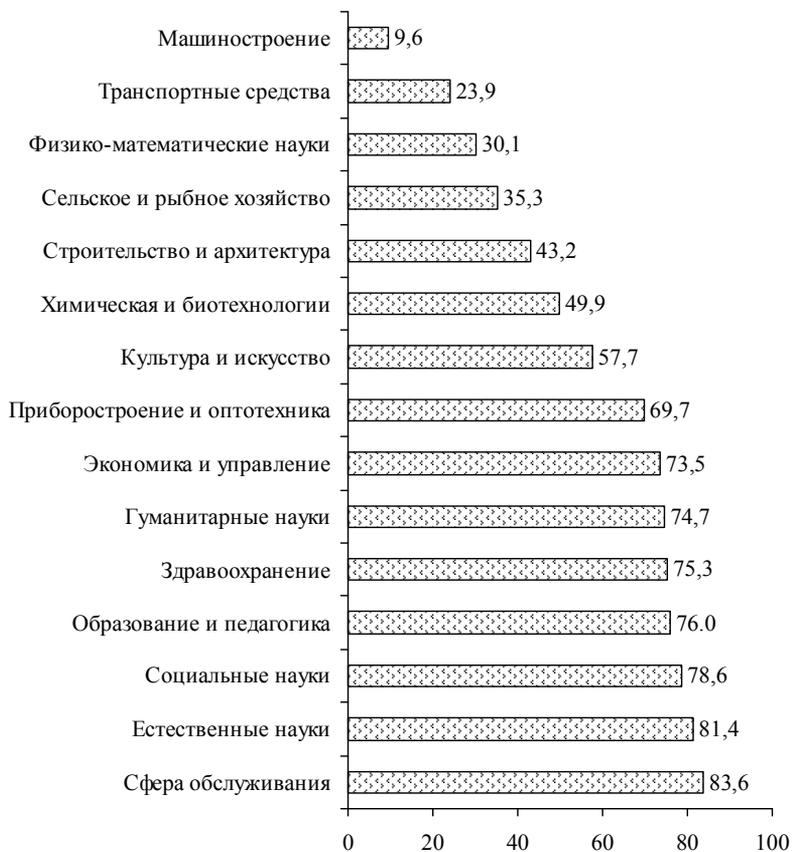
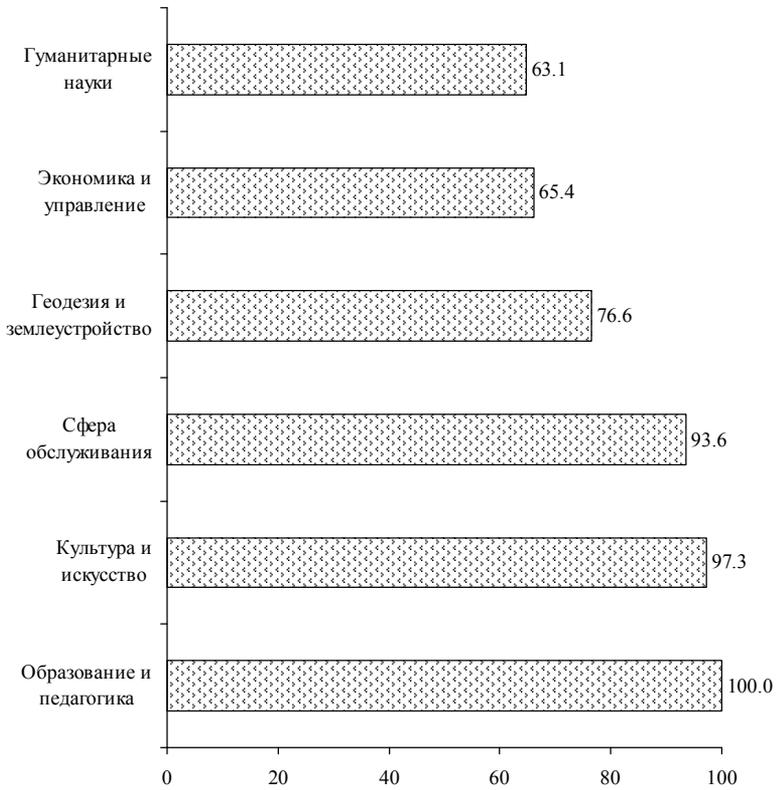

Таблица 12

Удельный вес женщин в составе студентов негосударственных высших учебных заведений по группам специальностей (на начало 2009/2010 учебного года, процентов) [13]

**Прием в высшие учебные заведения по видам обучения
(человек) [14]**

Годы	Всего	в том числе обучающихся		
		очно	очно-заочно	заочно
Государственные высшие учебные заведения				
1990	4906	3637	675	594
1995	5056	3898	389	769
2000	7658	4804	837	2012
2002	9644	5391	635	3605
2003	10433	5726	643	4064
2004	10165	5681	589	3895
2005	10288	5729	486	4073
2006	10737	5634	433	4670
2007	10579	5462	416	4701
2008	9805	4982	345	4478
2009	9100	5115	320	3665
Негосударственные высшие учебные заведения				
2000	1134	299	111	724
2002	822	365	42	415
2003	1109	391	56	662
2004	1275	919	83	273
2005	3300	895	78	2327
2006	3223	804	38	2381
2007	3381	755	40	2586
2008	2470	356	44	2070
2009	2247	178	23	2046

Таблица 14

**Численный состав преподавателей государственных вузов
г. Ярославля**

(на начало 2009/2010 учебного года) [15]

Основной (штатный) персонал, человек	из них – женщины		Кроме того	
	всего	в % к об- щему числу	преподаватели, работающие на условиях штатного совместительства, человек	в том числе женщин
1	2	3	4	5
2255	1137	50.4	422	154

Таблица 15

**Качественный состав преподавателей государственных вузов
г. Ярославля [16]**

Штатные преподаватели					
имеют ученую степень				имеют ученое звание	
доктора наук	в % к итогу	кандидата наук	в % к итогу	профессора	доцента
6	7	8	9	10	11
321	14.2	1253	55.6	286	833

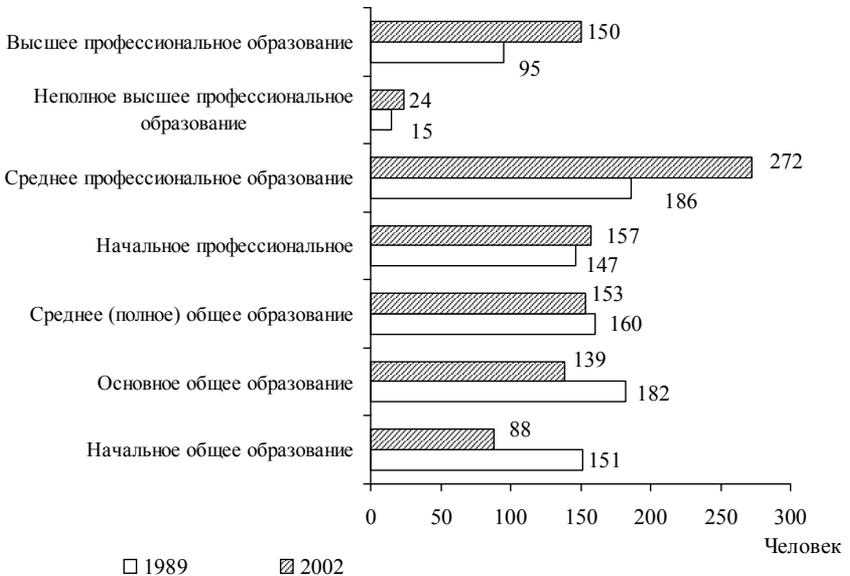
Таблица 16

**Возрастной состав преподавателей государственных вузов
г. Ярославля [17]**

Распределение преподавателей по возрасту в % к общему числу преподавателей					
до 30	30-39	40-49	50-59	60-65	более 65
12	13	14	15	16	17
12.9	16.2	18.8	25.6	12.1	14.5

Вузы Ярославля располагают серьезным кадровым потенциалом, доля дипломированных специалистов высшей квалификации в государственных и негосударственных вузах составляет 67,9%, в государственных вузах – 69,9%, в ЯГПУ – 72,%, в негосударственных вузах – пятьдесят процентов. По доле докторов и кандидатов наук Ярославская область занимает второе место в Центральном федеральном округе после Москвы и шестое место в России.

Таблица 17

Распределение населения области по уровню образования¹⁾(по данным переписей населения 1989 и 2002 гг.,
в расчете на 1000 человек соответствующего возраста) [18]¹⁾ Население в возрасте 15 лет и старше.

Из таблицы виден количественный рост лиц с высшим и средним профессиональным образованием в Ярославской области и соответственно сокращение доли лиц с основным общим и начальным образованием.

Выводы:

1. История высшего профессионального образования насчитывает 207 лет. В имперский период городу так и не удалось создать многопрофильного университета. Камеральный лицей (1833-1868) и Демидовский юридический лицей (1868-1918) были узкоспециальными учебными заведениями, готовившими будущих чиновников, судей, адвокатов, работников правоохранительных органов.

2. В 1918-1924 годах была предпринята неудачная попытка создания в Ярославле многопрофильного университета. С 1924 года начинается 20-летний период существования в городе единственного однопрофильного вуза – педагогического.

3. Многопрофильная образовательная среда формируется в Ярославле в период с 1944 по 1990 год, создается пять новых государственных вузов, число студентов превышает 20 тысяч.

4. Следствием трансформации российского общества в 1990-е годы стало хроническое недофинансирование сферы высшего образования, а также ее демократизация. Возникли негосударственные вузы, появилась сеть филиалов государственных и негосударственных вузов, число студентов удвоилось, были сняты искусственные ограничения на пути развития научных школ (развивается аспирантура, открывается докторантура, создается сеть диссертационных советов, начинается издание университетских научных журналов).

5. Подготовка специалистов с высшим образованием осуществляется в 6 государственных высших учебных заведениях, в одном военном вузе, в одном негосударственном вузе и в десяти филиалах, в которых обучается более тридцати тысяч студентов.

6. В государственных вузах и филиалах Ярославля на бюджетной и платной основе обучается 78% студентов, а 22% в негосударственных вузах и филиалах. В городе реализуется более 200 образовательных программ по 24 укрупненным группам специальностей высшего профессионального образования, 34,5% студентов обучается по программам в сфере экономики и управления, 14,2% - по гуманитарным специальностям, 12,1% - по программам в сфере образования и педагогики. Гендерный состав студенчества выглядит следующим образом: в негосударственных вузах 83% женщин, в государственных – 58%.

7. Подготовка специалистов в негосударственных вузах ориентирована на экономические специальности, удельный вес студентов по этим специальностям составляет 61,4%.

8. 2007 год был пиком роста количественных показателей сферы высшего профессионального образования как в стране, так и в Ярославле, с 2008 года начинается спад.

Примечания

1. Очерки истории высшей школы Ярославского края [Текст]. – Ярославль, 2008. – С. 11.

2. История ЯГПУ за 100 лет [Текст]. – Ярославль, 2008. – С. 8–9.

3. Там же. – С. 61, 113.

4. Там же. – С. 72.

5. Там же. – С. 96.

6. Там же. – С. 115.

7. Аккредитация образовательных организаций в Российской Федерации в 2009-2010 гг. [Текст] : аналитический отчет. – М., 2010. – С. 8.

8. Там же. – С. 11.

9. Там же.

10. Сфера высшего профессионального образования в Ярославской области. Статистический сборник [Текст]. – Ярославль, 2010. – С. 8.

11. Там же. – С. 10.

12. Там же. – С. 17.

13. Там же. – С. 19.

14. Там же. – С. 20.

15. Там же. – С. 60.

16. Там же. – С. 61.

17. Там же.

18. Там же. – С. 6.

УДК 008.001.14

Е.А. Ермолин

Мифообраз города: итоги и перспективы изучения

Культурный миф города - это относительно стабильный, имеющий некоторую степень внутренней цельности (не обязательно свободной от противоречий) и освобожденный от «бесмысленных» (т.е. не вписывающихся в становящуюся целостность) подробностей **образ города**. Реализующая определенную архетипическую логику сумма представлений **образует** смысловое пространство, которое по-разному актуализируется, эксплицируясь различными средствами и обретая то или иное выражение в истории города, его антропосфере, архитектурно-ландшафтной среде и культурных традициях [ср.: 9].

Мифообразу города присущи свойства живой стихии. Он являет мир не статично - и представляет собой открытый (не всегда поддающийся определению в деталях) и постоянный процесс приращения, искажения или потери знания человека о городе. Мифообраз складывается иногда веками, а иногда (у новых городов) и за несколько лет, из исторических фактов, событий, легенд, фантомов и аксиом коллективного и личного опыта, суеверий, фантазий, которые специфическим образом сплетаются друг с другом, в результате чего кристаллизируются базисные представления и определения, характеризующие город и важные для многих или некоторых в течение долгого времени. Предлагалось поделить городские мифы «на три группы:

— мифы государственные, или сакральные. Основание, рост и упадок столиц всегда находятся в тесной связи с идеями государственного строительства. Столицам отводится цементи-

рующая роль в государстве, для их украшения и развития расходуются огромные средства, они служат ареной и проводником главных нововведений. Будничный образ реальных городов мифологизируется в соответствии с проводимой политикой, ее стержневыми идеями;

— мифы литературные, аккумулирующие в восприятии гения переживания многих и затем закреплённые в массовом сознании;

— мифы бытовые, или расхожие мнения, передающиеся устной речью и через повседневное общение» [29]. Но эта схема грубовата; в конечном счете архетипическое сплетается со случайным, возникает динамичное сплетение групповых, коллективных мифов городской общины и персонального мифотворчества, пребывающее в перманентной трансформации. В завершённом виде культурный миф города, можно сказать, отсутствует, поэтому и его анализ не даёт окончательных результатов. Мифообраз города существует в коллективной и личной памяти, в различных текстах культуры, в рефлектирующем сознании наблюдателей. Мифообраз не складывается единообразно, чужд тотальной унифицированности, дробится на личные и групповые рефлексии и впечатления, по-разному прочитывается и осознаётся. В мифообразе преобладают начала и элементы, которые воспринимаются и понимаются многими примерно одинаково, но разные люди даже в одно время могут акцентировать разные стороны мифообраза.

В городах с большой культурной памятью и давними традициями, в мегаполисах могут возникать и конкурирующие или взаимодополняющие мифы города. Так, Л. Лурье насчитал пять альтернативных мифов Санкт-Петербурга, реально представив в своей статье даже ещё более сложную картину мифогенеза [17].

Хотя базисное ядро культурного мифа, как правило, является константой, некоторые аспекты городского мифа со временем безвозвратно отмирают; это показал А. Левинтов, анализировавший советский миф города как систему утопических идей и его самоисчерпание [14].

Неоднозначность и подвижность содержания мифообраза современного большого города является следствием прогрессирующей блиповости и клиповости актуально работающего сознания, постоянных трансформаций в нём структур восприятия и понимания действительности.

Функционально миф города «есть коллективно выработанный образ социального пространства, существенно важный для групповой и индивидуальной самоидентификации данного сообщества» [22]. «С одной стороны, он выступает как сила, гармонирующая социокультурные противоречия в данное время и в дан-

ном социуме, воссоздающая, актуализующая норму солидарности его членов, напоминающую о примате общих интересов над эгоистическими и частными. Но, помимо этой синхронной роли, есть у мифа и другая роль – диахронная. Она помогает времени и социуму как бы возвыситься над самими собой, над своими локальными повседневными целями и интересами, обнаруживая для себя в них и как бы через них цели более возвышенные и интересы духовные. Санкцией и воплощением их возвышенности и духовности выступает исторический прецедент, образ прошлого, созвучный интересам данного времени» [29]. В истории города растет количество мифических событий, так или иначе аргументирующих ключевые обстоятельства городской жизни. Эти давние и недавние, документированные и легендарные события для горожан приобретают жизненность реально пережитых фактов и предпосылок или даже детерминант поведения.

Миф города создает собственный план реальности, обладающий своими логическими и сюжетными законами, системой образов и символов. Он образуется в результате сочетания архетипических ходов мышления с переживанием исторических событий, фактов жизни исторических персон, разного рода среды, природно-климатических особенностей и всевозможных явлений социальной действительности.

Прежде всего это миф порядка. Антропогенная среда – зримое воплощение представлений человека о порядке бытия, предзаданном свыше или всецело подчиненном логике разума. Мифологизация города – приобщение его к сфере божественного и героического [см., напр: 8]. Миф предстает нередко как история, связный нарратив, с участием значимых персонажей (часто сакральных персон разного калибра), общая идея которого – взаимопереход Хаос-Космос-Хаос, с участием человека. Город извечно имел небесный прообраз и предстал моделью вселенной. Соответственно его организация отражает структуру мира и строится по универсальной схематике (четырёхугольная или круговая). Характерен существующий с глубокой древности миф о происхождении городов. Те или иные сакральные мотивации привлекаются, чтобы обосновать небытовой, непрофанной логикой чудесного прецедента появление (основание) города и задать парадигмальные условия его существования.

Особый аспект городского мифа - миф имени города. В имени миф фиксирует сущность города. Имя первично и формирует городское пространство, задает его историю, определяет важные стороны личного мифа горожанина. Современный пример – развитие производства меда в Медыни при активном участии экс-

мэра Москвы Ю. Лужкова (при том, что имя города исторически не обязательно связано с медом, скорее с медью, медными рудниками, или восходит к литовскому *medinis* - "деревянный") [19].

Мифическая топология города как организованного пространства состоит, по мнению В.Н. Топорова, Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского, из серии бинарных оппозиций. Характерно и существование двух полярных по значению типов персонализации городского мифа: город-«дева» и город-«блудница». В городе - центре пространства – аккумулируются мифы о счастье, это город-рай, город благоденствия, город-храм; в окраинном городе активнее другие, например, эсхатологические мифы. Хронотоп городского мифа в принципе формируется в соответствии с общей логикой становления мифологических представлений [11]. Характерны выделяемые А. Меркуловой аспекты пространства (внутреннее и внешнее пространство; памятник, дорога, башня, водная стихия...) и времени (возникновение города, тема памяти, событие, изменяющее ход истории города и др.). Важно отметить возвращение мифической памяти к ключевым событиям в истории города и топосам, которые содержат в себе сущностное начало городского бытия.

Соответственно строится и система персонажей. В традиционном религиозном сознании город соотносится с божественными силами и энергиями, с личностью Бога или богов – и тем самым сакрализуется в масштабе города в целом и в масштабе отдельных локусов, сакральных топосов. Наиболее значимыми событиями такого рода в мифе российских городов становятся явления Христа и Богородицы, святых, чудотворных икон. Важнейший персонаж культурного мифа города – культурный герой (основатель, святые, строители, воины, руководители, художники, люди экстремальных достижений и др.). Культурные герои лично представляют предельные величины возможного и реального совершенства, наивысшие выражения того или иного типа человеческой самореализации, общественного служения. Дискретность современного общества предполагает дифференциацию и культурных героев. Формирование городского пантеона культурных героев прошлого и настоящего происходит в результате совместных усилий идеологических институтов, авангардных социокультурных групп и массового сознания, сориентированного на различные критерии.

За пределами амплуа культурного героя можно выделить еще ряд персонажей. Это собирательный образ жителей города [ср.: 12], животные и фантастические образы, городские чудачки и сумасшедшие, изгой-отщепенцы-трикстеры.

Осмысления мифообраза города зачастую не весьма четко отрывается от собственно мифотворчества. Это мифологизирующее краеписание, архетипизирующая урбанография, по сути - сознательное и бессознательное мифотворчество. Своеобразен сам статус краеведа. Повествователь является и очевидцем, и историком, и моралистом; он вдохновляется тем, что С.О. Шмидт назвал *краелюбием*. Это создает возможности для мифогенеза, первоначально (в России XVIII века) – при сборе и обработке местных легенд о создании городов, основании храмов, о церковных реликвиях, святых подвижниках, приметах ландшафта. Так, в Ярославле в XVIII веке при участии архиепископа Самуила (Миславского) записывались благочестивые сказания, в том числе и сказание о построении града Ярославля, которому суждено было стать смыслообразующим элементом мифа об основании города. Краевед-мифотворец свободно комбинирует факты, гипотезы, собственные проекты и всяческие творческие обработки материала истории и воображения, отбирает значимое по тем признакам, которые вменены его характером понимания, способом осознания мира. Характерные примеры – сказания о начальной поре Ростова Великого, сочиненные в XIX веке крестьянином села Угодичи А.Я. Артыновым [27], книга В.И. Лествицына («О волжском городе Руси», 1877), сказания Б.В. Шергина об Архангельске [30]. Подобного рода городское мифотворчество, основанное на догадках и «прозрениях», не переводится и по сию пору.

В начале XX века принципиальным шагом вперед в деле рефлексивного осознания культурного мифа города стали работы И.М. Гревса о городах Италии [13] и труды Н.П. Анциферова о Петербурге «*Душа Петербурга*», «*Петербург Достоевского*», «*Петербург Пушкина*» и «*Быль и миф Петербурга*» [2]. И.М. Гревс предлагал «понимать город как живой организм и, изучая его элементы, представлять себе его особым собирательным существом и стремиться в виде конечной цели восстановить развитие его лица и души, строя объединенный и целостный образ» [4]. По словам Н.П. Анциферова, «города – узлы, которыми связаны экономические и социальные процессы. Это – центры тяготения разнообразных сил, которыми живет человеческое общество. В городах зародилась все возрастающая динамика исторического развития. Через них совершается раскрытие культурных форм» [3]. В целом осмысление городского мифа включалось у этих ученых в более обширный контекст их проектов изучения культурной среды. Предполагалась и реконструкция городского мифа с опорой на письменные источники, и его достройка в тех деталях, которые не по-

лучали вербального выражения до момента начала работы исследователя [26].

Реконструкция городских мифов продолжена культурологами 2-й половины XX века: теоретическое осмысление и сравнительный анализ отдельных компонентов мифообразов Москвы, Петербурга, Рима содержится в работах ученых московско-гартуской школы, Ю.М. Лотмана [16], В.Н. Топорова [28], Д.С. Лихачева [15] и др.

Свой вклад в постижение и отражение мифа города вносит и искусство, особенно литература. Это рефлексивные мифы, иногда содержащие материал к постижению смыслообразующих основ города и сами опыты такого постижения. Принято говорить о Париже Бальзака, Лондоне Диккенса и Теккерея, Петербурге Пушкина, Достоевского и Андрея Белого, Варшаве Пруса, Дублине Джойса, Праге Кафки, Москве Булгакова, Одессе Пушкина, Бабеля, Катаева и др. В новейшее время мифологизированный образ Москвы явлен в прозе А. Волося, А. Кабакова, Л. Юзефовича и других прозаиков, Екатеринбург в радикально мифических проекциях представлен О. Славниковой, Пермь – Н. Горлановой и А. Ивановым.

Существенную роль в мифологизации и ремифологизации города в наше время играют средства массовой информации, создающие модели понимания и фиксирующие бэкграунд в означенном аспекте. Они «заставляют нас смотреть на события в их проекции на мифический континуум» [24].

Тщательной проработке подвергнуты в отечественной науке мифы Москвы, Санкт-Петербурга, Одессы, городов Урала, Ярославля. Из современных исследований отмечу мистико-интуитивистские труды Р. Рахматуллина по «метафизике города» Москвы, основанные на обширных материалах и глубоком их обдумывании [25], реконструкцию культурных мифов Угличско-Мышкинского Верхневолжья В. Гречухиным [5], пермский «филологический» проект города-текста («пермский текст») В.В. Абашева [1]. В частности, Абашев понимает текст города как сумму мифов, в которых сочетаются ландшафт, история и мистика, литература и воображение, его источники и легенды о Биармии и Чуди, и исторические сочинения, и поэтические тексты, он сочетает конструкцию и реконструкцию, систематизируя и в то же время рефлексивно развивая и углубляя элементарные элементы мифа. В процессе символической репрезентации города формируется мифообраз, отмеченный печатью авторства; историческая Пермь соотнесена с сугубо литературным Юрятином из романа Пастернака «Доктор Живаго».

Изучение культурного мифа города теоретически обосновывали в своих диссертациях В.А. Давыдов [7], Н.В. Гришанин [6], А.С. Меркулова [18]; оно продолжается эмпирически в разных про-

екциях, как наследующих опыту классиков культурологии, так и вдохновляющихся другими научными и творческими парадигмами.

Продуктивны для изучения мифов городов идеи и методы школы мест памяти (истории памяти), которая ставит в центр исследований и размышлений не факты прошлого «как таковые» в их хронологической последовательности, а символическое значение прошлого для современности. *Места памяти (lieux de memoire)* – артефакты, призванные задавать структуру нашего миропонимания и обеспечивать преемственность самосознания [23]. К их числу относятся и города [рефлексия и опыт применения: 10].

Перспективны и разработки И.И. Митина по мифогеографии, подкрепленные практическим анализом городской семантической топографии Беломорска, Медвежьегорска, Кондопоги, Петрозаводска, Олонца, Алексина, Касимова [20]. Стратегия палимпсеста, заложенная в основу его подхода, предполагает видение территориальной культурной системы как совокупности множества автономных пластов, обладающей вариативной иерархией. Каждый из пластов – это, во-первых, система материальных элементов (например, ландшафт); во-вторых, одна из комплексных культурно-географических характеристик места; в-третьих, некоторое пространственное представление (географический образ, пространственный миф или др.). Источник множественности пластов палимпсеста и суть конструирования характеристик – в интерпретации, осуществляемой посредством постоянного надления тех или иных элементов места новыми смыслами и значениями [21].

Библиографический список

1. Абашев, В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века [Текст] / Владимир Абашев. – Пермь : Изд-во Пермского университета, 2000.
2. Анциферов, Н.П. 1) Душа Петербурга [Текст] / Н.П. Анциферов. - СПб. : Изд-во Брокгауз и Ефрон, 1922; 2) Петербург Достоевского [Текст] / Н.П. Анциферов. - Пб. : Изд-во Брокгауз и Ефрон, 1923; 3) Быль и миф Петербурга [Текст] / Н.П. Анциферов. - Пб. : Изд-во Брокгауз и Ефрон, 1924; 4) «Непостижимый город...». Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина [Текст] / Н.П. Анциферов / сост. М.Б. Вербловская. — СПб. : Лениздат, 1991.
3. Анциферовы, Н. П. и Т. Н. Книга о городе: Город как выразитель сменяющихся культур [Текст] / Н.П. и Т.Н. Анциферовы. - Л., 1926. - С. 3.
4. Гревс И.М. Природа «экскурсионности» и главные типы «экскурсий в культуру» [Текст] / И.М. Гревс // Экскурсии в

культуру: методический сборник / под ред. проф. И.М. Гревса. - М., 1925. - С. 33.

5. Гречухин, В. Лики четвертого Рима [Текст] / В.А. Гречухин. – Ярославль : Александр Рутман, 2004.

6. Гришанин, Н.В. Текст, символ, миф в семиотическом анализе городской культуры [Текст] : дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Гришанин Никита Владимирович. - СПб., 2007.- 160 с.

7. Давыдов, В.А. Миф города в социокультурном контексте [Текст] : дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Валерий Алексеевич Давыдов. - Тверь, 2004. - 131 с.

8. Добрякова, О.И., Полознев, Д.Ф. «Чудесное» в жизни русского горожанина XVII века (по материалам г. Ярославля) [Текст] / О.И. Добрякова, Д.Ф. Полознев // Чудесное и обыденное: сборник материалов научной конференции. - Курск, 2003. - С. 65-80. См. и др. материалы этого сборника.

9. Евлампиев, И.И. Петербург, Москва, Рим: взаимосвязь культурных мифов (город как смыслообразующий центр культуры) [Текст] / И.И. Евлампиев // Человек и город: пространства, формы, смысл. Т. 2. - Екатеринбург, 1998. - С. 215-223.

10. Ермолин, Е.А. 1) Норский посад как урочище русской памяти [Текст] / Е.А. Ермолин // Моя родина – Норский посад: [сборник] / Ярославль: Александр Рутман, 2005. - С.315-320; 2) Yermoline, E. La ville de Iaroslavl [Текст] / Е.А. Ермолин // Les sites de la memoire russe. Tome 1. - [Paris]: Fayard, 2007; 3) Углич – город детства, город смуты [Текст] / Е.А. Ермолин // Исторический город русской провинции – культурный универсум: сборник научных трудов. Ч. 2 / науч. ред. Т.С. Злотникова, Н.А. Дидковская. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2009. - С. 139-148; 4) Ярославль. Проблема имиджа [Текст] / Е.А. Ермолин // Имидж регионов России в отечественном и зарубежном контексте: в преддверии 1000-летия Ярославля. - Ярославль, 2009. - С.18-22; 5) Миф города Ярославля. Глава [Текст] / Е.А. Ермолин // Культурный универсум в предметном поле культурологии, истории, философии, искусствоведения, филологии: научный сборник: сборник научных трудов. Ч. 1. - Ярославль, 2009. - С.42-56.

11. Ермолин, Е.А. Миф и культура [Текст] / Е.А. Ермолин. – Ярославль : Александр Рутман, 2002.

12. Ермолин, Е.А. Ярославский стиль. [Текст] / Е.А. Ермолин. - М. ; Ярославль : ЯГПУ, 2007. - С. 3-21.

13. Каганович, Б.С. И.М. Гревс – историк средневековой городской культуры [Текст] / Б.С. Каганович // Городская культура: Средневековье и начало Нового времени. - Л., 1986. - С. 223.

14. Левинтов, А. Основания размышлений о системном мифе власти в советских и постсоветских городах [Текст] / Александр Левинтов // Городское управление. - 2005. - №12. - С. 14-22.
15. Лихачев, Д.С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст [Текст] / Д.С. Лихачев. - СПб., 1991.
16. Лотман, Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города [Текст] / Ю.М. Лотман // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам. XVIII. Учен. зап. Тартусского ун-та. Вып. 664. - Тарту, 1984.
17. Лурье, Л. Пять мифов Петербурга [Текст] / Лев Лурье. - http://student.km.ru/ref_show_frame.asp?id=58FFBF54E6414014B10C6ED275A2BBCF (31.08.2010)
18. Меркулова, А.С. Миф о городе в современной русской прозе (романы Д. Липскерова «Сорок лет Чанчжоэ» и Ю. Буйды «Город Палачей») [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Меркулова Алина Сергеевна. – М., 2006. - 203 с.
19. Мироненко, А. Это сладкое место [Текст] / Анна Мироненко // Огонёк. – 2010. – №34 (5143).
20. Митин, И.И. Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов [Текст] / И.И. Митин. - Смоленск: Ойкумена, 2004.
21. Митин, И.И. Культурная, гуманистическая и гуманитарная география через призму мифогеографии [Текст] / И.И. Митин // Гуманитарная география: научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 5 / отв. ред. И.И. Митин; сост. Д.Н. Замятин. - М. : Институт Наследия, 2008. - С. 87-110.
22. Найдорф, М. «Одесский миф» как миф (Ранние годы «одесского мифа») [Текст] / Марк Найдорф. - http://www.odessitclub.org/reading_room/naidorf/odesskiy_mif.htm (31.08.2010)
23. Нора, П. 1) Франция-память [Текст] / Пьер Нора. - СПб., 1999; 2) Поколение как место памяти [Текст] / Пьер Нора // Новое литературное обозрение. - 1998. - №30.
24. Подорога, В.А. Феноменология тела [Текст] / В.А. Подорога. - М., 1995. - С. 339.
25. Рахматуллин, Р. Две Москвы, или Метафизика столицы [Текст] / Рустам Рахматуллин. – М.: АСТ : Олимп, 2008. «Автор попытался посмотреть на Москву как на воплощение Божественного замысла, чудо его проявления» (с.9).
26. Свешников, А., Степанов, Б. Н.П. Анциферов. «Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность»: (Фрагменты) [Текст] / А. Свешников, Б. Степанов // Исследования

по истории русской мысли: Ежегодник: 2003. - М. : Модест Колеров, 2004. - С. 107-162.

27. Сказания Ростова Великого, записанные Александром Артыновым. Составление, предисловие, комментарии Ю.К. Бегунова [Текст] / Александр Артынов. - Б.м. : Буй Турь, 2000.

28. Топоров, В.Н. Петербург и петербургский текст русской литературы [Текст] / В.Н. Топоров // Метафизика Петербурга. Вып.1. - СПб., 1993.

29. Шерганова, И.П. Роль «городского мифа» в создании семиотики города (на примере Москвы и Петербурга [Текст] / Инна Шерганова. - Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». - 2007. - №1. - <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1/Sherganova/> (31.08.2010)

30. Шергин, Б.В. 1) Запечатленная слава [Текст] / Б.В. Шергин. - М. : Советский писатель, 1983; 2) Праведное солнце. Дневники разных лет [Текст] / Б.В. Шергин. - СПб. : Библиополис, 2009.

УДК 008:001.8

А.Г. Васильев

**Urban Studies:
классическое наследие – современное
состояние – перспективы развития**

Понятие города: от любви до ненависти, минуя дефиниции

Город всегда играл ключевую роль в социальной, экономической, политической, духовной истории человечества. Город (наряду с письменностью и государством) принадлежит к числу элементов известной «цивилизационной триады», возникновение которых ознаменовало выход человечества из первобытности и начало истории человеческих цивилизаций.

Город как многоликий Протей принимал самые разные исторические облики. Однозначное определение города сформулировать трудно, поскольку критерии отнесения к числу городских поселений расплывчаты как для исторических городов, так и для современных.

В современной литературе городу дают самые разнообразные дефиниции. Использование количественного признака демонстрирует большую вариативность в определении поселения как города в зависимости от страны и ее законодательства (в Германии городом считается всякое поселение свыше 2000 жителей, во Франции признается всякий центр административного округа не-

зависимо от численности населения и, кроме того, всякое поселение свыше 5000 жителей независимо от его административного значения и т.д.).

Экономические критерии несельскохозяйственного характера поселения, его вовлеченности в рыночный обмен и наличие глубокого разделения труда также не являются абсолютными. В истории города существовали и при господстве натурального хозяйства, существовали так называемые «земледельческие» города, во многих современных индустриальных поселках разделение труда носит довольно глубокий характер, одновременно граница между интенсивным и неинтенсивным разделением труда не определена.

Социальная структура и специфика социальных отношений проживающих также является основополагающим критерием при определении города. Так, известный историк и краевед Н.П. Анциферов определял город как место, приспособленное для общежития внутренне дифференцированной социальной группы сложного характера. К числу характеристик города сторонники социологического подхода относили высокую плотность населения и его многочисленность, социальную разнородность, анонимность и преобладание дистантных формальных отношений между людьми, формы безличной регуляции человеческой деятельности. Фактически при этом давалось описание общества эпохи Модерна, а город оказывался его воплощением. Однако при попытке приложить это определение к конкретным городам возникают проблемы. Встречаются города, преимущественно населенные людьми не только однородных социальных групп, но и одной профессии. В то же самое время села могут иметь гораздо более социально дифференцированный состав населения.

Пожалуй, наиболее очевидной, универсальной и бесспорной (и вместе с тем наименее схватываемой в формальных определениях) является культурологическая характеристика города как объекта вождения, вызывающего смешанные, но всегда сильные чувства. Город характеризует особая атмосфера и магнетизм. Это - среда, в которой человек имеет наибольшие возможности для самореализации. Вот как говорит о средневековом восприятии города, о «городской гордости» Ж.Ле Гофф: города «представлялись явлением необычным и для человека, жившего в эпоху возникновения городов, выступали как некая новая реальность, в том скандальном значении, которое придавало понятию новизны Средневековье», «трон славы — Иерусалим или престол зла — Вавилон, город всегда оставался для Средневековья символом экстраординарности», «силуэт величественных городских зданий... рождал у городского люда смешанные чувства, в коих преобладали гордость и восхищение. Го-

родское общество сумело создать ценности, в известной мере общие для всех жителей, — ценности эстетические, культурные, духовные» [9]. В свою очередь В.Беньямин, говоря о Париже уже XIX столетия, отмечал, что, разрушая средневековое пространство, буржуазная эпоха создавала новые храмы потребления, волшебные, очаровывающие и захватывающие пространства торговых галерей, универсальных магазинов и великих торговых улиц. Потребительская экономика обладает мифическим измерением, превосходящим по силе воздействия досовременные общества (бесконечность повторения одного и того же, огромное производство бессмысленных и повторяющих друг друга пустяков). Самый устойчивый троп, характеризующий город у Беньямина, — лабиринт. Старые мифические лабиринты исчезали, но на их место приходили новые. Фантастические храмы потребления возникли на месте разрушенных «османизацией» средневековых кварталов. Бульвары и авеню открыли доступ к огромным торговым галереям, универсальным магазинам. Центр города был очищен для свободы потребления. Использовались сталь, стекло, иллюминация газовым освещением, сначала в общественных зданиях, а затем — при постройке коммерческих предприятий. Реклама изменила режим восприятия городского пространства. Лабиринт городского пространства был воссоздан снова, но с использованием значительно более мощных медиумов, чем старые камень и дерево. Соединение новых технологий, новой архитектуры и маркетинга создало новую природу самого опыта. Посетитель торговых галерей покидал свой привычный мир и попадал в особое утопическое и мифологическое пространство счастья и изобилия, в котором господствует «товарный фетиш». Пассажи, говорит Беньямин, — место детских снов и мечтаний эпохи, а мировые выставки — места паломничества [20].

Из города бегут, его ненавидят, но он постоянно притягивает к себе. Это — своеобразный «аттрактор личности и общества». Город всегда вызывал к себе крайне эмоциональное отношение. Библия, например, задает антигородскую линию понимания города. Основателем первого города был Каин, которому подражали все злодеи и враги Бога. Праведники же и патриархи вели негородской образ жизни. Для основоположников марксизма город, напротив, — нормальная среда обитания человека. Поэтому Маркс и Энгельс видели величайшую историческую заслугу капитализма в том, что он перемещает огромные массы людей в города, вырывает их «из идиотизма деревенской жизни» [11; 427].

Мрачный певец «мировых столиц», О.Шпенглер говорит о городе так: «...никакая нужда, никакая принудительность, даже никакое ясное понимание полного сумасбродства такого развития

не уменьшает притягательность этого демонического образования. ...Город-гигант жадно высасывает сельский край... пока наконец не обессиливает и не умирает посреди едва обитаемой пустыни. Тот, кто поддался однажды обаянию греховной красоты этого последнего чуда всей истории, более никогда от него не освободится. ...Ностальгия по большому городу, быть может, сильнее всякой другой... Такой человек скорее умрет на мостовой, чем вернется на село» [16;105].

Представляется, что к городу можно применить высказывание Э.Гидденса о позитивизме, который британский социолог назвал скорее эпитетом, лишенным точного значения, но нагруженным массой эмоций.

Однако неизменно город воспринимался в первую очередь как динамичная среда инновационной активности, открывающая человеку более широкие возможности мобильности и самореализации.

Рефлексия о городе как источник трансформаций социальной мысли

Город не только менял мир вокруг себя, трансформировал он и саму мысль об обществе, изучение города требовало изменить прежние представления о мире.

Осмысление полиса привело к формированию рационально-критического взгляда на мир, составившего конкуренцию господствовавшей до того времени мифологической картине мира. Мир города-полиса был понят как мир отличный от природы, мир, в котором властвует человек, который он может создавать и менять по своему усмотрению, а, значит, и познавать в полной мере. Таким образом, созданная социально-культурная человеческая реальность отделилась от изначально данной природной. Так, было осознано деление мира на естественную и искусственную сферы с присущим каждой особым типом рефлексии. Синкретическое единство мира и некритическая форма его восприятия, присущие мифу, были поставлены под сомнение.

Подъем городов в период Высокого средневековья также привел к изменению взгляда на общество и на мир в целом. На смену простой вертикальной трехчастной концепции устройства социального мира (молящиеся, воюющие, трудящиеся) пришли концепции сложного устройства общества, состоящего из людей различных «родов» и «служб». Постепенно пришлось признать наличие многообразных путей к спасению, возможность праведной жизни в миру, среди разнообразных мирских занятий, возникло представление об «обычной жизни», не абсолютно грешной и не абсолютно праведной, после которой человек может попасть в Чистилище.

Ренессансные утопии идеальных городов проложили путь к социальной мысли Нового времени, поставившей перед собой задачу сделать человека счастливым уже на земле, устремив его не только к Раю небесному, но и создав для него Рай земной с городскими очертаниями. Возникшая из этого порыва социология сделала город одним из приоритетных объектов своего изучения.

Однако город оказался настолько многогранным объектом анализа, что ему практически сразу стало тесно в рамках одной дисциплины. Фактически urban studies в качестве междисциплинарной области исследования существовали уже с 1920-х гг. Однако соответствующий журнал стал выходить только с 1969 года.

Город как «эпицентр современности»

Научно-теоретическое осмысление города началось в рамках классической социологии и антропологии. Основной проблемой этих дисциплин была модернизация. Социология должна была объяснить причины перехода от традиционного общества к современному и концентрировала свое внимание на современности, а антропология изучала исходную точку развития и сосредотачивалась на традиционном, примитивном обществе. Господствовавшая всю вторую половину XIX века эволюционистская доктрина увязывала социологию и антропологию воедино, поскольку, изучая социальную эволюцию, социолог должен был обратиться к «истокам» (т.е. к антропологии), а антрополог заглянуть вперед, в направлении следующих за дикостью и варварством ступеней развития и попасть, таким образом, в сферу социологии.

Были созданы теории перехода от «военно-феодальной» системы к «промышленно-научной» (Сен-Симон), от «статуса» к «контракту» (Мейн), от «военного общества к промышленному» (Спенсер), от «предыстории» к «истории» человечества (Маркс). В начале XX в. оптимизм предыдущей эпохи несколько угас, но дихотомические схемы остались, поменяв лишь знаки оценки традиционного и современного. Шпенглер, Тённис, Кули, каждый по-своему опасались последствий тотальной урбанизации для человека и общества.

Город в этой системе координат выступал воплощением современности и приоритетным объектом внимания социологии. Именно с изучения города в аспекте социальных трансформаций (в первую очередь связанных с притоком мигрантов) впервые в мире в начале XX в. началась институционализация социологии как науки в лице Чикагской социологии города.

Предметом исследований Чикагской школы был город вообще и Чикаго в особенности, все социальные процессы, происходящие в его пределах. Круг интересов представителей Чикагской

школы не сводится к социологии города в современном её понимании. Он включал в себя проблемы социологии религии, семьи, политической социологии, социальной психологии, социальных изменений и т.д. Такая разносторонность объяснялась тем, что, по мнению ведущего чикагского теоретика Роберта Парка, все социальные проблемы сегодняшнего дня в сущности являются городскими. Все вопросы жизни современного общества так или иначе оказываются неразрывно связаны процессами урбанизации.

Город в данном случае становился той "лабораторией", в которой было удобно изучать самые разнообразные аспекты жизни современного общества, а социология города – социологией как таковой.

Проводилось картографирование городского пространства, внедрялись визуальные методы. В социологию вошел метод полевого этнографического исследования, основанного на включенном наблюдении.

Социология не мыслилась здесь в отрыве от антропологии, психологии, философии. Поэтому можно сказать, что в Чикаго сложилась скорее школа социальных наук, urban studies как междисциплинарное предприятие. Таким образом, был заложен междисциплинарный комплексный подход к изучению города.

На излете влияния Чикагской школы созданы «идеально-типические» конструкции города и его противоположности. В 1938 г. чикагский социолог Льюис Вирт опубликовал статью «Урбанизм как образ жизни» [27]. Одновременно другой чикагский социолог Роберт Редфилд создавал концепцию «антигорода», этнического сообщества [26].

Идеальное этническое сообщество, по Редфилду, характеризуется полной противоположностью современному городу. Оно должно быть изолированным, с минимальными контактами с внешним миром, бесписьменным, основанным на устной коммуникации, для него характерно сходство индивидов, традиционализм, разделение труда и знаний по признаку пола, высокая степень солидарности, самодостаточность, единство культурных норм, гармония и целостность жизни, отсутствие разделения на сферы.

Город, по Вирту, напротив, характеризуется широким кругом контактов, глубоким разделением труда, зависимостью каждого от многих людей, большой численностью населения и его гетерогенностью, анонимностью контактов, поверхностным характером общения, изменчивостью, нестабильностью и космополитизмом.

Думается, что в этих построениях несложно увидеть следы влияния концепций «механического» и «органического» типов солидарности Дюркгейма или оппозицию «общность/общество» Тённиса.

В послевоенный период теория модернизации и эволюционизм переживали ренессанс под влиянием американского неозволюционизма и социологии Т. Парсонса, также взявшего в поздний период творчества на вооружение эволюционистские подходы. Внешним стимулирующим фактором выступал процесс деколонизации.

В это время уже антропологи начинают обращаться к изучению процессов урбанизации в бывших колониях, вступивших на путь самостоятельного развития. Особенно важную роль здесь сыграли антропологи Манчестерской школы Макса Глюкмена, связанные с Институтом Родеса-Левингстона в Замбии (с 1964 г. – Институт социальных исследований). Их работы показали, как традиционные культуры трансформируются в городском пространстве. Социальная логика городской жизни видоизменяет традиционный мир. Здесь уже антропологу приходится быть социологом и понимать, что «африканский житель города – это житель города, африканский шахтер – это шахтер» [23;163].

Таким образом, город в социологической мысли, ориентированной на классические подходы, выглядел как идеальнотипическая модель современного общества, динамичного общества будущего, противостоящего традиционному миру деревни.

Город как текст, зрелище и мемориальный ландшафт

По мере кризиса и угасания доверия к «большим теориям» в виде концепции модернизации и однолинейной социальной эволюции *urban studies* также изменялись. В них проявилось влияние лингвистического и визуального «поворотов», подъема интереса к телесности и культурной памяти, структуралистской и постструктуралистской методологий [4,5,6,8,17].

Кевин Линч в 1960 году публикует работу «Образ города» (русский перевод см. 10), где уже говорит о том, что город можно читать как текст, а его структура подобна художественному произведению.

Чтение и речь стали трактоваться как фундаментальные метафоры городского существования. В соответствии с этой перспективой не только специалисты критически анализируют, «прочитывают» городской ландшафт, но и, что даже более важно, – он постоянно и некритически «прочитывается» живущими в нем своей повседневной жизнью людьми.

Плодотворной поэтому для анализа города оказалась дихотомия «языка» и «речи» Ф. де Соссюра. В планировке города градостроитель зафиксировал некий «язык», но каждый гуляющий, создающий свою ментальную карту городского пространства, творит в его рамках свою индивидуальную «речь». Житель города, ежедневно

ходящий по его улицам фланёр, и есть «тот самый читатель», рождение которого празднует Р.Барт, оплакивая смерть автора.

Привлекли внимание исследователей практики формирования «моего» городского пространства, способы вычерчивания индивидуальных ментальных карт, при помощи которых происходит самоактуализация и саморепрезентация личности (human geography и др.). Это напоминает поворот от «лингвистики слушателя», идущего от текста к смыслу, к «лингвистике говорящего», идущего от смысла к тексту, к которому призывал Р.Якобсон.

Также на роль методологии «прочтения» города предлагается и философия языка Витгенштейна. Используются такие его понятия, как «языковая игра», индивидуальный язык (частные и публичные пространства), язык, свободный от многозначности [15].

Возникла проблема анализа соотношения между «моим» прочтением и прочтением, навязываемым мне извне при помощи властных стратегий правящих. Это актуализировало для urban studies идеи «микрофизики власти» М.Фуко. «Если ландшафты – это тексты, который прочитывается и интерпретируется в соответствии с определенной в культуре рамкой интерпретации, если часто они читаются непреднамеренно, на практическом и недискурсивном уровнях, то они, следовательно, могут быть внедрены свои читателям вместе с набором понятий относительно того, как организовано общество, а читатели могут и не осознавать этого. Если это пространство настолько является близким и родным, естественным, не ставящимся под сомнение, то такая информация может легко стать свидетельством того, как ему следует быть организованным» [24;6].

Так, профессором Андреасом Хьюссеном из Колумбийского университета была создана концепция чтения «городского палимпсеста» [24]. Этот подход основывается на том, что литературные техники прочтения исторически, интертекстуально, конструктивно, деконструктивно одновременно могут быть вовлечены в понимание городского пространства как живого пространства коллективного воображения. С этих позиций им рассматриваются послевоенный Берлин, Times Square в Нью Йорке, Мемориальный парк памяти жертв государственного террора в период военной диктатуры в Буэнос-Айресе и т.д.

Активно развивалась в последнее время визуальная антропология города. Уже с конца XIX-начала XX вв. исследователи снимали городских бедняков Чикаго и Лондона. Во второй половине XX в. получили широкое развитие исследования меняющихся жизненных стилей и культурных форм городского населения, изучение городских «карт памяти», анализ символических способов

организации городского пространства. При этом инструментарий визуальной антропологии позволил учёному «снимать» никак иначе не фиксируемые пласты информации [13, 14].

«Поворот к телесности» в urban studies выразился в развитии пострепрезентативных теорий, отказе от приоритета визуального, перенесении акцента на телесное переживание города, изучение телесного опыта городской жизни [7].

Важное место занимает сегодня изучение города как «мемориального ландшафта» в контексте memory studies. Еще несколько десятилетий назад в контексте изучения городской повседневности Анри Лефевр и Мишель де Серто исходили из того, что в памяти людей накапливается исторический опыт городской жизни, выраженный в языке и знаках предметного мира.

Пространство вообще (и городское в частности) аккумулирует в себе исторический опыт. Кроме того, пространство может сознательно проектироваться имеющими над ним власть с тем, чтобы закрепить важные для них элементы прошлого. Пространство направляет память, будучи её «рамкой» (М.Хальбвакс), вызывая к жизни определенные воспоминания и создавая тем самым те или иные идентичности.

Как известно, французским историком П.Нора была разработана концепция «мест памяти» (не обязательно пространственных), с которыми связана идентичность группы, которые подвергались переинтерпретации на протяжении истории, в которые группа вкладывала свое воображение. Как бы развивая ее, французский антрополог М.Оже говорит о городе как памяти [12]. В городе каждый житель сам устанавливает свои особые отношения с памятниками и памятливыми местами. Он вырабатывает постоянные маршруты, соотнесенные с памятниками и памятливыми местами на поверхности, и связывает их со станциями метро.

Городские «ландшафты памяти» – реальные или символические пространства, в которых коллективная память получает пространственное оформление. В отличие от «хронотопа» Бахтина в этом понятии подчеркивается подвижность и текучесть ландшафта, зависимость его образа от перспективы рассмотрения. «Ландшафт памяти» может приобретать и материальные формы, но конституируется как таковой он только в воображении тех, кто соотносит с ним себя. Они не могут создаваться абсолютно произвольно. Поэтому планируя стратегию социальных трансформаций и соответствующую им политику памяти, необходимо учитывать уже сложившиеся «места» и образы коллективной памяти.

На окраинах городов, по Оже, концентрируются «не-места», деградировавшие пространства [18]. Места, где большие

массы людей долго пребывают вместе (отели, аэропорты, коммерческие или сервисные центры, склады, автодорожные развязки), но которые не создают идентичности и рамки общей памяти. Это - переходные, транзитные пространства, которые нужно миновать для достижения цели.

Городское пространство наделяется смыслами и значениями, мифологизируется. Оно может подвергаться разного рода прочтениям, в нём могут происходить конфликты. Это и место формирования идентичности, и место борьбы, символического насилия. Лех Нийяковский предложил чрезвычайно релевантный для изучения городского пространства термин «символический домен» [25]. Это - территория, над которой определенная группа символически доминирует, т.е. господствует над важными символами или знаками для данной группы (здания, памятники, памятные доски и т.п.), которые выполняют функции знаков контроля над временем и пространством и становятся тем самым знаком групповой идентичности. Доминирование может сопровождаться сознательным стиранием нежелательной памяти. Доминирование это, однако, не может быть абсолютным. Пространства городской памяти всегда несут в себе потенциал сопротивления, «контр-памяти».

З.Бауман – подчеркивает, что наша (пост)современность характеризуется смещением акцента памяти и идентичности с времени на пространство [19]. Новое время, Модерн, было эпохой истории, когда идентичность формировалась преимущественно историческим нарративом, который связывал и упорядочивал прошлое и настоящее, отвечая на вопрос «кто мы есть?» через вопрос «кем мы были?». Разрыв времен, созданный модернизацией, заполнялся историческими повествованиями, создававшими континуитет. Новые явления, нации, институты нуждались в исторической легитимации. Человек Нового времени, по Бауману, боялся хаоса и искал порядка в истории, во временном упорядочивании своей идентичности, которую он хотел сделать стабильной и устойчивой. Человек же эпохи постмодерна, напротив, боится порядка, его идентичности неустойчивы, множественны, не отличаются длительностью. Время и его протяженность, гарантированная порядком официальной истории, не очень существенны для него. Главным моментом времени становится настоящий момент, характерным становится презентизм. Нарастает роль пространства в мемориализации и выстраивании идентичности. Именно поэтому организация мемориального урбанистического пространства становится важнейшей стратегией современной политики, направленной на социальные трансформации и инновации.

Будущее urban studies, или город в «глобальной деревне»

В связи с поставленным вопросом существенно важными являются дискуссии о судьбе города в информационную постиндустриальную эпоху. Город сегодня подвергается глобальным трансформациям, касающимся характера связей, объединяющих само городское население и город с окружающим его пространством. Поэтому футурологи часто говорят о том, что город теряет свое значение и должен прекратить свое существование в прежнем виде.

З.Бауман отмечает, что в современном глобальном мире нет устойчивой связи территории, группы и культуры. «Места», с которыми себя идентифицируют сообщества, все чаще приобретают виртуальный характер [2;19]. Развитие электронных коммуникаций и информационных систем позволяют удовлетворять повседневные потребности вне зависимости от пространственной близости. Возникла категория работающих on-line. Растет значение дома, оснащенного компьютером. Именно он, а не традиционное городское пространство становится все больше центром жизни человека. Пространственная организация начинает подчиняться распределению функций в информационных сетях.

Исследования показывают, например, что в современных европейских городах средних размеров сетевые связи города с регионом гораздо слабее, чем связь между городами отдельных регионов [21;237]. Территории, окружающие глобальные центры, теряют свое былое значение. Формируется иерархия мировых центров в определенных сферах деятельности.

Большая часть населения глобальных мегаполисов (особенно в развивающихся странах) практически не имеет отношения к функционированию этих городов, составляя их дисфункциональное окружение.

На месте промышленного города возникает информационный город. Формируются города нового типа, мегагорода. Они связаны с глобальным миром и сегментами своих стран, но одновременно внутренне разделены на функциональные части и популяции, не участвующие в глобальной коммуникации или просто деструктивные. Это – конstellации пространственных фрагментов, функциональных фрагментов и сегментов, соединенных на огромных расстояниях.

«Глобальный город, - пишет М.Кастельс, - это не город, а процесс. Процесс, в результате которого центры производства и потребления высокосложных услуг и их вспомогательные сообщества связываются в глобальную сеть на основе перетекания информации, ослабляя одновременно свои связи с собственной периферией в стране» [22;414]. Новая логика производственного

пространства связана уже с процессами перетекания информации, которые соединяют или разъединяют, в зависимости от своих потребностей, территориальные единицы.

Формируется глобальная архитектура глобальных городов, лишенная связи с какой-либо исторической традицией и создающая единую гомогенную мировую инфраструктуру для новой менеджерской элиты (аква-парки, клубы, развлекательные центры), отделенные от остального города. «Все эти предприятия, - пишет М.Оже, - могут быть названы «мыльными пузырями имманентности»..., где, в каком бы месте планеты они ни находились, воспроизводится стандартизированный фирменный стиль, набор услуг и товаров. ...они порождают закрытые миры, маркированными стандартизированными пластическими, архитектурными, музыкальными и текстуальными знаками» [12].

Люди продолжают жить в городах, но их значение и тип динамик меняются. Город распадается на сегменты, наиболее «продвинутые» из которых связаны с глобальным миром и мало связаны с остальными частями города. Отсюда возникает проблема взаимопонимания, коммуникации и межкультурного диалога между этими столь различными городскими пространствами, которые даже в пределах формально одного города живут в разных эпохах и измерениях. Волнения в эмигрантских кварталах европейских столиц лишней раз подтверждают актуальность этой проблемы.

Думается, что город как пространство «наибольшего благоприятствования» для социальной мобильности и креативности, сохранится, пройдя через определенные исторические трансформации. Что же касается urban studies, то эта область, очевидно, найдёт себя в новой эпохе в тесном контакте с media studies и изучением коммуникаций, memory studies и анализом идентичностей, visual studies и cultural studies.

Примечания

1. Анциферов, Н.П. Пути изучения города как социального организма [Текст]. – Л., 1925.
2. Бауман З. От паломника к туристу [Текст] // Социологический журнал. – М. – 1995. – №4.
3. Город как социокультурное явление исторического процесса [Текст] / отв. ред. Э. В. Сайко. – М. : Наука, 1995;
4. Иванов Вяч.Вс. К семиотическому изучению культурной истории большого города [Текст] // Иванов Вяч.Вс. Избранные

руды по семиотике и истории культуры. Т. IV. – М. : Языки славянских культур, 2007.

5. Замятин, Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов [Текст]. – М. : Знак, 2006.

6. Замятин, Д. Н. Географические образы в культуре: методологические основы изучения [Текст] // Культурная география / науч. ред. Ю.А.Веденин, Р.Ф.Туровский. – М. : Институт Наследия, 2001.

7. Запорожец, О., Лавринцев, Е. Хорография беспокойства в транзитных местах: к вопросу о новом понимании визуальности// Визуальная антропология: городские карты памяти [Текст] / под ред. П. Романова, Е.Ярской-Смирновой. – М. : ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009.

8. Лавренова, О.А. Пространства смыслов: семантика культурного ландшафта [Текст]. – М. : Институт Наследия, 2010.

9. Ле Гофф Ж. Цивилизация Средневекового Запада. Режим доступа http://lib.aldebaran.ru/author/le_goff_zhak/le_goff_zhak_civilizaciya_s_rednevekovogo_zapada/le_goff_zhak_civilizaciya_srednevekovogo_zapada__1.html Последнее посещение 5.11.2010.

10. Линч, К. Образ города. – М. : Стройиздат, 1982.

11. Маркс, К., Энгельс, Ф Манифест Коммунистической партии [Текст] // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 4. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1955.

12. Оже, М. От города воображаемого к городу-фикции // Художественный журнал, 1999, № 24. Режим доступа <http://www.guelman.ru/xz/362/xx24/x2402.htm> Последнее посещение 02.11.2010.

13. Семенова, В. Картирование городского пространства: основные подходы к визуальному анализу [Текст] // Визуальная антропология: городские карты памяти / под ред. П.Романова, Е. Ярской-Смирновой. – М. : ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009.

14. Трубина, В. Видимое и невидимое в повседневности городов [Текст] // Визуальная антропология: городские карты памяти / под ред. П.Романова, Е.Ярской-Смирновой. – М. : ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009.

15. Хитров, А.В. «Границы моей речи указывают на границы моего...» города: городские пространства и языковые игры в «Нью-йоркской трилогии» и «Храме Луны» Пола Остера [Текст] // Культура и форма. Сб. научных трудов к 60-летию А.Л. Доброхотова / под ред. А.И.Болдырева. - М. : Издательский дом Государственного университета Высшей школы экономики, 2010.

16. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории [Текст] : Т.2. Всемирно-исторические перспективы. – М. : «Мысль», 1998.

17. Ярская-Смирнова Е., Романов П. «Город затейный...». Калейдоскопическое жизненное пространство [Текст] // Визуальная антропология: городские карты памяти / под ред. П.Романова, Е.Ярской-Смирновой. – М. : ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009.

18. Augé M. Non-Lieux. Introduction à une anthropologie de la surmodernité. P. Édition de Seuil. 1992.

19. Bauman Z. Mortality, Immortality and Other Life Strategies. Cambridge. Polity Press, 1992.

20. Benjamin W. Paris, capitale du XIX-e siècle. Режим доступа:
http://classiques.uqac.ca/classiques/benjamin_walter/paris_capitale_19e_siecle/paris_capitale.html. Последнее посещение 29.10. 2010.

21. Cappelin R. International networks of cities//Innovation Networks: Spatial perspectives/ed. by R.Campani. L.: Belhaven Press, 1991.

22. Castells M. Społeczeństwo sieci. Warszawa. Wydawnictwo Naukowe PWN, 2010.

23. Hannerz U. Odkrywanie miasta. Antropologia obszarów miejskich. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagellońskiego, 2006.

24. Huysen A. Present past. Urban Palimpsest and the Politics of Memory. Stanford, Stanford University Press, 2003.

25. Nijakowski L.M. Domeny symboliczne. Konflikty narodowe i etniczne w wymiarze symbolicznym. Warszawa. Wydawnictwo naukowe Scholar. 2007.

26. Redfield R. The Folk Society// American Journal of Sociology. 1947, № 41.

27. Wirth L. Urbanism as a Way of Life//American Journal of Sociology. 1938, № 44.

УДК 008:001.8

И.В. Кондаков (Москва)

Город как текст:

Структура, культурная семантика, смысловая динамика

Как известно, город можно изучать в различных аспектах: историческом и географическом, социологическом и демографическом, политологическом и экологическом (число подобных аспектов можно продолжить). Среди множества подходов к осмыслению феномена города один отличается особой многомерностью

– культурологический. Своеобразие его заключается не только в принципиальной междисциплинарности, но и в способности включать в себя разнородные, гетерогенные и трудно сочетающиеся между собой компоненты: искусство, науку, религию, мифологию, философию, повседневность. Все эти и другие компоненты в равной мере представляют собой культуру в ее различных измерениях и в качестве таковых являются полноценным предметом культурологической рефлексии. Парадоксальность культурологии как гуманитарной науки особого рода в том и состоит, что наука и мистика, религия и атеизм, материализм и эзотерика, искусство и кич, политическая конъюнктура и рекламный пиар могут рассматриваться в одном смысловом ряду как феномены культуры, а нередко – и как элементы одного культурного текста, неизбежно мозаичного и «эклетичного», но в то же время составляющего целостное единство.

Все это приходится иметь в виду, когда мы имеем дело с городом как текстом. Лично я впервые задумался над своеобразием текста города еще в самом начале своей научной деятельности, когда приехал в 1969 г. в Ленинград на студенческую научную конференцию, которая проходила в ЛГПИ им. Герцена (ныне РГПУ им. Герцена). Мои коллеги по конференции, коренные питерцы, устроили для меня и других гостей Северной столицы небольшую экскурсию по городу, где среди прочих культурных и литературных достопримечательностей нам показали дом, подъезд и квартиру, «где жил Раскольников». Почти 20 лет спустя в том же городе, уже носившем имя С.-Петербурга, я столкнулся с продолжением этого сюжета. Мои коллеги из Пушкинского Дома (среди них были известный «древник» член-корреспондент РАН Л.А. Дмитриев, известный пушкинист доктор филологических наук С.А. Фомичев, позднее к нам присоединился знаменитый академик А.М. Панченко) привели меня в какое-то мрачноватое полуподвальное помещение под сводами на Литейном, и торжественно объявили мне, что мы находимся в историческом месте: в том самом трактире, где познакомились Раскольников с Мармеладовым. Так я впервые узнал, что в текст города органически входит, наряду с атрибутами реальности, легендарное – мифологическое и литературно-художественное – содержание, а некоторые компоненты культурного текста города как целого являются принципиально неverifiedируемыми. Это неverifiedируемое, хотя и подлежащее научному изучению *смысловое ядро* текста города и является тем, что Н. Анциферов метафорически-емко назвал «душой» города (Петербурга, к примеру, или любого иного).

1. Феноменология города

В основании любого текста города лежит его *имя*. Можно сказать, что текст города – это нарратив, развернутый вокруг имени города и так или иначе коррелирующий с этим именем, – своего рода *имеславие города*. Это касается не только исторических названий (в том числе топонимов), но и переименований города, что приводит к трансформации и расслоению городского текста на городской текст *до* и *после* переименования (ср., например, все советские и постсоветские переименования: С.-Петербурга, Царицына, Симбирска, Екатеринбурга, Перми, Вятки, Самары и т.п.). Это касается и скрытых или явных аллюзий имени города с другими городами (Рим, Иерусалим, Константинополь, Вавилон и т.п.), что часто выполняет важную культурную и политическую функцию (религиозную, мифопоэтическую, идеологическую и пр.). Наконец, немаловажно это для ассоциативной интерпретации вымышленных городских наименований (Скотопригоньевск у Достоевского; Старгород, Арбатов и Черноморск – у Ильфа и Петрова и пр.).

В подобных именных нарративах наблюдается причудливая, подчас фантастическая контаминация исторического, географического и мифологического пластов смысла, трудно отделимых друг от друга. Объектами нарратива могут быть реальные географические и природные объекты, действительные исторические события и лица, равно как и вымышленные, являющиеся плодом коллективной (например, фольклорной) или индивидуальной (художественной) фантазии. Все образы и идеологемы города, независимо от их происхождения (мифического, религиозного, исторического, политического, литературного и т.п.), сохраняются в культурной памяти города, если они востребованы общественным мнением населения, и нередко материализуются и институализируются в социальном «теле» города, его ландшафте и архитектурном облике, в социокультурных практиках и духовной жизни на каждом этапе истории города.

Открытие академиком В.Н. Топоровым «петербургского текста русской литературы» породило целую серию исследований типологически различных городских текстов: московского, крымского, пермского, воронежского, орловского, псковского, киевского, одесского, сибирского (так или иначе ориентированного на литературные воплощения). Постепенно возник интерес к изучению и зарубежных текстов города – мюнхенского, венского, лондонского, римского, парижского, амстердамского, нью-йоркского и т.д. В результате многочисленных текстуальных исследований выяснилось, что городские тексты отличаются друг от друга своей структурой, ценностно-смысловым наполнением, пафосом, каж-

дый раз соотносенными с городскими реалиями и традицией восприятия образа города и его «идеи», его концептосферы, тесно связанных с именем города или его именами (официальными и неформальными, коллективно признанными или индивидуальными, письменно зафиксированными или относящимися к устной традиции, сакральными или табуированными и т.п.).

Городской текст может быть вписан в определенный географический и исторический контекст, но для культурологии еще важнее контекст культурный – мифопоэтический, сакрализованный или философский, художественно-эстетический или идеологический.

В современных культурологических исследованиях обращают на себя внимание два методологических подхода к изучению культуры, обладающих, с одной стороны, теоретической глубиной и обобщенностью, а также высокой продуктивностью анализа; с другой же стороны, характеризующихся исключительной автономностью и независимостью друг от друга, в некотором смысле — даже взаимной несовместимостью. Согласно первому из них, *феноменологическому*, исследуемый имманентно мир феноменов культуры — это совокупность “чистых сущностей”, “идей”, интеллигибельных, т. е. по самой своей природе доступных не чувственному, а собственно интеллектуальному созерцанию, и задача философского познания культуры состоит в том, чтобы минимизировать наслоения различных преходящих, чувственно-эмпирических, привнесенных извне, субъективных смыслов, затемняющих подлинную сущность изучаемого предмета и, следовательно, интенциональность понимающего сознания. Другой важный современный методологический подход к изучению культуры — *социокультурный*, рассматривающий динамику культуры во взаимосвязи с социальной динамикой и, как правило, в зависимости от последней; тем самым выявляется интегральная социодинамика культуры, объясняющая как функциональные, так и исторические изменения в культуре.

По видимости, изучение *феноменологии* культуры и ее *социодинамики* представляет собой неразрешимое противоречие: феноменология статична и умозрительна, она имеет дело с духовными метафизическими сущностями, в принципе неизменными и априорными; что же касается социодинамики, то она обращена к социальным и культурным процессам, развертывающимся в самой действительности и неотрывным от чувственного опыта и практики людей. Далее, феноменология – со времени ее глубокого обоснования Э.Гуссерлем – как непосредственное умозрение чистых сущностей противостоит в равной мере наивным “теоретико-

познавательным заблуждениям” – натурализму и историцизму, а вместе с тем их методологическим следствиям – эмпиризму и скептицизму, в то время как социодинамика имеет дело именно с социокультурной эмпирикой и с историческим реконструированием духовных образований, то есть с методами, свойственными историцизму. Тем не менее уже Гуссерлю было очевидно, что в научном познании невозможно уйти от ясного уразумения “отношения между изменчивой значимостью и значением объективным”, от “различения исторически значащего и объективно значимого”, от необходимости сравнивать и философски определять отношение *идеи* (“идеальных нормативных принципов” значения) и “ее [идеи] затемненной феноменальной формы” (“культурного образования”) [1].

За всеми приведенными здесь парами смысловых противопоставлений вырастает серьезная и трудно решаемая научная проблема – показать внутреннюю взаимосвязь между *статикой* культуры (феноменологической системностью) и ее *динамикой* (социокультурным развитием). Речь, таким образом, идет о соотношении в социокультурной истории России факторов постоянства и изменчивости, содержательной системности и динамики в качестве единой имманентной логики саморазвития русской культуры. Применительно к культурологической проблематике города это означает, что, с одной стороны, необходимо различать город как *феномен* той или иной культуры (национальной, региональной, эпохальной) и *социодинамику города* (включая формирование и развитие городской культуры, социальное функционирование ее атрибутов в различных стратах и группах городского сообщества, становление и метаморфозы урбанизации городской жизни и т. п.); с другой же стороны, столь же необходимо увидеть взаимосвязь и взаимозависимость этих двух аспектов культурологии города, тем более, что между ними существует зависимость, не исчерпываемая социокультурным детерминизмом, понимаемым как порождение материальным – духовного и социально-экономическим – культурного, но и подразумевающая влияние ментальных структур общества на образование его социальных институтов, духовной атмосферы на экономическую и политическую жизнь, культурных представлений на самоорганизацию общества на всех уровнях его строения.

Современное культурологическое знание в России, как правило, неспособно совместить системность и структурную упорядоченность культуры в ее *статике* (типологические и морфологические модели, система категорий, иерархия норм и ценностей, соподчиненность рефлексивных уровней и страт и т.д.) с кажущейся

бессистемностью и логической неупорядоченностью культурной динамики. Возникающая в культурно-историческом знании дилемма между *жесткой и неподвижной структурностью* культуры как целого, с одной стороны, и ее *процессуальной атаксией* (беспорядочностью), с другой, свидетельствует в большинстве случаев о теоретической беспомощности современной отечественной культурологии перед философско-исторической проблематикой и историческим дискурсом вообще. Так, например, при изучении городской культуры с большим трудом удастся совместить культурфилософский подход к городу как особой *культурно-смысловой метаструктуре* (предполагающий осмысление метафизики города, его мифологем и архетипов, города как особого текста — со своим культурным языком, символикой, семиозисом, алгоритмами культурно-исторического развития и т. п.) и городу как *социокультурному феномену* (историческому типу расселения, социальной организации, фокусу урбанизационного процесса, носителю градостроительных традиций, объекту исторической топографии или социального проектирования и диагностики, ядерному компоненту городской среды и различных коммуникаций и т. д.) [2].

Моделирование смысловых метаструктур, “снимающих” в себе различие социального и культурного, позволяет выявить принципиальное единство социокультурной истории. В тех же случаях, когда социальные реалии и культурные значения исторического процесса расходятся и контрастируют между собой, смысл истории в представлениях исследователей как бы двоятся: ее социальное и культурное измерения образуют две различные ценностно-смысловые плоскости, между которыми разворачиваются каждый раз если не прямо конфликтные, то во всяком случае весьма неоднозначные диалогические отношения.

Мысль исследователя социокультурной истории вынуждена постоянно совершать колебательные движения: от поля культурных значений — к полю социальных реалий; те и другие призваны взаимно освещать друг друга, корректируя семантику истории. И этот маятникообразный процесс совершается отнюдь не в одном сознании исследователя, но одновременно отражает объективную противоречивость *феноменологии* данной культуры, то обостряющуюся, то сглаживающуюся (особенно контрастную и драматичную в случае русской истории, чреватой в кризисные свои моменты, как никакая иная, расколом и конфронтационностью, а потому обладающей и высокой степенью драматизма, и непредсказуемости). Именно в русской истории заметно особенно контрастное расхождение между феноменологией города, апеллирующей к мифологическим и религиозно-мистическим представлениям, к философской и бого-

словской метафизике, и социокультурными реалиями городской жизни: достаточно вспомнить столь характерное для русской культуры отчуждение символики имени города (например, “Москва — Третий Рим”) и эмпирического существования как типа поселения, столицы “Московии”, Московского царства, как важного компонента древнерусской цивилизации.

Вместе с тем следует отметить, что именно в тех случаях, когда дихотомичность социокультурного развития достигает особенно напряженных и конфликтных форм, культура, характеризующаяся внутренней поляризацией социальных и культурных структур, оказывается исключительно адаптивной, исподволь приспособляющейся к постоянно меняющимся историческим условиям, пластичной, то есть наиболее соответствует динамичному контексту, в котором она функционирует и развивается. Отсюда происходит ее гибкая устойчивость по отношению к внешним изменениям и ценностно-смысловая стабильность ее семантики, диалогически соотношенной с историческим фоном. Отсюда же берет свое объяснение и исключительная историческая выживаемость русской культуры в крайне неблагоприятных для нее социально-исторических условиях.

Наблюдения за более чем тысячелетним развитием города в истории русской культуры подтверждают, что наряду с разительными метаморфозами городской жизни — в связи с различными формами и аспектами модернизации, индустриализации, глобализации, в связи с жесточайшими социальными испытаниями и историческими потрясениями (завоеваниями и разрушениями городов, этническими чистками, осадами и блокадами, революционным и тоталитарным террором, многократными переименованиями и перестройками, социокультурной переориентацией и профилизацией производства и духовной жизни, изменением общественного статуса и культурного значения) город в истории русской культуры сохранял свой архетипический и мифологический статус, свой феноменологический имидж и символический смысл, исторически выработавшийся в национально-культурной традиции. Это касается не только культурно-исторической семантики столичных центров — Москвы и Петербурга, а также исторически значимых, во многом “знаковых” для русской культуры городских центров: Киев, Новгород, Псков, Владимир и Суздаль, Рязань, Казань, Астрахань и др., но и столь содержательных для русской культуры оппозиций, как “город — деревня”, “город — предместье”, “стольный град — удельный град”, “город реальный (суетный, грешный) — град не от мира сего”, “городские обыватели — градоначальник (городничий, городской голова)” и т. д.

Обращение к социокультурному континууму побуждает исследователя видеть смысловую структурность и направленность культуры через призму постоянно модифицирующейся системы емких, многозначных образов-понятий (символов), которые оказываются равно приложимыми в отношении как социальных, так и культурных явлений. Таковы, например, в русской культуре антиномии “града земного и Града Небесного”, “города и посада”, “города и села”, “города и царства”, “города и мира”, “города и его основателя (завоевателя, правителя)”, “города и его защитников”, “города и его небесных покровителей (заступников)” и т. п., несущие в себе энергию потенциальной социокультурной динамики (движущих противоречий русской культуры). Именно из таких образов-понятий, символических концептов выстраивается смысловое целое русской культуры в ее ментальном и национально-историческом своеобразии.

Названные понятия всегда подразумевают смысловую *дихотомию*, явную или имплицитную, в том числе различно переосмысляющую антиномии традиционности и модернизации, постепенности и взрыва, коллективности и индивидуальности, солидарности и иерархии, — причем возможность третьего (“срединного”) термина, снимающего в себе содержательную антиномичность парных категорий, практически исключена. В самом деле, невозможно представить нечто “третье”, промежуточное, “срединное”, что бы опосредовало “град земной” и “град небесный” (*монастырь* вряд ли мог восприниматься как посредующее звено между тем и другим); город и деревню (только в XIX в. появляется “пригород”, “предместье”, “дачная местность”, да и то в большинстве случаев как новая оппозиция городу, а не медиативное образование между городом и селом; напомним, что и во второй половине XX в. русская литература подразделялась на “деревенскую” и “городскую” прозу, и маргинальные явления между той и другой, вроде творчества В.Шукшина, воспринимались как внутренне драматичные и неразрешимые социокультурные коллизии); город и его население (горожан), город и его градоначальника (ср. гоголевский “Ревизор” или щедринскую “Историю одного города”); столичный и провинциальный город (ср., например, гоголевское противопоставление Миргорода и Петербурга). Каждая из этих или сходных с ними категорий, взятых в своей “парности” или “отдельности”, будучи повернута в сторону социальной истории и включена в соответствующий (политический) контекст, имеет конкретно-историческое содержание, ограниченное рамками определенного периода (века и даже десятилетия). Однако та же самая амбивалентная категория, будучи обращена к культуре и впи-

сана в контекст культурных феноменов, приобретает иной, явно расширительный и отвлеченный (культурфилософский) смысл, метафорически и метафизически распространяющийся на всю национальную историю (как ценностно-смысловой *концепт*, социокультурный *конструкт*, мировоззренческая *универсалия*). В этом смысле пушкинский Петроград или Петрополь, гоголевский Миргород или N, щедринский Глупов, Скотопригоньевск Достоевского, горьковский городок Окуров, булгаковский Город (в “Белой гвардии”) и Ершалаим (из “Мастера и Маргариты”) – все это условные, символические города, а не действительно существующие населенные пункты.

В своем социальном значении все названные или подобные им категории – кратковременны, исторически преходящи, текучи, а потому качественно видоизменяются в потоке истории. (В этом смысле Москва XVII в. не имеет почти ничего общего с Москвой XIX, а тем более XX в.) Эти же категории, трактуемые как ценность, норма, культурная традиция, как конститутивный принцип российской цивилизации, т. е. взятые в своем преимущественно культурном значении, неразрывно связаны с национальным менталитетом, типом культуры, геополитическими и этнорегиональными тяготениями, воплощая собой если не “вечность”, то во всяком случае долговременные, стабильные, малоизменяемые состояния общества, его нравов, ценностных ориентаций и установок, обобщенные характеристики его самосознания, инерцию уклада, веры. (В этом смысле пушкинский “Град Петров”, переосмысленный А.Битовым в романе “Пушкинский дом”, или город Глупов Щедрина в трактовке В.Пьецуха продолжают жить до сих пор и узнаваемы в своих основных чертах через пелену новых исторических деталей и художественных ассоциаций.)

Если социальная история в большей степени характеризуется темпоральностью и динамичностью, то история культурная нередко переживается субъектом как относительно неизменная, “застывшая” структура, как *топология*, которая организуется не столько во времени, сколько в ценностно-смысловом пространстве (а если во времени, то прежде всего в “большом времени” – М.Бахтин); поэтому история культуры чаще предстает в категориях смысловой статики, как своего рода складывающаяся “архитектура”, для понимания которой системность и преемственность культурных форм (в том числе жанров, стилей, сюжетов, мотивов) и традиций, а также нарушение этой системности и разрыв этой преемственности, то есть *парадигматика*, значат гораздо больше, нежели простая сменяемость форм или последовательность поступков и событий, то есть *синтагматика* (как для социальной

истории). Иными словами, национальная “философия города”, “мифология города” и иная его феноменологическая семантика, с точки зрения истории и теории культуры, — более содержательны и глубоки, нежели история становления и развития отдельных русских городов или история градостроительства на Руси.

В свете представляемой таким образом *социально-культурной асимметрии* каждый социокультурный феномен оказывается сопряжен из последовательно динамичного (собственно социального) смыслового компонента и столь же последовательно статичного, относительно устойчивого и стабильного смыслового компонента (собственно культурного). Складывающееся между ними семантическое напряжение в каждом случае составляет движущий механизм социокультурной динамики: непрерывная текучесть социальности “сдерживается” и структурируется системой культурных значений (архетипов, фиксированных ценностей и норм, символических образцов, феноменальных форм, традиций); в свою очередь, сложившаяся система культурных значений (в том числе и методологических установок исследователя) исподволь “размывается” безостановочной изменчивостью смыслового потока социальных реалий. Культурная системность упорядочивает социальную процессуальность, отражая тем самым *дискретность* социокультурного процесса; в свою очередь, социальная процессуальность не позволяет системе культурных смыслов “застыть” (и тем самым превратиться в набор заданных шаблонов), выражая другую сторону того же социокультурного процесса — его *непрерывность*. В истории культуры смысловая системность (социокультурная парадигма) периодически ломается, разрушается; на ее месте более или менее постепенно формируется новая система значений и смыслов, отличная от прежней как своей структурой (в том числе и иерархией), так и смысловым наполнением (включая идеи, образы, символы, ассоциации, эмоциональный тон, мистические предчувствия и т.п.).

Устанавливая взаимоотношения (непосредственные и опосредованные соответствия) между *социальными предметами* как элементами социальной подсистемы общества и *культурными значениями* как элементами культурной его подсистемы, то есть между социальными и культурными смысловыми структурами, исследователь социодинамики культуры тем самым выявляет *социокультурный гомоморфизм* этих подсистем, что свидетельствует об их относительной взаимосвязанности между собой. В ходе исторического развития осуществляются то взаимное обособление (дифференциация), то сближение (интеграция) социума и культуры, т.е. происходит пульсация социокультурного целого. Взаимо-

соответствие социальной и культурной подсистем общества, называемое состоянием “социокультурной полноты”, в том числе в различных аспектах городской культуры, свидетельствует о равновесности и самодостаточности той или иной общественной системы (что является вполне распространенным явлением как для западной, так и для восточной культур и цивилизаций, включая статус города).

Впрочем, подобное состояние (социокультурной полноты) в целом не характерно ни для истории русской культуры, ни вообще для отечественной истории. Напротив, историю России и неотрывную от нее историю русской культуры отличают постоянно воспроизводимая *неустойчивость, нестабильность* общественной системы (вызванная асимметричностью, взаимной несбалансированностью социальных предметов (социально- смысловых структур) и культурных значений (культурно-смысловых структур), подчас оборачивающейся их противоборством, сознательно обостряемой конфронтацией), то есть имплицитно складывающееся и никогда до конца не преодолеваемое состояние *социокультурной неполноты*. Приведу поучительный пример. Напомню, что в 1946 г. второй человек в партии после Сталина, секретарь по идеологии А.А.Жданов, в своем печально знаменитом докладе о журналах “Звезда” и “Ленинград” противопоставил пушкинскому Петербургу “наш, советский” Ленинград, упрекнув Ахматову в верности первому, а потому отказав ей в патриотизме. Подобная трактовка города как феномена культуры, вполне понятная с точки зрения большевистского нигилизма, несовместима с историей русской культуры и свидетельствует о глубокой культурной ущербности сталинского “надзирателя над идеологией”.

Между тем указанное состояние *социокультурной неполноты* с необходимостью порождает: 1) преобладающую в русской культуре *дискретность* социокультурного процесса, связанную с чередованием то интегративных, то дифференциальных тенденций социокультурной динамики; 2) *переменный, вариативный модус* взаимосоответствия между социальными смысловыми структурами и культурными смысловыми структурами. В первом случае ведущим, управляющим началом социокультурного процесса становятся культурно-смысловые структуры; во втором — социально-смысловые. Подобное нарушение равновесия внутри системы можно объяснить, по Т.Парсонсу, перманентной неясностью и хронической неосуществляемостью ролевых ожиданий в истории России; постоянными нарушениями интернализации ценностей и норм общества в процессе социализации отдельных индивидов и целых групп и страт; накапливанием неразрешенных или неразре-

шимых ролевых конфликтов на всех уровнях национальной общественной жизни. Это касается и феноменологии города.

Вспомним, например, какую роль в русской, российской и советской истории играет столичный город, несущий в себе то центростремительное, то центробежное начало. Сама периодизация отечественной истории зависит от феноменологии русского города. Первый период древнерусской государственности обозначается как Киевская Русь; по мере того, как Киев утрачивает свою централизующую функцию, Киевская Русь распадается на конгломерат удельных княжеств, лишенных какого бы то ни было смыслового и управляющего центра. Монгольское завоевание Руси приводит, с одной стороны, к включению значительной части Русской земли в состав кочевой монгольской империи, а затем Золотой Орды с ее степными городами – прежде всего Сараем Бату и Сараем Берке в качестве столиц, с другой, – к выделению Северо-западной Руси, представленной самобытными Новгородом и Псковом. Формирование в рамках золотоордынской зависимости Владимиро-Суздальской Руси стало переходным моментом к возвышению Москвы и образованию Московского княжества, а после свержения татаро-монгольского ига – могущественного Московского царства. Весь период формирования, расцвета и падения Российской империи связан с Петербургским периодом в отечественной истории. История Советского государства проходит под знаком вновь выдвинувшейся на первый план Москвы. С Москвой связан и его распад (недаром, предвосхищая развал советской империи в романе “Москва 2042”, В.Войнович показывает картину съезживания имперского пространства до границ “Москорепы”). Симптомом кризиса московского центра в постсоветский период стало недавнее объявление С.-Петербурга “культурной столицей” России (при сохранении Москвы в качестве политического центра). Историческая динамика русской и российской культуры и государственности во многом предопределена ее городскими интенциями и урбанистическими устремлениями, самой семантикой русских городов и образованных ими социокультурных пространств.

2. Город как текст и контекст культуры

Применительно к задачам изучения социокультурной истории диалектика социума и культуры проявляется не только в структуре и динамике осмысляемого предмета, но и в самой методологии исторического познания, когда *социальный* по преимуществу объект (здесь – город) оказывается включенным в *контекст*, по преимуществу *культурно-исторический* (таковы мифологиче-

ские, фольклорные, религиозные, художественные представления данного исторического времени; культурно-историческая традиция, в русле которой воспринимается этот объект восприятия, наблюдения и осмысления; теоретико-методологические установки исследователя, его ценностные ориентации, его философские, политические, этические, религиозные, эстетические и т.п. взгляды и др.). Подобное происходит и в процессе художественно-эстетического освоения действительности, и в процессе философствования над нею, и в ходе социально-политического моделирования общественных перемен, и даже в житейском поведении, ориентированном на нормы морали, эстетические образцы, требования моды, политические предписания и т.п. В результате происходит адаптация предмета осмысления к определенному аксиологическому (ценностно-смысловому – нормативному или инновационному) контексту, а подчас и его метаисторическая *аккультурация*, то есть вольное или невольное приспособление социальной реальности к актуальной (или вневременной) культуре познающего субъекта, а вместе с тем смысловое подчинение социума – культуре, социальной динамики – культурной топологии.

В то же время актуализация (а вместе с тем и вольная или невольная модернизация) культуры прошлого означает адаптацию любого *феномена культуры* (как предмета культурного освоения и культурологического анализа) к актуальному *социальному* (и даже политическому) *контексту* современности, к которому причастен в той или иной степени любой субъект культуры, в том числе исследователь, то есть несет *социализацию* культурных значений – включение культуры прошлого в данный социум как его составного функционального элемента, социально осваиваемого обществом. Культурная система (например, образ или символ города), таким образом, включается в процесс социальных преобразований и выступает как культурно-смысловая составляющая социальной процессуальности. Как в одном, так и в другом случае социальные и культурные феномены унифицируются общим ценностно-смысловым контекстом как семантически однородное пространство, компоненты которого характеризуются лишь различной *интенциональностью*. Таким образом, субъект культуры (в том числе и ее исследователь) в большинстве случаев имеет дело не с социокультурной реальностью как таковой, а с опосредующей ее особой *виртуальной реальностью* — *культурной топологией*, являющейся продуктом истории культуры, сконструированным самим (данным или иным) субъектом этой культуры, а потому существующей только актуально (“здесь и теперь”) и вариативно. Например, исследователь московской городской культуры или

Москвы как культурного центра современной России вольно или невольно обращается к традициям изучения Москвы и московской городской культуры на протяжении по крайней мере двух последних веков, вольно или невольно погружается в так называемый “московский текст” русской культуры – либо как в контекст своего актуального исследования, либо как одному из анализируемых им культурных текстов.

Каждое социокультурное явление может быть “повернуто” к познающему субъекту как своей социально-смысловой (по преимуществу динамичной), так и культурно-смысловой (преимущественно константной) стороной. Феномен культуры, функционирующий или осмысляемый в контексте социальных реалий, обретает самодовлеющий социальный смысл; социальный феномен (в том числе экономический и политический), заключенный волею исторических обстоятельств или познающего субъекта (ученого, художника, философа, политика и т.п.) в культурный (ценностно-смысловой) контекст, “озаряется” преобладающим культурным смыслом. В зависимости от того или иного познавательного или функционального контекста в каждом социокультурном феномене актуализируется либо его социальная процессуальность, либо культурная системность, так или иначе проявляющиеся в концептуальных смысловых структурах (*фреймах*), имплицитно содержащихся в данном феномене.

Именно фреймы (*frame* - *англ.* рамка) организуют мировосприятие и поведение людей, аккумулируя в себе типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом. В этом смысле концептуальные фреймы, будучи культурно-исторически, конвенционально обусловленной формой организации знаний о мире, одновременно и объективны, поскольку формируют мировоззрение и управляют поведением людей “извне”, так сказать, ”от имени” культуры, к которой они принадлежат, то есть коллективного опыта, и субъективны, так как люди сами договариваются о том, что считать в данной ситуации наиболее существенным или нормативным в познании и поведении; фреймы выступают и как условие, и как результат культуры, сопрягая в себе актуальное и потенциальное в общественно-историческом развитии.

Культурная топология, с которой имеет дело субъект культуры (в том числе исследователь, мыслитель или художник), складывается из смысловых структур разных уровней, среди которых ведущую организующую роль выполняют концептуальные фреймы. Многие ключевые категории, в которых осмысляется история России и русской культуры (православие, самодержавие, двоеве-

рие, двоевластие, самозванство, раскол, реформа, революция, эмиграция, интеллигенция, западничество, славянофильство, коллективизация и т.п.), также представляют собой – по своей внутренней структуре – именно фреймы (точнее – метафреймы), организующие соответствующие социальные и культурные контексты, жизненные представления, модели поведения в типичных ситуациях, сценарии развития исторических событий и решения назревших проблем, определяющие типы исторического и культурного творчества, иерархию ценностей. Через призму тех или иных концептуальных метафреймов различным образом структурируется и осмысливается национальная история как культурное целое: очевидно, история России, упорядоченная фреймами православия и самодержавия, революции, раскола, западничества или евразийства, будет выглядеть существенно иной – в каждом конкретном случае; в этих фреймах историческим событиям и их участникам приписываются специфические функции, качества, отношения, в результате чего и общая логика исторического процесса выстраивается своеобразно, и его культурный смысл оказывается принципиально иным.

Обратимся к тем фреймам, которые организуют наше представление о феноменологии города в истории русской культуры. Известно, что исконное представление о городе в Древней Руси, связанное с этимологией этого слова, – “огороженное место”, “ограждение”. Изначальная культурная семантика города в русской культуре связана не с людьми, живущими за городской стеной и своеобразием их социальной и культурной жизни, а с фактом построенного укрепления, крепости, призванной защищать от набегов врагов (прежде всего кочевников), оборонять главную святыню – храм и местожительство местного правителя – князя. Город в древнерусской культуре – это военная крепость, это административный центр, это средоточие церковной и светской власти. Иными словами, это “пустая” смысловая структура; город в древнерусском представлении не населен, – это знак власти (земной и небесной), знак высшего избраннычества, знак государства (“царствующий град”, Царьград), смысловой центр социального и культурного универсума. На первом месте восприятия и осмысления города – его мифологический, религиозный, мистический смысл. Поэтому сакральные имена городов сливаются в смысловые цепочки, среди символических коррелятов русских городов не случайно местодействия Священной истории – Иерусалим, Вавилон, Рим, Константинополь, а применительно к истории Крещения Руси – Синоп, Корсунь и пр. Характерно, что во вставной притче об Андрее Первозванном (в самом начале “Повести временных лет”) апостол Андрей благо-

словляет незаселенные горы и воздвигает на них крест в знак того, что здесь будет “великий город”, в котором “воссияет благодать” и “воздвигнет Бог много церквей” (предсказание об основании Киева). Города еще нет, а благодать, его освятившая, уже снизошла на его место, – таков архетип русского города.

Осмысляя историю как семиотический процесс и семиозис, интерпретатор использует в своей деятельности ту знаковую систему культуры, в которую сам включен, и, таким образом, выступает как ретранслятор культурных кодов своего времени, как субъект своей субкультуры, как носитель определенного символического языка и культурной семантики — безотносительно к тому, что представляет собой объект его осмысления и познания в семиотическом или любом ином отношении. Историческое знание оказывается элементом изучаемого объекта (самой истории как феномена культуры), и таким образом изучаемый исторический процесс оказывается в зависимости от оценочно- познавательных (методологических или идеологических) установок и идеалов исследователя, то есть от определенного эпистемологического контекста, превращаясь в компонент самого исторического знания как части культуры.

Особенно показательна здесь концепция Москвы как Третьего Рима.

Участник гуманитарно-познавательного процесса, историк, одновременно является носителем его рефлексивного самосознания, а это историческое самосознание эпохи становится конституирующим моментом познавательного и самого исторического процесса. “Представление” об истории является “частью самого исторического движения”. “Очагом и реальной движущей силой истории, т.е. “объективным событием”, ”фактом”(а не представлением: отличным от факта) истории является интерпретированное бытие, в применении к которому нельзя отдельно выделить анализом “интерпретацию” бытия его субъектами (ложную или же более или менее приближающуюся к действительности) и “истинное бытие”, которое складывалось и действовало бы помимо своей интерпретированности” [3]. Культурная, гуманитарная история выступает как смысловая предпосылка социальной истории, хотя сама есть каузальное порождение последней.

Сошлюсь на характерный пример подобной интерпретации феномена города. Известно, что Максим Грек Святогорец в XVI в. занимал критическую позицию по отношению к концепции Филофея “Москва — Третий Рим”, поскольку сам бывал в Риме, много читал древних, христианских и современных авторов о “вечном городе”. Для Максима Грека принципиально различие “ветхого

Рима” (далекого от идеала святости), древнехристианского (достойного “царствующего града” Константинова) и современного ему Рима, испытавшего влияние античного язычества (Платона и Аристотеля). Для последователя преп. Максима Грека инок Авраамия, руководителя московской староверческой общины (XVII в.), Рим — символ римской католической церкви и папы римского: все никонианские реформы берут свое начало в этом Риме, отступившем от древнего благочестия, и носят апокалиптический смысл. Характерно, что русские богословы XVII в. ни в Риме не бывали, ни древних авторов не читали, и образ Рима складывается у них под влиянием доступной им традиционной книжности и полемических установок защитников древнего благочестия [4]. Актуальная культура диктует им свою, жестко заданную интерпретацию феномена Рима, и от концепции “Москвы — Третьего Рима” не остается и следа: она оказывается в условиях раскола просто неактуальной.

Все многообразие концепций, интерпретаций и оценок, порожденных одной и той же культурной эпохой или различными эпохами, встретившимися на переломе, может быть объяснено исторически и феноменологически. Каждое явление культуры обретает свой внутренний смысл, будучи поставлено в тот или иной внешний *семантический контекст*, который может быть произвольным (субъективным) или подготовленным определенными социокультурными процессами (объективным). Культурно-исторический контекст объективно складывается как целое из таких ценностно-смысловых элементов, которые могли существовать *прежде* данного контекстуального синтеза, но не *позже* (в противном случае мы имеем дело с более или менее осознанной смысловой модернизацией культурного единства). Впрочем, и подобная субъективная модернизация культуры прошлого, демонстративно апеллирующая к *обратимости культурного времени*, может быть в процессе рефлексии культуры (в художественном творчестве и при научном изучении культуры) адекватно понята и объяснена: как разновидность мысленного (в том числе и художественного) эксперимента над конкретно-историческим культурным материалом, как творческое пересоздание реальности в воображении, как смысловая модификация культурного текста под влиянием изменчивой контекстуальности и т.п.

Историю любой национальной культуры можно представить в виде определенной последовательности сменяющихся, подготавливающих или отвергающих друг друга фреймов (метафреймов), “встроенных” в логическое целое “ветвящегося дерева целей” и “надстраивающихся” друг над другом в виде последовательно ус-

ложняющегося архитектурного целого. История национальной культуры во многом “запрограммирована” ее сложившейся семантикой, будучи порождением ее феноменологии, хотя наиболее значительные из исторически “приобретенных” ею инноваций откладываются в ее культурной семантике и дополняют национальную феноменологию культуры в качестве ее “поверхностного пласта”. Можно сказать, что феноменология культуры предвосхищает ее историческую динамику, а ее актуальное содержание как гуманитарной истории в самых общих чертах предопределяет ее потенциальное содержание. О.Шпенглер, например, правомерно различал “идею культуры” как “совокупность ее возможностей” и “ее чувственное проявление в картине истории”. В свете этого “история культуры есть поступательное осуществление ее возможностей”, а культура - “первофеномен всякой прошлой и будущей мировой истории” [5]. Сказанное имеет прямое отношение к феноменологии русского города: идея города часто “опережает” его чувственное проявление, город как первофеномен русской истории идеален и символичен, в то время как история лишь реализует заданную культурой символическую “программу” города.

Осмысляя культурную семантику истории как единый сложно организованный текст, переменный по своему составу, структуре и композиции, исследователь и истолкователь имеют дело со *структурами смысла*, в той или иной мере сравнимыми со *структурами реальности*. Особенно впечатляющими здесь являются “городские” тексты русской литературы, где Москва и Петербург одновременно являются реальными городами с их культурной семантикой и символическими фигурами отечественной истории и истории культуры. Здесь следует даже говорить об общих для сознания и бытия смысловых структурах разных уровней, связанных между собой (в идеале) отношениями гомоморфизма (или изоморфизма). Обращаясь к генезису смысловых структур той или иной социокультурной системы, субъект исторического понимания способен преодолеть “конфликт интерпретаций” герменевтическими средствами, последовательно поднимаясь на более высокий (или опускаясь на все более глубокий) смысловый уровень культурно-исторического целого. Одной из методологических стратегий, наиболее адекватных подобной герменевтической процедуре, оказывается принцип “обратного историзма” (М.Блок), а также принципы, воплощающие концепцию “археологии” гуманитарного знания (М. Фуко) и обращенные к онто- и филогенетическим истокам каждого данного социокультурного феномена. При этом история предстает как закономерное парадигмальное “напластование” культурных смыслов (смысловых струк-

тур) и их интерпретаций, последовательно дешифруемое исследователем в порядке, обратном порождению соответствующей социокультурной семантики, а генетические истоки того или иного культурного явления обнажают лежащий в основании культурно-исторической *иерархии текстов* исходный метафрейм. Таким метафреймом в случае “московского” текста русского города и “петербургского” его текста является мифологема Рима как “вечного города”, странствующего из одного христианского царства в другое. Особенно парадоксальна многослойная текстуальность Петербурга [6], который по одной, Петровской версии является *новым и подлинным Третьим Римом* (Санкт-Петербург — город св. Петра, каковым является именно Рим); по другой, восходящей к автору концепции “Третьего Рима” инок Елеазарова Псковского монастыря Филофея, писавшему: “...Яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти”, — третьим Римом может быть только Москва, поскольку она была провозглашена в качестве такового, а Петербург — это уже четвертый Рим, то есть невозможный, немислимый, — город-призрак, как это и видится в пушкинском “Медном всаднике” и в “Петербургских повестях” Гоголя, как это представляется и в более позднем романе А.Белого “Петербург”, и в стихах О.Мандельштама, и в стансах И.Бродского.

Другой плодотворной методологической стратегией при рассмотрении социокультурной динамики является *принцип интертекстуальности*, с помощью которого определяются явные или имплицитные связи и аллюзии между различными (в том числе гетерономными, диахронными, производными и т.п.) текстами культуры, объединенными общим смысловым контекстом, сложившимся в ходе исторического развития культуры или смоделированного интерпретатором (в том числе исследователем) с определенной познавательной или оценочной целью. Плодотворным здесь оказывается не только осмысление нескольких современных друг другу текстов, различно интерпретирующих одно и то же явление или событие социальной действительности (а также культуры, сознания или бессознательного), в результате чего осуществляется “снятие” “конфликта интерпретаций”, но и “столкновение” текстов, весьма отдаленных по времени друг от друга, вокруг объяснения того или иного феномена, самый смысловой “зазор” между которыми отражает культурно-историческую дистанцию между текстами и их авторами, а значит, объясняет макродинамику данной культуры (ср.: Москва Филофея и Петербург Петра) [7].

Наконец, важнейшим приложением интертекстуальной методологии к сверхсложно организованным текстам (типа “петербургского” или “московского” текстов русской культуры, куль-

турно-исторической эпохи как ценностно-смыслового единства или истории национальной культуры в целом) становится выявление различных форм диалогической соотнесенности текстов, спроецированных друг в друга (аллюзия, явная или скрытая полемика, метафора, апелляция к культурному авторитету, пародирование, гротеск, параллелизм и сравнение, символизация, вторичная и последующие реинтерпретации, простое цитирование или нарратив “чужого” текста, коллаж множества текстов в одном и т.п.). Пример — текст романа А.Белого “Петербург”, являющийся одновременно литературным пластом городского текста самого города Петра накануне революции 1917 г.

Так или иначе, во всех этих случаях мы имеем дело со взаимной переводимостью и взаимообусловленностью культурной *синхронии* и *диахронии*, то есть с диалектикой *феноменологии* и *социодинамики* культуры на материале городской семантики культуры.

При этом на ранних этапах русской культурной истории заметно преобладание феноменологических, ценностно-смысловых аспектов (в том числе мифологических, мистикорелигиозных, мессианских и т. п.) в интерпретации города над его социодинамическими характеристиками (демографическими, социально-экономическими, политическими и др.). Более того, мы можем наблюдать прямую зависимость последних от изначально заданной семантики (такова, например, мифология князей Владимирских, складывающаяся в культуре Московского царства и выражающая претензии властителей одного из уделов Руси не только монополюльно представлять духовно-политическое наследие и государственную волю “тезок” города – Владимира Святого и Владимира Мономаха, но и символизировать идею “*владения миром*”, т. е. концепцию самодержавия и империи, наследуемых у Константинополя и самого Рима).

Начиная же с XVII и особенно с XVIII века, город, понимаемый как социокультурное пространство, все в большей степени зависит от стихийно нарастающих и все более определенно институализируемых процессов *урбанизации*, что приводит к постепенному превалированию социодинамических тенденций над культурно-смысловыми, феноменальными и подчинению последних первым. Так, например, значение в российской истории XIX – XX вв. Петербурга-Петрограда было определено в конечном счете не столько мистическими или идеологическими соображениями, косвенно вытекающими из концепции “Третьего Рима” (как это было в петровское и первое послепетровское время), сколько его *статусом политическим* (столица империи, источник всех социальных преобразований, центр политической жизни с ее интересами и

конфликтами, классовой и партийной борьбой, различными эксцессами, включая дворцовые перевороты, покушения, террористические акты, революционное движение); *положением географическим* (главный морской порт страны и центр военно-морских сил, железнодорожный узел); его *демографическими характеристиками* (город чиновничества, офицерства, студенчества, затем – купечества, буржуазии и пролетариата, разнородный по своему национальному составу); его *хозяйственно-экономическими факторами* (центр международной и внутрироссийской торговли, индустриального производства, научно-технический лидер, субъект государственного и хозяйственного управления); его *социокультурным престижем* (средоточие различных культурных институтов, учреждений, творческих индивидуальностей, форм и видов культурной и просветительской деятельности, внешний облик европейской столицы, выступающей одновременно как законодательница мод, вкусов, стилей и т. п.).

Так, первоначальные процессы ментальной организации городского ценностно-смыслового пространства подготавливают и стимулируют процессы урбанизации в России; позднее именно урбанистические явления и процессы формируют и трансформируют город как специфическое социокультурное пространство и наполняют первоначальные ментальные структуры новым историческим и социальным смыслом. Фактически те самые факторы, которые обусловили историческое значение Петербурга-Петрограда как “колыбели революции”, явились предпосылкой для переименования города в Ленинград и затем обратно в Санкт-Петербург, для развертывания в нем острой борьбы оппозиции с московским центром партийно-государственной власти, для инициирования в нем начальных (ленинский Красный террор) и последующих (убийство Кирова, ежовщина, “ленинградское дело”) импульсов Большого террора, а также множества идеологических репрессий (в том числе и против деятелей культуры – ленинградцев), наконец, для сознательной организации страшной, невиданной в мире Ленинградской блокады, губительной для многих коренных петербуржцев и показательной для всего мира (символ стойкости, героизма, самопожертвования, трагической обреченности).

Выявление подобных механизмов социокультурного развития города оказывается возможным через призму культурологического подхода, сочетающего феноменологию и социодинамику как взаимодополнительные аспекты изучения феномена урбанизации в контексте истории культуры.

Примечания

1. Гуссерль, Э. Философия как строгая наука [Текст]. – Новочеркасск, 1994. – С.160- 161. См. также с. 158- 163.
2. Особенно заметно смысловое и методологическое расхождение этих двух аспектов изучения города как феномена культуры в содержательной и во многом новаторской книге: Город как социокультурное явление исторического процесса [Текст] / отв. ред. Э.В.Сайко. – М., 1995.
3. Мамардашвили, М. Как я понимаю философию [Текст]. – М., 1990. – С. 327.
4. См.: Румянцева, В.С. Образ Рима в русской книжности XVI-XVII вв. [Текст] // Римско-Константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. – М., 1995, С.330-331.
5. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории [Текст]. – М., 1993. – Т.1: Гештальт и действительность. – С. 262.
6. См. например: Лотман, Ю.М., Успенский, Б.А. Отзвуки концепции “Москва — третий Рим” в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) [Текст] // Художественный язык средневековья. – М., 1982. – С. 236-246.
7. См., например, ряд интересных методологических подходов к феноменологии русского города на примере Москвы и Петербурга работе: Ванчужов, В. Москвософия & Петербургология. Философия города [Текст]. – М., 1997.

УДК008:001.8

Н.Н. Летина

Рубежи российского хронотопа в теоретико-методологическом аспекте

Российский культурный опыт, казалось бы, обширно и разнообразно интерпретированный в своих частных проявлениях, не перестает вызывать стремление постичь его глубинные и часто парадоксальные основания, осмыслить его имманентную противоречивым историко-культурным процессам природу. В русле этих интенций появлялись и, несомненно, будут появляться рефлексии и теории, раскрывающие русскую культуру как вторичную и подражательную (Г. Байер, Н.М. Карамзин, Ю.М. Лотман, Г. Миллер, А.П. Новосильцев, М.П. Погодин, А.Л. Шлёцер, П.Я. Чаадаев) или духовно самобытную (М.И. Артамонов, Л.Н. Гумилев, Д.И. Иловайский, Д.С. Лихачев, М.И. Ломоносов, Б.А. Рыбаков, В.В. Седов), синтетичную (В.Н. Татищев), но при этом кризисную (А.В. Азов, Н.А. Бердяев,

Н.И. Воронина, И.А. Едошина, Е.А. Ермолин, Вяч. И. Иванов, Т.С. Злотникова, Л.П. Киященко, Н.И. Киященко, В.В. Розанов, В.С. Соловьев, С.М. Соловьев, Г.Ю. Стернин) или переходную (А.С. Ахизер, М.С. Каган, И.В. Кондаков, Н.А. Хренов).

Для культурологического дискурса современной отечественной гуманитарной науки актуальной задачей остается раскрытие сущностных признаков и выявление концептов русской культуры. Важным подходом к ее разрешению является выявление специфики отечественной культуры в ее доминантных проявлениях, каким и является, на наш взгляд, культурный опыт рубежей в аспекте хронотопа.

«Рубеж» - одна из доминант русской культуры на протяжении всего времени ее существования. «Рубеж» - ракурс нашего исследования, позволяющий соотнести российский культурный опыт со специфической культурной парадигмой.

Мы обращаемся к феномену «рубежа», во многом определяющего специфику русской культуры на протяжении всех периодов ее существования и своеобразии драматичного по личностному восприятию культурного опыта ее носителей. Осознание природы «рубежности» продолжает быть особенно необходимым для современного человека, чьи поиски этнической, духовной, личностной – культурной - идентичности осуществляются в сложной ситуации глобализации. Отметим, что интерес отечественного гуманитарного знания к столь значимой компоненте русской культуры остается постоянным.

В современном научном гуманитарном тезаурусе употребление слова «*рубеж*» - явление обыденное. Обыденное настолько, что, как ни парадоксально, приобретаю право быть и восприниматься научным сообществом в качестве специального термина, «рубеж» не имеет четкой дефиниции ни в философии, ни в истории, ни в культурологии. Чаще всего «рубеж» используется, во-первых, в своем буквальном значении - как граница, предел, допустимая норма, а, во-вторых, как составная часть словосочетаний, в которых он, уточняя временные или пространственные рамки («рубеж эпох», «рубеж веков», «за рубежом»), имплицитно коррелирует с понятием «хронотоп». Однако «рубеж», отделяющий «одно» от «другого» и в то же время реализующий связь «того» и «другого», становится понятием, синонимичным понятию «граница», которая в философском дискурсе есть «начало или конец всякого определенного бытия; межа, отделяющая нечто от иного; место прямого соприкосновения, единения и взаимопроникновения смежно существующих предметов» [7, с. 213].

Мы полагаем, что в культурном опыте «рубеж» – это *самостоятельное бытие (универсум), в котором происходит встреча иных самостоятельных, часто локальных (по месту в пространстве) и преходящих (во времени) экзистенций.*

В этом определяемом нами статусе «рубеж» обладает определенными качествами – переходностью, кризисностью, пограничностью, нестабильностью, неотчетливостью, подвижностью. Их комплекс определяет имманентное для «рубежа» *состояние*, которое мы предлагаем называть «*рубежным*». Для обозначения частного проявления рубежа как конкретного *свойства* или *качества* мы будем использовать понятие «*рубежность*».

Отметим, что рубеж может носить как условный (культурный опыт субъективно мыслимых рубежей), так и конкретный (культурный опыт рубежа XVIII-XIX вв. в России, культурный опыт рубежа в творчестве конкретного автора, в частности художника М. Врубеля или поэта М. Богдановича) *характер*.

Генетически достаточно размыто интерпретируемое на рубеже XX-XXI вв. понятие «рубежа», на наш взгляд, своим истоком имеет представление об изначальной дискретности мира, составные элементы которого (атомы у Демокрита, материальные тела у Платона, части у Аристотеля, тела у Спинозы, Лейбница, вещи у Гегеля, символы у Вяч. И. Иванова, супремы у К. Малевича), обладая самостоятельным бытием, обладают и таким качеством, как конечность, ограниченность. Дискретность мироздания в культурном опыте нередко воспринимается как зло (христианский символизм, романтизм, символизм), в то время как целостность, синкретизм, синтез становятся значимыми целями культурного творчества.

В таком контексте «рубеж» приобретает парадоксальную *ценность* преходящего (в частности, в христианском менталитете - время человеческой жизни – рубеж, подготовка к жизни вечной) и в то же время - актуального, значимого в своей самостоятельности состояния (немецкий и русский романтизм, русский «реалиорный» символизм).

Природа рубежа также неоднородна. Она может быть как имманентно присуща определенному культурному опыту, так и явиться результатом позднейшей интерпретации или интеллектуально-художественного продуцирования.

Мы различаем отдельные *виды рубежей* в культурном опыте. С одной стороны, экстраполируя бинарный подход Д.В. Пивоварова к типологии феномена «границы», мы выделяем пространственные и временные, внешние и внутренние, качественные и количественные, существенные и несущественные, постоянные и изменчивые, пре-

одолимые и непреодолимые. Актуальным для культурологического тезауруса является выражение «*рубеж культур*». Однако в отечественной культурологической мысли его нередко локализуют дихотомией сельской и городской культур [6, с. 323]. При этом в активном научном употреблении «*рубеж культур*» может означать и рубеж видов, типов, форм, уровней, компонентов культуры.

Тем не менее, в процессе изучения российского культурного опыта рубежей мы установили необходимость проакцентировать культурологический подход к понятию и феномену рубежей. При этом мы исходили как из системного и синтетичного характера культуры и, следовательно, культурного опыта, так и из необходимости выделить наиболее значимые именно для культурологии аспекты проявления рубежа. И здесь, с одной стороны, были задействованы вопросы о генезисе, первопричинах рубежного опыта и самого феномена рубежа, осмысленные в научном, преимущественно гуманитарном знании. В философии он может быть сформулирован как вопрос о рубеже бытия и небытия, в социологии - как проявление социальной маргинальности, в социальной психологии - как проблема гендерной идентичности или самоидентификации. В культурологии же данная проблема может быть осмыслена в двух ключевых направлениях - в поисках синтезирующей методологии, во-первых, в постижении рубежа в культурном опыте в качестве рубежа культурных парадигм, во-вторых.

В этом проблемном «рубежном» поле для данного исследования принципиальным ракурсом является второй: мы предлагаем выделить и предполагаем исследовать *рубежи культурных парадигм*: пространственно-временных, философско-эстетических, социокультурных, нравственно-психологических.

При анализе рубежей пространственно-временных культурных парадигм мы опираемся на существующую научную традицию исторических периодизаций и опыт пространственных классификаций при исследовании картины мира мифокритики, философии, культурологии.

Следует предположить, что первым в культурном опыте случае фиксации рубежа временных парадигм был известный диалог, записанный в Ветхом Завете: «Сторож! сколько ночи? ... Приближается утро, но еще ночь» (Ис. 21: 11,12). Эта рубежность ночи и дня, безусловно, имеет глубинный символический смысл и соотносится не только с бытовым движением времени, но и пограничным состоянием между тайной и знанием, мраком и светом, вопросом и ответом, хаосом и гармонией, ожиданием и действием... Но главное здесь – та неопределенность, когда смена качеств,

состояний мира, истории и человека уже происходит, но еще не завершилась.

В научном дискурсе для обозначения подобной ситуации мы обнаружили особый терминологический ряд, обозначим его основные проявления.

Первое из них – «рубеж эпох». В его дефиниции мы идем традиционным путем, признающим сочетание смыслов понятий «рубеж» и «эпоха». С первым термином и его семантическими доминантами мы определились выше.

Для обозначения смысла понятия «эпоха» актуальным остается его трактовка в философской, исторической и культурологической традициях, исходящих из античной философской интерпретации (с греч. *epoche* – букв. остановка) эпохи как временной точки, с которой начинается новое развитие, или определенный отрезок времени. (Античное употребление термина в значении остановки или паузы в рассуждении, характерное для стоиков и скептиков, нами не актуализируется). При этом в гуманитарном знании (М. Блок) укрепилась интерпретация «эпохи» в качестве глобального отрезка времени, намечающего контуры «великих» [3] периодов протекания человеческой истории.

Рубеж эпох в таком случае – «встреча» двух (если оставаться в привычном историческом линейном хронометраже) или более эпох в некоей кризисной точке (временной, пространственной, культурной, антропологической, метафизической). Понятие встречи в данном случае используется нами в том значении, которое придавал диалогу В.В. Библер, однако количество «встречающихся» не лимитируется нами дуальной схемой. Итоги этой встречи могут быть различны – здесь возможно как новое развитие (европейский Ренессанс), так и конец пути определенного эпохального явления (Древние царства Востока, русский религиозно-философский Ренессанс), – но всегда охватывают глубинные сферы культуры.

При этом в использовании термина «эпоха» намечается разделение эпох на цивилизационно-исторические и историко-культурные. И если первый принцип типологизации «эпох» истории нашел воплощение в традиционной исторической периодизации, то второй носит проблемный и условный характер, обозначая «отрезки» целостного, аутентичного и не всегда продолжительного во времени существования культурных явлений. В частности, конец XVIII – начало XIX вв. в России является рубежом историко-культурной эпохи Просвещения (XVIII век) и историко-культурной эпохи романтизма (первая треть XIX вв.), тем не менее находясь внутри цивилизационной эпохи Нового времени. А конец

XIX – начало XX вв., являясь, по мысли отечественных историков искусства и культуры (В.В. Виноградов, А.А. Генис, И.А. Едошина, Е.А. Ермолин, Т.С. Злотникова, М. Лифшиц, В.И. Максимов, Д.А. Ольшанский, В.А. Сарычев, Д.В. Сарабьянов, Г.Ю. Стернин) встречей историко-культурных эпох реализма и модернизма, в то же время оказывается концом цивилизационной эпохи Нового времени и началом эпохи Новейшего времени. К этому пересечению по-разному осмысленных эпох мы еще вернемся позднее.

Востребованным в культурологическом дискурсе является и выражение «переходная (культурная) эпоха», восходящее в отечественной традиции к выделяемому М.С. Каганом переходному типу культуры и уточняющее его во временном аспекте хронотопа. В целом же понятие «переходной эпохи» сформировано в работах А. Тойнби, О. Шпенглера, Й. Хейзинги, А. Ф. Лосева, К. Ясперса. Последующие исследователи не вносили значительных специфических интерпретаций в понятие, которым принято называть «такой фрагмент культурно-исторического процесса, когда наличная культурная реальность уже вышла за границы прежнего качественно определенного культурного состояния (типа культуры), но не достигла еще характеристики целостности нового типа, нового системного уровня, определенности и самоидентичности нового качества» [11, с. 4]. Здесь акцентируется самостоятельная значимость и целостность внутренне сложного и пролонгированного во времени переходного, рубежного состояния культуры.

Во многом сходным по значению с понятием «рубеж эпох», хотя и не тождественным ему, является понятие рубежа (смены) циклов – истории (А.С. Ахиезер), культуры (П.А. Сорокин, Н.А. Хренов). Циклы истории, согласно А.С. Ахиезеру, – «более или менее ярко выраженные повторения в истории, колебания, пульсация тех или иных важных массовых характеристик общества. Их существование объясняется приобщением общества к природным ритмам, общими закономерностями сложных систем, их постоянной самопроверкой на прочность через периодическое приближение сложной социальной системы к некоторым крайним, реально или потенциально критическим, возможно предкатастрофическим ситуациям» [1, с. 556]. Н.А. Хренов вслед за П.А. Сорокиным полагает, в частности, что в начале XX века заканчивается цикл «чувственной» культуры и начинается цикл «идеациональной», умозрительной культуры с преобладанием религиозности и сверхчувственной символики [10, с. 146].

Определенного рода аналогом понятию «рубеж эпох» для обозначения, как нам представляется, менее глобальных по своей временной протяженности и значению является понятие «рубеж веков».

И здесь, прежде чем зафиксировать значение этого понятия, необходимо указать на почти символическую многозначность слова «век».

В описании логики истории слово «век» в наиболее отчетливом виде мы встречаем у Гесиода, мыслившего ход истории как смену веков – золотого, серебряного, медного, века героев и железного. В его интерпретации слово «век», обозначая и конкретизируя метафизическое качество жизни в сменяющие друг друга отрезки времени, имеет явную метафорическую и мистическую окраску. Усиливает мистические коннотации и IV эклога Вергилия, пророчащего рождение младенца, который спасет мир. «Новый век», который ждет впереди, казалось бы, вполне светски ориентированных Ф. Петрарку и его современников, напрямую связан с «новой жизнью», один из путей к которой – через любовь и творчество – чуть раньше раскрыл Данте Алигьери, и аллегорически соотносится с идеей спасения – обновленным «новым заветом».

М. Блок отмечал, что в использовании слова «век» человек XX века более математичен; мы называем века не «по герою», не «по качеству», не по мистическому настрою, а нумеруем по порядку столетия, исходя из точки, установленной в первом году нашей эры. Таким образом, буквальное научное значение уже не слова, а термина «век» – столетие, отрезок времени в 100 лет.

Исходя из такого значения, можно было бы предположить, что рубеж веков – это последний год (или несколько лет) предшествующего века и первый год (или несколько) начинающегося.

Но тот же М. Блок справедливо замечает, что в истории нет закона, по которому конец столетия совпал бы с критическими точками эволюции человечества. Закончился ли XIX век в 1870-71 гг., 1890-е, начался ли XX век в 1905, 1913-14 или 1917 г.? Здесь возникает потребность подбора определения к термину «век». Какой именно век? Художественный, социальный, политический, коммунистический, век модернизма?.. Каждый раз «критическая точка» должна определяться индивидуально. Безусловно, когда мы рассматриваем развитие целостного феномена или последовательность сходных явлений, критическую точку перехода необходимо искать внутри их существования.

«Культурный век» – явление многогранное, и его целостность для нас инспирирована, прежде всего, имманентным для определенного отрезка времени ментальным комплексом. Но иногда ментальность не является определяющей и требуются дополнительные основания – например, комплекс культурных парадигм. В частности, «культурный» XIX век сочетает в себе религиозный менталитет (доминирует в первой половине века) и позитивист-

скую ментальность (доминирует во второй половине века). Такая двойственность подкрепляется динамикой художественных культурных парадигм – от романтизма к реализму, гносеологических парадигм – от иррационализма к рационализму. В силу данных факторов легче всего предположить, что XIX век «распадается» на два культурных века. Но в конце XIX столетия важным фактором ментальности станет актуализация религиозности, в художественной сфере будут значимы неоромантические тенденции. На наш взгляд, XIX век обнаружит резкое ускорение социокультурных процессов и окажется для Европы в целом и России в частности «железным» и «жестоким», по выражению А. Блока, веком начавшегося перманентного кризиса культуры.

Следовательно, одной из основных проблем при апелляции к термину «век» является немаловажный вопрос календарной границы – предела, рубежа, конца и начала...

И все же и в теории, и в истории культуры «рубеж веков» воспринимается главным образом как хронологическая дефиниция. В данном качестве нам представляется вполне убедительной понимание рубежа веков И.А. Едошиной как «встречи» двух столетий, «когда открывается исчерпанность содержания и форм предыдущей культуры. Уходящий век осмысливается как чуждый вновь пришедшему и подвергается критике, подчас полному отрицанию и осмеянию. Во всех других случаях конец – начало веков отмечается всего лишь появлением некоторых оттенков ментальности той или иной эпохи» [5]. «Переходная культурная эпоха, переходное состояние культуры в самом общем, исходном определении – такой фрагмент культурно-исторического процесса, когда наличная культурная реальность уже вышла за границы прежнего качественно определенного культурного состояния (типа культуры), но не достигла еще характеристики целостности нового типа, нового системного уровня, определенности и самоидентичности нового качества» [11, 4].

Для выявления *рубежей пространственных культурных парадигм* значима вся палитра культурного мировоззренческого и научного опытов по осмыслению и продуцированию картины мира.

Целостность картины мира в мифологическом, религиозном, художественном, философском мировоззрении и, особо выделим, метафизике практически всегда обеспечивается единым принципом мироустройства (Ось мира, Мировая гора, Мировое древо, Мироздание) или неким единым началом, из которого мир словно разворачивается (Сакрум, Творец или творческая личность).

Не вдаваясь в избыточные подробности, обозначим, что пространственный аспект картины мира, как установлено в ми-

фокритике и метафизике, обычно структурируется качественно и иерархически: вертикально в сакральной проекции (например, Аид – подземный загробный мир, земля – человеческое пространство, Олимп – священная гора Сакрум) и горизонтально в профанной проекции (оппозиции верх-низ, свое – чужое, освоенное – неосвоенное, близкое к Сакруму - удаленное).

Важным для рубежных эпох аспектом структуризации картины мира является также принцип многомирия (Платон, неоплатоники, немецкие романтики, русские символисты), объединяющий несколько самостоятельных миров («этот» и «иные»), но также находящихся друг с другом во взаимосвязи.

При этом, с одной стороны, значимый нюанс осмысления или продуцирования пространственной картины мира – их объективный (условно - научная картина мира) или субъективный (Фихте, романтики, символисты) характер, с другой, принципы пространственной структуризации универсальны, архетипичны независимо от происхождения.

Важной составляющей культурного опыта рубежей является и научная картина мира, верифицируемое внедрение которой в представления о мире в России рубежа XIX-XX вв. убедительно продемонстрировали В.С. Степин и Л.Ф. Кузнецова [8]. В научной картине мира осуществлена попытка с помощью наблюдения и эксперимента достичь рационального истинного знания о действительности, точнее о той «части» мироздания, которая доступна научному исследованию.

Так, границы и «пограничные зоны» компонентов, «частей» пространственной картины (картин) мира – от Вселенной до конкретного локуса, актуальных для культурного опыта рубежей России (XVIII - начало XX вв.), и составляют рубежи пространственных культурных парадигм. Они могут быть представлены рационализированными бинарными оппозициями - «встречами» иных миров и этого мира (метафизический уровень), мира и России, Европы и России (геополитический уровень), столицы и провинции (географический уровень). Но рубежи пространственных парадигм вполне могут иметь и синтетический характер, в частности, когда провинциальный город Ярославль в творчестве провинциального поэта М. Богдановича оказывается наделенным качествами метафизического города - символа человеческой цивилизации и одновременно ее гибели.

При исследовании рубежей *философско-эстетических парадигм* под последними мы понимаем творческие методы, художественные стили, художественные направления, художественные школы.

Проблемное поле рубежей *социально-культурных парадигм* в данной работе локализовано рубежами *гендерных* парадигм маскулинности и феминности, как в традициях гендерного измерения культуры общества, но также и с привлечением теории социально-культурной конструкции (гендерные стереотипы; «гендерный дисплей» И. Гоффмана).

Рубежи нравственно-психологических парадигм связаны с осмыслением процесса *интериоризации* культурного опыта рубежей и ее результатами в судьбах и творчестве конкретных персон.

В современном научном дискурсе существует традиция рассматривать «рубеж» и «кризис» как синонимичные понятия. Зафиксируем наше частичное согласие с такой позицией. И все же нам представляется важным проакцентировать, что «кризис», являясь доминантой «рубежа», не исчерпывает до конца сути последнего.

Существует соблазн рассматривать «рубеж» и как понятие, тождественное понятию «конца», особенно при обращении к русской культуре рубежа XIX-XX гг., проникнутой апокалипсическими настроениями, где рубеж веков, действительно, совпадает в рефлексиях современников и оценках исследователей с концом эпохи Нового времени, с концом императорской России. Тем не менее, «конец», гибель определенной культурной парадигмы - лишь один из возможных вариантов окончания «рубежа». Существуют и другие, менее радикальные, например, преодоление, трансформация, преобразование, обновление...

Культурный опыт рубежей – данное выражение мы употребляем для обозначения опыта рубежности, как в его целостности, так и в различных аспектах и уровнях его проявления в культуре (биографический, личностный, психологический, интеллектуальный, нравственный, духовный, политический, исторический, социальный, онтологический, метафизический). Носителем опыта рубежности мы признаем субъектов культуры (от личности до человечества) и феномены культуры (от произведения до культурного процесса), обладающих верифицируемыми имманентными качествами рубежности или воспринятых таковыми другими субъектами культуры.

Методологическое кредо при исследовании хронологических рубежей, рубежных эпох сформулировал еще Й. Хёйзинга: «мы рассматриваем некий период времени прежде всего как скрытое обещание того, что исполнится в будущем» [9, 15]. Мы не стремимся буквально экстраполировать данный постулат, но акцентируем то, что Й. Хёйзинга привлекал внимание к изучению непростого объекта – прошлого как «обещания», прообраза будущего. Еще раз напомним, что Гегель писал о границе, сино-

нимичной рубежу, как обладающей синтетичным содержанием. Методологическое основание для исследования культурного опыта рубежей, на наш взгляд, должно исходить из понимания сложной природы рубежа и рубежности в культуре, их вариативности, различной степени проявленности, иногда парадоксальной характерологии.

Рубеж для нас – это время, место и состояние встречи различных интенций, явлений, процессов в культуре, а значит, и в человеке, результатом которой является опыт обновления, развития или гибели. Русская культура в обоснованной теоретико-методологической парадигме – культура рубежей.

Библиографический список

1. Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России) [Текст]. – 2-е изд., перераб. и доп.: в 2 т. / А.С. Ахиезер. - Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997-1998. – Т.1. – Новосибирск, 1997. – 804 с. ; Т. 2. - Новосибирск, 1998. - 593 с.
2. Библер, В.С. На гранях логики культуры: Книга избранных очерков [Текст] / В.С. Библер. - М. : Русское феноменологическое общество, 1997. – 440 с.
3. Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка [Электронный ресурс]. – Изд. 2-е, доп. - М. : Наука, 1986. - 254 с. Режим доступа: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000028/index.shtml>, свободный. Проверено 19.09.2010.
4. Гегель, Г. Наука логики [Текст]: в 3 т. - Т. 1. - М. : Мысль, 1970. – 452 с.
5. Едошина, И.А., Бондарев, В.А. Культурология. Основные понятия [Электронный ресурс]. - Кострома : КГУ, 2005. - 52 с. Режим доступа: <http://www.iqlib.ru/book/preview/CC069972144143FAB38F529C24EBDC2>, ограниченный. Проверено 20.09.2010.
6. Кравченко, А.И. Культурология [Текст]: словарь / А.И. Кравченко. - М. : Академический проект, 2000. - С. 323.
7. Современный философский словарь [Текст] / под общ. ред. д. ф. н., профессора В.Е. Кемерова. - Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск : ПАНПРИНТ, 1998. – 1064 с.
8. Степин, В.С. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации [Текст] / В.С. Степин, Л.Ф. Кузнецова. - М. : ИФ РАН, 1994.- 274 с.
9. Хейзинга, Й. Осень Средневековья [Текст] / Й. Хейзинга // Хейзинга Й. Homo Ludens: статьи по истории культуры ; пер.,

сост. и вступ. ст. Д.В. Сильвестрова; коммент. Д. Э. Харитоновича - М. : Прогресс - Традиция, 1997. - 416 с.

10. Хренов, Н.А. Художественная жизнь императорской России: (субкультуры, картины мира, ментальность) [Текст] / Н.А. Хренов, К. Б. Соколов ; Гос. ин-т искусствознания М-ва культуры РФ РАН. – СПб. : Алетей, 2001. - 809 с.

11. Яковлева, Т. А. Культура и культурология в хронотопе переходности [Текст] / дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / Т.А. Яковлева. - Челябинск, 2004 - 192 с. - РГБ ОД, 61:04-24/92.

УДК 008.001.14

Т.И. Ерохина

Символика города в культуре русского символизма

Символизм как явление русской культуры конца XIX - начала XX вв. формируется и развивается в ситуации взаимодействия и противостояния нескольких литературных течений, среди которых наиболее значимое место занимают реализм, неоромантизм, а позднее – акмеизм и футуризм. Идентификация и самоидентификация символизма происходит, прежде всего, в контексте соперничества двух систем художественного мышления: реалистической и модернистской. И соперничество это порождало систему бинарных оппозиций, обозначенных и конкретизируемых поэтами-символистами.

При этом *бинарность* является основополагающей чертой, поскольку становится инвариантным (*онтологическим, моделирующим*) компонентом ментальности русского символизма и реализуется во множестве специфических черт русской ментальности конца XIX - начала XX вв., характеризующих пространственные и временные, возрастные и гендерные, мировоззренческие, художественные и поведенческие реалии русского символизма: Восток/Запад; Москва/Петербург; заимствования/самобытность; мистицизм/рационализм; индивидуализм/соборность; старшие/младшие; декаденты/символисты; мужское/женское; реалистичность/символичность и многое другое.

Одна из бинарных оппозиций, сформированных в символизме, может быть обозначена как противопоставление *города* (или урбанистической тематики) *деревне* (крестьянской России). Для символистов подобное противопоставление имело принципиальный характер.

Во-первых, это противопоставление было связано с бинарной оппозицией Восток/Запад, которая в свою очередь могла быть

представлена и более узко: Россия/Запад. И в этом контексте ориентация символизма на западную культуру и литературу приводила к необходимости актуализировать тему города в противовес традициям русской реалистической литературы, создающей образ крестьянской, деревенской, патриархальной России.

Во-вторых, исторические, социальные, политические изменения в России (выраженные и в отмене крепостного права, и в росте городов, и в русских революциях начала XX века) способствовали развитию городской субкультуры, которая начинает занимать всё более значимое место в культуре России. Н. Хренов, определяя искусство конца XIX - начала XX века как переходную эпоху, считал, что «символизм – порождение интенсивной жизни больших городов, в которых угасает вера» [15, с. 320]. Принимая во внимание, что символизм формируется как явление элитарной культуры и концентрируется в «столичных» городах России – Москве и Петербурге, урбанистическая тема отражает ещё одну бинарную оппозицию символизма: столичность/провинциальность (которая также может приобретать и более узкий характер – город/деревня).

В-третьих, символика города приобретает в символизме особое значение и в связи с глобальной оппозицией, к которой, по мнению К.Леви-Стросса [6], можно свести практически все локальные бинарные оппозиции, выстраиваемые мифологическим мышлением: культура/природа, где город выступает не только как явление культуры, созданной человеком, но и является своего рода «второй природой», существующей самостоятельно и живущей по свои законам.

Исходя из вышесказанного, символику города в культуре русского символизма можно рассматривать в нескольких аспектах.

Прежде всего, символика выражена в урбанистической теме в поэзии русского символизма. Урбанизм символизма был отмечен многими исследователями. М. Нордау утверждал, что главным фактором «вырождения» искусства рубежа веков является городской ритм жизни. И. Анненский в статье «О современном лиризме» обращал внимание на то, что «символизм в поэзии – дитя города <...> символам просторно играть среди прямых каменных линий, в шуме улиц, в волшебстве газовых фонарей и лунных декораций» [1, с. 135].

Урбанистическая тема, наиболее ярко выраженная в поэзии В.Брюсова, может быть представлена в связи с первой оппозицией: Россия/Запад. Принимая во внимание, что символизм В.Брюсова начинается с публикаций сборников «Русские симво-

листы», состоящих из переводной литературы и стихотворений самого поэта, изданных под разными псевдонимами, следует отметить, что урбанизм В. Брюсова приобретает особый смысл. В первых, В. Брюсов выступает в качестве переводчика и пропагандиста другого «урбаниста мирового масштаба» – бельгийца Эмиля Верхарна, который с помощью символизма рисует «выстраданные образы созерцаемых изнутри современных ему городов» [12]. Тотальный декаданс формируется в циклах поэта «Крушения» и «Черные факелы», где Э. Верхарн призывает город «умереть от черного презрения к себе». В «Поля в бреду» уже формируется образ «города – спрута», манящего к несбыточным мечтам, «приманивая и вбирая в себя щупальцами людей из деревень, поглотившего своим дымом солнце, превратившего людей в бездумную свирепую толпу со снами, заквашенным алкоголем и предсмертной жадой» [12]. Циклы «Двенадцать месяцев», «Города – спруты», «Призрачные деревни» и драма «Зори» входят в знаменитую урбанистическую трилогию поэта, отражая социальные «язвы перелома столетий» [12].

Урбанистическая тема наиболее полно развивается у В. Брюсова в сборнике «Третья стража», в котором он, воспевая древние цивилизации, описывает античеловеческое устройство города. Город показан мёртвым, давящим, угнетающим человека.

Городская символика в целом более востребована старшими символистами, поскольку, по мнению А. Ханзен-Лёве, она характерна для декадентского «лунного мира», в котором выстраивается определённая система символов: город, потерянность, кристалличность, пустынность, смерть, немота, одиночество [14, с. 47]. Символика города соотносится с гибнущей цивилизацией, неорганическим каменным миром, забвением: «И полумёртвые руины/ Полузабытых городов/ Безмолвны были, как картины,/ Как голос памятных годов» (К. Бальмонт). Урбанистический мир становится миром теней, людей-призраков: «Словно нездешние тени,/ Стены меня обступили:/ Думы былых поколений!/ В городе я – как в могиле./ Здания – хищные звери/ С сотней насытных утроб!/ Страшны закрытые двери:/ Каждая комната – гроб!» (В. Брюсов).

Город противопоставлен природе, что соответствует бинарной оппозиции культура/природа, и для старших символистов город концентрирует в себе негативные признаки мира, демонизируется, рождая символ «диаволического города» (А. Ханзен-Лёве), наиболее ярко воплощённого в поэзии К. Бальмонта: «Мне ненавистен гул гигантских городов/ Противно мне толпы движенье,/ Мой дух живёт среди лесов,/ Где в тишине уединенья...»; «Безумный город, мёртвая столица».

Только в поэзии В.Брюсова город обретает новую символику: эстетика природы заменяется эстетикой города, воспетого затем в футуризме. Город привлекает поэта красотой искусственного, сделанного, созданного культурой: «Я люблю большие дома/ И узкие улицы города», «Город и камни люблю/ Грохот его и шумы певучие». И хотя мифология города не лишена у В.Брюсова декадентской символики, город обретает право на жизнь как артефакт культуры.

Второй аспект символики города связан в русском символизме со спецификой восприятия пространства.

Среди наиболее часто встречаемых вариантов пространства в символизме (в отличие от природного – в романтизме) – пространство города. Действительно, город и городская символика является неотъемлемой частью поэзии символистов: «Горящие здания» (1900) К. Бальмонта, роман «Петербург» (1913) А. Белого, цикл «Город» (1904-1906) А. Блока, «Urbi et Orbi» («Граду (Риму) и миру» (1904)) В. Брюсова. Но даже указания на конкретные города (Рим, Петербург) не являются для символистов результатом непосредственной фиксации конкретного пространства. Символистский город как таковой – это город-фантом, мистически окрашенное пространство, живущее особой жизнью, притягивающее и пугающее своей демоничностью.

Пространство города в произведениях А. Белого становится космическим (о космизации пейзажа, космизме города в творчестве А. Белого см. З. Юрьева «Творимый космос у А. Белого» [17]), Петербург предстаёт где-то в неизмеримостях, бесконечности и бескрайности, тумане, мгле, воде, становясь символом города-призрака. Поэтому пространство романов А. Белого «Петербург» и «Москва» следует считать символическим, прочитанным (особенно в первом случае) через звуки, ритм, внутреннее состояние героя. Петербург А. Белого даже постигается не пространственно, а через шёпот, «проговаривание». Город символистов абстрактен, он является частью «мнимого мира» или моделью самого мира, которая не сводится ни к одной географической точке. «Урбанистический мир одновременно представляет собой собственное «внутренне пространство» декадента, заменяет подсознательное и природное» [14, с. 307]. Исследователи справедливо отмечают: «городские реалии, как правило, сложно переплетены с образами условными и цитатными» [9, с. 108], что даёт нам возможность отнести обращение к столичной теме в символизме к попытке создания метатекста, а следовательно – расширения представления о столице как о внепространственном, символическом локусе, расширяющемся до космополитических представлений о пространстве.

Данный аспект отражает в большей степени вторую бинарную оппозицию символистов: столица/провинция, которая, как было отмечено выше, связана для символистов с восприятием пространства.

Основанием для подобного утверждения стало рассмотрение провинциальности в творчестве Ф. Сологуба. Жизнь последнего оказалась самым тесным образом связана с провинцией. Именно в провинциальных городах (г. Крестцы Новгородской губернии, который А. Чеботаревская в биографической справке о поэте называет подлинным типом ««медвежьего угла», где из каждого дома видно поле, в тёмные вечера ходят по улицам с собственными фонарями, рискуя утонуть в невылазной грязи, а колбасу и консервы лавочники получают 1 раз в год» [11, с. 388]; Великие Луки, где служил Ф. Сологуб, изучая провинциальный быт; г. Вытегра) формируется писательский талант Ф. Сологуба, рождаются первые декадентские произведения. Показательно, что даже З. Гиппиус определяет своё первое восприятие Ф. Сологуба именно через отношение «столичности» (по месту рождения) и «провинциальности» (по месту обитания): «Петербуржец, но служил до сих пор в провинции» [11, с. 214].

А. Белый отмечает, что «персонаж Сологуба всегда из провинции, и страхи его героев из Сапожка: баран заблеял, недотыкомка выскочила из-под комода, Мицкевич подмигнул со стены – ведь всё это ужасы, смущающие смертный сон обывателя города Сапожка» [2, с. 336], а А. Чеботаревская справедливо указывает, что многие образы «Мелкого беса» были взяты с «натуры» и содержат «нравы провинциальных болот того времени» [11, с. 389].

Многие исследователи творчества Ф. Сологуба (З. Минц, А. Долгенко, А. Пайман, Л. Силард) сходятся во мнении, что реальная основа большинства творений Сологуба — русская провинция. «Жизненный опыт дал Федору Сологубу огромное множество деталей захолустного быта. Создавая свои произведения, писатель сочетает многочисленные реалии быта с преднамеренно отбираемыми мотивами из Пушкина, Гоголя, Достоевского, соединяя психологические комплексы «маленького человека» и «лишнего человека»...» [4, с. 87].

Вместе с этим, никто из критиков не называл самого Ф. Сологуба – провинциалом. И дело не только в том, что он родился и учился в Петербурге, где затем и продолжил свою писательскую карьеру. Слишком фантастичен, страшен, «нереален» тот провинциальный мир, который рождается в произведениях Ф. Сологуба. Это уже мир *декадента*, для которого понятие «провинция» приобретает совершенно другие границы и масштабы. Провинция

становится системой координат, в которой существует человек, независимо от фактического места рождения или проживания.

Символистское мировосприятие в аспекте пространства провинции имело истоки, однако более ранние, чем оно предстало у Ф. Сологуба: А. Чехов, отнесённый А. Белым к истокам реализма, на деле, завершая традицию реализма, стоял у других истоков – символизма.

Для чеховских персонажей пространство провинции – родной «угол» (обратим внимание – не край или дом). Именно в «Родном углу» Варя поддаётся обаянию степи, забывая о пошлом и думая, «как здесь *просторно*, как свободно». В дороге её открываются картины «*громадные, бесконечные, очаровательные* своим однообразием», но, доехав до усадьбы, она думает что эта «нескончаемая равнина <...> поглотит её жизнь, обратит в *ничто*», и ей придётся «поселиться в глухой усадьбе и *изо дня в день*, от нечего делать, ходить из сада в поле, из поля в сад».

В сологубовской прозе тоже есть свой «угол», тот угол, о котором А. Белый написал: «...добрая половина обитателей глухой провинции – бессознательные буддисты: сидят на корточках перед тёмным, пустым углом. Сологуб доказал, что и переселяясь в столицы, они привозят с собой тёмный угол: доказал, что сумма городов Российской империи равняется сумме Сапожков. В этом смысле и пространства великой страны нашей суть огромный Сапожок» [2, с. 336].

И для А. Чехова и для Ф. Сологуба - это угол, который есть всегда у русского человека, независимо от места его нахождения, это провинциальность, которую невозможно истребить. Но если А. Чехов, по мнению Д. Мережковского, гениален тем, что во всём он видит обыкновенное, невидимое, и страшен тем, что «кроме этого быта, ничего не знает и не хочет знать» [7, с. 626], то Ф. Сологуб, с его поэзией смерти, пыли, плена, рисует провинциальное захолустье так, что «всё обычное становится ужасным» [7, с. 270].

Поэтому даже реальное провинциальное пространство в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес» (а тем более – в его поэзии) приобретает специфическое значение. Определение пространства в творчестве писателя достаточно условно и не является доминирующим, несмотря на яркие и точные зарисовки провинциального быта. Важнее не провинция как географическое пространство, а «передоновщина» - создание, по словам А. Горнфельда, «более недействительное при всей своей повседневности» [11, с. 389], и ««мёртвые души» русской провинции, в карикатуре изображённые Гоголем, - возвышенные создания в сравнении с удивительно мер-

зостными и нелепыми призраками, которыми населил свой город Сологуб» [11, с. 425].

Провинциальность в творчестве Сологуба – это скорее мироощущение, мировосприятие, гротескный, фантастически страшный мир, часть которого есть в каждом русском человеке, поскольку каждый человек и создаёт этот провинциальный мир, населённый «недотыкомками». Поэтому, по определению А. Горнфельда, «Сологуб наш, страшно наш, и мы – его <...>. Он создал и создаёт целый мир, которого мы не знали бы без него; и эта «творимая легенда» при всей фантастичности, извращённости, причудливости, непонятности – <...> есть всё-таки настоящая подлинная реальность» [11, с. 439].

Критик В. Ерофеев отмечает, что традиционное для русской культуры противопоставление «столица»/«провинция» отсутствует в романе Ф. Сологуба: «Столица оказывается призрачной, ирреальной, никакой. Можно сказать, что нет разницы, существует она или не существует <...> ...город ничему не противопоставлен. Поэтому все, что творится в нем, получает значение нормы. Сравнить не с чем» [5].

Вместе с этим, провинция не воспринимается и как «малая родина» (ещё один аспект, который мог быть востребован Ф. Сологубом, учитывая его биографию), провинция Передонова – это безликий город, воплощающий «обобщённую бытовую декорацию жизни», символ реального мира, что, по мнению В. Ерофеева, изгоняет из романа пространственную (а не только временную, обращённую к будущему) надежду.

Двойственность Ф. Сологуба – в наличии в нём самом страшного «угла», который он пытается преодолеть в себе и своём творчестве, предлагая, в частности, многочисленные переводы П. Верлена, Ф.-М. Вольтера, Г. де Мопассана, Ш. Бодлера, Т. Готье, Г. Клейста (стремясь выйти за рамки русской культуры); совершая ряд поездок по провинции с лекцией «Искусство наших дней»; посещая Европу (прежде всего и впервые - Париж в 1909 г., раздвигая, таким образом, и реальные географические рамки своего существования), поменяв свой «провинциальный» уклад жизни с сестрой (о котором вспоминал Г. Чулков: «казалось, что ты сидишь не в Петербурге, а где-нибудь в далёкой провинции...») [16, с. 497]) на светскую столичную жизнь с женой А. Чеботаревской (с балами-маскарадами, поэтическими вечерами и т.д.).

Парадоксальность творчества Ф. Сологуба во многом и была осмыслена современниками как органическое соединение *космополитичности декадентства* («декадентом он упал с неба, и кажется иногда, что он был бы декадентом, если бы не было ...декадентства <...> Такова ирония истории: сын полтавской крестьянки, внеисто-

рический Сологуб оказался стихийным воплощением ... нового течения» [11, с. 392] и *провинциальности мироощущения*, позволившее Ф. Сологубу создать в литературе новую эмоциональную индивидуальность, секрет которой заключался в том, что писатель наделил героев своих произведений фактами собственной биографии и чертами своей личности.

Показательно, что, обращаясь к произведениям русских писателей-реалистов, символисты единодушны в том, что изображение повседневности в реализме имеет символическую или мистическую природу. Так, по мнению Д. Мережковского, в творчестве Н. Гоголя «картины русского провинциального города 20-х годов имеют кроме явного некоторый тайный смысл, вечный и всемирный, «преобразующий» или, как мы теперь сказали бы, *символический*, ибо символ и значит «преобразование» [7, с. 558], а в произведениях Ф. Достоевского «в обыкновенных мелочах жизни открываются такие глубины, такие тайны, которых мы никогда не подозревали» [7, с. 389].

Третий аспект – символика Петербурга. Исследователи выделяют в творчестве символистов особую тему, которая находит отражение в создании так называемых «петербургских текстов» (З. Минц, Б. Томашевский, В. Топоров). В «петербургских текстах», к которым относятся произведения о Медном всаднике (А. Блок, В. Брюсов, Вяч. Иванов) и романы Д. Мережковского «Пётр и Алексей» и А. Белого «Петербург», важнее не столько моделирование пространства, сколько создание «интерпретирующего кода» [9, с. 104], размыкание классических петербургских тестов, созданных А. Пушкиным, Н. Гоголем, Ф. Достоевским.

Б. В. Томашевский подчеркнул, что речь идет не просто о «петербургской теме» как таковой, а о важных особенностях поэтики произведений, линия которых протянулась от Пушкина к Достоевскому и литературе начала XX в. (особая роль городского пейзажа, «идеологического и эмоционального отношения» к городу, образа героя, «живущего, мыслящего и страдающего» в Петербурге) [13, с. 410].

З. Минц отмечает, что в равной мере значимый «петербургский текст» русских символистов предстает и как «глава» в непрерывно становящемся «петербургском тексте русской литературы», и как особая группа текстов внутри этого полиструктурного «произведения» [8].

Символистский период истории «петербургского текста» возникает, развивается и осознает себя *на фоне уже созданных* произведений о Петербурге (главным образом — XIX в.). Поэтому исследователи обращают внимание на влияние на символизм классических «петербургских текстов» Пушкина, Гоголя, Достоевского, отме-

чая, тем не менее, специфику символистского истолкования петербургской темы: классические произведения «петербургской темы» воспринимаются «новым искусством» как некий единый текст.

Произведения XIX в. о Петербурге не только часто цитируются символистами, «петербургский текст» XIX в. становится «носителем единого художественного языка, играющего в символистских произведениях важную роль *интерпретирующего кода*» [8]. «Петербургский текст» XIX в., таким образом, становится одним из основных «текстов-интерпретаторов» для произведений русских символистов [8]. По мнению З.Минц, ядро вычлняемого символистами 1900-х гг. «петербургского текста» XIX в. — это «Медный всадник» и «Пиковая дама» Пушкина, «Петербургские повести» Гоголя, «Бедные люди», «Двойник», «Хозяйка», «Записки из подполья», «Преступление и наказание», «Идиот» и «Подросток» Достоевского (а «ядром ядра» здесь будут первое и три последних произведения) [8].

«Петербургский текст» русского символизма соотносится в той или иной степени со всеми указанными выше бинарными оппозициями. Это и оппозиция Восток/Запад (или Россия/Запад), которая становится уже тернарным построением, поскольку Петербург выступает в роли некоего медиатора, соединяя в себе черты как западного города (города, сознательно ориентированного на западную культуру), так и российскую специфику. Это и оппозиция столица/провинция, в которой Петербург также занимает особое место, являясь в своё время столичным городом и уступив свои позиции позже Москве. И оппозиция культура/природа, в которой Петербург понимается как некое новообразование, созданное искусственно, но ставшее в итоге живым организмом, мифическим персонажем русской культуры.

Таким образом, символика города в культуре русского символизма входит в сложную систему символики урбанистической темы как таковой и, в свою очередь, рождает новый текст города-символа, вбирающего в себя ментальные особенности русского символизма.

Библиографический список

1. Анненский, И.Ф. Книги отражений [Текст] / И.Ф. Анненский. — М. : Наука, 1979.
2. Белый, А. Критика. Эстетика. Теория символизма [Текст] : в 2 т. / А. Белый. — Т. 2. — М. : Искусство, 1994.
3. Гиппиус, З.Н. Живые лица [Текст] / З.Н. Гиппиус. — СПб. : Азбука, 2001.
4. Долгенко, А.Н. Русский декадентский роман [Текст] / А.Н. Долгенко. — Волгоград : Перемена, 2005.

- 5.Ерофеев, В. Тревожные уроки «Мелкого беса» [Электронный ресурс] / В. Ерофеев. – Режим доступа: http://az.lib.ru/s/sologub_f/text_0070.shtml. – Проверено 10.09.2010
- 6.Леви-Стросс, К. Структурная антропология [Текст] / К. Леви-Стросс. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2001.
- 7.Мережковский, Д.С. Эстетика и критика [Текст] : в 2 т. / Д.С. Мережковский. – Т. 1. – М. : Искусство ; Харьков : СП «Фолио», 1994.
- 8.Минц З.Г. «Петербургский текст» и русский символизм [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/mints/papers/pbtekst.html#Г3> – Проверено 10.09.2010
- 9.Минц, З.Г. Поэтика русского символизма [Текст] / З.Г. Минц – СПб. : Искусство-СПБ, 2004.
10. О Фёдоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки [Текст] / сост. А. Чеботаревская. – [б/м] : Изд-во «Шиповник», 1911.
11. Русская литература XX века (1890-1910) [Текст] : в 2 кн. / под ред. проф. С.А. Венгерова. – Кн. 1. – М. : Издательский дом «XXI век – Согласие», 2000.
12. Савин, Л. Урбанизм в поэзии [Электронный ресурс] / Л.Савин - Режим доступа <http://kali-yuga.narod.ru/text/urban.htm> Проверено 10.09.2010
13. Томашевский, Б. В. Пушкин: Материалы к монографии [Текст] / Б.В. Томашевский – Кн. 2. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
14. Ханзен-Лёве, А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм [Текст] / А. Ханзен-Лёве. – СПб. : Академический проект, 1999
15. Хренов, Н.А. Социальная психология искусства: переходная эпоха [Текст] / Н.А. Хренов. – М. : Альфа-М, 2005.
16. Чулков, Г.И. Валтасарово царство [Текст] / Г.И. Чулков. – М. : Республика, 1998.
17. Юрьева, З.О. Творимый космос у А. Белого [Текст] / З.О. Юрьева. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2000.

УДК 008(091)

Т.В. Юрьева

**Сакральный модус храма
в архитектурно-пространственной среде города**

Любой древний город в современном своем состоянии является сложным комплексом отраженных в нем, его структуре,

планировке и композиции представлений человека о природе, космосе, мире и своем (человека) месте в этом сложном пространстве. Каждая эпоха накладывает на структуру города свой отпечаток, она трансформируется, в чем-то усложняется, а в чем-то, наоборот, примитивизируется. И с каждым историческим периодом все труднее уловить те изначальные существенные принципы, которые долгое время определяли его (города) лицо.

Тем не менее, совершенно очевидно, что город, как явление культуры, которое постоянно актуализируется жизнью в нем людей, справедливо назвать архитектурной летописью человеческой истории, в которой, как и в самой истории, выделяются периоды, обусловленные как религиозным, так и рационалистическим сознанием, причем в первом случае топография города формируется как святое место и расположение объектов обусловлено именно этой логикой, а во втором – как место с удобной инфраструктурой, где важным становится, например, транспортная доступность, наличие социально значимых объектов (школа, детский сад) и т.п. вещи.

Храм в современном городе становится элементом этой инфраструктуры, подобным школе или магазину. Кроме всего прочего, это подкрепляется еще и определенными актами Русской православной церкви, например, решением построить в Москве ряд типовых храмовых сооружений, расположенных в пошаговой доступности для каждого жителя города, то есть каждый микрорайон должен получить маленький безликий «клончик» храма, сложенный из стандартных железобетонных конструкций и поставленный без учета каких-либо традиций, связанных с формированием сакральной среды города.

Тем не менее, вопрос о том, где будет храм, отнюдь не праздный. Одно дело, когда новый храм строится на месте разрушенного когда-то старого, как это было, например, с Успенским собором в Ярославле, и другое – чем будут руководствоваться при выборе места для строительства нового храма, если там не будет абсолютно никакой привязки к исторически существовавшей до этого постройке.

Основная функция христианского храма – литургическая, то есть богослужение. Храм также необходим верующим для удовлетворения их потребности в молитве и отправлении религиозных обрядов.

Но, помимо этого, поскольку городской храм находится в определенной социокультурной и архитектурно-художественной среде, он также выполняет еще ряд дополнительных функций, связанных с этой средой и формирующих ее.

Первой из этих дополнительных функций является мемориальная функция – храмы-памятники обозначают освященные христианской историей места или, через свое посвящение, являются своеобразным напоминанием о важнейших для христианства событиях. Примером может служить самый главный христианский храм – Храм Гроба Господня в Иерусалиме, построенный на месте погребения и воскресения Иисуса Христа, далее список можно продолжать бесконечно.

Эта функция получает свое развитие в двух направлениях. С одной стороны, меморилизируются памятные места и события продолжающейся христианской истории. С другой – многократно увековечивается остающееся самым священным пространство Иерусалима. Это происходит в повторении или, по-другому, символическом переносе архитектурных, градостроительных и топонимических реалий Святого города при создании на других территориях храмов и храмовых ансамблей, монастырских комплексов. Ярчайший пример – Новый Иерусалим под Москвой, построенный патриархом Никоном. (Само название уже говорит за себя).

Поэтому можно говорить об иеротопической логике, лежащей в основу формирования архитектурно-пространственной среды и топонимики многих русских сакральных мест.

Вторая дополнительная функция – формирование эстетического пространства города. Это осуществляется через:

- создание визуального «скелета» города через формирование основных доминант, которые определяют храмы и колокольни;

- соподчинение структур, ярусность композиции города, зоны влияния каждой доминанты, соразмерность в расстоянии и высотах церквей;

- формирование планировки города, основанной на взаимосвязи доминант храмов;

- обратная связь с планировкой путем постановки церквей в створе улиц.

На протяжении веков все это учитывалось при формировании архитектурно-пространственной среды города и стало планомерно разрушаться с уничтожением религиозной составляющей русской культуры.

Современные попытки восстановить эти принципы часто терпят неудачу. К сожалению, главное, что мешает этому – отсутствие той целостности, которой обладала средневековая культура. И, что удивительно, меньше всего общество, пытающееся возродить былую храмовданную традицию, и, в первую очередь, священство, задумываются о сакральном модусе храма и окружающе-

го его пространства. При проведении опроса среди будущих священников мы получили результаты, свидетельствующие о том, что превалирует прагматическая составляющая, которая в первую очередь и определяет, где будет храм. (Большая часть опрошенных на вопрос о критериях для выбора места постройки храма называли наличие большого количества прихожан и городской инфраструктуры, гораздо меньше говорили об эстетике места, и практически никто – о его сакральной составляющей).

Тем не менее, нет никакого сомнения, что храм в христианском средневековом сознании является центром сакрализованного пространства. И здесь, в этом центре концентрируются все основные сакральные смыслы, которые проявляются через форму храма. Поэтому, прежде всего, необходимо охарактеризовать – что есть это пространство для человека Средневековья.

В современном культурологическом знании в последние годы возникло такое направление как метагеография, главный объект изучения которой – географические образы – «специфическое географическое знание, которое является буфером или медиатором между традиционной системой географических знаний – достаточно инерционной и громоздкой – и потребностями жесткого специализированного мышления в различных областях знания и человеческой деятельности» [1]. По мнению ученых, развивающих метагеографию, «формирование образов в географии – это элементы последовательного пространственного осмысления окружающего мира» [2]. Таким образом, географические образы напрямую связаны с основополагающей культурологической категорией – картиной мира, которая в этой науке понимается как «воззрение на мир» [3], включающее, в том числе, и пространственное о нем представление.

Метагеография стоит на позиции, что «пространство, по сути дела, как и его образы, создаются культурой и/или цивилизацией, которая их осознает, живет ими и в них», и что «каждая культура создает свои так или иначе репрезентированные образы пространства» [4]. С этой точки зрения были даны характеристики разных типов культур с точки зрения создания в них пространственных образов. Эта позиция не так уж и нова. Еще до появления этого новомодного направления, именуемого метагеографией, в культурологии было сформировано представление о пространстве как о категории именно культуры. А.Я. Гуревич в своей знаменитой работе «Категории средневековой культуры», впервые опубликованной в 1972 году, писал: «Мы подчас не сознаем, что пространство и время не только существуют объективно, но и субъективно переживаются и осознаются людьми, причем в разных цивилизациях и обществах,

на различных стадиях общественного развития, в разных слоях одного и того же общества и даже отдельными индивидами эти категории воспринимаются и применяются неодинаково. <...> человек руководствуется в своей практической деятельности и в своем сознании этими и иными основными категориями «картины мира», и от того, как он их интерпретирует, во многом зависит его поведение, поведение социальных групп и развитие целых обществ»[5]. И далее: «Человек не рождается с «чувством времени», его временные и пространственные понятия всегда определены той культурой, к которой он принадлежит»[6].

Кстати, сама метагеография еще не проявила достаточного интереса к эпохе Средневековья, трактуя отношения средневекового человека с пространством весьма однозначно. В частности, вслед за А. Гуревичем Д.Замятин отмечает: «Средневековые мыслило мелкими прерывными интервалами и практически не связанными локусами в рамках реальных путешествий»[7], и тем, собственно, ограничивается.

Тем не менее, на самом деле все выглядит гораздо сложнее и менее однозначно. Даже если мы возьмем, как пример для рассмотрения, тему путешествия, первопричина необходимости перемещения в пространстве будет связана с целым комплексом средневековых представлений. При отсутствии повседневной или, если точнее, обусловленной хозяйственным укладом основного представителя средневековой эпохи – земледельца, необходимости путешествовать, перемещение в пространстве вплоть до «времени купцов» (термин Ж. Ле Гоффа) могло быть связано только с очень серьезными причинами. В ситуации христоцентризма, который в первую очередь характеризует культуру Средневековья [8], это было паломничество, и, прежде всего, паломничество в Святую землю, в Иерусалим. Самая главная цель, так называемый культурный проект христианина связан со Спасением. Спасение, в свою очередь, могло пониматься «как перемещение в пространстве, паломничество – как вид аскезы» [9]. Таким образом, сакрализуется как само пространство, так и перемещение в нем.

Освоение пространства через паломничество, в первую очередь, связано с представлением о земном пути в Иерусалим как пути в Рай, который христианин совершает в течение всей своей жизни. Иерусалим является для христиан центром земного географического пространства, что, в свою очередь, и отражается на средневековой картографии. Таковы, например, псевдо-исидорова большая Ватиканская карта ойкумены 770 г., Оксфордская карта мира 1090 г., карта мира Гвидо из Пизы 1118 г., карта ойкумены из Библии Арншайна 1172 г., Лондонская Псалтырная карта 1260 г.,

Эбсторфская и Херефордская карты конца XIII в. и другие карты мира IX – XIII вв., где этот город всегда помещен в центре мироздания [10]. Как справедливо отмечают исследователи, географические карты едва ли предназначались для путешественников «и в XI – XIII вв. представляли собой отображение господствовавшей тогда концептуальной картины мира, в центре которой христианское сознание помещало Иерусалим. Именно этот город и был главной целью средневековых путешествий и паломничеств, тогда как вся земля рассматривалась как театр священной истории» [11].

Помещение здесь центра земли связано с локализацией в Палестине и Иерусалиме новозаветного сакрального пространства. Его достижение в земной жизни аналогично достижению Горнего Иерусалима в будущем, после воскресения.

Это средневековое пространственное представление нашло своеобразное преломление в локальных пространственных построениях в западном христианстве. Это касается, прежде всего, таких архитектурно-художественных форм, как храм и монастырь, несколько позже это коснется и средневекового города.

В западном христианстве появляется такая форма храма, как паломнический. Первоначально архитектурно-пространственная специфика паломнического храма была связана с реликвиями, хранящимися в храме, и необходимостью беспрепятственного их достижения паломниками. Так появляется деамбулаторий и венец капелл в романской храмовой архитектуре. Таким образом, паломники на пути своего следования, попадая в стоящий по дороге храм, могли оказать соответствующие почести тем реликвиям и святыням, которыми тот обладал. Тем самым паломничество приобретало еще большую ценность. В дальнейшем, после многочисленных крестовых походов и распространения иерусалимских святынь, каждый храм стремился к их обретению, что позволило ряду из них собрать у себя такие реликвии, которые своим составом, собранным в едином храмовом пространстве, символизировали святыни главного сакрального пространства – Иерусалима. Это позволяло, совершая паломничество в данный храм, заменять этим поход в Иерусалим, который для ряда паломников был трудно или совсем не достижим в силу географических и исторических причин.

В конечном итоге реликвией становится само пространство Иерусалима, которое переносится географически через создание подобного Иерусалиму пространства в храме или монастыре. В частности, в Европе уже со времен Каролингов «совершить «паломничество в Иерусалим» означало подчас посетить соседний монастырь» [12]. Теперь и монастырское пространство, а затем и пространство города организуют по подобию иерусалимского: «мона-

стырь наряду с каноникатами и приходами, ориентированными по сторонам света, был частью «креста» или «венка», в центре которого находился кафедральный собор, – устойчивый мотив планировки епископских городов прежде всего в Германии и Италии» [13].

Таким образом, можно говорить о символике Иерусалима, проявленной в топографии средневекового города. Сакрально-символический фактор, проявившийся на всех уровнях средневековой культуры, должен стать необходимым аспектом рассмотрения образа городского пространства. Это касается не только отдельных доминант – сооружений религиозного назначения, изначально призванных создавать сакрализованный образ города, но и топографии города как сакрального места, организованного в логике соответствия библейским образам священных мест, поскольку, как справедливо заметил Ю.М. Лотман, «архитектура как второй мир, созданный человеком, во-первых, отражает Универсум, воспроизводя представления о глобальной системе мироздания, во-вторых, моделирует Универсум, так как структура построеного и обжитого пространства переносится на мир в целом» [14].

Применение такого подхода важно для осмысления городского ландшафта и городской среды, сформированной, например, в эпоху русского Средневековья. Восточно-христианский вариант сакрализации пространства специфичен еще и тем, что русская культура, восприняв себя наследницей христианской традиции при утрате, как Святой земли – Иерусалима, так и Константинополя, мыслимого вторым Иерусалимом, наследником первого, пытается обустроить свое сакральное пространство путем перенесения на местную почву как отдельных реликвий, так и всего сакрализованного пространства в целом.

Это мы и видим в воплощенных ландшафтах и планах древнерусских городов и монастырей. Причем пространство сакрализуется сразу на нескольких уровнях:

1. Прослеживается иконография Горнего Града Иерусалима, где происходят ассоциации символические и апокалиптические. Осуществляется связь с теми местами в текстах Священного Писания, где говорится о Небесном Иерусалиме [15]. Прослеживается числовая символика. По словам С.С.Аверинцева, «...всякий христианский город, сколь бы он ни был скромн, есть «икона» Рая, Небесного Иерусалима...» [16].

2. Происходит ориентация на конкретные святые Иерусалима земного, где происходят ассоциации топографические и топонимические. Это осуществляется через выбор аналогичного иерусалимскому ландшафта, топографических названий, повторе-

ние конкретных форм известных иерусалимских святынь, их географического расположения относительно друг друга.

Таким образом, принципы построения пространственной структуры древнерусского города должны быть рассмотрены с точки зрения иеротопии, нового направления в гуманитарной науке, в котором создание сакральных пространств представляется как особая сфера творчества и самостоятельный раздел истории культуры [17]. Сегодня такие подходы представляются наиболее продуктивными в изучении как пространственных представлений человека эпохи Средневековья, так и отражения этих представлений в многочисленных артефактах средневековой культуры.

Мы, в свою очередь, готовы предложить общему вниманию вариант применения сложившихся в последнее время в культурологической науке подходов к конкретному, сформированному средневековой культурой пространству одного из древних русских городов – Ярославля.

Уподобление Небесному Иерусалиму, Горнему месту *реализуется через географически высокое положение*. Это должна быть самая высокая точка, доминирующая над окрестностями.

Этот принцип мы наблюдаем уже при строительстве первого христианского города на Руси – Киева. Уже в следующем после крещения году князь Владимир ставит новый город-крепость на Киевской горе и к 996 году возводит каменный храм во имя Успения Пресвятой Богородицы. Крепость на Киевской горе со сверкавшим на ней храмом возвышалась метров на двадцать пять выше Боричева града, древнейшей языческой твердыни киевлян, в свою очередь вздымавшейся над Днепром еще метров на шестьдесят.

Многие русские города были организованы по этому принципу, не является здесь исключением и Ярославль. Первый каменный храм Ярославля, построенный Константином Всеволодовичем в 1216 году – Успенский собор, носит то же имя и занимает такую же высокую точку относительно остального географического ландшафта. Христианская святыня оказывается стоящей как бы на небе.

Как уже было отмечено, *первым подобием Небесному граду является земной, палестинский Иерусалим*. Его сакральность особенно подчеркнута в Священном Писании. По вдохновению свыше царь Давид взял Сион и назвал его «город Давидов» (4. 2 Цар. 5:7). Сюда, в Иерусалим, он перенес Ковчег Завета (4.2 Цар. 6:12-19). Сам Господь избрал город, в котором впоследствии должен был быть построен Соломоном храм (4.3 Цар. 8:48; 14:21; 2 Пар. 12:13). Священное Писание называет Иерусалим Градом Господа сил, Градом Божиим, Градом Господним, Градом Всевышнего, Градом Святым, Градом Бога живого. Место на небе, где обита-

ет Царственная Божественная Троица, имеет множество различных наименований: Скиния Бога с человеками, Нива Божия, Рай Небесный, Гора Господня, Вышняя Гора Сион, Селение Божие, Обитель Троицы, Великий Дом, Дом Святой Троицы, Святая Божественная ограда, Великий Град, Горний Град, Град Небесный, Град Божий, Горний или Вышний Иерусалим. (4. Пс. 47:2; 47:9; 86:3; 100:8; Тов. 13:9; Ис. 52:1; 3 Езд. 10:54). В этих названиях отражены различные ипостаси (сущности) образа Божественной Обители, указаны их масштабы, различные грани восприятия. Это тот безграничный ряд образов, который окружал и обогащал творчество древнерусских зодчих.

В Новом Завете Иерусалим – это, прежде всего, место проповеди Христа, место совершения Им чудес, место суда, смерти и воскресения Спасителя. Иерусалим также место сошествия Святого Духа на апостолов, то есть начало Новозаветной Церкви. И поэтому для христиан это избранный святой град. Самое значительное, что мы находим в Новом Завете относительно Иерусалима, – это присвоение его имени Царству Небесному. Апостол Павел называет Царство Божие «вышним», «небесным» Иерусалимом. И Иерусалимский храм понимается апостолом лишь как рукотворное святилище, устроенное по «по образу истинного» небесного, пребывающего в горнем Иерусалиме (4. Гал. 4:26; Евр. 9:24; 12:22). Апостол Иоанн именует Царство Божие «новым Иерусалимом», «святым Иерусалимом новым», «святым Иерусалимом, который снисходит с неба» Иерусалимом» (4. Откр. 3:12; 21:2, 10). «Очевидно, что в Священном Писании Царство Небесное именуется Иерусалимом в образном смысле: палестинский Иерусалим лишь икона Царства Небесного, земной образ небесного Первообраза» [18].

Сын Владимира, Ярослав, продолжая преобразование Киева из языческой столицы в православную, не просто пристраивает к городу Владимира новую крепость, переселяя киевлян под защиту более мощных стен. Рядом с городом, символизировавшим Горний Иерусалим, Ярослав строит подобие Иерусалима Земного, того, который стоял в Палестине и к которому у русских возникает интерес сразу с принятием христианства. Вспомните хотя бы «Хождение» игумена Даниила (1104 – 1107 г.), где он детально описывает все святые места города Иерусалима.

Тем более, что и сам город *Константинополь, являвшийся для русских несомненным образцом градостроительства*, во многих своих градостроительных и храмостроительных ансамблях сближался с Иерусалимом. В знаменитом «Слове о законе и благодати» митрополита Киевского Иллариона (1037–1050 г.) «Константин град» прямо и без всяких оговорок назван «Новым Иерусалимом».

Символическая связь между Иерусалимом, Константинополем и русскими городами прослеживается в частности через традицию строительства и названия *Золотых ворот*. Такие строились в русских городах (Киев, Владимир), имея своим прототипом *Золотые ворота в Константинополе*. Там они, в свою очередь, были созданы во образ *Золотых ворот Иерусалима* палестинского, через которые, как известно, господь Иисус Христос совершил свой торжественный «вход в Иерусалим» накануне Крестных Страданий». Они находятся с востока, прямо против Елеонской горы, и непосредственно вели оттуда к главной святыне древнего Иерусалима – Ветхозаветному Храму Иудейскому, в который сразу же и вошел Спаситель. Для христианского сознания эти ворота стали главными святыми вратами в стенах Иерусалима.

Отсюда понятно, почему Золотые ворота русских городов были не только и не просто главными, парадными, но и святыми (часто так и назывались). Они как бы приглашали Господа Иисуса Христа войти в город, как входил он в Иерусалим, и благословить его.

В связи со строительством Золотых ворот возникает еще одна тема – устройства *надвратных церквей*. Архитектурно это триумфальная арка в один, два или три проезда, над которыми стоит храм. Образцом здесь также служил Константинополь. По письменным свидетельствам [19], над Золотыми воротами Константинополя стояла церковь Богородицы, именуемая «Иерусалим». По мнению исследователей, именно она явилась прообразом надвратной церкви Благовещения на Золотых воротах Киева и большинство надвратных храмов Византийского мира, посвященных Богородице, также воспроизводят этот образец [20].

Еще одна черта уподобления древнерусского христианского города историческому палестинскому Иерусалиму – это «*поклонные горы*». Они были у Киева, Владимира, Москвы и почти у всех крупных русских городов и монастырей. Это явная параллель «поклонной горе» близ Иерусалима. «И ту есть гора равна о пути близ града Иерусалима яко версты вдале; на той горе сседают с конь вси людие и поставляют крестыци ту и поклоняются святому Воскресению на дозоре граду» [21].

«Поклонные горы» вблизи русских городов – это тоже возвышенности, с которых путникам впервые открывалась панорама города и где тоже, слезая с коней и повозок, молились и поклонялись городу точно так же, как на храм. «Не только Иерусалим, но любой город, являвший собой наземную икону христианских представлений о Боге, о мире, о человеке, становился и предметом эстетического любования, и, главное, объектом молитвенного почитания» [22].

Возвращаясь к разговору о Ярославле, необходимо отметить, что в данном случае топографические сопоставления ограничиваются лишь одним направлением – въезд в город со стороны Москвы. Именно это направление является наиболее актуальным для Ярославля XVI-XVII веков, города с уже достаточно устойчивой городской структурой. Именно с этой стороны возникает Поклонная гора перед Ярославлем – возвышенность, на которой находилось село Кресты (ныне существующая Крестобогородская церковь построена в 1760 г.) Прежде здесь стояла деревянная часовня (1655 г.) с крестом в память избавления Ярославля от моровой язвы. Сейчас крест сохраняется в специально построенном для этого приделе (1811 г.).

Переправившись через реку Которосль, путник попадал к Святым воротам. «Святые ворота 1516 года – первая по времени и наиболее мощная каменная крепостная башня Спасского монастыря, служившая главным парадным въездом на его территорию. Вертикаль ее дозорной вышки была видна издалека со стороны московской дороги. Мощные глухие стены предвратного укрепления – «захаба» господствовали над переправой и держали под огнем путь к Ярославскому посаду и кремлю» [23]. В XVII веке над Святыми воротами была надстроена Введенская церковь, то есть Церковь, посвященная празднику Введения Богородицы в храм, что усиливает символику входа в город как входа в храм. Не будет ли натяжкой обобщать символическое значение входа в город и входа в монастырь? По всей видимости, здесь было гораздо меньше различий, чем это нам теперь кажется. Как отмечает В. Лепяхин, «город воспринимался как крепость, как дом, как храм и в некотором смысле как монастырь» [24].

Если продолжить перспективу, идущую через Святые ворота, то она упирается в южную стену храма Ярославских чудотворцев, который стоит на месте церкви Входа в Иерусалим. Этот храм уже в свою очередь с угла примыкал к главному собору монастыря – Спасо-Преображенскому. Таким образом, Входиерусалимский храм своим присутствием здесь еще раз напоминает, что Спасский монастырь стоял на подступах к городу и фактически был входом в него. Ярославль, в свою очередь, несомненно воспринимался как сакральное пространство, сформированное наличием огромного количества храмов, без которых даже сегодня невозможно представить себе городской ландшафт. К сожалению, множественные утраты храмовой архитектуры, произошедшие за последнее столетие, не дают в полной мере осознать всю значимость для города его сакральной составляющей. Но даже и то, что сохранилось, – значительно. Недаром в народе говорили: «Ярославль град богомольем свят».

В заключение необходимо сказать, что в данном случае была сделана первая попытка рассмотрения сакральной символической логики построения города Ярославля. Вероятно, дальнейшие исследования, проведенные в предложенной парадигме, смогут дать возможность по-новому взглянуть на уже давно известные и изучаемые памятники храмовой архитектуры, и не только ярославской.

Примечания

1. Замятин, Д.Н. Метагеография: пространство образов и образы пространства [Текст]. – М., 2004. – С.16.
2. Там же. – С.17.
3. Культура: теории и проблемы [Текст]. – М., 1995.
4. Замятин, Д. Н. Метагеография: пространство образов и образы пространства [Текст]. – М., 2004. – С.20 – 21.
5. Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры [Текст] // Избранные труды. Том 2. Средневековый мир. – М.- СПб., 1999. – С.44.
6. Там же.
7. Замятин, Д. Н. Метагеография: пространство образов и образы пространства [Текст]. – М., 2004. – С. 64.
8. См. об этом, напр.: Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры [Текст]. – СПб., 1995.
9. Словарь средневековой культуры [Текст] / под общ. ред.А.Я. Гуревича. – М., 2003. – С.234-235.
10. Подосинов, А.В. «Это Иерусалим! Я поставил его среди народов ...» О месте Иерусалима на средневековых картах [Текст] // Новые Иерусалимы. Перенесение сакральных пространств в христианской культуре. – М., 2006. – С.30-34.
11. Словарь средневековой культуры [Текст] / под общ. Ред.А.Я. Гуревича. – М., 2003. – С.398.
12. Там же. – С.317.
13. Там же. – С.314.
14. Архитектура в контексте культуры [Текст] // Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мысл. миров. Статьи, исследования, заметки. – СПб., 2000. – С.676-677.
15. Например, Иез., 40-42; Откр.21, 15-17;
16. Аверинцев С.С. К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской [Текст] // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. – М., 1972. – С.48-49.
17. Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси [Текст]. – М., 2006.
18. Там же. – С.157.

19. В частности, об этой церкви упоминается в «Слове о положении Ризы Богоматери во Влахернах» Феодора Синкелла.

20. Седов, Вл. В. Надвратный храм: иерусалимские и богородичные аспекты символического замысла [Текст] // Новые Иерусалимы. Перенесение сакральных пространств в христианской культуре. Материалы международного симпозиума. – М., 2006. – С. 127.

21. «...И есть там пологая гора близ дороги, на расстоянии примерно версты от Иерусалима, на той горе ссаживаются с коней все люди и кладут там крестные поклоны, и поклоняются святому Воскресению при виде Иерусалима...». Памятники литературы Древней Руси [Текст]. – Т.1-12. – М., 1978-1994. – Т.3. – 1980. – С.32.

22. Лепахин, В. Икона и иконичность [Текст]. – СПб., 2002. – С.161.

23. Добровольская, Э. Ярославль [Текст]. – М., 1965. – С.31.

24. Лепахин, В. Икона и иконичность [Текст]. – СПб., 2002. – С.159.

УДК 008(091)

Д. Ф. Полознев

Основные смысловые идентификации и доминанты образа Ярославля

Культурная идентичность – этноса, народа, нации, локальной общности – включает в себя самоназвание, происхождение, территорию обитания, генеалогию, знаки и символы, эпос, историю, знаковые события, сравнение себя с другими и, наконец, актуальные вызовы. Ведущие культурно-смысловые доминанты и идентификации задаются и репрезентируются через *знаки и символы*, которые обладают «платонической силой» аккумулировать и предьявлять смыслы. В современном научном обиходе при описании культурно-символических ресурсов территорий широко применяются определения «гений места», «текст-код», «гуманитарно-географический образ», «метафизика города», «метагеография города», «мифология города», «символы территории» и иные аналогичные понятия, позволяя существенно расширить представление о наследии и ресурсах территории в целом.

Ярославский край, насыщенный культурным наследием, отличается обилием городов-памятников и вполне убедительной их образной репрезентативностью. Например:

- Рыбинск – *бурлацкая столица, купеческая столица,*
- Переславль – *колыбель русского флота,*
- Гаврилов-Ям – *Страна ямщика,*
- Пошехонье – *«глухая провинция».*

В этом смысловом ряду Мышкин представлен «мышшиной мифологией» (*Музей мыши, Фестиваль мыши*), Углич прочно связан с образом *царевича Димитрия*, Ростов – просто *Великий*.

Вместе с тем, в научной литературе теория и практика культурно-символической репрезентации края представлена крайне скупо [1].

В контексте празднования 1000-летия Ярославля возникает вопрос о том, что может быть смысловым наполнением юбилея. В настоящий момент в представлениях о предстоящем праздновании доминируют исторические мотивы: воспоминания о прошлом, описание прошлого опыта, некое подведение итогов. И лишь весьма фрагментарно просматривается проектирование будущего, ограниченное заботами о благоустройстве города или помпезными строительными замыслами.

Между тем, современное проективное мышление требует видения будущего. И в этой связи обращение к опыту прошлого есть попытка увидеть в нем неисчерпаемый ресурс развития. Может ли будущее «просвечивать» через прошлое? Какие знаки будущего предъявляются сегодня? Действительно ли это знаки будущего как нового и непохожего или это воспроизведение прошлого и архаизация будущего?

Наиболее последовательно в последние годы предпринимались усилия для продвижения Ярославского края на рынок туризма. Но специалисты отмечают, что Ярославская область не воспринимается пока ни на российском, ни на международном рынках как туристская *ценность* и самостоятельная дестинация. Следствием нерешенности этой проблемы остается *малая известность* края как туристически ценного и значимого объекта и *недифференцированность* его от соседних регионов. Даже специалисты привычно относят Ярославскую область к региону «Золотое кольцо России». Исходя из этого считается, что «кроме обычных усилий по стимулированию развития въездного туризма, *необходим новый имидж* ярославского туризма на внешних рынках»[2].

Однако нам кажется, что еще до позиционирования территории на туристском рынке необходимо определить ее культурно-смысловые доминанты и идентификации города и края. Но так вопрос не ставится вовсе. Нами предприняты некоторые попытки решения проблемы относительно Ярославля[3], вызванные, прежде всего, юбилейным контекстом, но вовсе им не ограниченные[4].

Значительное число источников устойчиво предъявляет основной образ Ярославля как «*древнерусского города*», «*исторического города*».

Так, по опросу экономически активного населения России среди 1800 респондентов, проведённого Исследовательским центром портала SuperJob.ru 17 декабря 2007 года, на открытый вопрос: «Ярославль. Какие ассоциации у Вас возникают, когда Вы слышите название этого города?» были получены ответы, преимущественно укладывающиеся в это представление[5].

По краеведческой литературе и туристским путеводителям по Ярославлю сер. XIX – нач. XXI в. нами были выявлены основные, или ведущие, тематизмы[6] города, а именно:

Жемчужина Золотого кольца
Храмы/Красота/История
Богомольство
Театральность
Настоящая русская провинция
Русский национальный характер
Столичность

Наиболее весомое подтверждение эти тематизмы находят в литературно-художественных текстах. Но характерно, что *литературность* не принадлежит к ведущим отличительным чертам культурного наследия региона (в отличие, например, от Орловского края, представленного целой когортой классиков русской литературы). У нас определённно преобладает *визуальность*: регулярное классическое архитектурно-планировочное решение городского центра, уникальные архитектурные и фресковые ансамбли храмов XVII века, Волжская набережная и волжский простор...

В одном из наиболее цитируемых описаний Ярославля действительно *нарисована* живая картинка города, каких немало в ярославских художественных собраниях: «*Ярославль белокаменный, веселый, красивый, с садами, старинными прекрасными церквями, башнями и воротами; город с физиономией ... Ярославль носит на каждом шагу следы древности, прежнего значения, прежней исторической жизни. Церквей бездна, и почти ни одной – новой архитектуры; почти все пятиглавые, с оградами, с зеленым двором или садом вокруг. Прибавьте к этому монастыри внутри города, с каменными стенами и башнями, и вы поймете, как это скрашивает город, а тут же Которость и Волга с набережными, с мостами и с перевозами*» (И.Аксаков).

Высказывания подобного рода имеют заметное продолжение в краеведческой литературе и туристских путеводителях. Но сопоставление *текстовых* описаний местных достопримечатель-

ностей с их тиражируемыми *изображениями* отличается заметными несоответствиями.

Вот как представлены ведущие тематизмы и достопримечательности города в предъявлении его туристам [7].

Тематизмы для туристов (описания, тексты)	Достопримечательности, представляющие эти тематизмы иллюстрациями каталога
Очарование провинциального города	[?]
Храмы	Храмы
XVII век, народное ополчение, временная столица России	-
Театр Волкова, родина русского театра	-
Слово о полку Игореве. Спасский монастырь.	Спасский монастырь.
«Уединенный пошехонец»	-
Н. А. Некрасов	-
Музеи: художественный, заповедник, Джона Мостославского	[есть Губернаторский дом, но он не описан как Художественный музей] - -
Собиновский фестиваль	-
Фестиваль «Джаз над Волгой»	-
Фестиваль «Преображение»	-
Центр города – объект культурного наследия ЮНЕСКО	-
[?]	Волжская башня
[?]	Ярославская большая мануфактура

Представленная выборка указывает на то, что существует не только дисбаланс репрезентаций городских достопримечательностей в том или ином путеводителе по городу. Гораздо тревожнее проблема понимания (точнее – непонимания) необходимости точного и рационального определения знаков и символов городской идентичности, глубокого смыслового описания и предъявления локальных ценностей с использованием тех или иных артефактов [8]. Обычно инструментом их обозначения в городской среде служат:

- наименования районов, улиц и площадей города,
- учреждение музеев в мемориальных или исторических зданиях,
- установка мемориальных досок,

- установка памятников.

В последнее время к ним прибавилась спорадическая установка широкоформатных билбордов социальной рекламы, посвященных темам культуры. Ввиду недолгого пребывания этих изображений на улицах города мы не берем их в рассмотрение в настоящей статье. Не касаемся и ряда других весьма любопытных явлений символического обустройства городских пространств («граффити», благоустройство дворов, конкурсов цветников и т.п.)

В свое время городская власть благоразумно отказалась от соблазнительной перспективы тотальных переименований улиц, точнее – возвращений дореволюционных названий. Ряд наблюдений показывает, что население очень слабо идентифицирует себя с советскими районами города – Кировским, Ленинским, Дзержинским и Фрунзенским[9]. Простые горожане живут не в административно расчерченных, а в реальных исторических пространствах *Суздалки*, *Коровников*, *Крестов*, *Пятёрки*, *Брагина* и др. На этой основе возможно возвращение смыслов и идентификаций силами самих микросоциумов, объединенных не столько принадлежностью в ЖЭКам, сколько символическим обустройством мест проживания.

Создание музеев остается занятием дорогостоящим и по большей части случайным. В последние годы в Ярославле появились лишь два новых музея: Максима Богдановича (по инициативе белорусской стороны) и частный Музей Джона Мостославского «Музыка и время». Музей истории города, основанный еще в 1985 году в составе Ярославского музея-заповедника, начал новый отсчет своей собственной истории с момента перехода под юрисдикцию мэрии города. Во всех случаях размещение музеев не имело связи с городскими символическими пространствами и идентификациями[10]. Скорее сами музеи уже впоследствии становились субъектами культурно-символического обустройства отведенных им мест.

Более распространенной, чем прежде, стала практика установки мемориальных досок на зданиях, где проживали выдающиеся горожане. В отличие от прежних лет на них появились элементы художественного решения (обычно графический или рельефный портрет меморируемого лица). Отсутствие внятной концепции в этой деятельности наглядно демонстрируется как редкостью подобных акций, так и их случайностью. На том же музее Максима Богдановича установлено, например, две доски.

Более осмысленными выглядят шаги по установке новых памятников. Среди них ведущее место принадлежит памятнику легендарному основателю города князю Ярославу Мудрому, установленному на площади Богоявления (бывш. Подбельского или по-прежнему *Подбелки* в речевом обороте) в величественной позе

при въезде в центр города со стороны Москвы. Памятник белорусскому национальному поэту Максиму Богдановичу установлен на Красной площади возле главного здания университета, где прежде в гимназии поэт учился. Памятник промышленнику Савве Мамонтову воздвигнут руководством ОАО РЖД на площади вокзала Ярославль-Главный. Возле Областной филармонии имени Л.В. Собинова возведен памятник выдающемуся певцу. На месте бывшей Романовской заставы поставлена скульптура стражника, несущего пост возле полосатой будки. На прежнем месте воссоздан разрушенный в 1930-е гг. Демидовский столп.

Все эти монументы – кроме, пожалуй, скульптуры «Троица» на Стрелке (вызвавшей весьма неоднозначную реакцию общественности) – определенно и осмысленно привязаны к месту их установки и в известной мере призваны подчеркнуть значение этих мест в городском пространстве.

Подготовка к тысячелетию города подвигла власти на установление памятника самой этой дате. На конкурсе проектов были представлены два основных типа памятников: *исторические* (тематические) с князьями-всадниками, ищущими единоборства с медведем (обращение к легенде об основании города), и *архитектурно-монументальные*, обращенные к известной сентенции «*потому и памятник, что стоит*», и представленные разнообразными стелами или их вариациями.

Несмотря на проведение конкурса и выставки проектов, анонимность авторских предложений, предоставление авторам свободного выбора мест установки монумента, широкое общественное обсуждение, осталось ощущение, что попадания в тему не случилось. Главную причину этого мы видим в том, что празднование 1000-летия не было содержательно определено и не оформлено [11].

Имеется ли перспектива выхода из идентификационного кризиса (если такая постановка проблемы верна)? Если исходить не из бытующего представления о вечной затратности и второстепенности культуры или – в лучшем случае – о ее рекреационной пользе, то следует обратить внимание на методики и практики разработки когнитивных географических образов. Если культура – это производство смыслов, поддержка смыслов и трансляция смыслов, то наличные знаки, символы и образы города представляют прекрасную возможность перехода в культурные проекты, которые бы раскрывали имеющиеся смыслы, дополняли их и создавали новые смыслы и значения. Этот путь вполне успешно и наглядно демонстрируют многие зарубежные и отечественные города [12].

Нами проведен ряд исследований образа Ярославля, направленный на *анализ* составляющих его элементов [13]. Так, среди

ведущих тематизмов, предъявляемых визуальными образами, метафорами, репрезентациями и знаковыми местами определенно выступают, например, «древнерусский город», «Волга», «театральность»[14].

Ведущие тематизмы	Ключевые тексты, мотивы и репрезентации	Ярославский лексикон	Метафоры и метонимии	Знаковые места
Исторический город, древний город	Сказание об основании Ярославля Памятник Ярославу Мудрому	Ярослав Мудрый	Медвежий угол	Стрелка
Волга	«О, Волга! Колыбель моя!»	Волга	Волга-матушка Главная улица России	Волжская беседка
Театральность	Волковский театр Памятник Федору Волкову	Федор Волков	Колыбель русского театра	Площадь Волкова
Космос	-	Первая в мире женщина-космонавт Валентина Терешкова	Ярославская «Чайка»	- [Авиаклуб-?] [Планетарий-?] [Музей «Космос»-?]

Применение подобной сетки анализа показывает законченность и целостность тех или иных культурно-символических образований, либо, напротив, их незавершенность, фрагментарность, неполноту. Например, тематизм *космоса*, связанный с образом первой в мире женщины-космонавта и нашей землячки В.В. Терешковой, не имеет на сегодня достойных репрезентаций в городском пространстве. Это интуитивно почувствовали организаторы юбилея, включив культурно-образовательный центр (планетарий) имени Терешковой в число проектов 1000-летия.

Однако и законченные – точнее сказать, некоторым образом *застывшие* – городские тематизмы и образы могут получить дальнейшее развитие, если к анализу культурно-символических ресурсов добавить опцию *деятельности*; если включить эти ресурсы в социокультурное проектирование. Такими примерами являются постоянно действующие Волковский театральный фестиваль в контексте «театральности» или фестиваль хоровой и колокольной музыки «Преображение» в контекстах «древнерусский город» (или «богомольство»).

В этом направлении любые действующие, новые или временные институции могут принимать участие в *приватизации* городских пространств через практики использования символов: создание музеев, благоустройство дворов, установку городской скульптуры, проведение фестивалей, различные публикации. Иначе говоря, 1000-летию явно не хватает субъектности участников. А к административным, финансовым, материальным, организационным и креативным ресурсам, распределенным в настоящее время по разным субъектам, не применяется инструмент их объединения, *сборки*.

Актуальный поворот в сторону культурно-смысловых репрезентаций территорий диктуется вполне прагматичными целями *инвестиционной привлекательности* мест и *смыслообразования* для живущих «здесь и сейчас».

Примечания

1. См., например: Гудкова А. А. Семиотика регулярной структуры в городском пространстве [Текст] // Культурный ландшафт и архитектурная среда городов Верхневолжья. – Ярославль. 2004; Ермолин, Е.А. Ярославль и драма русской судьбы [Текст] // 1000-летний Ярославль. – Ярославль, 2005; Ермолин, Е.А. Ярославль. Русский рай [Текст] // Новый город. – М., 2004; Коломейцева, О. В. Культурный ландшафт г. Ярославля [Текст] // Культурный ландшафт и архитектурная среда городов Верхневолжья. – Ярославль, 2004; Кузнецов, А. Пальмира северных лесов [Текст] // Мир и музей: Вестник АМР. – Тула. – 2002. – № 8; Юрьева, Т.В. К вопросу о сакральной топографии древнего Ярославля [Текст] // Культурный ландшафт и архитектурная среда городов Верхневолжья. – Ярославль, 2004; Полознев, Д.Ф. Ярославский проект? Ярославский проект [Текст] / Версия-2005 // История и культура Ростовской земли. 2005. – Ростов, 2006. – С. 410-423.

2. «Бриф для туристского бренда области» (рукопись, 2005 г.). Возможность ознакомиться и использовать в работе данный материал любезно предоставил Д.А. Цапук, сотрудник Комитета по туризму Департамента культуры и туризма Администрации Ярославской области.

3. Конечно, внимания заслуживают и другие города края. В этом смысле образцовым примером раскрытия туристского потенциала провинциального города служит Мышкин.

4. В данном случае мы опускаем мифологию самой даты, которую считаем условной.

5. К сожалению, веб-ресурсы не всегда доступны при повторном обращении к ним. Наиболее полное воспроизведение данных опроса см.: Полознев, Д. Ф. Роль и место библиотеки в

описании и интерпретации культурно-символических ресурсов территории [Текст] // Малые города – большие бренды: сотрудничество библиотек и музеев в формировании и продвижении имиджа территории : материалы заседания Секции библиотек по искусству и музейных библиотек РБА. – М. ; Ярославль, 2008. – С. 7-10.

6. Термин В.Л. Каганского. См. подробнее: Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001.

7. Настоящая выборка сделана на основе одного из изданий подобного рода: Ярославля гостеприимная [Текст] : каталог туристических ресурсов Ярославской области. – Ярославль, 2005. Аналогии этой подборке можно найти в любом туристическом или подарочном издании о городе.

8. В портфолио автора имеются примеры весьма парадоксальных использований образов города в рекламной, сувенирной и издательской продукции. К сожалению, формат статьи не позволяет предъявить их. А описание подобных артефактов представляет вполне самостоятельную задачу.

9. Весьма характерно, что прошедшая в начале-середине 2000-х гг. волна 70-летних районов города была отпразднована преимущественно городской бюрократией.

10. Правда, Музей Богдановича разместился в мемориальном здании, где семья поэта проживала некоторое время. Но сруб был перенесен со своего исторического места. В конце 1980-х-начале 1990-х гг. ярославской общественности удалось отстоять лишь физическую сохранность здания.

11. Концепция празднования 1000-летия, разработанная МУБиНТом, отличается вполне правильными и столь же тривиальными описаниями чаемых перспектив развития города. Но ничего не прибавляет к набору имеющих стереотипов его культурно-символического образа.

Уже сейчас результатом такого подхода становится либо крайний дефицит артефактов, раскрывающих тему 1000-летия, либо тиражирование столь примитивных решений, что и без того условная дата становится еще и весьма сомнительной.

12. Для примера предложим любопытствующему читателю набрать в любом интернетовском поисковике словосочетание «необычные памятники», чтобы получить впечатляющую картину самых разнообразных решений по части городской скульптуры немонументальных форм, соразмерных человеку и окружающему пространству.

13. Использованы элементы методики Д. Замятина. См. подробнее: Замятин, Д. Локальные истории и методика моделирования гуманитарно-географического образа города [Текст] // Исто-

рия места: учебник или роман? Сборник материалов первой ежегодной конференции в рамках исследовательского проекта «Локальные истории: научный, художественный и образовательный аспекты» (Норильск, 9-11 декабря 2004 г.) – М., 2005. – С. 11-54.

Понятийный аппарат и инструменты анализа когнитивного образа территории: *тематизмы* – то, о чем можно рассказать; *мотивы и репрезентации* – художественные образы (литературные тексты, мелодии, памятники и т.п.); *городской лексикон* – слова, наиболее ярко характеризующие территорию: имена людей, топонимы, события, памятные места и т.п.; *метафоры и метонимии* – образные сравнения и переименования, перенос названия одного объекта на другой; *знаковые места* – локусы, обладающие особыми значениями и смыслами, формирующими «тело» города; *контексты* – включенность образа города в иные смысловые ряды.

14. В результате исследования образовался значительный материал, довольно широко представляющий образ города. В настоящей статье приведены лишь отдельные примеры.

УДК 008(091)

А.Б. Пермиловская

Влияние городской культуры на традиционный крестьянский дом (по материалам Русского Севера)

Исследование осуществлено при поддержке гранта РГНФ «Сибирь и Русский Север: проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий. XIX – начало XXI вв.», проект № 1001 00470 – А

Русский Север около двух столетий - это устойчивое словосочетание для носителя российского менталитета, понятие, отражающее важные для отечественной культуры смыслы. С одной стороны, в нем фиксируется особая государственная значимость обширной территории на Севере европейской части страны. С другой, несмотря на полиэтничность региона, определение «русский» указывает на исторически сложившееся здесь доминирование славянского типа культуры [5, с. 90]. Культура Русского Севера – понятие, обретшее вид своеобразной формулы. Оно вызывает ряд устойчивых ассоциаций – просторы, полноводные реки, леса, болота, своеобразная народная деревянная архитектура, отражающая приемы приспособления человека к суровому климату, а также фольклор, народное искусство, местные говоры, которые продолжают традицию древнерусских диалектов, в основном древне-новгородских и в меньшей степени – ростово-суздальских. Среди

регионов России именно Русский Север во многом сохранил уникальность культуры и традиций русского народа.

Понятие «Русский Север» сформировалось в XIX – начале XX века, когда в науке и искусстве произошло его «открытие». Русский Север стал восприниматься не только в качестве географического понятия, но и как место развития самобытной модификации русской культуры и особое культурное пространство. Территориальные границы Русского Севера как объекта изучения исторически обусловлены. Обширную территорию Европейского Севера обычно называют Русским Севером или просто Севером. Этот край формировался в тесном контакте с остальными северными территориями, поэтому сущность и значение всего региона правильнее отражает понятие «Европейский Север», хотя оба названия часто употребляются как синонимы. Исследователи по-разному относятся к границам этого региона, особенно его южной части. В частности, существует мнение, что не следует ограничивать понятие «Русский Север» пределами бывшей Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний (иногда даже одной из губерний), а распространить его значительно шире, в первую очередь на территории, которые с исторической точки зрения не могут быть отделены от севернорусского региона. Это северо-восток бывшей Санкт-Петербургской губернии, а также бывшая Новгородская и Тверская, северная часть Костромской губернии.

Территориальные границы региона в разные исторические периоды были подвижны, изменяясь во многом под влиянием административного устройства края [1, с. 3]. В частности, в исследуемый период (XIX – начало XX веков) они соотносились с территориями Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний, побережья Белого и Баренцева морей.

Статус дома в культуре Русского Севера был чрезвычайно высок. В условиях Севера жилище являлось одним из главных способов освоения природной среды. В стенах дома протекала повседневная жизнь крестьянской семьи, осуществлялись процессы социализации, усвоения и сохранения традиций, связи поколений. Конструктивные особенности дома, тип крестьянской усадьбы и поселения в целом демонстрируют в предметно-пространственном воплощении особый образ жизни русского человека в суровой лесной зоне. В символической форме севернорусский крестьянский дом воплотил главные ценности и смыслы человеческого существования. С одной стороны, дом принадлежал человеку, олицетворяя его целостный, в том числе и вещный мир. С другой – в своей внутренней организации дом запечатлевал символическую связь человека с Космосом.

О северном доме совершенно определенно можно сказать: «мой дом – моя крепость». Архитектура жилища, формировавшаяся столетиями, к XIX веку обрела свой завершенный смысл и конкретный архитектурный образ, отразившийся в его конструктивно-планировочном решении. Практически все дома были двухэтажные. Жилые избы располагались на высоком подклете, используемом для хранения продуктов, хозяйственных нужд. Под одной крышей с жильем находились хозяйственные помещения: хлев для скота и поветь-сеновал, куда по широкому бревенчатому взвозу можно было въехать прямо на телеге или санях. Объединение жилья и двора под одной крышей давало возможность вести хозяйство, ухаживать за скотом в зимнее время, не выходя из закрытого помещения. Этот сложный бытовой комплекс прекрасно продуман в мельчайших деталях, предельно компактен и приспособлен к суровым условиям. Постепенно на Русском Севере, на просторах больших судоходных рек сложился классический вариант крестьянского дома, не встречающийся в других районах России и значительно более совершенный в архитектурном отношении. Северная изба отличалась большими размерами, обилием жилых помещений, в некоторых районах богатым резным декором, использованием полихромных росписей для украшения экстерьера и интерьера. Недаром местные жители свои дома называли «хоромами». Архитектурно-планировочная структура северного жилища – это отражение жизни и хозяйственной деятельности большой неразделенной семьи. Здесь под единым кровом жили вместе деды, отцы, сыновья, внуки общей семьей и хозяйством. Из таких домов выходило на полевые работы сразу по 20 – 25 человек, а в его хлевах содержалось до трех десятков голов скота. Материалы исследований по народному жилищу и культуре Русского Севера отражены в монографиях автора [9, 10, 11], в данной статье приводятся новые данные о влиянии городской культуры на традиционный крестьянский дом.

С одной стороны, в крестьянском жилище сохраняются древние традиции поколений, восходящие к ранним историческим эпохам, с другой — оно подвергается постоянным изменениям и усовершенствованиям. Это и дает большое разнообразие типов крестьянского дома. В работе автор использует три основных принципа классификации жилища: по способу соединения жилья и двора, по конструктивно-планировочному решению жилой части, по внутренней планировке избы. В зависимости от соотношения жилой и хозяйственной части можно выделить следующие типы: «брус» — дом с однорядной связью, покрытый двускатной, симметричной крышей. Это самый распространенный тип русского крестьянского

жилища. «Глаголь» — дом, в котором хозяйственная часть располагается сбоку и позади сеней. В плане «глаголь» напоминает букву «Г» (отсюда и название типа). Чаще всего такие дома перекрываются разноскатной с общим коньком крыши, над жильем симметричной, а над сенями и хозяйственной частью асимметричной. «Кошель» — жилище, где изба и двор стоят рядом, покрытые общей несимметричной двухскатной кровлей. «Кошелем» русские называют большой берестяной короб. Применительно к дому этот термин обозначает его вместимость, большие размеры. Все жилые и хозяйственные помещения компактно сгруппированы в один общий сруб, образующий в плане почти правильный квадрат. «Т-образная связь» — жилой дом, состоящий из двух срубов и разделенный по центру сенями, он развернут длинной стороной к улице, а хозяйственный двор торцом примыкает к противоположной стороне избы, прямо против сеней. В плане такая изба имеет форму буквы «Т». Такие избы изредка можно было встретить и в средней полосе России (Ярославско-Тверском крае), здесь они назывались «двор — ендовой». «Двухрядная связь» (изба и двор стоят рядом, коньки их двухскатных крыш параллельны) получила распространение в Карелии, на Каргополье, а также в Ленинградской области среди жилищ вепсов и финнов.

По конструктивно-планировочному решению жилой части на Русском Севере получили распространение: избы: четырехстенок, шестистенок (с вариантами: изба с прирубом, изба-двойня без заулка, изба-двойня с заулком), пятистенок и крестовик. По внутренней планировке русского дома в середине XIX века выделяются 4 типа: севернорусский, восточный южнорусский, западный южнорусский, западнорусский. На Севере в основном была распространена севернорусская планировка, но в конце XIX — начале XX века была зафиксирована восточная южновеликорусская планировка по верхнему течению реки Вычегды — у народов коми и у русских, проживающих в этом регионе, западноюжнорусская планировка в Поважье, западнорусская — на территории Каргополья и Карелии [10, с. 79 - 95].

Городская культура оказала большое влияние на традиционную культуру региона. В 1775 г. по административной реформе Россия была разделена на 50 губерний, а города были разделены на три типа: 50 губернских, 493 уездных, 186 заштатных. В северных губерниях было достаточное количество торговых сел, которые без особого труда были переименованы в города. В 1780 г. по предложению архангельского генерал-губернатора А.П. Мельгунова уездными центрами стали О. Мезень (путем соединения двух слобод), Пинега и Онега [2, с. 308]. Например, население г. Пинега

через 20 лет выглядело следующим образом: «Новые купцы и мещане начали принимать облик русских городских жителей и торговать мелочными товарами, но более еще держатся старых крестьянских привычек» [12, с. 107]. Вместе с тем, некоторые населенные пункты, волею судеб не получившие или утратившие статус города, по образу жизни его обитателей большей степени соответствовали городскому населению. Это посады - Ненокса, Уна, Луда, в которых жители только называются посадскими, но на самом деле являются наемными работниками у архангельских купцов-солеваров. Жители же печорских сел: Ижма, Пустозерск, Усть-Цыльма, хотя и именуются крестьянами, на самом деле настоящие горожане - «торговые жители всех сих селений нравственным обхождением и домашними обиходами подобны людям гражданского чина и поведения» [14, с.13]. Это относится также и к крупным торговым селам на Северной Двине.

Двинское село Черевково – центр торговли, среди сельских торжков уезда занимало первое место. В 1896 году на территории Черевковской волости было более 50 торговых заведений [13]. Здесь существовали хорошие традиции приготовления солонины. Главными мясозаготовителями и поставщиками на экспорт в Англию, Голландию и Германию были братья Михаил Семенович и Иван Семенович Гусевы, они заготавливали в год до одной тысячи голов скота. Торговля в Черевкове велась по семейному принципу: вместе торговали братья, муж и жена, сыновья. Братья Гусевы отправляли в Архангельск свои баржи с мясом, кожами, маслом, завозили в Черевково морскую рыбу [6, с.54 - 55].

Черевково как традиционное поселение сохранило народную архитектуру Подвинья, отразившуюся в крестьянско-торговых домах и лавках. Значительный интерес представляют фамильные дома Гусевых. В конце XIX – начале XX века семье принадлежало восемь домов, в настоящее время сохранилось три постройки. Дом М.С. Гусева (1886 год) стоит недалеко от дороги (д. Овсянниковская) и является своеобразной визитной карточкой Черевкова. Гусевы – пример большой крестьянско-торговой семьи. Михаил Семенович и Анна Федоровна имели четырех сыновей и двух дочерей. Родовой дом состоит из 14 жилых комнат на двух этажах. На главный фасад выходят 13 окон, на боковые фасады – по 24 окна. Первый этаж – пятистенок, второй – шестистенок с заулком. Обшивка дома имитирует кирпичную кладку. Подлинное величие представляет уникальная резьба главного фасада, декор крыльца. На главном фасаде - балкон полуовальной формы с шестью колонками. Они украшены рельефной резьбой растительного характера и поддерживают арочный балкон. Верх-

няя лицевая часть балкона имеет имитацию резного балдахина с кистями. Над чердачным окном расположен полукруглый диск с расходящимися лучами. Особую ценность дому придает редкая по красоте резьба подбалконной плоскости, представляющая собой сложный растительно-вьющийся орнамент. От центрального стилизованного цветка поднимаются вверх вьющиеся стебли с переплетающимися и выходящими один из другого цветами в обрамлении двухсторонней композиции из четырехконечных звезд. Декор сохранил окраску в красный и синий цвета. Великолепно выполнена резьба крыльца, расположенного с бокового фасада. Крыльцо прямоугольной формы с двумя окнами внутри, перекрыто двускатной арочной кровлей, которая украшена резными причелинами. Они состоят из трех накладных досок, нижняя из которых напоминает резной балдахин с кистями. Сохранились явные следы первоначальной раскраски. Резьба дома Гусева выполнена на высоком профессиональном уровне, в стиле барокко и в традициях культового зодчества - резных деревянных иконостасов Русского Севера.

Рядом находится дом брата И.С. Гусева. Это двухэтажный шестистенок с 14 окнами по главному фасаду. Третий дом – дом двоюродного брата М.С. Гусева. По свидетельству художника В.В. Верещагина, который посетил эти места в конце XIX века: «внутри дома были убраны так, что никаким городским не уступят» [6, с.54]. Предметы повседневной бытовой культуры жителей с. Черевково можно увидеть в экспозиции краеведческого музея. В августе 2010 г. памятники народного зодчества с. Черевково были обмерены экспедицией ИЭПС УрО РАН [4]. Несомненно, дома торговых крестьян Гусевых сформировались под влиянием городской архитектуры, что отразилось в большом количестве жилых помещений, декоративном убранстве экстерьера и интерьера, но при этом они сохранили традиционную планировку народного жилища.

Во второй половине XIX века социальная дифференциация крестьянства была особенно характерна для Подвинья с его активной экономической и торговой жизнью. Выделяется прослойка богатых крестьян, занимающихся скупкой и перепродажей сырья, изделий крестьянских промыслов, торговлей фабричными товарами. Социальное положение владельцев отразилось на архитектурном облике жилища. Именно такие дома северяне и называли «хоромами». Дом А.М. Тропина из д. Цивозеро Красноборского района, построенный во второй половине XIX века (с 1976 года — памятник АГМДЗНИ «Малые Корелы»), — один из наиболее сложных по планировочному решению домов-шестистенков. Первый этаж: изба-двойня, состоящая из двух срубов, плотно примы-

кающих друг к другу. Второй этаж: пропорциональный шестистенок с заулком («тройня»), в составе которого три одинаковых по размеру жилых помещения. На первом этаже два жилых помещения: зимняя изба с топкой по-белому, трактир и лавка. Интерьер комнат второго этажа устроен на городской манер и имеет калориферную систему отопления: тёплый воздух от русской печи с первого этажа поднимался по трубам на второй этаж и нагревал печи-голландки. На втором этаже: гостиная, спальня и кабинет — обстановка, характерная для мелкой сельской буржуазии. Вместо традиционной крестьянской мебели стоят горка с фарфоровой посудой, граммофон, городские вещи (трюмо, секретер). Стены оклеены обоями — «шпалерами». Городская мебель соседствует с предметами крестьянского быта: сундуками, домоткаными дорожками. Большую часть дома занимает хозяйственный двор. Поражают огромные размеры повети. Под повестью — обширные хлева для скота: в хозяйстве Тропиных был не один десяток крупного рогатого скота, лошадей.

Женским и праздничным помещением в традиционном крестьянском доме была «горенка» («светелка», «светлица»). Обычно она располагалась на втором этаже дома и отличалась особой чистотой, ухоженностью. Стены в горенке были оклеены обоями, потолки окрашены в белый цвет. Кровать, расписной шкаф, диван, стол, застланный белой льняной скатертью, зеркало, лубочные картинки на стене — все это говорит о городском влиянии на уклад крестьянской жизни в середине — конце XIX века (время появления горниц на Русском Севере). Но принцип расстановки мебели традиционен для крестьянского дома: она группируется вдоль стен. Принадлежностью горенки были комод, гардероб, шкаф для чайной посуды, зеркало, семейные фотографии и портреты членов императорской фамилии. На комод или маленьком столике стояли парадные самовары. В красном углу висело большое количество икон и лампадка, которую зажигали по праздничным дням. Часто в горенке стояли сундуки, причем число, как правило, соответствовало числу девиц на выданье. Интерьер горенки, где жили в основном девушки — невесты, служил в определенном смысле отражением женского семантического статуса «рукодельности» невест этого дома.

Интересная модификация в устройстве горниц наблюдалась в Поморье. Жители побережья Белого моря вели торговлю с Норвегией. Многие дома были меблированы на городской манер, в интерьере присутствовали предметы и мебель иностранного производства. Например, в поморских домах нередко были американские кофемолки, но кофе поморы пили так же, как и чай, из боль-

ших самоваров. В домах богатых поморов – судовладельцев была комната, специально выделяемая для приема гостей. Она называлась «залом, передней». Здесь никогда не было кроватей, господствующее место в интерьере занимала мягкая мебель – стулья, диваны, круглые столы на резном подножии, банкетки, декоративные комнатные цветы. Стены были оклеены обоями, потолки выкрашены белой краской. На стенах висели часы с боем, зеркала, фотографии в рамках. На окнах были занавески из тюля или колленкора, на столах – вязанные крючком скатерти и салфетки. Вместо русской печи устроена печь – «голландка». Везде стояли мягкие ситцевые диваны, кресла, широкие постели, граммофон на специальном столике в углу. В зале с потолка спускалась старинная стеклянная люстра с голубыми подвесками, на стенах висели зеркала в овальных рамах красного дерева, украшенные завитушками. В интерьере также получили распространение венская мебель, железные кровати с белоснежным накрахмаленным бельем и горкой подушек, фикусы в кадках и цветы на окнах, шкафы с дорогой посудой, картины и музыкальные инструменты.

В д. Верхняя Золотица Приморского района сохранился дом богатого помора Ф.Ф. Прыгунова, конца XIX века. Это асимметричный двухэтажный пятистенок с пятью окнами по главному фасаду. Жилая часть дома расположена на высоком подклете. На первом этаже небольшая лавка, вход в неё устроен с бокового фасада и складское помещение. Дом имеет «мезанин» – вышку с тремя окнами. В этом богатом поморском доме большое количество жилых комнат (семь на двух этажах). На втором этаже устроен ряд спален (площадь - 10 кв. м), кухня и гостевое помещение – «зал», состоящий из двух частей, разделённых лепными колоннами. Печи-голландки украшены лепным узором и раскраской с преобладанием синего, белого и золотого цветов. Так же декорированы колонны и потолок. Лепной узор потолка раскрашен в сине-жёлтый цвет. В целом интерьер гостевого помещения носит помпезный, нарочито богатый характер. Здесь сохранилась мебель прежних хозяев: диван овальной формы, стол на резном подножии, зеркало с лепниной. Интерьер «зала» отражает дух зажиточной поморской семьи и вкусы зарождающейся буржуазии в деревне, склонной украшать своё жилище обилием позолоты, лепнины, что соответствовало представлениям о зажиточности и богатстве в XIX – начале XX века [3].

Городское влияние на традиционное жилище отразилось в его декоративном убранстве. В происхождении и украшении деталей крестьянского дома (наличников, балконов) Заонежья, Северной Двины, низовьев Мезени можно увидеть влияние архитектур-

ных стилей: барокко, ампира, классицизма. Исследователи объясняют их появление в Заонежье тесными экономическими связями с Петербургом, куда устремлялись многочисленные плотники и столяры, уходившие «в отход», на заработки. Несмотря на городское происхождение, наличники стали неотъемлемой частью убранства жилых домов. Даже балконы, чуть ли не единственные в крестьянской архитектуре чисто декоративные формы (обычно они не имеют выхода из светелки), прекрасно уживаются с древними конструктивно-декоративными деталями – кронштейнами, потоками, охлупнями [8, с. 47].

Плотники Русского Севера не знали себе равных по мастерству. Их приглашали для работы в столицу и другие города России. В 1712 г. Петр I вызвал из Архангельска 250 лучших плотников. Среди северных плотников лучшей славой как специалистов своего дела пользовались плотники Двины, Ваги, Каргополя [7, с. 43 - 54], Мезени, Сольвычегодска, Вятки [15, с. 58, 70].

Заслуживает внимания тот факт, что в традиционной культуре Русского Севера сказалось влияние средневековой русской и европейской городской культуры. Анализ крестьянских росписей по дереву позволил сделать вывод, что многие стилистические черты указывают именно на их городское происхождение. Это нашло подтверждение как в домовых росписи, так и в орнаментации предметов крестьянского обихода. Расписные дома часто принадлежали первым крестьянам данного селения, как правило, связанного с губернским городом или даже столицей благодаря торговле, извозу или отхожим промыслам, выступали как средство повышения их репрезентативного статуса.

Изображение льва и единорога было традиционным в символике росписей крестьянских домов. Это были обереги, отпугивающие своим видом зло, его стражи. Появление их на Севере исследователи относят к русской декоративной традиции. Фигуры львов по краям балкона или окна светелки встречаются в поволжской резьбе. Имеются свидетельства о распространении львиной символики в храмовой и дворцовой скульптуре Владимиро-Суздальской земли (XII век). Оттуда она перешла в крестьянскую среду Севера и Поволжья. В то же время существует точка зрения, которая связывает появление росписи со львами с оживленной заморской торговлей XVI – XVIII веков, осуществлявшейся через Северную Двину и Архангельск. «Отныне одной из любимых композиций станет мотив льва и единорога, стоящих по сторонам дерева. Британский герб соединился здесь с древним образом предстояния. В некоторых живописных композициях, принадлежащих важским художникам Петровским, лев и единорог держат портрет

в овальной раме, что навеяно английским гербом. Аналоги этих образов можно найти в росписи предметов домашнего хозяйства и интерьера»[15, с. 53 - 54]. Обе точки зрения о путях проникновения рассматриваемой декоративной символики на Русский Север совместимы. Об усилении влияния городской повседневной культуры свидетельствует «портретная галерея» членов семьи и царствующего дома, размещенные на створках шкафа и филенках опечка в фамильном доме художников Петровских («Алешкин дом», 1860-1870-е гг.) в д. Чурковская Вельского района. Подобные портреты – почти непременная принадлежность дворянских и мещанских домов. Их наличие в крестьянской избе усиливало ассоциации с интерьером городского дома.

На традиционный дом оказали влияние многие факторы: географическое и экономическое положение, строительные традиции, степень развития кустарных и отхожих промыслов. Крестьянские плотники-отходники из разных районов имели свой стиль, манеру и навыки мастерства, передававшиеся из поколения в поколение. Культура города оказала значительное воздействие на формирование и развитие народного жилища в XIX – начале XX века. Это нашло отражение в декоративном убранстве (резьба, роспись), изменениях внутренней планировки, появлении парадных гостевых помещений, интерьер которых сформировался под влиянием города.

Принятые сокращения

АГМДЗНИ «Малые Корелы» - Архангельский государственный музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы»

ИЭПС УрО РАН – Институт экологических проблем Севера УрО РАН

РГИА – Российский государственный исторический архив

Примечания

1. Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII – XX веках : справочник [Текст] - Архангельск : Правда Севера, 1997. – 413 с.

2. Архангельск в XVIII веке [Текст] / РАН, Рус. Геогр. об-во, Арханг. центр, Гронинген. гос. ун-т. Арктич. центр ; сост. и отв. ред. Беспятовых Ю.Н. - СПб. : Рус.-Балт. информ. центр "БЛИЦ", 1997. - 415 с.

3. Архив АГМДЗНИ «Малые Корелы» Ф. 1. Оп. 1. Д. 2652. Пермиловская А.Б. Отчет по экспедиции в Приморский район д.

Верхняя и Нижняя Золотица [Текст] – 2001. – 32 с., 29 чертежей, 91 фото.

4. Архив ИЭПС УрО РАН. Пермиловская А.Б. Отчет в Красноборский, Котласский районы Архангельской области [Текст] – 2010. – 16 с.

5. Базарова, Э.Л. Система расселения как процесс освоения территории [Текст] // Культура русских поморов / Э.Л. Базарова, Н.В. Бицадзе [и др.]. Культура русских поморов.- М. : Научный мир, 2005. – 400 с.

6. Верещагин, В.В. По Северной Двине: по деревянным церквям [Текст] / В.В. Верещагин - М. : Типо-литография Высочайше утв.т-ва И.Н. Кушнерев., 1896. – 121 с.

7. Мильчик, М.И. Злоключения каргопольских плотников на дворе московского дьяка в 1690 г. [Текст] / М.И. Мильчик // Уездные города России: историко-культурные процессы и современные тенденции: Мат. X Каргопольской научной конференции. - Каргополь, 2009. - С. 43 – 54.

8. Орфинский, В.П. Деревянное зодчество Карелии [Текст] / В.П. Орфинский - Л. : Стройиздат, 1972. 119 с.

9. Пермиловская, А.Б. Северный дом [Текст] / А.Б. Пермиловская – Петрозаводск : Петропресс, 2000. - 224 с.

10. Пермиловская, А.Б. Крестьянский дом в культуре Русского Севера XIX – начало XX века [Текст] / А.Б. Пермиловская – Архангельск : Правда Севера, 2005. - 312 с.

11. Пермиловская, А.Б. Русский Север как особая территория наследия [Текст] / А.Б. Пермиловская – Архангельск : Правда Севера; Екатеринбург : УрО РАН, 2010. - 552 с.

12. Пошман, А. Архангельская губерния в хозяйственном, коммерческом, философическом, историческом, топографическом, статистическом, физическом и нравственном обозрении, с полезными на все оные части замечаниями [Текст] / Антон фон Пошман - Т. 1. СПб., 1802. – 194 с.

13. РГИА Ф. 1290. Оп. 11. Д. 536.

14. Трошина, Т.И. Историко-культурная специфика «малых» северных городов [Текст] / Т.И. Трошина // Уездные города России: историко-культурные процессы и современные тенденции: Мат. X Каргопольской научной конференции. - Каргополь, 2009. - С. 7 – 17.

15. Чекалов, А.К. Народная деревянная скульптура Русского Севера [Текст] / А.К. Чекалов - М. : Искусство, 1974. - 191 с.

Е.Я. Бурлина

**Динамика образа города в постсоветском пространстве.
Самара в прозе В.П. Аксенова на рубеже 20-21-го веков**

Выскажем предположение: Ярославская конференция 2010 года, организованная профессором Татьяной Семеновной Злотниковой, вызвала бы интерес у В. П. Аксенова. Мы не льстим организаторам. Распознавание и диагностика изменений российских городов в постсоветском пространстве были заметной целью для выдающегося писателя и профессора культурологии Василия Павловича Аксенова. Приведем в подтверждение несколько аргументов.

Человек заново видит родные города после странствий. Лишенный советского гражданства в 1980 году, Аксенов получает российское гражданство в 1990 году. Он возвращается в постсоветское пространство после длительного отсутствия. Притом по-прежнему много ездит: работа профессора в университете Мейсон под Вашингтоном, создание целой полки новых романов в Биаррице и в Москве. Поддержка интеллектуалов во Франкфурте, на книжной ярмарке, чтение лекций в Париже и на фестивалях в Казани, Крыму, Самаре. Постоянный транзит делает распознавание образов городов естественной задачей.

Писатель Аксенов был наделен истинным романским даром в передаче и постижении места. Читатель переживает почти гипнотическое перенесение в Москву, Крым или в тенистый двор американского университета. Аксенов создает в своих последних романах огромное количество городских образов.

Аксенов был открыт философско-культурологическим концепциям. Критиковал аргументированно и глубоко интересовался категориальными различиями. Часто цитировал свой любимый вопрос студентам: «Что останется, когда погибнет цивилизация»? Правильный ответ: «Культура. Если останется хотя бы один человек – носитель культуры». Задачи романа и социальной рефлексии сложились у него в некую методологию «художественной диагностики постсоветского пространства».

В силу уже сказанного понятно, что данный раздел имеет не филологическую, но философско-культурологическую направленность. Аксенов выступает, прежде всего, как эксперт по теме «Образ постсоветского города», поскольку упоминания Самары – Куйбышева встречаются на нескольких страницах сочинений его последнего периода, и Самара трактуется как типичный город, переживший все метаморфозы российских городов в XX -XIX веке.

К тому же участие Аксенова в ряде культурных событий в Самаре имело имиджевую направленность для города, о чем мы также будем размышлять.

И еще несколько вводных слов по поводу методологии Аксенова в диагностировании образа города. Под «диагностированием» мы имеем в виду, разумеется, не базовое врачебное образование нашего эксперта, но органическое совпадение у Аксенова романного метода, опыта университетского профессора и житейского опыта.

Если диагноз в медицине – это распознавание сущности состояния пациента, то в социальной философии и социологии диагностирование социальных объектов – выявление и постижение сущности многоаспектного объекта. Социальная диагностика требует целостного постижения огромного количества факторов. Так, мы читаем, например, «о социологическом диагностировании общества» у Макса Вебера, который именно поэтому вводит емкие понятия «образ общества», страта и т.п. [7]. Объектом диагностирования может быть незнакомое общество, новая социальная коммуникация или «другие» нормы. Как пишет С. Франк: «Философия постигает – и тем самым отчетливо логически выражает – абсолютное через непосредственное усмотрение и логическую фиксацию его эминентной, превышающей логическое понятие формы» [8, с. 324 - 332].

Мы попытаемся ниже показать, что Аксенова особенно интересует художественно-аналитическое постижение постсоветского пространства и пути его преображения-выздоровления. Его карнавальные образы или хронотоп нового типа не вредят прототипам. Автор неизменно полон сочувствия к городу и людям.

Итак, гипотеза нашей статьи состоит в том, что постсоветское пространство, включенное в широкий круг глобальных связей, стало одним из целевых образов Аксенова. В этом реализовались его органические задачи как находящегося в бесконечном транзите человека, который после долгого отсутствия стремился понять перемены, произошедшие в Отечестве; в этом были его задачи как романиста и аналитика. В этом, наконец, было его душевное алиби много пережившего и счастливо спасшегося человека. Созданные им образы городов могли бы сыграть значительную роль в выборе философии развития постсоветского пространства. Для Самары 1990-х годов они сыграли значительную имиджевую роль.

Начнем с источников. Образ Самары оказывается причудливо связанным с общемировыми, глобальными городами в романе Аксенова «Новый сладостный стиль», вышедшем в свет в 1997 г. Несколько раньше, в 1994 - 1995 гг., появился его же пародий-

ный рассказ «Корабль мира «Василий Чапаев», специально «заточенный» на постсоветские трансформации [1].

Цитата из рассказа В. П. Аксенова «Корабль мира «Василий Чапаев»: «Трехпалубный волжский теплоход далеко не первого, чтобы не сказать третьего, класса проходил мимо поселка Ширяево, где когда-то на склонах Жигулевских гор живописали три студента во главе с Репиным. Ширяевцы были заинтригованы видом двадцати восьми пассажиров, что в оранжевых хитонах под стук барабанов приплясывали на верхней палубе. Кто только нынче не ездит по Волге-матушке!

Теплоход прошел, и ширяевцы остались в неведении, а читателю следует сразу же узнать, что «Василий Чапаев» был зафрахтован духовной группой Бхага-Йоги, ведомой своим учителем Шрила Прабхавишну Свами (Австралия)».

Итак, образ Куйбышева/ Самары присутствует в рассказе 1994-1995 гг. «Корабль мира «Василий Чапаев», а потом в романе 1997 г. «Новый сладостный стиль».

Пора представить контекст реальных визитов Аксенова в Самару в 1990-е гг. Согласитесь, Самаре повезло, что она попала в два сочинения Аксенова и вошла в круг его внимания сразу после его возвращения. Как же это произошло?

В 1993 г. Аксенов приехал в Самару на международную научную конференцию «Василий Аксенов: литературная судьба»; в 1994 г. – на конференцию «Литература «третьей волны» русской эмиграции». Встречи с российской университетской публикой были важны для него в момент возвращения. Ссылка на самарскую конференцию 1993 г. имеется даже в материалах комиссии по Госпремиям [9]. Обе конференции были организованы Самарским университетом и мэрией г. Самары.

Конференции состоялись по инициативе близкого друга В.П. Аксенова, доктора технических наук, профессора и джазового музыканта В.А. Виттиха, при поддержке мэра Самары той поры – О.Н. Сысуева, а также вследствие высокой профессиональности университетских профессоров – филологов Л.А. Финка и В.П. Скобелева. Конференции прошли, как справедливо писали журналисты, в потрясающей атмосфере взаимопонимания и взаимных открытий.

Данные конференции, а потом сложившиеся на их основе «Самарские ассамблеи» принесли немалые дивиденды имиджу Самары. Например, именно в эту пору мэр Сысуев заключил соглашения о партнерстве со Штутгартom (ФРГ), Сент-Луисом (США), выступал на Ассоциации мэров европейских городов в Страсбурге. Все эти невиданные для прежде закрытого, промышленно-индустриального города формы диалога с миром обязатель-

но сопровождалась информацией об «аксеновских конференциях», о самарских Ассамблеях и фестивалях «Из века XX в век XXI». Эти культурные события были важным стимулом для внутреннего развития города и консолидации интеллигенции.

Итак, в июне 1993 года писатель, активно издававшийся в Америке, университетский профессор два полных дня сидел в Самаре и слушал доклады, не пропустив ни одного слова.

С одной стороны, сверкал и лился каскад прекрасных выступлений молодых филологов и культурологов, посвященных его творчеству [10]. Уровнем докладчиков писатель был растроган и даже польщен. Научная молодежь, несомненно, олицетворяла для него «динамику постперестроечного пространства». На следующий год в Самаре же состоялась конференция о «Литературе «третьей волны», звучали доклады о творчестве Довлатова, Бродского, Попова, Войновича. Аксенов точно так же не пропустил ни одного сообщения. Это были события для города.

С другой стороны, в эти же самарские дни Аксенов не скрывал иронии, встречаясь с советскими идеологическими блюстителями. Они были изрядно перепуганы его появлением и не знали, как относиться к писателю, высланному из СССР, лишенному советского гражданства, а теперь внезапно объявившемуся и сразу на Самарской городской сцене. Вне конференции было много рассказов, а также прогулок по Волге в село Ширяево, которое ему очень понравилось. Возможно, тогда у него и сложился образ типичного российского города под названием «Самара».

Вместе с Аксеновым в первой самарской поездке были его жена – Майя Афанасьевна Аксенова и знаменитая переводчица русских книг на французский язык – Лили Денни. Это был безупречный «камертон». Обе дамы, каждая по-своему, были расположены ко всем участникам конференции.

Одна только трогательная деталь: парижанка Лили Денни – легенда переводческого цеха XX века - специально выкроила время и приехала в Самарский университет, чтобы встретиться на кафедре теории и истории культуры со студентами и преподавателями.

Через годы, в 2008-м, участники той незабываемой встречи с удовольствием узнали, что жюри Премии «Руссофонии» в Париже «особо отметило Лили Денни, одну из старейшин цеха русских переводчиков, она была удостоена почетной награды за перевод романа Василия Аксенова «Москва-Ква-Ква» и за многолетние заслуги перед русской литературой и французской публикой» [3].

Выше уже говорилось, что первым художественным откликом на посещение Самары стал гротескный рассказ «Корабль мира «Василий Чапаев». Как во всяком советском городе, в Сама-

ре, в центре площади имеется памятник. Это монументальный памятник Чапаеву в бронзовом литье. Для приехавших издалека персонажей рассказа - «австралийских йогов» - данный памятник становится чуть ли ни символом бесовства.

Произведение носит карнавальный характер. Однако в нем есть и очевидный аналитический мотив: как выйти из советского пространства?

В рассказе «Корабль мира «Василий Чапаев» «демоноборческий процесс расставания России с бесами» совершается через анекдоты и осмеяние. Профессору ли культурологии не знать механизмы карнавальности по М.М. Бахтину!

Цитата из рассказа «Корабль мира «Василий Чапаев»:

«Скульптура состояла из семи человеческих фигур и одной лошади. Верхом сидел человек с шашкой, за ним матрос тащил пулемет, боевая женщина сжимала винтовку, казак обнажал клинок, пролетарий готовил гранату, сельский мужик тоже чем-то грозил...» [1].

Это демоны, как утверждает австралийский йог.

Цитата: «Я чувствую, буря идет на нас, – бормотал Свами. – Мне это не нравится! Куйбышев, это плохо звучит! Молись, чтобы не подошло ближе! Уходи! Уходи!» [1].

Тогда некий находчивый научный работник ставит диагноз на настоящем научном аргументе, а потом предлагает известный народный способ освобождения от бесов - смех.

Цитата, речь молодого ученого:

«Дело в том, что сам Чапаев, будучи, безусловно, фурией гражданской войны, запечатлевшейся позднее в демонических произведениях бумаги, целлюлозы и бронзы, с годами, то есть примерно сорок лет спустя после своего собственного Окончательного Омовения в водах Урала, вдруг начал проявлять признаки освобождения от демонического начала, воплощаясь в бесконечной серии веселых анекдотов, с помощью которых наш еле живой народ пытался освободиться от бесов коммунизма. Я вам расскажу кое-какие из этих маленьких историй, судите сами».

Так и слышишь самарского профессора Владислава Петровича Скобелева и его учеников, работавших много лет над темой литературной пародии и знавших на память сотни анекдотов советского времени [11].

В рассказе Аксенова после того, как научный диагноз сформулирован, текут рекой всем известные анекдоты. Молодой интеллектуал, как какая-то Шехерезада, сыплет тысячей и одним анекдотом.

Например: «Чапаев и Петька в Париже, на Елисейских Полях. В толпе проходит футболист Пеле, на него все оглядываются. «А это кто ж такой знаменитый», – интересуется командир. Петька вглядывается: «А это, Василий Иванович, не кто иной, как Солженицын Александр Исаевич». Чапай качает головой: эка очернили человека!

Чапаев с Петькой приходят в баню. «А ты грязнее меня, Василий Иванович», – говорит Петька. – «Так я же старше».

Цитата: «Слушатели катались по палубе, смеялись как дети. Вот тогда и выяснилось, что они спасены» [1].

Таким образом, в небольшом рассказе, написанном после посещения Самары в 1993 году, Аксенов представляет достаточно законченную концепцию и форму. Вот «бесы» и вот молодой интеллигент, который спасает народ от демонического прошлого через народом же созданные анекдоты и карнавал.

Цитата - диагноз: Смех у берегов Самары открыл им «суть демоноборческого процесса России» [1].

В 1997 году появился роман «Новый сладостный стиль», который отражал новые лица российской жизни в контексте других городов и стран. Хронотоп романа «Новый сладостный стиль», привязанный к сугубо современным событиям 1990-х гг., одновременно повернут в прошлое. Одна из стержневых фабульных линий – заказ генеалогического древа некоей семьи Корбах.

Выясняется, что история семьи Корбахов проходила еще в архаические времена через Азию, в Новое время – через Европу и Америку, на пороге XX века ветви семьи обнаруживаются в Варшаве, Москве, прорастают в Самару, перекидываются в Париж, Нью-Йорк, Вашингтон. В романе потребовалось прошлое не только отечественное, но общечеловеческое и мировое.

Хронотоп этого романа носит, несомненно, программный характер: установление семейной близости всех людей на основе генеалогии и воспоминаний. Напомним еще и еще раз, что роман «Новый сладостный стиль» был написан Аксеновым после длительного пребывания в разных странах и по возвращении в постсоветское пространство.

Обращение в мировое прошлое, мультикультурный мир – это хронотоп жанровых коллажей современной художественной практики. Корбахи в Америке, древней Иудее и Флоренции времен Данте связаны с Самарой. Так же как австралийские Йоги, приплывшие по Волге к памятнику Чапаева, и тому подобные пространственно-временные коллажи, которые были бы не мыслимы в каноническом советском искусстве.

Так же, как цитированный выше рассказ «Корабль мира», хронотоп романа Аксенова альтернативен советскому сознанию. Аксенов прекрасно это осознает и пишет в «Новом сладостном стиле», что советский человек не стремился составлять генеалогии из страха и враждебности к чужим.

Цитата из романа «Новый сладостный стиль»: «Должен вам сказать, что у советских людей было крепко отбито желание копаться в семейных историях. Люди хотели скорее затемнить, чем раскрыть родословную: вдруг выскочит какой-нибудь враг народа: поп, офицер, кулак, коммерсант. Мало кто из моих друзей прослеживал свою линию дальше деда. Революция образовала в российской истории какой-то колоссальный вал, внехронологический рубеж. То, что было за ним, относилось к временам Навуходоносора» [2, С. 43].

Итак, по воле доброго и пронизательного автора, писателя и профессора, в романе «Новый сладостный стиль» Самара оказывается рядом с Москвой и Вашингтоном, Тель-Авивом и Флоренцией. Каждый город в этом романе Аксенова символизирует определенный цивилизационный тип. Образ Самары как одного из типичных российских провинциальных городов мелькает на фоне древностей, поэзии Данте, современной мобильной связи. Образ Самары вырисовывается при этом так: обыкновенный город, связанный с великим миром в дореволюционные и постсоветские годы.

Писателя после долгого отсутствия на Родине особенно интересуют изменения, трансформации, метаморфозы. Можно сказать, что ему нужен российский провинциальный город, переживший все то, что случалось или могло бы случиться в 20 веке в любом городе: в Ярославле, Томске или Нижнем Новгороде. Повторим, что Самара – маленькая точка в гигантской панораме романа В. Аксенова «Новый сладостный стиль». Можно только поражаться, сколько местных прототипов, типажей, настроений, названий улиц и площадей запомнил в короткие визиты писатель и поместил на нескольких страницах, связанных с Самарой.

Герой романа Александр Корбах, театральный режиссер (с чертами В. Высоцкого, А. Тарковского, Ю. Любимова, да и самого В. Аксенова) возвращается на Родину после своей отчаянной эмиграции в Америку. Одна из фабульных мотиваций приводит аксеновского героя на несколько дней в Самару.

Александр Корбаху нужно встретиться с некоей дальней родственницей клана Корбахов, которой удалось дожить в Самаре чуть ли не до 100 лет. Они и встречаются: пришелец из Америки – режиссер Александр Корбах и Ася Сухово-Корбах, воплощающая все перипетии «самарской динамики» XX столетия.

По воле сюжета, Александр Корбах сначала внимательно изучает дореволюционные фотографии «представителей самарского купечества», на которых видит европейские манеры, хорошую одежду, свободные позы, смелые, уверенные взгляды. Потом ему рассказывают о советских уже судьбах купеческих потомков. Выясняется, что люди бедствовали, исчезали, а потом свыкались с образом жизни в советском городе Куйбышеве.

Глядя на предреволюционную фотографию самарской семьи, автор склоняется к образу благополучия обыкновенного волжского города в канун Революции: «Вся эта группа, надо сказать, удивила меня своим буржуазным благополучием [2, с. 60].

Автор вроде бы вскользь упоминает, что в канун Революции закончившие гимназию Корбахи готовятся поступать в Казанский университет и Петербургскую консерваторию; что во время Гражданской войны в Самаре было «многопартийное правительство сторонников Учредительного собрания, евреев там принимали в добровольческий полк». Но по сути дела, он поразительно точно понял контекст обыкновенного русского города в предреволюционные годы.

Далее чуткий социальный диагност выделяет, пользуясь культурологической терминологией, следующие этапы трансформации образа города: двадцатые годы; послевоенный период; приватизацию 1990-х. На городской сцене мелькают то купеческие лица, загримированные в двадцатые годы; то вдруг всплывает лицо немецкого пленного, влюбившегося в героиню. На этом фоне встречаются странствующий по миру театральный режиссер и 100-летняя самарская жительница Ася Сухово.

Цитата из романа «Новый сладостный стиль»: «В двадцатые годы было нелегко девушкам из банкирских семей, особенно если ваш брат ушел с белыми в Персию». Однако благодаря тому, что даже «среди самарских большевиков были люди, которые жалели Корбахов, поскольку в свое время они немало дали денег на революцию» [2, с. 553], родственники «прежних» заканчивали институт, поступали в комсомол, а потом работали всю жизнь на бывшей купеческой фабрике «Волжский коммунист», «что приютилась с давних времен на берегу Волги между пивным гигантом «Штюбе» (1898) и тепловой станцией Мамонова (1912)» [2, с. 554].

В конце концов рождалась приязнь к новому быту в старом городе. Героиня даже тоскует по тем временам: «каждый вторник политинформация, все собираются, какое-то чувство уюта, тепла, были также шефские концерты, коробки нашего куйбышевского шоколада к празднику 8 Марта» [3, с. 554].

Вполне возможно, что в сорок пятом году, как это происходит в романе Аксенова, «бывшую родственницу» мобилизовали для работы в лагере военнопленных. Завязывались неожиданные романы с пленными, которые быстро пресекались надзирающими сотрудниками. В романе точно воспроизведено место лагеря на Волге.

Цитата из романа «Новый сладостный стиль»: «Он располагался в Жигулевских горах, третьем по красоте заповеднике во всей Европе. Немцам там, конечно, было не до красоты в каменном карьере. С одним, правда, исключением, и этим исключением был двадцатилетний голубоглазый, скажем, Зигфрид, скажем, Вагнер. Он влюбился в Жигули и в пятидесятилетнюю Асю. Но что такое пятьдесят лет, если у тебя кружится голова от вальсов, которые этот мальчик наигрывает тебе на гребешке?» [3, с. 554].

Всё это куйбышевские/самарские реалии: лагерь в волжском селе Гаврилова Поляна, пленные, работавшие рядом с «запасной столицей», хорошо известные писателю по детству в Казани и Костроме...

После войны в обыкновенном городе на средней Волге был создан уникальный ракетостроительный комплекс, на волжских берегах блистали энтузиасты джаза и цвели палаточные городки. На склонах Жигулей, как на каком-то Вудстокском фестивале, собирались тысячи поклонников бардовской песни. Легендарным «Грушинским фестивалем» восхищались всенародно обожаемые В. Высоцкий, А. Городницкий, Ю. Визбор и десятки других свободолюбивых бардов.

Не то чтобы эта информация тогда не попала писателю. Но, видимо, она не резонировала с его «художественной диагностикой», а может быть, с горькими образами сиротского детства и отрочества.

Потом его с любовью встречали в Казани бывшие советские инженеры и интеллектуалы из НИИ, профессора и мэры. Были роскошные приемы и выражение любви. Но были, видимо, тягостные воспоминания. Он же был случайно спасенный ребенок, о чем написал в своей последней книге «Дети ленд-лиза». Об этой детской трагедии в Казани и Костроме проникновенно рассказали совсем недавно близкие ему коллеги: М. Пешкова, К. Ларина, В. Вогман, А. Гладилин.

Цитата, Анатолий Гладилин: «И вот только после вот фестиваля в Казани, где столкнулся вот с другой вот его семьей, и где казанцы мне начали рассказывать какие-то другие вещи, я понял, что я очень мало... что вот этот период я не знаю совершенно.

...дети тащат домой этот суп, эти бидоны с супом, а это, так сказать, это... это, в общем, жидкая грязь. Это жидкая грязь, в которой плавают чечевичные зерна. И только дома потом, дома

потом это все промывают, чечевицу эту самую выуживают, вот эти вот мама, тетя Котя».

Цитата, Майя Пешкова: Потом он мне говорит: «Майя, включай микрофон». И я стала записывать. Это был его рассказ о детстве. И он мне рассказал историю про слоника – это вошло в программу «Непрошедшее время». И Василий Павлович заплакал. По щеке вот здесь вот, где знаменитая родинка Василия Павловича, вот так текла слеза долго-долго-долго. Она текла одна, текла долго. И он продолжал разговор. И так странно было видеть Василия Павловича вот в этом состоянии» [4].

Однако вернемся к образу Самары и его метаморфозам: дореволюционный, советский и постперестроечный город. По воле романного сюжета на городскую сцену перестроечной Самары выходят комсомольцы – приватизаторы.

Цитата из романа «Новый сладостный стиль»: «В горячке приватизации ТОО «Утес» само не заметило, как завладело секретным заводом снарядов. Лишенный госзаказов, завод этот висел на комсомольцах мертвым грузом. «Золотую жилу вам отдаю, мужики, – говорил американцам Колобродченко, кося казачьими коварными глазами. – Конвертируйте ящик во что хотите, хоть снаряды обратно выпускайте!» [2, с. 555].

Бывший комсомолец Глеб Колобродченко - это тот, про которых не только народ, но и философы (Ю.Н. Давыдов) стали говорить «прихвизаторы», «пацаны». Аксенов таких тоже не любил и жестоко осмеял в романе. Но избавить своих героев от «Колобродченко» не смог нигде: ни в Нью-Йорке, ни в Москве.

Итак, образ города переживает серьезные трансформации на страницах романа Аксенова. Мелькание образов купеческого - советского - постсоветского города стабилизируется самарской судьбой, которая все это пережила. Асе Теодоровне Сухово почти 100 лет. Она сидит на своем балконе над Волгой, читает энциклопедические словари и до конца своей жизни обеспечена запасами чая, посланными родственниками, которых судьба разбросала по всему миру. Такой хронотоп: «Весь мир во мне одном». А Волга течет и течет.

И в заключение то, что относится к проблеме образа города в широком методологическом контексте, выходящем за пределы названных произведений Аксенова, которые поразили нас своими методологическими открытиями.

Актуальность темы «Образ Самары у Аксенова», несомненно, в том, что динамика, метаморфозы, трансформации образа города остро переживаются в глобальном пространстве и диагностируются различными средствами: карнавальная перекодировка;

культурно-исторические параллели, трансформации, коллажи; устойчивые образы, например: Волги, энциклопедии, чая.

Образ – имидж современного российского города необыкновенно привлекателен как философско-культурологическая проблема и проектная работа отдельно писателя, ученого или мэра. Ей посвящен также и ряд наших работ [12].

И еще несколько слов о формировании имиджа города в период перестройки и о связях Аксенова с обыкновенным российским городом. Он посещал Самару и позднее, когда уже с почестями был принят во многих других городах России. Благодаря усилиям того же профессора Виттиха, а также министра культуры Самарской области этого периода профессора Э.А. Куруленко, на «Самарской Ассамблее - 2001» Аксенов был вместе с Беллой Ахмадулиной, Борисом Мессерером, Евгением Поповым, Владимиром Войновичем и другими [5]. Поучительный пример трансформации духовной жизни города, как пишет В. Добрусин: «Каждое лето Самара становилась центром российской культуры, а сами самарцы наслаждались близким общением с легендарными деятелями искусства и науки» [6, 42 - 43].

В 2004 году автору этих строк довелось еще увидеть Аксенова на Франкфуртской книжной ярмарке, посвященной русской литературе. В программе Ярмарки было множество «круглых столов», диспутов, презентаций. Один из центральных «круглых столов» о постперестроечной русской литературе вел Аксенов. Как и на конференции в Самаре, он с доброжелательным вниманием слушал докладчиков. Сам напомнил о Самаре и Ширяеве в «Корабле мира»: «Я специально это сделал». Аксенов был по-прежнему добр и внимателен ко всем своим самарским собеседникам. И кто-то тогда определил: Доктор. Весьма значимое определение для русской культуры и для метода «художественного диагностирования». Не отдельно писатель и университетский профессор. Но Доктор. Как герои Герцена, Чехова, Булгакова, как доктор и епископ Войно-Ясенецкий [13].

Осмысляя эти события в социокультурном аспекте, можно сказать, что их успешность для имиджа Самары была следствием совпадения писателя, мэра и ученых. Прочитируем примечательный по коммуникативным деталям рассказ профессора Виттиха о том, как в 1992 году он едет в Москву, к Аксенову, и случайно встречает в поезде мэра Сысуева, который моментально откликнулся: «...если Вы сочтете возможным, вы, пожалуйста, пригласите его лучше от моего имени. Как гостя Самары» [5. 41].

Приглашение в Самару любимого писателя, несправедливо вытолкнутого в советские годы, состоялось раньше, чем в другие

столичные или провинциальные города. Это сразу связали с открытостью и профессионализмом самарских интеллектуалов. Ссылки на продвинутость и привлекательность города стали звучать в выступлениях экономистов, политиков и солидных инвесторов. Как уже упоминалось выше, важные стратегические акции, как например, заключение партнерских отношений с немецким Штутгартром, американским Сент-Луисом, выступления мэра Самары того времени О.Н. Сысуева в Страсбурге, также включали упоминания названных университетских конференций и фестивалей. Речь шла об открытости прежде «закрытого» города, что подтверждали теплые, инициативные контакты с русскими писателями зарубежья и звездами культуры.

Говоря языком социокультурных исследований, можно сказать, что для городской сцены Самары «Аксеновские конференции» и последовавшие за ними Самарские ассамблеи оказались не только внутрицеховыми, но и гражданскими событиями. Они консолидировали интеллигенцию и управленцев, которые вместе формировали открытый и интеллектуальный дух постсоветского города. Эти культурные события, несомненно, повлияли на продвижение имиджа Самары. Слоган самарского мэра Сысуева, мы полагаем, совпал с хронотопом Аксенова и философией ученых-гуманитариев: «Мы – разные, но не чужие». А к тому же еще и Волга.

Цитата из романа «Новый сладостный стиль»: «Ну, знаете ли! Волга произвела на него сильное впечатление. Он не ожидал, что она выглядит так, как она выглядит» [2, с. 551].

Источники

1. Аксенов, В. Корабль мира «Василий Чапаев»// В его же кн.: «Негатив положительного героя». – М., ЭКСМО, 2006. [Электронный ресурс]. URL: http://www.jewishlibrary.ru/aksenov/korabl_mira_vasily_chapaev/1-1.htm

2. Аксенов, В. Новый сладостный стиль [Текст]. – М.: ЭКСМО, 2009.

3. Мавлевич, Н. Мавлевич, Н. Начало традиции [Текст]. – Журнал «Иностранная литература». – 2008 – № 9.

4. «Эхо Москвы», 3 октября 2010. Передача «Незавершенный роман Василия Аксенова «ленд-лиззовские». [Электронный источник]. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/kazino/714667-echo/>

5. «Автограф». Культура и искусство Самарской области [Текст] / отв. редактор и составитель С. П. Хумарьян. – Самара, 1998. На подарочном экземпляре автора этих строк сохранились личные автографы и теплые строки В.П. Аксенова, В.В. Виттиха,

Б.А. Ахмадулиной и других Самарской Ассамблеи - 2001» получили в подарок красочное издание:

6. Добрусин, Виталий. Василий Аксенов (1932 - 2009) // Самарские судьбы. – 2010. – № 6. – С. 42 – 43.

Библиография

7. Вебер, М. Избранное. Образ общества [Текст].– М. 1994.

8. Франк, С. На переломе. Философия и мировоззрение. Философские дискуссии 20-х годов [Текст]. – М., 1990. – С. 324-332.

9. Бражкина, А., Сид, И. Внутренняя рецензия на роман В. Аксёнова (для комиссии по Госпремиям) на роман В.П. Аксенова «Новый сладостный стиль // Крымский клуб. [Электронный ресурс].

10. Василий Аксенов: Литературная судьба: Статьи. Библиографический указатель [Текст] / редакторы-сост. В. П. Скобелев, Л. А. Финк. Составитель библиографического указателя Э. Ю. Базилевская. - Самара, 1994.

11. Скобелев, В.П. О структурно-семантических первоосновах поэтики литературного пародирования [Текст] // Проблемы изучения литературного пародирования: Межвуз. сб. науч. ст. – Самара : Самар. ун-т, 1996. – С. 41—60.

12. Бурлина, Е. Имидж города как управляемый и регулируемый процесс. – Доклад для конференции «Имидж города в информационной среде», СПбГУ. – 2009: www.statebrand.ru/upload/files/doc_1237582201.doc;

Кузовенкова, Ю. А. Город в идеальном измерении: от образа – к имиджу [Текст] : автореф. канд. дисс. ... канд. культурологии – Саранск, 2009.

13. Леонтьева, О. Диалог интерпретаций: образ врача в творчестве Герцена [Текст] // Альманах «Доктор Живаго»: философские и культурологические аспекты медицины. – Самара : СамГМУ, 2007.

УДК 008:14

В.П. Федюк

Революция и изменение облика русского провинциального города. 1917-й год в Ярославле

Знаменитый маркиз де Кюстин, самый язвительный и злой из иностранцев, писавших о России, в 1839 г. посетил и Ярославль. Вот его первые впечатления о городе: «Ярославль, как и все рус-

ские провинциальные города, необычайно разбросан и кажется безлюдным. Его улицы поражают своей шириной, площади похожи на пристани, а дома отделены друг от друга огромными пустырями, в которых теряется население» [11, с. 261]. Кюстин привык к узким и кривым улочкам старого Парижа, ведь он писал это еще до того, как барон Осман рассек столицу Франции широкими проспектами, по сравнению с которыми любая улица Ярославля казалась бы тесной тропинкой. Но кое-что в его замечаниях соответствовало правде.

На фотографиях, снятых полвека спустя после путешествия Кюстина, поражает все то же отсутствие людей. Дома есть, тротуары есть, а вот прохожих буквально единицы. Между тем, население города за это время увеличилось в три раза. Конечно, одна из причин этого – несовершенство тогдашней фотографической техники, что заставляло делать снимки в те часы, когда улицы были пустынно. Но главная причина лежит глубже.

Даже такой город, как Ярославль, далеко не вытягивающий на уровень мегаполиса, состоял по сути из нескольких обособленных поселений. Жители окрестностей Карзинкинской мануфактуры или Сенной площади редко бывали в центре, а если уж собирались туда, то говорили, что идут «в город». Массовое стечение народа из разных районов было огромной редкостью, и потому современников так потрясали митинги и демонстрации первых месяцев революции, собиравшие по две-три тысячи человек.

В России, и Ярославль не исключение, попросту не было традиции уличной жизни. Это в Париже уже тогда можно было сесть в уличном кафе, выпить кофе или что-то другое. В Ярославле распивать на улице можно было только сидя на мостовой, но после этого был велик шанс закончить день в полицейском участке. По улицам ездили и ходили, но всегда по делу и с определенной целью. Недавно появившаяся у нас мода на «шопинг», то есть поход по магазинам, чтобы купить «где-нибудь что-нибудь», была абсолютно чужда тогдашним ярославцам, тем более, что и магазинов было не так много. Ну а бесцельно шататься по пыльным и грязным улицам им даже в голову бы не пришло.

Пыль и грязь усугублялись отсутствием зелени. Никаких деревьев вдоль тротуаров не было и в помине. Конечно, даже в центре города не редкостью были личные сады и огороды. Но мест для прогулок и отдыха было совсем немного. На берегу Волги, уже за городской чертой, находилась Полушкина роща, в ту пору действительно роща, точнее сосновый бор. Сюда ярославцы по воскресеньям любили выезжать на пикники. Но среди здешней публики преобладал рабочий люд, потому представители более

«культурных слоев» здесь гулять избегали [1, с. 51]. Собственно в городе местом вечерних гуляний были Городской сад у Романовской заставы, бульвары и набережная.

Особенно был любим горожанами Казанский бульвар. В конце бульвара ближе к Семеновской площади была отгорожена небольшой садик. Пройти сюда можно было только через калитки, запиравшиеся на ночь, что делало его очень похожим на загон. В этом садике располагался ресторан Бутлера «с певичками и отдельными кабинетами» [13, с. 83]. Здесь же три раза в неделю, в воскресенье, вторник и четверг, играл военный оркестр. Но, поскольку за это взималась плата, экономные горожане предпочитали слушать музыку бесплатно, с бульвара. В хорошую погоду, особенно по воскресеньям, бульвар был переполнен публикой. Пять раз туда и обратно, стакан сельтерской воды в ресторанном буфете – вот и день прошел, погуляли на славу.

Популярность Казанского бульвара постоянно привлекала предприимчивых людей, пытавшихся взять его у города в аренду и установить плату за вход. Однако городская управа, сколь бы ее не обвиняли в стремлении выколотить деньги любой ценой, неизменно отвечала на это отказом. Не избежал этого искуса и ярославский Совет. В июне 1917 г. его представители ходатайствовали перед управой о введении обязательного сбора с гуляющей публики в пользу Совета. Речь шла об однодневной акции, но управа проявила последовательность и вновь отказала [3, л. 217].

Был, правда, сад при губернаторском доме, небольшой, но чистый и ухоженный, однако простую публику туда не допускали. В середине марта в бывшую резиденцию губернатора переехали Губернский комитет общественной безопасности и Исполком Ярославского Совета. После этого сад был объявлен открытым для посещения. Он получил несколько напыщенно, но звучащее вполне в духе времени, название «Сад свободных детей». У входа было повешено объявление о том, что «взрослые допускаются только вместе с детьми». В самом саду клумбы были украшены надписями из цветов: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Да здравствует Интернационал», «Да здравствует Учредительное собрание». Однако единственным местом для детских игр в саду была куча песка, в которой, как писали газеты, и «копаются будущие «пролетарии всех стран». Ковер же из окурков на дорожках и клумбах свидетельствовал о том, что пролетарии взрослые чувствуют себя в саду куда вольготнее, чем дети [2]. Уже через пару месяцев скамейки в саду были сломаны, а газоны затоптаны. Не осталось целых скамеек и на набережной. Дело дошло до того, что

был поднят вопрос о найме специальных сторожей, которые бы следили за сохранностью скамеек на набережной и бульварах [12].

Если же вернуться к разговору о ярославских улицах, то для начала приведем некоторые общие сведения. В начале XX в. их протяженность составляла 43.690 погонных саженей (примерно 93 км.). Из них замощено было 18 тыс. погонных саженей (38 км.), или чуть более трети [13, с. 95]. Зимой мостовые и тротуары покрывались льдом и для удобства прохожих и проезжих их посыпали золой и рублеными гвоздями. Летом такой же проблемой становилась пыль, а весной и осенью даже центральные улицы утопали в непролазной грязи. Сточные трубы были проложены только в центре, а на окраинах их заменяли обычные канавы. К тому же и трубы и канавы постоянно засорялись, и потому после каждого дождя появлялись гигантские лужи. По словам тогдашних газет, «всякий у нас рискует утонуть в лужах на ярославских улицах и никакая спасательная станция с лодками ему не поможет» [12].

В первые же месяцы революции эта, и без того неприглядная, картина усугубилась до крайности. В середине мая в город пришла жара и неубранная весной грязь превратилась в пыль, которая облаком висела над городом. Причина этого была не только в том, что дворники, руководствуясь весьма своеобразно понятой свободой, стали работать спустя рукава. В центре города в ту пору почти ежедневно проходили митинги и шествия, и чистоты улицам это не добавляло. Пыль и грязь радовали только чистильщиков обуви. Профессия эта была монополизирована ассирийцами-айсорами, числившимися «персидскими поданными». За право поставить свой ящик в людном месте, вроде Казанского бульвара, они выплачивали городской думе от 100 до 500 рублей в год. Сумма эта и в 1917 г. была не самой маленькой, но если они платили ее, значит рассчитывали получить больше [4, л. 42].

По ночам улицы тонули в темноте. Хотя первые электрические фонари появились в Ярославле еще в 1903 г. [9, с. 282], ко времени революции их было немногим более трехсот на весь город. Электричеством освещались набережная, бульвары и улицы, по которым ходил трамвай. На прочих же улицах и переулках, особенно на окраинах, горели керосиновые фонари. В 1917 г. для экономии электроэнергии дуговые лампы были заменены на менее мощные полуваттные [5, л. 19]. С этой же целью в ясную погоду и при полной луне уличное освещение вообще не включалось. В такие ночи улицы напоминали сказочный мертвый лес. Такое впечатление создавалось из-за обилия столбов и низко висящей между ними паутины проводов. Столбов вдоль улиц стояло великое множество: фонарных, электрических, телефонных, трамвайных.

На столбах могло быть до шести-восьми поперечных перекладин, что делало их похожими на огромные гребенки.

Еще одна проблема, связанная с состоянием улиц, вскоре приобрела характер настоящей катастрофы. В короткий срок Ярославль оказался буквально затоплен нечистотами. Вопрос этот был болезненным давно и связан с отсутствием в городе централизованной канализации. В богатых домах уже были ватерклозеты, но все заканчивалось все той же примитивной выгребной ямой. Домовладельцы могли собственными силами заниматься очисткой отхожих мест, а при желании, за особую плату, прибегнуть к услугам ассенизационного обоза. Наряду с муниципальным обозом, обслуживавшим большую часть города, действовал еще тюремный обоз, в составе которого трудились арестанты, осужденные на незначительные сроки. Главная городская свалка располагалась в районе деревни Пятовской. Участок числился в городской собственности, но за причиняемые крестьянам неудобства управа ежегодно выплачивала сельскому обществу более 2 тыс. рублей [6, л. 7].

Пресекаать слив нечистот в неположенных местах было обязанностью полиции, и штрафы за это были довольно велики. Тем не менее, на свалки вывозилось лишь 7 миллионов из 35 миллионов ведер нечистот в год*. Остальное сливалось бесконтрольно и в итоге попадало в Волгу и Которосль [13, с. 96]. Но все же худо-бедно ассенизационные службы работали. Революция же в считанные недели нарушила весь привычный ход вещей. Перестал работать тюремный обоз, поскольку бывшие арестанты оказались на свободе. Вслед за ним развалилась и муниципальная ассенизационная служба.

Уже 25 марта 1917 г. (Свободной России всего три недели от роду) ярославские газеты бьют тревогу: «город положительно утопает в нечистотах... Ямы переполнены, вонючие ручьи вытекают из дворов на улицы. Во многих местах трудно проходить, не зажимая нос» [2]. Гордость городских властей – общественные туалеты на Казанском бульваре, Мытном дворе и в Гостиных рядах – стояли закрытыми, так как некому было заняться их очисткой. Но все это было только началом.

Булгаковский профессор Преображенский из повести “Собачье сердце” говорил: “Разруха не в клозетах, а в головах”. Похоже, что уже весной 1917 г. разруха прочно засела в головах многих ярославцев. Рабочие ассенизационного обоза дважды в марте и апреле объявляли забастовку, требуя повышения заработной платы до 60 рублей в месяц при готовой квартире и содержании

* Ведро равнялось 12,299 литра.

[2]. Домовладельцы, пользуясь исчезновением полиции, предпочитали сами сливать нечистоты в ближайший темный переулок. Поразительно, сколь много людей восприняли объявленную свободу как свободу плевать на пол, сморкаться без носового платка и справлять нужду там, где приспичило. И немало было тех, кто в буквальном смысле так и поступал. «Общественный клозет на городском бульваре представляет из себя в настоящее время отвратительную картину... Лица, направляющиеся к клозету, или проходят мимо, или, не заходя в помещение клозета, останавливаются около него, еще более увеличивая окружающую грязь» [2]. А ведь, напомним, речь шла о любимом месте отдыха горожан.

Ярославские власти, к чести своей, пытались найти выход из этого положения, правда, без особого результата. В конце марта городская дума приняла решение поделить территорию города на 22 санитарных участка. В каждом из них жителям предлагалось выбрать из своей среды попечителя и его помощников. На них возлагалась обязанность следить за санитарным состоянием дворов и улиц, и, в случае необходимости, штрафовать домовладельцев [2]. Но, похоже, из этой затеи ничего не вышло, так как ни в каких документах санитарные уполномоченные больше не упоминаются.

Еще более неудачным оказался другой эксперимент городских властей. Для того, чтобы привлечь частную инициативу (а, скорее всего, для того, чтобы не связываться с рабочими, требующими повышения оплаты труда), муниципальный ассенизационный обоз был разделен и передан в аренду частным лицам. Раньше он представлял достаточно заметную силу. В его конюшнях было 120 лошадей, что при условии двух (а летом и трех) ездов за день позволяло ежедневно вывозить свыше 14 000 ведер нечистот. Теперь в составе четырех частных обозов почему-то оказалось всего 80 лошадей.

Норма вывоза составляла три бочки в день на каждую упряжку, а за каждую дополнительную бочку доплачивалось по полтора рубля [2]. Поэтому арендаторы (по большей части те же ассенизаторы, проявившие предприимчивость) были заинтересованы в большем числе ездов. Как следствие - рабочие с благословения хозяев сливали нечистоты, не доезжая до свалки. В итоге уже к лету зловонное болото доползло от Пятовской до станции Всполие. Рабочие и служащие станции (а на ней трудилось более двух тысяч человек) написали протест в городскую управу. В ответ арендаторы ассенизационного обоза ссылались на плохое состояние подъездных дорог. Мол, телеги ломаются и прислуга обоза вынуждена сливать нечистоты, не доезжая до свалки. Ну, а за-

бота о дорогах в ведении городских властей, значит виноватых нет [6, л. 25].

В управе пытались найти выход из этой ситуации. Одним из предложений было обязать всех ассенизаторов прикрепить на видном месте, например дуге, яркий отличительный знак, чтобы любой, кто заметил бы слив нечистот в неполюженном месте, мог записать номер провинившегося [7, л. 16]. Мы не знаем, была эта инициатива реализована или нет, но в любом случае положение она не исправила. Более того, почувствовав безнаказанность, рабочие обозов стали сливать свой груз прямо на улицах города. В газетах об этом сообщалось чуть ли не ежедневно.

Если наложить на карту точки, где был отмечен несанкционированный слив нечистот, получится полная иллюзия наступления врага на осажденный город. Сначала излюбленными местами нерадивых ассенизаторов были окраины – район Леонтьевского кладбища, и, особенно, квартал между Рыбинской, Мышкинской (ныне – улица Лисицина) и Власьевской (Свободы) улицами [2]. Но уже осенью это без стеснения происходит и в центре – на Духовской (Республиканской), Монастырском (Первомайском) переулке. В сентябре среди бела дня бочки с нечистотами были опорожнены на Спасо-Нагорной (ныне- Почтовой) улице, вообще в двух шагах от Ильинской площади [2]. Самое поразительное, что в этом случае виновниками оказались технические службы Демидовского лицея, который, как говорится, «по определению» должен был быть рассадником не только знаний, но и культуры.

Большая часть нечистот в итоге попадала в Волгу и Которосль. Не удивительно, что над городом нависла угроза эпидемии желудочно-кишечных заболеваний. В нашем распоряжении есть сводная статистика заболеваемости по Ярославлю за многие годы, включая и 1917-й. Не будем сейчас воспроизводить ее целиком, чтобы не утомлять читателя, ограничившись общими характеристиками. По большинству заболеваний показатели 1917 г. мало отличаются от результатов предыдущих лет. На этом фоне особенно заметно, что число заболевших дизентерией и брюшным тифом выросло в два с половиной раза [8. Л. 4, 6]. Появились и многочисленные случаи заболевания холерой.

Но даже не это главное. Во многих книгах, посвященных революционным событиям в Ярославле, воспроизводится заметка из «Правды» о состоянии города после июльского 1918 года мятежа. Начинается она словами: «Былого красивого Ярославля больше нет» [10. С. 265]. Рискнем сказать, что былого красивого Ярославля не было уже за полгода до июльских событий. Виновата в этом была не тяжелая артиллерия красных, а сами ярославцы,

страдавшие «разрухой в голове». Мы готовы согласиться с тем, что таких было меньшинство, но это меньшинство своим агрессивным, хамским, поведением задавало тон. Глядя на гнусное болото, каким стали ярославские улицы, законопослушное большинство начинало тосковать о прежних временах.

Примечания

1. Барщевский, И. Ф. Исторический очерк города Ярославля [Текст] / И. Ф. Барщевский // Труды Ярославской Губерн. ученой архив. комиссии. Кн. III, вып. 4. – Ростов-Ярославский : типолит. А. Барщевского, 1900.

2. Голос (Ярославль) [Текст]. – 1917. – 25, 30 марта ; 20, 21 апреля ; 9, 18 мая ; 25 июня ; 5, 8 сентября ; 12 октября.

3. Государственный Архив Ярославской области (ГАЯО) [Текст]. – Ф. 509. – Оп. 1. – Д. 1877.

4. Государственный Архив Ярославской области (ГАЯО) [Текст]. – Ф. 509. – Оп. 1. – Д. 1915.

5. Государственный Архив Ярославской области (ГАЯО) [Текст]. – Ф. 509. – Оп. 1. – Д. 534.

6. Государственный Архив Ярославской области (ГАЯО) [Текст]. – Ф. 509. – Оп. 1а. – Д. 69.

7. Государственный Архив Ярославской области (ГАЯО) [Текст]. – Ф. 509. – Оп. 1. – Д. 1890.

8. Государственный Архив Ярославской области (ГАЯО) [Текст]. – Ф. Р-2562. – Оп. 1. – Д. 35.

9. История Ярославля с древнейших времен до наших дней [Текст] / авт. текста А. Р. Хаиров ; ред. Н. В. Щербакова ; фот.: В. В. Наумов, Н. К. Плигин ; худ. В. Н. Куров. – Москва : Интербук-бизнес, 1999.

10. История Ярославского края с древнейших времен до конца 20-х гг. XX века [Текст] / А. М. Пономарев, В. М. Марасанова, В. П. Федюк и др. ; отв. ред. А. М. Селиванов. – Ярославль : Изд-во ЯрГУ, 2000.

11. Кюстин А. Николаевская Россия [Текст] / Маркиз Астольф де Кюстин ; [пер. с фр. Я. Гессена, Л. Домгера; вступит. ст. С. Гессена]. – М. : Терра : Кн. лавка-РТР, 1997.

12. Свободное слово (Ярославль) [Текст]. – 1917. – 7 ноября, 19 марта.

13. Тихомиров, И. А. Ярославское Поволжье : Углич. Мышкин. Молога. Рыбинск. Романов-Борисоглебск. Толгский монастырь. Ярославль [Текст] : крат. путеводитель / И. А. Тихомиров. – Ярославль : Тип. В. В. Шпеер, 1909.

Т.С. Злотникова

**Российская динамика:
от театра в городе к городу – театру жизни**

Скромно место, занимаемое театром на улице провинциального города. «Порядочное зданьице», недавно выстроенное кондитером, растрогало в свое время В. Соллогуба (фельетон «Симбирский театр») по контрасту с тремя «холерами», отпугивавшими от театра посетителей: картами, ленью и равнодушием к драматическому искусству. Воздушный замок начинающей актрисы на амплуа «сплошной графини» или постаревшего благородного отца имеет вполне очевидные контуры сарая. Российская антидинамика являет свою определенность при сопоставлении реалий рубежа XIX-XX и рубежа XX-XXI веков.

Русская провинциальная ментальность с конца XIX века, со времени, к которому относится расцвет особого, не имеющего конкретных примет в пространстве, «театра времен Антоши Чехонте», по определению оказывается сродни дурному театральному провинциализму. Последний же превращает высокие стремления в словесную шелуху, активные поступки в дурные манеры, иными словами, делает жизнь – абсурдной.

Провинциальный интеллигент не мыслит своей жизни без театра. Чехов сочувствует в письме Жану Щеглову (известному литератору И. Л. Леонтьеву), попавшему в город, где царят комары и «историческая скука»; Чехов вообще достаточно явственно подразделяет города на те, где театр есть (Тула, Воронеж), и где театра нет (Владимир). В его иерархии «театральных» городов высокое место занимает, к примеру, маленький Елец, куда не только в жалком третьем классе с пристающими купцами едет Нина Заречная, но чуть ли не как в театральную Мекку стремится, мечтает съездить опытный старик-актер («После бенефиса». Здесь и далее – названия рассказов А.П. Чехова).

Конечно, чтобы выстроить «сарай» – тоже деньги нужны, и потому найденные в чужом бумажнике пять тысяч становятся дявольским соблазном («Бумажник»). Легче – *приспособить нечто под театр*.

Провинциальный театр стоит рядом с острогом и на конце улицы («Месь»). Тем более, если «там есть две улицы прямые, и фонари, и мостовые», - с лермонтовским восторгом перед столичными прелестями Тамбова вполне корреспондирует восторг Соллогуба перед новинками Симбирска, где жители прежде по полго-

да тонули в грязи или в пыли, а «теперь тротуары благотельно охраняют симбирское здоровье и симбирскую обувь».

Все провинциальные города, имеющие театры, «счастливы» одинаково, как тот, «маленький», еле видимый городишко», где московские запахи отсутствуют, а в имеющихся двух театрах «бедность таланта соперничает с бедностью балаганной обстановки» («Ярмарка»).

Но вот, неважно, чьими усилиями достигнутый, результат: «Амбар был произведен в театр не за какие-либо заслуги, - замечал Чехов, - а за то, что он самый высокий сарай в городе...» («Месь»). Жалок облик театра, заметного не потому, что он лучше, а потому что уродливее, потому что более ничтожен, ничтожностью и уродством и выделяется.

В *сознании публики* – в частности, в беседах интеллигентных провинциалов - театр занимает место то между погодой и холерой («Ионыч»), то между шведскими спичками и локомотивами («Брак через 10-15 лет»). Но, как ни ревнуй этот интеллигент к славе паршивенькую актриску, известную более, чем инженер-мостостроитель, облагодетельствовавший город («Пассажир 1-го класса»), самоощущение провинциального актера, по всей видимости, соответствует реальному положению дел: «... даже посредственный актер, скромно подвизающийся где-нибудь в глуши (читай в Ельце, как Заречная, а уж тем более, если в Харькове, как Аркадина. – Т. 3.), приносит человечеству гораздо больше пользы, чем Струве, строящий мосты, или Яблочков, выдумывающий электрическое освещение». И это – неопрятный, больной, бессемейный «актеришка», который «заставлял дрожать стены тридцати шести театров» («Юбилей»).

Сытый барин мог от нечего делать рассуждать о «той пользе, какую приносили бы театры, если бы в них давались пьесы нравственного содержания» («Винт»); чем не мечтание ревнителя старины, московского «мудреца» Крутицкого о том, чтобы исправлять нравственность «в молодом поколении», возобновляя трагедии Вл. Озерова и давая трагедии А. Сумарокова чуть ли не через день! Ярмарочная же публика «почтенная глазеет и заливаётся» в провинциальном театре чеховского времени с той же наивной грубостью, что и в зверинце.

Правда, не только публику, которая «хохочет плоским остротам» и при том «дает полные сборы на «Отелло» и, слушая оперу «Евгений Онегин», плачет», винит Чехов «в скверности наших театров...» Публика, по его мысли, высказанной от первого лица, в письмах, везде одинакова, и в провинции, и в столице, «умна и глупа, сердечна и безжалостна – смотря по настроению». Работать

честно и ответственно для публики не грех, а долг. Водевили, например, можно писать дюжинами, поскольку «ими кормится пока вся провинция». Винит писатель скорее профессионалов, работающих на потребу, винит актеров и драматургов столичных или столичного же антрепренера Корша...

Место театра в русской провинции определилось вполне зримо и явственно и в плане духовном, и в плане пространственном, как и облик его творца.

Лицо провинциального актера – то тусклое и подслеповатое («Актерская гибель»), то обезображенное гримом, тупое и почти бессмысленное («Калхас»), то помятое и испитое («Юбилей») – это лицо человека, играющего в сарае для завсегдаев летних садов и зверинцев.

Образ жизни этого «неоседлого» провинциала, актера, малосущественно изменился со времен Негиной и Несчастливцева до времен хористки Паши и резонера Бабельмандебского. Торговля из-за жалованья в порядке вещей. Антрепренер платит прибавкой в 75 рублей и готов прибавить еще полбенефиса – лишь бы не выгнала полуобнаженная артистка в «лапы» преследующего его ревнивца («Антрепренер под диваном»). Актриса же, которой посулили головокружительное содержание, достаточно легко отказывается от сцены, от «поклонников», стыдивших «покупателя» - «Вы забываете, что здесь не цирк, не оперетка», - и принимает его «цену» в 150 раз выше, чем обычное жалованье («Ненужная победа»).

Портрет – духовный и физический – *провинциальной актрисы*, которую, Бог знает, почему, Чехов смолоду воспринимает едва ли не как символ убогого и аляповатого провинциального быта, несет в себе черты прежде всего Аркадиной с ее стремлением оставаться «цыпочкой» и выглядеть моложе, чем ровесницы ее сына. В глазах Чехова такая актриса – в лучшем случае «психологический курьез». При этом - уже собственно чеховский парадокс - такая актриса все же хоть чуточку лучше своим талантом (который, возможно, в большей искренности только и заключается), чем ее поклонник-спутник. Тот же может быть равнодушен и внутренне глух, как Тригорин. Может изобличать ее «пьяным, едва разборчивым почерком», да еще с орфографическими ошибками («Он и она»). А может и вовсе терять человеческий облик в своем творческом экстазе, доставляя «ей» боль и унижение, и превращаться в другого, порядочного человека, «когда он не стоит во главе оркестра и не глядит на свою партитуру...» («Два скандала»).

Чехов в отношении художественности провинциального театра испытывал серьезные сомнения. Характерным сегодня видится сходство многих его рассказов с театральными фельетонами

других авторов: тот же (если не большой) сарказм, те же «говорящие» фамилии, гротесковое нагромождение нелепостей. Трагик Феногенов, игравший в свой бенефис «Князя Серебряного», «тряся всем телом, как в действительности никогда не трясутся, и с шумом задыхался...» («Трагик»). Чехов-прозаик по сути дела еретически пошел против давней традиции, которая и в провинцию-то «спустилась» с высоких столичных подмошков.

Отсюда – явленное Чеховым в его разнообразии и нелепости тесное родство именитых и безымянных, петербургских, самарских и по всей России рассеянных актеров актеровичей. Верхом провинциализма видел Ап. Григорьев в фельетоне «Гамлет на одном провинциальном театре» прямо «феногеновские» свойства актера, который в Гамлете «считает долгом кривляться не по-человечески». Он иронически отмечал, что Гамлет «неестественно зарычал», потом, оказавшись «в героической позе... ревел», текст произносил «с завыванием». А ведь провинциален, по мнению критика, был знаменитый Гамлет Александринской сцены, Каратыгин, провинциален столичный корифей, «столько же похожий на Гамлета, сколько Гамлет на Геркулеса» своими «азиатскими страстями» (кланялся ему «любитель» азиатчины А. П. Чехов).

Театральные реалии провинциального города выстраиваются в цепочку доказательств размытости духовного понятия провинции при четкости его географических рамок. Сродни зычному в провинциальном духе Гамлету – Каратыгину оказывается загримированный «зулусом» (излюбленное чеховское «ругательство» в адрес провинциала) «неаполитанец, капитан стрелков», увиденный М. Горьким в Самаре (фельетон «Между прочим»), где сцену украшала «тяжелая каменная стена тюрьмы, которая меланхолично раскачивалась целый акт, как бы думая: упасть или уж не надо?». Именно в этот логический ряд становится «заграничный» художник Франческо-Бутронца из чеховского рассказа «Жены артистов», что «в шляпе a la Vandic и в костюме Петра Амьенского, стоял на табурете, неистово махал муштабелем и гремел», чье «лицо... горело, глаза блестели, эспаньолка дрожала, волосы... стояли дыбом и каждую минуту, казалось, были готовы поднять его шляпу на воздух...».

Итак, если в провинции *sarai* служит театром, то *суфлера* дразнят бароном («Барон»). Грим груб настолько, что не скрывает старость, уродство, нелепость, но только подчеркивает их; собственное же лицо имеет лишь тот, чьего лица не видит публика. Что был русский провинциальный театр позапрошлого столетия без суфлера? Если существует вполне серьезная научная гипотеза произрастания режиссерской профессии – в числе прочих ее кор-

ней – из службы (служения!) суфлера, стоит ли удивляться восторгу апологета этого театра: «В Смоленске покойник суфлер Васька по болезни актера взялся герцога Ришелье играть» («Критик»). Так уж и наш «барон» с его минимум двадцатилетним стажем считал своим долгом «спасти Шекспира от поругания», а потому сначала бранил Гамлета с грубым лицом, а «когда ему надоело браниться, он начал учить рыжего актера». Главное же, что он, единственный, видимо, в театре имел «собственную физиономию», над которой, естественно, смеялись, в особенности молодые актеры: «...какая у вас смешная рожица!» («Барон»).

В чеховские времена города делились на театральные и не-театральные. Елец, куда ехала в окружении пристававших к ней купцов Нина Заречная, был театральным, Владимир – нет. *Ярославль*, разумеется, был театральным. Считал себя таковым и в последние десятилетия.

Поэтому, когда в начале 1990-х годов была учреждена областная Губернаторская премия за заслуги в сфере культуры, список номинаций открыла премия, разумеется, имени Ф.Г. Волкова за заслуги в области театра.

Ярославль по традиции почитают родиной первого русского театра. Это так, по традиции – и не так, по реальной истории искусства. Так – потому что в конце 1750 года здесь началась подготовка спектаклей частного театра, которым руководил молодой пасынок купца Полушкина Федор Волков, его родственники и друзья, в том числе Иван, получивший от императрицы Елизаветы сценический псевдоним Дмитревский. Повидавший разные зрелища в Москве и Петербурге, Волков в кожевенном амбаре устроил сцену, зрительный зал, и пораженные зрители смотрели первые спектакли, где поднимались и опускались облака, играли музыканты, сцена освещалась плашками. Однако не так – потому, что увезенные эмиссарами императрицы Елизаветы Петровны (в частности, знаменитым драматургом А.П. Сумароковым) в Петербург, ярославские актеры сначала обучались там манерам и наукам в Шляхетном корпусе, а затем играли уже в столицах.

Тем не менее, Ярославский академический театр драмы носит имя Ф.Г. Волкова, и именно на его сцене именно в контексте миллениума в 2000 году праздновалось 250-летие основания русского профессионального театра. Театр этот, по моим представлениям, всегда тяготел к традиционной, часто патетической сценической манере, здесь всегда любили бытовые подробности и исторические «полотна». Этот театр в эпоху российской социально-экономической «перестройки», погубившей, по неофициальным данным, более 80 провинциальных театров России, не миновали

традиционные муки смены художественного руководства, где безоглядный эгоизм одних сменялся трогательным конформизмом других. Зрители и гости города театр чтят по традиции, как городскую достопримечательность, в которой подчас не хочется замечать творческие самоповторы, дурновкусие в репертуарной политике, отсутствие определенной художественной программы.

Вот существенная и неизбежная особенность провинциального театра: здесь название вида искусства в иных случаях становится синонимом наличия труппы. Провинция в старину жила именно так, как по сути дела и сегодня живет Ярославль: *один город – один театр*. Культурный плюрализм – удел столичной жизни; культурная, если угодно, «моногамия» – удел провинции. Здесь не привыкли к слову «театр» добавлять его название или имена лидеров, здесь под этим словом подразумевают только одно учреждение, одно здание, одну традицию. Динамика, продуктом которой стало появление новых, экспериментальных по духу, рассчитывающих на малочисленную публику-друзей-единомышленников, не есть удел таких старинных городов Центральной России, как Ярославль.

В контексте российской социально-политической, экономической динамики город остается «островком» стабильности, в некоторых случаях – консервативности. Перестали, за небольшим исключением, менять города и театры провинциальные актеры – цены на жилье, сокращение количества и изменение системы работы репертуарных (типично российских) театров...

Динамика из сферы творческой мигрировала в сферу организационную. Город уже не место жизни театра и его публики (чеховская эпоха в этой связи было рассмотрена выше), а место временного посещения; он превратился в площадку для гастролей. И это еще не худшая судьба. Иногда и гастролей приличных не дожидаться, тогда отдушиной становятся фестивали, желательно подальше и подольше. Впрочем, российской публике, даже если не Авиньон или Сеул, перепадает немного, ибо одним, часто камерным, спектаклем, такие города, как Самара, Екатеринбург или Ростов-на-Дону, да и поменьше, Ярославль или Белгород, не накормить. Часто это – своего рода «политические» акции, обмены родственными городами или коллективами; престижно, но далеко не всегда радостно в творческом отношении.

Ярославль, кроме ставшего ежегодным фестивалю Волковского, впервые принял фестиваль – скажем так, театральных школ (вузов, дипломных спектаклей) в 2002 году. Здесь студенты из 11 городов и 16 вузов играли в режиме нон-стоп, а зрители едва успевали делать короткие перебежки от площади Волкова до площади Юности или до театрального института: шло 3, 4, а то и 5

спектаклей в день. Гоголь, Достоевский, Сухово-Кобылин, Островский, Горький плотной шеренгой двинулись и на скромные подмостки нашего фестиваля; московские «щуйкинцы» и «щепкинцы», РАТИ (бывший ГИТИС), школа-студия МХАТ, ВГИК. Именно с фестивальными практиками связана попытка внести динамику на «сцену жизни» старинного провинциального города; однако динамика эта носит характер не только сугубо внешний, но еще и эпизодический, что не дает этим редким всплескам повлиять на жизнь в ее широком смысле.

Сегодня вновь делается попытка возродить репутацию провинциального, но страстно желающего позиционировать себя как театральную столицу города. Программа Молодежного фестиваля «Театральное будущее России», проведенного в 2009 и 2010 годах, отличалась, как принято клишированно называть, широтой географического охвата, разнообразием репертуарных исканий и школ. Несколько дней интенсивной коммуникации растворяются в месяцах спокойного (рутинного - ?) течения городского быта.

Рядом с ярославскими историческими заслугами и современной чрезмерной стабильностью (не только географически, ибо расстояние – несколько сотен километром, что для России просто близко, но и в содержательном смысле, по ассоциации, рождаемой пересечением театральных судеб) характерно и странно смотрится динамика крошечного Зеленограда. Ярославцам описанные в журнале «Театральная жизнь» (2009, № 1) дела, настроения, оценки и позиции могут быть не просто интересны – могут показаться сказкой из не-нашей жизни.

Первый заголовок – симптоматичен, не только современен, но и едва ли не вечен: *«Театр начинается с города»*. Автор интервью с префектом Зеленоградского административного округа Москвы (однако мы помним, что Зеленоград с его «электронной» наукой и таким же производством считается хоть и небольшим, но городом) А.Н. Смирновым, главный редактор журнала О. Пивоваров, не скрывает, что для современного бизнесмена и топ-менеджера театр является «игрушкой». Но - той, которая «требует очень большой работы души». Эта «игрушка» привлекла внимание профессионального издания, она же упоминается префектом в связи с моральными и экономическими «дивидендами», получаемыми городом в ходе контактов с другими регионами.

Второй заголовок, открывающий рецензию одного из старейших российских театральных критиков, едва ли не единственного из ныне действующих, кто знает жизнь театральной провинции детально, да еще и на протяжении последних сорока лет, Н. Жегина, - *«Это был и впрямь успех»*. Говоря о «тончайшей ре-

жиссерской механике» ярославского режиссера и педагога А. Кузина, критик возносит театр «Ведогонь» из города Зеленограда до высот фестивального («Голоса истории», Вологда, 2008 г.) признания, уникального не только для относительно молодого коллектива, но и для всего российского театра. Добавим то, о чем в момент интервью собеседники еще не знали: на фестивале «Золотой витязь» были еще награды и отдельный приз за режиссуру.

Третий заголовок, открывающий интервью Ю. Фридштейна с художественным руководителем театра, актером П. Курочкиным, - «*На пути к Монблану*». Ни в амбициях, впрочем, вполне оправдываемых ходом работы, ни в понимании миссии, какой наделено искусство независимо от географических параметров его актуализации, участникам беседы не откажешь. Кстати, и здесь, как и в первом интервью, упоминаются финансово-экономические проблемы, упоминается и социальный статус и формат пребывания театра в городе (и – в стране). Без понимания этого искусство сегодня не живет, но понимание этого искусству в случае с небольшим театром небольшого города – и не мешает. Повод для беседы – успех все того же, ощущаемого как духовный, художественный «Монблан», спектакля «Царь Федор Иоаннович», а ракурсы – традиционные для русского театра с его гипертрофией социально-нравственных интенций: «Мне кажется, - говорит в этом интервью Курочкин, - что театр – это место, где зрителю как-то помогают или, по крайней мере, пытаются помочь». Подчеркнем эту реплику и этот мотив особо.

И четвертый заголовок, данный статье-реплике крупнейшего современного российского литературного и театрального критика Л. Аннинского, - «Что бы то ни было». Ссылаясь на суждение ушедшего из нашего мира Патриарха Московского и всея Руси Алексия II («самое трудное в наше время – возглавлять что бы то ни было»), критик восторгается спектаклем, где на «малогобаритной» площадке удалось «передать сотрясение миров».

А теперь, резюмируя, оставим для дальнейшего решения еще один вопрос: почему спектакль о началах и начале русской истории и государственности, о духовных исканиях и падениях, идет не в Ярославле - старинном, готовящемся к своему 1000-летию, - а в новеньком, лишенном исторических корней, но не лишенном социально-культурных амбиций Зеленограде? Почему смотреть это спектакль ездят со всей России и из-за ее пределов (к примеру, из Англии, из Дании) в Зеленоград, а сам спектакль привезти и показать в Ярославле, для его жителей, не получается? Наверное, потому, что российская динамика избирательна: одних затрагивает, других «обтекает», и исторический город динамично-

му по определению, по своей эстетической природе виду искусству, позволяет существовать в своей среде, но не живет вместе с этим искусством.

Примечания

1. Бердяев, Н. Судьба России [Текст]. – М., 1990.
2. Горький, М. Между прочим [Текст] // Русский театральный фельетон. - М., 1991.
3. Григорьев, А. Гамлет на одном провинциальном театре [Текст] // Русский театральный фельетон. - М., 1991.
4. Злотникова, Т. Антон Чехов, интеллигент из провинции [Текст] // Мир русской провинции и провинциальная культура. – Спб., 1997.
5. Набоков, В. Лекции по русской литературе [Текст]. – М., 1996.
6. Розанов, В. Среди художников [Текст]. – М., 1994.
7. Соллогуб, В. Симбирский театр [Текст] // Русский театральный фельетон. - М., 1991.
8. Станиславский, К. Моя жизнь в искусстве [Текст]. – М., 1963.
9. Скафтымов, В. Нравственные искания русских писателей [Текст]. – М., 1972.
10. Смелянский, А. Наши современники [Текст]. – М., 1981.
11. Чехов, А.П. Полн. Собр. соч. и писем в 30 томах [Текст]. – М., 1974-1983. Соч. в 18 тт.
12. Письма в 12 тт.
13. Шах-Азизова, Т. А.П. Чехов и западноевропейская драма его времени [Текст]. - М., 1969.
14. Corrigan R.W. The Drama of Anton Chechov // Modern Drama. New York, 1965.
15. Magarschack D. Chechov the dramatist. London, 1955.

Часть II. Старый город – столица и провинция. Усадьба. Дом. Храм

УДК 008(091)

О.Н. Скибинская

SAKRUM ПАТРИАРХАЛЬНОГО РОДА КАК ДОМИНАНТА В ФОРМИРОВАНИИ СРЕДЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ГОРОДА

Проведенное нами генеалогическое исследование родословной рыбинских купцов и мещан Жилых-Жиловых (1655 – сер. XX в.) показало, что их родоначальниками были ловцы Дворцовой Рыбной слободы. При этом многие представители данного рода не «претерпевали игру судьбы» (Бахтин), а довольно активно создали экономические, социокультурные и религиозно-философские доминанты топоса [1]. Благодаря их трудам и сформировалась среда провинциального исторического города.

Обратимся к истокам рода. В 1670-х гг. «оскудалые рыбные ловцы» Алешка и Захарко Стафеевские имели каждый свой двор, т.е. участок земли с **«хоромными строениями»** [2]. Несмотря на официальную *оскудалость*, предприимчивости Алешке было не занимать: кроме занятий рыбным промыслом, он еще владел лавкой. Его потомки весьма преуспели в торговле, в том числе хлебной. Достаток позволил выстроить амбары, соорудить мельницу (за городскую «поперечную» мельницу на реке Черемхе, существовавшую, согласно писцовым книгам, еще до 1672 года, выплачивалось «за всеми рыбными ловцами из оброку по 40 руб. 13 коп. в год»). С 1680-х самыми прибыльными занятиями в слободе стали судовладение, хлебопромышленность и торговля казенной солью, на чем разбогатели несколько ветвей рода Жиловых.

Торговля шла с переменным успехом. Согласно сохранившейся купчей в 1723 г. Леонтей да Иван Васильевы дети Жилые (последний являлся владельцем нескольких амбаров) продали «для совершенной своей нужды, для расплаты долгов своих» двоюродному дяде И.И. Жилову половину «дворовой» земли и «огородной» «и с **хоромным строением**» на Череможской улице [3].

«Писцовая книга» позволяет воссоздать общий вид центра Рыбной слободы первой половины XVIII в., сформировавшийся благодаря торговой деятельности жителей: в «Рыбной слободе площадь торговая, а торгуют в неделю один день в субботу, вдоль тое

площади 38 сажен поперек от Волги реки 32 сажени. В Рыбной слободе площадь же меж лавками, вдоль 18 сажен поперек полдевяти (8,5) сажени. Да против Стоялой слободки площадь же вдоль 53 сажени поперек 11 сажен. Да в Рыбной же слободе площадь торговая, где бывает ярмонка... на Петров да на Преображение день, вдоль тое площади 60 сажен поперек от Волги реки да солодовенного двора 46 сажен...». В 1744 г. в Рыбной слободе на 127 «живущих» дворов имелось более 80 торговых точек (А.Н. Рыкунов). Старая мельница перестала устраивать расширявших свое дело хлеботорговцев, и власти постановили с 1779 г. отчислять «ежегодно по 500 руб. на построение каменной мельницы и плотины» взамен устаревших. К началу XIX в. средств накопилось «с приращением чрез проценты более 20 000 руб.». В ожидании же нового капитального сооружения старая мельница была «перестроена на крупчатую в 1802 году из собственного кошта содержателей» [4].

Каким в это время предстал микрокосм патриархального быта? В сознании М. Гомилевского он почти близок идеалу «Домостроя» [5] : «На воротах каждого дома общим правилом было ставить образа или медные литые кресты, коим, выходя из дома, молились. Каменных домов не было, а деревянные заключали в себя обыкновенно горницу и избу, разделенные сенями... светлица разгораживалась дощатыми перегородками и украшалась изразчатой печью с лежанкою... В горницах и избах около стен приделывались широкие лавки; везде можно было найти большой дубовый стол, скамейки, кровать с пологом, иконостас или божницу с многими образами...» [6].

Однако за бревенчатыми стенами идеала улицы и переулки Рыбной пока «тесны, так сжаты, что в иных местах едва проникали солнечные лучи, оттого в сырую погоду повсюду стояла грязь, лужи, топь», мосты «утопают в жидкой грязи», а «берег волжский... обезображен ветхим строением, завален всякою нечистотою, непроходим так же, как и тыл слободы». Только «черемовский берег отличался своими приятностями», а потому «за неимением общественных удовольствий» слобожане выходят сюда на праздничные гулянья [7].

Как в действительности выглядели жилые постройки зажиточных жителей, т. е. тех, кто наиболее активно формировал «протогородскую» среду слободы? Козма Федоров Жилон в 1751 г. имел собственный дом «в Среднем ряду, на одном ряду **хоромного** строения: изба передняя, поземная (парадная одноэтажная), новая, при ней сени старые, да два чулана, на том же дворе баня, погреб с напогребником» (амбаром) [8]. В.И. Жилон (1730-1790) вместе с отцом владел амбарами в районе нынешней улицы Пушкина, содержал несколько лавок и так называемую «торговую»

баню (только в 1803 г. в городе построят общественную «торговую баню в один этаж, каменную»).

Итак, Рыбная слобода выглядела неприглядно, впрочем, вряд ли была исключением среди прочих городов и весей Российской империи. Тем не менее мы полагаем, что уже началось формирование «архитектурного пространства, выделенного из пространственного континуума», которое выполняет определенную социальную цель, воспринимается человеком и служит для его целей. Строительная деятельность рыбнослободцев направлена не только «на утилитарно-технические задачи» [9]. Гомилевский был прав в том, что основу патриархального сознания и быта, конечно, составляла православная культура.

В начале XXI в. самым древним православным храмом в городе Рыбинске является Казанская церковь: холодный храм построили в 1697-м, теплый - в 1720 г. Оба храма возведены и расписаны (в конце XVII в. и в 1767 - 1768 гг.) *тщанием* прихожан. Нам удалось преодолеть безнадежность безымянности. На центральной арке, ведущей из трапезной части храма в четверик, т. е. на почетном месте, не случайно изображены фрески преподобного святого мученика Филимона и великомученика Прокопия, - как мы установили, небесных покровителей рода Жилых - Жиловых. На правом столпе четверика сохранилось, правда, не полностью, клеймо с надписью: «...благочестивейшая самодержавнейшая государыни наша императрицы Екатерины Алексеевны всея России... наследнике ея благоверном государе цесаревиче и великом князе Павле Петровиче... /свя/тешаго правительствующаго Синода Члена преосвященнейшаго Афанасия епископа Ростовскаго и Ярославскаго /свя/щенослужителе сея святыя церкви священо... Иоанне Михайлове и... Борисе Николаеве дьячке Иване Андрееве, старосте церковном сея Рыбной слободы посадском человеке Филимоне Алексееве Жилом, тщанием... сея святыя церкви прихоцких... (слободы) купечества а совершися... июня 4 дня... и преподобных...». В ходе нашего исследования удалось воссоздать события и даты жизни весьма примечательного персонажа в роду - старосты церковного Филимона Алексева Жилого (1720-1778).

Осиротевший в детстве Филимон воспитывался в семье дяди, прасола Ивана Ивановича. Ф.А. Жилой пользовался уважением своих земляков: избирался и в словесный суд, и в окладчики. А в 47 лет Филимон Алексеев стал благоустроителем каменного храма. Его потомки состояли старостами этой церкви вплоть до 1917 г., т. е. на протяжении более чем полутора веков.

Обратимся опять к рыбным ловцам Алешке и Захарке Стафеевским, каждый из которых имел свой двор - участок земли с

«хоромными строениями». *Двор* для государственной машины являлся экономической единицей для сбора податей. А для его обитателей - земля с «хоромными строениями», **хоромами** – не просто здание, крыша над головой. Понятие «хоромы» этимологически близко "храму", "храмине" [10]. Суть здания заключается в пространстве, а не в стенах, окружающих это пространство (суть сосуда – в его пустоте). [11]. То же понимание сущности «вещи» и у Хайдеггера: «...горшечник, формующий на гончарном круге стенки и дно, изготавливает, строго говоря, не чашу... он формует пустоту... Вещественность емкости покоится вовсе не в материале, из которого она состоит, а во вмещающей пустоте» [12]. Вот почему родовой дом, хоромы, представляют собой «непотаенность уже пребывающего» (Хайдеггер), а именно *sakrum*'а патриархального рода, храма, проецируемого в повседневное сознание как «мой дом – моя крепость».

Мы полагаем, что *sakrum* патриархальных родов податных сословий начал формироваться в XVII – XVIII в. Впрочем, это предмет отдельного рассмотрения. Для нас же сейчас важно то, что исследованный нами материал доказывает: *sakrum* патриархального рода являлся доминантой в формировании среды не только поселения XVII в., но и провинциального исторического города XVIII - XIX вв.

Еще до преобразования в декабре 1777 г. Рыбной слободы в г. Рыбной (а с 1780-х – в Рыбинск) к середине XVIII в. слобода по масштабам и значению фактически стала городом исключительно благодаря деятельности частных предпринимателей: «занимающихся хлебную торговлею... торговцев живой рыбой, рогож, барочных припасов, пекарей и мясников, строителей барок и содержателей водяных мельниц и постоялых дворов...» [13].

Конец XVIII – начало XIX в. становится переломным временем в формировании городской среды. Перелом обеспечил ряд креативных экономико-политических решений государства (губернская реформа 1775 г., упорядочение сословной структуры общества, меры по развитию внутренней и внешней торговли). Кроме того, в процесс впервые включается мощная константа - иерархическая система организации ментального и архитектурного пространства провинциального города. Отныне частная инициатива вынуждена подчиняться единой структурной основе.

Рыбинск за свою историю горел неоднократно. Особенно разрушительными были пожары 1797, 1802 и 1811 гг., правда, они очистили город от старой деревянной застройки, облегчили реализацию регулярного плана города. Так, после пожара 1802 г. поднялись цены на участки в центральной части города, да и число

участков для новой застройки оказалось ограниченным. Позволить себе купить землю в центре могли только зажиточные горожане (например, купец А.В. Жилой (1740-1812) приобрел две «плановые земли» на Угличской и Ивановской улицах). Однако жилищное строительство шло столь активное, что землемер Балакиревский едва успевал выдавать разрешения на застройку вместе с образцами фасадов и планами. Купеческая спесь заставляла возводить хоромы не хуже, чем у соседа. В итоге к 1811 г. в Рыбинске «одних каменных домов, принадлежащих частным людям, по сих пор выстроено 108, в том числе одноэтажных – 16, двухэтажных – 88 да трехэтажных – 4, из коих немало есть и крытых железом, деревянных же около 170» [14].

Еще через несколько лет в городе начали возводить общественные и гражданские здания по типовым проектам, разработанным К.И. Росси. Так в первой половине XIX в. в центре Рыбинска начал складываться архитектурный ансамбль в стиле «купеческого классицизма». Наиболее грандиозными получились особняки для богатейших купцов Ивана Крашенинникова, Лаврентия Крашенинникова, Михаила Тюменева и Алексея Тюменева. Рыбинским краеведам был известен и «проект дома Михайлы Жилова», выполненный в соответствии с аскетичной классикой: двухэтажное здание в пять осей окон, первый этаж отделан рустом – грубо отесанным камнем, фасад горизонтально членен, скромный декор окон и раскреповок карниза, вход – со двора. Цель ясна: создать для владельца удобное жизненное пространство, органично соединенное со служебным помещением [15].

Правда, не все проекты жилых зданий К.И. Росси были воплощены в Рыбинске: по мнению местных краеведов из 18 – только 14, остальные остались на бумаге. Еще меньше их уцелело к началу XXI в. Рыбинские краеведы не могли сказать, был ли возведен М.А. Жилым вышеупомянутый дом, да и о самом Михайле Алексееве практически ничего не было известно.

Нами установлено, что купец 3-й гильдии Михайло Алексеев Жилой (1768-20.04.1842) в 1811 г. входил в первую сотню наиболее зажиточных и уважаемых земляков: «3 гильдии купец Михайло Алексеев Жилой... торговлю производит рыбой в розницу» [16]. Для вступления в 3-ю гильдию в это время требовалось объявить капитал в 8 000 руб. и удостоверение, что семья свободна от рекрутской повинности. Михайло активно участвует в местном самоуправлении: избирается на должности, связанные со словесными судами (аналоги мировых судов в России начала XXI в.). Кроме того, в 1810 г. значится «при больнице экономом». От первой жены у него родилось восемь детей, от второй – еще десять. Восстановлен-

ная родословная Жилых-Жиловых, топографическое исследование и изучение эскизов Росси позволили нам идентифицировать на одной из архивных фотографий [17] дом, выстроенный М.А. Жилым по проекту Росси (к началу XXI в. дом не сохранился; мы полагаем, что это столетнее здание - угловой дом - пострадало при сносе колокольни Казанской церкви, находившейся от него в нескольких десятках метров, и впоследствии было снесено).

Нами установлено, что в этом родовом доме на протяжении последующих более 100 лет родились и выросли четыре поколения потомков Михайлы Жилого. В 1842-1851 гг. за сыновьями Михайлы, Егором и Нестером Жилыми, значился «дом каменный № 23» в I-й части города, т. е. в Казанском конце. Согласно данным за 1862 г., этот дом принадлежал внукам Михайлы, «купецким братьям» Ионе и Василию Егоровичам, которые проживали здесь со своими многочисленными домочадцами (народу в доме обитало 36 человек, включая няньку, кучера, служащих, постояльцев). Через 10 лет это домовладение *возросло* дворовыми службами и оценивалось в 2 300 руб. Кроме того, братья прикупили в совместное пользование «землю на углу Покровской и Нижне-Новой улиц с 2 флигелями, стоимость – 200 рублей» [18]. Итак, вносим уточнение: по проектам Росси в Рыбинске было возведено не 14, а 15 зданий.

В конце 1830-х – начале 1840-х гг. после очередного пожара началось новое землемерное упорядочивание городской территории. Те, кто ранее в Казанском конце имели наследственную землю, получали новые нарезанные участки бесплатно. Среди архивных материалов сохранились прошения нескольких Жилых с положительным решением городских властей, но каждый владелец полученного участка обязан был «построить на нем дом в течение трех лет». «Планы с фасадами» на этот раз «сочиняли» «городовой архитектор Жидков» и уездный землемер Попов.

В середине XIX в. род Жилых-Жиловых стал расселяться по центру города шире. М. Гомилевский указывает, что в это время в городе уже насчитывалось «улиц 31 и 4 переулка». В 1862 г. в городе проживало 24 460 постоянных жителей (против 1 700 в 1777-м).

Торговец «мучного и хлебного товара» В.И. Жилов жил (1862) на Черemoжской набережной в своем доме с семейством и обслугой в 24 человека: женой, 10 детьми, овдовевшей мачехой, тещей, обслугой (нянька, кухарка, горничная), служащими [19]. Дом этот - деревянный, с антресолями (верхний низкий этаж), на каменном подвальном полуэтаже, крыт железом, в 15 окон. В хозяйстве также имелась «деревянная пристройка, погреба, прачешная, службы». Оценено «имение» было в 4 800 руб. Кроме того,

Василию Ивановичу принадлежал деревянный 4-комнатный дом на углу Казанской и Воздвиженской. На Черemoжской набережной в собственном доме рядом с отцовским поселился старший сын Василия Ивановича – Александр Васильевич (ныне улица Красного Флота, дома № 11 и 12).

Не все Жиловы были состоятельны. Например, Н.П. Жилову принадлежал скромный дом № 125 по Волгской набережной: «деревянный бревенчатый старый, но не пришедший еще в ветхость флигель с мезонином», в длину 12 сажен и 1 аршин, в ширину – 7 $\frac{1}{4}$ аршин и 2 вершка, в высоту – 8 аршин. При входе в дом «крыльцо в три ступни, - с онаго в сени, в оных чулан с однополотной (односторонней. – О.С.) дверью. Потом вход направо в прихожую комнату, из оной – в чистый покой, из сего последнего в спальню с тесовыми перегородками... В прихожей лежанка простая кирпичная с духовым крантом с железною заслонкою и чугунными вьюшками, к лицу с улицы 3 окна, а во двор в правую сторону при же окна с двойными рамами, в каждой по 6 стекол, летние рамы растворчатые на железных петлях с медными задвижками. Из означенных покоев в левой стороне находится одна комната, в оной во двор 3 окна... Второй вход в оной же флигель с другого конца... в прихожей простая кирпичная лежанка, верх же оной изразцовой, из лежанки в зало духовой медной крант... во двор 3 окна... Взади флигеля старая бревенчатая баня... в ней простая кирпичная печь с... чугунными вьюшками и железной заслонкой, также чугунным вмазанным котлом, мерою в полтора ведра...» Это «имение» оценивалось в 300 руб. [20].

Интересна восстановленная нами судьба еще одного дома в исторической части города. В 1852 г. известный рыбинский купец Иван Сыроежин купил на углу Преображенской улицы и Черemoжской набережной участок земли. Однако дом достроить не успел, так как в 1855-м скончался, оставив после себя долгов на 4,5 тыс. руб. Наследники долго разбирались с обязательствами покойного, для покрытия которых продавали кирпич, бутовый камень, запасенный ранее для строительства. К началу 1870-х домовладельцем стал И.И. Жилой (1825-1892), составивший свой капитал ранее в С.-Петербурге. Он и завершил строительство: в 1872 г. это 3-этажный крытый железом каменный дом с обширным дворовым хозяйством - каменными службами, погребями, конюшнями, сараями, кладовыми.

Это здание в местном краеведении по сей день продолжают именовать «дом Сыроежина», что, на наш взгляд, не вполне соответствует историческим фактам. Видимо, причиной тому сохранившийся чертеж «Проект на построение в г. Рыбинске 3-й

гильдии купцу Ивану Матвеевичу Сыроежину каменного двухэтажного с мезонином дома на углу Преображенской и Череможской набережной улиц». Однако задуманный облик дома так и не был воплощен в жизнь – вместо 2-этажного дома с мезонином было возведено 3-этажное здание с железным балконом (он к началу XXI в. не сохранился). Размеры выстроенного с размахом дома обусловлены не только многочисленным семейством купца. Сдача недвижимости в наем стало еще одной статьей дохода предприимчивого хозяина. Кроме жилых помещений, в которых обитала семья домовладельца, здесь размещалась телеграфная станция; часть комнат сдавалась солидным жильцам – Сыроежиным, Тюменевым. В 1872 г. все хозяйство оценивалось в 25 тыс. руб.

Конечно, влияние централизованного начала и частной инициативы в формировании среды провинциального города было взаимным. Активная социально-экономическая деятельность торговцев и промышленников влияла на принятие решений властями о строительстве зданий для «казенных», финансовых и социальных учреждений.

За три века истории рода Жилых-Жиловых они породнились с такими известными прежде всего своей экономической деятельностью рыбинскими родами, как Тюменевы, Клоковы, Крашенинниковы, Сыроежины, Шibaевы, Второвы, Милютинские, с мологскими купцами Неустроевыми. Большинство названных фамилий восходит к ловцам Рыбной слободы, которые являются коренными жителями. Каждый из этих родов также организовывал и трансформировал соответственно своему материальному положению среду провинциального города. Передавая из поколения в поколение опыт ведения дел, а порой и семейный капитал, ко второй половине XIX в. частные предприниматели за полтора столетия превратили вчерашнюю рыбацкую слободку в крупнейший в России внутренний порт, перевалочный пункт и хлебный рынок. Давно миновали времена, когда глава патриархального семейства задумывался, «как двор строити или лавка или... анъбар» («Домострой»). Вдоль правого берега Волги тянулись пристани и причалы разных пароходств и компаний. Город жил напряженным, торговым ритмом. Еще в 1806-1811 гг. было построено здание биржи. Теперь же возводятся доходные дома, открываются банки. Приток промышленников, купцов и предпринимателей заставляет создать инфраструктуру для обслуживания приезжих: гостиницы, чайные, трактиры, бани. Крестовая улица и Волжская набережная становятся средоточием магазинов, торговых заведений и лавок. В 1870 г. открыто товарное и пассажирское движение на всем протяжении Рыбинско-Бологовской железной дороги. Построен железнодо-

рожный вокзал. В середине 1870-х возведено новое здание театра. Вырастают деревянные городские особняки с затейливой резьбой. Однако заветы старины сохраняются в патриархальном сознании: «промышляя во всяком учении» и «творя добрыя дела» («Домострой»), в городе строят здания мужской и женской гимназий, коммерческого и технического училищ, больницы земскую и для бурлаков. Упомянувшийся выше В. И. Жилев в 1876 г. пожертвовал Софийскому женскому монастырю землю, купленную им в самом центре города, на которой в 1879 г. устроена часовня.

Итак, российская провинция «предстает как явление специфическое, мало зависимое от географических координат, имеющее корни в душе человеческой не менее, чем в истории» [21]. Именно душа, *saknum* патриархального рода стал доминантой в формировании среды провинциального исторического города.

Примечания

1 См. Скибинская, О.Н. Родная кровь: Семейные хроники XVII – начала XXI века: Культурно-исторический очерк [Текст]. – Ярославль : Издатель Александр Рутман, 2010. – 544 с.

2 Писцовая книга двorcовой ловецкой Рыбной слободы. 1674, 1675 и 1676 гг. [Текст]. – Ярославль, 1917. – 74 с.

3 Рыбинский филиал Государственного архива Ярославской области (РФ ГАЯО), Ф.4, Оп.1, Д.715.

4 Старый Рыбинск: история города в описаниях современников XIX-XX вв. [Текст]. – Рыбинск : Михайлов посад, 1993. – 334 с.

5 Ср.: «Всякому человеку домовитому доброму у кого Бог послал свое подвореице или деревеньку или лавочку в торгу или онбар или дома... а все бы было и твердо и крепко и не згнило... и всякому обиходу домовному старости обетшания нет...» («Домострой»).

6 Гомилевский, М. Описание города Рыбинска [Текст] // Старый Рыбинск: история города в описаниях современников XIX-XX вв. – Рыбинск : Михайлов посад, 1993. – С. 53-110.

7 Старый Рыбинск...

8 РФ ГАЯО, Ф.1, Оп.1, Д.230.

9 Авдотьян, Л., Азизян, И. и др. Архитектура и градостроительство [Текст] // Энциклопедия архитектуры. – М., 2001.

10 Российский гуманитарный энциклопедический словарь [Текст]. В 3 т. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС ; Филол. фак. С.-Петербур. гос. ун-та, 2002. – Т. 3.

11 См. Степанов, А.В., Иванова, Г.И., Нечаев, Н.Н. Архитектура и психология [Текст]. – М. Изд. Стройиздат, 1993. – 295 с.

- 12 Хайдеггер, М. Время и бытие [Текст]. – М.: Республика, 1993. – 445 с.
- 13 Старый Рыбинск...
- 14 Там же.
- 15 См.: Балагуров, Е.П. Проекты архитектора Карла Ивановича Росси для Рыбинска [Текст] // Вестник Рыбинского отделения Русского исторического общества. – Рыбинск, 2004. – С. 24-29.
- 16 ГАЯО, Ф.6, Оп.1, Д.1097.
- 17 Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей заповедник, А-15914/167.
- 18 ГАЯО, Ф.9, Оп.1, Д. 67, 146, 200.
- 19 РФ ГАЯО Ф.6, Оп.1, Д.7162.
- 20 РБФ ГАЯО, Ф.36, Оп.1, Д.5333.
- 21 Злотникова, Т. С. Столичность и провинциальность в истории русской культуры [Текст] // Исторический город русской провинции – культурный универсум: научный сборник (сборник научных трудов). Часть 2. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2009. – С. 7-12.

УДК 008(091)

Ж. Б. Балдандоржиев

Прошлое и настоящее провинциального города

В настоящее время наблюдается определенный дефицит исследований, характеризующих уровень и состояние культуры малых городов регионов в условиях современной модернизации.

Культурная память, без которой не мыслимо ни общение между людьми, ни внутренний опыт человека, - память, наработанная народами различных ареалов; она приобретает огромную всечеловеческую ценность.

Культура человеческой памяти, человеческого общения, человеческого духа в свете опыта новейшей истории нагляднейшим примером входит в число необходимых гарантий социального прогресса. Она объективно противостоит силам разрушения и саморазрушения человеческой личности.

Она образует живые основы внутреннего мира людей и, стало быть, необходимый стабилизатор и источник их индивидуального и группового развития.

Большую роль в становлении и развитии Российского государства играли и играют малые города. На Руси в прошлые века была сформирована сравнительно обширная сеть малых городов.

В Забайкалье современные малые города – это в прошлом зимовье, остроги, оборонительные укрепления, основанные в XVI - XVII вв., а также станции и поселения, основанные в ходе строительства железной дороги. В современных условиях трансформации российского общества тема города приобретает особую остроту в силу той уникальной роли, которая «отписана» ему историей в судьбах цивилизации.

Сибирь вошла в состав Русского государства с конца XVI - XVII веков. Россия стала единым феодальным государством с развитой экономикой и культурой того времени, времени необычайного всплеска классовых противоречий, роста политической и социальной организации страны.

Все эти исторические факторы предопределили прогрессивный характер присоединения огромного края, многочисленных народов, общественное устройство у большинства которых не выходило за рамки дофеодальных, родовых отношений. Присоединение «закаменного» края (за Уралом) и освоение его шли рядом, точнее, одновременно. Добровольное вхождение Бурятии в Российскую державу – это событие большой исторической значимости, которое произошло в конце 50-х - начале 60-х годов XVII века, хотя знакомство русских с коренными жителями состоялось вскоре после основания Енисейского острога в 20-х годах этого же столетия.

Для России выход на забайкальские рубежи имел большое международное значение. Это было началом мирного созидательного труда русских, бурят и эвенков, их взаимообогащающего влияния на хозяйственную и культурную жизнь. Один из первых историков Сибири П. А. Словцов писал: «Россия явилась в Забайкалье, к бурятам, тунгусам, с предложением дружбы, торговли и благоустройства, с воззванием к истине...». Неужели эта красивая страна, спрашивал Словцов, «смотрящаяся в свои озера соленые или пресные, как зеркала, если достойна естественной истории, то меньше ли достойна и истории житейской?» [1].

Города, возникшие как важнейший фактор формирования цивилизации, накладывают характерный отпечаток на свою эпоху, вызывая целый комплекс изменений, утверждая стереотипы нового образа жизни, стимулируя различные виды активности, усиливая тенденции к стандартизации культуры и культурной интеграции. Особенно это касается малых городов, где проживает большая часть населения современной России.

Город с древнейших времен являлся центром концентрации истории и культуры. О современном городе можно с уверенностью говорить, что это не только экономический центр общест-

ва, но это еще центр концентрации людей, интеллектуального и культурного потенциала общества.

Город столь знаком и очевиден обыденному сознанию человека как среда повседневного существования, что сама эта очевидность порождает одновременно противоположные трактовки этого явления. В одной акцентируются атрибуты города, отличающие от «не города»: высокие современные здания, старинные постройки, плотные потоки людей, интенсивное движение и т.п. описательно-предметные признаки. В другой некий «современный город» противопоставляется «старому городу» как нечто качественно противоположное, как порядок, противостоящий предшествовавшей ему стихии. В первом случае фиксируется ставшая ценность города, во втором - становящаяся [2].

Город занимает особое и исключительно важное место в истории вообще и в истории культуры в частности. «Все пути в город ведут, - писал Н. Анциферов в «Книге о городе». – Города связаны с экономическими, политическими, социальными и культурными процессами. Это центры тяготения разнообразных сил, которыми живет человеческое общество. В городах зародилась все возрастающая динамика исторического развития. Через них совершается раскрытие культурных форм» [3].

Малые города - это две трети городов России. Их доля за последние годы выросла, правда, во многом за счет механического присвоения статуса города поселкам городского типа. Вопреки сложившемуся мнению, малые города - основа гражданского общества. Именно в малых городах сильнее предпосылки к организации публичного самоуправления, коммуникативные связи в малых сообществах сильнее, люди знают друг друга, поэтому местная власть ближе к горожанам, отсюда выше личная ответственность городских руководителей, как выше и гражданская активность в тех вопросах, которые касаются местных проблем.

Малые городские поселения, благодаря численному преобладанию над городами большей величины, являются носителями богатого историко-культурного потенциала, составляющего существенную часть общего культурного достояния нашей страны.

Культурное наследие малых городов Забайкалья – очень важный фактор, определяющий социокультурную ценность, влияющий на подход к его модернизации и развитию, а также на разработку конкретных путей социокультурного преобразования малого города и прилегающих к нему территорий.

Современный российский город представляет собой единый, сложно организованный комплекс хозяйственных, экономических, политических, социокультурных элементов и систем,

функционирующих в существующей системе связей всего российского общества и государства.

Если мы говорим о историко-культурном аспекте малых городов Забайкалья, то нужно упомянуть о городе Нерчинске его историческом становлении и развитии, а также о селе Акша, в прошлом уездном городе, который играл немаловажную роль в истории и развитии Забайкальского края.

История Нерчинска есть в некоторой степени история заселения Забайкалья и история управления краем. Нерчинск - город районного значения, административный центр Нерчинского района, расположенный на левом берегу реки Нерчи, в 305 км. к востоку от Читы. Он железнодорожной веткой связан со ст. Приисковой Забайкальской железной дороги. В 1990 году город Нерчинск включен в список исторических населенных мест России.

Заселению Забайкалья способствовали две причины: обилие пушного зверя и ископаемые богатства. Нерчинск основан в 1653 году как Нелюцкий (Нелюдский), позже Нелюцкий острог на правом берегу Шилки против устья реки Нерчи группой казаков во главе с М. Урасовым. В 1655 году по указу царя Алексея Михайловича острог был возведен в степень воеводства, но вскоре его сожгли войска князя Гантимура. В 1658 году острог восстановлен казаками Енисейского воеводы А. Пашкова, а через год он официально в московских указах назван Нерчинским. В начале XVIII века в Нерчинской крепости размещались воеводский двор, канцелярия, купеческие и торговые лавки, сараи с пушками, баня, поварня и другие постройки.

В 1689 году центру Нерчинского воеводства присвоен статус города, в 1708 году он причислен к Сибирской губернии, в 1719 - к Тобольской, а в 1764 году - к Иркутской. С 1783 года Нерчинск - центр Нерчинской области, город Иркутского наместничества, с 1805 года - уездный город. В 1851 - 1917 годах Нерчинск стал окружным городом Забайкальской области. С 1926 он - районный центр.

Чтобы уладить с Китаем вопрос о границах, московское правительство снарядило в Албазин посольство под начальством окольничего Федора Головина, который прибыл в Забайкалье с двухтысячным войском в помощники ему был назначен Нерчинский воевода Власов. После долгих переговоров граница владений обоих государств была установлена по Аргуни, Становому хребту до Охотского моря. Этот договор под названием Нерчинского трактата был заключен 27 августа 1689 года. Нерчинский острог был переименован Головиным в г. Нерчинск.

В 1670 году сюда пришел первый китайский караван, с этого времени установилась караванная торговля. С караванами из Китая поступали золото, ткани, лекарства, табак. В начале 18 века караванная торговля через Нерчинск падает и сосредотачивается постепенно в Кяхте. Во внутренней торговле особое положение занимает соль, своей соли в Нерчинске не было и стоила она дорого. В 1683 году в острог прибыли вольные поселенцы, более 20-ти крестьянских семей [4].

Отрицательные явления в области управления краем усилились, особенно со времени царствования Петра I, когда учреждены были в 1708 году губернаторства. Нерчинское воеводство вошло при этом в состав Сибирской губернии. Нерчинский воевода обладал большой властью, ввиду большой отдаленности воеводства от центра. Среди местного населения расцветали разврат, пьянство, болезни, воровство.

Развитие горного дела в крае потребовало значительного количества рабочих рук; так как население было малочисленным, правительство с 1709 года приступило к переселению крестьян из Сибири, ссыльных стали отправлять на заводы. К заводам стали приписывать и местных казенных крестьян. Иностранцы и разночинцы остались в ведении воеводства.

В начале 19 века около Нерчинска существовали уже поселки: Старо-Оловский, Ключевской, Ундинский и другие. Казачье сословие в Нерчинске занимало особое положение в государственной системе. Казаки до старости считались на службе у правительства, охраняли границы и поддерживали внутренний порядок. В 1760 году с целью усиления охраны границ был организован 1-й тунгусский полк под начальством князя Гантимура.

Если правовое и экономическое положение крестьян и казаков к началу 19 века оказалось весьма плачевным, то положение купцов - наоборот, окрепло. Большие барыши давала торговля пушниной. Купцы Кандинские держали, например, в своих руках весь Нерчинский край. Под своей пятой они держали не только иностранцев и крестьян, но и чиновников. Высшее начальство потакало купцам и входило с ними в прямые сделки. Тяжелые повинности, отвлекавшие крестьянина от хозяйства, частые неурожаи, неустоявшийся дух оседлости не способствовали развитию в крае земледелия, а край испытывал острую нужду в хлебе.

В 1818 году в Нерчинске было открыто 1-е гражданское училище, затем женская прогимназия, городское, приходское, окружное духовное училища. К 1825 году в городе было уже 4 каменных дома. Велась оживленная торговля мехами, сахаром, бакалеей, мануфактурными товарами, кунгурской обувью (из пермской

губернии). Действовали 2 кожевенных, 2 свечносальных, мыловаренные, кирпичные заводы, паровая мельница. Население занималось огородничеством, скотоводством.

С 40-х годов Нерчинск играет заметную роль как культурный, просвещенный центр восточного Забайкалья. Сказалось несомненное влияние образованных лиц, попадавших на время в Нерчинск. В те времена место исправника в Нерчинске занимал известный натуралист и коллектор Эрих Лаксман, член Стокгольмской Академии наук, исколесивший всю Сибирь. В 1820 годах в Нерчинске работает как коллектор по флоре Забайкалья Ф. К. фон-Фриш, посылавший свои сборы знаменитому Ледебуру для его работы по флоре России. В 1814 году вышла книга в 2-х томах «Поездка в Забайкальский край» учителя Нерчинского уездного училища В.П. Паршина. В 1846 году первую заметку по флоре Забайкалья напечатал М. А. Зензинов, который сотрудничал как с русскими научными обществами, так и с иностранными.

В 1851 году была образована Забайкальская область с центром в городе Чите. Значение Нерчинска как административного центра продолжает падать. В 1858 году между Россией и Китаем был заключен айгунский трактат, по которому весь левый берег Амура отошел к России, а Тяньзинский трактат позволял России вести торговлю с Китаем не только через сухопутную границу, но и морским путем по реке Амур.

С этого времени через Нерчинск из Сретенска начинают двигаться грузы с чаем. Стала вестись оживленная торговля мехами, мануфактурными товарами, обувью, сахаром, бакалеей, открыто много лавок. Действовали кожевенные, свечносальные, мыловаренные, кирпичные заводы, паровая мельница. В XVIII веке появились первые каменные сооружения: пороховой погреб, церковь Успения Божией Матери, Свято-Троицкая церковь, Воскресенский собор. Дальнейшее формирование центра осуществлялось строительством крупных зданий: Гостиного двора, общественного собрания, торговых и купеческих усадеб, а позже дворца-усадьбы Бутиных. На средства Бутиных были открыты музыкальная школа, аптека, типография, работала библиотека. Значительная часть населения занималась огородничеством, скотоводством.

С 1866 года нерчинские купцы братья Бутины начинают разработку золотых дарасунских приисков. Через 15 лет годовой оборот их фирмы составил 39 млн. рублей (огромная сумма по тем временам) [5].

В 1868 году в Нерчинске основана женская гимназия, открылось уездное училище, в 1871 году открыты общественный банк, отделение музыкального училища, в 1876 городская общест-

венная библиотека, затем стараниями А. К. Кузнецова создан музей. В 1891 году Нерчинск посетил цесаревич Николай, будущий император Николай II. В конце 19 века в городе работает коллектором по флоре Сибири Ф. К. Каро. Все это повышает интерес к ботанике. В 1899 году открыто движение по Забайкальской железной дороге. Нерчинск остался в стороне от железной дороги – в 7 км от станции Приисковой[6].

В начале 20 века население Нерчинска составляло 15, 4 тысячи человек. Работали элетромеханический завод, сельскохозяйственная школа, ремесленное училище, мясокомбинат, хлебозавод, ликероводочный, молокозавод. Открыто Нерчинское реальное училище, функционировали 2 средние школы, музыкальная, художественная школы, аграрный техникум, профтехучилище, больница.

В 2002 году население районного центра г. Нерчинска составляло 15478 человек. В современном Нерчинске отрасли народного хозяйства представлены ООО «Агрофирма Нерчинская», ОАО «Нерчинскхлебопродукт», ООО «Нерчинскагроснаб», «Нерчинскптицмаш», производственный агропромышленный кооператив «Нерчинский». Успешно работает мясокомбинат ООО «Элирон», продукция которого реализуется в крае и за его пределами [6].

В городе действуют 2 средние школы, основная школа, дошкольные образовательные учреждения, учреждения дополнительного образования, в том числе детские юношеско-спортивные школы, детская художественная школа, Центр детского творчества, аграрный техникум, Дом культуры, библиотеки. В Нерчинске издается районная газета «Нерчинская звезда».

Город сохранил комплекс архитектурно-градостроительного наследия, который составляет 133 памятника, из них 6 республиканского значения: дом купца Верхотурова, гостиница «Даурия», могила декабриста А. Луцкого и другие. Ряд достопримечательностей связан с пребыванием в Нерчинске ссыльных декабристов. Сделана реставрация Бутинского дворца, в котором располагается краеведческий музей. В 2003 году город отметил 350 лет со времени основания.

Нерчинск благоустраивается, сохраняя социально-экономическую инфраструктуру, выполняет все функции одного из районных центров Забайкальского края [7].

Современное село Акша (а в прошлом город) - районный центр Акшинского района (с 1926 г.), расположенное в долине реки Онон и его притока реки Акша в 269 км по автодороге к югу от Читы. Село основано в 1750 г. крестьянами, пришедшими из Тотьмы. Очень скоро, в 1756 г., Сенат издает указ о возведении здесь крепости. Крепость была окружена земляным валом высотой

около 5 метров в форме восьмигранной звезды с высоким деревянным палисадом из заостренных бревен. С внешней стороны вала был выкопан ров, заполненный водой из реки Онон. В крепости находились офицерские дома, солдатские и казацкие казармы, оружейная мастерская, магазины, небольшая деревянная церковь. Возведение крепости было закончено в 1770 году [8].

После поражения восстания декабристов на Сенатской площади в Петербурге в 1825 г. Акша становится местом поселения трех видных декабристов: П. В. Аврамова, К. П. Торсона, В. К. Кюхельбекера. В 1881 г. в Акше была открыта больница 2-го военного отделения Забайкальского казачьего войска на 50 коек для обслуживания казачьего населения Акшинского уезда (бесплатно) и гражданского населения (платно). После окончания Петербургской медицинской академии здесь работал врачом писатель, автор книги «Рассказы о Карийской каторге» Владимир Яковлевич Кокосов. В 1906 г. в Акшу приехал доктор медицины Евгений Владимирович Бек с женой Анной Николаевной. На свои средства супруги построили и открыли в 1909 г. Акшинский народный дом, в котором находились школа, музей, работали кружки. В это время здесь проживало 520 жителей. До февральской революции Акша была центром 2-го казачьего отдела, который занимал территорию от с. Бальджикан Букукунской станции до станицы Зорогольской на р. Аргунь. В его состав входило 16 станиц, Акша - небольшой уездный городок, половину его занимали мещане, а вторую – казаки. У мещан и казаков были свои органы управления. В Акше находилось управление полиции, участок пристава, городская управа, мировой судья, таможня, почтово-телеграфное отделение, ветеринарный пункт, войсковая казачья больница, двухклассное училище, имелось около 15 торговых точек [9].

В годы гражданской войны в Акше и селах уезда проходили ожесточенные бои красногвардейцев, партизанских отрядов с белогвардейцами. Голод и разруха нанесли сильнейший удар по экономике, здравоохранению и культуре Акши. К примеру, больница сократилась до 12 коек. Советская власть впервые пришла в Акшу в апреле 1918 г., в июле состоялся первый уездный съезд Советов, который провозгласил Советскую власть. Однако уже в конце августа 1918 г. в Акше при поддержке японских оккупантов устанавливается власть атамана Семенова. В 1920 г. Акша была освобождена от белогвардейцев, а в ноябре 1922 г. здесь окончательно установилась Советская власть. В это время в Акше была одна больница на 13 коек, школы располагались в нескольких зданиях, образцовая школа и Народный дом [8]. С января 1924 г. Ак-

ша - уездный центр, город, с 1926 - село. В 1936 г. было построено новое здание больницы на 60 коек.

Во время Великой Отечественной войны более тысячи акшинцев сражались за Родину, 319 из них не вернулись с полей сражений. К 40-летию Победы в Великой Отечественной войне в Акше был установлен мемориальный комплекс [10].

В 1980 г. был построен новый больничный комплекс на 140 коек и поликлиника на 300 посещений в день. В 1999 г. начал работать Акшинский мясокомбинат. В 2001 г. производилось 38 наименований колбасных изделий, продукция реализуется в Акше, 4 районах области, Чите. В 2001 г. изготавливаемая здесь варено-копченая колбаса попала в перечень 100 лучших товаров России.

В Акше действуют Акшинский лесхоз и Акшинский сельский лесхоз. Лесоустроительные работы ведутся на территории четырех лесничеств.

В Акше есть средняя школа, учебно-оздоровительный лагерь, Дом детского творчества, ДЮСШ, Дом культуры, историко-краеведческий музей, церковь. Население села на 2002 год – 4129 человек [11]. С 1 марта 2008 г. Акша - центр муниципального образования Забайкальского края «Акшинский район».

В заключение следует отметить, что исследование и выявление особенностей исторического и культурного развития малого города, его социокультурного потенциала должно стать импульсом восстановления и решения глубоких социально-экономических, социокультурных и других проблем, связанных с моногородами России.

Библиографический список

1. Шмулевич, М. М. Троицко-Селенгинский монастырь [Текст] . - Улан-Удэ. 1982. – 64 с.
2. Глазычев, В.Л. Социально экономическая интерпретация городской среды [Текст] : монография. – М. : Наука, 1984 –180 с.
3. Меднис, Н.Е. Городские тексты [Электронный ресурс]. URL: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=5> (дата обращения: 01.06. 2006).
4. Пуляевский, А.Л. Очерк по истории г. Нерчинска: к 275-летию. - 2-е изд. [Текст] / Л. А. Пуляевский. – Чита : Экспресс-издательство, 2003. - 14 с.
5. Нерчинск [Текст] // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. Т.III: И - Р / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. - Новосибирск, 2006. - С. 323 - 324.
6. Артемьев, А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII - XVIII вв. [Текст] - Владивосток, 1999.

7. Нерчинск [Текст] // Города России: энциклопедия / гл. ред. Г. М. Лаппо. - М., 1994. - С. 294 - 295.

8. Земля родная Акшинская: краткий исторический очерк [Текст]. – Акша, 1989. – С. 2–3.

9. Щалпегина, А. 250 лет селу Акша [Текст] / А. Щалпегина // Календарь знаменательных и памятных дат Читинской области на 2000 / сост. О. С. Алферова; ред. Н. С. Лапенкова; Чит. обл. науч. б-ка им. А. С. Пушкина. Сектор краевед. библиогр. – Чита, 2000. – С. 116–118.

10. Акша [Текст] : [буклет. – Акша, б/г. – С. 3.

11. Дибирдеев, В.И. Акша [Текст] / В. И. Дибирдеев // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область / СО РАН. ЧИПР. М-во образования РФ. ЗабГПУ им. Н. Г. Чернышевского. Администрация Чит. обл.; гл. ред. Р. Ф. Гениатулин; отв. ред.-сост. Н. Е. Дроботушенко. – Новосибирск. – 2004. – Т. II. – А-3. – С. 36–37.

УДК 008(091)

М.В. Петрова

Традиции городского жизнеустройства в провинции

Дача представляет особый феномен, который невозможно рассматривать в отрыве от социокультурной и политической действительности. Дача не только напрямую зависела от идеологии и жилищной политики, проводимой государством, но она одновременно вбирала все традиции времени, формируя свой неповторимый дачный стиль жизни и образуя оригинальный пласт дачной культуры.

Вхождение в модель городского жизнеустройства требовало от горожанина подчинения новым экономическим отношениям, подчинения жилищной политике и учета уже существующих традиций личного жизнеустройства провинциальных жителей. Особенной деформации подвергался образ жизни бывших селян, переезжающих в города и активно пополняющих городское население. Им приходилось кардинально ломать свои стереотипы, подстраиваясь под предложенный вариант городской жизни или с поразительной настойчивостью применять привычный образ сельского или деревенского жителя к городским условиям. При этом одна из основных трудностей привыкания к городской действительности была связана с ограничением личного пространства существования, когда повседневная жизнь оказывалась замкнутой стенами квартиры однотипной многоэтажной застройки.

В этих условиях семейное пространство, так или иначе, выходит за рамки квартиры, включая в себя в зависимости от материальных возможностей горожан сараи, погреба, гаражи, дачи, огороды, садовые участки.

В этом перечне особое место занимала, конечно же, дача. Становление советской дачи как института, по мысли И. Чеховских, несло «две важные для советской семьи воспроизводственные функции - рекреационную и экономическую... Дача рассматривалась как элемент экономики самообеспечения» [1]. В.В. Вагин, резюмируя особенности городской провинциальности, использует понятие «домохозяйство», под которым предлагает понимать «объективно-детерминированный комплекс, состоящий из основного жилья, вспомогательных компонентов (земельных участков, жилья за городом, гаражей, сараев и т.д.), обеспечивающих эффективное функционирование и удовлетворение потребностей городской семьи» [2]. Исследователи рассматривали дачу, анализируя особенности ее существования в советский период, как неотъемлемую часть провинциального городского жизнеустройства. При этом привязанность к своим дачным, садовым и огородным участкам объясняется преимущественно экономическими причинами. В этом ключе не менее важное значение имеет осознание и культурологических особенностей формирования и распространения дачной культуры в советском и постсоветском пространстве. Но для начала необходимо развести понятия: сад, огород, дача. В толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой предлагаются следующие определения:

Сад-участок земли, засаженный деревьями, кустами, цветами.

Огород-участок земли-гряды под овощами, обычно вблизи дома, жилья.

Дача-1) Загородный дом, обычно для летнего отдыха;

2) загородная местность, где находятся такие дома, где они снимаются;

3)участок земли под лесом [3].

Таким образом, основные отличия определений связаны, во-первых, с расположением земельного участка в черте города или в пригороде, а во-вторых, с наличием на его территории дополнительных жилищных построек.

Такое определение выглядит достаточно условным, ибо не отражает реальную ситуацию формирования понятий, поскольку на протяжении всего исторического периода, который охватывает зарождение традиции дачного отдыха, по сей день меняются акценты и функциональное распределение этих категорий.

Дача не является исключительно российским открытием. Хотя в мировой практике привычнее выглядит отдых в горах или у моря, ради которого и снимают необходимое жилье, однако «можно встретить сходные практики, наиболее известной из которых была широко распространенная с начала XX века в Германии сдача в аренду горожанам маленьких участков земли (образ наших садовых участков), получивших название “шребергартен” (по имени врача, предложившего такую форму рекреации). Эти участки образовывали целые колонии на окраинах городов (ср. наши садоводства). Как в свое время в советских садоводствах, там было запрещено ставить стационарные строения, а потому возводились лишь легкие постройки. На таких участках люди проводили свободное время и когда-то даже выращивали для собственного потребления свежие овощи и фрукты» [4].

К XIX веку среди аристократов давно укрепилась традиция выезжать за город на лето в собственные имения, но более бедным дворянам, не имеющим собственных имений за городом, приходилось снимать дома для отдыха. «Если дворянская семья не уезжала в путешествие за границу или в свое имение, ей, стало быть, следовало выехать на дачу. Поскольку далеко не всякий мог позволить купить себе загородный дом, то предприимчивые купцы ... стали строить целые дачные поселки, обустраивать и сдавать внаем» [5]. Эта тенденция перенимается в дальнейшем и зажиточными горожанами, где отдых на даче рассматривается с точки зрения престижа. При этом менее имущее население посвящало все свободное время обработке участков земли (садов и огородов), которые располагались либо в пригороде, либо рядом с домом, а земельный участок воспринимается, прежде всего, как средство самообеспечения.

Таким образом, очевидно, что уже на начальном этапе на рассматриваемые понятия оказали влияние отличия городского населения на социальном уровне, что, в свою очередь, повлияло и на целевое предназначение участков земли. Для одних горожан дача - это дом, место отдыха, для других привычнее понятие «огород» - место для выращивания сельскохозяйственных культур.

Сегодня все чаще можно услышать все разнообразие понятий, которыми апеллируют современные горожане, не концентрируя особое внимание на различиях. Тем не менее, кажутся достаточно убедительными доводы В. Вагина, который настаивает на том, что «в самом общем виде **дача** - это сезонные или круглогодично используемые строения, расположенные в пригородах городов. Это общее название подразумевает как солидные дореволюционные дачи купцов и промышленников, так и «картонные» домики современников... Именно дом за городом, без земельного

участка и является «дачей» в собственном смысле слова. Однако по данным официальной статистики можно проследить наличие трех **типов дач**: с садовыми участками, с дачными участками и дачи без земельных участков» [6]. Итак, доминирование строения, а не земельного участка определяет термин «дача».

Безусловно, на эволюцию понятия и укрепление в сознании горожан оказал влияние номенклатурный характер распределения государственных дач в советское время среди крупных партийных деятелей, ученых, художников, писателей и т.д. Но существование дач, подобных тем, что были в Переделкине, воспринималось советскими гражданами как нечто абсолютно недоступное, мифологизированное и далекое от мира обыденности, как особый мир духовной аристократии. При этом все-таки подобные дачи не носили столь распространенного характера, как это произошло с садовыми участками, получившими распространение с начала 60-х годов.

«Первые такие «сады» назывались «мичуринскими». Предполагалось, что горожане будут вслед за известным селекционером с «увлечением» заниматься выращиванием диковинных для их мест плодов. Самообеспечение продуктами питания отнюдь не являлось главной целью создания этих «садов» [7]. Само понятие «садоводческий участок» появляется уже в 1950-е годы. В отличие от огородов, на них разрешалось возвести небольшое строение.

Увлечение опытами и неожиданными экспериментами в области агрикультуры, действительно, захватывает население, когда люди, далекие по своей профессии от сельского хозяйства, начинают осваивать труды по селекции и реализовывать задуманное. Так, в условиях северо-западного региона начинают выращивать виноград, арбузы и дыни. А результаты своего труда можно представить не только соседям, но и на ежегодно проводимых ярмарках осеннего урожая. При этом осваивать землю горожанам приходится с помощью метода «проб и ошибок», собирая необходимую информацию буквально по крупицам. В ситуации практически полного отсутствия специализированных изданий особое значение приобретают личные дневниковые записи, дополненные вырезками из газет или из отрывного календаря.

Все большее распространение приобретают дачные кооперативы. Различным организациям предоставляется в аренду земля, а те, в свою очередь распределяют земельные наделы между своими работниками. Желающих много, поэтому размеры участков выглядят очень скромно: 4 или 6 соток.

Период активного освоения дачного пространства нашел свое отражение в и в художественный фильмах, ставшими класси-

кой советского кинематографа: «Берегись автомобиля» (1967 г.) и «Москва слезам не верит» (1980 г.), где совпадает историческое время, хотя в фильме В. Меньшова мы сталкиваемся с реконструкцией конца 50 х-начала 60-х годов. Попадание режиссера в точку происходит и за счет таких, казалось бы, мало заметных, но очень важных для воссоздания атмосферы времени эпизодов, которые оказываются родными для огромной части аудитории в силу их повторяемости и для поколения 60-х, 70-х и даже 80-х годов.

Дачники начинают приспособлять все свободное личное пространство под сельскохозяйственные нужды. К примеру, под выращивание рассады отводятся подоконники, а то и переоборудуются балконы, а если повезет – и лоджии, которые при специальном освещении могут заменить собой парники. Такой выход был особенно актуален для тех, кто еще не дождался своей очереди на земельный участок. В итоге меняются сами акценты в размещении ценностей в пространстве квартиры. Гостям, пришедшим в дом, обязательно преподносится как особый дар урожай с подоконника или демонстрируется как особая гордость личных достижений хозяев. Осенью квартира превращается в плодовоовощную базу, где хранится все, что удалось вырастить и еще не переработать на своих 4-6 сотках.

Но если интеллигенция свое приобщение к земле воспринимает как экзотику или как нечто необходимое для выживания в провинциальных городах, где собранный урожай являлся существенным подспорьем в жизни, то для сельского жителя такое переоборудование становится необходимой чертой привычного уклада. И если подоконник можно превратить в зимний сад, то что мешает вчерашнему деревенскому жителю на зимнее время превратить свой крохотный балкон в мини-усадебку? Так сначала неожиданно, а потом уже более привычно (когда еще более растет дефицит товаров) горожане в провинции все чаще начинают размещать у себя на балконах и живой скот. Появляются куры, козы, даже свиньи, которые превращаются в домашних, зачастую теряя свою нацеленность на конечный продукт. И уже не так удивительно вставать в городской квартире под крик петухов, который раздается сразу с нескольких сторон. Яркую иллюстрацию опять же находим в художественном материале. Достаточно вспомнить героя фильма «Белые росы» (режиссера Игоря Добролюбова, фильм 1983 г.).

При этом необходимо заметить, что «существовала определенная разница между «дачной» культурой в крупных городах (особенно в Москве и Санкт-Петербурге) и садово-огородной культурой в провинции. Жителями крупных городов дача воспринималась как загородное место отдыха, в то время как в неболь-

ших городах сады и огороды непосредственно окружали дома либо находились на ближних окраинах города. Можно сказать, что для малых городов в России практически всегда был характерен симбиоз городского и сельского образа жизни» [8].

Но данное утверждение требует уточнения с учетом всех произошедших изменений в стране. Функционально предназначение дачи мало в чем изменилось, но произошло очевидное выделение приоритетных позиций. Для поколения, которое стояло у истоков формирования садоводческих кооперативов, представители которого хорошо помнят, какими усилиями приходилось осваивать целину: вырубать деревья или осушать болотистые места, а потом практически на себе привозить землю, чтобы хоть как-то участки приспособить для обрабатывания, вот для него все так же сохраняется представление о том, что дача – это продолжение работы для обеспечения семьи необходимым набором продуктов питания. Для поколения, чье приобщение к земле приходится на последние годы, принципиально абсолютна другая функция. Дача – это прежде всего место отдыха, куда можно выехать с семьей или с друзьями. Как таковая земля не нужна, нужно место для отдыха, желательно максимально благоустроенное. И это объяснимо: исчез дефицит товаров, а на рынке можно купить весь необходимый набор сельскохозяйственной продукции, не посвящая выращиванию все свободное время.

А. Высоковский доказывал, что «дача для советского человека служила не только вторым жилищем, но и таким местом, которое человек воспринимал как собственность, в отличие от первичного жилья, являющегося собственностью государства» [9]. Несмотря на то, что в советский период земля не являлась собственностью, а все постройки, возводимые на участках, должны были укладываться в строгие нормативы индивидуального и частного строительства, которые во многом соблюдались вплоть до 80-х годов, все эти ограничения не мешали владельцам дач самовыражаться, внося неповторимую «изюминку» как в строение, так и в оформление участка. Можно говорить о формировании не только традиционных дачных строений, но и об их отличиях в зависимости от региона. Так, ближе к Центрально-черноземному экономическому региону (Воронежская область) дачные строения вне зависимости от своего размера (а иногда они совсем крохотные, сродни домику Тыквы из сказки Дж. Родари) обязательно штукатурятся полностью или частично, напоминая собой избы-мазанки. В северном регионе (Архангельская область) ценится фундаментальность, основательность и тепло, и поэтому в первую очередь строится баня. Центральный регион (Ярославская область) делает

акцент прежде всего на строительстве сарая для хранения инструментов, там же поначалу можно и жить.

В советское время при всей однотипности застройки дачных домиков можно было встретить нечто неожиданное, например, домик, расписанный изображениями героев из советских мультфильмов. Дачный житель стремится приукрасить свой быт, эстетизировать за счет подручных средств. На помощь приходят не только ум, смекалка, но и родное производство, где всегда можно найти что-нибудь полезное для дачи. Поскольку выбора особого не было, то в дело шло все, что могло быть полезным при благоустройстве дачи. Так, к примеру, цветники отделяются линзами от светофоров с железной дороги, они же заменяют и окна в доме, отсюда нетрудно догадаться о сфере занятости хозяев дачи.

На этом фоне можно было встретить совершенно чудовищные сооружения, которые представляли собой строительную мозаику, отражающую мучительный поиск хоть каких-нибудь материалов, пригодных для строительства. В итоге дачный дом более походил на оборонительную стену, нежели на место для отдыха. Все эти реалии дачной культуры являлись следствием остаточного принципа, по которому существовали садоводческие участки и дачные кооперативы в советское время и существуют поныне. Многие из них, несмотря на порой совершенно далекие от действительности названия в духе «Лазурный» или «Мечта», были лишены подъездных путей, а часть до сих пор продолжает существовать без воды и электричества.

Существенные изменения в стране повлияли не только на смену приоритетов дачников. В общей своей сложности дачная действительность развивается автономно от государственной жилищной политики, самостоятельно выживая и расширяя жизненное пространство городского жителя. Тем не менее, необходимо отметить, что для постсоветского периода характерно еще более суженное личное пространство, которое особенно ощущается в существовании дачных кооперативов. На смену приоритетам: мое-коллективное - государственное приходит: «только мое - а не государственное», когда облагораживание земли ограничивается границами садоводческого участка, за пределами которого может происходить все, что угодно. Примером такого «хозяйствования» могут служить кучи мусора и несанкционированные свалки, которые можно наблюдать на всем протяжении следования по прилегающей территории и по территории садоводческих участков, хотя во многом причина и в неотрегулированности в ряде дачных кооперативов проблемы, связанной с вывозом мусора.

Однако дачная культура подчиняется не только определенным традициям существования, но и выработала свой определенный стиль. Особо здесь следует отметить манеру одеваться. На даче, подобно отдыху на море, можно раскрепоститься с тем лишь отличием, что дачный вариант одежды формируется по остаточному принципу: в ход идет все, что в городской действительности оказывается невостребованным, но при этом жаль выкинуть. Городской житель на даче не только не стесняется, а считает вполне уместным тот эклектичный вариант одежды, который демонстрируют все окружающие, тем самым, формирование традиции обусловлено самим пространством дачной культуры.

Таким образом, для провинциальных городов дача стала неотъемлемой частью культуры повседневности, вобравшей все многообразие традиций, которые отражают специфику времени.

Примечания

1. Чеховских, И. Российская дача- субурбанизация или рурализация? [Электронный ресурс] // http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik9/9_chekh.htm.

2. Вагин, В. Русский провинциальный город: ключевые элементы жизнеустройства [Текст] // Мир России.- 1997.- № 4.

3. Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия «2004» [Электронный ресурс].

4. Чеховских, И. Российская дача- субурбанизация или рурализация? [Электронный ресурс] // http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik9/9_chekh.htm.

5. Васильков, Ю. Все мы немного дачники. [Текст] // Российская газета.- 1997.-5 сентября.

6. Вагин, В. Русский провинциальный город: ключевые элементы жизнеустройства [Текст] // Мир России.-1997.- № 4.

7. Вагин, В. Русский провинциальный город: ключевые элементы жизнеустройства [Текст] // Мир России.- 1997.- № 4.

8. Вагин, В. Городская социология [Электронный ресурс] // <http://emsu.ru/ms/view.asp?c=962&p=1>.

9. Чеховских, И. Российская дача- субурбанизация или рурализация? [Электронный ресурс] // http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik9/9_chekh.htm.

М.В. Стовичек

Личное и публичное пространство горожанина в исторической динамике

Мир горожанина, воплощенный в его жилище, состоит из двух неравнозначных частей: частного и публичного пространств, которые в разные периоды развития культуры получают различное содержание и приобретают различное значение.

В эпоху символично-органического развития городов частная и публичная сферы жизни горожанина были четко разграничены пространственно. Причем и приватность, и публичность имели специфическое выражение.

Наиболее значительным социокультурным феноменом являлась большая семья. Именно в ее пределах и в семейном обиходе и реализовался, прежде всего, в культуре характеризуемого периода, идеал приватности.

Замкнутая структура семьи предполагала установление принципа семейной приватности, имеющего пространственное выражение. Таким выражением стал архитектурный тип жилого дома, особенности планировки которого способствовали сохранению приватности семейной жизни горожанина (посадского или купца). Высокий подклет, на котором традиционно возводились купеческие и посадские дома, исключал возможность проникновения чужого взгляда в жилые помещения извне, с улицы. Планировка интерьера здания предполагала прием гостей в гостиной-прихожей, а не в жилых помещениях. Примером тому может служить бывший дом Иванова (Ярославль, Любимская ул., ныне ул. Чайковского, 4) – образец типичной жилой застройки. По видимому, он принадлежал зажиточному посадскому, о чем свидетельствует материал постройки и внутренняя облицовка подклета белым камнем. Здание небольшое, одноэтажное, на высоком подклете (его высота равна высоте жилого этажа), внутренние помещения которого использовались как склад товаров владельца. Декор экстерьера здания связан с планировкой внутренних помещений: лопатки на боковых фасадах, в проекции капитальных стен в интерьере, указывают на расположение внутренних помещений. Декор интерьера не сохранился, но планировка здания осталась прежней благодаря внутренним несущим стенам. Жилые помещения немногочисленны; характерным для такого типа жилой постройки элементом являются сени, выполнявшие функцию парадной приемной. Это помещение пересекает здание поперек от од-

ной стены до другой, разделяя его на две неравные части. Его объем, равный части здания, выходящей во двор, и расположение – практически в центре здания – указывают на значимость этой части жилого дома. Таким образом, гостю, принимаемому в сенях, оказывался должный почет и уважение (помещение, в котором его принимали, было просторно, а его расположение в центре здания акцентировало его значение), но вместе с тем, сохранялась приватность домашней обстановки хозяина, куда гость не был вхож.

Главной чертой пространственного строения здания оставалась замкнутость, закрытость, непроницаемость жилых помещений для внешнего наблюдения. При этом личная приватность в рамках семьи отсутствовала как таковая. Жилые помещения не разделялись для отдельного существования членов семьи: кабинет, личная спальня, личная гостиная. Семья существовала целостно и иерархично, являя собой значимую единицу общества.

Большое значение имела публичная сторона религиозного культа и частной жизни. Особое внимание уделялось именно внешнему впечатлению, которое должны были произвести те или иные поступки в обществе. Частью публичной жизни горожанина была внешняя сторона отправления религиозного культа: посещение храма в урочное время, поведение в храме, которое являлось проявлением истинного благочестия, в свою очередь, не чуждого некоторой демонстративности, как образца богопочитания.

Об этом свидетельствует тот факт, что многие храмы, построенные на деньги купцов и посадских людей, находясь на территории усадьбы заказчика, сохраняли приватность жилища и территории усадьбы, но были доступны для прихожан, проживавших вблизи данного храма, то есть публичны. Обращение к Богу каждого человека в отдельности является его личным делом, хотя часто происходит не только в интимной обстановке дома, но и публично – в храме. Большое внимание уделяется фиксации внешних проявлений благочестия, тому, как это должно было бы выглядеть со стороны. При этом подразумевается, что происходящее в душе человека во время молитвы соответствует и внешним проявлениям.

Многие составляющие семейной жизни, обозначенные в «Домострое» как характеристики стиля жизни (в современном нам понимании), ориентированы на создание положительного внешнего впечатления от семьи, то есть на общественный резонанс приватной сферы.

При стремлении к сохранению приватности жилища, характерном для данного периода развития городов, строчная застройка по красной линии улиц практически не использовалась, за исключением тех случаев, когда расположение дома обуславливалось характером деятельности его владельца. Для жилых домов

ремесленников, совмещенных с мастерскими, более характерна открытость внутреннего пространства усадьбы – пространства мастерской, также входившей в ее состав, – для постороннего глаза, чем для замкнутых купеческих усадеб. Такая особенность была связана с требованием публичности в профессиональной деятельности ремесленника, которую невозможно было бы вести вне мастерской (на торгу, на площади).

В отличие от бытового уклада ремесленника, мастерская которого находилась на территории усадьбы (и чьи ученики проживали непосредственно в доме мастера, но считались его домоладцами и подчинялись ему как главе семьи), и от собственной частной жизни, производственный быт купцов и торговых посадских людей являлся публичным. Купец должен был выполнять ряд торговых правил, одним из которых являлось требование торговать «не келейно», то есть дома, а открыто, на городском торгу. «Изначально русский город домашней торговли вообще не знал» [1]. На городской усадьбе купца могли производиться только подсобные работы, связанные с хранением товаров, хотя и это не всегда было обязательным.

Публичной являлась профессиональная деятельность и городского дворянства и детей боярских, большая часть жизни которых проходила на службе государству.

Итак, в эпоху символично-органического развития городов публичными являются и производственные отношения горожанина вне зависимости от его сословной принадлежности и их особенностей (купеческие, дворянские, ремесленные), и, по сути, обязательные внешние проявления его духовной практики. Семейный быт, номинально публичный, относится к сфере частного, хотя личной приватности отдельного члена семьи нет, семья является общиной (коммуной). На бытовом уровне повторяется система общественных отношений, в которой замкнутая структура общества оказывается совершенно прозрачной для взгляда изнутри.

В следующий период развития города (конец XVIII – середина XIX в.в) существенно меняются представления о приватности и общественности в жизни человека. Под влиянием идеи о возможности существования рационально устроенного идеального мира (общества, города) резко изменился образ жизни горожан в провинциальном городе. В соответствии с этим изменяется и городская ландшафтная среда.

Несмотря на то, что некоторые попытки создания классицистически рационального упорядоченного городского пространства и привнесение доминантой жизненного стиля светской пуб-

личности имели место и в начале XVIII века, примером чему является попытка создания «регулярного» парка при Ярославской Большой мануфактуре в 1736–1742 гг., наиболее полно эта тенденция проявилась только в 70-е годы XVIII века.

Постепенно переселялось из усадеб в губернские и уездные центры дворянство, призванное указами Екатерины II к службе по выборам.

Дворянство, переселившись в губернские города, привнесло в патриархальный прежде быт новую культурную моду, почерпнутую в столице. По-новому устроенная культурная жизнь ложилась в матрицу приобщения провинции к тем новым формам общественной жизни, которые вырабатывались с начала века в придворном окружении и среди привилегированного населения столиц.

Вести в соответствии с давними традициями прежний замкнутый, с точки зрения новой светской культуры, образ жизни становится неприемлемым для горожанина, который претендует на статус культурного и образованного, то есть светского человека. В этих условиях средоточием культурной жизни становится не только сакральный центр, как это было в период символическо-органического развития городов, но и центр светский. Соответственно заново формируется культурное пространство страны в целом и городское пространство провинции в частности.

Активная общественная мирская жизнь наполняется новым, неизмеримо более богатым содержанием и переносится с улицы (ярмарки, площади, торговых рядов) в помещение: особняк дворянина или купца, здание дворянского собрания, театр, масонскую ложу, канцелярию и т.д.

Новой нормой светской частной жизни в верхневолжской провинции стала ее демонстративная открытость. Исключением была практика масонских лож, однако их присутствие в Верхневолжье удостоверяется лишь эпизодически или предположительно.

Появляются новые формы публичности: становится открытым для посещения домашнее пространство горожанина, так что многие события светской жизни происходят во дворцах (в столице) и особняках дворянства и купечества. Наиболее распространенной формой публичности становится проведение горожанином в собственном доме приемов, балов, а также детских балов, если есть несовершеннолетние дети, которые благодаря этим праздникам приобщаются к светской жизни, получают образец светского поведения. В Ярославле балы и приемы впервые учредил, видимо, А.П. Мельгунов. Эта традиция оказалась долговечной.

Одной из обязательных форм публичной жизни горожанина становится посещение театра. В Ярославле таким публичным театром стал домашний театр, устроенный также по инициативе

генерал-губернатора А.П. Мельгунова.

Европейски организованная частная жизнь дворян становится образцом для подражания других сословий: купечества, зажиточных посадских и мещан, – хотя и не является обязательной для них. Для реализации этой функции необходимо, чтобы люди недворянского сословия, обычно не вхожие на балы и прочие дворянские увеселения, могли получить представление о том, как это происходит, могли бы копировать столичную моду по образцам, представляемым провинциальным дворянством. Первым этапом этого приобщения должно было стать формальное изменение – новый тип жилища, построенный по типовому классицистическому проекту.

С другой стороны, этому процессу способствовало и то, что прочие сословия и наиболее консервативная часть дворянства оказывались так или иначе вовлеченными в культурную жизнь дворянства, ориентированного на копирование столичного образа жизни. Благодаря открытости внутреннего пространства новых классицистских особняков и усадеб даже случайные прохожие становились свидетелями празднеств, балов и фейерверков.

Изменению стиля жизни в процессе приобщения провинциальных жителей к европейской и столичной культуре немало способствовало открытие оформленной для прогулок общедоступного городского бульвара и набережной р. Волги (30-е годы XIX века). Городские бульвары и скверы, ставшие традиционным местом прогулок горожан вне зависимости от сословия, также позволяли вынести некоторые проявления образцовой частной жизни на публику. Так, совершая прогулку по набережной или бульварам и разглядывая гуляющих дворян, горожане могли ознакомиться с последними тенденциями моды в одежде и прическах, а также с моделью образцового поведения.

По новым, «регулярным» планам застройки городов дома предполагалось строить на красной линии улиц (сначала торцом в три окна, а после более длинным фасадом) в отличие от предыдущей традиции, когда улицу обрамляли по сторонам глухие заборы и глухие стены хозяйственных построек. Такой тип организации городской среды, не характерный для старых русских городов, был вызван необходимостью четко обозначить новую градостроительную тенденцию, и связывался с возможностью демонстрации новых образцовых каменных зданий, принадлежавших дворянам, на которые следовало ориентироваться и прочим домовладельцам.

Именно к этому периоду относится появление жилого дома на двух (реже более) хозяев. Этот процесс был связан с тем, что не все домовладельцы могли позволить себе построить новый каменный дом, отвечавший требованиям «регулярного» плана. Для со-

кращения числа деревянных – «непрестижных» – домов в центральной части городов создавались проекты домов на двух хозяев, которые являли собой фактически отдельные жилые дома, лишь объединенные общим фасадом, что делало их в целом более представительными с точки зрения создания новой упорядоченной городской среды.

Принципиально новой была структурная организация внутреннего пространства особняка нового типа. Жилые и парадные помещения, ранее разграничивавшиеся, постепенно теряли деление на публичные, то есть предназначенные для гостей, и приватные – семейные, помещения. Например, парадная спальня состояла из двух частей, выделенных зонированием: одна – по внешнему фасаду – предназначалась для приема гостей, другая – прилежавшая к внутренней стене – собственно спальня хозяев. Этот прием позволял использовать парадное помещение и в повседневном обиходе.

Одним из важнейших приемов планировки дома-особняка становится анфилада – последовательное размещение комнат, создающее внутреннюю перспективу здания. Как правило, анфилада парадных комнат располагалась на втором этаже, более представительном, вдоль фасада здания, а жилые помещения – позади парадных интерьеров, вдоль стены здания, выходящей во двор, или на верхних этажах. В число парадных помещений обязательно входили зал, гостиная и комната хозяйки, в которую постепенно превратилась парадная спальня. В богатых домах к ним могли добавляться и другие помещения, например, кабинет хозяина. Основным отличием новой планировки интерьера жилого дома являлось то, что последовательное – анфиладное – расположение помещений предполагало демонстрацию гостям как можно большего внутреннего пространства парадных помещений (а затем и некоторых подсобных, располагавшихся среди парадных: гардеробной или буфетной). Гостиными могли быть не только близкие знакомые или родственники хозяина, но и люди, которых в силу социальной репрезентативности было необходимо пригласить на бал, мнение которых должно было добавить определенный вес в обществе устроителю бала, чему могла способствовать демонстрация максимального богатства хозяина.

Новый «классический», образцовый особняк становился открытым для взгляда извне, во-первых, благодаря его расположению (на красной линии улицы). Во-вторых, большую открытость предполагали и новые конструктивные элементы классицистических особняков. Таковыми являлись, например, широкие балконы, украсившие фасады наиболее богатых и представительных домов. Парадные помещения предполагали обилие простора и света, для

чего создавались не только большие окна основного ряда, но и окна второго света, призванные оптически увеличить и подчеркнуть размер бального зала.

Ограды усадеб уже не были сплошными, а парк, располагавшийся перед главным домом усадьбы, был упорядоченным – «регулярным», созданным по образцу и подобию французского регулярного парка или его российского столичного аналога. Такое оформление усадьбы и особняка должно было акцентировать гармонию нового бытия, происходящего в созданных им условиях.

Как уже подчеркивалось, наряду с демонстративной открытостью внутреннего пространства особняка возрастает личная приватность бытия его отдельного обитателя. Комнаты имеют не только конкретное функциональное назначение: гостиная, спальня, столовая, но и четко определенную принадлежность кому-либо из членов семьи: детская, гостиная хозяйки (малая гостиная), кабинет хозяина и т.д. Доступность личных помещений гостям во время официальных визитов определялась статусом их хозяев. Частные же визиты (по приглашению не главы семьи, а кого-либо из ее членов) проводились, как правило, на «территории» приглашающего без вовлечения крупных общих гостевых помещений.

Одновременно с возрастанием публичности светской жизни происходил процесс усиления приватности духовной жизни человека. Частным проявлением этого процесса явилось строительство домовых церквей на территории городских усадеб дворян. В отличие от храмов, которые строились на территории городской усадьбы купца в предыдущий период и являли собой дар мецената городу (и щедрое богоугодное пожертвование), домовые церкви периода классицизма не были доступны всем желающим, то есть не являлись приходскими. Они предназначались только для хозяина усадьбы, членов его семьи и его гостей, то есть людей, близких владельцу. В результате распространения домовых церквей у дворян, владельцев усадеб, в состав которых входили домовые церкви, не было необходимости посещать городские храмы и совершать культовые отправления публично.

Таким образом, демонстрация внешних проявлений духовной жизни перестала считаться обязательной для горожанина, бравшего пример с передового дворянства. Более того, наличие домового храма в собственной усадьбе являлось признаком высокого уровня благосостояния, подразумевая, но не обозначая явно уровень благочестия ее владельца. Это представление провоцировало зажиточных горожан возводить церкви на территории своих усадеб исключительно для себя и своей семьи, а не для всех прихожан, как было ранее. При этом сохранялся институт старостни-

чества, когда зажиточные купцы оказывали финансовую поддержку городским храмам.

Из сказанного выше видно, что период классицизма привнес огромные изменения в архитектурную, градостроительную, общественную и частную сферы жизни жителей провинциальных городов. По сравнению с периодом символично-органического развития изменился характер публичности и приватности. В отличие от предыдущего периода, когда публичными были и проявления духовной жизни, и производственная деятельность горожан, в «регулярный» период развития городов, следуя образцу, представленному дворянством, публичной стала частная жизнь состоятельного горожанина. Сохранилась также и публичность производственной или служебной деятельности горожанина-гражданина, открытость и прозрачность которой считалась залогом честного и усердного служения государству. Духовная же жизнь перешла в сферу приватного.

Появилось и пространство личной приватности человека в семье, что проявилось в создании личных жилых помещений в особняках. Возникает и развивается зона уединения. Это развитие, впрочем, связано уже не столько с регулярно-классицистическим идейным комплексом, сколько с сентименталистскими и романтическими влияниями.

В период эклектики значительно изменилось понимание стиля и социокультурного образца.

Просветительская программа, заложенная в идею классицизма, в основе которой лежала установка на воспитание совершенного государственного человека (дворянина, чиновника), не была выполнена. Формальное восприятие художественного стиля привело к интерпретации только внешнего его проявления с точки зрения социальной репрезентативности зданий и, соответственно, общественного статуса их владельцев. Таким образом, публичность частной и прозрачность служебной жизни дворянина, характерные для классицизма и призванные дать образец для подражания другим сословиям, были восприняты как норма частной жизни государственного человека, каковыми являлись все горожане – граждане, по логике регулярности. Вне зависимости от сословной принадлежности (хотя и в зависимости от степени зажиточности) горожанин должен был соблюдать определенный уклад и вести соответствующий образ жизни, чтобы подтвердить собственный социальный статус.

В новую эпоху преуспевания и финансового благополучия частного предпринимателя публичность осталась нормой частной жизни по унаследованной в новую эпоху традиции классицизма. Для того, чтобы произошли изменения в устоявшемся стиле жиз-

ни, необходимо было либо серьезное воздействие извне (насаждение нового образа жизни из столиц, как это было сделано в эпоху классицизма), которого не было в силу объективных обстоятельств, – либо воля самого заказчика, который, не имея иного образца, ориентировался на привычные понятия о социальной норме.

В свою очередь, профессиональная деятельность преуспевающего купца или промышленника стала «коммерческой тайной», то есть перешла в сферу частного. Именно в это время происхождение капитала того или иного преуспевшего дельца (из купеческого или мещанского сословия) могло быть не совсем законным, в результате чего и возникала необходимость «коммерческой тайны».

Примером такого «оборота» является история торгового и меняльного дома ярославских мещан Огняновых, открытого, по воспоминаниям С.В. Дмитриева, на средства, украденные основателем дома М.К. Огняновым из Ярославского общественного банка. Но и в процессе законной деятельности торговцев и промышленников наличие конкуренции в среде мелких и средних (по общероссийским масштабам) предпринимателей заставляло их сохранять в тайне наиболее успешные коммерческие операции.

Стиль жизни влиял на архитектурную среду. Показателем благосостояния коммерсанта становится наличие собственного дома – особняка. О степени успешности того или иного предпринимателя теперь можно было судить по богатству, яркости и разнообразию декора фасада его особняка, построенного обязательно в центре города. Фасад эклектичного, как правило, ренессансно-барочного или готического особняка стал в восприятии современников своеобразной декларацией о доходах, позволявшей претендовать на особую социальную значимость богатеющего сословия, а образ жизни, соответствовавший заданной и признанной норме, – показателем обоснованности этих претензий. Сословное различие между дворянством, все еще признанным законодателем мод в сфере частной жизни, и новой финансовой элитой, стремившейся к тому же статусу, заставляли нуворишей демонстрировать образцовую, то есть соответствующую прежней норме частную жизнь.

Так, вместе с собственным домом, оформленным в соответствии с классицистической традицией, богатый горожанин приобретал черты публичности того образа жизни, который соответствовал статусу домовладельца. Обязательным считался праздничный прием гостей и нанесение ответных визитов, а в купеческой и мещанской среде – посещение храма в праздники; не обязательным, но желательным являлось посещение театра и общественных собраний, то есть светская жизнь – жизнь в свете.

В период эклектики публичность частной жизни приобрела черты, не характерные для данного явления в эпоху классицизма, когда частная жизнь дворянина была призвана демонстрировать образцовое поведение и стиль жизни государственного человека, каким являлся не только дворянин, непосредственно состоящий на государственной службе, но и любой гражданин, способный своей деятельностью принести пользу государству. В новых условиях демонстративная открытость частной жизни (часто весьма богатой) стала своеобразной визитной карточкой принадлежности к передовому сословию, свидетельствующей о высоком социальном положении человека, способного ее предъявить, или стремления к принадлежности к передовому сословию.

Для получения признания и определенного места в обществе недавно разбогатевшие промышленники и купцы использовали все возможности: частные приемы и балы в собственных домах, поражающих воображение роскошью оформления, огромные затраты на благотворительные цели, ведение дел и финансовая поддержка городских храмов – старостничество (что издавна считалось весьма почетным) и строительство домовых церквей при усадьбах. В область частного перешла профессиональная деятельность купцов и промышленников, так как сохранение тайны сделок (коммерческой тайны) способствовало удачному ведению дел.

Жизненный стиль эпохи начала XX века, в отличие от рассмотренных ранее периодов, не сводится к общему знаменателю. Культура и жизнь отличаются невероятной пестротой. Традиционализм и новаторство сосуществуют на соседних улицах, в соседних домах, подчас в одной душе.

В сложившейся ситуации на первый план выходит иное соотношение приватности и публичности, чем в предыдущую (также полистилистическую) эпоху, хотя и прежний подход остается достаточно распространенным. Признаком сосуществования различных норм и образцов публичного и частного в жизни горожанина является наличие в архитектурной практике таких форм модерна, как фасадный модерн, и прочих вариантов стиля, характерных для восприятия нового столичного образца в верхневолжской провинции.

В собственном мире модерн должен был стать не просто стилем здания, одежды, интерьера, а стилем жизни – жизненным стилем, – в котором произошло бы единение быта с искусством, а интерьер стал бы отражением содержания внутреннего мира его владельца, от мировоззрения до хобби. Комплекс жилого помещения (от личного особняка до комнаты в доходном доме) должен был стать художественным целым, объединенным личностью обитателя.

Заявляя собственной внешней необычностью инаковость образа мысли и жизни владельца, экстерьер здания в стиле модерн, однако, не уточнял, в чем именно заключается отличие его бытия от жизни окружающих. В подобном обозначении (не обязательно раскрытии) отличия жизненного стиля человека содержится элемент публичности, хотя общество и не требует декларации собственного стиля жизни, нет необходимости его афишировать. При выборе стиля экстерьера заказчик имеет возможность заявить о своей оригинальности или не заострять на этом внимание горожан.

Здесь соотношение публичности и приватности приближается к особенностям этих аспектов бытия в символическо-органический период. Также существуют две сферы жизни: с одной стороны, профессиональная, общественная и прочие виды публичной деятельности, в процессе реализации которых человек пребывает на людях, существуя в мире, построенном по общим принципам. С другой стороны, его приватная жизнь, организованная в соответствии с его собственными представлениями о комфорте, эстетике жизни, постижение которого возможно только его единомышленниками, сосуществующими в подобном его жизненному пространству мире. Для уточнения специфики приватности жизни, присущей модерну, необходимо рассмотреть особенности планировки и конструкции зданий в стиле модерн, позволявшей организовать предельно индивидуальное и индивидуализированное пространство.

Большая часть специфических черт архитектурного модерна, позволявшего создать пространство, способствующее отражению индивидуальности владельца, отразилась в конструктивных особенностях зданий.

В отличие от архитектурных сооружений предыдущих эпох, в планировке здания стиль модерн не предполагает создания некоего единого и нерасчлененного внутреннего пространства, которое раскрывалось бы входящему с первого взгляда. Логика формирования интерьера здания в данном случае выстраивается в зависимости от соотношения внешнего и внутреннего пространств, призванного обеспечить переход от одного к другому. Так, для модерна характерна циклическая планировка внутренних объемов здания, центром которой становится объем, переходный с точки зрения соотношения внутреннего и внешнего пространства здания и связующий с точки зрения его внутренних объемов, – лестничная клетка и сама лестница. Этим акцентируется значение медиативности предельно функционального, казалось бы, объема, имеющего адаптивное значение для чужого по отношению к тому миру, который существует в здании. То же значение придается входу, как правило, выделенному либо декором, либо расположе-

нием по отношению к другим объемам здания.

Все прочие объемы располагаются предельно функционально, с тем расчетом, однако, чтобы не создавать анфиладу – не быть доступными взгляду одновременно, в отличие от классицистической традиции, направленной на создание прозрачного и предельно публичного жилого пространства. Такая особенность объясняется тем, что для пребывания в том или ином помещении необходимо соответствующее настроение, для полноты ощущения которого пространство замыкается соответствующим декором, мизансценируя момент жизни. Эффект театральности подчеркивается и существованием полифункциональных помещений, позволявших быстро «сменить декорации» в соответствии с текущим моментом. В техническом отношении это достигалось весьма простыми средствами – использованием легких непрозрачных подвижных ширм и драпировок, с помощью которых становилось возможным разделить крупное помещение на несколько мелких или вновь соединить их.

Соотношение публичного и частного аспектов частной жизни горожанина и их доминирование в различные периоды социокультурного развития города изменяется в соответствии с культурной средой и жизненным стилем каждой эпохи. Так, в символично-органический период в бытовой сфере частной жизни доминирует семейная приватность, в сакральной и производственной сфере – публичность, что в целом характерно для традиционных культур. Для «регулярного» периода характерна бытовая и служебная публичность дворян, диктующая и производственную публичность купцов, в то время как сакральная сфера человеческой жизни переходит в область частного. В эклектический период, при отсутствии жесткой государственной регламентации во всех сферах жизни, нет прежнего единства в разграничении частного и публичного, но общая тенденция заключается в доминировании бытовой публичности, получающей новое значение, и производственной приватности купцов и промышленников, при отсутствии служебной деятельности дворянства как примера для подражания. Эпоха модерна предоставляет большую свободу выбора образа жизни в случае принятия жизненного стиля модерна, но предполагает бытовой уровень жизни – как новый тип личной приватности, не провозглашая необходимость публичности в любых проявлениях, но и не отвергая ее возможность.

Библиографический список

1. Рабинович, М.Г. Очерки этнографии русского феодального города: горожане, их общественный и домашний быт [Текст] / М.Г. Рабинович. – М., 1978. – С. 41.

УДК 008:001.8

Т.Б. Бабаева

Знаково-семиотическая природа национальной архитектуры

Неотъемлемой частью формирования, фиксации и воспроизводства идентичности любой нации и государства как социокультурной и политической общности являются национально-государственные символы и идеалы. Выявление специфики национальных символов может являться предметом исследования не только культурологов, историков, психологов, социологов, политологов и этнологов, но также и философов-эстетиков и искусствоведов.

В наши дни контакты в межгосударственных отношениях имеют большую политическую и социальную значимость, так как способствуют взаимопониманию, а, следовательно, успешному решению самых разнообразных «ключевых» вопросов современности. В связи с этим национальной символике и её роли в формировании положительного образа государства в последние годы уделяется большое внимание.

Символические формы, совокупность символов являются той объективной сферой (её можно увидеть, услышать, т.е. вообще воспринять органами чувств), сквозь которую с наибольшей глубиной можно проникнуть в самые основы той или иной культуры, а также в наиболее скрытые от поверхностного взгляда сферы сознания представителей данной культуры.

Разного рода символы и знаки играют огромную роль в жизни человека, и без них невозможно представить себе практическую и духовную жизнь общества. Как отмечал О. Шпенглер, единство всякой культуры покоится на общем языке её символики. Каждый народ создает и почитает собственные национально-государственные символы. Со времени возникновения национального государства длительная традиция создавала и использовала такие национальные символы, как флаги, гимны, конституции, праздники, денежные знаки и т.д., с целью привлечения внимания, интегрирования граждан, стимулирования тех или иных действий.

В сферу национальной символики вовлекаются и произведения искусства. Прежде всего, это - музыкальный гимн как звуковой эквивалент герба или флага страны, а также известные всему миру изображения знаменитых архитектурных памятников. Среди всех пластических искусств в большей мере именно архитектуре подходит «роль» символа. Памятники архитектуры - яркие «культурные достопримечательности» страны - в эпоху расцвета технических средств тиражирования изображения становятся чем-то вроде "визитной карточки" государства, страны.

Мировое искусство знает немало примеров олицетворения государственности и национальной мощи, воплощенных в произведениях зодчества и скульптуры. Известными символами власти и государства выступают дворцы, правительственные здания, площади, статуи: Белый дом и статуя Свободы в США, Елисейский дворец во Франции, Уайт Холл в Великобритании, Эйфелева башня в Париже, Кремль и Красная площадь в Москве, Зимний дворец и Дворцовая площадь в Санкт-Петербурге и т.п.

Еще Гегель отмечал способность архитектуры становиться символом как главную, принципиально отличающую ее от других видов искусств. В своем воздействии на людей архитектура подобна музыке, в ней в значительно большей степени важен момент непреднамеренного воздействия, не предполагающего всякий раз сосредоточенной работы зрителя. Любое общество обязательно обладает системой архитектурно-пространственных символов (от исторических памятников и храмовых комплексов до типичных национальных и региональных ландшафтов), организующих и транслирующих эмоционально-смысловой опыт народа. По словам А.А.Богданова, «архитектура - язык длительных и глубоких коллективных настроений... воплощает и закрепляет и непрерывно передает от поколения к поколению преобладание эмоций; она хранительница организующей традиции" [1, с. 547].

Искусство архитектуры как явление, претендующее на роль символа, может быть включено в определенную классификацию. В рамках семиотического подхода предлагаются разные типологии символов. Согласно А.Ф. Лосеву, учение о типах символов есть «изучение тех смысловых последовательностей, которые возникают при функционировании символа в различных областях человеческой жизнедеятельности» [2, с. 194]. Среди выделяемых автором символов: научных, философских, художественных, мифологических, религиозных, человечески-выразительных (цвет кожи), внешнетехнических (поклоны, танцы), есть *идеологические и побудительные символы* (девиз, плакат и т.п.) (курсив мой – Т.Б.) к которым, на наш взгляд, можно отнести и архитектуру.

Типологию символов в зависимости от внешней формы или материала реализации символического выражения в системе культуры дает Н.Н. Рубцов. По мнению автора, она должна основываться на *способах осуществления символических выражений* (курсив автора): наряду с графическими, дискурсивными, процессуальными, операционными, он выделяет «пластические символы, которые мы встречаем в искусстве» [5, с. 24]. Знаково-семиотическую природу архитектурного произведения очень точно, на наш взгляд, подтверждают слова выдающегося классика современности М.К. Мамардашвили: "Символы мыслятся нами как репрезентации не предметов и событий, а сознательных посылок и результатов сознания» [3, с. 100].

Являясь искусством пластическим, воспринимаемым посредством зрения, архитектура может быть охарактеризована и как визуальный тип коммуникации, значение которого в современном мире трудно переоценить. Знаковая, визуальная культура любого народа всегда отличается своей спецификой и оригинальностью. Иногда по одному только предмету, детали одежды мы можем сказать, к какой культуре она принадлежит. Визуально-знаковая культура проявляется в изобразительном искусстве, геральдике, одежде, оформлении улиц, городов и т.п. В архитектуре - «визуальное», не означая буквально «образное», содержит в себе изначальное и неизбежное напоминание об этом понятии. Здесь рождение и становление художественного образа предполагает работу воспринимающего его человека в определенном идейно-мировоззренческом контексте, с помощью иносказательного, метафорического мышления формирует в духовном мире зрителя целостную и ценностную реальность. Так, функционирование памятников архитектуры в качестве национальной символики реализуется через собственное мифосимволическое бытие архитектуры. Возможность визуальной коммуникации посредством национально-государственной символики вполне соответствует современной социокультурной ситуации – глобализации мирового сообщества в сочетании с выявлением этнокультурного своеобразия его субъектов.

Архитектура не воспроизводит действительность изобразительно, она носит экспрессивный характер. Ритм, соотношение объемов и линий, взаимоотношение с общей пространственной средой – средства её выразительности. В архитектурном образе, не отягощенном сюжетной и смысловой нагрузкой, наиболее ярко и точно отражаются формальные особенности того или иного стиля. Уникальная стилеобразующая форма ассоциируется с определенной исторической эпохой, страной, людьми, живущим в ней, с их национальным характером. Поэтому архитектура – это своеобраз-

ный «почерк» эпохи, «душа народа». Так архитектурное изображение, обеспечивая визуальную коммуникативную связь между людьми, становится носителем не только эстетической, но также и семантической информации. Неявно и непрестанно воздействуя на человека, архитектурная среда несет в себе эмоционально-смысловой опыт ушедших поколений, подвигает сознание человека на его многомерное понимание, формирует видение мира и отношение к нему.

Поскольку в процессе длительного исторического развития культуры ключевую роль в ней играла религия, постольку большое количество национально-культурных символов, выраженных в памятниках архитектуры, имеют культовый характер: пирамида Хеопса в Египте, Парфенон в Греции, падающая колокольня в Пизе, собор Святого Петра в Риме, храм Софии в Константинополе, Тадж-Махал в Индии и т.п. В России подобными символами выступают собор Василия Блаженного (храм Покрова на Рву в честь взятия Казани), храм Покрова на Нерли, церковь вознесения в Коломенском, храм Спаса на Крови, Казанский собор в Санкт-Петербурге и т.д. Объяснение этому общеизвестно: эстетические принципы на протяжении веков складывались и развивались в поисках решений, отвечавших духовным потребностям времени, в котором на протяжении тысячелетий доминировало религиозное сознание.

Воздействие религии на область художественного творчества было чрезвычайно продуктивным и практически постоянным вплоть до начала XX века. Но вместе с тем, процессы создания произведений религиозного искусства, освоение его содержания в социальной памяти равно как информационное и эмоциональное взаимодействие с ними наших современников, более широки и многоплановы, чем собственно религиозные интерпретации этого искусства. Начиная с самых простых зданий и сооружений, архитектура постоянно и самопроизвольно продуцирует эмоции и смыслы, которые далеко не всегда предусматриваются ее создателями, поскольку значение целого всегда больше простой суммы значений составляющих элементов. Она всегда выступает не только выражением жизненных потребностей людей, но фактором воспроизводства культурного капитала, социального бытия.

Культовая архитектура позволяет осмысливать в образно-художественной форме историческую судьбу нации и её культуры. Духовный идеал народа, его религиозно-нравственный потенциал максимально полно материализуются именно в храмовом зодчестве. Храм, сооруженный в национальном стиле, становится символом нации, национальной культуры, ее исторической неповторимости и значения.

Справедливость сказанного наглядно подтверждает московский собор Покрова на Рву (1555 – 1561), который спустя пятьсот лет после возведения Киевской Софии завершил эстафету национального самовыражения в древнерусском монументальном храмостроительстве. Выполненный по образцам деревянного зодчества, этот шедевр видимо, представлялся создателям храма исконно русским, далеко отстоящим от чуждых византийских канонов. И хотя непосредственные носители таких традиций – деревянные церкви в силу своей недолговечности и пожароопасности не способны были конкурировать с монументальными храмами, их, так сказать, «духовная ипостась», отражающая сакральные идеалы предков, воплощенная в ином, «вечном» материале, видимо, представлялась самому царю Ивану IV и патриотически настроенным духовным иерархам символом национального возрождения Руси и средством прославления ее государя [7].

Вид храма Покрова на Рву (Собор Василия Блаженного) вместе с фрагментом кремлевской стены и Спасской башней, а также памятником национальному патриотизму – скульптурой Минина и Пожарского работы И. Мартоса, сегодня самое распространенное изображение, ассоциирующееся с культурно-национальным обликом России. Его утверждение в информационно-культурном пространстве самой России и в пространстве межгосударственной коммуникации напрямую связано с активно обсуждаемой в настоящее время проблемой исторической реконструкции национального образа России, а также основных тенденций его развития в современном мире.

Произведение архитектуры в качестве национального символа соединяет в себе свою специфическую видовую сущность и значение символа, понимаемого как «ключевой феномен культуры, который в чувственно-воспринимаемой форме выражает, сохраняет и транслирует идеи, идеалы и ценности, основополагающие для развития и функционирования культуры» [5, с. 5]. Среди пяти основных функций символа на первый план здесь выступает информационно-коммуникативная. Внутри собственной культуры эта функция обеспечивает информационную связь между поколениями, способствует сохранению культурной памяти народа. В транснациональном политическом пространстве с помощью таких символов происходит обмен представлениями, предпочтениями и смыслами, помогающим людям понимать и принимать базовые ценности друг друга.

Библиографический список

1. Власов, В.Г. Стили в искусстве [Текст]. – СПб., 1995.
2. Лосев, А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство [Текст]. – М., 1976.
3. Мамардашвили, М.К., Пятигорский, А.М. Символ и сознание [Текст]. – М., 1985.
4. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке [Текст] / под общ. ред. Ю.П. Сенокосова. - М. : Языки русской культуры, 1999.
5. Рубцов, Н.Н. Символ в искусстве и жизни [Текст]. – М., 1991.
6. Тен, Ю.П. Культурология и межкультурная коммуникация [Текст]. – Ростов н/Д., 2007.
7. <http://www.petrso.ru>. В. П. Орфинский Архитектурный идеал русского православия и его локальные этнокультурные варианты в традиционном храмостроительстве Карелии и сопредельных территорий.

УДК 008:001.8

Л.В. Щербакова

Русский средневековый город в описании европейцев

Русский город периода средневековья и зарождения Нового времени - явление сложное и многогранное. В нём заложены и развиты основные элементы всей русской культуры. Но что представлял собой он в указанный период, какие особенности ему были свойственны? Наиболее развёрнутые ответы на эти вопросы мы можем найти в записках иностранных путешественников. Они создали достоверный, «живой» образ русского города как культурного явления.

Мы остановимся на воспоминаниях европейских авторов XV – XVII столетий. Выбор этот не случаен: конец XV – начало XVIII веков – одна из сложнейших эпох в истории как России, так и Европы. В этот временной отрезок окончательно складывается российское государство (в том числе за счёт присоединения новых территорий), на него приходится Смута и смена царствующих династий, начинает формироваться культура Нового времени. Как и любой переходный период, это время знаменуется кардинальными изменениями, в том числе и в развитии городов и образа жизни горожан. Именно европейские авторы открыли для мира Россию того времени. Сначала это были короткие, «беглые» заметки, но постепенно европейцы стали пристальнее приглядываться к суще-

ствованию россиян. Поэтому в их произведениях можно обнаружить поистине бесценные сведения об устройстве, внешнем виде, повседневной жизни русских городов. Проанализировав несколько десятков сочинений европейцев о Московском государстве, мы вполне ясно можем увидеть русский город со всей его полноты. В силу ограниченности объема статьи мы рассмотрим лишь его внешние характеристики и особенности.

В своём исследовании мы не можем обойти вниманием вопрос о том, какие конкретно местности и города посещали европейцы. С одной стороны, вызвано это стремлением понять, насколько объективны рассказы иностранцев. С другой, сами иностранцы часто отмечали, что образ жизни жителей в разных краях обширного государства порой существенно отличался. Это было вызвано климатическими и географическими условиями, инокультурными влияниями со стороны соседствующих племён и народов, а также рядом иных причин.

Список городов, разрешённых к свободному посещению иностранцами, долгое время был невелик для пользы властей: так было проще контролировать передвижение чужеземцев. Посещение ими городов зависело, в первую очередь, от цели приезда (посольство, транзит на Восток и т.д.) и, во вторую очередь, от пограничного пункта, в который прибывал иностранец. Таких пограничных городов было немного. Выбор у путешествовавших через Европу ограничивался в основном тремя городами. Прибывали они чаще всего в Псков либо в расположенный южнее на той же, что и Псков, р. Великой г. Опочка. Оттуда европейцы отправлялись в Новгород.

Другой путь пролегал через Нарву и Ивангород – два города, расположенных по разные стороны от западной границы Московского государства, за исключением периода завоевания Ивангорода шведами. Далее путешественники также сначала приезжали в Новгород, затем достигали Твери. Оттуда удобнее было спуститься до столицы по реке.

Добираться до Москвы можно было и северным, морским путём, открытым англичанами в XVI столетии. Из Архангельска отправлялись через Холмогоры, Вологду и Ярославль. Если целью путешествия была не столица, а восточные страны, то от Ярославля плыли до Астрахани Волжской дорогой, проезжая Нижний Новгород, Казань, Царицын. Таким же способом ехали от Москвы на юг и те, кто прибыл в Россию сухопутным путём.

Эти способы передвижения по Московии предназначались для послов и путешественников. Куда большие ограничения налагались на иностранных купцов. У разных авторов мы находим све-

дения по конкретным населённым пунктам, в которых дозволялось торговать иноземцам. Свобода торговли в XVI веке была весьма ограничена: в Москву дозволялось приезжать только литовским и польским купцам, в Новгород - шведским, ливонским и немецким. Право на беспошлинную торговлю в иных городах, помимо Архангельска, смогли получить английские купцы от Ивана Грозного. Они добились беспошлинной торговли в Казани, Астрахани, Нарве и Дерпте и разрешения ездить не только северным путём, но и через Балтийское море. Всем остальным выезжать за Москву запрещалось. Со временем Новоторговый устав 1667 г. окончательно ограничил свободу иностранных купцов. Но, несмотря на это, сведения европейцев в области исследования русских городов поистине бесценны. Соотнося и сравнивая различные сообщения друг с другом, мы можем представить себе достоверный образ как рядового города Московского государства, так и его столицы.

Ещё издали, только подъезжая к городу, европейцы пытаются оценить его внешний вид. Огромное количество церквей и обилие различного рода строений в русских городах делает их обзор весьма привлекательным. Широко известна фраза, сказанная А. Олеарием при описании церквей и монастырей Москвы: «Снаружи город кажется Иерусалимом, а внутри он точно Вифлеем» [1].

При въезде в город почти все иностранцы испытывают большое разочарование. Так, въехав в первый же на своём пути русский населённый пункт, Ян Стрейс, путешественник XVII в., отмечает: «Псков - большой город... Дома сложены из больших бревен и балок без всякой красоты и великолепия. Но издали город благодаря множеству церквей и башен имеет привлекательный вид; внутри же это не что иное, как жалкое гнездо, которое нельзя сравнить даже с самым незначительным городом Нидерландов» [2].

Причин для разочарования было множество. Во-первых, в городах Московской Руси отсутствует вообще какая-нибудь продуманная планировка: дома располагаются хаотично, дворы занимают много места, а понятия «улица» часто не существует.

Во-вторых, все жилые постройки возводятся из дерева и нередко в целях защиты от частых пожаров покрываются дёрном. Такие дома не кажутся европейцам красивыми. Нередко авторы сравнивают их с хлевами и стойлами для домашних животных.

В-третьих, улицы внутри городов грязные и фактически не имеют мостовых. В дождливую погоду или межсезонную распутицу это создаёт огромные затруднения для передвижения как пешком, так и верхом. Даже в Москве настилы имеются в основном лишь на многолюдных улицах. По мнению Стрейса, пересёкшего Россию от Пскова до Астрахани, в городах по всей стране

улицы непроходимы по причине обильных дождей, «такая илистая и скользкая дорога, что тонешь по колено в грязи...»[3].

В целом, мнение европейцев о внешнем виде городских поселений в России можно выразить словами Г.-А. Шлейссингера, описывающего Москву конца XVII в.: издали этот город «кажется очень красивым и даже восхитительным благодаря множеству монастырей и церквей. Но когда подъезжаешь ближе и достигаешь наконец самого города, то на самом деле видишь, что он, как и все русские города, всего лишь плохонькое поселение, устроенное без всякого архитектурного порядка и искусства, ... улицы не замощены камнем, а лишь покрыты деревом»[4]. Впечатления, подобные этому, доминируют в воспоминаниях иностранцев о России.

Что на самом деле представляют собой в это же время европейские города и насколько они отличаются от городов Московского государства, можно представить из работ историков-анналистов Ж. Делюмо и Ф. Броделя. Исходя из их анализа, мы можем сказать, что схожие тенденции свойственны и Европе. Так, Делюмо отмечает, что узкие и грязные улицы её старинных городов становятся рассадником чумы [5]. По свидетельству Броделя, основная часть населения европейских городов живёт в маленьких, теснящихся друг к другу домах. За счёт высоких цен на землю всё жильё – и меблированные комнаты, сдаваемые в наём, и дома ремесленников и купцов – возводятся в несколько этажей. Лишь небольшая часть зажиточных горожан могут позволить себе более-менее «роскошное» жилище, ещё меньшее число людей проживает во дворцах[6]. Но для посещавших Россию иностранцев именно такое жильё служит критерием сравнения.

В отношении облика улиц необходимо отметить, что деятельность по рациональной планировке города в Европе начинается лишь в эпоху Возрождения. С конца XV века города стремятся сделать не только удобными, но и красивыми. Ренессансный образ города, получивший широкое воплощение не столько на уровне практического результата, сколько на уровне идеи, оказывает значительное влияние на оценки европейцами русских городов в целом и жилых построек в частности.

Значимый момент при оценке русских городов – это грязь на улицах, которую так пренебрежительно описывают все иностранцы. Но в самих европейских городах, пусть и тщательно мощенных камнями, грязь была совершенно естественным явлением: «территорию за стенами дома горожане считали свалкой, помойкой и отхожим местом одновременно» [7]. Подобное встретить в русских городах было сложно. Голландец Н. Витсен отме-

чает: за то, что они в Москве мочились ночью из окон на улицы, их могли бы зарубить [8].

Согласно сведениям, приводимым европейцами, возведение домов в России отличается быстротой и малыми затратами. Обилие леса на большей части страны и возможность его скорой доставки в любое место делает строительство зданий относительно дешёвым. Процесс строительства заключается в правильном соединении и скреплении брёвен без гвоздей. При этом дома отличаются крепостью и устойчивостью. У П.Дж. Новокомского данный процесс описывается следующим образом: «Брёвна огромной величины подвозят из леса; когда их сравнивают, то кладут один против другого, соединяют и скрепляют под прямыми углами, через это наружные стены домов строятся с отменной крепостью, без больших издержек и с великою быстротою» [9]. То, что русские строят дома из дерева, а не из камня, европейцы объясняют несколькими причинами. Во-первых, повсеместным распространением лесов. Во-вторых, недостатком каменного материала. И, в-третьих, более здоровой атмосферой внутри таких построек, в которых постоянно поддерживаемая температура препятствует проникновению сырости.

Дома продаются готовыми на рынках, и любой желающий может приобрести себе новый дом. По сведениям многих авторов, в Москве имеется специальный базар, на котором по сходной цене в любой день можно купить готовый дом со всем необходимым. «Поэтому у кого сгорел дом, тот на следующий день может купить себе другой или выстроить новый» [10], - пишет А. Лизек. Правда, со слов иностранцев неясно, имеются ли подобные рынки в каких-либо иных русских городах.

Дома, построенные таким образом, оказываются не только весьма крепкими, но и очень удобными для проживания. Несмотря на ряд недостатков, отмечаемых европейцами, деревянные дома, возведённые без единого гвоздя, с использованием для отделки простых доступных материалов, прекрасно защищают от непогоды, не подвергаются воздействию резкого перепада температур. С. Герберштейн отмечает необычный факт: в русских жилищах у входных дверей низкие притолоки и высокие пороги: «это имеет целью ... сохранить тепло в комнатах» [11].

Постройки россиян относительно низкие и небольшие по площади. Даже у знатных горожан дома малы. Внутри дома можно выделить три части: столовая, кухня и спальня, которые вместимы, но невелики. Большинство же домов вообще не делятся на комнаты, одно помещение сразу служит и кухней, и спальней, в нём и едят, и готовят, и спят, и занимаются ремеслом и рукоделием. По-

добные вещи не удивляют иностранцев, ибо вполне им привычны. Ф. Бродель отмечает преобладание в небольших европейских городах даже среди богатых домов схожего положения, когда дома представляют собой одно просторное помещение, совмещающее в себе функции кухни, спальни, гостиной.

В то же время в домах русской знати подобное весьма редко встречается, так как, согласно обычаю, женщины в знатных семействах ведут затворнический образ жизни. Как следствие, они имеют отдельные покои, доступ в которые постороннему человеку запрещён.

По данным европейцев, многие дома в России выстраиваются в два-три этажа, но даже в этом случае они получаются невысокими. Причина этого заключается в том, что первый этаж, так называемый «подклет», строится чаще всего под землёй, в нём располагаются каморки, кладовые и чуланы, в которых хранится всякая утварь, а порой находится скот. Последний факт вызывает недоумение у иностранцев, так как совместное нахождение людей и скотины в одном помещении способствует разведению грязи. Впрочем, данное явление было не таким уж и экзотическим для самих европейцев: часто в домах простых горожан на первом этаже располагались одновременно и кухня, и мастерская, и сарай для домашних животных.

Немногие дома содержат печи, из которых дым выходит в трубу. В основном все избы отапливаются по-чёрному, когда дым выходит через окна и двери. От этого стены покрыты дымом и сажей, а во время приготовления пищи в таких помещениях практически невозможно находиться. Айрман отмечает, что внутри подобных домов располагается «большой и широкий очаг, которым они пользуются ... для стряпни и обогрева; это относится к простым людям» [12]. Дом с печью, как следует из описаний европейцев, является редкостью и для зажиточных горожан. Дорогие же изразцовые печи появляются в домах богатой знати только в конце XVI века.

Россияне практически не используют стекло в окнах, а вместо окон они употребляют льняной холст, пропитанный маслом, либо бычьи пузыри. В более зажиточных домах применяют вставки из слюды.

Как видим, дома, в которых проживали россияне в исследуемый нами период, были легки в изготовлении и не требовали больших затрат. При этом им была не свойственна вычурность и изящность, привычная для европейца эпохи Возрождения и барокко. Дома были функциональны, просты и отчасти суровы. Даже описывая царский дворец, построенный из камня, иностранцы

удивляются его простоте: «Дворец царя... как по постройке, так и по внешнему виду и внутреннему устройству далеко не так роскошен, как те, что я видел раньше» [13] - свидетельствует Р. Ченслор.

Каменные здания горожане начинают активно возводить лишь в XVII в.. Невилль описывает дворец князя В. Голицына как одно из самых роскошных зданий в Европе и отмечает, что «всё это до того понравилось боярам и народу, что во время его управления в Москве было выстроено более 3000 каменных домов» [14]. Число же жителей в Москве при этом, по сведениям самого Невилля, насчитывается до полумиллиона, что указывает на весьма скромную долю каменных построек.

Г.-А. Шлейссингер связывает начало строительства каменных зданий не с именем Голицына, а с именем правящего до этого царя, по всей видимости, Фёдора Алексеевича: «Он добился того, что в город было завезено большое количество камней. Те, кто хотел жить в городе, обязаны были строить себе новые каменные дома, а деревянные сносить» [15]. Данное нововведение касается исключительно Москвы. Остальные города до петровских реформ остаются по преимуществу деревянными.

Серьёзные изменения в XVII столетии происходят и в отношении расположения домов. При строительстве пытаются соблюдать подобие улиц, а дома украшают садами. Мы встречаем сведения, что уже во второй половине XVI в. в Москве улицы широки и прямы, имеется много обширных площадей, появляются сады. С. Герберштейн отмечает, что Москва выглядит обширнее, чем есть на самом деле, благодаря просторным садам и дворам «при каждом доме» [16]. Интересный факт сообщает Я. Стрейс: «Недавно вошли в моду цветы. Прежде смотрели на них как на пустяки..., но с некоторых пор нет дворянина, у которого не росла бы большая часть цветов, свойственных климату Европы...» [17].

Кроме собственно жилищ европейцы стремятся описать все увиденные постройки. Правда, иногда это бывает сложно сделать, так как большинство иностранцев не допускают в православные церкви, и всем без исключения европейцам запрещается рассматривать крепости и иные оборонительные сооружения русских городов. Поэтому иностранцам часто приходится довольствоваться лишь беглым внешним обзором. Однако это редко останавливает изобретательных путешественников и членов посольств, и сегодня многие планы и виды крепостей и городов XV – XVII вв. мы можем видеть благодаря сделанных ими рисункам. Самые точные изображения появляются в XVII в. и принадлежат голландским путешественникам и Олеарию.

Проницательным взглядом охватывают иностранцы и другие элементы городской архитектуры, выискивая, в первую очередь, то, что чего нет, или то, что неизвестно им самим. Непривычным, например, было отсутствие общественных мельниц, на что обращают внимание некоторые авторы. Впрочем, Ерлезунда свидетельствует о существовании «прекрасной мельницы» в устье Неглинной [18], но это воспринимается, скорее, как исключение из правил.

В описываемые нами времена путешественники обращали внимание на то, что могло восприниматься как чудо. Чудесного в русских населённых пунктах было много. С восхищением европейцы описывают различные сооружения, украшающие русские города: великолепные церкви и колокольни, необычные орудия и т.д. Удивительными кажутся приспособления для перекрытия улиц Москвы в ночное время: «На всех улицах построены решётчатые ворота, дабы никто вечером или ночью не мог через них проехать» [19].

Европейцев приводят в изумление рынки, для которых отводятся специальные места - как внутри крепостных стен, так и за их пределами. Авторы подробно перечисляют, какие товары можно приобрести и на какой улице (подобных улиц – рядов на Китайгородском рынке, например, насчитывается 20). «Замечательно, - пишет Зани, - что для каждой специальности назначен свой ряд...; всякое ремесло и производство имеет отдельное место» [20]. Европейцы отмечают удобство и лёгкость подобного устройства рынков, так как любой человек может всегда быстро найти необходимый товар. Достоинство подобных рынков заключается ещё и в том, что на них не только продаются товары, но и предлагаются услуги ремесленников и мастеровых, и к тому же отсутствуют жилые постройки во избежание пожароопасных ситуаций. В Москве же по всему городу можно найти рынки с товарами первой необходимости.

Таким образом, мы можем констатировать, что, благодаря воспоминаниям европейцев, мы можем составить полноценную картину жизни средневекового города Московского государства. Содержащие подробную информацию, часто снабжённые иллюстрациями, произведения иностранцев помогают понять и воспроизвести действительность, эпоху и время.

Примечания

1. Олеарий, А. Новое описание путешествия на Восток... [Текст] // Иностранцы о древней Москве. – М., 1991. – с. 317.
2. Стрейс, Я.Я. Три путешествия [Текст]. – М., 1935. – с. 147.

3. Стрейс, Я.Я. Три путешествия [Текст]. – М., 1935. – С. 159.
4. Шлейссингер, Г.А. Полное описание России [Текст] // Вопросы истории, 1970. №1. – С. 107.
5. Делюмо, Ж. Цивилизация Возрождения [Текст].- Екатеринбург, 2006. – с. 299.
6. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. [Текст]. – М. – С. 251-253.
7. История искусства: Ренессанс [Текст]. – М., 2003.- С. 171.
8. Ножникова, З. Загадочная Московия. Россия глазами иностранцев [Текст]. – М., 2010. – С. 390.
9. Новокомский, П.Дж. Книга о московском посольстве [Текст] // Иностранцы о древней Москве. – М., 1991. – С. 18.
10. Лизек, А. Сказание о посольстве к великому царю Московскому [Текст] // Иностранцы о древней Москве. – М., 1991. – С. 364.
11. Цит. по: Ножникова, З. Загадочная Московия. Россия глазами иностранцев [Текст]. – М., 2010. – С. 398.
12. Айрман, Г.М. Краткое изложение московского путешествия [Текст] // Иностранцы о древней Москве. – М., 1991. – С. 346.
13. Ченслор, Р. Книга о великом и могущественном царе России и князе московском [Текст] // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. – Смоленск, 2003. – С. 443.
14. Невилль Де ла Любопытные и новые известия о Московии [Текст] // Россия XV - XVII в. глазами иностранцев.– Л., 1986. - С. 517.
15. Шлейссингер, Г.-А. Полное описание России [Текст] //Вопросы истории, 1970. №1. – С. 107.
16. Герберштейн, С. Записки о Московии [Текст]. – М., 1988. – с.132.
17. Стрюйс, Й.Й. Путешествие по России голландца Стрюйса в 1668 г. [Текст] // Иностранцы о древней Москве. – М., 1991. – С.373.
18. Цит. по: Ножникова, З. Загадочная Московия. Россия глазами иностранцев [Текст]. – М., 2010. – С. 399.
19. Штаден, Г. Записки о Московии. В 2-х тт. [Текст]. – М., 2008. – Т. 1. – С. 169.
20. Зани, Э. Реляция о путешествии в Московию [Текст] // Иностранцы о древней Москве. – М., 1991.– С. 357.

В.Н. Иванов

Стилевые особенности храмовой архитектуры провинции: ярославский классицизм

В середине XVIII века в России, находящейся под влиянием просветительских идей, менялись не только умонастроения людей, но и, как их показатель, образ жизни в целом. Инициированное Екатериной Великой массовое переустройство городов и сел, а также рост числа дворянских гнезд и возведение отдельных храмов в небольших поселениях, являлись одним из наиболее важных результатов реализации просветительских программ, придавшего России, в итоге, совершенно иной облик.

В таком случае, логично предположить, что главным путем восприятия классицизма как архитектурного стиля является его рассмотрение в качестве явления, жестко регламентированного государством. Тем не менее, необходимо принять во внимание территориальный фактор проводимой программы. Если в Москве и Санкт-Петербурге «чистота стиля» соблюдалась, то в провинции даже наличие образцовых проектов не спасало от его «оригинальной» трактовки. Архитекторы, нередко являвшиеся самоучками, привносили в его стилистику привычные их глазу элементы или свободно (чтобы не сказать безграмотно) интерпретировали присущие ему элементы. В селах ситуация вообще приводила к чрезвычайно вольным трактовкам стиля. Данную тенденцию, относящуюся как к светским, так и к культовым постройкам, нельзя считать порочной, но даже наоборот – интересным для исследования материалом, раскрывающим особенности трансформации стиля в провинции.

Таким образом, обилие на территории Ярославской области храмов начала XIX века и вплоть до 1830-х гг. с типичными для барокко декоративными элементами видится вполне объяснимым явлением. И это несмотря на то, что официальной датой отсчета развития «нового» стиля в тогдашнем губернском городе Ярославле принято считать 1778 год.

Не только барочные, но и характерные для древнерусского зодчества элементы в разной степени проявления переплетались с классицистскими архитектурными приемами. В итоге утверждать, что русский стиль и барокко окончательно умерли в XIX веке, также как и говорить об их активном существовании с приходом классики, бессмысленно.

Ниже мы классифицировали 377 храмов Ярославской области, в декоративном и композиционном планах решенных с опо-

рой на классицизм. Данные сооружения составляют следующие группы: 1) 11 храмов-ротонд; 2) 56 храмов с барабаном-ротондой; 3) 57 храмов по типу «восьмерик на четверике»; 4) 186 «кубических», крестово-купольных храмов; 5) 46 достраиваемых или перестраиваемых в эпоху классицизма более ранних храмов; 6) 21 проект с оригинальными чертами, не входящими в состав вышеуказанных групп.

Классификация. Во второй половине XVIII века, как и ранее, православная церковь являлась частью государственной системы, что возводило богослужение в ранг официального ритуала. В итоге, храм в равной степени являлся воплощением как культового, так и светского начала. Неудивительно, что классицистский храм, при мысленном удалении пятиглавия и апсид, скорее походил бы на обычную гражданскую постройку своего времени. Таковыми и являлись «**кубические**», зачастую предельно простые в плане церкви, не являющиеся новшеством архитекторов классицизма.

Активно использовался архаичный тип построения церкви «кораблем», распространенный в Петербурге и Москве на раннем этапе формирования классицизма, чего не скажешь о провинции с подавляющим большинством проектов, тяготеющих в плане к квадрату или равноконечному кресту. Исходя из двух последних вариантов и выбирался способ постановки глав: по углам четверика – распространенный прием, известный с конца XVII века; или над ветвями креста. Данный тип постройки соответствовал основам стиля классицизма: предельная схематичность и геометричность форм.

В противовес «кубическим» храмам, классицистские **храмы-ротонды** стали абсолютным новшеством для России. Некоторые из них по формам и объемам близки к проекту виллы-ротонды, созданному А. Палладио – архитектором эпохи Возрождения, классифицировавшим и охарактеризовавшим ордерные системы, расчеты которых впоследствии лягут в основу классицизма. Конечно же, форма круга использовалась в культовом строительстве и ранее. Эту архитектурную форму знали и в античности, и в средневековье, но в классицистскую архитектурную традицию Европы, а следом и в Россию, она вошла именно благодаря А. Палладио, став частью стилистики «палладианства» эпохи Просвещения.

Вопросы о символическом значении формы круга и возможности его использования в культовом строительстве включены в работу А. Палладио «Четыре книги об архитектуре». Солярная символика круга, с одной стороны, отсылает к опыту античной культуры, с другой – к космической сущности и христианской идее. Сам А. Палладио определял круг как «совершеннейшую и

превосходную» форму, в которой нельзя найти угла или конца, но можно узреть лишь бесконечную сущность, единство и справедливость Бога [9].

Ротондальный объём «палладианского» храма дополнялся, как правило, одной апсидой, притвором или трапезной, в некоторых случаях портиками с запада, юга, севера, реже – с восточной стороны. В провинции это один из наиболее редко встречающихся видов храма, что делает каждый осуществленный проект наиболее интересным для исследования.

В российских реалиях храмы-ротонды неизбежно подвергались модификациям. Погодные условия не позволяли реализовать при строительстве вид «римского» окна-опайона, однако привели к появлению купола с двойными стенками. Такая технология своеобразно заменила опайон: свет, проходя через стенки наружного купола, освещал расписное небо внутреннего. Более простой вариант – постройка небольшого светового барабана и симметричное размещение у основания свода люкарн (церкви Михаила Архангела в с. Горе-Грязь (1809 г., Гаврилов-Ямский район) и Рождества Пресвятой Богородицы в с. Новополево (1808 г., Даниловский район)).

Церковь Сергия Радонежского в Татищевом Погосте (1810 г., Ростовский район), близкую по стилистике к работам Н.А. Львова, с которым был знаком заказчик, без преувеличения можно назвать одним из лучших храмовых классицистских сооружений подобного рода на территории Ярославской области. В декоративном убранстве церкви чувствуется рука талантливого архитектора, попытавшегося соблюсти и пропорции ордера, и соразмерность объемов элементов всей композиции. В верхней части ротонды расположены распространенные в архитектуре со второй половины XVIII века полуциркульные оконные проемы, а с северной и южной сторон ротонды – портики со спаренными колоннами. Западный портик «пропал» при пристройке трапезной, соединившей храм с колокольной. Такие же портики применены в храме-ротонде Казанской Иконы Божией Матери с. Кузьма-Демьян (1801 г., Некоузский район, усадьба Соковниных) – образцовом сооружении, также ассоциирующемся с проектами Н.А. Львова.

Церковь Леонтия Чудотворца в с. Фатьяново (1794, Ростовский район) наиболее отличается от всех ротондальных храмов Ярославщины. Высокая и стройная ротонда – со спаренными полуколоннами между световыми окнами, поставленными на нижний ярус. Здесь также соблюдены пропорции и состав ордера: полуколонны поддерживают трехчастный антаблемент. Это единственный храм в Ярославской области, которых сохранил парные башенки-колоколенки с миниатюрными барабанами и ритмичной

расстановкой полуколонн. Храм относится к типу двухколоколенных, примеры которого редки в провинциальной архитектуре. Так, Ярославская область, помимо указанного, имела ещё две подобных церкви – Казанской Иконы Божьей Матери в с. Богородское (совр. Карабиха) и Ильинско-Тихоновская в Ярославле на Волжской набережной. Однако первый из них не сохранился, а башенки на втором были разобраны в советское время.

Оформление небольших барабанов под главками полуколоннами или пилястрами – распространенный прием, но замена барабана целиком колоннами – весьма редкое явление. В Ярославской области такие «барабаны» поставлены на своды церквей Казанской Иконы Божией Матери в с. Заячий Холм (1814 г., Гаврилов-Ямский район) и Рождества Пресвятой Богородицы с. Григорьевского (1809 г., Ярославский район).

Использование формы круга привело и к причудливым модификациям некоторых элементов сооружения, что сообщило постройкам еще больший оттенок провинциальности и оригинальности. Так, в церкви Знамения с. Покров (1823 г., Любимский район) значительно скруглены стены трапезной, а в церкви Казанской Иконы Божией Матери с. Чурилово (1807 г., Любимский район) использована полуротонда со стороны западного входа в храм.

Храмы с использованием **барабана-ротонды**, поставленного на четверик, обладают не менее высокой степенью воздействия на человека. Декоративное оформление и соотношения таких барабанов с размерами четверика разнообразны – от очень приземистых (церкви Преображения Господня в с. Петровск (1834, Ростовский район), Покрова Пресвятой Богородицы в с. Малая Брембола (1842, Переславский район)) до превышающих высоту колокольни (церковь Покрова Пресвятой Богородицы в с. Алферьево (1814, Переславский район)), от аскетичных – с круглыми световыми окнами без обрамления до богатых – с обильно расставленными по кругу полуколоннами.

В Ярославской области встречаются пятиглавые храмы с барабанами-ротондами: Владимирской Иконы Божией Матери в с. Харинское (1830 – 1832 гг., Мышкинский район), Успения Пресвятой Богородицы в Мышкине (1805 г. – 1820 г.), Воскресения Христова в с. Остров (1782 г., Гаврилов-Ямский район), Сошествия Святого Духа в с. Новое (1829 г. – 1853 г., Переславский район), Спасо-Преображенской в Рыбинске (1851 г.). В последних двух все пять барабанов – световые, а в церкви Успения Пресвятой Богородицы в Мышкине, построенной по проекту И. Манфрини, угловые барабаны, расставленные над скругленными углами четверика, оригинально вписаны в вертикаль церкви.

Еще одним распространенным способом построения композиции классицистских храмов является «**восьмерик на четверике**». Подобный тип сооружений, как и «кубические» храмы, нельзя называть новшеством. В древнерусском зодчестве «восьмериковые» храмы были обусловлены необходимостью увеличения внутреннего пространства и считались древними, традиционными. Но тип «восьмерика на четверике» начинает распространяться лишь со второй половины XVII века, приходит и в каменное зодчество. Однако во второй половине XVIII века мы тоже можем встретить единичные примеры строительства каменных «восьмериковых» храмов в Ярославской области, например, выстроенная в 1776 году на средства И.В. Дедюлина, тяготеющая к стилю классицизма церковь Спаса Нерукотворного Образа в селе Ратмирово Тутаевского района.

Тип «восьмерика на четверике» активно используется в церквях стиля московского барокко и впоследствии классицизма. Преимущество такой композиции заключается в сохранении вертикальной оси сооружения и дальнейшем удобном расширении храма пристройками.

В композиции церковей Спаса Нерукотворного Образа (1810 г., с. Ключевая, Любимский район) и Вознесения Господня (1882 г., с. Никульское Даниловского района) – пять восьмериков, в последней из которых угловые главки-восьмерики расположены над скругленными углами куба. Церковь Рождества Пресвятой Богородицы в с. Парфеньеве (1809 г., Любимский район) – единственная с сочетанием круга и восьмерика в границах двухъярусного широкого барабана: нижний ярус – восьмерик, верхний – ротонда.

В конце XVIII в. – XIX в. по-прежнему продолжают активно **доставляться церкви** согласно канонам нового стиля. Основной набор видоизменений прежний – приделы, трапезная, притвор, трансформация колокольни.

К отдельному виду классицистских храмов стоит отнести и **приусадебные церкви**: они могли быть разнообразны по композиции и планировке, нередко являлись фамильными или личными мавзолеями. Один из наиболее известных в Ярославле ансамблей, включавших в себя светскую и культовую архитектуру, находится на Ильинской площади, подобные распространенные сочетания разнофункциональных построек мы встречаем и в загородных имениях, при этом стоящие на оси церковь и жилой дом являются равноправными доминантами.

К таким ансамблям мы относим усадьбы Тишининых (с. Тихвино-Никольское, Рыбинский район), Ниловых (с. Козлово, Некоузский район), Горохова (с. Алексейцево, Ярославский район). Визуально приусадебные храмы невысоки, формируют сим-

метрию и ансамблевость, лишь слегка возвышаются над жилым домом, нередко скрываясь под кронами разросшихся парковых или кладбищенских деревьев. Их колокольни, в некоторых случаях даже трёхярусные, гармонично вписаны в архитектуру комплекса. Например, ротонда церкви Благовещения Пресвятой Богородицы (1782 г.) в усадьбе Ниловых расширена и приземиста, а двухярусная колокольня едва ли возвышалась над несохранившимся главным домом усадьбы, от которого к храму ведет аллея.

Зачастую приусадебные храмы вписывались в Г-образную архитектурно-парковую композицию, третьим элементом которой становился соразмерный длине стен постройки пруд. В усадьбе Тишиных церковь Тихвинской Иконы Божией Матери (1784), предположительно построенная по проекту М.И. Махаева, поставлена практически вплотную к главному дому.

Весьма оригинальны и **лепестковые** храмы. Они иначе организуют пространство, нежели все вышеуказанные: сочетание округлых форм усиливает вертикальную динамику сооружения. В Ярославской области такие сооружения редки: это трёхлепестковая церковь Спаса Нерукотворного Образа с. Кинтаново (1809 г., Любимский район), каждый лепесток которой завершается барабаном-ротондой, и четырёхлепестковая церковь Живоначальной Троицы с. Верхнее Никульское (1806 г., Некоузский район).

Специфика классицистских храмов Ярославской области заключается и в активном использовании архаики, и в трансформации ордерных систем, и в оригинальных декоративных решениях. Переплетения разнотилевых оттенков и провинциальных трактовок архитектурных приемов сообщают постройкам особенность, уникальность, развеивают обывательские представления о классицизме как сухом стиле, приводят к необходимости глубокого и многогранного анализа.

Библиографический список

1. Краткие сведения о монастырях и церквях Ярославской епархии [Текст]. – Ярославль : Типография Губернской Земской Управы, 1908.
2. Куприянов, А.И. «Городская культура русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX века» [Текст] / А.И. Куприянов // Серия «Российское общество. Современные исследования». – М. : Новый хронограф, 2007.
3. Лётин, В.А. Историко-культурный контекст строительства храма Казанской иконы Божьей Матери в имении Толочановых под Ярославлем [Текст] / В.А. Лётин // Материалы XV Голицынских чтений, материалы Троицких чтений. – Большие Вязёмы, 2008.

4. Лётин, В.А. Семантика основной планировочной идеи Ярославля [Текст] / В.А. Лётин // Алмазовские чтения. – Ярославль : Ремдер, 2004. С. 146-152.

5. Лётин, В.А. Ярославль: город эпохи Просвещения [Текст] / В.А. Лётин // Исторический город русской провинции – культурный универсум: научный сборник (сборник научных трудов. Часть 2). – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2009.

6. Маров, В.Ф. Ярославль: Архитектура и градостроительство [Текст] / В.Ф. Маров. – Ярославль : Верхняя Волга, 2000.

7. Овсянников, С.Н. Ярославский губернский архитектор П.Я. Паньков: творческая личность в контексте среды и эпохи. Автореферат [Текст] / С.Н. Овсянников. Автореферат на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. Спец. 24.00.01 – теория и история культуры. – Ярославль, 2006.

8. От мифа к проекту. Влияние итальянских и тичинских архитекторов в России эпохи классицизма [Текст] / под ред. Тедески Л. и Навоне Н. – СПб, 2004.

9. Палладио, А. Четыре книги об архитектуре. Кн. 4 [Текст] / А. Палладио. – М., 1936. – С. 7.

10. Пилявский, В.И., Славина, Т.А. История русской архитектуры [Текст] / В.И. Пилявский, Т.А. Славина. – СПб : Стройиздат, 1994.

11. Путятин, И.Е. Образ русского храма и эпоха Просвещения: Монография [Текст] / И.Е. Путятин. – М. : Гнозис, 2009.

12. Ткачев, В.Н. История архитектуры [Текст] / В.Н. Ткачев. – М. : Высшая школа, 1987.

13. Русский классицизм второй половины XVIII – начала XIX века [Текст] / под ред. Поспелова Г.Г. – М. : Изобразительное искусство, 1994.

14. Шиманская, М., Метелица, С. Монастыри и храмы земли Ярославской Т. 1: Архиерейский дом. Монастыри и храмы Ростова и Ростовского района; Большое Село – Данилов [Текст] / М. Шиманская, С. Метелица. – Рыбинск : Рыбинский Дом Печати, 2000.

15. Шиманская, М., Метелица, С. Монастыри и храмы земли Ярославской Т. 2: Переяславль-Залесский, Любим, Мышкин, Некоуз, Некрасовское, Пошехонье, Пречистое, Романово-Борисоглебск [Текст] / М. Шиманская, С. Метелица. – Рыбинск : Рыбинский Дом Печати, 2000.

16. Шиманская, М., Метелица, С. Монастыри и храмы земли Ярославской Т. 3: Ярославль, Рыбинск, Молога, Углич [Текст] / М. Шиманская, С. Метелица. – Рыбинск : Рыбинский Дом Печати, 2001.

17. Ясюнас, Б. Б. Старинные парки Ярославской области: Усадебные. Городские. Монастырские [Текст] / Б.Б. Ясюнас. – Ярославль, 2007.

УДК 008(091)

М.В. Болдырева

Опыт типологизации декора окон деревянных домов частного сектора Ярославля

Деревянная застройка старинных русских городов — уходящая натура. Деревянные дома с их неисчислимым разнообразием декора окон, торцов бревен, ворот практически исчезли из сегодняшнего городского пейзажа. Экономические, демографические, культурные факторы обуславливают застройку территорий частного сектора высотными домами. При этом исчезают образцы домов, характерные для конкретного региона, города, района (или слободы). Для исследователей деревянных некультовых строений сегодня важно выполнить две задачи в краткий срок: зафиксировать и описать строения, которые подлежат сносу. В первую очередь это относится к домам частного сектора в черте города, затем подобную работу необходимо проделать и с домами «мертвых» деревень района и лишь после этого следует исследовать жилые деревянные дома. Нам видится это единственным способом сохранения черт деревянной архитектуры нерелигиозного назначения. Мы исследуем декор деревянных строений частного сектора Ярославля именно с этой целью. В данной работе в качестве материалов исследования мы выбрали декор окон: наличник, так как это наиболее яркая и чаще прочих сохраняющаяся деталь декора деревянного строения. Задачами исследования стали: 1) фиксация декора окон деревянных строений слобод Ярославля, 2) выбор одной из возможных классификаций, используя которую стало бы возможно определить основные типы декора окон деревянных домов в черте города.

Необходимо оговорить сложности, с которыми сталкивается исследователь при классификации декора деревянных строений вообще (и окон в частности).

- Хрупкость дерева. Деревянный дом живет около ста лет. Сохранность же декоративных элементов часто бывает гораздо хуже, чем сохранность самого сруба. Эта проблема частично компенсируется «симметричностью» декора: при наличии хотя бы одного наличника, пусть даже поврежденного, исследователь может восстановить изначальный рисунок резьбы.

• Подлинность: эта проблема касается в большей мере тех исследователей, которые видят своей целью изучить декор строения какого-то конкретного временного отрезка. Возраст наличника определить довольно сложно. Например, на домах в центре Ярославля мы можем увидеть наличники, снятые с разрушенных домов, а также воссозданные утраченные наличники. Во втором случае говорить о подлинности наличника не имеет смысла.

• Невозможность создания целостной картины художественного решения декора деревянных домов. К настоящему моменту утрачены многие примеры деревянного некультового зодчества, которые ещё век назад формировали красную линию улиц Свободы, Большой Федоровской, Большой Октябрьской и др. Единственным возможным способом восстановления декора этих домов является работа в архиве со старыми фотографиями и сравнительный анализ результатов этой работы с классификацией, которую мы представим в настоящей работе.

В данной работе мы представляем именно опыт классификации, не окончательный, так как не исследованы утраченные дома, а также некоторые дома в черте города, по той или иной причине не попавшие в поле нашего исследования. А без анализа их декора нам не представляется возможным утверждение какой-либо классификации. Таким образом, данная классификация может служить основанием для расширения и уточнения в будущем.

Мы рассматривали несколько вариантов оснований для классификации:

- а) по времени создания наличника (дома),
- б) по географическому положению дома с данным наличником,
- в) по стилевым чертам наличника.

Первое основание классификации нам представляется недостаточно достоверным, так как мы могли знать лишь дату строительства дома, которая тоже не всегда точна (например, если на месте сгоревшего дома строят новый, ему соответствует старый адрес). Помимо этого, накладные декоративные элементами, какими и являются наличники, могли сменить за время существования дома). Географическое положение дома — это важный фактор, именно поэтому Н.В. Дутов в своей монографии «Ярославские слободы» [7] пишет о различии экономической и культурной жизни слобод города. Мы учитывали географический фактор при работе с эмпирическим материалом, это помогло на этапе сбора материала, его анализа с точки зрения социально-экономической ситуации в той или иной части города. Мы используем материалы, собранные в Норском районе города (бывшее село Норское),

Красноперкопском районе (Забелицы, Починки и другие слободы), Фрунзенском районе (часть так называемой Суздалки), жилым массиве Тверицы (бывшая Тверицкая слобода), а также в центре города Ярославля, где ещё сохранились отдельные примеры некультового деревянного зодчества.

Первый опыт классификации был представлен нами в статье «Преломление основных тенденций стиля модерн конца XIX – начала XX вв. в декоре усадеб частного сектора Ярославля» [5]. Но в этой статье проанализированы лишь наличники, отнесенные нами к стилю модерн рубежа веков и упоминаются наличники советского периода. Между тем, наличники, созданные в советское время, также обладают, на наш взгляд, своими оригинальными чертами, которые следует рассмотреть отдельно. Кроме того, нам хотелось бы уточнить классификацию наличников стиля модерн.

Таким образом, мы выделяем три большие группы наличников: традиционные, наличники стилей рубежа XIX – XX вв., советские наличники.

Первый тип — *традиционные наличники* — это наличники, декоративные элементы которых имеют ярко выраженную языческую семантику, которая была важна для людей издавна. Окно, как и двери, выполняло не только практическую функцию. Исследователь А.В. Турчин говорит о сложности функции окна по отношению к его форме: «...функция окна сложна и многосоставна, а форма у окна одна. Поэтому все составляющие функции окна должны найти некий компромисс или синтез в форме окна» [15]. Какие же функции окон, помимо практической (обеспечение обзора, проникновение в помещение света, вентиляция), можно выделить? Защитная функция окна связана с качеством проницаемости: окно должно позволять наблюдать то, что находится снаружи дома, но не позволять посторонним людям смотреть в дом, помимо этого, окно может быть связано с проникновением в дом злых духов (навий: мертвецов, упырей) и других мифологических существ [12, с. 462-463]. Это представление связано с анимистическим мышлением древних славян. Именно оно обусловило строение наличника, ставшего разновидностью оберега. Часто наличник выражал общие представления человека о мироздании: о цикличности жизни (смена дня и ночи, времен года и т.д.). Помимо этого, нельзя забывать об эстетической функции: наличник — украшение окна и всего дома. Учитывая эти положения, мы анализируем наличники традиционного типа, обнаруживая у них ярко выраженную символику традиционных мотивов: солярные знаки, так называемые «небесные хляби» (символы воды), знаки земли и почвы, а также зооморфные, орнитоморфные, растительные, антропоморфные и тератологические (чудовища,

драконы) знаки. Исследователь Б.А. Рыбаков отмечает, что для ярославской земли характерен такой вид наличника, когда двускатное или арочное завершение наличника обрамлено с обеих сторон фигурами (продолжающими боковые тяги наличника), изображающими более или менее явно женщин (берегинь, богинь плодородия). В середине такого завершения располагается полукруг (солярный знак), часто с четырьмя расположенными крестом кринами-ростками, а над ним — «хляби небесные» (волно- или зигзагообразные). Рыбаков отмечает, что со временем женские фигуры, располагающиеся по бокам от солярного знака, обретали черты растительных знаков, теряя свой первоначальный смысл: плодородие, воспроизведение природы и т.д. (они изображались беременными). Иногда вводилась и третья фигура, над солнцем, но её очертания были ещё более размыты по сравнению с очертаниями боковых женских фигур. Следуя именно этому описанию, мы искали наличники, которые возможно было бы отнести к традиционному типу. Они в Ярославле действительно есть, но их довольно мало. Мы объясняем это древностью традиции (мы наблюдаем сегодня наличники не древнее 100 с небольшим лет) и наслоением других стилей — особенно стилей рубежей XIX и XX вв., которые повлияли на традицию. Кроме этого, советские наличники, которые мы также анализируем, значительно упростили традиционные узоры. Неосознанное символика резных украшений наличника привело к тому, что у наличников дома на улице Большая Луговая резное завершение во все скрыто причелиной. Конечно, в таком случае ни о какой охранительной функции наличника речь не может идти. И все же к традиционным наличникам (по стилю, не по датировке!) мы отнесли наличники домов Вторая Новостройка, 12, 15, 19, Овинная, 20, Воровского, 17, Фабричная, 32 (все эти дома имеют схожие наличники — пара берегинь, увы, не везде сохранившихся, арочное завершение, растительный орнамент), Лекарская, 39, Наумова, 9 и 27 (дома имеют сходные наличники: двускатное несомкнутое завершение и симметричные накладные резные фигуры — птицы и драконы соответственно), Войкова, 11 (двускатные наличники, солярные знаки завершения и завершения — круги с «лучами» на одной половине дома, со звездой — на второй, две фигуры растительного орнамента на месте берегинь), Подгорная, 38 (солярная символика в завершении и в завершении — карнизе — наличника: вверху — полукруг, внизу — круг, декорированные вырезанными желобками, вместо фигур-берегинь — растительный орнамент), Базарная, 34 и 36 (практически идентичные наличники, на завершении которых изображены две ласки; этот хищный зверек, которому приписывались магические способности, должен был отгонять хищников от дома,

оберегать скот [6, с. 36]), Большая Луговая, 43 (судя по всему, советский наличник, который, прочем имеет две фигуры-берегини, венчающие боковые тяги и растительный узор треугольного фронтона на завершения), Вторая Полянская, 20 (арочное на завершение, фигуры-берегини в центре — фигура, похожая на человека, поднявшего руки к небу, или на тройной цветок). Наличников такого типа оказалось довольно мало. Возможно, это связано, помимо общей тенденции к уничтожению построек частного сектора, с утратой понимания семантики традиционного славянского наличника или же с тем, что в городе были в моде иные стили.

Наличники эпохи модерн — рубежа XIX – XX вв. — шире представлены в черте города Ярославля ещё и потому, что к стилю модерн мы относим несколько разновидностей наличников: собственно модерн, ретроспективизм (неоклассицизм), романтический модерн и его национальные варианты (псевдорусский (неорусский, русский), швейцарский, стиль северного модерна).

Модерн — стиль, отголоски которого пришли из Европы в российские столицы, затем в провинциальные города, который распространился повсеместно. В частном секторе Ярославля, в слободах, мастера получали заказы на создание наличников нового типа, который быстро вошел в моду. В Тверицах, Заволжских слободах, в домах в глубине улиц и в домах, выходящих фасадами на Тверицкую набережную, одинаково органично смотрится адаптированный к материалу (древесине) и антуражу (наличник стиля модерн украшает избу) резной декор, созданный век назад. Следует уточнить, что классификация наличников стиля модерн в данной статье не совпадает с классификацией, разработанной нами в статье «Преломление основных тенденций стиля модерн конца XIX – начала XX вв. в декоре усадеб частного сектора Ярославля» [5]. Эта корректировка связана с расширением эмпирического материала, изменением задач исследования (именно поэтому мы ввели тип традиционного наличника, тогда как в названной выше работе мы классифицировали наличники исключительно по стилистическим особенностям модерна), а также уточнением возможности экстраполяции терминологии и классификации стилей каменной на деревянную некультовую архитектуру.

Собственно модерн в наличниках имеет следующие стилистические черты: утяжеленная форма (боковые тяги такого наличника имеют утолщение, плавно нарастающее к нижней части, что напоминает каплю или грушу), дугообразное (более или менее выпуклое) резное на завершение, отделяемое от рамы окна плоским карнизом. С двух концов карниза симметрично расположены маленькие колонны или пилястры, венчающие боковые тяги. Декор боковых

тяг тоже довольно типичен – это, как правило, сочетание трех параллельных горизонтальных линий или круга с подвесками (так называемые «макароны»). Эти «макароны» часто можно встретить непосредственно над и под рамой окна. Вместо традиционных в русском деревянном зодчестве «полотенец» закругленные нижние края наличника декорируются иногда резными секторами со стилизованным растительным орнаментом. Все наличники такого типа имеют стилизованные, в виде волны, приставные элементы декор: «уши», придающие декору объем (они парные, расположены под прямым углом). Нередко встречаются и подвесные элементы в виде колец-серег, крепящихся к верхнему карнизу, что также довольно необычно для традиционного русского декора. К наличникам такого типа мы отнесли наличники следующих домов: Тверицкая набережная, 21, 16, 22, Четвертая Тверицкая, 26, Пятая Тверицкая, 11, Маяковского, 20, 22, 24, 36, Союзная, 31, 50, 67, 71, 101, Стопани, 39, пр.Авиаторов, 21-г, Овинная, 10 (второй этаж), Демьяна Бедного, 1. Ярким и близким по стилю, но тяготеющим к эклектике является дом 13-в по Второй Бутырской, с массивным трехчастным навершием в виде стилизованных капителей.

Наличники в стиле *ретроспективизма*, а именно *неоклассицизма* реже встречаются в Ярославле. Надо уточнить, что эта классификация весьма условна, потому что неоклассицизм вообще характерен для каменной архитектуры. В отношении ретроспективизма (неоклассицизма) в применении к ярославским наличникам нужно сказать, что мы не обнаружили ярких примеров с ордерными колоннами на месте боковых тяг, например. И все же дома, наличники которых имеют скромное лаконичное решение, двускатное навершение на фоне прямоугольной рамы (фронтон), а также особый вид наличников, двускатное навершение которого утяжелено тремя массивными стилизованными капителями (неордерными), мы отнесли именно к этому стилю. Адреса таких домов: Тверицкая набережная, 88, Союзная, 47, 109, Бахвалова, 58, Овинная, 43, Захарова, 35-22, 59, Тулупова, 28, Первая Новостройка, 10, Большая Федоровская, 17, 19-а, Лекарская, 12, 34, 36, 37, 38, Носкова, 15.

Нетрудно заметить, что схожие по стилю наличники часто соседствуют. Это не случайно: в слободах работали артели резчиков, выполнявшие заказы, заказы были типовыми (наличники делались по одним лекалам, по моде того времени). Возможно, это одно из проявлений характера русского человека, желающего не отстать, быть как все, но чуть лучше (этим, мы полагаем, объясняются несущественные различия в декоре домов частного сектора).

Наличники стиля *романтический модерн* представлены в Ярославле тоже не столь широко, но все же мы назовем их. К таким

наличникам относим наличники в псевдорусском (неорусском, русском) стиле: они богаты отсылками к русскому фольклору. Одним из лучших примеров такого стиля могут служить наличники нынешнего Центра Белорусской культуры (Музей М. Богдановича), Чайковского, 21. Наличники такого типа имеют очертания избы, скаты крыши которой завершают полотенца. Эти наличники, как правило, окрашены белой краской, либо вовсе не окрашены. Они могут быть декорированы традиционными орнаментами, но довольно скромно. Чаще всего в наличниках мы видим лишь элементы русского стиля (Стачек, 12, Наумова, 21 — слуховое окно). Имеют черты русского стиля наличники с плоским навершием и скромным декором (чаще всего это орнамент причелины наличника). Примерами могут служить наличники домов по адресам: улица 1905 года, 12 (возможно, дом рабочих фабрики Красный Перевал), отчасти наличники второго этажа 10 дома на Овинной.

Другими национальными версиями романтического модерна мы назовем дом на улице Первая Новостройка, 12 (швейцарский стиль), Дом дружбы Ярославль — Кассель, Советская, 26/10 (тяготеет к северному модерну), а также утраченные дома (на их месте копии) на Республиканской, 17 (близок к швейцарскому стилю), Чайковского, 23-б (швейцарский стиль). Снова оговоримся, что мы можем условно отнести наличники (и вообще декор — в данном случае это принципиально: сумма декора окон и других декоративных элементов) этих домов к той или иной национальной традиции эпохи модерн. При анализе мы отгаливкались от примеров подобных домов Архангельской, Московской областей, а также на чертежи, иллюстрирующие данные стили [8].

К романтическому модерну относим интересные наличники, которые встретили лишь в районе Красный Перекоп — мы назвали их «жар-птица» (Бахвалова, 10, Ростовская, 28, Третья Вокзальной, 16/36 и упрощенный вариант этого же типа наличников — по Переулку Третьему Вокзальному, 51/24) Необычность их состоит в том, что навершения их состоят из четырех дуг, крайние из которых заменяют боковые приставные элементы, образуя как бы сложенные крылья птицы. Край навершения уплотнен, между ним и рамой окна - растительный узор. Резная «коронка» украшает зазоры между дугами. Выпуклость боковых элементов навершения несколько компенсируется резьбой приставных элементов у завершения.

В особую группу мы выделяем *советские наличники*. Снова уточним, что это название не отражает (не всегда отражает, если быть точными) время создания наличника, оно выбрано нами лишь для того, чтобы обозначить стилевые особенности наличников тако-

го типа. Итак, это наличники по большей части имеют упрощенные резные элементы, они лишены изящности наличников в стиле собственно модерн, хотя как бы огрубленно пытаются передать его утяжеленную форму и декор (это некий псевдомодерн) (можно наблюдать на примере наличников домов по адресам Маяковского, 66- 2, Тверицкая набережная, 35, 49, 91, Базарная, 13, Курпаткова, 14, Стопани, 39, Союзная, 3, 38, 74, 84, 98, 106, 109, проспект Авиаторов, 62, Базарный пер., 10). Часто это более плоские наличники, лишенные объемов, придаваемых наличникам собственно модерна изящными приставными и навесными элементами, среди декоративных элементов таких наличников можно назвать накладные параллельные вертикальные и горизонтальные полосы (Заливная, 96, Союзная, 38), упрощенные резные арочные навершения (пропильная резьба), невыразительные «уши» (приставные элементы), нередко присутствуют накладные элементы в виде звезд (Пятая Тверицкая, 38), стрелок (Союзная, 74. Союзная, 106). Наличники, украшающие окна домов Бахвалова, 42, Стопани, 43 и 113 Союзная, 64, Базарный переулок, 12 обыгрывают традиционные мотивы (растительные, зооморфные, часто довольно упрощенные), которые, впрочем, утрачивают свою семантику, так как правила расположения обязательных элементов декора нередко нарушаются. Например, часто отсутствуют фигуры берегинь. Возможно, это связано с их утратой, так как это довольно хрупкие элементы, но зачастую само исполнение наличника свидетельствует о том, что берегинь не было изначально. Бессознательное копирование элементов традиционного русского наличника, схематизация их советскими мастерами дает нам на сегодняшний день довольно обширный эмпирический материал и повод для нового исследования на тему возможности сохранения традиционных магических представлений в сознании современного человека. Можно отметить наличники с шлемовидным навершением, похожим на фигурную скобку (Тверицкая набережная, 82, Заливная, 10, 75, Базарная 44, 50). Они мало чем отличаются от предыдущего подтипа: декорированы схематичным растительным узором, на некоторых из них есть берегини.

К сожалению, в рамках данной работы мы не можем анализировать все типы ярославских наличников. По мере сбора нового материала возможно и даже необходимо расширение и уточнение данной классификации, так как всеобщей, точной и однозначной классификации для наличников не существует. Нам не представляется возможным создание безусловной классификации для декора деревянного зодчества, так как сам материал — дерево — позволяет мастерам выполнять наличники и другие элементы декора эклектичного характера. Это затрудняет выявление стилевых черт того

или иного типа наличника. Несмотря на это, мы убеждены, что наличники нужно фиксировать, описывать, классифицировать по различным основаниям. Это одно из главных условий сохранения их в истории русского деревянного некультавого зодчества.

Библиографический список

1. Барашков, Ю.А. Ностальгия по деревянному городу. Архитектура, традиции, быт Архангельска накануне и после 1917 года. Формы и функции городского дома [Текст] / Ю.А. Барашков. - М., 1992.
2. Баршевская, И.И. Старые дома рассказывают: О некоторых топонимических загадках Перекопа [Текст] / И.И. Баршевская. - Ярославль, 2006.
3. Борисов, Н.С. Малые города Верхневольжья. Рыбинск – Мышкин – Пошехонье. Архитектурно-художественные памятники 17-19 веков [Текст] / Н.С. Борисов. - М., 2007.
4. Воронов, В.С. Крестьянское искусство [Текст] / В.С. Воронов. - М, 1924
5. Городская усадьба в архитектурной среде Ярославля: от классицизма до модерна [Текст] : коллективная монография. - Ярославль, 2009.
6. Донцов, Э.К., Караськов, Г.И., Щербинин, П.П. Костромская резьба. Гречухин В.А. Деревянные искусства [Текст] / Э.К. Донцов, Г.И. Караськов, П.П. Щербинин, В.А. Гречухин. - Ярославль, 1991.
7. Дутов Н.В. Ярославские слободы [Текст] / Н.В. Дутов. - Ярославль, 2004
8. Косяков, Г.А. Архитектурные мотивы. Материалы для композиции каменных и деревянных сооружений [Электронный ресурс]. - Электрон. дан. - Ленинград, 1924. - Режим доступа: <http://www.arch-grafika.ru/news/2008-11-11-21>. Проверено: 3.09.2010.
9. Малаков, В.И., Чикалев, А.А. Пожарная охрана Ярославского края в фотографиях, документах и воспоминаниях [Текст] / В.И. Малаков, А.А. Чикалев. - Ярославль, 2006.
10. Мааров, В.Ф. Ярославль: Архитектура и градостроительство [Текст] / В.Ф. Маров. - Ярославль, 2000.
11. Раппопорт П.А. Древнерусская архитектура [Текст] / П.А. Раппопорт. - СПб., 1993.
12. Рыбаков, Б.А. Язычество Древней Руси [Текст] / Б.А. Рыбаков. - М., 1981
13. Сводный каталог «Наличники России и домовая резьба» [“Электронный ресурс”]: база данных содержит изображения

наличников различных областей России. - Режим доступа: <http://www.shushara.ru/windows/tree.php>. Проверено 1.10.2010

14. Стовичек, М.В. Архитектурная среда русской провинции в эпоху модерна (Кострома, Рыбинск, Ярославль) [Текст] – Ярославль, 2008.

15. Турчин, А.В. Окно в русской архитектуре эклектики и модерна: образ, функция, форма [Текст]: дипломная работа / А.В. Турчин МГУ им. М.В. Ломоносова. Исторический факультет. Кафедра истории отечественного искусства, 1997.

УДК 008.009

Е.А. Резчикова

**Провинциальный город в период «Русской смуты»
начала XX века: от богоспасаемости к богоборчеству»**

*Чтоб враги наша не могли... землю нашу
пусту и беспмятну учинить
Из «Призывной грамоты» Д.Пожарского.*

Ярославский край – один из тех регионов, историческое, географическое, культурное, сакральное пространство которого определялось городами, отличающимися самобытной исторической традицией. Ростов Великий, Переславль - Залесский, Углич за свою тысячелетнюю историю выработали критерии ясного социального и духовного самоопределения и никогда не являлись спутниками, сопровождающими свою региональную столицу, чей духовный статус издревле был определен понятием «богоспасаемый».

Понятие «богоспасаемости», с одной стороны, является отражением сотирологической проблематики, с другой стороны, образует пространство, призванное воплотить в себе глубинные смыслы православного домостроительства, вовлекая в данную тему не только городскую, но и земскую среду. Эпоха богоборчества в России, связанная с философскими и мировоззренческими утверждениями Февральской и Октябрьской революций, самым кардинальным образом содействовала искажению духовного пространства города, которое традиционно включало в свою орбиту земскую территорию, создавая симфонию взаимообусловленного и взаимозависимого жизненного пространства. Город как конгломерат храмов, монастырей, торговых площадей, улиц на протяжении длительного исторического и метафизического становления образовывал символическое единство, так как «...история совершается в единстве с метаисторией, совершается от Творения до Суда» [1].

Углич как древнейший после Ростова Великого город на территории Ярославской области представляет площадку для богословского и научного диалога о процессе оформления богоспа­саемого пространства провинциального города и его разрушения вследствие «Смуты» начала XX века.

Богоспа­саемое пространство Углича формировалось на протяжении тысячи лет: с момента строительства первого храма в честь равноапостольных Константина и Елены на кремлевском мысу в конце X века до начала XX века. В течение данного времени Углич, как и большинство городов центральной России, неоднократно подвергался разорению, разграблению, уничтожению, но всякий раз самым настойчивым образом отстаивал свое право на богоспа­саемый статус, символом чего можно считать церковь - памятник Успения Пресвятой Богородицы (1628), трехшатровую красавицу, отстроенную в полностью разоренном городе переселенцами-угличанами.

Процесс максимально напряженного созидания сакрального среды города приходился на конец XV – начало XVII века, на то время, когда в своих пророческо-эсхатологических сочинениях древнерусские книжники в поисках философского осмысления миссии России выдвинули целый ряд идеалов-образов или формул: «Москва – новый Царьград», «Старого убо Рима Церковь падоша неверием Аполинариевой ереси. Второго Рима - Константинова града церковь агаряне секирами и оскордами разсекоша. Сия же ныне Третьяго новаго Рима державного твоего царствия святая соборная Апостольская Церковь во всей Поднебесной паче солнца светится... Ведай и внимай, благочестивый царь, что все царства православной христианской веры снидошася в твое единое царство. Един ты во всей Поднебесной христианам царь... Два убо Рима падоша, а Третий стоит, а четвертому - не быти...».[2]

Во второй половине XV века на территории Угличского княжества великими православными подвижниками преподобным Паисием Угличским Чудотворцем и Кассианом Учемским (продолжателями монашеской школы преподобного Сергия Радонежского и практики глубочайшей аскезы и исихазма) началось оформление сакрального «ядра - треугольника» богоспа­саемого пространства, благодатными энергиями призванного освящать городскую и сельскую среду. Село Малое Богородское – родина преподобного Паисия, Покровский монастырь (1466 г), основанный преподобным Паисием и Учемская пустынь в честь рождества Иоанна Предтечи, основанная Кассианом Учемским (князем Константином Магнупским) впоследствии стали важнейшими общероссийскими православными святынями, входившими в паломнический маршрут с конца XV до начала XX века.

Геометризм является важнейшим выразительным средством иконописной традиции, «...подчиняющий изобразительное поле образа строгой закономерности. Геометризм не есть сама иконографическая формула, но ее «энергетическая» сила»». [3] В православии треугольник считается символом Святой Троицы, а в "духовном" плане основание символики имеет несколько другой смысл: «Да распространится Царствие Святой Троицы» - мир прекрасен в гармонии материального и духовного.

К началу XVII века богоспасаемое пространство определялось в совокупности пятнадцатью монастырями, расположенными как на периферии Угличской земли, определяющими внешний «сакральный круг», монастырями, входившими в городскую черту и оформивших эллипсную конфигурацию города, так и монастырями, окружавшими пригород внутренним кольцом, которые играли роль крепостных фортификационных сооружений и обеспечивали город «сакральной защитой» [4], многочисленными храмами, что находило прямое отношение в повседневной жизни человека. Сфера символизирует место вечного пребывания – рай. На иконах рай часто изображается в виде круга (овала), имеющего теофаническое значение. Таким образом, символика круга может быть связана с Вечностью или отсутствием земного времени и пространства. Если литургическое Время в иконе выражается символикой цвета, то литургическое время города определяется храмами, количество престолов которых можно соотнести с богослужением годового круга. К началу XVII века в Угличе насчитывалось 70 приходов и более 150 престолов [5], что создавало возможность каждодневного служения. Православные храмы как сосредоточение литургической практики и синергетической композиции, в рамках которой «...человек встречает Бога в исторический события как действующее Лицо, призывающее содействовать исполнению Божественного спасительного плана» [6] и где «...личность есть истинный субъект истории» [7], являлись местом общественных встреч, культурно-просветительскими центрами. Русская религиозная мысль отрицала возможность осуществления рая на земле, в который входят путем исторического прогресса. «Вера в Бога не допускает веры в самодовлеющий мир и признает "мир" не сущностью, а лишь состоянием» [8].

Перед христианином стояла иная задача: «...необходимо думать о другом – о трезво и ответственно понятой конкретной социальной работе в данной стране и в данное время, развернутой в русле реальных нужд утверждения социальной справедливости [9]. Решению нравственной задачи были подчинены физические действия человека. Духовная составляющая бытия не подавляла и не уст-

раняла материальных закономерностей, напротив, придавала индивидуальную бытийную задачу - «свою имманентную логику» [10].

Дом: храм (монастырь), город и земля - волость представлял триединство - гармонию между горным и дольным. Совершались преступления, проявлялись пороки, страсти, характерные для «ветхого человека», но сама духовная фактура города была призвана не только охранять, освящать, но и возводить человека в горный мир. «Поэтому для христианского духовного сознания было естественным устроить земной город как градостроительную икону по образу Небесного Первообраза, чтобы он обладал приущими Первообразу благодатными энергиями» [11].

В начале XVII века Углич, как и всю Россию, постигло жесточайшее разорение: город был полностью уничтожен. После тяжелого и длительного восстановления жизненное ядро оставалось неизменным, определяя качественную характеристику городского бытийного существования до начала XX века. Это страшное явление, сдобренное обильно политой кровью многочисленных русских праведников, превратило город в место всероссийского паломничества. Ярким примером нравственного и духовного осмысления этих трагических событий стал замечательный памятник древнерусской литературы «Плач и рыдания жителей вновь населившихся». «О, Преименитый Граде Угличе! О граде, церквами всюду украшенный бых! Како разористе! Како одичаша нечестивых руце! Колико бысь многочислен – ныне же, яко вдовица, обретесе!..» [12]. Историческая память сохранила название «Мироносинской» дороги, по которой в 1606 году несли мощи убиенного царевича Димитрия. Ее расстояние определялось не столько пройденными километрами от Углича до Москвы, сколько годами от начала Смуты до ее формального завершения в 1613 году.

В XX век город вошел провинциальным городком с обилием деревень, храмов, святых, устоявшимся ритмом жизни, своеобразной бытовой средой, далеко не чуждой проблеме хозяйственного прогресса. Это время отмечается максимально напряженным вниманием к местной истории, подъемом творческой и интеллектуальной деятельности, складыванием круга земской интеллигенции, ядро которой составили купцы: Зимины, Сурины, Буторины, Русиновы, Серебренниковы, Евреиновы. Большое количество церквей придавало Угличу загадочный вид многотысячного сказочного города, часто вводя иностранных путешественников в заблуждение. Например, Теофиль Готье, поражённый открывшимся перед ним видом, писал: «В нём не менее 30 тысяч жителей, и колокольни, купола и маковки его 36 церквей создают ему замечательный профиль» [13].

Целостность, синтетическое единство всех сторон жизни оформляют в городе ту священную среду, где поколения встречались друг с другом на молитвенной платформе сакрального пространства храма, монастыря, погоста, где городская и сельская топонимика несла объемную информационную нагрузку, расшифровка которой при наличии исторической и культурной связи поколений не требовала больших усилий, где каждый кусочек земли представлял величайшую ценность. Таким образом, русская история не исчезала из народной памяти, освящалась в ежедневных напоминаниях о ней в разных уголках Углича.

Начало XX века для Углича не предвещало новой смуты, социальная база определялась ремесленниками, купцами, священнослужителями, немногочисленными дворянами, крестьянами с твёрдо установившимся жизненным укладом.

Причины, сущность, последствия русской революции требуют своего качественного синергетического осмысления, в том числе и на основе методологии, выработанной выдающимися русскими религиозными мыслителями, исходя из того, что «...русская революционность есть феномен метафизический и религиозный, а не политический и социальный» [14].

12 декабря 1917 года в здании Городской Думы была провозглашена советская власть. Исключительно энергичные и целеустремленные действия власти, связанные с новым политическим и духовным мироутверждением, через полгода привели к первым вооруженным столкновениям с населением. Насильственное выселение монахинь из Богоявленского монастыря закончилось первыми жертвоприношениями «...многие очевидцы тех событий рассказывали о так называемом «Бабьем бунте», выразившемся в возмущении монахинь, не согласных с политикой новых властей, и послужившим поводом к введению войск 17 июня 1918 года» [15]. В город были введены войска, части которых располагались в помещениях бывших монастырей. Алексеевский монастырь стал местом дислокации подразделений Красной Армии, в уникальном памятнике Дивной (Успенской) церкви была устроена казарма. Центральные власти рассмотрели события Угличского мятежа в контексте контрреволюционных действий.

В то же время необходимо отметить некоторые временные послабления властей: Военно-Революционный Совет разрешил Благодичному церкви г.Углича Николаю Воскресенскому совершение крестных ходов 19, 21, 22, 28 и 29 июня из Спасо-Преображенского собора в Покрово-Паисеевский монастырь и обратно, а также крестный ход вокруг большой стороны и малой стороны города [16].

Последние крестные ходы богоспасаемого города в своей сущности стали прощальным аккордом, завершившим созидательный процесс метафизического пространства, освящая и символически приготавливая город к испытаниям новой эры – эры богоборчества.

Формирование научного взгляда, отражающего все глубинные процессы российской действительности начала XX века, в том числе, и на специфику богоборчества в России как исторического, религиозного явления без политической экзальтации началось с середины 90-х годов XX века.

Период богоборчества в Угличе представлен двумя основными этапами. Для первого этапа (20-30-е годы XX века) характерны исключительно деструктивные явления, в рамках которых уничтожались все символы, определяющие духовное наследие города: храмы, монастыри, названия улиц, старинные кладбища, часовни, стиралась историческая память, искажалось сознание. Второй этап (конец 30-х - начало 80-х гг. XX века) отличается грандиозным научно-промышленным строительством, который самым кардинальным образом изменил городскую и сельскую среду.

Первый удар большевистского правительства в Угличе обрушился на домовые, бесприходные, бедные храмы, церкви в учебных заведениях. В 1929 году под предлогом отсутствия средств был закрыт Преображенский собор, который в 1911 году только от пожертвований купцов, имел доход в 20 тысяч рублей. Храмы, с искусствоведческой точки зрения представляющие огромную ценность и являющиеся шедеврами храмовой архитектуры: церковь Димитрия Солунского, Филипповская, Успенская церкви – разбивали на кирпичи; колокола, утварь, все цветное отправлялось на нужды индустриализации. Иконы свозили на площадь перед Богоявленским монастырем, а затем в массовом порядке сжигали. Закрытые храмы стали использовать под склады зерна, соли, общежития, кустарные производства. В Богоявленском соборе, построенном по проекту архитектора К.А.Тона, располагался магазин нефтепродуктов, вследствие чего за монастырем в сознании угличан установилось новое название – «керосинка». К 1941 году на целых пятьдесят лет остался один действующий храм, полностью разрушено 14 церквей. Монастырские ансамбли Воскресенского и Алексеевского монастырей и Кремль сохранились почти полностью. Старинные паломнические центры Покровский монастырь и Кассиано-Учемская пустынь попали под затопление водами Угличского водохранилища. Главная святыня Угличской земли – мощи преподобного Паисия Угличского Чудотворца исчезли, и до настоящего времени установить их местопребывания не удалось. Процесс закрытия церквей сопровождался

акциями Союза воинствующих безбожников, который официально начал осуществлять свою деятельность с 1925 года. На местах антирелигиозная пропаганда стала повсеместно внедряться с 1918 года через создание комсомольских ячеек и политику местных отделов ВЧК. В Угличском уезде первая конференция представителей ячеек безбожников состоялась 15 мая 1927 года, вследствие чего резко активизируется деятельность по организации ячеек обществ на местах, которые занимались распространением газеты «Безбожник», проведением антирождественских и антипасхальных кампаний, лекций, принимали участие в политических и сельскохозяйственных антирелигиозных кампаниях.

В 1930 (1932) гг. Союзом организованы вскрытия мощей князя Романа Угличского и Паисия Угличского Чудотворца, сопровождаемые прямой фальсификацией и некорректной интерпретацией фактов. Спротивление народа антирелигиозной пропаганде носило пассивный характер: прятали священнослужителей, монахинь из разоренных обителей, церковную утварь, богослужебные книги из закрытых монастырей и храмов, сохраняли верность принципам и убеждениям. Во время разгула обновленчества все храмы Углича остались верными Патриарху Тихону.

Великая Отечественная война стала границей, остановившей окончательный разгром священного пространства города, в ходе которой стал вырисовываться будущий образ города как промышленного центра Ярославской области. Функционирование Угличской ГЭС, построенной в соответствии с передовыми достижениями мировой науки, позволяло энергетически поддерживать промышленный комплекс Москвы и частично Ярославля, а также ставить перед городом задачи собственного индустриального развития.

Во второй половине XX века город становится одним из центров часовой промышленности и центром масло-сыроделия СССР. Это время отмечается демографическим взрывом, обуславливаемым двумя основными потоками: сельского населения (что впоследствии привело к истощению деревни и потере самых продуктивных работников) и интеллигенции (преподавательского, профессорского состава, инженеров, ученых-конструкторов, партийных работников, деятелей культуры), поднявших интеллектуальный уровень города на новый качественный уровень. Именно представители этой среды в конце 60-х – начале 70-х годов стали поднимать проблему, связанную с исторической реконструкцией Углича, сохранением наследия и консервацией полуразрушенных памятников. Активное жилищное строительство не затрагивало исторический центр города, вследствие чего к началу 90-х годов удалось со-

хранить большинство из памятников-святынь, не уничтоженных в 20-30-е и 50-е годы XX века.

В настоящее время Углич является одним из туристических центров России с оформленной инфраструктурой, разрушенным производством и полуразрушенными деревьями.

Последствия революции оказались исключительно катастрофическими. Советский Союз после Великой Отечественной войны на геополитической арене выступал как сверхдержава, успехи которого были признаны врагами, мощь и сила не вызывали сомнения и достигли апогея в области тяжелой индустрии, фундаментальной науки, стратегическая безопасность казалась абсолютной, а жизненное пространство недосыгаемым.

Углич, утратив большую часть своей сакральной истории, исказив вектор развития, превратился в один из промышленных центров Ярославской области, питая своей исторической традицией часовую промышленность России. Но поруганные святыни: затопленные монастыри, разрушенные храмы, сожженные, обстрелянные иконы, скинутые колокола, стертые с лица земли древние кладбища, часовни, поношение своей истории, разрушение духовной экологии, разорение деревень не могли не стать камнем преткновения для строительства «новой жизни», так как «...никогда в революционной святости не происходило истинного преображения человеческой природы, второго духовного рождения, победы над внутренним злом и грехом; никогда в ней не ставилось и задачи преображения человеческой природы» [17]. Богоборческая система оказалась неспособной организовать достойную духовную самооборону в период «холодной» войны и тем самым избежать развала страны.

В 1933 году в работе «Предполагаемое государственное устройство в будущем» о. Павел Флоренский писал: «...духовные устои выдохлись, и пропал тот нравственный потенциал, на котором ранее строилась жизнь. Поэтому происходит неуклонное разложение правовых и политических отношений. А выздоровление человечества, если оно каким-то чудом и станет возможным, будет связано только с возрождением ценностей сакральной культуры» [18].

Страна стоит на пороге ключевого цивилизационного выбора, в ином историческом формате, в иной системе ценностных координат и жизненных установок. «Трагические события истории, смуты и бедствия посылаются нам для того, чтобы мы одумались и сосредоточились на самом жизненно-существенном, чтобы мы вспомнили о нашей творческой свободе и отыскали в самих себе нашу собственную духовную глубину, с тем чтобы из нее повести наше обновление - свободно, мужественно и активно [19].

Примечания

- 1 Василенко, Л.И. Введение в русскую религиозную философию. [Текст] / Л.Василенко, Православный Свято-Тихоновский Государственный Университет. - М. : ПСТГУ, 2006. - С.386.
2. Перевезенцев, С.В. Россия. Великая судьба [Текст] / Сергей Перевезенцев. - М., Белый город, 2005. - С.327.
3. Давидова, М. Г., Шлычкова, Е. Пространство и время в иконе. [Электронный ресурс] / М.Давидова, Е Шлычкова - Источник материала: www.portal-slovo.ru, - Стр. 4.
4. Лиуконен, Е.А. Архитектурные памятники Углича. [Текст] / Евгений Лиуконен. - Углич, 2010. - С.5.
5. Лиуконен, Е.А. Архитектурные памятники Углича. Углич, [Текст] / Евгений Лиуконен - Углич, 2010. - С.7.
6. Флоровский, Г. Догмат и история. [Электронный ресурс] /Георгий Флоровский. - Источник материала: www.apologia.narod.ru/basis/bogoslovie/florovskiy. – С. 464.
7. Флоровский, Георгий. Вера и культура. [Текст] / Георгий Флоровский (протоиерей): Избранные труды по богословию и философии. - СПб, 2002.- С. 439.
8. Флоренский, П. Записка о христианстве и культуре. [Электронный ресурс] / Павел Флоренский (протоиерей) - Источник материала: <http://hronos.km.ru>.- Стр. 18.
9. Василенко, Л.И. Введение в русскую религиозную философию. [Текст] / Л.Василенко, Православный Свято-Тихоновский Государственный Университет. - М. : ПСТГУ, 2006. –С.382.
10. Зеньковский, В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. [Текст] / Василий Зеньковский (протоиерей); фонд «христианская жизнь». – Клин: «фонд христианская жизнь». 2002.- С.86.
11. Мокеев, Г. Москва- образ града небесного. [Электронный ресурс] / Геннадий Мокеев - Источник материала: ww.voskres.ru/architecture/moscow.
12. Кулагин, А.В. О, Преименитый Граде Угличе. [Текст] / Алексей Кулагин; газета - Чайка, 1992. №42.- С. 4.
13. Готье, Т. Путешествие в Россию. [Текст] / Теофиль Готье, - М. : Мысль, 1988. – С. 362.
14. Бердяев, Н.А. Духи русской революции. [Электронный ресурс] / Николай Бердяев Впервые: Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., — Пг., 1918. Печатается по: Литературная учеба, 1990. Кн, 2, С,123 -139. Источник материала: <http://www.vehi.net/berdyaev/duhi>. - С. 132

15. Кулагин, А.В. История Углича. [Текст] / Алексей Кулагин, Историко-музыкальный музей «Угличские звоны», - Углич: «Угличские звоны», 2006. – С.134.

16. Там же. – С.135.

17. Бердяев, Н.А. Духи русской революции. [Электронный ресурс] / Николай Бердяев; Впервые: Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., — Пг., 1918. Печатается по: Литературная учеба, 1990. Кн, 2. С, 123-139. Источник материала: <http://www.vehi.net/berdyaev/duhi>. - С. 124

18. Флоренский, П. Предполагаемое государственное устройство в будущем [Электронный ресурс] / Павел Флоренский (протоиерей); электронный сборник «Вехи». - Источник материала: <http://sauah.narod.ru/florenski.htm>.

19. Ильин, И.А. Путь к очевидности. [Электронный ресурс] / Иван Ильин; электронная библиотека «Хронос». - Источник материала: <http://www.hrono.ru>

УДК 008.009

Т. А. Рутман

Святитель Димитрий Ростовский в церковной истории Ярославля

Святитель Димитрий прибыл на Ростовскую кафедру 1 марта 1702 года и пребывал на ней до дня своей кончины 28 октября 1709. За недолгие семь с половиной лет владыка не раз надолго отлучался в Москву – так, он провел там последние месяцы 1705 и весь 1706 год; август-сентябрь 1708. По меркам земного времени митрополит пробыл на ростово-ярославской земле непродолжительный срок, но след, оставленный святителем в церковной истории Ярославля, его влияние на духовно-нравственный строй жизни горожан, бесспорно, весьма значителен.

Основные события, хронология управления святителем Ростовской кафедрой достаточно хорошо известны из посланий, записей митрополита, других документальных источников. Из них мы знаем и о посещениях им Ярославля – самого крупного и богатого города епархии.

В свой первый приезд в 1702 году, как и в последующие, святитель, без сомнения, останавливался в каменной резиденции ростовских владык, построенной в 1680-х годах митрополитом Ионой Сысоевичем в Рубленном городе. Архиерейское подворье в Ярославле представляло собой прекрасно оборудованную, имеющую все необходимое усадьбу: оно простиралось по берегу Волги почти на 150 метров и включало в себя жилые покои - митрополичьи па-

латы; хозяйственные постройки - погребца, конюшню, скотный двор, баню, каретный сарай, парники; садовые насаждения и огород.

Святитель был в Ярославле и в 1704 году, и в 1705 (дважды - в июне и июле), и в 1707. Последнее, судя по документам, посещение города Дмитрием Ростовским произошло менее чем за год до его кончины. Очевидец так описал это событие: «В пятницу 18 ноября 1708 г. Архидерей поднялся до заутрени, за два часа перед отдачею, оделся и пешком пошел из Ростова в Ярославль (52 версты). Походка у него быстрая. Он пришел в Ярославль в 2 часа ночи, чрез сутки, пред утренею. Утреню никогда не опускал и тут, вероятно, прослушал, а затем сам служил обедню в соборной церкви и «пучение к народу о вере раскольнической неправой и святой вере нашей православной говорил довольно». Обрато в Ростов 24 ноября он опять шел пешком целые сутки» [1]. Еще задолго до этого подвига высокопреосвященный жаловался в письмах: «немощевую, насилу брожу». Но преодолевая слабость телесную, святитель являл силу духа – остается удивляться, как ему удалось в ноябрьскую непогоду выдержать многочасовой пеший переход.

С вступлением святителя Дмитрия на Ростовскую кафедру начался новый период его жизни: впервые ему довелось исполнять многотрудные архипастырские обязанности. В частности, глава епархии давал благословение на сооружение новых храмов, их освящение, устройство в них приделов, проведение строительных и живописных работ. Следует отметить, что в первое десятилетие XVIII века церковное строительство в Ярославле практически не велось; причин было несколько: шла изнурительная Северная война, действовал указ Петра I о запрещении возводить новые храмы, Ярославль начал терять свои позиции (соответственно и доходы) одного из крупнейших в стране торговых центров.

За годы управления святителем епархией в городе было завершено строительство (начатое еще в XVII столетии) всего двух каменных храмов - теплой церкви Толгской Богоматери Власьевского прихода в 1702 году и Спасопробойнской в 1705. По преданию, этот храм был освящен лично митрополитом Дмитрием. Дореволюционный историк, священник Константин Соловьев заметил в своей книге: «Это предание подтверждается, во-первых, тем, что в храме имеется антиминс, священнодействованный святителем Дмитрием; во-вторых, тем, что в 1705 году... святитель был в Ярославле два раза: в июне и в июле» [2].

В 1706 году в алтарной части летнего Вознесенского храма по челобитной священника Иоанна и благословиению митрополита Дмитрия Ростовского был освящен придел во имя Зосимы и Савватия Соловецких.

В 1702-1709 годах ряд ярославских храмов был украшен стенным письмом. Столь масштабные работы не могли производиться без ведома правящего архиерея. Росписи основного объема церкви Иоанна Предтечи в Толчкове - самые грандиозные по числу сюжетов во всем христианском мире – выполнялись артелью ярославских мастеров под руководством Дмитрия Григорьева и Федора Игнатьева в 1694-1695 годах. Но, как убедительно доказала в своей статье ярославский искусствовед Т. Е. Казакевич, обширные галереи храма были расписаны теми же мастерами позднее, уже при Димитрии Ростовском, более того, их иконографическая программа составлялась по его наказу. Приведем цитату: «Огромная литературная эрудиция нового владыки, его личное обаяние и большой авторитет у народа, видимо, произвели на ярославских мастеров стенного письма большое впечатление. С другой стороны, в лице лучших ярославских иконописцев Димитрий Ростовский обрел людей образованных, книжных, очень восприимчивых к усвоению нового. Благодаря этой взаимности и была создана столь богатая письменными текстами толчковская паперть, которая по обилию привлеченных литературных источников занимает совершенно исключительное место не только в Ярославле, но и в истории всего древнерусского искусства» [3].

Установить более точную дату росписи предтеченской галереи помогает антиминос на переосвящение храма, который был выдан митрополитом Димитрием в 1704 году и хранился в церкви Иоанна Предтечи как редкая святыня. Позднее по распоряжению ярославского архиепископа Антония (Знаменского) этот белый атласный антиминос использовали только для праздничных богослужений.

Антиминосы, освященные Димитрием Ростовским, сберегались еще в трех ярославских храмах:

- в церкви Николы в Меленках – он был передан по завершении стенописных работ в 1707 году;
- в Крестовоздвиженской - датировался 1 августа 1708 года;
- в Успенском соборе - был прислан из Ростова 4 октября 1709 года, за 24 дня до кончины святителя.

Пристальное внимание и живой интерес владыки Димитрия к истории епархии, житиям ее подвижников помогли в составлении главного труда его жизни – Книг житий святых. Так, в церкви Николы Надеина святитель обнаружил сборник житий, который он назвал «Ярославской Четвией» [4]. А в храме Иоанна Предтечи внимание митрополита не могли не привлечь «уникальные святцы – календарь всех святых Русской Православной церкви», которые занимают нижний сюжетный ярус росписи центрального объема [5]. Надо полагать, они не только значительно расширили знания ми-

трополита о святых земли Русской, но и обратили его особое внимание на небесных покровителей волжского города.

21 июня 1704 года в Спасо-Преображенском монастыре состоялось торжество, посвященное переложению мощей ярославских святых князей Федора, Давида и Константина в новую кипарисную раку, устроенную на пожертвования ярославских купцов митрополитом Димитрием Ростовским. Считается, что во время проведения церемонии владыка отделил малую частицу мощей князя Федора на благословение. На другой день празднество ознаменовалось крестным ходом из Успенского собора в Спасский монастырь с чудотворной иконой Толгской Богоматери. Димитрий Ростовский по этому случаю дал благословенную грамоту, в которой «установи- хом и повелехом соборной церкви протопопу с братиею в той вышепомянутый июня в 22 (день) им великим угодникам празднество творити и крестному хождению и со образом Пресвятой Богородицы Толгской в той монастырь быти každогодно и непременно» [6].

Этот крестный ход на некоторое время прерывался, но был возобновлен после канонизации святителя, в 1759 году, по ходатайству келаря монастыря Иосифа (Пырского) и казначея иеромонаха Пимена.

События и реалии ярославской жизни послужили поводом к написанию Димитрием Ростовским двух трактатов. Широко известен замечательный диалог Димитрия Ростовского с ярославскими обывателями по поводу принудительного бритья бород, который произошел в июне 1705 года на Соборной площади перед ярославским Успенским собором. Этот случай, по меткому замечанию К. Д. Головщикова, «рисует ярко тот философски-спокойный взгляд святителя Ростовского на крайности в крутых мерах Петра» [7]. Данный инцидент послужил поводом к написанию митрополитом небольшого сочинения «Об образе и подобию Божии в человеце».

Митрополита Димитрия беспокоило то, сколь сильны были старообрядческие воззрения в епархии, и в первую очередь, в Ярославле. В начале 1709 года он написал одному из своих адресатов: «В месяце ноембриу позвала меня нужда быть в Ярославле, нужда же раскольническая, помнеже умножишася в епархии нашей зело». Блестящий оратор, он произнес в ярославском Успенском соборе проповедь, которая легла в основу книги «Розыск о раскольнической брынской вере». Этому обширному труду святитель придавал большое значение и считал его одним из важнейших среди своих сочинений. Но оно стало и последним в его духовном наследии.

Так случилось, что главная святыня и покровительница Ярославля, икона Толгской Богоматери, присутствовала при совершении обряда прощания с Димитрием Ростовским. Незадолго до кончины митрополита, в октябре 1709 года, на поклонение чудо-

творной иконе решила приехать царица Прасковья Федоровна, вдова царя Иоанна Алексеевича. По случаю осенней распутицы она просила принести икону в Ростов. Димитрий Ростовский, «бывший уже в последних днях», сказал: «грядут в Ростов две гостьи, Царица небесная и Царица земная, только я уже видеть здесь не сподоблюсь» [8]. Так и случилось. Царица с дочерьми прибыла в Ростов 28 октября через несколько часов после смерти святителя. Отслужив по нему панихиду, паломницы отправились с крестным ходом встречать икону Толгской Богоматери, которую царевны на своих руках принесли сначала в Ростовский Богоявленский монастырь, а потом в Успенский собор. Сюда же по распоряжению царицы Прасковьи было перенесено тело митрополита Димитрия.

Причисление митрополита Димитрия Ростовского к лику святых нашло широкий отклик в Ярославле и отразилось в посвященных ему престолом, их было пять. Следует отметить, что в городе среди престолов, именованных в честь русских святых, столько же имелось только в память преподобного Серафима Саровского.

Сразу после канонизации Димитрия Ростовского, в том же 1757 году, в имя митрополита был освящен теплый придел в церкви Леонтия Ростовского при архиерейской резиденции. Этот домовый храм, соединявшийся переходом с Митрополичьими палатами, владыка посещал чаще всего во время пребывания в Ярославле.

В 1759 году, когда прихожане двухэтажной церкви Иоанна Богослова решили устроить в алтарной части верхнего храма придел, то освятили его не во имя Иоанна Милостивого (как собирались в напоминовение о теплой деревянной церкви прихода), а во имя святителя Димитрия.

В XVIII веке неподалеку от городских укреплений была возведена взамен деревянной каменная церковь во имя Симеона Столпника с приделом Димитрия Ростовского. В отношении даты ее сооружения имеются серьезные расхождения в местном краеведении: архиепископ Самуил Миславский указывал 1723 год, однако Аполлинарий Крылов, основываясь на тексте храмовладельческой надписи на кресте, датировал постройку храма 1762 годом. Посвящение придела вносит важный дополнительный штрих в историю строительства этого храма – его могли соорудить только ранее канонизации святителя.

Еще один престол во имя Димитрия Ростовского находился в Толгском мужском монастыре. В трапезе Спасской церкви с большими палатами, сооруженной в начале XVIII века, сначала был устроен придел во имя праведного Лазаря, но в 1793 году его упразднили и через пять лет возобновили в память о святителе Димитрии.

Ну и наконец, в городе имелась единственная церковь, посвященная митрополиту, – в Ярославской духовной семинарии. Она нахо-

дилась на втором этаже семинарского здания и была устроена на средства московского коммерции советника В. В. Епишкина. О ее посвящении говорилось при торжественной закладке нового здания семинарии на берегу реки Которосли в 1871 году: «Святителю Димитрию принадлежит слава устройства первого учебного заведения [в Ростове] для всего ростовско-ярославского духовенства. Святителю же Димитрию естественно было посвятить и храм» [9]. Кстати, в храмовый праздник, 21 сентября (обретение мощей святителя Димитрия), в семинарии совершалось годовичное богослужение, на котором присутствовали высшие чины духовной и светской власти губернии.

Ныне в Ярославском музее-заповеднике хранятся две реликвии, принадлежавшие митрополиту Димитрию Ростовскому, об одной известно с давних пор, это посох святителя - «весь из сканой финифти по золоченому серебру» [10]. О второй есть сведения в дореволюционной литературе – это панагия святителя с частицами ризы Христа, Креста Господня и мощей святых, «резанная на лазоревом яхонте». Оба раритета сейчас представлены в экспозиции музея «Сокровища ярославских ризниц».

В заключение хочется отметить, что приведенные нами сведения о связи митрополита Димитрия с Ярославлем носят достаточно формальный характер. На самом же деле духовно-нравственное влияние святителя было куда более глубоким и существенным, что не поддается столь материальному описанию. С другой стороны, и уровень развития русского, в том числе и ярославского, общества, система приоритетов и сила Веры в нем были таковы, что оно было способно понять и оценить весь масштаб столь незаурядной личности.

Библиографический список

1. Гальберг, Н. Д. История Русской Церкви [Текст]. – М., 2008. – С. 548.
2. Рутман, Т. А. Храмы и святыни Ярославля: история и современность [Текст]. 2-е издание, перераб. и доп. – Ярославль, 2008. – С. 99-100.
3. Казакевич, Т. Е. Иконографическая программа Толчковской паперти и русский театр XVII – начала XVIII в. [Текст] // ТОДРЛ. – М., 2003. – Т. 54. – С. 653.
4. Рубцова, М. Л. Жизнь и прославление святителя Димитрия [Текст] // Святитель Димитрий, митрополит Ростовский: исследования и материалы/ под общ. Ред. Игумена Серафима (Симонова). – Ростов, 2008. – С. 120.
5. Казакевич Т. Е. Иконографическая программа Толчковской паперти и русский театр XVII – начала XVIII в. [Текст] // ТОДРЛ. – М., 2003. – Т. 54. – С. 654.

6. Рубцова, М. Л. Жизнь и прославление святителя Димитрия [Текст] // Святитель Димитрий, митрополит Ростовский: исследования и материалы/ под общ. Ред. Игумена Серафима (Симонова). – Ростов, 2008. – С. 346.

7. Рутман, Т. А. История Успенского собора [Текст] // Успенский собор в Ярославле. Ярославль, 2007. – С. 118.

8. Рутман, Т. А. Храмы и святыни Ярославля: история и современность [Текст]. 2-е издание, перераб. и доп. Ярославль, 2008. – С. 424.

9. Торжество освящения храма Ярославской духовной семинарии, 12 января 1875 г. [Текст]. – Ярославль, 1875. – С. 6.

10. Уварова, П. В. Каталог ризницы Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле [Текст]. – М., 1887. – С. 22.

УДК 008:001.8

Е.В. Проскурина

**Сакральная геометрия куполов
(на примере храмов г. Ярославля)**

Силуэт исторического центра Ярославля оформлен цепочкой доминант, хорошо прослеживаемой на панорамах города со стороны его исторических естественных границ. За свои естественные границы (Волгу и Которосль) Ярославль распространился в XV – XVI веках, когда в его заречных частях появились слободы. Кафедральный Успенский собор построен на территории рубленого города, вверх от него по естественным границам, оформленным реками Волга и Которосль, стоят культовые постройки. В силу разных факторов параметры на описываемых направлениях исторической среды Ярославля, связанных с современными требованиями городской жизни, политическими режимами, не однородны. Силуэт города – соотношение доминант и фоновой застройки [8], выразительная линия на фоне неба, огибающая очертания общественных, жилых, культовых сооружений, здесь дошел до нас в искаженном виде. Издревле доминантами силуэта панорам Ярославля были культовые постройки, наиболее полно представленные в силуэте со стороны реки Которосль (от Успенского собора): ц. Николы Рубленого (Николая Чудотворца в Рубленном городе), ц. Спаса на Городу (ц. во имя Нерукотворного образа Спасителя), ц. Михаила Архангела (Святого Архистратига Михаила), ансамбль церквей Спасо-Преображенского монастыря (ц. во имя иконы Печерской Божией

матери, собор во имя Преображения Господня, ц. Ярославских Чудотворцев, Большая Крестовая церковь или Входеоерусалимская), ц. Рождества Пресвятой Богородицы (на бывшей Рождественской площади за Спасо-Преображенским монастырем, на месте Рождественского женского монастыря), ц. Богоявления Господня (Богоявленская), ансамбль прихода ц. Дмитрия Солунского (ц. Похвалы Пресвятой Богородицы и ц. во имя Великомученика Дмитрия Солунского), ц. Петра Митрополита, ц. Дмитрия Митрополита Московского (Дмитриевская) при Ярославской духовной семинарии, ансамбль церквей Николомокринского прихода (ц. Николы Мокрого (ц. Николая Чудотворца) и ц. во имя иконы явления Тихвинской Божией Матери (Тихвинская)) [7]. Из перечисленных культовых построек поглощены застройкой либо обезглавлены и являются «не рабочими» со стороны Которосли доминантами: ансамбль прихода ц. Дмитрия Солунского (ц. Похвалы Пресвятой Богородицы и ц. во имя Великомученика Дмитрия Солунского), ц. Петра Митрополита; утрачены – ц. Дмитрия Митрополита Московского (Дмитриевская) при Ярославской духовной семинарии. Церкви Михайловская (Чудотворца Михаила Черниговского при приюте малолетних преступников) и Пятницкая (Параскевы Пятницы на Всполье) отстоят от Которосли, являясь последними в цепочке.

Вдоль р. Волги, кроме вновь построенного кафедрального Успенского собора (строительство которого оправдано с градостроительной точки зрения – от него расходятся два луча – силуэта вдоль естественных границ), в силуэте из действующих доминант присутствуют только Ильинско-Тихоновская церковь, ансамбль прихода ц. Благовещения Богородицы (Благовещенская) и ц. Вознесения Господня (Вознесенская). Полная цепочка культовых построек, стоявших и стоящих на высоком берегу, формировавших и формирующих волжскую панораму города, выглядела бы так (от Успенского собора): ц. Иоанна Златоуста в Рубленном городе, Ильинско-Тихоновская ц. (Илии Пророка и Тихона Чудотворца), Косьмодемьянская (Косьмы и Дамиана), ц. Святого Алексея митрополита Московского при доме губернатора, ц. Чудотворца Николая Мирликицкого (Николонадеинская), ц. Рождества Иоанна Предтечи (Рождественская), ц. Рождества Христова (Рождественская), ц. Святой Екатерины Великомученицы (Екатерининская), ц. Варвары Великомученицы (Варваринская), ансамбль прихода ц. Благовещения Богородицы (Благовещенская) и ц. Вознесения Господня (Вознесенская), ансамбль церквей Косьмодемьянского прихода (ц. бессребренников Косьмы и Дамиана и ц. Воздвижения Животворящего Креста Господня (Крестовоздвиженская)), ц. Святого Духа (Духовская) при училище девиц духовного ведомства, ансамбль церквей Петропав-

ловского прихода (ц. Святых Апостолов Петра и Павла (Петропавловская) и ц. Николая Чудотворца (Никольская)), ц. Святого Духа (Духовская), ц. Святой Троицы (Троицкая) [7]. Из этого количества поглощены застройкой либо обезглавлены, являясь «не рабочими» доминантами, следующие церкви: ц. Чудотворца Николая Мирликийского (Николадеинская), ц. Рождества Иоанна Предтечи (Рождественская), ц. Рождества Христова (Рождественская), ансамбль церквей Козьмодемьянского прихода (ц. бессребренников Козьмы и Дамиана и ц. Воздвижения Животворящего Креста Господня (Крестовоздвиженская), остальные церкви утрачены.

Силуэт Ярославля имеет сложную, резную, выразительную линию. Отчетливо выделяются на фоне неба разновеликие православные главы на «шеях» – барабанах. Именно главы, являясь доминантой всей архитектурной композиции культовых сооружений, становятся господствующим элементом городского ландшафта города Ярославля. Обезглавленные церкви не могут служить отправлению культа, так же как и не являются доминантами, превращаясь попросту в незаметные четверики. С точки зрения архитектурной символики, главы, надстроенные над куполами, несут образ неба и венчают христианскую троечастную модель мира по вертикали: «храм-город-рай» [11, с. 45-46]. Сама же культовая постройка ассоциируется с образом Небесного Царства Божия.

Напряженные линии, очерчивающие контуры куполов, несут архитектурно-символическую составляющую, что позволяет говорить о некоей сакральной для человека геометрии, по которой строится выгнутая линия глав, да и сам храм. Используя синтез искусств и сакральную геометрию, архитектура храма показывает нам образ вселенной, модель мира, космос.

Сакральной геометрией пользуются археология, архитектура, антропология, философия, культурология, «чтобы охватить систему религиозных, философских и духовных архетипов, которые наблюдаются в различных культурах на протяжении всей человеческой истории и так или иначе связаны с геометрическими воззрениями относительно устройства Вселенной и человека»[6]. Сакральная геометрия храма (храмовая архитектура) несет в себе пропорциональное соответствие частей и целого, учитывая и фокусируя внимание молящихся на священных изображениях стенописи и икон внутри, а снаружи сосредотачивая внимание непосредственно на объемно-пространственной композиции, стремящейся вверх, вслед за молитвой человека, и традиционно завершающейся главами. Проведенные исследования системы визуального восприятия показали, что основные зрительные направления на территории исторического центра Ярославля и его буферной

зоны закреплены каким-либо культовым сооружением. Таким образом, можно говорить о сакральной геометрии целого города.

Русь приняла от Византии символическое толкование храма в 9 веке вместе с принятием христианства. Все части христианского храма, как и храм в целом, в процессе развития храмовой архитектурной конструкции и разработки теологической концепции храма имеют комплекс определенных символических значений, связанных с христианским представлением о строении мира [4]. Весь материальный мир, видимый человеком, по учению Церкви является символическим отражением мира невидимого, духовного. «Согласно церковной теории соотношения образа с первообразом, архитектурные образы и символы храма при исполнении в рамках канонической традиции могут отражать первообразы небесного бытия и приобщать к ним. Символика храма объясняет верующим сущность храма, как начала будущего Царства Небесного, ставит перед ними образ этого Царства, пользуясь видимыми архитектурными формами и средствами живописной декорации для того, чтобы сделать доступным нашим чувствам образ невидимого, небесного, божественного» [3].

Членение храма и символическое назначение его основных частей строится на контрасте земного и небесного. Отец Павел Флоренский писал, что «Храм есть путь горнего восхождения» [10]. Отражая эту основную символическую идею храма по вертикали, можно разделить его пространство на две зоны – горнюю и дольную. Подкупольное пространство – область небесной сферы, а основной объем – земной мир.

Небо занимает первостепенное значение в христианской концепции о строении мира, именно там, в царстве небесном, находится Бог и рай. Воплощения мифологического неба широко представлены и в архитектуре храма и в его конструкциях. Образ неба связывают с главами, куполами и потолками храмов. Антропоморфизм храма звучит в названии его конструктивных частей: скаты кровли – «плечи», барабаны – «шеи», навершия барабанов – «главы», «маковицы» или «лбы».

Исходя из определения, можно заключить, что глава – это «декоративное завершение церковных построек, в русском зодчестве имеющее форму шлема, луковицы, груши», зонтика, конуса и т.д., с конструктивной точки зрения – это «декоративное покрытие, расположенное над куполом и устраиваемое на барабане» [2].

Вопросу, какая форма древнее для русского зодчества – луковичная или шлемовидная, – посвящены исследования многих ученых (зонтичные и конусовидные покрытия больше всего характерны для закавказской архитектуры). Из исследований генезиса

была выведена следующая логическая последовательность форм глав, характерных для русского культового зодчества: «византийские» посводные купольные покрытия, шлемовидные главы, луковичные главы. Главное в отличие взглядов на генезис формообразования заключалось в разности взглядов относительно шлемовидной формы. Одни исследователи видели в ней переходную форму от посводного покрытия к луковичной форме, другие считали шлемовидную форму стилизацией «под старину».

Детальным исследованием форм глав занимался профессор С.В. Загrevский, который утверждал, что луковичная форма глав более древняя и наиболее тиражируемая на Руси по сравнению с главами шлемовидными. Основанием для данного утверждения послужил анализ древнерусских изображений. Проанализировав изображения икон и фресок московской, новгородской и псковской школ, происходящих из больших каменных храмов, а также на основе архитектурно-археологических данных и общих тенденций развития культовой архитектуры, С.В. Загrevский сделал вывод, что образцами для изображения на иконах и фресках луковичных глав могли быть реально существовавшие деревянные храмы. Данное исследование позволило считать вторую половину XIII века точкой изобретения луковичных глав, а вторую половину XVII века – точкой появления шлемовидных глав в качестве стилизации «под старину» [2].

По способу возведения купольные покрытия можно классифицировать на бескаркасные (посводные) и каркасные, для возведения которых требуется деревянный либо металлический каркас, к таким покрытиям относят луковичную и шлемовидную формы. Появление каркасной формы на вершинах внутренних куполов С.В. Загrevский связывал, во-первых, со стремлением архитектуры храмов вверх, чтобы усилить вертикаль и вытянуть композицию храма, когда «...конструктивные возможности «высотности» (повышенные подпружные арки, высокие барабаны) были исчерпаны...» [2]. Во-вторых, с надежностью крепления крестов, т.к. высота креста увеличивалась, а также происходила трансформация простейшего «византийского» типа, имеющего минимальные размеры, к древнерусскому узорному типу сложной формы. «Эту проблему решила весьма рациональная конструкция каркаса глав над куполом: крест получил длинный нижний стержень («мачту»), который пронизывал каркас сверху донизу и вставлялся в отверстие в подкрестном камне. А там, где стержень переходил в собственно крест, его жестко фиксировали журавцы, игравшие роль расчалок» [2].

В-третьих, металл как материал для покрытия глав был дорог во времена монгольского ига, «на это не хватало средств. А лемехом проще крыть по деревянному каркасу, на который можно на-

шить доски, чем по каменному своду» [2]. Тем не менее, перечисленные выше причины появления каркасных покрытий не объясняют луковичной их формы, почему конструктивная основа луковичных глав – «журавцы получили форму не максимально устойчивых прямых, а сложных кривых линий» [2].

Многие исследователи предпринимали попытки объяснить появление луковичной формы глав с точки зрения ее символики. Одним из исследователей был Е.Н.Трубецкой, писавший: «Византийский купол над храмом изображает собою свод небесный, покрывший землю. Напротив, готический шпигель выражает собою неудержимое стремление ввысь, подъемлющее от земли к небу каменные громады. И наконец, наша отечественная «луковица» воплощает в себе идею глубокого молитвенного горения к небесам, через которое наш земной мир становится причастным потустороннему богатству. Это завершение русского храма – как бы огненный язык, увенчанный крестом и к кресту заостряющийся...» [9]. Завершие в форме луковицы также объясняется и некоторым эстетическим впечатлением, «соответствовавшим определенному религиозному настроению. Сущность этого религиозно-эстетического переживания прекрасно передается народным выражением – «жаром горят» – в применении к церковным главам» [9].

Символика храмовой архитектуры формировалась при сложении в Византии чина Божественной Литургии в VI-IX вв., в связи, с чем был выработан крестово-купольный тип храма. Архитектурная символика структуры православного храма позволяет его рассматривать как образ мира, модель вселенной, «храм-город-рай» [11, с. 45-46].

Ярославль богат примерами навершеный культовых сооружений и шлемовидной и луковичной и даже грушевидной барочной формы, характерной для украинского барокко. Часть из существовавших ранее культовых сооружений утрачены, другие просто перестроены, а третьи сохранены и отреставрированы.

Шлемовидными главами завершен трехглавый Спасо-Преображенский собор в Ярославском Спасо-Преображенском монастыре, охранявшем западные подступы к городу. Основание Спасского монастыря относят ко второй половине XII века, а согласно Никоновской летописи, в 1216 там была заложена первая каменная постройка: «...князь Константин заложил в Ярославле каменную церковь в монастыре святого Преображения». Тот собор (1216-1224 гг.) погиб в пожаре 1501 года, сохранились лишь фундаменты, на которых в 1506-1516 гг. столичными мастерами Василия III был воздвигнут новый собор о трех главах, повторяющий своей композицией Благовещенский собор в Москве [5]. Сохранилось

множество иллюстративного материала одноглавого Преображенского собора (две главы были утрачены в результате пожаров). В конце XIX – начале XX веков его венчала одна синяя глава луковичной формы, декорированная разновеликими золотыми звездами. Первоначальный облик собору начали возвращать, начиная с ликвидации последствий белогвардейского мятежа 1918 года, в 20-х годах в ходе реставрационных работ была разобрана большая часть поздних пристроек. Трехглавие собору было возвращено в ходе реставрации фресковой живописи в 60-х гг. XX века, когда были открыты основания под вторую и третью главы. В отсутствующих барабанах некогда были изображены святые, чьи открывшиеся стопы, пропорционально превращенные в фигуры, легли в основу пропорций двух малых глав, так как свидетельств о исторических размерах двух малых глав и их барабанах были утрачены.

Шлемовидными главами некогда завершалась ц. Иоанна Златоуста в Рубленном городе. Пять глав венчали Надеинскую церковь. В XVIII веке центральная глава была переделана в грушевидную (сейчас восстановлена в первоначальном виде), а в 1836 году ее четыре малых главы были разобраны для облегчения сводов [5].

Исключительно сильной по художественной выразительности, поражающей воображение человека необычной формой, предстает сложная ярусная композиция грушевидной главы. Такое сложное криволинейное очертание – атектоничная ярусная форма наверхий – было выработано украинским барокко, а в России появилось в конце XVII века с присоединением Украины после освободительной войны украинского народа в 1648-1654 гг. Как результат, на воссоединенных территориях начался рост и строительство городов, развитие ремесел и торговли и как следствие приток мастеров, а приезжие мастера принесли в архитектуру определенные черты, заимствованные на воссоединенных землях [1].

Грушевидные главы в Ярославле имели четыре малых главы ц. Варвары Великомушницы, не дошедшей до нашего времени, центральная глава была луковичной. Форма барочных глав создавала впечатление, что на посводном покрытии стоит небольшая луковичная маковка. «Это был четырехстолпный пятиглавый храм с приделами, двухъярусной галереей, высоким домообразным крыльцом и шатровой колокольней на северо-западном углу галереи» [5]. Пять глав ц. Богоявления в результате пожара 1753 года были заменены на причудливой формы барочные. Церковь перекрыта единым коробовым сводом (прием, характерный для Московской композиции), и пять маковиц на тонких глухих барабанах не выражены тектонически во внутреннем пространстве. Первоначальную луковичную форму наверхий церкви вернули в XX веке [5].

Сейчас грушевидные главы в силуэте Ярославля со стороны его естественных границ исторического центра можно увидеть на небольшой ц. Благовещения, стоящей на берегу Волги за Семеновским спуском. Пятиглавая, бесстолпная, без галерей, ранее имела луковичные главы [5].

Большинство церквей Ярославля имеют луковичные главы, но формы их весьма различны. Если шлемовидная форма от луковичной отличается присутствием так называемой визуальной «бочкообразностью», максимальный диаметр главы больше диаметра барабана, на который она установлена, то непосредственно «бочкообразность» варьируется от сходства формы главы с луковицей до сходства формы главы с репой. Такую выразительную линию главы имеет ц. Рождества Христова, стоящая на волжском берегу. Первоначально она была пятиглавой, малые главы разобраны в начале XIX века. Сильное впечатление производила ц. Петра и Павла (1691 -1701 гг.), поставленная в Петропавловской слободе на берегу Волги (некогда на этом месте стоял Петровский монастырь). Ее основной четырехстолпный куб венчали пять крупных глав, причем по высоте основной объем церкви равнялся высоте центральной главы с барабаном без креста [5].

Интересное завершение имела Ильинско-Тихоновская церковь. Согласно преданию на этом месте в начале XI века по указу князя Ярослава Мудрого был срублен первый Ярославский храм. Церковь постройки 1825 года дошла до нас в искаженном виде: не сохранились две башенки, стоявшие по обе стороны от входного портика, одна из которых служила колокольной, а другая ризницей, а посводное покрытие купола Ильинско-Тихоновская церкви завершала ваза с крестом [5].

Большую роль в системе визуальных координат города играют культовые сооружения. Со времен заложения первой церкви они формируют силуэт исторического центра Ярославля, являясь не только градостроительными доминантами, но и духовными. Многие из существовавших ранее церквей, стоявших вдоль естественных границ, утрачены, многие потонули в застройке, но даже при потере своего градостроительного значения они никогда не потеряют духовного. Семантика и определенная символика их форм вносит помимо выразительной многозначной линии в силуэт сакральный смысл, осознавая который, можно увидеть сакральную геометрию всего города.

Библиографический список

1. Власов, В.Г. Большой энциклопедический словарь изобразительного искусства. Украинское барокко. [Текст] / В 8т. - СПб. :: ЛИТА, 2000.
2. Заграевский, С.В. Формы глав (купольных покрытий) древнерусских храмов. [Текст]. – М., 2008.
3. Здания, сооружения и комплексы православных храмов. [Текст]. – СП 3131-103-99 : ввод в действие с 27.12.1999. – М.
4. Кириченко, Е. И. Ветхий и Новый Завет в типах христианского зодчества // Вестник РГНФ, 2000. – №3. – С. 204.
5. Маров, В.Ф. Ярославль. Архитектура и градостроительство. [Текст]. – Ярославль : Верхняя Волга, 2000.
6. Неополитанский, С.Н., Матвеев, С.А. Сакральная геометрия [Текст]. – СПб. : Институт метафизики, 2004.
7. План города Ярославля 1913 года с обозначением всех бывших в городе церквей и монастырей и с указанием их состояния в 1989 году [Карты] / увеличено с издания А.Я. Разродного; выполнено Г.И. Антиповым в 1989 г. – Испр. В 1993 г. – Ярославль: Архив Комитета историко-культурного наследия департамента культуры Ярославской области, 1993.
8. Российская Федерация. Проект зон охраны г. Ярославля [Текст] : региональный закон: [утвержденный Постановлением Правительства Ярославской области от 10.12.2008 г. № 660-п]. – Ярославль.
9. Трубецкой, Е.Н. Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи. [Текст]. – М., 1916.
10. Флоренский, П. А. Иконостас [Текст]. – СПб., 1993.
11. Юрьева, Т. В. Православная картина мира: мировосприятие и художественный образ [Текст]: учебное пособие. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д Ушинского, 2008. – С. 45-46.

УДК 008.009

М.Г. Седых

Влияние Русской Православной Церкви на облик Белгородской области

Русская Православная Церковь (РПЦ) рассматривает себя и признана прочими поместными церквами в качестве единственной канонически легитимной православной административно независимой церкви на территории бывшего Советского Союза, исключая Грузию и Армению, и считает себя единственно законным преемни-

ком Поместной Российской Православной Церкви, Православной Российской Церкви и Киевской Митрополии в составе Константинопольского Патриархата. Крупнейшее религиозное объединение в РФ, на Украине, в Белоруссии, Молдавии.

Правовым основанием своего устройства и деятельности полагает Божественные заповеди, содержащиеся в Священном Писании, а также Священное Предание. Последнее включает в себя каноны, авторизованные Церковью богослужебные тексты, творения святых отцов, Жития Святых, а также обычаи Церкви.

Смысл миссии Православной Церкви заключается в том, что она нацелена не только на формирование интеллектуальных убеждений, нравственных идеалов, но и на передачу опыта Богообщения, жизни общины, существующей в Боге. Задача миссии состоит в проекции на человеческие отношения тех отношений, которые существуют в Пресвятой Троице. Православная миссия состоит в том, чтобы приближаться к миру, освящать и обновлять его, вкладывать новое содержание в привычный образ жизни, принимать местные культуры и способы их выражения, не противоречащие христианской вере, преобразуя их в средства спасения.

Церковь не только влияет на внешний вид города, строя православные сооружения и инвестируя строительные проекты, она принимает участие в обсуждении вопросов социальных и экономических проблем. Белгородская область славится добросовестным, самоотверженным трудом многих поколений белгородцев, внесших заметный вклад в укрепление экономики страны. Белгородская область постоянно занимает ведущее место в России по многим социально-экономическим показателям. Здесь сформирован солидный экономический, научно-технический потенциал, создана развитая социально-культурная сфера. И немалый вклад в развитие области также вложила Русская Православная Церковь. Сегодня на территории епархии находится 195 храмов, совершают свое пастырское делание более 200 священнослужителей. На один храм уже приходится около пяти тысяч жителей.

На Белгородчине проводится разумная политика губернатора Евгения Степановича Савченко, направленная на то, чтобы не допустить экстремизма по отношению к людям, имеющим христианские корни, и в то же время истинные христиане никогда не будут агрессивны по отношению к другой религии. Свидетельством тому - мемориал «Курская дуга», где мусульмане установили памятный камень в честь своих погибших единоверцев.

Белгородская земля по праву именуется Святым Белогорьем: множество православных храмов, монастырей, часовен, целебных источников, чудотворных икон и других святынь издавна привлекало

не только паломников, но и вообще всех известных путешественников, ученых, поэтов и писателей, посещавших Белгород и область.

В Белгородской области в г. Губкин расположен второй по величине в России, после Храма Христа Спасителя в Москве, Спасо-Преображенский собор, являющийся символом примирения людей разных стран и вероисповеданий. Собор построен в 1996 г. по инициативе работников АО «Лебединский ГОК» на пожертвования российских и зарубежных фирм, а также частных лиц. В создании архитектурного ансамбля Спасо-Преображенского собора приняли участие российские, украинские, чешские и греческие специалисты. Архитектурно Спасо-Преображенский собор представляет собой пятикупольное здание, образующее в плане форму креста. Высота более 50 м. Одновременно в главном зале храма могут разместиться более 2500 человек. Средства на строительство были получены путем многочисленных пожертвований и взносов – их собрано около 1,8 млн. долларов. Общая стоимость строительства составляет более 4 млн. долларов.

Первый заместитель губернатора области Олег Полухин в марте 2009 г. заявил, что в 2011 году будет отмечаться столетие со дня прославления святителя Иоасафа в лике святых, одного из самых почитаемых в Белогорье, в связи с чем надо активизировать работы по строительству и ремонту православных храмов. «В Белгородской области 260 поселений. Надо сделать так, чтобы к 2011 году в каждом был храм. И не должно быть ни одного разрушенного или не функционирующего! 109 храмов надо построить, 25 - восстановить, 100 - отремонтировать. До конца этого года – это наша главная задача» - заявил Полухин. На ремонт и восстановление храмов частично будут выделены средства из областного и местных бюджетов. А вот строительство церквей губернатор Белгородской области Евгений Савченко предложил проводить за счет спонсорской помощи и за счет увеличения стоимости аренды для коммерсантов. И это не просто слова. Каждый месяц в СМИ появляется информация о вновь и вновь открывающихся храмах.

1 мая 2010 г. в Белгороде освятили храм святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. Именно он должен стать духовным центром епархии. Участие в божественной литургии принял Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Архитектурный ансамбль является образцом русского деревянного зодчества. В него входят храм, церковь святого великомученика Георгия Победоносца, источник, книжная лавка. Строительство церкви святого великомученика Георгия Победоносца начато в 1997 году на благотворительные средства. Бювет, обрамляющий источник, представляет собой два строения, соединенных аркой. Вода посту-

пает на поверхность с глубины 570 м. 5 августа 2003 года архиепископ Белгородский и Старооскольский Иоанн освятил источник во имя преподобного Серафима Саровского.

В области возрождаются традиции и основы православия, забытые и утерянные во времена советского атеизма. В некоторых храмах проводятся службы, где по ходу объясняют смысл молитв, их называют миссионерскими. Они проходят в Преображенском соборе и в храме князя Владимира в посёлке Разумное, под Белгородом. Но периодически во всех храмах совершаются такие службы. Решено даже напечатать приходские книжечки для того, чтобы человек, придя на Литургию, мог бы с пониманием молиться. В книжечках будут объяснения и молитв, и богослужений, и некоторые песнопения.

28 сентября 1996 г. была торжественно открыта Святейшим Патриархом Белгородская Православная Духовная семинария с миссионерской направленностью, первая и пока единственная семинария такого профиля в России. Ныне в семинарии, получившей в 1998 году статус высшего учебного заведения, обучаются 209 воспитанников дневного и заочного отделений, несут послушание 33 преподавателя, из которых 22 являются священнослужителями. Белгородская семинария призвана готовить священнослужителей, богословов, преподавателей Духовных учебных заведений, специалистов в области преподавания Закона Божия в нерелигиозных учебных заведениях, православных миссионеров, полковых священников (капелланов), других работников учреждений Московского патриархата.

Освоение Духовной школой интернет-пространства является одной из первостепенных задач. В настоящее время в России основная часть населения пользуется Интернетом, 50% населения причисляют себя к православным, по самым заниженным данным. В то же время православных сайтов и страниц крайне мало, в интернет-зоне «RU» их не больше 0,1%. Примерно только один из 2-х тысяч пользователей прибегает к услугам православных сайтов.

Используя современный уровень развития электронных коммуникаций, в Белгородской семинарии разрабатывают программу дистанционного образования. Открыт филиал в Германской епархии Русской Православной Церкви.

1 июня 2004 года освящен и открыт Духовно-просветительский центр во имя святителя Иоасафа, епископа Белгородского, чудотворца. Духовно-просветительский центр во имя святителя Иоасафа призван объединить творческих людей, независимо от их возраста и социального положения, способных глубоко научно разрабатывать образовательные программы, учебники, курсы, методические пособия для учителей и родителей по право-

славному краеведению и другим учебным предметам. В нем развиваются православные русские традиции, такие, как проводы новобранцев в армию, посвящение в сестры милосердия, награждение юных патриотов Благословенными грамотами святителя Иоасафа, епископа Белгородского, чудотворца. Этот центр выполняет три основные функции: образовательную, воспитательную и функцию духовного обогащения. Работники просветительского центра рассказывают о жизни святых и их чудодействиях, разъясняют понятия «добра» и «зла», прививая тем самым моральные и нравственные принципы.

Православная Церковь ставит перед собой задачу восстановления духовных традиций семьи. Осуществляя данную задачу, в г. Белгороде 4 марта 2006 года открыли первый православный детский сад «Рождественский». Он создан по письменному распоряжению управляющего Белгородской и Старооскольской епархии Русской Православной церкви Архиепископа Белгородского и Старооскольского Иоанна. Детский сад является некоммерческой организацией, но в своей деятельности руководствуется действующим законодательством РФ. Органы местного самоуправления г. Белгорода и городского округа оказывают поддержку детскому саду. В качестве содержания его деятельности было определено воспитание, обучение, развитие, оздоровление детей в возрасте от 3-х до 7-ми лет; реализация программ дошкольного образования, дополнительных образовательных программ и православных образовательных программ, а также программ работы с родителями. Воспитание и обучение детей в детском саду ведётся на русском языке, но используется и церковно-славянский язык. Есть у детского сада свой духовник-священник, он помогает создавать и поддерживать духовный климат в детском саду и разрешать возникающие религиозно-нравственные вопросы, исполняет духовные требы и вместе с воспитателями проводит православные образовательные мероприятия для детей. В детском саду проводятся утренники в соответствии с церковным и светским календарём.

2 ноября 2001 года Белгородский государственный университет стал ещё одним вузом России, имеющим свой домовый храм. В этот день построенный храм был освящен в честь Архангела Гавриила, отныне являющегося духовным покровителем студентов вуза. Существеннейшее предназначение свое домовая церковь видит во взаимодействии и духовном окормлении студентов и сотрудников БелГУ; в противодействии проникновению в студенческую среду грехов и пороков, а также в приобщении студентов к исконным ценностям и духовным идеалам Святой Руси. Богослужebная деятельность храма включает в себя проведение

уставных Богослужений в определённые расписанием дни, совершение таинств и треб. Миссионерская деятельность храма реализуется в проведении конференций, семинаров, лекций, бесед и «круглых столов» со студентами и преподавателями БелГУ и других вузов Белгорода на различные темы, связанные с духовно-нравственным возрождением личности, семьи, нации и государства. Приход осуществляет показ видеофильмов православной тематики с последующим их обсуждением.

Тысячи паломников и туристов привлекают белгородские земли своими чудотворными иконами, уникальными монастырями, красотой храмов и другими святынями. Среди православных белгородских святынь, сохранившихся донине или обретенных в последнее время, всенародным почитанием и поклонением отмечена икона святителя Николая Ратного, по преданию, явившаяся в XIII веке на источнике в селе Устинка и спасающая жителей от набега татар. По другим сведениям, эта икона получила наименование Ратного при Иване Грозном во время битвы с татарами под Казанью. Известной святыней является икона Пресвятой Богородицы Смоленская (Одигитрия). В ночь на 15(2 по ст.ст.) октября 1703 года она чудесно просияла над воротами крепостной стены Белгорода. Ее не раз переносили в храм, но вскоре снова находили на прежнем месте. В 1705 г. там был построен деревянный храм, а в 1743 г. - освящен каменный Смоленский собор.

Крестовоздвиженская церковь построена в 1863 г. на средства графини А. В. Ластовской и купцов братьев Мухановых. Святыней храма является чудотворный Кошарский Крест, который был изготовлен на Афоне и подарен иноком Афонского монастыря своему брату Юрию Выродову - землевладельцу, проживавшему в селе Кошары. Но помещик не питал благоговения к святыне и после неудачной охоты приказал бросить Крест в болото. Чудесное обретение поруганной святыни произошло в конце XVIII века. Слепой, услышавший во сне обещание исцеления, если найдет и вынесет из трясины Крест, тотчас прозрел, прикоснувшись к своей находке. Кошарский Крест прославился многочисленными исцелениями, а на месте его обретения явился целебный источник.

Преображенский кафедральный собор, расположенный в центре Белгорода, прославлен тем, что в нем хранятся мощи святителя Иоасафа Белгородского.

Следует также отметить иконы Пресвятой Богородицы «Живоносный Источник» (г. Старый Оскол, XVIII век), «Помощница в родах» (явлена в XVII в., находится в Спасо-Преображенском кафедральном соборе г. Губкина), Казанская (XVIII век, находится в Свято-Троицком храме г. Старый Оскол), иконы святой великому-

ченицы Параскевы (Пятницы) (XVIII век, сейчас находится в Успенском храме г. Новый Оскол), святого великомученика и целителя Пантелеимона (явлена на источнике в лесу у села Вязовое Прохоровского района в конце XVIII века, ее чудотворный список находится в Никольском храме этого же села).

На всю Россию известен Холковский Спасо-Троицкий мужской монастырь. По преданию, монастырь располагается на том месте, где произошла встреча князя Игоря Святославича и его брата Всеволода перед их походом на половцев в 1185 году. Предположительно монастырь был основан в XIV веке монахами Киево-Печерской Лавры. Впервые о нем упоминается в 1620 году. В 1650-1700 годах построен подземный Троицкий храм. Его купол был выложен из кирпича. В 1764 году согласно Манифесту о секуляризации монастырских земель пещерный Холковский монастырь был упразднен. В XIX веке службы для прихожан проводилась в наземном Преображенском храме, а нижняя пещерная церковь была заброшена. В «Памятной книжке Курской губернии на 1888 год» (XIX) сказано, что общая площадь пещер - 255 м², церкви - 60 м², келий - 172 м², длина коридора - около 126 метров. В начале XX века вход в пещеры был засыпан и практически забыт. В 1909-1915 гг. под руководством настоятеля Преображенской церкви отца Вячеслава местные крестьяне и наёмные рабочие откопали древние пещеры с кельями и подземной церковью и возвели перед входом часовню. В советское время пещеры были закрыты. Подземные достопримечательности открылись для посетителей лишь в 1990 году. Богослужения в подземном храме возобновлены в 1995 году. В 1997 году заложены храмовые строения будущего монастыря - надвратный Храм преподобных Антония и Феодосия Киево-Печерских, Владимирская часовня на холме и Храм Донской иконы Божьей Матери. В 1999 году монастырь был открыт. Сейчас настоятелем-священноархимандритом обители является архиепископ Иоанн. Непосредственное руководство жизнью братии осуществляет его наместник. Завершено строительство жилого корпуса. Братия пока немногочисленна. Всю работу монахи делают своими руками: выпекают просфоры, готовят себе еду, изготавливают мебель, необходимую для монашеского быта. Площадь монастырских огородов измеряется 24 гектарами, есть пасека. Богослужения совершаются в храме Донской иконы Божией Матери и в Свято-Троицкой подземной церкви.

Но Холковский монастырь не единственный пещерный монастырь на территории области. В Валуйском районе расположен монастырь Игнатия Богоносца. По указу царя Михаила Фёдоровича в 1613 году началось создание святой обители. Хотя есть мнение,

что первые пещеры появились ещё в VI-VII веках. В 1913 году была проведена реконструкция пещерного комплекса. На вершине меловой горы был построен храм Игнатия Богоносца. В начале прошлого столетия монастырь был разграблен. После Великой Отечественной войны в пещерах монастыря были взорваны боеприпасы, найденные на территории Валуйского района. В июне 2005 года началось восстановление пещер монастыря Игнатия Богоносца. В настоящее время территория полностью благоустроена: оборудованы подъездные пути, парковка, посажены аллеи. На вершине меловой горы, как и раньше, воздвигнут деревянный храм. Восстановлена значительная часть подземных галерей, проведено освещение.

В женских монастырях возродилось понятие «сестра милосердия», забытое в советские времена. На попечении Марфо-Мариинского женского монастыря, основанного в 1993 году, находятся наиболее тяжелые больные областной больницы, сестры также оказывают социальную помощь одиноким больным на дому. Священники Покровского храма Марфо-Мариинской обители совершают богослужения в местах лишения свободы. Обитель оказывает заключенным материальную помощь, собирая теплые вещи и продукты.

В Доктрине национальной безопасности есть понятие духовной безопасности. Надо защищать традиционные ценности нашей православной культуры, взаимоотношения между людьми должны строиться на этих традиционных ценностях.

Архиепископ Белгородский и Старооскольский Иоанн сказал: «Христианские ценности неизменны уже две тысячи лет. Нам важно, чтобы каждое социальное событие имело своё христианское измерение. Вот Христос говорит: вы - соль земли. А в чём заключаются свойства соли? Она очищает. Она сохраняет продукты от порчи. И всему придаёт вкус. Вот и задача церкви: сохранить веру, сохранить ценности, сохранить христианский образ жизни, уберечь людей от порчи, то есть от тех разрушительных идей и заблуждений, которые есть в обществе, и придать всему вкус».

А.В. Всеволодов

Религиозная жизнь советского индустриального города 1960-1980-х гг.: некоторые теоретические аспекты изучения *

Религиозная жизнь советского индустриального города 1960-1980-х гг. в отечественной историографии не принадлежит к числу основательно разработанных вопросов. По совпадению, активное историко-этнографическое изучение города и горожан началось у нас в середине – второй половине шестидесятых, во многом именно благодаря интересу к проблемам современности [1]. Своеобразие этого периода в истории отношений Советского государства и религии связано с совершившимся переходом от тотального подавления веры к ее административному допущению, когда место прямых репрессий заняла мелочная и придирчивая регламентация, подкрепленная широким спектром возможностей властного принуждения [2]. С точки зрения хода в стране модернизационных процессов описываемые десятилетия являются временем так называемой позднеиндустриальной модернизации [3].

Недоизученность городской религиозности связана с самой постановкой темы и особенностями ее восприятия и принятия в качестве направления исследований. Благодаря незначительной временной дистанции она находится сразу в нескольких смежных ракурсах – социологии религии, полевой этнографии, истории и т. п. Это ориентирует на комплексный полидисциплинарный подход в определении источниковой базы и выборе исследовательских процедур.

Фундаментальной трудностью является выяснение специфики религиозности, присущей советскому индустриальному городу описываемого времени как феномену. Ее естественной доминантой оставалось русское православие, о нем по умолчанию мы и будем говорить в дальнейшем.

Поиск опорных точек в определении черт своеобразия религиозности индустриального города приводит к необходимости понимания путей его генезиса как продукта воплощения специфически советской модели модернизации (форсированной по темпам,

* Работа выполнена в рамках реализации ФЦП "Научные и научно-педагогические кадры инновационной России" на 2009 - 2013 годы (научно-исследовательский проект "Элементы жизнеустройства российского города второй половины XIX – конца XX вв.: механизмы власти, политические и экономические структуры, общественные объединения, конфессиональная организация, социальная, образовательная, культурная среда") Г.К. П 360.

жестко вертикальной по направлению и тотально-мобилизационной по способу привлечения ресурсов, с очевидным креном в сторону тяжелой промышленности в ущерб производству предметов потребления и т.п.). Индустриальная инфраструктура, выстраиваемая на таких основаниях, требует, очевидно, чрезвычайно высокой демографической и пространственной динамики города. В первом случае логичным итогом становится взрывной рост населения с большим преобладанием в нем миграционной составляющей и соответственным быстрым уменьшением прослойки коренных жителей (в разных категориях городов она к концу восьмидесятых составляла от 8 до 21 %)[4], во втором – чрезвычайно высокая степень мобильности городской территории, быстро растущей и застраиваемой. Это пространство, по словам В.Л. Каганского, «устроено с простотой и убедительностью газетного рапорта», «оно побуждает к действию и является им»[5].

Планомерно расширяемое пространство лозунга катастрофически изменяет первоначальный ландшафт, будь то превращение деревни в рабочий поселок, а из него – в город, или трансформация небольшого тихого городка во «всесоюзную ударную стройку». Последнее клише как нельзя лучше, передает всю суть происходящих в ходе индустриализации изменений: город-стройка практически пересоздается с нуля. Точно так же пересоздают и переосознают себя и его жители, оказывающиеся в один момент на хронологическом и психологическом переломе, когда их «город-сад» внезапно и стремительно превращается в «город-завод», выходящий за пределы обычного понимания провинциальности, связываемого именно с идеальным образом тихого полусонного зеленого городка.

Город, претерпевший индустриальную метаморфозу, а не бывший промышленным изначально, молод. Молодость его не только хронологическая (индустриальная фаза, зачастую, охватывает меньшую часть его истории) или демографическая (высокая или даже преобладающая доля молодых возрастов в составе населения). Это состояние полного отрицания своего прошлого и своего окружения – тормозящих ускоренное развитие. Гармоничная упорядоченность, наполненность, легко обнаруживаемая иерархичность «прежнего» пространства теперь для него выглядит как дикая, неосвоенная почва, в которую надлежит внести семена прогресса. Такое обратное «окультуривание», своего рода реурбанизация города, неизбежно означает разрушение или изоляцию первоначального ландшафта. Он или сохраняется как фигура памяти, или становится замкнутым «историческим центром», или же умудряется уцелеть в виде отдельных островков, расцветивающих

своей несовременной индивидуальностью скроенный по жесткому стандарту новый облик городского пространства.

Но плата за социальную молодость выражается не только в эстетических потерях.

Город, преодолевающий свое прежнее пространство, схож с тем, который только создает это пространство из ничего: оба проходят путь «from wilderness to City» («от дикости к Городу»), как назвал этот процесс Гюнтер Барт [6]. Примененный американским исследователем к возникшим как раз ex nihilo Сан-Франциско и Денверу термин «instant cities» («быстрорастущие города»), характеризующий уникально быструю скорость их возникновения и расцвета, с некоторыми поправками подходит и для советского города-стройки. Действительно, тот удовлетворяет двум ключевым условиям такой применимости, поскольку так же растет в сжатые сроки и на неподготовленной для этого роста основе, то есть является искусственным, привнесённым образованием [7].

Директивно создаваемый ландшафт лишен органичности, телесности – он всегда направлен в будущее, служит лозунгу и приносит ему в жертву нужды и чаяния сегодняшнего дня. Он виртуален, непрочен, хотя и выглядит гораздо материальнее того идиллического пейзажа, на месте и вместо которого выстроен. Двойственная связь города и пространства как взаимодополняющих проектов в нем утрачена – он сам и есть город [8]. Его парадоксальная хрупкость подчеркивается целевым назначением: так как ведущей функцией является обеспечение потребностей развития промышленности, под нее, в конечном итоге, намеренно подгоняется и все социокультурное содержание, что проявляется и в новом способе географической организации городской среды, в которой жилая застройка, как правило, примыкает к так называемой промзоне. Два компонента городской среды функционально различны. Промзона, концентрируя в себе производительные возможности города, тем не менее, всегда остается в первую очередь «зоной» – то есть неким инородным, исключенным из связного контекста не-городом, центром и периферией одновременно. Собственно же город как обжитой территориальный массив в производительном плане пассивен, его назначение состоит, по существу, в поддержании жизнеспособности индустрии, по отношению к которой он выглядит как невольный паразит, чей рост и развитие питаются всецело за ее счет, благодаря ее обратному действию. Поэтому остановка или какое-либо прерывание осуществления базовой функции влечет за собой далеко идущие негативные последствия – вплоть до застойности, депрессии пространства и быстрого умирания поселения как такового [9].

Приспособление города, рассматриваемого как совокупность различных социальных образований и происходящих между ними процессов, к целевому ландшафту, их взаимное совпадение, а точнее – подмена первого вторым, рано или поздно переходит в их отчуждение друг от друга. Усложняет это отчуждение возможная консервация, вольная или невольная, фрагментов прежнего пространства (того, что обычно ностальгически, почти любовно именуется старым городом). Они привлекательны как раз своей естественностью, симфоническим совпадением элементов природной среды, градостроительных структур и проектов и лежащих в их основе потребностей освоения и развития территории. Такая двуплановость образует тип ландшафта, который справедливо будет назвать «стертым», поскольку он хранит в себе пусть единичные, но зримые следы доиндустриальной эпохи на фоне безусловного преобладания обезличенных и семантически более обедненных индустриальных форм, не обладающих смысловой завершенностью и самодостаточностью.

Ландшафту данного типа соответствует специфическая идентичность населения, которой свойствен замедленный темп перехода от неустановившегося самоощущения приезжего к самоопределению горожанина, когда отсутствует стойкая и отчасти иррациональная связь индивида с территорией проживания либо она носит сугубо прагматический характер и обусловлена силой обстоятельств. Если город часто обречен существовать в ситуации немой противопоставленности двух периодов своей истории, даже и визуальной, то его житель точно так же продолжает идентифицировать себя с малой родиной и ощущать свою принадлежность к ней, одновременно пытаясь приспособиться к новой для себя среде. Преодоление маргинальности приезжего в данном случае равносильно постижению связанности исторических эпох и единства разобщенных пространств на уровне городского социума в целом.

Стертый ландшафт и стертая идентичность, несомненно, накладывают отпечаток на характер православной повседневности индустриального города. После двух уничтожающих волн гонений (1920 – 30-х и конца 1950 – первой половины 1960-х гг.) деградация его конфессиональной среды была разительной: резко сократилась насыщенность ее разнопорядковыми сакральными объектами, была разрушена система именования улиц, исторически с этими объектами связанная, уничтожена или разрежена сеть церковно-административных структур (приходов, благочиний), исчезла и характерная для дореволюционного времени разветвленная номенклатура соподчиненных сообществ верующих (приходских попечительств, братств и т.п.) [10]. Православные общины в описываемый период функционировали в условиях тщательно контролируемой

властями ограниченной автономии, когда целые пласты религиозной жизни вынужденно были утрачены, деформированы или же находились на узкой грани дозволенного и недозволенного. Не выполнялось ключевое условие поддержания необходимой «плотности» (термин Мориса Хальбвакса [11]) религиозной жизни – ее традиционность. Последняя уже не может пониматься как локальная непрерывность, предполагающая совершенно особое восприятие и интерпретацию обжитого, освоенного пространства. Для этого в нашем случае отсутствуют или серьезно ослаблены первоначальные основания (стабильность вмещающей среды и ненарушенная передача особого опыта места, связанных с местом памяти и идентичности [12]).

Наоборот – пространство быстро растущего промышленного центра постоянно меняет и рамки, и наполнение, просто не успевая стать по-настоящему своим и привычным, закрепиться в сознании в качестве устойчивой системы координат. В таком же состоянии непрекращающегося движения находится и масса людей, созидающих это пространство. Они не могут полноценно принять его как свое до тех пор, пока оно находится в процессе становления, и в целом потому, что ощущают себя в нем в некоторой степени «приезжими» даже через много лет. Смена поколений запускает процесс превращения детей «приезжих» в новых «коренных», делает ландшафт привычным, но с точки зрения его сакральной наполненности он выглядит опустошенным, сохраняя только рудименты прежней полноты. Значительная общая дифференциация всей городской среды не соотносится, как видно, с предельной упрощенностью среды конфессиональной, а неосвоенное в данном аспекте пространство не может стать культурно упорядоченным и поддерживать религиозное чувство само по себе [13].

Здесь необходимо учесть и то, что религиозность городского жителя всегда имеет своеобразный травматический подтекст.

На начальной стадии индустриальный город развивается по сценарию плавильного котла, в котором механическое смешение тысяч личных историй его строителей должно перерасти в общность, спаянную уже не только формально заданной целью, но и классическим единством времени, места и действия, обуславливающим, в конечном итоге, складывание городского самосознания. Оно сопряжено с психологическим кризисом – переживанием неизбежной жизненной неопределенности. Это справедливо как для вчерашнего выходца из сельской округи, для которого город есть одновременно идеализируемое пространство праздника/праздности и территория социального хаоса (сам факт переселения сюда из деревни может рассматриваться как немалый личностный успех), так и для городского жителя, просто переехавшего с места на место. В

отличие от первого, он принужден в таких «старых новых» условиях не только закрепиться, но и самореализоваться.

Временная атомизация социальных связей в результате резкой смены жизненных условий – коллективной биографической травмы «новых» горожан – выдвигает для них на первый план задачу поиска жизненных ориентиров. Традиция, и в том числе традиция конфессиональная, сама по себе воплощающая стабильность, выступает при этом как инвариант, не имеющий прямой территориальной привязки. Она функционально нагружена и оформляет необходимые для выполнения своих функций относительно устойчивые поведенческие модели и практики. Другими словами, она действует как унаследованный механизм, пластичная программа, адаптирующаяся к городскому ландшафту и формирующемуся городскому социуму и в результате приобретающая под их влиянием черты местного своеобразия. Тем самым она помогает деструктивное переживание отчуждения обратить в позитивное ощущение связи с новым местом и новыми людьми – неотъемлемый компонент идентичности.

Религиозная жизнь города, с этой точки зрения, первоначально должна быть более связана не с ним самим, а с простым воспроизведением в нем ее значимых элементов в попытке частично воссоздать привычный уклад жизни или просто следовать проверенным образцам поведения, в том числе и в целях компенсации травмы. Понятно, что динамика религиозности в данном случае должна быть связана с постепенным привыканием к городу, освоением его пространства. В этом случае происходит необходимое укоренение традиции на духовной целине, каковой в известном смысле является город, переход ее в состояние мозаичного единства [14], когда формирующиеся локальные особенности накладываются на чрезвычайную пестроту состава населения. Течение этого процесса связано с тем, как в первоначальном котле идентичностей выплавляется единое городское самосознание, тесно соотнесенное с ландшафтом, с преодолением отчуждения, оторванности от него.

Фрагментарность православной жизни индустриального города советской эпохи предопределялась не только разрушением сложно организованной сакральной топографии, но и резким сжатием пространства личной веры, когда защитному свертыванию подвергаются и географический и ментальный его аспекты. Таков был результат целенаправленного идеологического и контрольно-репрессивного воздействия советских государственных и общественных институций, объективной узости возможностей приобщения к религиозному опыту, нарушения преемственной передачи этого опыта и деформации его содержания в сторону вынужденно-

го развития неканонических элементов. Ситуативность конфессионального поведения поддерживалась и тем, что религия теперь утратила свою роль регулятора повседневной жизни.

Если дореволюционный русский город, с известным допущением, можно назвать православным метасообществом, то в городе советском *единичное* православное сообщество существовало на большой дистанции от индифферентного по отношению к себе большинства. Оно было искусственно выделено из массы горожан юридически (актив сообщества действовал в виде «двадцатки», несущей всю полноту ответственности за врученное ей имущество и за действия верующих), ментально (поскольку его образовывал круг людей с определенными убеждениями) и, наконец, географически (оно группировалось вокруг храма/молитвенного здания как сакрального и коммуникативного центра). В этом сообществе в силу его относительной изолированности и затрудненности притока в него новых членов нарастали социодемографические диспропорции.

Гендерная асимметричность общины делала ее естественным носителем памяти о доиндустриальном прошлом города (поскольку в составе ее, как правило, высока была доля старожилов), однако не она, а пестрое по составу некоренное население определяло лицо городского православного сообщества. В условиях, когда связи внутри него носили во многом ситуативный, вынужденно усеченный характер (в том числе, в связи с тем, что быть верующим для гражданина СССР означало, по крайней мере, иметь карьерные затруднения), структура его оставалась подвижной. Достаточно четко фиксируемое «ядро» сообщества (списочный состав членов общины) окружала обширная и внутренне неоднородная «периферия», в составе которой выделялись слои наиболее активных и инициативных верующих (воцерковленных) и эпизодических участников. Кроме того, в состав «периферии», так или иначе, входило и непостоянное население, то есть люди, оказавшиеся в городе проездом или проживающие в нем временно.

Из всего вышесказанного следует, что изучение религиозной жизни индустриального города должно быть вписано в такую систему координат, которая учитывала бы тройную подвижность и известную автономность базовых детерминирующих факторов – механически расширяющегося пространства, механически растущего социума и выделяемого из него механически связанного православного сообщества. Первая ее условная ось – «пространство» – характеризуется неустойчивостью и сакральной неосвоенностью. На второй оси («социум») существенны высокая степень разнородности и ускоренная динамика городского населения по количеству и составу, в связи с чем определяющей чертой его своеобразия

зия является преобладание некоренного населения, пребывающего в ситуации маргинальности. Это требует включения разнообразных компенсаторных механизмов, чаще всего лежащих в диапазоне, ограниченном, с одной стороны, девиацией (далеко не всегда синонимичной ненормальности), а с другой стороны, – традицией, обращение к которой помогает индивиду выдерживать давление временности и непрочности своего положения в городе. Прибегая к известной классификации стратегий индивидуального приспособления Р. Мертона, можно сказать, что традиция как один из зубцов обрисованной поведенческой «вилки» содержательно во многом соотносится с ритуалистическим типом адаптации индивида к борьбе за культурные блага. Данный тип предполагает излишнюю нормативность поведения (стремление «едва ли не с маниакальной навязчивостью соблюдать институциональные нормы»), скованность его требованиями раз и навсегда усвоенных образцов в ущерб достижению общественно одобренных целей [15].

Наконец, третья ось («конфессиональное сообщество»), по сравнению с двумя другими, наиболее зыбка в силу внутренней разобщенности слоя верующих, когда воцерковленное меньшинство окружено куда более многочисленной группой лиц, для которых значима уже не духовная принадлежность к церкви через регулярное участие в ее таинствах, но демонстрация религиозности, связанная с тем, что такой шаг признается в том или ином отношении нормативным (привычным, традиционным).

Примечания

1. См.: Будина, О.Р., Шмелева, М.Н. Город и народные традиции русских. По материалам Центрального района РСФСР [Текст] / отв. ред. М.Г. Рабинович. – М., 1989. – С. 7 – 12; Рабинович, М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт [Текст]. – М., 1978. – С. 3, 6 – 14; Миронов, Б.Н. Русский город в 1740 – 1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие [Текст]. – Л., 1990. – С. 4.

2. Не случайно переход к современному этапу истории православия теоретики научного атеизма приурочивали к концу 1950-х годов, рассматривая весь период с 1917 г. как переходный, подготовительный к нему, этап становления. См.: Гордиенко, Н.С. Актуальные проблемы критики идеологии современного русского православия [Текст] // Атеизм, религия, современность. Сборник трудов. – Л., 1977. – С. 85 – 87.

3. Опыт российских модернизаций XVIII – XX века [Текст] / отв. ред. акад. В.В. Алексеев. – М., 2000. – С. 8.

4. Советский город. Социальная структура [Текст]. – М., 1988. – С. 230.

5. *Каганский, В.Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство [Текст]. – М., 2001. – С. 38; Опыт российских модернизаций... – С. 86 – 87.

6. *Barth G.P.* Instant cities. Urbanization and the Rise of San Francisco and Denver. N.Y., 1975. P. 4.

7. Ibid. P. XXII.

8. См. об этом: *Maciocco G.* Urban Landscape Perspectives: Landscape project, City project // Urban Landscape perspectives. / Ed. by Giovanni Maciocco. Berlin, 2008. P. 1 – 27.

9. Город в процессе исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики [Текст]. – М., 2001. – С. 95.

10. См., например: *Анкаримова, Е.Ю.* Роль православных сообществ в социокультурной жизни уральского города во второй половине XIX – начале XX в. [Текст] // Культуры городов Российской империи на рубеже XIX – XX веков (Материалы международного коллоквиума, Санкт-Петербург, 14 – 17 июня 2004 года) / отв. ред. Б.И. Колоницкий. – С. 352 – 357. Подробнее: *Миненко, Н.А., Анкаримова, Е.Ю., Голикова, С.В.* Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века [Текст]. – М., 2006. – С. 183 – 265.

11. *Хальбвакс, М.* Социальные классы и морфология [Текст]. – СПб., 2000. – С. 239.

12. См.: *Чистов, К.В.* Традиция и вариативность // *Чистов К.В.* Народные традиции и фольклор [Текст]. – М., 1986. – С. 108 – 109.

13. *Левинсон, А.Г.* О возможности культурологического анализа взаимоотношений человека и городской среды [Текст] // *Левинсон А.Г.* Опыт социографии. – М., 2004. – С. 41 – 43.

14. *Чистов, К.В.* Указ. соч. С. 109; *Barth G.P.* Op. cit. P. XXII.

15. *Мертон, Р.К.* Социальная теория и социальная структура [Текст] / пер. с англ. Е.Н. Егоровой, З.В. Кагановой и др. – М., 2006. – С. 268 – 269.

Ю.В. Батурина

**Роль личности святителя Тихона в инкультурации
современного подрастающего поколения**

На одном из официальных сайтов города Ярославля <http://www.city-yar.ru> среди наиболее значимых городских объектов, выстроенных к тысячелетию Ярославля, наравне с лечебным корпусом МУЗ им. Соловьева, реконструированных сквера и фонтана в исторической части города, Ярославским зоопарком «Лесная поляна», конно-спортивным комплексом, обозначен Храм святителя Тихона в Дзержинском районе. Последнее сооружение является поистине уникальным фактом современного строительства, поскольку возрождает не только сохраненные веками храмовые традиции, но и канонизированные в XX веке имена, что является собою сохранение культурного наследия страны, воплощенного в камне.

Представляя собой фрагмент культурной истории тысячелетнего города, этот храм может являться объектом культурологических исследований не только со стороны представителей научного сообщества, но и современного подрастающего поколения, что способствует позитивной инкультурации формирующейся личности, ее нравственному самосовершенствованию.

Инкультурацию принято определять как процесс придания личности общей культурной компетентности по отношению к стандартам того общества, в котором она живет. Сюда входит освоение, прежде всего, системы ценностных ориентаций и предпочтений, принятых в обществе, этикетных норм поведения в разных жизненных ситуациях, более или менее общепринятых интерпретативных подходов к различным явлениям и событиям, определенные познания в области национальных и сословных традиций, господствующей морали, нравственности, мировоззрения, обычаев, обрядов, политической и культурной истории данного народа, основных символов национального достоинства, гордости. Иными словами, общая культурная компетентность, приобретаемая индивидом в процессе инкультурации, подразумевает овладение им достаточным объемом культурных знаний и социального опыта через практическую деятельность в составе различных социокультурных групп. Средства обретения индивидом всех этих многочисленных знаний также сосредоточены преимущественно в домашнем воспитании и общем образовании, а также всей совокупности социальных контактов личности со своим окружением.

Обретение культуросообразного опыта современным подрастающим поколением происходит не только на уроках МХК, но и в общении с представителями социума. Такая возможность предоставляется обучающимся в результате реализации культурной трансмиссии, позволяющей социальной группе увековечить свои особенности в последующих поколениях с помощью основных механизмов научения. Проектные технологии в области мировой художественной культуры, направленные на изучение исторических архитектурных сооружений, позволяют применять *горизонтальную трансмиссию*, когда подросток осваивает социальный опыт и традиции культуры в общении со сверстниками.

Это заставляет нас говорить об утверждении в национальной концепции образования важного принципа актуализации личностного опыта воспитанника и учете в содержании образования его духовного потенциала, который реализуется путем приобщения к человеческой культуре. Речь в данном аспекте идет о духовном совершенствовании подростка, поскольку непрерывная работа, созидающая гражданина, есть работа духа, усилий, направленных на формирование духовного мира личности: знаний, веры, ценностей, потребностей, убеждений, целей, чувств [4]. Поэтому мы можем считать, что сущностью образовательного процесса в данном случае становится целенаправленное превращение социального опыта в опыт личностный, приобщение молодого человека ко всему богатству человеческой культуры, которое осуществляется путем оптимизации культурной функции образования, его ориентации на проверенные временем культурные доминанты, сохранившие свое значение и для современности, такие, как антропоцентризм, гуманизм и духовность [4]. Учитывая духовно-нравственное содержание курса МХК, соглашусь с позицией Ю.А. Шубина [7], высказанной в статье «Традиция как ресурс социально–культурной идентичности личности в современном обществе», суть которой заключается в том, что механизм инкультурации при этом предстает как процесс становления трех сфер личности: интеллектуально–практической, мотивационно–ценностной и нравственно–практической.

Само понятие интеллектуально-практической сферы личности связано с постановкой интеллектуальных задач и их практическим решением на различных этапах реализации исследовательского проекта.

Очевидно, что благодаря оптимизации исследовательского обучения в образовательном процессе появляется возможность реализации задач самого широкого плана – эффективной социализации, историко-патриотического и сословного воспитания – в конечном счете, воспроизводства культуры социума от поколения к поко-

лению. Реализация процессов социализации и инкультурации личности в данном случае достигается за счет повышения эффективности усвоения учащимися знаний, умений, навыков, становления и развития психических функций, общих и специальных способностей, мотивационных установок учащихся. В этом аспекте исследовательская деятельность выступает как образовательная технология построения общего образования, ориентированная на задачи развития, способ обновления содержания общего образования через развитие деятельностных способностей; способ профориентации и начальной профессиональной подготовки (отбор талантливых и мотивированных детей с последующей профилизацией их образования и ориентацией на работу в высокоинтеллектуальных отраслях); средство обретения молодым поколением культурных ценностей через культуру и традиции научного сообщества.

Становление мотивационно-ценностной сферы личности в процессе инкультурации представляет собой формирование заинтересованности (незатухающего источника энергии для самостоятельной деятельности и творческой активности) подростка в изучении основополагающих ценностей культуры. Здесь мы имеем дело с ее аксиологической составляющей, содержанием которой *выступают артефакты, созданные в различных сферах человеческой деятельности - религиозной, моральной, художественной.*

Отмечу, что рассмотренные выше интеллектуально-практическая и мотивационно-ценностная сферы личности являются существенными составляющими механизма инкультурации. По мнению Ю. А. Шубина [7], еще одной не менее значимой областью обозначенного процесса постижения культуры является *нравственно-практическая деятельность.*

Усиленное внимание к совершенствованию духовно-этической позиции обучающихся на уроках МХК является благоприятной почвой для формирования нравственно-практической сферы личности. Изучение теоретических основ культуры и искусства предполагает не только знакомство подростка с основными направлениями искусства и культурными эпохами, что, бесспорно, формирует развитие эмоциональной сферы личности, высокие эстетические ценности, но создает условия для совершенствования искусства ведения диалога с различными представителями социума, оформления подростками результатов своей деятельности, направленной на изучение культурных ценностей. Это позволяет обучающемуся *не только изучать* созидательную деятельность отдельных представителей различных культурных эпох и художественных направлений, но и самому *принимать участие в культуротворческой деятельности.*

Примером культуротворческой деятельности могут служить проекты, направленные на сохранение и изучение культуры города, края или страны. Воплощением интеллектуально-практической деятельности, ориентированной на изучение культурного наследия, может служить проектная деятельность, направленная на изучение таких архитектурных памятников современности, как храм святителя Тихона в Дзержинском районе.

Имя святителя Тихона, патриарха Московского и Всея Руси [5], канонизированного Собором Русской православной церкви в 1989 году, вошло в историю культуры Ярославского края. Мирское имя патриарха – Василий Иванович Белавин. Уже в детстве видевший вещие сны, он ощутил в себе призвание к обучению в семинарии. После окончания семинарии, а затем и Петербургской духовной академии, в 1888, будучи кандидатом богословия, он возвратился в Псков и три года преподавал в родной семинарии. В 26 лет, после серьезных раздумий, он преклонил волю под три высоких монашеских обета — девства, нищеты и послушания. 14 декабря 1891 года он принял постриг с именем Тихон, в честь святителя Тихона Задонского. Святитель Тихон неустанно трудился над укоренением и распространением Православия в Америке. При нем сооружено было много новых храмов и на Аляске, и в Канаде, и в Соединенных Штатах. В 1901 г. епископ Тихон совершил закладку кафедрального храма в Нью-Йорке во имя святителя Николая.

В 1905 г. святитель Тихон был возведен в сан архиепископа, а через два года после этого переведен на одну из самых почетных в России кафедр — Ярославскую, преемницу древней Ростовской. И в Ярославле он оставался все тем же мудрым, распорядительным, благожелательным архиереем; часто объезжая епархию, совершал службы в приходских и монастырских храмах.

Для подъема в народе религиозного чувства по его благословиению устраивались грандиозные крестные ходы, в которых неизменно принимал участие Святейший. Безбоязненно служил он в храмах Москвы, Петрограда, Ярославля и других городов, укрепляя духовную паству. Когда под предлогом помощи голодающим была предпринята попытка разгрома Церкви, Патриарх Тихон, благословив жертвовать церковные ценности, выступил против посягательств на святыни и народное достояние. В результате он был арестован и с 16 мая 1922 года по июнь 1923 года находился в заточении. Несмотря на гонения, святитель Тихон продолжал принимать народ в Донском монастыре, где он уединенно жил, и люди шли нескончаемым потоком, приезжая часто издалека или пешком преодолевая тысячи верст. Последний мучительный год своей жизни он, преследуемый и больной, неизменно служил по воскресным и

праздничным дням. 23 марта 1925 года он совершил последнюю Божественную литургию в церкви Большого Вознесения [5].

Эта биографическая информация о святителе Тихоне может служить составной частью творческого проекта, направленного на изучение места данного архитектурного сооружения в культурном наследии Ярославля, исследование его структурных элементов, их соответствия канонам храмового зодчества. Продуктом данного проекта может быть как брошюра, содержащая текстовую биографическую информацию, фотографии осуществляющегося строительства, так и буклет, творческая презентация, а также макет храма, созданный своими руками.

Очевидно, что работа подростков над реализацией творческих проектов по мировой художественной культуре способствует оптимизации процесса инкультурации личности, поскольку позволяет развивать чувства, эмоции, образно-ассоциативное мышление и художественно-творческие способности; воспитывает художественно-эстетический вкус; потребности в освоении ценностей мировой культуры; владение умением анализировать произведения искусства, оценивать их художественные особенности, высказывать о них собственное суждение. Такой подход, содержащий в себе огромный духовно-нравственный потенциал, представляется нам стержневым и системообразующим в отборе и конструировании образовательного материала, ценностно насыщающего содержание образования и служащего надежным источником воспитания личности.

Как было отмечено выше, процесс инкультурации имеет тесную взаимосвязь с социализацией личности. Это взаимодействие прослеживается на примере культурной трансмиссии, которая является непременным условием обмена опытом между представителями социума. Как показывает практика, в рамках реализации творческих проектов возможно применение всех ее аспектов. В процессе работы над проектом подросток вынужден взаимодействовать не только с родителями (вертикальная трансмиссия), но осваивать социальный опыт в общении со сверстниками (горизонтальная трансмиссия), с преподавателями различных предметных дисциплин, с представителями других профессий, носителями народной мудрости («непрямая» трансмиссия).

Рассмотренные сферы (интеллектуально-практическая, мотивационно-ценностная и нравственно-практическая) не имеют жесткой прикрепленности к жанру проекта (исследовательский или творческий) или его виду (индивидуальный или групповой). Реализуя различные векторы формирования личности, они представляют собой полноценный механизм инкультурации, позволяющий не

только исключить какую-либо из указанных областей, но убедиться в их взаимодополняемости при реализации метода проектов.

Библиографический список

1. Божович, М.И. Изучение мотивации поведения детей и подростков [Текст]. – М., 1976г.
2. Дугарова Ц.Д. Инкультурация личности в современной национальной школе. Автореферат докторской диссертации. 2004 год. Чита. [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://hghltd.yandex.net> 05.08.2010.
3. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы [Текст]. – СПб. : Питер, 2004. – С. 256.
4. Крючков, В.К. Культурная среда как источник воспитания личности. Доклад: XV Международные Рождественские образовательные чтения. [Электронный ресурс] .- Режим доступа: <http://www.verav.ru> взята 05.08.2010 в 20:43.
5. Официальный сайт московского патриарха [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru> 20.09.2010.
6. Примерная программа по мировой художественной культуре. [Электронный ресурс] .- Режим доступа: <http://www.omczo.org/publ/182-1-0-506> 11.07.2010.
7. Шубин, Ю.А. Традиция как ресурс социально-культурной идентичности личности в современном обществе. [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://hghltd.yandex.net> 09.08.2010.

УДК 008:001.8

М. Г. Пономарева

Образ Ярославля в художественной рефлексии исторических романистов

Ярославль – город с тысячелетней историей. Но не только этим славен наш город, поскольку далеко не каждый областной центр может похвастаться тем, что связан с событиями общенационального масштаба: княжением Ярослава Мудрого, организацией народного ополчения Минина и Пожарского, остановкой в Спасском монастыре князя Михаила Романова, направляющегося в Москву для “венчания на царство”, белогвардейским мятежом и т.д. Ярославль – город, с которым связаны жизнь Федора Волкова, Николая Некрасова, Леонида Трефолева, Алексея Суркова, оперного артиста Леонида Собиннова, основоположника русской научной педагогики Константина Ушинского, первой в мире женщины-космонавта Валентины Тереш-

ковой и т.д. Словом, наша история – благодатная почва для произведений исторических романистов в первую очередь.

Вполне естественно, что она уже давно стала материалом для творческой рефлексии художников слова, прежде всего те факты, которые вписывались в историю всего государства. Так, например, бегство дворянства из взятой Наполеоном Москвы в Ярославль было отражено на страницах романа Л.Н. Толстого «Война и мир», хотя название города там и не упоминается. В начале XX века была написана повесть Л. Волкова «В стародавние годы». Жизни князя-мученика была посвящена поэма Кедрина «Князь Василько Ростовский» (1942). Еще чаще объектом творческой рефлексии становился образ Ярослава Мудрого, и не только как основателя города. Писателей часто привлекал именно этот правитель Руси как противоречивый и неоднозначный. В 1960-е годы появился роман украинского писателя Павла Загребельного «Ярослав Мудрый» (первое название «Диво»). Ярko представлен образ Ярослава Мудрого и в романе А.П. Ладинского «Анна Ярославна – королева Франции». Можно вспомнить и книгу В.Ф. Московкина «Тугова гора» о восстании 1257 года против татаро-монголов или повести Б. Сударушкина. Судьба ярославской земли становится объектом осмысления и в произведениях современной ярославской исторической романистки И.А. Грицук-Галицкой (в трилогии «Волнующие красотой» (Херикун Кутуктай) («Велесовы внуки», «Любовь и смерть Батыя», «Хан Федор Черный»)). И это далеко не полный перечень тех произведений, в которых были отражены события ярославской истории или ее герои.

Можно сказать, что писателей все чаще начинают интересоваться событиями средневековой ярославской истории, связанной с именами не только Ярослава Мудрого, но и Федора Черного, Василька Ростовского, Александра Невского и др. Однако показательно, что писателей в первую очередь привлекают события, которые у большинства писателей и без того ассоциируются именно с их именами.

Повествовательная история (историография) рассматривается нами как этап формирования дискурсивных конструктов. Согласно истории нарратива, мир может быть познан только в форме литературного дискурса. Мир открывается человеку в виде историй, рассказов о нем. Как замечает И. Ильин, «проблема взаимоотношения между рассказом-нарративом и жизнью» может быть рассмотрена «как особая форма существования человека, как присущий только ему модус бытия» [1].

Ю.В. Шатин, проводя разграничения между историографическим письмом и историческим дискурсом, отмечает: «Историографическое письмо, превращаясь в дискурс, преодолевает индивидуальные системы текстопорождения, формирует устойчивые кон-

структы, обладающие большой инерционностью. Признаками складывания исторического дискурса можно считать преодоление жанровых рамок и появление эпигонских повторов... Граница между письмом и дискурсом пролегает в области измерений и может быть уподоблена соотношению плоскостных и объемных фигур. Объем историческому дискурсу придает «захватывание» им сфер, прямо не относящихся к историографии и не только не связанных с концептуальными построениями историков, но в какой-то мере эти построения формирующих»[2]. Исторический факт изначально не мыслится нами вне хотя бы минимального повествовательного контекста. Эти фрагменты историографического текста, как правило, связывают субъекта действия и действие («Ярослав Мудрый основал Ярославль»), субъект действия и место действия и т.д. Формирующиеся минимальные «исторические конструкты» воспринимаются как истинные и неразложимые и зачастую переходят неизменными из одного историографического произведения в другое.

Современная альтернативная история [3] во многом основана на «разбивании» этих устойчивых дискурсивных комплексов (татаро-монгольское нашествие в этом случае может превратиться в нападение князей-«степняков», сторонников сына Андрея Боголюбского). Правда, стоит отметить и тот факт, что эти произведения часто нельзя назвать художественными. Даже более того, у ряда авторов-альтернативщиков есть даже какая-то боязнь перед художественной формой осмысления материала, которая воспринимается ими исключительно как основанная на вымысле, а они претендуют на новое, но «истинное» слово об истории. Кроме того, сам метод «экспертизы» исторических фактов не предполагает художественной обработки материала.

«Альтернативщики» не обошли своим вниманием и Ярославль. В работе Носовского и Фоменко «Новая хронология Руси» наш город объявляется Великим Новгородом: «В 1434 году великий князь Василий Васильевич был разбит под Ростовом князем Юрием, после чего убежал в Великий Новгород, а оттуда – в Кострому и в Нижний Новгород. Через некоторое время, в том же году, князь Василий Косой Юрьевич "поидя (из Москвы – Авт.) к Новгороду Великому и оттоле – к Костроме и нача собирать воя". Итак, мы обнаруживаем, что ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД НАХОДИЛСЯ НА ПУТИ ИЗ МОСКВЫ В КОСТРОМУ, а также, что ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД НАХОДИЛСЯ НА ПУТИ ИЗ РОСТОВА В КОСТРОМУ. Если бы сегодня кто-либо вздумал ехать из Москвы в Кострому через сегодняшний Новгород, а тем более – из Ростова в Кострому через Новгород, то на такого оригинала посмотрели бы как на сумасшедшего. ЭТО – ПРАКТИЧЕСКИ ПУТЬ ТУДА И

ОБРАТНО. Нас хотят убедить, будто разбитый под Ростовом князь Василий Васильевич "бежал" около 500 километров ПО БОЛОТАМ из Ростова в Новгород... Не проще ли было добраться из Москвы до Костромы напрямик ЧЕРЕЗ ЯРОСЛАВЛЬ?» [4] Ярославец Альберт Максимов в книге «Русь, которая была», в целом считая неудачной «реконструкцию прошлого от Носовского и Фоменко» [5], в данном случае соглашается с ними, считая систему доказательств безупречной. Заманчиво, что и говорить, примерить на себя славу Великого Новгорода, но это означает, что и собственной, не менее великой, истории город должен лишиться. Да и кто сейчас может достоверно знать и убедительно доказать, как было легче добираться в Великий Новгород?! И почему, меняя расположение этого города, писатели не подвергают сомнению, например, истинность названий – Костромы хотя бы?!

Этот пример хорошо показывает, каким образом современные «творцы от истории» пытаются преодолеть нарративность ее летописного текста, но при этом сами претендуют или на создание новых дискурсивных конструктов, или на встраивание «своего» факта в общую систему. Ведь они не отрицают того, что «Ярославль – третий торговый город страны», ссылаясь на вывод Н.М. Карамзина о том, что основной торг в России находился в устье Мологи. Зато какой неожиданный вывод Носовский и Фоменко из этого делают: «Не произошло ли само слово «ярмарка» от Ярославля? Возможно, ЯР-марка – это соединение ЯР (от Яро-Славля) и МАРКА, от немецкого Markt, что означает – базар, рынок. Или английского Market = рынок, базар. Ведь Ярославский торг посещало много иностранцев – и немцы, и англичане. Само название Яро-Славль, вероятно означало когда-то Славный Яр. Ведь Яр – это название места с определенным рельефом. То есть, тут было СЛАВНОЕ МЕСТО, где торговали. Естественно, здесь возник крупный город, наследовавший имя Яро-Славль» [6]. Что тут можно еще сказать? Такой опыт исторической этимологии вряд ли можно считать серьезным и убедительным.

В конце XX – начале XXI века, готовясь к тысячелетнему юбилею города, писатели начинают проявлять все больший интерес к истории ярославских и ростовских князей. Валерий Замыслов, например, и не скрывает того, что его книга «Ярослав Мудрый» (2004) была написана по заказу бывшего в то время ярославским губернатором Анатолия Лисицына. Однако писатель не остановился на этом и через два года выпускает еще один роман – «Град Ярославль» (2006), в котором речь идет о событиях Смутного времени, когда Ярославль стал временной столицей Руси с «временным правительством», а затем – местом, откуда двинулось народное опол-

чение на освобождение Москвы. Можно, конечно, вспомнить и его более ранние произведения, такие как «Грешные праведники» (2000) и «Святая Русь» (2001), которые тоже связаны с событиями, происходившими когда-то на земле Ярославской. Словом, можно сказать, что наша история обрела в его лице своего «летописца».

Произведения писателя уже получили достаточно высокую оценку как коллег по творчеству (Михаила Рапова, Валентина Пиккуля, Виктора Московкина и Юрия Бородинки), ученых историков и литературоведов (А.М. Пономарева, Н.М. Прониной, А.Е. Лазарева и Е.Н. Лазарева, академика РАН и МАПН Ю.А. Давыдова, А.П. Разумова). Его творчеству посвящена монография В. Юдина «Истории малиновые звоны». Нам тоже уже приходилось анализировать его роман «Алена Арзамасская» [7]. Но повторяемость выводов исследователей, настойчиво печатаемых автором перед началом своих новых произведений, невольно создают ощущение того, что все уже о его творчестве сказано. И тем не менее, попробуем еще раз посмотреть, каким видится ему образ Ярославля.

Пока одни пытались переименовать Ярославль в Новгород, Замыслов создает иной образ нашего города – «Град Ярославль, спасший Отечество в 1612 году». Он не боится обращаться к развернутым выпискам из «традиционных» исторических источников, характеризуя время действия: «Лета 7000 во ста девятом году на стодесятый год бысть глад по всей Российския земли... А людей от гладу мерло по городам и по посадам и по волостям две доли, в треть оставалось...» [8]. В речи его героев повторены многие уже устоявшиеся словесные формулы, представляющие характер ярославцев (тоже своего рода дискурсивные конструкты): «На Руси всяк ведает, что ярославец – человек не только расторопный, но башковит и увертлив, всегда оплошного бьет»; «Тут тебе не деревня. Не успеешь глазом моргнуть – и лошади как не бывало. Ярославский народ на всё проворен» [9].

Иногда создается впечатление, что задача автора не сводится только к тому, чтобы создать художественно-преображенный образ древнего города, он как будто хочет провести экскурсию по Ярославлю XVII века для современных читателей. То его герой Первушка вспомнит рассказы Анисима: «После Москвы Ярославль, почитай, один из самых больших и богатых городов. Сам же град разделен на три части. Древний Рубленый город, кой возвел еще ростовский князь Ярослав Мудрый, княживший на Неро двадцать два года, занимает Стрелку между Волгой, Которослью и Медведицким оврагом. Ростовцы здесь и крепость срубили, и храмы возвели, и стали первыми жителями Ярославля» [10], – то сам повествователь сообщит, что «Коровники, расположенные против Рубле-

ного города за Которослью, возникли в минувшем веке. Название слободы произошло оттого, что все жители ее разводили скот в торговых целях. Но уже к началу нового века слобожане славились также изготовлением гончарных, кирпичных и изразцовых изделий, кои шли на возведение храмов и жилых домов Ярославля» [11].

Показательно то, что в этих описаниях домысленное и реальное органично дополняют друг друга: ведь каждый ярославец знает, как выглядит Спасо-Преображенский монастырь или те церкви, которые сохранились до наших времен, но писатель помогает нам увидеть их архитектурный контекст в XVII веке: «Земляной город, самый большой, наиболее заселенный и богатый участок Ярославля, в котором расположились купцы и ремесленный люд. Когда-то Земляной город был окружен глубоким земляным рвом, заполненным водой, высоким земляным валом и обнесен добротным деревянным тыном с более чем двадцатью башнями. Вал (от самой Волги) тянулся от Семеновского съезда до Власьевской башни, откуда шел к северо-западной стене Спасского монастыря.

Обитель являлась независимой частью Ярославля и находилась между Земляным городом и слободами. Южная стена Спасского монастыря пролежала к Которосли. Монастырь, один из богатейших на Руси, был обнесен крепкими массивными каменными стенами, являлся наиболее укрепленной частью Ярославля» [12]. Но чаще автор ограничивается описанием памятников русского зодчества, аргументируя это особенностями видения героя – Первушки, которого прежде всего как человека, разбирающегося в каменном зодчестве, интересуют именно эти памятники искусства. Ведь герой принимает участие в строительстве Надеинской церкви в Ярославле. Однако читателю этих непосредственных впечатлений персонажа от собора Василия Блаженного или Спасо-Преображенского монастыря мало, так как будничная жизнь персонажей, принадлежащих к различным социальным группам, остается без визуального образа – вне пространства их обитания.

Невольно мысленно обращаешься к страницам романа М.Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году», в котором буквально каждый шаг героев сопровождается развернутым описанием: «Домашний простонародный быт тогдашнего времени почти ничем не отличался от нынешнего; внутреннее устройство крестьянской избы было то же самое: та же огромная печь, те же полаты, большой стол, лавки и передний угол, украшенный иконами святых угодников. В течение двух столетий изменились только некоторые мелкие подробности: в наше время в хорошей белой избе обыкновенно кладется печь с трубою, а стены украшаются иногда картинками, представляющими «Шемякин суд» или «Мамаево по-

боище»» [13]. Подобные зарисовки помогают войти в мир далекой исторической эпохи, зримо представить происходящее.

Ярославль представлен не только как торговый центр, где производят известную на всю Русь ярославскую красную юфть и «белое» мыло, но и как город-крепость, в любую минуту готовый дать отпор захватчикам: «Первушка мысленно вообразил, как супостаты, даже пробив Святые ворота и ворвавшись внутрь стрельни, попадают в западню. Они становятся слепыми, как котят: ведь через брешь не видно главных ворот, ибо они сбоку. Чтобы пробить ворота, надо внутрь стрельни затащить пушки и развернуть громоздкие орудия в тесном проходе. Но в это время из бойниц гремят выстрелы, льется кипящая смола, падают охапки горящего льна. Слышатся стоны и вопли раненых и обожженных врагов. Так им и надо, супостатам! Не зря изографы расписали арки Святых ворот пророчествами о конце света. Ишь, как чудовищные драконы пожирают людей. Кромешный ад поджидает неприятеля в сей диковинной башне» [14].

Так в экспозиции романа создается привычный нам город Ярославль – крупный торговый и культурный центр России того времени.

У Замыслова на первый план выходят диалоги персонажей, которые заменяют и описательные вставки, и исторические отступления. С другой стороны, это почти уничтожает различия между речью персонажей и повествователя. Порой даже нам не хватает пояснений объективного повествователя, который позволил бы читателю узнать чуть больше, чем известно персонажам, что не проговорено ими. Речь не идет об идеологической оценке событий, связанных с организацией ополчения Минина и Пожарского, а о том «вживании» в образ, которое необходимо любому читателю исторического романа. Исторический дискурс не набирает «объем» по ходу развития повествования, а лишь экстенсивно разрастается. А это невольно приводит к тому, что автору все чаще приходится обращаться к цитированию документов того времени, к «формальным» диалогам персонажей, лишь связывающим отдельные эпизоды, происходившие в различное время или в разных регионах.

Кроме того, верный раз и навсегда полученному опыту, автор настойчиво показывает нам эпоху через описание бытовых зарисовок, связанных с трудом простых людей. Ход привычный и даже вполне возможный, если действительно детально знаешь, в чем специфика рыбной ловли или каменного зодчества в то время. Что мы видим в романе? «Сила Первушке сгодилась: рыбацкое дело требует не только умения и сноровки, но и могучих рук. Доставалось зимой и летом. Зимой, дабы добывать красную рыбу, приходилось вырубать

пешней большие проруби, где толщина льда на добрый аршин. Семь потов сойдет! Но обо всем забываешь, когда выпадает хороший улов. Осетр, севрюга, белорыбица и стерлядь летят из сетей прямо на снег. Извиваются, трепыхаются, подпрыгивают» [15]. Скажем так, техника зимней ловли ничем не отличается от той, к которой прибегают современные рыбаки, а различие – и существенное – лишь в характере улова. Такое ощущение, что этот эпизод потребовался с одной-единственной целью: показать, как обирают рыбаков ярыжки, под видом пошрины стараясь забрать лучшую часть улова.

Известие о том, что «в польской земле объявился царевич Дмитрий, кой в Угличе не сгиб от рук убийц Годунова, а спасся «чудесным образом»», меняет складывающийся величественный образ града Ярославля. Жизнь в нем как будто обретает еще одно измерение – собственно историческое. Теперь он часть великой Руси, часть ее истории, о которой все чаще говорят персонажи романа. То кто-то из них вспомнит «случай с аглицким купцом Джеромом Горсеем, с коим ему довелось встречаться в 1591 году», то времена Ивана Грозного: «Некоторые нарекают Бориса последователем Ивана Грозного, но они заблуждаются. Грозный государил по воззрению «разделяй и властвуй», ибо он разделил Русь на Земщину и Опричнину. С того часа и Смута на Руси загуляла. Да еще какая! Веками жили одним укладом, и вдруг сей устоявшийся уклад Иван Грозный будто мечом пополам рассек. Опричнина, выметая крамолу и измену, словно ордынской саблей прошлась по Земщине. Сколь русской крови пролилось! И не только господской, но и холопейей, и мужичьей. Опальные вотчины подвергались такому жуткому разгрому, что оторопь брала. Озлобление, ненависть, сумятица в умах русских людей. Иван Грозный замахнулся и на церковь. Сколько иерархов он покарал!» [16].

Показательно, как расставлены в романе акценты: не вспоминают повествователь и его персонажи о легендарной истории Ярославля или Москвы, но с самого начала романа мышлению героев свойствен почти эпический размах. Однако автор сам постепенно загоняет себя в созданную им же «ловушку»: он не может (или не хочет) отказаться от рассказа о цепи всех происходивших в это Смутное время событий. Повествователю приходится уже в начале почти каждой главы подробно рассказывать о действиях все большего количества персонажей, втянутых в исторический водоворот: боярина Шуйского и Марины Мнишек, короля Сигизмунда и воеводы Третьяка Сеитова, Лжедмитрия и князя Пожарского. Один за другим в романе появляются хорошо известные дискурсивные конструкты о действиях «тушинского вора», собирании народного ополчения в Нижнем Новгороде выборным старостой Мининым, встрече его с

Пожарским: «Кузьму Минина обуревали противоречивые мысли. Он не ожидал, что Пожарский изречет такую неожиданную просьбу, ибо и допустить не мог, что воеводе понадобится сотоварищ из посадского люда. Он-то, Кузьма, подвигнув нижегородцев на сбор ополчения, видел в челе его князя Пожарского, а в его сотоварищах – человека из дворян, коего подберет сам Дмитрий Михайлович. И вдруг, как гром среди ясного неба. Посадского человека ему подавай! И когда Кузьма нутром почуял, что князь назовет его имя, его охватило смятение. Одно дело – земскими делами посада управлять, другое – стать ратным сподвижником Пожарского» [17].

Возникает вопрос, а чем тогда роман Замыслова отличается от множества «беллетризованных историй», ставших популярными еще в романтическую эпоху? Как правило, эти произведения основаны на описании и осмыслении реально происходивших событий, при этом они могут включать и различные художественные компоненты, как то диалоги и монологи героев, описания костюма или малейших деталей битвы, введении элементов сюжета. «Целостное» освоение истории требовало и подчинения всех фактов одной «идее», закономерности, их объясняющей. Эти произведения не имели статуса художественных, но естественным образом приближались к ним (правда, на разное расстояние). Но в силу того, что и большинство собственно исторических романов включают элементы собственно историографические (воссоздание реального хода событий, воспроизведение фактографических подробностей), граница между историческим романом и беллетристической историей оказывалась практически неуловимой.

Главным критерием, разграничивающим эти два типа повествования, вроде бы является в этом случае наличие вымышленных персонажей в историческом романе. Но это во многом формальное требование. Ведь роман В. Замыслова «Град Ярославль» по составу дискурсивных конструкторов мало чем отличается от историографического сочинения, а по стилю изложения событий, по верности авторскому взгляду на события – от «беллетризованных историй». Можно сказать, что граду Ярославлю явно не везет в последнее время, так как, несмотря на тысячелетний юбилей, он так и не обрел достойного художественного образа в современных романах и альтернативных историях.

Библиографический список

1. Ильин, И. Постмодернизм [Текст] : словарь терминов. – М.: ИНИОН РАН (отдел литературоведения), INTRADA, 2001. – С. 144.
2. Троицкий, Ю., Шатин, Ю.В. Историографическое письмо как дискурсивная практика [Текст] // Дискурс. – 1998. – 5/6. – С. 60-65.

3. Бушков, А.А. Россия, которой не было [Текст]. – М.: Олма-прессе; СПб.: Нева; Красноярск: Бонус, 1997; Валянский, С. И., Калюжный, Д.В. Явление Руси [Текст]. – М. : КРАФТ+ЛЕАН, 1998.
4. Носовский, Г.В., Фоменко, А.Т. Новая хронология Руси [Текст] : в 2 т. – М. : Изд-во «Факториал», 1997.
5. Максимов, А. Русь, которая была. Альтернативная версия истории [Текст] : в 2 кн. – Ярославль : Ньюанс, 2006.
6. Носовский, Г.В., Фоменко, А.Т. Новая хронология Руси [Текст] : в 2 т. – М. : изд-во «Факториал», 1997.
7. Пономарева, М.Г. Реконструктор, хронист и мифолог ростовской истории в литературных портретах (историческая проза В.А. Замыслов) [Текст] // Голоса русской провинции: Научно-художественный сборник. – Выпуск 4. – Ярославль, 2009. – С.11–17.
8. Замыслов, В.А. Град Ярославль [Текст]: роман / предисл. Ф. А. Морохова. – Ярославль : Б.и., 2006. – С. 32.
9. Там же. – С. 39.
10. Там же. – С. 40.
11. Там же. – С. 44.
12. Там же. – С. 141.
13. Загошкин, М.Н. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году [Текст] : ист. роман в 3 ч./ вступ. статья Вл. Муравьева. – М. : Сов. Россия, 1983. – С. 11.
14. Замыслов, В.А. Град Ярославль [Текст]: роман / Предисл. Ф. А. Морохова. – Ярославль : Б.и., 2006. – С. 61.
15. Там же. – С. 49.
16. Там же. – С.81.
17. Там же. – С. 184.

УДК 008:001.8

В. В. Устюгова

Жизнь губернской столицы и первые гастролы кинематографа (по материалам «Пермских губернских ведомостей»)

После премьеры в Гранд кафе на Бульваре Капуцинок в декабре 1895 года, в первой половине следующего года синематограф братьев Люмьер увидела избранная публика европейских столиц и Нью-Йорка. В Санкт-Петербурге и Москве его могли наблюдать в первых числах мая в только что открывшихся после зимних сезонов летних увеселительных садах. Параллельно здесь прошли показы других киноаппаратов, в частности Томаса Эдисона. Летом они экспонировались на Нижегородской выставке, и во

второй половине 1896 года состоялось их «триумфальное шествие» по другим городам России.

Наступила осень 1896 года, и горожанин размышлял о способах проведения длинных и скучных осенних вечеров. «Много думать над этим не приходится, – замечал фельетонист «Пермских губернских ведомостей», – так как пермяк, к какому классу он ни принадлежал бы – располагает только двумя средствами, – это театр и клуб» [1].

Конечно, обыватель всюду делится на три класса, продолжал фельетонист, богатых, средних и бедных, но состоятельному человеку всевозможные удовольствия доступны. Средний класс в былое время имел сильное тяготение к клубу, что же до обывателя, принадлежащего к третьей категории, то «до введения казенной продажи “ржаной слезы” для третьеклассного обывателя существовали “Толстовские”, “Пихтовские” и иные теплые приюты, а теперь, увы, их нет. Остается еще балаган; но так как балаганы бывают открыты только по большим праздникам, то куда же ему в самом деле направиться для отдохновения, развлечения и беседы. Решите, читатели сами» [2].

Так сетовали публицисты на монотонность жизни провинциального города, на то, что она, как две капли воды, похожа на жизнь других российских городов, – та же спячка, те же мелкие интересы, та же «злоба дня». Между тем жизнь к исходу XIX столетия подспудно, но неуклонно менялась, наполняясь новыми реалиями и бурными событиями.

Так и год 1896 оказался богат на события. Памятным он был для всей России. Пышно и в то же время драматично отмечена священная коронация Их Императорских Величеств Николая Александровича и Александры Федоровны. Поистине грандиозным событием для страны стала Всероссийская художественно-промышленная выставка, проходившая летом того же года в Нижнем Новгороде. Россия готовилась вступить в новое столетие, и выставка должна была показать, каких успехов достигла страна накануне наступления нового века. Продолжалось в том году и масштабное железнодорожное строительство на Урале, в Сибири, да и по всей России. Весной 1896 года приступили к постройке участка Пермь-Вятка, входящего в состав пермь-котласской железной дороги. Тогда же строилась екатеринбургско-челябинская ветвь, и в ноябре состоялось ее присоединение к Уральской железной дороге. В Перми шли активные работы по воздвижению первого моста через Каму. Он планировался одним из лучших мостов в России, по последнему слову инженерного искусства.

Что же касается продолжения строительства Сибирской железной дороги, то в пермских ведомостях в разделе «Смесь» даже появилась заметка, мол когда откроется эта дорога, путешествие вокруг света можно будет совершить действительно за 40 дней [3].

«Век прогресса» вторгался в жизнь города, создавая возможность изменения его облика. Расширялось почтово-телеграфное дело, обсуждались сообщения о том, что, например, ярославская дума устраивает электрический трамвай. Развивали пароходное дело, мечтали о «пароходах будущего». Сразу узнавались и все всемирные новости. Культурная публика Перми чувствовала свою причастность к таким событиям, как подготовка к открытию Русского национального музея Александра III, установка памятника Н. Лобачевскому в Казани, освещение Владимирского собора в Киеве.

Произошло в Перми собственное большое событие – чествование 500-летия со дня блаженной кончины Святого Стефана Пермского. Празднества были назначены на 26 апреля и прошли очень торжественно. Чествование ознаменовалось рядом добрых дел: «учреждением и устройством школ, обителей, богаделен, храмов и т.п.» [4].

Между тем жила губернская столица и своей обычной повседневной жизнью – по-прежнему тушили пожары, боролись с суевериями и «ужасными нравами простонародья», думали, где найти хорошую прислугу, и, конечно, тщились победить пьянство.

Год как в крае была введена казенная продажа вина. По всей губернии заводились общества попечения о народной трезвости и открывались чайные, где силились отвлечь население от кабаков и трактиров. В августе на казенном пароходе «Ярославль» в Пермь прибыл министр финансов С.Ю. Витте. Между прочим, это оказалось главным политическим событием в жизни губернии в 1896 году. Он посетил вокзал Уральской железной дороги и познакомился с положением дел по казенной монополии и изложил свои твердые убеждения в жизненности этой меры.

Между тем дела 1896 года растворялись в обычном, заведенном ходе времени, с его давними традициями и распространяющимися благами.

В городе по-прежнему бурно отмечались ставшие привычными праздники. На Рождество и Святки маскарады и танцы, литературно-музыкальные вечера и спектакли объявлялись в гимназиях и училищах, в Благородном собрании и Общественных собраниях по всей губернии. Комитеты попечительства о народной трезвости организовывали концерты любительских хоров, устраивали спектакли народных театров и все чаще обращались к устройству публичных чтений с демонстрацией «световых картин».

Между тем молодежь стремилась проводить эти праздничные дни на свежем воздухе и наслаждалась зимними забавами на славу. Традиционными местами для «гуляющих и катающихся» являлась Сибирская улица, катки в Загородном саду и напротив Городского театра. Публика «попроще» находила себе другие развлечения, в частности много желающих было «потолкаться» на вокзале.

Губернская столица бурно отмечала Масленую неделю и Пасху – вновь спектаклями и маскарадами, гуляниями и балаганами. Балаганы располагались в Перми по Екатерининской улице, которая являлась одной из уважаемых – здесь находились губернское правление, дома высокопоставленных чиновников, купцов-промышленников Любимовых, Тупицыных, Каменских, жили другие состоятельные горожане. Не было изобилия магазинов и лавок, хотя на пересечении с Кунгурской улицей начинался Сенной рынок. В праздничные и летние дни на площади Сенного рынка и устраивались цирки, карусели и балаганы.

О праздновании Пасхи, пришедшейся в 1896 году на 24 марта, хроникер свидетельствовал: «Праздничные народные развлечения, в виде неизбежных балаганов с выкриками о “аграмадных ведмедях” и пр.чепухою, на Екатерининской ул., – работают довольно бойко. Массы народа толпятся у балаганов, которых всего-то два на весь город, а “жаждущих развлечений” – непочатый угол... Репертуар “кятеков” довольно разнообразен: хоровое пение, пляска, неизбежное “ломание” на трапециях и другие гимнастические упражнения, визжащий не своим голосом “Петрушка” и, наконец, сильно подержанные лилипуты» [5].

В летние дни балаганов в Перми становилось больше, они осанавливались также в арендованных квартирах и номерах. Различные культурные мероприятия, имевшие цель – «исправление народной нравственности», не в силах были, тем не менее, соперничать с повседневными народными «развлечениями» – игрой в карты, драками и дебошами. И ничего с этим поделать не могли – в Разгуляе дерутся... Разгуляй – злчное место, где много воров и пьют брагу.

Новый сезон приносил с собой новые события. С приходом теплых дней распахивались в Перми ворота Загородного и других садов, играл духовой оркестр, устраивались гастрольные концерты и танцы. А летом в Пермь приезжали цирки. Так, в 1896 году побывал «пользующийся громкой известностью В.Л. Дуров – талантливый остроумный артист цирковой арены и замечательный дрессировщик животных» [6]. После участия в коронационных увеселениях он совершал тур по России. В Пермь прибыл из Казани и дал в начале июля несколько представлений со своими жи-

вотными в Городском театре. После Перми он отправился в Нижний Тагил, Екатеринбург и далее в Сибирь.

Цирк являлся пока единственным по-настоящему массовым городским развлечением. Первое стационарное здание цирка в Перми было построено еще в 1890 году на Екатерининской улице, в дальнейшем сломано и на Дровяном рынке состоялось открытие нового здания. Между тем цирковые представления продолжали разворачиваться на рыночных площадях, где гостили цирки шапито и устраивались другие представления.

Большое оживление летом наблюдалось на ярмарках. В Перми пользовались популярностью три ярмарки – Петровская, Евстафьевская и Екатерининская, проходившая уже в ноябре. Впрочем, во все сезоны торговые площади не обходились без развлекательных мероприятий, в том числе самых распространенных – игр «с обманом», в орлянку, в Перми устраиваемых на Толкучке, на площади Дровяного рынка и прочих местах.

Провинция оживала вместе с природой летом, много было приезжих, приезжали из столиц учащиеся, а сами горожане отправлялись на дачи или в более дальние путешествия. Росли дачи в Нижней и Верхней Курье, развозили дачников по Каме пароходы «Племянник», «Лена» и др. А о посещении более далеких стран и городов свидетельствуют многочисленные коллекции открыток с видами этих мировых столиц и других культурных центров, российских городов и разнообразной природы, привозившихся тогда из путешествий и сохранившихся в фондах Пермского краеведческого музея.

Летом лавки и магазины продают мороженое, карамель фруктовую. На Каме катания на пароходах и гуляния. Горожане разъезжались, а Загородный сад предлагал оставшимся самые разнообразные развлечения, в летнем театре шли благотворительные спектакли, назначались лотереи-аллегри, работал тир, гастролировал фонограф. Летние увеселительные сады играли большую роль в жизни российских городов, в провинции они и вовсе являлись средоточием городской жизни. Вот и слово «фланер» укореняется в нашем языке и образе жизни.

В летнем помещении Загородного сада проходили тем летом концерты Н.В. Мутина, А. Риензи, «американского соловья» Луизы Никита. Очень порадовали летом 1896 года пермяков малороссы, чьи труппы частенько заглядывали в город. Однако заканчивался летний сезон – прощай «летний клуб», писал корреспондент, прощай «за бульваром», прощай «хохлы», спасибо развлекли, расшевелили, посеяли моду на отдельные куплеты, мотивы. Но летний сезон закрывался, открывался зимний... Однако в сентябре в Перми произошли еще одни чрезвычайно примечательные гастроли. Афиша гласила:

«Всем любителям музыки в Перми предстоит истинное удовольствие: на будущей неделе, 3 сентября, будет концерттировать знаменитый виртуоз на цитре, придворный солист Ф.М. Бауэр» [7]. Это имя мы могли бы назвать в числе других гастролеров, если бы его фамилия не являлась знаковой для истории российского и мирового кинематографа. Музыкант Франц Бауэр – отец Евгения Францевича Бауэра, одного из первых и великих русских кинорежиссеров.

«Монотонность, пустота, мелочность» повседневной жизни в будние дни скрашивалась горожанами разных классов по-разному. Особую сущность жизни в том уже подходившем к исходу столетии составляло чтение. Образованная публика Перми выписывала и читала в рассматриваемое время те же издания, что и вся Россия, – «Русское обозрение», где печатались статьи В. Розанова, «Северный вестник», активно публиковавший наряду со Стасовым и Боборыкиным произведения Д. Мережковского, Ф. Сологуба и других символистов. В Перми развивалась собственная пресса и выписывались издания, выходящие в других уголках империи. Об определенном статусе провинции и росте состоятельности горожан говорит значительное к тому времени распространение современных модных изданий – «Венский шик», «Модный свет», «Русский базар», «Модистка», «Новейшие моды мужских платьев» и пр.

Театралы города сразу узнавали все новости театрального искусства – о деятельности театра имени Шекспира в Стратфорде, о гастролях Элеоноры Дузе, о праздновании юбилея Сарой Бернар. Страстью просвещенной публики Перми был в те годы театр. Можно сказать, что в XIX веке по всей России в целом формируется городская театральная культура. А пермяки всегда являлись большими поклонниками театральных постановок. По всей губернии существовали любительские театры, они открывались в селах и заводских поселениях, их спектакли давались на площадках общественных собраний и частных гостиных.

Еще в 1878 году в Перми строится новое здание Городского театра, и на его сцене начинают гостить различные антрепризы. Кто любит оперу, кто – балет, но «во всех слоях общества единственная и всепоглащающая тема – театра» [8]. Театр, однако, посещала только интеллигенция, а что касается купечества и других слоев, они «блистали» своим отсутствием. К тому же цены из года в год росли, становясь не по карману среднему классу. «Вздыхнет обыватель уныло и, махнув рукой на афишу, примется разрешать вопрос, к кому идти повинтить: к Ивану Петровичу или Петру Ивановичу?» [9].

Представители различных слоев объединялись в общества и клубы. Благородное и Общественное собрания в Перми имели свои давние и сложившиеся традиции, и кроме концертов и тан-

цев, в этих собраниях действительно по будням играли в карты. Были у пермяков, правда, и другие интересы. В рассматриваемое время в Перми функционировало отделение Императорского православного Палестинского общества, Пермское управление Российского общества Красного Креста, Пермская комиссия Уральского общества любителей естествознания, открывшая музей с бесплатным посещением, и пр.

Избранная публика стала все более интересоваться научной жизнью. Как замечал публицист, древние тратили свои силы на развитие искусств, новый мир – на развитие наук. Особенно памятен тот год был обсуждением открытия Рентгена. «Открытие Рентгена», «Лучи Рентгена», «К открытию Рентгена», «О новом применении лучей Рентгена» – пестрили заголовки пермской прессы. Им уступали только сообщения об очередных изобретениях Томаса Эдисона. Собственно, три имени владели миром научных открытий того года – Рентген, Эдисон и Нансен. Путешествия Нансена и его открытие северного полюса занимали и волновали умы.

Современность вторгалась и в будничную жизнь пермяков, ломая укоренившиеся привычки и внося многие новшества. Самыми главными из них в городской повседневности становилось все большее распространение фотографии и бурное развитие велосипедного спорта. Деятели по фотографическому делу в Перми вскоре образуют свое сообщество, равно как и пермские велосипедисты.

Пермские любители велосипедного спорта ездили тогда в основном на английских велосипедах «Гумбер», «Энфильд», «Витворт», «Свифт», австрийских марках «Стирия» и пр. Журналы «Циклист», «Велосипед» печатали информацию о велосипедных гонках, новости обществ и клубов. Активно обсуждался в 1896 году пробег известного велосипедиста Джефферсона от Лондона до Якутска. Знаменитый рекордсмен прибыл на своем «стальном коне» в Пермь в первых числах июня. Местный кружок велосипедистов устроил г. Джефферсону торжественную встречу на Казанском тракте и дал обед в летнем помещении Общественного собрания.

Между тем все больше стало появляться сообщений о первых «жертвах велосипедного угара»; разъезжают по бульварным аллеям, лавируют между гуляющими, наезжают на прохожих. Пермь оказалась в блокаде у велосипедистов! – восклицает один фельетонист. Летом велосипедисты одолели городскую публику настолько, что Городская дума поднимает «немаловажный для обывательской невредимости вопрос об издании обязательных постановлений, регулирующих езду на велосипедах в городе» [10]. И 4 июля 1896 года Городская дума постановила воспретить катание

на велосипеде по городским садам и бульварам, а также уличным панелям, оставив для этого лишь Загородный бульвар и сад [11].

И все-таки велосипед продолжал завоевывать своих поклонников. «Пермские губернские ведомости» печатают фельетон «Золя о велосипеде», приводя отрывки его интервью парижскому журналу «Velo». Да, Золя велосипедист, он совершает ежедневные прогулки и с увлечением следит за соревнованиями. Заключение о «согбенном» поколении – басни ненавистников велосипеда [12].

Досуг городского обывателя скрашивали не только всевозможные новости и новинки, но и всевозможные магазины, предлагающие самый широкий спектр товаров и услуг. Необходимый товар приобретался на пермских рынках, между тем не хлебом единым был жив обыватель.

Крупными универсальными магазинами продавался товар самый разнообразный – от чаев до галош. Так, работали магазины и торговые дома П.С. Досманова, А.А. Боброва, П.Г. Гаврилова, бр. Ибатуллиных и Агафурова: зимой – «кяхтинские чаи последнего сезона лучшего достоинства»; весной – китайская шелковая материя чесуча и английские сукно и шевиот, летом – ткани для платьев.

Развивались специализированные магазины – перчаточное заведение г-на П. Андреевского, варшавская фабрика шляп П.Б. Кулешевского и др. Товар для дома заказывался в мебельных и зеркальных мастерских, но приобреталась и экзотика. Реклама гласила: «Распродажа тропических растений (пальм) 30 коп. за штуку». Или: «из-за границы» в продажу поступили разноцветные ручные говорящие попугаи, гарцские канарейки... Кустарные товары и товары престижных европейских фирм, тюменские ковры или рояли фабрики Штюртцаге – все это было представлено на пермском рынке.

Особым спросом у горожанина конца века пользовалась парфюмерная продукция разнообразнейших фирм. Настоящим товарным брендом являлась марка № 4711. Под этим знаком шла продукция знаменитой Кёльнской парфюмерной фабрики. Вот лишь некоторые названия: «Фиалковое мыло», «Ландышевое мыло», «Розовое глицериновое мыло. Прозрачное как хрусталь». «Лучший цветочный о-де-колон № 4711», «Лучшие фиалковые духи», «Рейнские букеты» и пр. На рынке утверждаются другие товарные бренды, реклама которых будет сопровождать жизнь горожанина не один год и даже не одно десятилетие. Например, «Карамель из трав от кашля Кетти Босс» или «Детская молочная мука Нестле».

Сфера услуг в Перми развивалась бурно, хотя рекламные объявления занимают еще не целые страницы губернских изданий. Не много частных объявлений. В основном продавалась недвижимость, сдавались комнаты «со столом», выставлялись на продажу

«за отъездом» мебель, зеркала, цветы, экипажи. Зачастую размещались объявления, подобные такому – «Сбежала со двора и разыскивается коза, белая, годовалая». По осени кто-то долго продавал «по случаю» «новый хороший бобровый воротник за 140 руб.» и даже пароход. Но в основном фигурируют дрова, «сани городские ореховые», «мало держанная шинель с капюшоном, на енотовом меху, крытая черным сукном» и пр.

В эти осенние дни на первых страницах пермских газет было размещено объявление, не заметить которое было нельзя, но заинтересовало оно тогда немногочисленную публику. Это объявление гласило, что в только что отстроенном доме В. Ковальского по Сибирской улице будут даваться сеансы кинематографа...

Кинематографом никого тогда было не удивить. Мало кто его видел, например, на выставке в Нижнем Новгороде, однако слышаны были. Изобрели киноаппарат не вчера, собственно изобретений в этой области было много, и о них писали многие издания.

В февральском номере «Пермских губернских ведомостей» за 1896 год публикуется развернутая статья «Кинотоскоп Эдиссона – Кинематограф братьев Люмьер – Электрическая циклоама Чэса». Эта заметка появляется в пермской прессе одновременно с другими первыми рецензиями на синаматограф братьев Люмьер в российских изданиях (изданиях Петербурга, Львова и пр.). В ней автор рассуждает о различных возможностях получения длинного ряда изображений движущегося предмета, фотографирования движения.

Киноаппараты демонстрируются в российских столицах и Нижнем, и во второй половине 1896 года появляются в других городах России. Для кинематографа открывали свои двери городские театры и летние эстрады, залы общественных собраний и гостиные частных домов. Легендарный кинодемонстратор С.О. Маржецкий благодаря строящемуся Великому сибирскому железнодорожному тракту показал кинематограф во всех городах Урала и Сибири, обратив, по замечанию сибирского историка В. Ватолина, единым махом в поклонников кино всю огромную и далекую территорию азиатской России.

Реклама на страницах «Пермских новостей» тогда гласила: «Новость! “Кинематограф” – живая движущаяся фотография и микрофон». Эти «два изобретения короля электричества Томаса Эдисона» демонстрировались г. Маржецким в Перми в доме заводчика В.А. Ковальского, на «втором этаже, вход парадный» [13].

Увидели посетители кинематографа тогда люмьеровские ленты. Сам аппарат представлял собой аниматограф Поула, Томасу Эдисону он приписывался в силу известности его имени [14]. Между тем в дополнение к «Люмьеру» были показаны в Перми сцены,

уже снятые в России. На страницах губернских ведомостей читаем: «...через кинематограф перед зрителем на полотне проходит ряд живых сцен, напр., пожар и спасение, катание велосипедистов, карточный скандал, уличная жизнь в Москве и проч. Перед нами, положим, последняя из названных сцен. Сцена представляет Никольскую улицу в Москве как раз против парфюмерного магазина знаменитого Брокара. По улице видите движение людей разных профессий: прислуги, гимназистов, чиновников – пешком и в экипажах. Скучился народ, кучер останавливает лошадь» [15]. И пр.

В России первая съемка была произведена в мае 1896 года во время коронации императора Николая II французскими операторами (по различным версиям Франсисом Дублие, Камиллом Сёрфа или Шарлем Муассоном [16]. «Коронация» стала первым созданным у нас документальным фильмом. Хроникальные сюжеты в России снимали и другие операторы, работавшие от французских и английских фирм [17]. Отечественные фотолюбители стали производить съемку сюжетов из жизни Москвы и разных городов также с 1896 года. В частности, ею занимались фотографы В.А. Сашин-Федоров и А.К. Федецкий. По всей видимости, эти сюжеты увидели зрители первого кинопоказа в Перми.

Толпы народа на сеансы кинематографа в дом предпринимателя В. Ковальского, однако, валом не повалили. Залы оказались полупустыми. Осмелимся предположить, что сеансы у В. Ковальского посетила не та публика, что способна была испытать восторг. А в эти же самые дни «живые картины» показывало в Перми в здании женской церковно-приходской школы Богородицкое попечительство. И вот они собирали залы по 400-500 человек. О таких залах не будут мечтать даже дореволюционные кинотеатры.

«Световые» или «туманные картины», показываемые на народных чтениях с помощью «волшебного фонаря», уже не первый год и даже не первое десятилетие демонстрировались в воскресных школах, училищах, заводских театрах, читальнях по всей Пермской губернии. Аппаратура совершенствовалась, возникла подвижная конструкция проектора и к рассматриваемому моменту известны случаи демонстрации «движущихся оптических картин» [18]. Специальные помещения для таких показов отсутствовали, освещение, как правило, было керосиновым, часто становилось душно, но чтения с «туманными картинами» неизменно привлекали. Провинция небогата на развлечения для простого населения, а вход на такие показы был бесплатным.

В 1896 году «световые картины» как-то особенно широко показывали и в воскресной мужской школе при часовне Святого Стефана в Перми, и в Мотовилихинском театре, и при различных заводах

губернии. Особенно развернулось Богородицкое попечительство в связи с постройкой нового здания школы, устраивая народные чтения для детей и взрослых. Чтения с «туманными картинками» проходили два раза в неделю, а также в праздничные и царские дни.

Темами для чтений служили сюжеты священной и русской истории, география и обычаи народов. Эти сюжеты о рае и блаженной жизни прародителей, о земной жизни Божьей Матери и первых христианах в Киеве, о святом равноапостольном князе Владимире и Александре Невском, о Ломоносове и механике-самоучке Кулибине, о Садко и Робинзоне Крузо имели интерес не только религиозно-нравственный и просветительский. У детей, да и у взрослых, наблюдался восторг, когда они смотрели виды европейских столиц и повседневную жизнь на их улицах. «Но особенно приятное впечатление произвели на них туманные картины, – сообщал корреспондент об одном таком показе. – На детских личиках выражались радость и восторг, в особенности, когда на картинках изображались плывущие корабли, гондолы, движущиеся поезда железной дороги и разные быстроизменяющиеся фигуры. Многие дети даже хохотали от восторга» [19].

Изобретение времени – «движущиеся изображения» – народным чтениям удалось показать ранее самого кинематографа. Конечно, это был еще не кинематограф, но успех «туманных картин», воспроизводящих зримые образы и показывающих их в движении, был огромен. В каждом осеннем номере «Пермских губернских ведомостей» за 1896 год печатались сообщения об этих показах – при Павловском заводе Оханского уезда, в пермской женской гимназии, в мужской воскресной школе Перми, в пермском техническом железнодорожном училище, в камышловском попечительстве о народной трезвости, в полазнинских школах... Народ толпился на этих показах, часто стоял, но, несмотря на духоту, всякие следующие показы привлекали еще больше посетителей.

Правда, аудиторию чтений составлял тогда только средний класс, интеллигенция, молодежь, дети, почти никого из «класса рабочих мастеровых». Между тем в таких развлечениях нуждался именно он. «В большинстве этот класс населения безграмотен, – рассуждал хроникер, – и если сходит он в воскресный день в церковь, то уже больше не знает, за какое бы дело приняться, и невольно идет за “соткой” с тем, чтобы напиться среди такой же своей братии, а на завтра опять засесть за тот труд, который его кормит и поит, и это изо дня в день, из года в год» [20].

Пройдет несколько лет, и кинематограф привлечет тех, кто сроду в театры и на чтения не ходил, вмиг наполнив огромные залы и объединив представителей разных слоев. Кинематограф ока-

зался одним из ожидаемых событий в культуре российского города, заполнившим необходимую нишу в системе его развлечений и повседневной жизни. Он будто создается для обывателя среднего достатка и городских низов, «класса» мастеровых, рабочего люда, которого было особенно много в заводской столице, да и для всех, искавших «отдохновения и развлечения» в будние дни. Тем более репертуар дореволюционного кинематографа, от видовых картин до салонных мелодрам из жизни «высших кругов», от исторических и военных хроник до уголовных авантюр, отвечал интересам всех слоев и всех возрастов. Он стал универсальным зрелищем, аккумулировавшим достижения современного технического прогресса и отразившим на своем экране динамику этой стремительно меняющейся и разнообразной жизни. И нельзя сказать, что кинематограф ломал постоянство обычаев и привычек российского города, радикально меня представления «дремлющей провинции», он стал лишь одним из факторов, наряду с ростом комфортности самой жизни, разнообразием интересов горожан, их образованностью и мобильностью, которые делали российскую провинцию причастной к темпам современной жизни.

Примечания

1. Воскресные беседы [Текст] // Пермские губернские ведомости. – 1896. – № 225. – 20 окт.
2. Там же.
3. См.: Перм. губ. вед. [Текст]. – 1896. – № 96. – 4 мая.
4. Перм. губ. вед. [Текст]. – 1897. – № 1. – 1 янв.
5. Перм. губ. вед. [Текст]. – 1896. – № 68. – 29 марта.
6. Перм. губ. вед. [Текст]. – 1896. – № 141. – 4 июля.
7. Перм. губ. вед. [Текст]. – 1896. – № 186. – 1 сент.
8. Воскресные беседы [Текст] // Перм. губ. вед. – 1896. – № 261. – 8 дек.
9. Воскресные беседы [Текст] // Перм. губ. вед. – 1896. – № 225. – 20 окт.
10. Перм. губ. вед. [Текст]. – 1896. – № 128. – 19 июня; № 131. – 22 июня; № 132. – 23 июня.
11. См.: Перм. губ. вед. [Текст]. – 1896. – № 147. – 12 июля.
12. См.: Перм. губ. вед. [Текст]. – 1896. – № 184. – 28 авг.
13. Пермские новости [Текст]. – 1896. – 5 октября.
14. См.: Ватолин, В. Синема в Сибири. Очерки истории раннего сибирского кино (1896-1917) // http://marecki.ru/text/interesting_text_9htm
15. Перм. губ. вед. [Текст]. – 1896. – № 220. – 15 окт.

16.См.: Зоркая, Н.М. Синема в России. Серебряные девяносто лет // <http://www.portal-slovo.ru/rus/art/964/5818/>

17.См.: Россия в кинокадре. 1896-1916. [Текст] / ред. В.Н. Баталин. – М., 2007. С. 7.

18.Напр., о демонстрации «движущихся оптических картин» в Киеве см.: 1896 год в кино // http://www.rudata.ru/wiki/1896_%D0%B3%D0%BE%D0%B4_%D0%B2_%D0%BA%D0%B8%D0%BD%D0%BE

19.Перм. губ. вед. [Текст]. – 1896. – № 246. – 17 нояб.

20.Перм. губ. вед. [Текст]. – 1896. – № 247. – 19 нояб.

УДК 008(091)

Н.А. Личак

Формирование местных органов охраны памятников истории и культуры в Ярославле в 1918-1924 годах

Существенное значение в деле сохранения историко-культурных памятников после 1917 г. имела государственная служба охраны обширной зоны к северо-востоку от Москвы - Ярославской, Тверской, Костромской и Владимирской губерний. На данной территории находились многочисленные, пользующиеся заслуженной репутацией музеи, богатые старинные помещичьи усадьбы, отражавшие характерные черты русской дворянской культуры конца XVII - первой половины XIX в., многочисленные постройки XII - XVIII вв. - жилые дома, церкви, монастыри, уникальные свидетели расцвета Владимиро-Суздальской Руси, Московского великого княжества.

Ярославль по праву считался одной из богатейших сокровищниц древнерусского искусства Верхнего Поволжья. Разбогатевшие купцы и посадские люди в XVII в. на собственные средства построили в городе более 50 храмов. Отличавшиеся богатым декором, мощными пятиглавиями, уникальными росписями, они представляли своеобразный «ярославский» стиль зодчества. К началу XX в. в городе насчитывалось уже 140 храмов, самыми известными среди которых являлись Успенский собор, церкви Николы Надеина, Рождества Христова, Ильи Пророка, Иоанна Предтечи, Иоанна Златоуста и ансамбль Спасского монастыря.

Памятники истории Ярославля, находившиеся до Октября 1917 г. в большинстве своем в руках Церкви или частных лиц, после революции стали достоянием народа при чрезвычайно неблагоприятных обстоятельствах [1, с. 172]. Уличные бои и пожары 1918 г. привели к массовым разрушениям жилых и торговых кварталов центра города. Известия Рыбинского Совета рабочих и сол-

датских депутатов в июле 1918 г. писали: «...Белого, красивого Ярославля более нет. Нельзя сказать: нет Ильинской улицы или погибла в огне Владимирская улица. Нужно сказать: погибло все, кроме куска центра и вокзальной части города...»[2].

Примечателен тот факт, что местная реставрационная комиссия под руководством крупнейшего специалиста в области архитектурной реставрации П.Д.Барановского была организована уже в августе-сентябре 1918 г. под руководством Музейного отдела Народного Комиссариата просвещения[3].

Руководители Музейного Отдела Наркомпроса – председатель Правительственного комиссара по делам музеев и охране памятников Г.С. Ятманов, председатель коллегии К.К.Романов, член Коллегии Наркомпроса Н.Б.Бакланов[4, лл. 77, 84], руководитель работ П.Д.Барановский через несколько дней после подавления мятежа прибыли в Ярославль «для осмотра древних зданий, поврежденных в июле месяце»[5]. В те же дни в городе находились их коллеги А.М.Поццо «для выяснения вопроса о необходимости ремонта памятников... с правом принимать экстренные меры», а в октябре сюда был командирован К.Ф. Некрасов «для производства осмотра повреждений в иконах и стенной росписи в храмах»[4, л. 104]. В отчетном докладе были отражены массовые разрушения памятников архитектуры «... в заключение скажу, что им необходима материальная помощь и духовная, и помощь немедленная»[6, с. 1].

Комиссия постановила все осмотренные и поврежденные от обстрела памятники разделить на 3 категории: а) к I категории относились памятники первостепенной важности, а потому подлежащие исключительному и немедленному сохранению – церкви Петра и Павла, Николы Мокрого, Николы Рубленый город (всего 11 единиц); б) вторую очередь составили 6 храмов-памятников II категории, имевшие большое художественно-историческое значение; в) в III категорию вошли 8 сооружений, по отношению к которым было организовано наблюдение [7, л. 12].

Специалистам из Москвы, осуществлявшим в Ярославле восстановление памятников, во всем оказывали поддержку ярославские исследователи. Краеведы И.А.Лазарев, О.Ф.Шитов, П.А.Критский, Н.Г.Первухин, И.А.Тихомиров, член коллегии губисполкома П.И.Раевский уже 1 августа 1918 г. обсуждали на организационном заседании «комиссии по охране искусств и старины г. Ярославля» совместно с представителями центра А.П. Хотулевым и В.М.Овчинниковым главную задачу «охраны памятников искусства и старины как в городе Ярославле, так и во всей Ярославской губернии», причем эти функции распространялись, по

решению комиссии, «не только на общественные, но также и на все без исключения частные собрания и предметы» [8, л. 229].

«...Принять экстренные меры для охраны и возможного восстановления пострадавших памятников ... ассигновать сумму для таковой организации» было решено в подотделе просвещения Ярославского Совета [8, л. 229]. Однако присутствовавший на заседании комиссии член коллегии Губоно П.И. Раевский заявил, что средств для восстановления разрушенных памятников у губисполкома нет. Члены комиссии были вынуждены обратиться за финансовой помощью в центральные органы, а пока создать комиссию для проведения в Ярославле «немедленных работ». В состав организованной комиссии вошли местные краеведы Н.Г. Первухин, И.А.Тихомиров и И.А.Лазарев [7, л. 13]. Действия ярославской интеллигенции в первые дни после мятежа отражали ее крайнюю обеспокоенность судьбой уникальных памятников. Но без поддержки губернских властей, еще очень слабых, и без какой-либо финансовой помощи извне деятельность заинтересованных представителей сводилась лишь к созданию различных комиссий.

Судя по документам, в Наркомпросе вопрос об оказании помощи Ярославлю был решен, утверждена смета на неотложные меры по восстановлению города. Заручившись финансовой поддержкой, крупнейшие специалисты в области реставрации того времени П.Д.Барановский, архитектор Д.М.Агафьин, художник П.А.Алякринский и А.П.Хотулев приняли участие в первых восстановительных мероприятиях в Ярославле [9, л. 19]. Поддержку комиссии оказали также члены ярославской ученой архивной комиссии, переименованной затем в губмузей.

12 сентября 1918 г. на руках у П.Д.Барановского имелся список, включавший 25 памятников архитектуры, требовавших безотлагательного ремонта [9, л. 20]. Было решено приступить к консервации наиболее разрушенных зданий в центре города и на волжском берегу. Они находились на территории Стрелки, месте активных действий белогвардейских отрядов, затем по берегу Которосли до церкви Николы Мокрого (она оказалась поврежденной сильнее других) [1, с. 173].

Примерно через год после описываемых событий в городе побывала экспедиция Наркомпроса, обследовавшая памятники старины Верхней Волги. Находившиеся в составе экспедиции специалисты И.Е.Бондаренко, Т.Г.Трапезников, Н.Н.Померанцев проинспектировали ход работ по восстановлению и реставрации памятников старины, докладывая в Москву 10 июня 1919 г.: «Сделано много, но желательно, чтобы работы шли еще более быстрыми темпа-

ми». «Вместо работающих 30 рабочих и трех архитекторов следовало бы нанять до 1000 рабочих и 30 архитекторов» [10, л. 188].

Вместе с тем московские специалисты отмечали, что работа в Ярославле стала более углубленной, более тщательной, приближенной к реставрации, чем к простому восстановлению. Была произведена, например, «пробная расчистка фресок и икон, среди которых имелись выдающиеся памятники XV-XVI веков». Решался вопрос о том, какие иконы необходимо реставрировать здесь, на месте, и какие вывезти для реставрации в Москву. Проинспектировав документы местных архивов, специалисты использовали найденные материалы с целью научной реставрации ярославских памятников.

Ярославское отделение реставрационной комиссии, зарегистрированное Наркомпросом в качестве подведомственного ему учреждения в сентябре 1918 г., привлекло к восстановлению памятников исследователей древнерусского искусства К.К.Романова, П.П.Покрышкина, И.Э.Грабаря [9, л. 21]. В мае 1919 г. началась работа Волжской экспедиции. За 1919-1920 гг. были раскрыты из-под поздних наслоений древние части Святых ворот Спасского монастыря, выявлены огромной ценности фрески в их нижнем ярусе. Участники восстановления архитекторы И.Е.Бондаренко, П.К.Щуков, Н.В.Марковников, И.В.Рыльский, реставратор Г.О.Чириков, изучив состояние памятников древнерусской архитектуры в Ярославле, приступили к учету и регистрации заслуживавших охраны образцов иконописи. Мастерские, проводившие предварительное обследование и расчистку монументальной живописи, во многих церквях под осыпями штукатурки обнаружили слои живописи более раннего времени [11, л. 36].

Летом 1919 г., благодаря двум экспедициям под руководством И.Э.Грабаря, специально снаряженным по верхнему и среднему течению Волги, удалось обнаружить искусствоведческую связь между суздальской древнерусской живописью с дмитриевскими фресками. Она стала возможной благодаря знаменитым иконам «Толгской Богоматери», находившейся в Толгском монастыре под Ярославлем, и «Федоровской» - в Костроме. Имевшая удивительную историю, длившуюся со времени основания монастыря 1314 г., икона «Толгской Богоматери» [12, л. 234] была раскрыта в 1925 г. исследователями Г.О.Чириковым, П.И.Юкиным и А.И.Сусловым. Еще одним достижением того времени считалась расчистка «Спаса», моленной иконы первых ярославских князей Василия и Константина [11, л. 36].

Специальная мастерская по раскрытию памятников древней живописи в Ярославле была создана в 1919 г. под руководством А.И.Анисимова при участии губернского подотдела по де-

лам музеев и охране памятников искусства и старины [11, л. 36]. Открывшаяся при музее древнерусского искусства, с 1924 г. она продолжила свою деятельность в составе музея, разместившись в жилых помещениях бывшего братства Святого Дмитрия. Все работы по древнерусской живописи велись только с разрешения специалистов ярославского отделения реставрационных мастерских за счет церковных приходов, что замедляло, но в то же время удешевляло стоимость работ [11, л. 36].

В тяжелых условиях гражданской войны, хозяйственной разрухи и нехватки материалов, когда даже гвозди и стекло приходилось доставать с большим трудом, за короткий, менее чем двухмесячный срок силами местных рабочих и научно-технических работников кровли разрушенных церквей были покрыты железом, подперты и укреплены слабые каменные части зданий, заложены поврежденные части кирпичом, вставлены стекла, приняты меры к укреплению отставших слоев фресок [6, л. 3]. Активные усилия по спасению и музеефикации наследия в дальнейшем также могут быть вполне оценены, только если иметь в виду общую ситуацию в стране в те годы. Эпоха «военного коммунизма», чудовищный голод – все эти факторы должны были сдерживать ход проводимых мероприятий. Однако восстановительные работы, производимые на памятниках архитектуры и живописи, велись на строгой научной основе, раскрытые памятники, имевшие фрагментарную сохранность, не подвергались насильственной реконструкции [6, л. 3].

Использование срочных научных мер и финансовой поддержки привело к целенаправленной планомерной работе в течение первого десятилетия советской власти. Были проведены мероприятия по капитальному ремонту сооружений, выведению их из аварийного состояния. На 40 разрушенных памятниках были проведены консервационные (укрепительные) работы, не претендующие на глубокую научную реставрацию [13, л. 26]. Основной перечень строительных работ реставрационной комиссии в Ярославле за первые четыре года ее существования не выходил за рамки аварийно-консервационных мероприятий, продиктованных разрушениями лета 1918 г. В дальнейшем к нему прибавились новые повреждения, главным образом, глав и кровель, нанесенные сильным ураганом июня 1921 г. Акты приемки работ и фотографии 1918-1922 гг. свидетельствуют о том, что важнейшим видом работ была вычинка выбоин в кирпичных стенах зданий, из-под поздних наслоений выявлены и раскрыты ценные фрески церквей. Несложно предугадать, что разрушенные памятники, оставшиеся без дверей и крыш, подвергались нападениям и разбоям, как это было в усадьбах и имениях, расположенных за пределами города.

В 1921 г. П.Д.Барановский, выступая на I Всероссийской реставрационной конференции с докладом, особо отметил масштаб и значимость произведенных работ в Ярославле на территории Спасского монастыря, Митрополичьих палат (Соборного дома) и колокольных церквей Николы Мокрого и Рождества Христова [14, л. 181].

Проводимые мероприятия в городе и губернии не оставались без поддержки органов местной власти. Подотдел по охране памятников старины при ярославском губернском отделе народного образования был организован в мае 1919 г., активно включившись в памятниковосстановительную деятельность.

Стесненность государства в средствах не отразилась на количестве проведенных охранных мероприятий в начале 1920-х гг. Заинтересованность специалистов старой школы, поддержка новой властью, отсутствие идеологического прессинга в отношении религии – все эти направления в государственной политике создавали условия для проводимых мероприятий в Ярославле.

Поддерживаемый Комиссариатом Народного Просвещения в лице Н.И.Троцкой, П.Д.Барановский в ноябре 1918 г. получил суммы на ремонт памятников зодчества Ярославля. Показательно, что такие расходы были заложены на основании утвержденного ст. 3 п. «г» бюджета НКП как «расходы по архитектурной реставрации» [9, л. 19]. Сложно понять, как в условиях военного времени Комиссия по охране памятников искусства и старины при Московском Совдепе выдала лично П.Д.Барановскому ссуду в размере 5000 рублей на предварительные работы [9, л. 19], а затем 1 млн. рублей в 1919 г. [15, л. 5]. Из изложенного следует, что на реставрацию отпускались весьма значительные суммы. Финансирование происходило ввиду важности объектов, имевших огромное культурно-историческое и художественное значение старинных памятников архитектуры XVII в., безусловно, нуждавшихся, по мнению Главмузея, в ограждении от разрушения [15, л. 42]. Относительное финансовое благополучие продолжалось до 1921 г. (в 1920 г. на памятники Ярославля выделяется 10 млн. рублей [15, л. 43]), после чего наступили более тяжелые времена.

В 1922 г. Петроградское отделение Главмузея пыталось решить проблему финансирования текущих ремонтных работ за счет средств арендаторов. В этот период в качестве складов горотделом коммунального хозяйства начинают использоваться бесхозные церкви. Петроградский отдел музеев считал на тот момент целесообразным передать такую эксплуатацию в ведение ГубОНО, что дало бы арендные средства, весьма важные в свете сокращения расходов на нужды охраны памятников искусства и старины [16, л. 12-13].

Доступ в несколько церквей «ввиду опасности вследствие ухудшающегося состояния» был прекращен в 1922 г. Заключенные соглашения между отделом коммунального хозяйства и губмузеем дали возможность сдавать в аренду подвалы охраняемых памятников. Церкви Николы Мокрого, Петра и Павла, Спаса на Городу создали финансовую основу для производства дальнейших ремонтов [17, л. 37об]. На основании решений исполкома такая практика получила распространение путем закрытия «вследствие опасного состояния» еще 15 церквей. Данные действия властей подтолкнули прихожан изыскивать средства на ремонт храмов, производить который стало возможным только под надзором комиссии [17, л. 44об].

Проводимые мероприятия привели к тому, что общины активно поддерживали начинания власти по сохранению храмовой архитектуры. Чаще всего у прихожан отсутствовали средства на проведение ремонта. Исключение составлял тот факт, например, что в 1922 г. Ярославский митрополит Агафангел предложил произвести за свой счет ремонт церкви св. Ярославских князей и корпус архиерейских палат XVII в. [17, л. 16об]. На частные средства в 1922 г. были отремонтированы церкви Ярославских князей, Спаса на Городу, Спаса Обыденного, Пятницкая, Рождества Богородицы, Никиты Мученика. На средства советской казны - только церковь Николы Мокрого [16, л. 56].

Вышеуказанные действия привели к завершению концентрации памятников искусства и старины в руках ярославских органов власти. В условиях военного времени не удалось организовать полноценную охрану памятников. Однако все монументальные и вещевые памятники были описаны и взяты на учет. Только с разрешения местного отдела по делам музеев и охраны памятников могло производиться отчуждение, ремонт или переделка памятников.

Примечания

1. Добровольская, Э. Д. Из истории реставрации памятников архитектуры Ярославля 1918-1921 [Текст] / Э.Д.Добровольская // Краеведческие записки. - 1960. - Вып. 4.
2. Известия Рыбинского Совета рабочих и солдатских депутатов [Текст]. - 1918. - 30 июля.
3. Выписка из протокола 45/81 заседания Коллегии Народного Комиссариата по Просвещению от 2 августа 1918 г. [Текст] // ГАРФ. Ф.А.-2306. - Оп. 2. - Д. 39. - Л. 10.
4. ОПИ ГИМ. Ф. 54. - Оп. 1. - Д. 397.
5. ЦАГМ. Ф.Р.-1. - Оп. 1. - Д. 457. - Л. 12.

6. Архив ОАО «Ярреставрация». Памятная записка И.И. Князева. Работы по восстановлению и реставрации памятников архитектуры и живописи в Ярославле за период с 1919 по 1930 годы.

7. ЦАГМ. Ф.Р.-1. - Оп. 1. - Д. 457.

8. ГАРФ. Ф.А.-2307. - Оп. 3. - Д. 206.

9. ГАРФ. Ф.А.-2306. - Оп. 2. - Д. 39.

10. ГАРФ. Ф.А.-2306. - Оп. 28. - Д. 9.

11. ГАЯО. Ф.Р. - 1007. - Оп. 1. - Д. 3.

12. Грабарь, И.Э. О древнерусском искусстве [Текст] / И.Э. Грабарь. - М.: Наука, 1966.

13. ГАЯО. Ф.Р. - 1401. - Оп. 1. - Д. 21.

14. ГАЯО. Ф.Р. - 1401. - Оп. 1. - Д. 7.

15. ЦАГМ. Ф.Р.- 1. - Оп. 1. - Д. 1. - Л. 5.

16. ЦАГМ. Ф.Р.-1. - Оп. 1. - Д. 424.

17. ЦАГМ. Ф.Р.-1. - Оп. 1. - Д. 5.

УДК 008(091)

Д.А. Соколов

Музей в современном городе

В современном музееведении существует целый ряд определений музея. Это связано как с различными исследовательскими подходами специалистов, так и с разнообразием целей и задач, ради которых создается дефиниция. Например, в Российской музейной энциклопедии феномен музея рассматривается М.Е. Каулен и Е.В. Мавлеевым с философских позиций: музей – это «исторически обусловленный многофункциональный институт социальной памяти, посредством которого реализуется общественная потребность в отборе, сохранении и репрезентации специфической группы природных и культурных объектов, осознаваемых обществом как ценность, подлежащая изъятию из среды бытования и передаче из поколения в поколение, - музейных предметов» [3; 395].

В Федеральном законе «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» музей определен как «некоммерческое учреждение культуры, созданное собственником для хранения, изучения и публичного представления музейных предметов и коллекций». В международной практике обычно используется определение, выработанное Международным советом музеев ИКОМ, согласно которому музей – это «постоянное некоммерческое учреждение, призванное служить обществу и способствовать его развитию, доступное широкой публике, занимающееся приобретением, хранением, исследованием, популяри-

защитой и экспонированием материальных свидетельств о человеке и его среде обитания в целях изучения, образования, а также для удовлетворения духовных потребностей». В обоих определениях музей является некоммерческим учреждением.

Основу музея составляют вещи как предметы культуры: он их собирает, хранит, изучает и экспонирует, раскрывая заложенный в них информационный и эмоциональный потенциал. В качестве вещи может выступать не только артефакт, но и природный объект, имеющий музейное значение и в силу этого неизбежно становящийся объектом культуры. Вещи обладают не только объективно присущими им характеристиками, но и социально значимой информацией, ведь в них зафиксированы, или «опредмечены», знания человека, его представления, опыт, цели, желания, воспоминания и т.д. Именно со «сверхкультурным» качеством вещей заключать в себе социокультурный смысл, служить человеку его собственной проекцией, выступать символом абстрактных понятий, идей или же иного «невидимого мира» связан такой специфический вид деятельности человека, который словацкие музееведы З. Странский и А. Григорьева обозначили понятием «музейное отношение к действительности». Суть его состоит в том: на определенной ступени своего развития человек осознал, что некоторые предметы, даже утратившие свою изначальную функцию, надо собирать, хранить, выставлять и т.д., поскольку они представляют для него и для общества определенную ценность.

Реальный жизненный опыт человека естественным образом ограничен пространственно-временными рамками его бытия. Поэтому человек нуждается в дополнении непосредственно получаемых сведений той информацией, которую он может только представить себе. В «музейном отношении» человека к действительности культура обрела одну из уникальных возможностей беспредельно расширять человеческий опыт, раздвигая не только временные, но и пространственные границы путем непосредственного контакта человека с вещами как «опредмеченной» культурой. При этом вещи способны не только служить обретению реального опыта минувшего, но и выступать в качестве посредников в общении с отдаленными во времени или пространстве культурами, поддерживать связь между «видимым» и «невидимым» мирами, из которых и состоит для человека универсум.

Постепенно в культуре назрела потребность в общественной интерпретации «говорящих» вещей и в общедоступных формах общения по этому поводу, что привело к обособлению и самоопределению той деятельности, которая заключалась в выявлении, сохранении и экспонировании предметов культуры как носителей

культурных ценностей и социокультурных смыслов. Она стала осуществляться в рамках специальных, организационно оформленных структур и называется «музейной деятельностью». Иными словами, дальнейшее развитие «музейного отношения» человека к действительности привело к появлению специализированного учреждения – музея, выполняющего ряд функций по отношению к культуре, обществу и человеку.

Таким образом, музей в качестве социокультурного института соединяет в себе «сверхприродные» качества самого человека, проявляющиеся в его особом, «музейном» отношении к миру; различные виды, способы и механизмы деятельности, направленной на сохранение и актуализацию культурных ценностей; продукты этой деятельности, их потребление человеком, в процессе которого он меняется, развивается, интеллектуально обогащается; учреждение как организационно оформленную структуру для осуществления этой деятельности.

Специфику музея, отличающую его от других институтов культуры, определяет своеобразие музейной деятельности, в основе которой лежат музейные предметы, подлинные элементы невидимого мира, лежащего за границами того конкретного опыта, который аккумулирован в реальном существовании отдельного индивида и человечества в целом. В отличие от систем образования, архивов, библиотек, способствующих преодолению узости границ конкретного человеческого опыта путем предоставления вербальной информации, музейный показ апеллирует, прежде всего, к зрительному восприятию, которое непосредственно погружает человека в ситуацию общения с подлинностью бытия.

Здесь мы заведомо не стали давать даже краткого исторического обзора развития феномена музея ни в нашей стране, ни за рубежом, поскольку кратко изложенный нами теоретический материал аккумулирует в себе всё то, чем музей стал исторически в ходе своего возникновения и становления в качестве института. Представленная нами модель музея идеальна.

Мы хотим определить место музея в современном городе среди прочих образовательных, досуговых и развлекательных учреждений; попытаемся предвидеть, какие у музея перспективы на сохранение собственного «лица» в конкуренции за своего потребителя.

Город – крупный населенный пункт, административный, торговый, промышленный и культурный центр. Наличие в современном городе (имеется в виду любой современный развитый российский город) массы всевозможных культурных, развлекательных учреждений: кинотеатры, театры, кафе, клубы – ставит музей в условия конкурентной борьбы за потребителя своих услуг. Мо-

гут ли музеи в данных условиях сохранять качества научного учреждения и при этом обращаться к массовой аудитории? Возможно ли установить баланс между научностью и развлекательностью? На протяжении второй половины XX столетия на эти вопросы пытались ответить музейные специалисты всего мира. В поисках освобождения от черт элитарности, характерных для классической концепции музея предшествующего столетия, рождались новые, более доступные способы подачи материала, разрабатывались нетрадиционные программы культурно-образовательной деятельности, создавались специальные музейные структуры и персонал, занятые вопросами образования детей и взрослых. Российские музеи необходимость решения названных проблем, в связи с необходимостью «выживания», особо ощутили в 1990-е годы. Оказавшись в условиях рынка и испытав в начале 1990-х гг. достаточно серьезные потрясения, выразившиеся в сокращении посещаемости, музей стал активно работать над проблемами привлечения посетителей и созданием востребованных форм работы.

Для этого понадобилось провести ревизию всех ресурсов и возможностей, поучиться опыту зарубежных коллег. В результате не только в столичных, но и в провинциальных учреждениях появились удачные музейные проекты: фестивали, выставочные циклы, досуговые и образовательные программы. А.В. Калякина в статье «Специальные события» в музее» [1, с. 78 - 83] представляет опыт английских музеев, оказавшихся в 1980-е годы в ситуации, схожей с современной российской. Речь, прежде всего, о сокращении государственного финансирования и необходимости зарабатывать самостоятельно. Музеи отныне вынуждены создавать проекты с целью привлечения спонсорских средств, работать на конкретного потребителя. Особого внимания заслуживают мероприятия, которые в Англии называются «special events» или «специальные события», они нам важны, т.к. подобное мы можем наблюдать сегодня и в российских музеях. Среди «special events» можно выделить:

- музыкальные концерты, которые, как правило, проводятся летом в выходные дни, имеют универсальный характер и содержательно не связаны с конкретным местом (мероприятия выходного дня);

- исторические костюмированные фестивали в течение года, приуроченные к юбилеям исторических событий и связанные с конкретным местом бытования исторической традиции;

- мероприятия, возрождающие местные бытовые или исторические традиции.

В качестве примера можно назвать Ярославский художественный музей, где привлечение посетителя не всегда «музейными»

средствами, т.е. без участия коллекции музея, но в стенах музея и при его содействии, проходит на довольно высоком уровне. Назовем наиболее замечательные на наш взгляд мероприятия, проводимые художественным музеем: Открытый фестиваль перформативного искусства "Корч", спектакли театра-студии «Странник», функционирующего при музее, регулярно проводимые концерты камерного ансамбля «Барокко», новогодние праздники для детей, бал ко Дню влюбленных, проходящий ежегодно, также до недавнего времени в музее существовал Бард-клуб, проводивший регулярные концерты, вечера памяти «Мы помним» и др. В музее часто проходят разовые концерты, фестивали, презентации.

Особо отметим опыт музейного кафе государственного музея А.С. Пушкина [2, с. 179 - 190]. Оно рассчитано не только на посетителей музея, но и на публику, приходящую вкусно и качественно поесть. Совместно с кафе музеем проводятся мероприятия, приносящие доход музею. В качестве одного из примеров можно привести проходивший зимой 2000 – 2001 гг. новогодний бал для детей и родителей.

Таким образом, музей значительно расширяет сферу своей деятельности, становится более открытым для посетителя за счет внедрения новых форм работы. Как видим, выставочная деятельность учреждения сопровождается множеством событий, никак не связанных с коллекцией музея, как это предполагается в классическом определении музея. Музей вынужден частично принять на себя функции других культурно-досуговых, образовательных учреждений: театр, концертный зал и др., составляя тем самым конкуренцию другим культурным учреждениям города и предлагая своё оригинальное решение досуга посетителя. Существенна именно культурно-образовательная составляющая музейных мероприятий. При этом ни в коем случае перед музеем не стоит задачи вобрать в себя все существующие в городе виды и формы культурного и образовательного отдыха. Музей стремится стать более открытым для посетителя, взамен устоявшимся в обществе представлениям о музее как о консервативном и скучном учреждении. Главное, на наш взгляд, чтобы в конечном итоге не происходило перевеса в сторону развлекательности и за ней бы не терялись культурно-образовательные задачи, присущие только музею с его коллекциями.

Библиографический список

1. Калякина, А.В. «Специальные события» в музее [Текст] // Справочник руководителя учреждения культуры. – № 3. – Март 2005 / А.В. Калякина. – М., 2005. – С. 78 – 83.

2. Потемина, Е. Музейный магазин [Текст] // Музеи. Маркетинг. Менеджмент / Е. Потемина. - М. : Прогресс-Традиция. 2001. – С. 179 – 190.

3. Российская музейная энциклопедия [Текст]. Т.1. - М.: Прогресс, «РИПОЛ КЛАССИК», 2001. – С. 395.

УДК 008(091)

А. А. Маслова

Ярославль в старых путеводителях по Волге

Жанр путеводителя, столь популярный в наше время, опирается на солидную традицию. Самый ранний, содержащий упоминание о Ярославле, был издан в Амстердаме в 1718 году. Корнелий де Бруин, голландский художник, этнограф и писатель, упомянул Ярославль в своем рассказе о путешествии по Волге и зарисовал вид города с реки.

Расцвет жанра совпадает с подъемом туризма в конце XIX века. Старинные путеводители по Волге – карманные или более объемные, иллюстрированные гравюрами или черно-белыми фотографиями, включали множество полезных сведений: расписания и цены на билеты, «рейтинги» попутных гостиниц, указания стоянок извозчиков и таксы за провоз пассажиров и багажа. Часто к этим изданиям прилагались карты, библиографии и алфавитные указатели, пустые страницы для заметок. Их взгляд отчасти, может быть, поверхностен и отчасти даже развлекателен, поскольку они заботятся о том, чтобы не наскучить публике. Однако в них есть главное – цельность панорамы. В старых путеводителях подкупает проверенный опыт авторов-путешественников. Чувствуется, что эти бытописатели Волги знают водный маршрут досконально.

Встречающиеся в них исторические неточности и серьезные ошибки отчасти объясняются тем, что использовались доступные на то время недостоверные источники. К тому же перед нами не исторические труды, а путевые очерки. И, конечно, акцент в них сделан не на истории, а на современности и на личных впечатлениях. Иногда авторы отчасти грешат плагиатом, переписывая друг у друга наиболее удачные фрагменты.

Тем не менее, эти книги могут послужить нам сегодня для того, чтобы восстановить жизнь старого Поволжья – такой, какой сто лет назад она открывалась с борта волжского парохода.

Заметим, что в центре нашего внимания сейчас именно не работы краеведов – уроженцев ярославского края, хотя, разумеется, существовали и путеводители, изданные здесь, а именно авто-

ры, демонстрирующие «взгляд со стороны». Все книги увидели свет вне Ярославля.

Основными источниками, рисующими образ Ярославля в глазах туристов, могут стать следующие дореволюционные книги, хранящиеся в библиотеках города.

«Волга от Твери до Астрахани» профессора Николая Петровича Боголюбова – книга, написанная на переломном для России рубеже 1860-х годов. Ее сведения (статистические материалы на 1860-й год) во многом устарели уже несколько лет спустя, но сам опыт ее создателя послужил образцом для последующих авторов. Библиографическая ценность этой книги заключается также в иллюстрациях – гравюрах, выполненных известным художником-пейзажистом Алексеем Петровичем Боголюбовым – братом и попутчиком автора в путешествии по Волге.

«Иллюстрированный спутник по Волге» С. Монастырского был издан в Казани в 1884 году. Автор – сам казанский житель, красноречивый и остроумный очеркист, любящий выражаться афористически и склонный к сатире.

«Иллюстрированный практический путеводитель по Волге с приложением алфавита (указателя – *А. М.*), шести планов, расписания рейсов волжских пароходов и тарифов», составленный Г. Москвичом, вышел в Одессе в 1903 году вторым изданием. Его автор издал целую серию популярных в свое время путеводителей – по Крыму, по Кавказу, по Финляндии и Сибири, по Москве, Одессе, Киеву и Санкт-Петербургу.

Развитие пассажирского флота вызвало в середине XIX века новое явление – пароходный туризм. Множество пассажиров плыли вниз и вверх по Волге с целями служебными, деловыми, душевспасительными – следуя на богомолье, лечебными, к популярным в то время кумысолечебницам, либо – просто ради отдыха и новых впечатлений.

На первых порах волжское пароходство было почти исключительно грузовым. Пассажирам приходилось довольствоваться оканиями и местами на баржах или буксирах. Но начиная с 1860-х годов, когда на фоне промышленного переворота увеличилось население страны и возросли транспортные потребности, Волга превратилась в самую оживленную дорогу России. Пассажирский флот на Волге считался весьма современным и комфортабельным. «К услугам желающих прокатиться по Волге имеется целая коллекция пароходов: удобных и неудобных, благонадежных и опасных, быстрых и медлительных, просторных и тесных, дорогих и дешевых», – писал в 1884 году С. Монастырский в своем «Спутнике по Волге».

Товаро-пассажирские пароходы были гораздо дешевле, чем почтовые, и двигались они соответственно гораздо медленнее. Впрочем, и они именно за это были популярны у досужих туристов. Кроме того, состоятельные холостяки пользовались ими как плавучей дачей, вояжируя в свое удовольствие между Нижним и Астраханью – по три рейса за два-три месяца с остановками, наслаждаясь свежим воздухом, хорошим столом, библиотекой и приятной компанией.

В 1896 году пароходства «Кавказ и Меркурий», «Самолет» и «По Волге» заключили между собой конвенцию о согласовании прейскурантов и расписаний. Эта мера была вынужденной ввиду растущей конкуренции со стороны железных дорог. Высокая конкуренция способствовала снижению цен на билеты и приятным условиям плавания.

Кроме того, пароходные компании привлекали пассажиров, помимо дешевизны билетов, всевозможными льготами, в частности, для групп военных, для студентов, учащихся и преподавателей. Так, петербургская компания «Надежда» по билету предоставляла право делать по пути остановки на любой пристани сроком до двух месяцев, а потом продолжать путешествие на любом «надеждинском» пароходе.

Все эти факторы обусловили действительный интерес многочисленных туристов к более внимательному знакомству с лежащими по маршруту городами.

Каким же представал Ярославль перед читателями путеводителей со слов их авторов?

Ярославль сто лет назад в глазах современников – авторов путеводителей – был не просто пунктом на пароходном маршруте. Его именовали «столицей Верхней Волги», «волжским красавцем», «волжской Флоренцией». Все без исключения источники отмечают исключительную красоту его местоположения. Рассчитанный именно на восприятие проплывающих, город был особенно хорош с воды. Авторы не скупятся на хвалы. «Набережная представляет собой сплошной бульвар. На всем ее протяжении из-за роскошной зелени лип выглядывают высокие колокольни, разноцветные купола церквей и крыши высоких зданий, легкие виадуки, изящные лесенки к реке. Под одним из мостов пробегает на пристань трамвайная ветка», – читаем у Г. Москвича.

Для авторов путеводителей очевидно не только внешнее, топографическое, но жизненно важное значение Волги для города – благодаря расположению при ее судоходной части (напомним, до строительства каскада водохранилищ начиная с 1930-х годов судоходство на Волге было ограниченным). Ярославль, будучи крупным портом,

играл важнейшую экономическую роль, торгуя собственными «фабрикатами» и перепродавая хлеб, соль, керосин и многое другое.

В то же время Ярославль являлся узловой станцией нескольких железных дорог, петербургского, северного и московского направления. Отметим, однако, что большинство путеводителей, отмечая эти факты и рассказывая о городском вокзале (Московский вокзал, построенный в 1870 году), все-таки в основном ориентируются на интересы пассажиров и туристов, прибывающих пароходами.

Старейшая в России Большая мануфактура, основанная еще в петровские времена, представляла собой настоящий город в городе. С ней по мере сил конкурировала Новая Ярославская мануфактура Ганшина. По прядильному производству Ярославль занимал одно из первых мест в стране. Следующее место принадлежало крупным табачным фабрикам Вахрамеева и Дунаева, производившим, главным образом, дешевые сорта табака. Затем следовали еще фабрики и заводы: мукомольные, химические, спичечный, лесопильный, столярные и бондарные, мыловаренные, войлочные, кожевенные, а также колокольный, воскобойный...

Главный интерес для гостей Ярославля, безусловно, представляли его многочисленные храмы, знаменитая школа церковного зодчества и стенописи. По числу церквей – 77 – Ярославль уступал только Москве и Киеву, а в пересчете на количество населения превосходил и эти города, будучи, таким образом, первым в России.

Также внимание путешественников привлекал старейший Демидовский лицей, дававший юридическое образование, приравненное к университетскому, который ставил Ярославль на первое место среди неуниверситетских городов. Лицей отпраздновал свое столетие в 1903 году, но не пережил разрушительного 1918-го.

Еще одной визитной карточкой города служило «прекрасное и изящное здание городского театра». На 1903 год, когда его описывал путеводитель Г. Москвича, еще существовал старый театр середины XIX века, вскоре разобранный по ветхости. На его месте в 1913 году построили новое здание, которое носит теперь имя ярославца Федора Волкова – основателя российского общедоступного театра.

Достопримечательностями города служили также и многие общественные и частные здания, городские сады и бульвары и чудеса технического прогресса, такие, как «американский» мост через реку Которосль, построенный в 1853 году, и железнодорожный Волжский мост, который строился в 1911–1913 годах по проекту инженера Ольшевского и долго назывался в ярославском обиходе «Николаевским», поскольку царь лично контролировал строительство. Как вспоминали ярославцы, стройка шла трудно. Волга не

желала покоряться, и однажды в воду упал целый пролет, только что установленный на опоры.

Обращала на себя внимание и упомянутая трамвайная ветка, шедшая от железнодорожного вокзала к волжским пристаням – Ярославль обзавелся трамваем одним из первых среди губернских городов в 1900 году.

Интеллектуальная и культурная жизнь Ярославля, сравнительно с другими губернскими центрами, стояла на высоком уровне. Учебные заведения, в том числе высшее, а также несколько мужских и женских гимназий, кадетский корпус, духовная семинария, техническое и коммерческое училища делали его «богатым рассадником образования».

На благо города работали ученая архивная комиссия, общество для исследования Ярославской губернии в естественноисторическом отношении, четыре музея, пожарное, юридическое, сельскохозяйственное общества, общество содействия развитию народного образования, общество врачей, образцовая глазная лечебница (открытая в 1903 году), лесоохранительный комитет, народная читальня. Действовали благотворительные и социальные учреждения: Екатерининский дом призрения ближних, местное управление Российского общества Красного креста, дамский комитет Красного креста, община сестер милосердия, общество трезвости, детские приюты, ясли. Наконец, городскую жизнь украшали любительские кружки: драматического и музыкального искусства, фотографический, общество любителей конского бега. Издавалась популярная ежедневная газета «Северный край» под редакцией Э. Г. Фалька, работали две типографии и книжные магазины – А. Т. Наумова и другие.

Впрочем, по критическому замечанию Москвича, «общественная жизнь Ярославля, по мнению самих же ярославцев, не бьет ключом, как в былое время: дворянство, профессура, чиновничество, фабричные служащие, купечество и прочая интеллигенция как бы разбились на группы и разъединили свои интересы. Такие объединяющие элементы, как театры, клубы, гулянья, сады, действуют довольно вяло».

Вот краткий пересказ истории края, какой ее подают путеводители, – это своего рода справочный минимум сведений. По своей истории Ярославль признается одним из древнейших и богатейших русских городов. Как правило, относительно возникновения города в XI веке пересказывается предание о князе Ярославе Мудром, одолевшем в единоборстве медведя. Отмечается первое летописное упоминание города, которое относится к 1071 году, когда языческие волхвы из Ярославля стали зачинщиками беспорядков в Ростовской земле.

Затем отмечаются следующие исторические вехи. Это нашествие Батюга, когда в 1238 году Ярославль разделил судьбу древнерусских городов, но уже через 20 лет в битве на Туговой горе в 1257 году отважился выступить против татарских сборщиков дани, хотя потерпел поражение. Затем великая Куликовская победа в 1380 году, в которой ярославцы принимали участие.

В Смутное время, как многие другие города, Ярославль колебался, стал было на сторону «Тушинского вора», но вскоре смыл с себя это пятно, героически отражая нападения поляков. В 1606–1608 годах здесь держали под надзором Марину Мнишек. В 1612 году из Ярославля выступило на освобождение Москвы ополчение Минина и Пожарского. Ярославль связан и с утверждением дома Романовых: первую царскую грамоту о принятии венца Михаил Феодорович послал из ярославского Спасского монастыря.

В 1777 году Ярославль получил статус губернского города, став центром многонаселенной и развитой области.

На протяжении XIX века жители Ярославля и губернии шли «в отход» – в чужие места на заработки. Шли в бурлаки, в строители, но чаще – в половые, то есть официантами в трактирах, или по торговому делу. В Петербурге, Москве, да и по всей стране хорошо знали ярославский характер – предприимчивый, деловитый, упористый.

...Любопытная особенность, которая бросается в глаза, когда читаешь старинные путеводители – уверенность в прочности тех реалий, которые они описывают: «Из Ярославля ежедневно пароходы общества “Самолет” отходят: экстренный в 5 часов вечера, почтовый – в 11 вечера». «Такса для извозчиков в Ярославле за конец с пароходных пристаней на Московский вокзал – 50 копеек». «У монастырских пристаней Толгской, Николо-Бабаевской и Решемской пароходы общества “Самолет” стоят 10 минут и во время молебна не должны давать свистков»... Чувствуется, насколько устойчивыми и неизменными представлялись и авторам, и читателям порядки тогдашней жизни.

Так в совокупности сведений популярные путеводители ретранслируют справочную информацию о Ярославле и воссоздают его устойчивый образ.

Библиографический список

1. Боголюбов, Н. П. Волга от Твери до Астрахани [Текст]. – СПб., 1859.
2. Монастырский, С. Иллюстрированный спутник по Волге [Текст]. – Казань, 1884.

3. Москвич, Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Волге [Текст]. – Одесса, 1903.

И. А. Катерина

Медвежий текст Ярославля

(под научным руководством доктора культурологии, доцента кафедры культурологии и журналистики Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского Н.Н. Летиной)

Истоки. Истоки встречающего свое тысячелетие Ярославля укоренены в сознании его жителей и в презентации стране и миру не столько в научно подтвержденной истории, сколько в легенде. «Миф творения» (В.Н. Топоров [2]), миф об основании, столь значимый для создания сначала образа (Е.А. Ермолин [2]), затем имиджа Ярославля основывается на ряде местных сказаний.

Среди них есть безразличные к «медвежьему» тесту версии. Такова, например, версия В.Н. Татищева [3], выдающегося русского историка, связавшего факт появления города с именем князя Ярослава Мудрого. Аналогична и история «начала» Ярославля, изложенная в «Топографическом описании Ярославского наместничества» (Ярославль, 1794 г.). Здесь история создания города описывается в «привязке к авторитету» Ярослава Мудрого, повелевшего основать город без каких-либо четко обозначенных мотиваций. Этого факта, материализованного в слове (название города), камне (памятник основателю города Ярославу Мудрому – скульптор О. Комов, архитекторы Н.И. Комова и А.Р. Бобович), дизайне денежного знака (тысячерублевая купюра), было бы вполне достаточно для формирования городского патриотизма. Но без второго участника (или участницы) легендарного творения города «образ» Ярославля был бы неполным.

Большинство местных сказаний связывают основание города с победой Ярослава Мудрого над медведем, тем самым создавая и закрепляя «медвежий» ярославский текст. П.Ю. Львов [4] излагает версию о Ярославе - защитнике местных жителей, страдавших от свирепого медведя, посланного им в наказание за принятие христианства богом Велесом. М. А. Ленивец описывает, как Ярослав, будучи князем Ростовским, охотился в устье Которосли и «встретился с превеликою медведицей, с которой вступя в бой, убил её сам один» [5]. Через некоторое время он вернулся сюда с мастерами и заложил город рубленую стеною, назвав его Ярославль.

Иную, основанную на народном предании, историю «творения города» передает ростовский архиепископ Самуил Миславский в «Сказании о построении града Ярославля», опубликованном А.Н. Лебедевым в книге «Храмы Власьевского прихода г. Ярославля» в 1877 году: «В области Ростовсей, при брезе реки Волги и Которосли лежаще некое место, на нем же последи создася славный град Ярославль /.../ И сие бысть селище /.../ рекомое Медвежий угол, в нем же насельницы человецы поганья веры – язычницы, зли суще. /.../ но в некем лете прилучися благоверному князю Ярославу плыти на ладиях с сильною и великою ратью по реке Волге /.../ Князь узре, яко некии людии жестоцы наноси гибель судом, шествовавшим с товары по Волге /.../ Дружина князя храбро приступи на врагов /.../ И княжее воинство победи врагов /.../ И прибы [Ярослав] семо со епископом, со пресвитеры, диаконы и церковники и с воины; но егда входи в сие селище, людии сего напусти от клети некоего люта зверя и псов /.../ Но Господь сохрани князя: сей секирою своею победи зверя» [6].

Интересно, что «медвежий» текст реализован в этих версиях по-разному.

В первой версии «свирепый» медведь напрямую связывается с языческим богом Велесом, но трактуется местными жителями как зло, поэтому победа Ярослава имеет и социально-политический (спасает местных жителей), и сакральный (побеждает язычество) смысл.

Во второй версии охотничий подвиг князя в большей мере работает на создание образа смелого и сильного героя, что подчеркивается «полом» зверя – медведица, как полагают, более стихийна и свирепа, чем медведь.

Третья же, казалось бы, наиболее устоявшаяся в ярославской истории культуры версия вообще не называет зверя точно, в ней неопределенно говорится о некоем лютом звере, выпущенном из клети. «Лютый зверь», однако, может быть опознан, исходя из контекста – из названия селения «*Медвежий угол*», из специфики исполнения мерянами языческого культа бога Велеса, чьим священным зверем был медведь / медведица [7] ... Мы полагаем, что именно третья версия стала основанием для особого почитания Ярослава Мудрого и особого, - опасливо-настороженного, но и торжествующего одновременно, отношения к Ярославлю – бывшему урочищу Велеса. Весомый аргумент тому – появление в росписях Собора Святой Софии в Киеве сцены торжества князя над диким зверем. Она известна как «Единоборство конного воина с медведем». В искусствоведении мотив появления подобного сюжета в храме остался непроясненным. Его чаще всего трактуют как

отражение киевского быта князей. Характер изображения определенно свидетельствует об ином: зрелый мужчина-воин верхом на коне поражает корчащегося зверя, аналогично многочисленным изображениям Георгия-Победоносца. Ярослав Мудрый при принятии христианства был крещен Юрием (Георгием). И, подобно Георгию-Победоносцу, он поразил «лютого» дикого зверя – культового животного Велеса, а возможно и самого языческого бога, аллегорически победив язычество и став своеобразным крестителем Северных земель.

Так, согласно легенде об основании города, *Ярославль оказался не только осиян славой и авторитетом Ярослава Мудрого, но и в определенной степени соотнесен с языческим прообразом медведя (медведицы), победа князя над которым закрепила в образе города значение торжества христианства над язычеством, мудрости над физической силой, культуры над стихией, княжеской власти над своеволием.* Однако это не значит, что языческое «медвежье» прошлое ушло навсегда... Оно даст о себе знать и восстанием волхвов и прорывами стихийного духа в сознании и поведении горожан. Не зря на гербе города изображен не Ярослав, победивший медведя, а как ни в чем не бывало расшагивающий с поразившей его секирой на плече медведь.

Контекст. Ярославский «медвежий» текст складывается на основании и в динамическом взаимодействии с «медвежьим» контекстом мировой (западной) и отечественной культуры. На наш взгляд, «медвежий» контекст имеет двойное наполнение и выражение – историческое и типологическое. Именно такова логика его последующей характеристики.

В историческом аспекте «медвежий» контекст практически тождествен основным этапам исторической периодизации культуры (от первобытной архаики до современности). При этом в нем можно выделить три наиболее значимых для становления и бытования «медвежьего» текста этапа. *Первый этап* - архаику и античность (мифологическую и магическую) – мы предлагаем соотнести с процессами возникновения и формирования. *Второй* – от средневековья до конца Нового времени - условно, почти метафорически мы определяем как *период интерпретаций и трансформаций, период переосмысления и изменения «медвежьего» текста под влиянием духовно-нравственных и социокультурных ценностей.* *Третий* – XX – XXI вв. – *период* нередко прагматически мотивированной *эксплуатации «медвежьего» текста.*

В типологическом аспекте «медвежий» контекст мы предлагаем рассматривать как складывающийся прежде всего из *мифо-*

логически-религиозной и духовно-нравственной (мифология и ритуальная практика язычества; христианство; духовные течения); *художественной* (фольклор, искусство); *социально-культурной* (социальные и политические практики, массовая культура) составляющих. Поскольку они имеют существенное значение для работы, кратко их охарактеризуем.

Мифологический пласт медвежьего контекста непосредственно связан с созданием «медвежьего» текста культуры: с появлением мифообраза медведя и закреплением его в ритуале.

Считается, что территория «медвежьего» культа охватывала пространство от Эльбы до Урала, поскольку его следы находят в жизненных ареалах почти всех европейских, а также финно-угорских народов («находки большого количества медвежьих костей в пещерах ФРГ и Швейцарии» [8]). Сам характер культа выражался различно, от поклонения медведю или его идолу, до принесения человеческих жертв. Отзвуки «медвежьего» культа в русской средневековой культуре – потешные игры, забавы с медведем.

Функциональные роли медведя в языческой мифологии различны. Это и «божество (в частности, умирающее и возрождающееся), культурный герой, основатель традиции, предок, родоначальник, тотем, дух-охранитель, дух-целитель, хозяин нижнего мира, священное и (или) жертвенное животное, зооморфный классификатор, элемент астрального кода, воплощение души, даритель, звериный двойник человека, помощник шамана, его зооморфная ипостась и душа, оборотень» [9].

Непосредственный исток и контекст ярославского медвежьего текста – финно-угорские (племя меря) и славяно-русские мифологические представления. Здесь в мифообразе медведя актуализированы три ключевых значения. Во-первых, в славянской языческой традиции присутствовало отождествление (или тесное сближение) с медведем скотьего бога, покровителя домашних животных – Велесом (медведь – культовое животное, спутник Велеса, волхв-оборотень или сам бог). Во-вторых, медведь воспринимался как некий дух — хозяин северных лесов, царь северных зверей. В-третьих, и в славяно-русской и финно-угорской мифологии, актуальных для северных русских земель, одним из важнейших значений медведя являлось «подобие человеку» [10], поэтому медведя довольно часто считали «лесным человеком». Последнее значение отчетливо проявлено в фольклорном животном эпосе - сказках, песнях, загадках, пословицах, быличках.

Религиозный контекст «медвежьего» текста оказался максимально значим в христианоцентричной культуре. С одной стороны, «библейские тексты оказали решающее влияние на после-

дующее символическое отождествление медведя с сатаной» [11]. С другой стороны, в христианской средневековой традиции медведь ещё чаще обозначает греховную телесную сущность человека.

Еще более сложной, внутренне парадоксальной оказалась интерпретация образа медведя в русской средневековой культуре. Несмотря на то, что христианство было принято Русью в X веке, фактически еще несколько столетий после этого православие и язычество сосуществовали в своеобразном партнерстве-соперничестве друг с другом. В отечественной средневековой традиции медведь в большей мере оказался соотнесен с грехом язычества, что отразилось на трактовке медведя как аллегии «дикого» начала в человеке (в духовном и социальном плане) и в качестве лесного человека – то ли духа, то ли волхва-оборотня, то ли опростившегося и укрывшегося в лесах Велеса.

В эстетическом плане медведь выступает предметом художественной рефлексии, главным образом - стилизации и пародии. Это нашло отражение в фольклорном творчестве, в частности, в репрезентативной народной сказке «Машенька и медведь». Здесь медведь изображен одиноким, диким, невежественным, в меру агрессивным «лесным человеком», которого сумела провести маленькая девочка.

Аналогичная трактовка образа медведя присутствует и в отечественном декоративно-прикладном искусстве, в народных промыслах. Гжель и более поздняя керамика, сохраняя стилизацию «под человека», трактуют образ медведя исключительно пародийно, даже сатирически, обличая такие его черты, как дикость, неоправданная агрессивность, глупость, неповоротливость, грубость... Стилизация под «человека» является одним из ведущих приемов создания образа медведя в деревянной богородской игрушке. Пересечение «медвежьего» текста с игровым (медведь – игрушка), смехо-пародийным, имеет результатом не только «снижение» образа медведя, но и его десакрализацию. Свирепый дух, лесной человек, оборотень вызывает священный трепет, игрушка – смех, радость, удовольствие... Данный вектор в перспективе позволит Медведю стать Мишей – участником народным балаганных развлечений и, позднее, «Мишкой» - игрушкой для детей.

В искусстве, в частности, изобразительном, медведь становится и национальным символом. В частности, известное полотно И.И. Шишкина «Утро в сосновом лесу» раскрывает перед зрителем красоту и богатство русской лесной природы, и, конечно же, здесь становится обязательным присутствие своеобразного «бренда» русского леса - медведя.

Эту особенность «медведя» – брендовый в целом, и для русской культуры, в особенности, характер, – отметим особо. «Медведь» – образ-символ, имеющий с его мифологическими и магическими корнями как архетипический, международный, так и национальный, «закрепленный» за Россией, характер едва ли не тотемного государственного символа (конечно, не официального). Известны иронические опасения иностранцев, что в дикой России до сих пор по улицам ходят медведи. Но, показательно, что ирония здесь сочетается со страхом перед стихийной силой... Именно такие образы – «популярные», закрепленные в массовом сознании и даже подсознании, имеющие продолжительную историю бытования, способные упрощаться до схемы, эмблемы, бренда, стереотипа, – максимально востребованы в современной массовой культуре.

Эксплуатация образа медведя (детский вариант – медвежонок) в качестве стереотипа распространена повсеместно, его активно используют художники (художник М. Пейн, создатель «Tatty Teddy Bear»; писатель А.А. Милн, создатель «Винни-Пуха», и его интерпретаторы студия У. Диснея, писатель-сценарист Б. Заходер и режиссер Ф. Хитрук; писатель Ю.Яковлев, режиссеры В.Попов и В. Пекарь – создатели образа Умки), журналисты (журналисты «Вашингтон пост» в истории с Т. Рузвельтом), специалисты по маркетингу и брендингу (продукция с «медвежьим» брендом – игрушки: плюшевый мишка «Tatty Teddy Bear», плюшевый мишка «медвежонок Тедди»; кондитерские продукты: конфеты «Мишка на Севере», «Мишка Косолапый», торт «Панда» (г. Кострома); мясные продукты: пельмени «Медвежье Ушко»), политики (Т. Рузвельт, У. Черчилль, Г. Коль) всего мира, но особенно российские (Б. Ельцин [12], партия «Единство», Д. Медведев). Отметим, что в логотипе партии «Единство» едва ли не уникальный случай отказа от антропоморфизма изображаемого медведя. Здесь он целенаправленно дается в своей звериной ипостаси: опущенный на четыре лапы, неторопливо, но мощно и грозно идущий в заданном партийным руководством направлении.

Ярославский медвежий текст. Ярославль наполнен и офактурен «медвежьими» знаками.

Мифологически-религиозный и духовно-нравственный компонент, составивший его истоки, формирование, интерпретацию уже раскрыт ранее. Его идеологическим, формирующим городской патриотизм продолжением является геральдика и визуальная символика Ярославля, Ярославской губернии, затем - области.

Первые изображения геральдических эмблем Ярославля относятся к XVI веку: это печать времен Иоанна IV с рыбой, повернувшей голову влево, ассоциировавшаяся, как принято считать,

с процветавшим здесь рыболовством. Однако в царствование Алексея Михайловича «рыбная» эмблематика сменяется «медвежьей», активное внедрявшейся в русскую культуру и городскую идеологию. В «Титулярнике» (гербовике) Алексея Михайловича герб Ярославского княжества представлен «В кругу медведь чёрный, стоит на задних лапах, в правой ноге передней держит протазан, а левую переднюю ногу протянул, под ним написан лес и трава» [13]. В геральдике того времени медведь считался символом предусмотрительности и силы; протазан же — родовой знак Рюриковичей. Так в гербе, как и легенде об основании Ярославля, объединены медведь и князь Ярослав Мудрый и весь его род. В дальнейшем нюансы изображения герба Ярославля менялись: медведя в разных позах и на различном цветовом поле изображали с посохом (жезлом), протазаном (трезубцем), чеканом (топориком).

Термин «городской герб Ярославля» впервые официально употреблен в Указе 1692 г. о серебряной печати Приказной палаты города. Рисунок герба города повторял эмблему ярославского княжества из «Титулярника» 1672 г.: в овальном щите с картушем медведь с протазаном на плече. Учреждение городской печати — первое из свидетельств возросшего статуса Ярославля в XVII веке. К 1730 г. ярославский герб был официально одобрен: в фигурном щите стоящий чёрный медведь, на плече держит в лапе чекан (топорик) красный, поле желтое. В 1856 г. утверждён новый губернский герб Ярославля: в серебряном щите, чёрный, идущий на задних лапах медведь, голова прямо, держит в левой лапе золотую секиру на таком же ратовище, щит увенчан короной императора и окружен золотыми дубовыми ветками, соединенными Андреевской лентой. Вышеописанный герб был одновременно и гербом г. Ярославля до середины 1918 г., когда он был упразднен.

Так медведь стал устоявшимся символом ярославской земли, со временем изменялось лишь геральдическое оформление и незначительные детали, главным образом свидетельствующие о смене правителей. Современный герб города Ярославля представляет собой изображение на геральдическом щите серебряного цвета восстающего и развернутого вправо чёрного медведя, держащего на левом плече передней левой лапой золотую секиру, завершает эту геральдическую композицию шапка Мономаха.

«Медвежий» текст реализован в официальной символике Ярославля, включающей в себя изображения на гербе, флаге, Знаке «Почетный гражданин города Ярославля», Знаке «За заслуги перед городом Ярославлем», Почетном знаке города Ярославля, Знаке мэра города Ярославля.

Проявился «медвежий» текст и в художественной культуре города.

Не обошлась без «медвежьего» текста фресковая живопись Ярославля. В росписи церкви Ильи Пророка есть фреска «Чудо Святого Елисея с медведями». С одной стороны, это изображение традиционного христианского сюжета. Но стоит обратить внимание на то, что животные здесь выглядят чрезмерно агрессивно за счет явного композиционного акцента на головах и лапах медведей. Впрочем, правдоподобие здесь и не требуется: а ощущение страха перед свирепыми – но управляемым Божией волей, – хищниками, пришедшими наказывать детей, возникает. Так создается образ медведя как дикой стихийной силы, однако подчиненной воле Бога и святого. И на этом уровне смысловая связь с не столько с поверженной Ярославом медведицей, сколько с символическим значением этого акта – покорения языческого духа, есть особенно если вспомнить вполне «прирученного» медведя с секирой (топором и пр.) на гербе.

«Фирменной» вариацией декоративно-прикладного искусства Ярославской области можно считать майолику - изделия из цветной обожженной глины, покрытой глазурью. Ярославская майолика «Мастерской Майолики Павловой и Шепелёва» малых скульптурных форм также не обошла медвежью тему. Среди продукции – статуэтки, тарелки, колокольчики с изображением раскрученного ярославского бренда.

Регулярно воплощают утвердившийся медвежий символ города и ландшафтные дизайнеры Горзеленхозстроя при создании известной горожанам клумбы «Мишка», которая повторяет своим контуром герб Ярославля. Ландшафтная цветочная скульптура «Мишки», украшавшая ранее площадь Волкова, затем была перенесена на площадь Юности.

Закрепился «медвежий» текст и в *стереотипах сознания горожан*. Так, удаленный от центра города микрорайон жители прозвали «Медвежьим углом», обозначив его маргинальность.

Внедрился медвежий текст и в *сферу брендинга*. Есть в Ярославле гостиница «Медвежий угол» (ул. Свердлова, 16), название которой, вероятно, означает «убежище» и намекает на его древность. В городе в 2003 г. открыт музей «Мой любимый Мишка», занимающийся эволюцией образов медведя. Современный живой символ города – медведица Маша, живущая в Ярославском музее-заповеднике. Ее история подробно изложена на сайте музея, который презентует ее как живой символ города. Медведь стал и торговым брендом Ярославля, чтобы убедиться в этом, достаточно увидеть ассортимент сувенирно-подарочной продукции.

Ярославский «медвежий» текст – важная составляющая образа города. В то же время он является микромоделью отечественного и мирового «медвежьих» текстов.

В историческом плане он отражает общую логику «рождения» или «творения» (архаика и средневековая легенда об основании города), следующей за ними «интерпретации» (средневековая и нововременная городская мифология и символика), и сменившей ее «эксплуатации» (в качестве одного из современных брендов города).

В типологическом плане он включает все ключевые составляющие: мифологически-религиозную и духовно-нравственную (язычество мерян и его христианское переосмысление, городская идеология); художественную (фресковые росписи, иконопись, декоративно-прикладное, садово-парковое искусство); социально-культурную (официальная символика города, туризм, музейная практика, маркетинг).

Тем не менее, в отношении «медвежьего» текста Ярославля все еще отсутствует осознанный системный подход. Данное исследование было направлено и на то, чтобы поставить проблему его изучения, необходимости его официального закрепления в качестве бренда города и дальнейшего осознанного подхода к его развитию и использованию в таком качестве.

Примечания

1. Топоров, В.Н. Петербург и петербургский текст русской культуры [Текст] // В.Н. Топоров. Миф. Ритуал. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное. – М., 1995. – С. 348.

2. Ермолин, Е.А. Миф города Ярославля [Текст] // Культурный универсум в предметном поле культурологии, истории, философии, искусствоведения, филологии. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2009. – С. 44.

3. Татищев, В.Н. [Текст] / В.Н. Татищев. История Российская. - М. ; Л., 1963.

4. Львов, П.Ю. Великий князь Ярослав на берегах Волги. Повесть о построении города Ярославля. [Текст] / П.Ю. Львов. - Ярославль, 1820.

5. Ленивец, М.А. Описание построения г. Ярославля и заложение в основание онога церкви во имя Святого пророка Илии великим князем Ярославом I [Текст] / М. Ленивец - Цит. по: Мейерович, М.Г. Так начинался Ярославль [Текст] / М.Г. Мейерович – Ярославль : Верхне-Волжское изд-во., 1984. – С. 27.

6. Лебедев, А.Н. Храмы Власьевского прихода г. Ярославля. Ярославль, 1877 [Текст] - Цит. по: История губернского горо-

да Ярославля. – 2-е издание. – Ярославль : Александр Рутман, 2009. – С. 18 – 19.

7. См.: Мейерович, М.Г. Так начинался Ярославль [Текст] / М.Г. Мейерович – Ярославль: Верхне-Волжское изд-во., 1984. – С. 27-30; Воронин Н.Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI веке. – Краеведческие записки. – Ярославль, 1960. – Вып. 4. - С. 44, 47.

8. Иванов В.В., Топоров В.Н. Медведь // Мифы народов мира [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://enc.mail.ru/article/?1900041980>, свободный. Проверено 26.09.2010..

9. Там же.

10. Там же.

11. Соколов, М.Н. Медведь // Мифы народов мира [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://enc.mail.ru/article/?1900041980>, свободный. Проверено 26.09.2010.

12. О прямой аллюзии Ельцин – «русский медведь» как об основе имиджа первого российского президента см.: Шишкова-Шипунова С. Ельцин. Попытка политического портрета [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.shishkova-shipunova.ru/category.php?id=220>, свободный. Проверено 26.09.2010.

13. Цит. по: Марасанова, В.М. Летопись Ярославля: 1010—2010. [Текст] / В.М. Марасанова. - СПб. : ИД «Морской Петербург», 2007. — 360 с.

УДК 008(091)

Д.А. Кузнецова

Семья Богдановичей как явление ярославской культуры конца XIX в. – начала XX в.

(ученица 9-а класса МОУ гимназии № 2 г. Ярославля, под научным руководством доктора культурологии, доцента кафедры культурологии и журналистики Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского Н.Н. Летиной)

Осознание семьи не столько как «ячейки общества», сколько как силы, способной к культурному творчеству особенно значимо для современного человека, живущего в период кризиса семьи и брака. Важно это и для жителей русской провинции, поскольку, как мне кажется, именно здесь еще сохраняются благожелательное отношение к семейному жизненному укладу.

В то же время мне хотелось привлечь внимание к конкретной семье Богдановичей в качестве примера, образца для подражания, актуального и для современных ярославских семей с высоким культурным и интеллектуальным уровнем.

Отмечу также недостаточный уровень признания и – просто знания - заслуг семьи Богдановичей перед культурой Ярославля. В городе известен поэт М.А. Богданович, но он – лишь один из представителей интересного и активного в культурном плане семейства. А.Е. Богдановича знают, главным образом, как «отца поэта» - а он был самоценной величиной. Это особо важно в год юбилея Ярославля, когда переосмысливается местный опыт.

В силу данных обстоятельств целью данной работы стало изучение социально-культурной деятельности семьи Богдановичей в жизни Ярославля конца XIX в. – начала XX в.

Семья Богдановичей, которую я рассматриваю как культурный феномен, меняясь по составу и количеству, в целом насчитывает 14 человек. Глава семьи - А.Е. Богданович – трижды вступает в брак (супруги в девичестве: М.А. Мякото, А.П. Волжина, А.А. Мякото), в результате в семье рождается 10 детей.

Родословное древо семьи Богдановичей

Адам Егорович Богданович (1862-1940)	Мария Афанасьевна Мякото (1869-1896)	Адам Егорович Богданович (1862-1940)	Александра Павловна Волжина (1879-1899)	Адам Егорович Богданович (1862-1940)	Александра Афанасьевна Мякото
1888-1896 (г. Минск, г. Гродно)		1899г. (г. Нижний Новгород)		Официально брак оформлен в 1920-е гг. (г. Ярославль)	
Вадим (1890-1908) Поэт, увлекался литературой		Александр (1899-1901) умер в двухлетнем возрасте		Павел (1900-1967) Работал преподавателем, увлекался математикой	
Максим (1891-1917) Поэт, по образованию юрист				Вячеслав (1909-1940) Военнослужащий	
Лев (1893-1918) Математик				Николай Химик-технолог, работал начальником лаборатории	
Нина (родилась в 1896)				Алексей Художник-пейзажист	
				Роман	

Глава семьи Богдановичей, *Адам Егорович Богданович* (1862-1940), - личность значительная. *Выдающийся этнограф и*

фольклорист, лингвист, библиограф, музейный работник, общественный деятель, замечательный педагог, широко известный как в Белоруссии, так и в Ярославле. С 1908 по 1920 гг. А.Е. Богданович служил в Ярославле в Поземельном банке. После его ликвидации заведовал научной библиотекой Ярославского государственного музея (1920 – 1931). Работу в музее совмещал с преподаванием в художественно-педагогическом, театральном и музыкальном техникумах. И не только...

Адам Егорович - *музейный деятель.* Под его руководством сформированы книжная и рукописная коллекции Ярославского музея. При научной библиотеке музея он открыл «Музей книги». Его библиографические статьи печатались в газете «Северный рабочий». В 1926 году он представлял ярославский музей на 2-й музейной конференции центрально-промышленной области. А.Е. Богданович был членом коллегии губернского подотдела по делам музеев, охране памятников культуры и старины.

Адам Егорович – *активный деятель науки,* творец и организатор научной жизни. Он был одним из организаторов секции краеведения Ярославского естественноисторического и краеведческого общества. Его краеведческие работы печатались в журнале «Наш труд». А.Е. Богданович участвовал в работе краеведческих конференций, съездов в Ярославле, Рыбинске. Вместе с другими журналистами, этнографами участвовал в организации ассоциации по изучению производительных сил Ярославской губернии. В 1910 году А.Е. Богданович был избран членом Ярославской губернской ученой архивной комиссии. Он являлся сотрудником научно-исследовательского института Верхнего Поволжья.

Основные направления собственной научной деятельности А.Е. Богдановича - этнография и фольклористика. Его работы публиковались в газетах «Минские губернские ведомости», «Виленский вестник», «Гродненские губернские ведомости». Некоторые работы («Пережитки древнего мирозерцания у белоруссов», «Про панщину») были напечатаны отдельными изданиями. Богданович являлся корреспондентом известного фольклориста и этнографа П. Шейна, его фольклорные материалы вошли в труды ученого. Научные исследования он продолжал и в Нижнем Новгороде, и в Ярославле.

А.Е. Богданович – *личность с трагическим жизненным опытом.* И дело не только в общем трагизме времени. А.Е. Богдановичу было суждено пережить своих жен и большинство своих детей. При этом семья всегда была для него важнейшей ценностью, миниатюрной моделью порожденного и воспитанного им «просвещенного» сообщества.

А.Е. Богданович – *хранитель памяти*. В 1923 г. Адам Егорович пишет «Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича». *Отец, наставник, учитель выдающегося белорусского поэта* много сделал для увековечения его памяти. Он сберег и доставил в Минск, в институт белорусской культуры, архив сына (1923), собрал воспоминания о Максиме. Свои мемуары о сыне он заканчивает трагическими для отца словами: «И какая несуразность, что не он обо мне, а я о нем должен писать свои воспоминания...» [1]. А.Е. Богданович также написал воспоминания о Максиме Горьком [2].

А.Е. Богданович – *жертва эпохи*. В 1931 г. он был уволен с должности, в 1932 г. - арестован Ярославским отделением ГПУ. Был вызволен по ходатайству Екатерины Пешковой, жены Максима Горького.

А.Е. Богданович – *общественник, просветитель, признанный культурный деятель Белоруси*. Исследователь Ю.С. Пширков относит А.Е. Богдановича в истории белорусской культуры к группе «передовой интеллигенции, культурно-просветительская и научная деятельность которой была направлена на распространение просвещения, /.../ возрождения белорусской культуры. /.../ Всего лишь за несколько десятилетий им был накоплен огромный материал по истории, археологии, этнографии, фольклору и языкознанию, собранные богатейшие коллекции памятников /.../, что явилось питательной почвой для дальнейшего развития различных отраслей общественных наук» [3]. В Холопеничах (Минская обл., Беларусь) А.Е. Богданович был удостоен памятника.

Деятельность А. Е. Богдановича в «ярославский период», отличавшаяся профессионализмом и подвижничеством, стала весомым вкладом в ярославскую культуру, способствовавшим развитию ярославско-белорусских связей. *А.Е. Богданович, вне всякого сомнения, был выдающимся творцом культуры Ярославля начала XX в.*

Женский круг семьи Богдановича представлен тремя супругами А.Е. Богдановича, а также дочерью Ниной. О последней практически ничего не известно, поэтому я сосредоточу свое внимание на личностях Марии Афанасьевны Мякото, Александры Павловны Волжиной, Александры Афанасьевны Мякото.

Первая жена А.Е. Богдановича, мать М.А. Богдановича – **Мария Афанасьевна Мякото** (1869-1896), из рода священников, дочь губернского секретаря, личного дворянина Афанасия Ивановича Мякоты. Она обладала большим литературным и музыкальным дарованиями. В 1893 году в газете «Гродненские губернские ведомости» был напечатан её рассказ «Накануне рождества».

В 1888 году она вышла замуж за Адама Егоровича Богдановича. В 1890 году в Минске рождается их первенец - сын Вадим.

Мария Афанасьевна прекрасно играла на фортепьяно, чудесно пела, была образцовой матерью и женой. Именно такой она предстает в воспоминаниях А.Е. Богдановича: «Необыкновенная живость восприятия, чувства и движений была основной, выдающейся чертой ее натуры. Подвижная, всегда веселая, с искристыми глазами, с косою чудовищной величины, она вдобавок обладала грацией котенка и той неотразимо чарующей прелестью, которую принято называть женственностью» [4].

4 октября 1896 г. Мария Афанасьевна умирает в двадцатисемилетнем возрасте от скоротечной чахотки. Её смерть была ускорена рождением четвертого ребенка - дочери Нины. Смерть любимой матери и жены, по воспоминаниям А.Е. Богдановича, становится одной из причин переезда в другой город – Нижний Новгород.

Роль в жизни Ярослава М.А. Богданович реализована в качестве истока и «контекста» культурного творчества членов семьи, в первую очередь сына Максима.

Вторая жена А.Е. Богдановича - **Александра Павловна Волжина** (1879-1899), родная сестра жены М. Горького, с которым Адам Егорович был дружен. Второй брак Адама Егоровича был счастливым, но непродолжительным. Александра Павловна умирает при родах, оставив после себя сына, которого в ее честь называют Александром (он умер в возрасте двух лет). Формально А.П. Волжина никак не связана с Ярославем. Но именно ее сестра, жена Максима Горького поможет А.Е. Богдановичу в 1932 году, когда он будет арестован. А.П. Волжина метафорически окажется *ангелом-хранителем А.Е. Богдановича и тем самым символически окажется причастна к ярославской жизни первой трети XX века.*

И наконец, третья жена А.Е. Богдановича - **Александра Афанасьевна Мякото** - родная сестра матери Максима. Долгое время их брак считался недействительным, по причине родственных связей. Официально брак был оформлен в 1920-е годы.

В ярославской культуре Александра Афанасьевна, родная сестра первой супруги А.Е. Богдановича, ничем особенным себя не проявила, но на протяжении всего пребывания семьи в Ярославле она была заботливой матерью (и не только своим родным детям), любящей женой. Александра Афанасьевна, на мой взгляд, *выполняла гендерную роль хранительницы домашнего очага и семейной культурной и духовно-нравственной атмосферы.*

Дети. Первый сын в семье Богдановичей от первого брака - **Вадим** (1890-1908) - родился в Минске. Наделенный литературным даром, он писал замечательные стихи, прозу, с самого детства выделялся среди сверстников и братьев, но жизнь его была недолгой, в 1908 г. наследственная болезнь Богдановичей – чахотка, - приводит к его смерти. *Его смерть отзовется мотивами болезни и смерти многочисленных героев лирики М.А. Богдановича.*

Второй сын от первого брака – **Максим** (1891-1917). В 1896 г. в Нижнем Новгороде он написал свой первый рассказ «Музыка». В 1908 г. семья переезжает в Ярославль. Максим поступает в Ярославскую гимназию и продолжает своё творчество. М. Богданович намеревался поступать в Петербургский университет на филологический факультет. Но состояние здоровья и материальное положение семьи не позволили осуществиться этим планам. Максим был вынужден осенью 1911 г. поступить в Демидовский юридический лицей.

О своеобразии учебы сына в Демидовском лицее позже писал А.Е. Богданович: «Лицей он посещал довольно аккуратно, зачеты сдавал на «весьма», но лекции посещал нечасто: больше занимался в обширной лицейской библиотеке...» [5]. Максим был членом библиотечной комиссии, принимал деятельное участие в организации белорусского землячества. Именно в лицейский период (1911 - 1916 г.) М. Богданович увлекается национальным опытом родины, изучает и способствует популяризации белорусской культуры.

Значительная часть жизни и творчества М. Богдановича в это время связана с местной газетой «Голос», активнейшим сотрудником которой он был на протяжении длительного времени (1909 - 1916). На страницах этой газеты поэт помещал свои произведения разных жанров: стихотворения, прозу, заметки и рецензии.

«Лицейский период» – самый яркий и плодотворный и в творчестве поэта. Экзотичная для Ярославля своим белорусским колоритом, но созвучная модному символизму поэзия М. Богдановича не оставляет равнодушной. Своеобразие деятельности поэта, сочетавшего собственно литературное творчество с просветительской и научной деятельностью, проявилась в обращении к широкому видовому и стилистическому спектру, включающему в себя поэзию, прозу, публицистику, литературоведение и критику, переводы. В творческом наследии М. Богдановича имеется значительная часть произведений, написанных на русском языке. Среди них 22 стихотворения рукописного сборника «Зеленя», рассказы, очерки, этюды, миниатюры, критические и публицистические статьи, рецензии. Большинство из них опубликованы в «Голосе», некоторые – в журнале «Русские экскурсант», «Северной газете» и в периодических изданиях других городов.

В 1916 г., закончив Ярославский юридический лицей, М. Богданович возвращается в Минск, где активно включается в общественную и литературную деятельность. Но обширным планам М. Богдановича не суждено было сбыться: его жизнь прервалась в Ялте 25 мая 1917 г. И хотя планы и мечты М. Богдановича – поэта «белорусского лада» [6] были связаны с белорусской культурой, наиболее ярким и успешным по степени самореализации и активности в опыте М. Богдановича оказался ярославский «лицейский период». *В силу этого обстоятельства М.А. Богданович – поэт, публицист, исследователь, просветитель, общественник – по праву признан одним из творцов ярославской культуры конца XIX в. – начала XX в. Его роль – единственного из семьи – в ярославской культуре закреплена: в 1994 г. рядом с главным корпусом Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (бывшее здание мужской гимназии, где учился поэт) установлена копия памятника М.А. Богдановичу в Минске (авторы А. Карпук и С. Вокар); в городе успешно действует филиал «Центр белорусской культуры музей Максима Богдановича».*

Младший сын Адама Егоровича от первого брака - *Лев* (1893-1918). Начальное образование получал вместе с Максимом в Ярославской гимназии. После окончания гимназии в 1912 году Л. Богданович, способный математик, поступил на математический факультет Московского университета. Когда началась первая мировая война, Лев оставляет университет и поступает в Александровское военное училище, добровольцем идет в действующую армию. Во время Брусиловского прорыва в 1917 году под Тернополем был ранен в ногу, отправлен сначала во фронтовой госпиталь, затем переведен в офицерский в Киев. Трагически погиб в августе 1918 года; вместе с другими офицерами был выброшен большевиками в окно. *Роль Л.А. Богдановича для Ярославля может быть определена как подвижническая и мученически-героическая: он являет собой патриота «старой» России, пожертвовавшего личными научными интересами во имя служения Родине.*

Один из сыновей А.Е. Богдановича от третьего брака - *Павел* (1900-1967). Павел пошел по следам своего любимого брата Льва и стал математиком. Он считал математику «царицей всех наук» [7] и своим призванием. Жил и работал преподавателем в Ярославле.

П.А. Богданович был человеком всесторонне образованным, оригинальным, принципиальным и весьма независимым. Много сделал для мемориализации своих знаменитых отца и брата Максима. Вел обширную переписку с исследователями их жизни и творчества, сохранил большую библиотеку отца и многие семей-

ные реликвии: документы, вещи, фотографии, рукописи. Таким образом, и он – просветитель и хранитель памяти - причастен к кругу творцов ярославской культуры конца XIX в. – первой половины XX в.

Николай – сын Адама Егоровича и Александры Афанасьевны. Химик по специальности, работал начальником лаборатории на заводе резинотехнических изделий в Ярославле, был замечательным специалистом по технологии изготовления резины. Он – представитель технической интеллигенции, также оказался задействован в сфере ярославской культуры. Резина, затем синтетический каучук – станут одним из брендовых направлений развития ярославской химической науки и промышленности, базу для которого заложили, в том числе и его разработки.

Вячеслав (1909-1940) – военный служащий. Все та же наследственная болезнь, туберкулез, свела его в могилу на 31 году жизни. В.А. Богданович, насколько удалось установить, не оставил особенно значимого следа в культуре Ярославля. Тем не менее, он был достойным представителем семейства Богдановичей, и ему не была чужда забота об отечестве, которую он понял как исполнение воинского долга.

Алексей - восьмой сын, ярославец. Способный художник-пейзажист, человек исключительной наблюдательности и тонкого юмора. Ранняя смерть в 27 лет не дала в полной мере раскрыться его таланту. Он умер в 27 лет от туберкулеза. Тем не менее, его художественный дар также делает его причастным к ярославской культуре в ее художественной составляющей.

В результате исследования роли и значения семьи Богдановичей в ярославской культуре конца XIX века – начала XX века мне удалось прийти к следующим выводам.

Семья Богдановичей в своей целостности представляет собой особый социокультурный феномен.

Она является тем до сих пор недооцененным истоком и контекстом, в которых формировалась личность известного культурного деятеля Ярославля – М. Богдановича. Но определить ее роль только этим качеством недостаточно.

Семья Богдановичей – носительница и хранительница целого комплекса традиций, этнических, сочетающих белорусские и российские начала, в обоих случаях высоко патриотичных, социальных, обеспечивающих высокую общественную активность всех мужчин семьи, обширный круг знакомств, причастность к среде интеллигенции, духовных, раскрывающих потребность в преодолении обыденности и застоя, культурных – творческих, интеллектуальных, научных, просветительских. На мой взгляд, семья Бо-

гдановичей является уникальным звеном и орудием общественно-го и культурного творчества Ярославля конца XIX века – первой половины XX века.

В то же время опыт семьи Богдановичей типичен для интеллектуальной и творческой элиты России конца XIX в. – начала XX в. Вспомним семьи Бенуа, Бекетовых, Блоков, Менделеевых (Петербург), Цветаевых (Москва), Ульяновых (Симбирск, Петербург). Но семья Богдановичей отличается особым разнообразием деятельности отдельных ее членов – возможно, в силу многочисленности, а также особой активностью – возможно, на фоне провинциальной жизни.

Таким образом, у каждого члена семьи - особая роль.

Глава семьи, А.Е. Богданович - выдающийся этнограф и фольклорист, лингвист, библиограф, музейный работник, общественный деятель, педагог. Был не только отцом одаренных детей, но выдающимся творцом культуры Ярославля начала XX в.

Роль первой супруги А.Е. Богдановича в ярославской культуре проявилась опосредованно – в качестве истока и «контекста» культурного творчества членов семьи. А.П. Волжина, вторая супруга - «ангел-хранитель» А.Е. Богдановича: ее сестра, жена М. Горького, спасла арестованного А.Е. Богдановича в 1932 г. А.А. Мякото, третья жена А.Е. Богдановича, - хранительница домашнего очага, семейной культурной и духовно-нравственной атмосферы в ярославский период.

Ранняя смерть старшего брата В.А. Богдановича отозвалась мотивами болезни и смерти многочисленных героев лирики М.А. Богдановича. Роль М.А. Богдановича – единственного из семьи - в ярославской культуре осознана и закреплена: в 1994 г. рядом с главным корпусом Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (бывшее здание мужской гимназии, где учился поэт) установлена копия памятника М.А. Богдановичу в Минске (авторы А. Карпук и С. Вокар); в городе успешно действует «Центр белорусской культуры музей Максима Богдановича». Однако мы знаем его как поэта... Роль Л.А. Богдановича – подвижническая и мученически-героическая: он явил собой патриота «старой» России, пожертвовавшего своими личными научными интересами во имя служения Родине. П.А. Богданович – просветитель и хранитель памяти о своем отце и брате. Н.А. Богданович – представитель технической интеллигенции, заложивший (среди прочих) базу для развития ярославской резино-химической науки и промышленности. Живописный дар А.А. Богдановича делал его причастным к ярославской культуре в ее художественной составляющей.

Примечания

1. Богданович, А.Е. Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.maksimbogdanovich.ru/articles/13-page-25.htm>, свободный. Проверено 27.09.2010.
2. Богданович, А. Страницы из жизни М. Горького. [Текст] / А. Богданович. – Минск, 1965.
3. ЦНБ НАН Беларуси Ф.30 «Пширко Ю.С.», оп.1 ед. хр.№738. с.36. Цит. по: Стефанович, А.В. Библиотека Адама Егоровича Богдановича (1862 – 1940) [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.belrus-seminar2008.narod.ru/Stefanovich_A.V..htm#_ednref23, свободный. Проверено 27.09.2010.
4. Богданович, А.Е. Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.maksimbogdanovich.ru/articles/13-page-3.htm>, свободный. Проверено 27.09.2010.
5. Биография семьи Богдановичей из фонда филиала «Центр белорусской культуры музей Максима Богдановича» [Текст : не опуб.] – С. 28.
6. Гілевіч, Н. Слова пра Максіма Багдановіча [Текст] / Н. Гілевіч // Покліч жыцця і часу. Мінск : Беларусь, 1983. – С. 67.
7. Биография семьи Богдановичей из фонда филиала "Центр белорусской культуры музей Максима Богдановича" [Текст : не опуб.] – С. 14.

УДК 008:001.8

Е.В. Яновская

Отражение вопросов восприятия городов в переписке семьи Ф.А. Некрасова

Эпистолярное наследие – важный источник для изучения городов: столичных и провинциальных. Для XIX – начала XX веков письма – это самостоятельный жанр со своими нормами и правилами. Так как корреспонденты абсолютного большинства писем не «претендовали» на публикацию, то они были предельно откровенны. В них излагались мысли, чувства, события; давались оценка и восприятие корреспондентов. Фиксация их чувств и восприятия происходили либо во время, либо через короткий промежуток, в этом случае это дает нам право утверждать, что личностная информация имеет скорый и достоверный характер.

Переписка семьи Ф.А. Некрасова не была исключением. Подлинники писем хранятся в отделе письменных источников Ярославского историко-архитектурного и художественного музея (копии писем любезно предоставлены нашему музею). Общее количество – более 130 единиц. Хронологические рамки – 1892 – 1914 гг. Абсолютное большинство писем обращены к К.Ф. Некрасову. Корреспондентами Константина Федоровича являются мать – Н.П. Некрасова, братья: Александр, Владимир, Николай, сестры: Анастасия, Елена, Елизавета и близкие родственники: Александр Бугельский. Во всем корпусе источников сохранилось незначительное количество писем К.Ф. Некрасова к отцу. Тематика всех писем самая разнообразная. Из всего многообразия нам хотелось бы рассмотреть вопросы, связанные с описанием российских городов и процесса «внедрения» членов семьи в городскую среду.

В переписке упоминается несколько российских городов: столичные – Москва, Санкт-Петербург; провинциальные – Одесса, Ярославль, Ростов, Рыбинск.

Наибольшее внимание в письмах уделяется столичным городам, что можно объяснить несколькими факторами: событийность городской жизни, непривычность и яркость впечатлений, социализация, участие в общественно-политической жизни страны, смена субъектного статуса корреспондента, гендерные особенности. Основные темы, которые находят отражение в письмах: Санкт-Петербург – климат, развлечения, занятия, работа 1 Государственной думы; Москва – развлечения, места отдыха, театры, учеба в университете.

Города Ярославской губернии более привычны для членов семьи, поэтому в переписке они возникают при описании повседневных практик: посещение родственников, покупки и др.; хозяйственных забот: ремонт зданий и торговых лавок, закупка строительных материалов.

Несмотря на то, что К.Ф. Некрасов несколько раз ездил на лечение в Одессу, описаний города в его письмах не встречается. Мы объясняем это несколькими причинами: прежде всего, необходимо было лечиться, а также возрастом – не было «любопытства».

Письма представляют образ провинциала – членов семьи Некрасовых, процесс социализации происходит достаточно трудно и медленно. Как правило, восприятие носит визуальный характер, т.е. в первую очередь – описание событий; эмоциональной составляющей очень мало. Наиболее это проявляется при краткосрочных посещениях городов. Если же жизнь в городе носит длительный характер (участие в работе 1 Государственной думы – К.Ф. Некрасов; учеба в Московском университете – В.Ф. Некрасов), то опи-

сывается не только событийная сторона жизни, но и свои личные переживания и мысли (темпоральность восприятия).

Письма семьи Некрасовых, с одной стороны, дают возможность более всесторонне реконструировать восприятие российских городов в начале XX века, а с другой, представить, как они выглядели и на что обращалось внимание провинциалов при посещении российских городов.

УДК 008:001.8

И.В. Азеева

Высшая театральная школа в контексте провинциального города

Театральное искусство, как никакая другая творческая сфера, теснейшим образом связано с театральной школой. Именно школа определяла и продолжает определять пути развития российского театра, является основанием этого выдающегося феномена отечественной культуры. Исторически сложилось так, что российское театральное образование сконцентрировано в Москве и Санкт-Петербурге. Однако география российского театра не ограничивается двумя столичными пространствами, и отечественная театральная школа в минувшем веке ожидаемо расширила свои границы.

Феномен провинциальной ветви отечественной театральной школы не имеет развернутого и глубокого научного описания, что определяет актуальность исследования. Материалом является творческо-педагогическая деятельность ярославской театральной школы.

В качестве гипотезы, требующей научного комментирования, предлагается утверждение закономерности и целесообразности открытия театральной школы в провинции, а также возможности ее плодотворной творческо-педагогической деятельности.

Как известно, в России всего восемь государственных высших театральных школ (театральных вузов), четыре из которых располагаются в Москве, то есть являются в прямом смысле слова столичными, одна – в Санкт-Петербурге, две – в крупнейших региональных культурных центрах Урала и Сибири (Екатеринбург и Новосибирск), и, наконец, одна – в Ярославле, городе, значительно уступающем в своей региональной «весомости» и Екатеринбург, и Новосибирску, не говоря уже о Санкт-Петербурге. Географического «оправдания» закономерности появления в Ярославле театральной школы мы также не обнаружим: город находится в непосредственной близости от Москвы и не столь удален от Санкт-Петербурга. Ярославский театральный вуз

своим местоположением обречен на конкурентные отношения с аналогичными учебными заведениями Москвы и Санкт-Петербурга, театральные школы которых в силу сложившейся традиции практически не нуждаются в рекламе, направленной на привлечение потенциальных абитуриентов, т.е. абитуриент, приезжающий в европейскую часть России с целью получения образования в сфере театра, отчетливо отдает предпочтение столичным театральным школам. Необходимо отметить и другое: близость к культурным столицам, не только конкурентные отношения с театральными школами, но и творческо-педагогическое сотрудничество с ними существенно стимулируют деятельность ярославской театральной школы, положительно отражаются на качестве творческо-образовательных услуг, оказываемых школой.

Провинциальная театральная школа, в отличие от столичного опыта, имеет специфику, которую, во многом, определяет регион, город, где школа существует. Возникновение, становление и развитие высшей театральной школы в Ярославле – процесс исключительный, едва ли не феноменальный.

В отличие от всех вышеназванных городов, в той или иной степени столичных, театральная Ярославль провинциален, о чем свидетельствуют ряд формальных признаков. Город не имеет полного комплекта театральных предложений: в Ярославле отсутствует музыкальный театр, нет театра балета, одним театром представлены частные театральные образования (он же – единственный камерный театр города), ярославская организация Союза театральных деятелей России не имеет Дома актера, что существенно ограничивает формы ее творческой и общественной деятельности. В городе нет специализированных театральных СМИ, не существует концепции развития театральной жизни, то есть театральная провинциализм города очевиден.

С другой стороны – в Ярославле работает федеральный театр (Российский государственный академический театр драмы им. Ф.Г. Волкова) и федеральная высшая театральная школа (Ярославский государственный театральный институт), проходят два театральных фестиваля, один из которых имеет статус международного (Международный Волковский фестиваль «Русская драматургия на языках мира»), в рамках которого вручается еще и Премия Правительства России за вклад в развитие театрального искусства страны), другой – федеральный (Молодежный фестиваль дипломных спектаклей отечественных театральных школ «Будущее театральной России»). Перечисленное свидетельствует о ярославских театральных амбициях если не столичного характера, то российского масштаба.

Ярославская театральная школа органично соединяет живые традиции русского психологического театра и современные театральные искания, программно заявляет о своей приверженности к подготовке актеров для театров российской провинции, в ее структуре два стабильных магистральных направления – школа артиста драматического театра и школа артиста-кукольника.

Имея высокий статус федерального вуза, ярославская театральная школа живет трудно. Вместе с екатеринбургской и новосибирской школами она оказались за рамками введенной в 2006 году для четырех московских и санкт-петербургского театральные вузов системы Президентских грантов, направленной на поддержку и развитие отечественного театрального образования. Школа, обладающая уникальными профессорско-преподавательскими коллективом и обеспечивающая творческими кадрами театры крупных региональных центров и муниципальных образований России, вынуждена существовать в режиме выживания. Ярославская театральная школа практически не поддерживается региональной властью: не имея финансовых обязательств перед федеральной образовательной структурной единицей, которой является Ярославский театральный институт, региональные власти крайне редко и, как правило, по юбилейным или фестивальным поводам вспоминают о существовании театрального вуза.

Открытие театральной школы в Ярославле тесно связано с Волковским театром, старейшим театром России, занимающим исключительное место в истории отечественного театра. Театр, заботясь о сохранении отечественной провинциальной актерской традиции, стал в 1962 году инициатором создания в Ярославле театрального училища. В 1980 году театральное училище получило статус высшего учебного заведения, в настоящее время являющегося одним из ведущих творческих вузов России.

В становлении театральной школы, как и в становлении и развитии театра, ключевую роль играет личность творческого лидера. 60-70-е годы XX века – эпоха творческого расцвета театра им. Волкова, обеспеченная приходом в театр Фирса Ефимовича Шишигина [1], талантливого режиссера, самобытной яркой и сильной личности. В 1990 году, в год десятилетия вуза, народный артист СССР, профессор, заведующий кафедрой мастерства актера Сергей Константинович Тихонов, вспоминая годы работы с Ф.Е. Шишигиным, писал: «Принцип студийности, дух коллективизма, присущие индивидуальности Ф.Е. Шишигина, стали духовной атмосферой училища. Он создал творческую лабораторию... <...> Был найден «ход» к профессионально-нравственному воспитанию

будущих педагогов. Многие из них вскоре стали ведущими педагогами мастерства актера и сценической речи...». [2].

Успешное становление и развитие средней театральной школы в Ярославле, осуществленное Ф.Е. Шишигиным, а также заложенные им в качестве художественного руководителя института методические основания воспитания актера в высшей театральной школе во многом разрушают сложившееся еще в конце XIX века стойкое убеждение в том, что провинциальный город не может быть местом плодотворной жизни театральной школы.

Интересно обратить внимание на замечание, сделанное по вышеназванному поводу историком театра В. Всеволодским (Гернгроссом) и относящееся к состоянию театрального образования в российской провинции конца XIX века: «...провинция в целом не могла поставить дело театрального образования на должную высоту как в особенности по соображениям материальным, так и по причине отсутствия в провинции достаточного числа квалифицированных актеров-педагогов» [3]. В начале XXI века ситуация кардинальным образом не изменилась. «По соображениям материальным» региональные власти не проявляют интереса к театральным школам, финансируемым, как уже отмечалось выше, из федерального бюджета. При весьма скудном федеральном финансировании театральные школы с большим трудом решают проблему привлечения в педагогику молодых актеров и режиссеров. Не только полноценная, но и весьма успешная творческо-педагогическая деятельность театрального института в Ярославле осуществляется не столько благодаря федеральной финансовой основе, сколько благодаря альтруистической и подвижнической в основе своей деятельности состоятельного творчески и методически коллектива педагогов, сложившегося и развивающегося вопреки объективным обстоятельствам.

Отечественный драматический театр всегда был «столично-центричным». Ярославль, справедливо претендующий на особую роль в истории российского театра, являет собой яркий пример закономерной «утечки» театральных талантов в столицы, вспоминаем ли мы историю Федора Григорьевича Волкова или анализируем статистику трудоустройства сегодняшних ярославских выпускников, большинство из которых работают на столичных территориях (в театрах, кино, на телевидении и радио). С особой очевидностью процесс «утечки» талантливой театральной молодежи в столичные пространства виден, когда выпускается курс, дипломные спектакли которого с успехом прошли на сценах федеральных фестивалей. Так, в 2010 году из девятнадцати выпускников актерской мастерской профессора А.С. Кузина двенадцать оказались в Москве, пять

– в санкт-петербургском театре и только две выпускницы решили связать свою судьбу с провинциальным театром.

Лишь существовавшая в советскую эпоху государственная система распределения выпускников театральных вузов обеспечила и движение в обратную сторону: из столицы – в провинцию. И сегодня еще можно встретить в труппах областных и муниципальных театров выпускников столичных театральных вузов. К сожалению, это, как правило, ветераны сцены.

Однако, несмотря на стремление выпускников реализовать себя в культурном пространстве столиц, в настоящее время только провинциальные театральные школы решают кадровую проблему региональных и муниципальных театров, одним этим оправдывая необходимость своего существования. Наиболее действенный путь решения вышеназванной проблемы – набор целевого актерского курса для конкретного провинциального театра. В качестве абитуриентов, как правило, выступают молодые люди, проживающие в данном городе. Для ярославской театральной школы важным является не только решение образовательной задачи и миссии обеспечения российских театров молодыми актерами, но, прежде всего, – участие в строительстве «живого» театрального коллектива.

Театр кукол значительно уступает в своей «столиценности» драматическому. Да и столиц у этого театра не две, а одна – Санкт-Петербург, в Театральной академии которого работает и ведущая отечественная театральная школа актеров-кукольников. На роль центров искусства театра кукол претендует и ряд провинциальных российских городов, среди которых Рязань, Архангельск, Нижний Новгород, Екатеринбург. Москва в это перечисление может быть включена только благодаря былой славе Академического театра кукол им. С.В. Образцова.

Ярославль, обладающий сложившейся самобытной школой актера-кукольника, занимает особое место – является вторым ведущим российским центром воспитания актеров театра кукол. Успехи ярославской школы актеров-кукольников отмечены востребованностью ее выпускников в московских и петербургских театрах кукол, в целом в России и за ее рубежами. География трудоустройства выпускников кафедры театра кукол, в отличие от выпускников, обучавшихся драматическому искусству, значительно шире. И, как следствие, количество целевых наборов для провинциальных театров кукол значительно меньше.

Надо отметить, что для школы актера-кукольника и в европейском масштабе не характерно стремление к творческо-образовательной реализации преимущественно в столичном пространстве. Ведущая французская театральная кукольная школа

располагается в провинциальном городе Шарлевиль-Мезьере, с населением чуть более пятидесяти тысяч человек, в Польше – это Белосток, население которого около трехсот тысяч, и Вроцлав, соотносимый по количеству жителей с Ярославлем.

Западные драматические школы, как и российские, менее склонны к выбору провинции в качестве места жительства. В роли параллели для ярославской театральной школы, многие годы буквально и небуквально корнями связанной с Волковским театром, имеющим статус национального (российского), могла бы быть использована Высшая школа драматического искусства при Национальном театре в городе Страсбурге (Франция). Однако вдвое уступающий Ярославлю в количестве народонаселения французский город отнюдь не является провинциальным (по сути – это столица Европы, в которой находятся важнейшие столичные структуры – Европейский парламент, Совет Европы, Европейский суд по правам человека).

Российская театральная школа с ее самобытностью, состоятельностью и пока несомненным статусом лидера в мировом театральном пространстве сопротивляется переустройству на европейский манер. Принуждение войти в Болонский процесс сближения и гармонизации систем образования стран Европы с целью создания единого европейского пространства высшего образования для театральной школы выливается в процесс выхолащивания ее своеобразия, которое является национальным культурным достоянием. Единое театральное национальное сопротивление Болонскому процессу привело к тому, что в российском образовательном пространстве театральные школы выглядят пресловутыми «белыми воронами». Феномен театральной школы во многом объясняется тем, что обучение актера в театральной школе принципиально отличается от обучения специалистов всех других профессий. Театральная педагогика отдает предпочтение не понятию (процессу) «обучение», а понятию «воспитание». Известное «базовое» утверждение театральных педагогов – научить (обучить) искусству актера человека, даже обладающего соответствующими способностями, крайне трудно, необходимо воспитать личность, которая сможет научиться мастерству актера – не вписывается в реформаторские образовательные процессы.

Все вышесказанное – современное проблемное поле, в котором живет ярославская театральная школа. Расположенная в непосредственной близости от одной из центральных площадей Ярославля, она не опознана подавляющим большинством жителей города, опознающим, кстати, и ярославские театры исключительно как архитектурные сооружения, расположенные на центральных

площадях города. В отличие от Страсбурга, Белостока, Вроцлава, театральные школы которых отчетливо позиционируются как уникальные культурные феномены города и активно заявлены в различного рода аннотациях и справочно-рекламной информации, ярославская театральная школа как культурный феномен слабо обозначена в сознании жителей города, не продвигается в качестве феномена культуры и региональными культурно-управленческими структурами. Наиболее отчетливо театральная школа опознается поколением пятидесятилетних и старше, большинство из которых, однако, полагают, что это среднее профессиональное театральное училище, продолжающее работать при театре им. Волкова.

Использование театральной школы в рамках формирования культурной прагматики с глубокой перспективой не свойственно сегодня ни областным, ни муниципальным органам власти. В европейской традиции Ярославль, являющийся уникальным памятником культуры, имеющий оптимально удобное территориальное расположение (близость от столиц, аэропортов), глубокую историко-театральную традицию, федеральный театр и театральную школу, ряд современно оборудованных сценических площадок, справедливо мог бы претендовать на особую роль в театральной и культурной жизни страны в целом, развиваясь как город-фестиваль, центр театрального туризма. Но это – в европейской традиции. В ярославской региональной традиции вышеназванная перспектива культурного развития Ярославля отчетливо не обнаруживается.

История становления и развития ярославской театральной школы является ярким примером инициации деятельности творческо-образовательной структуры изнутри театра, из ощущения им (театром) необходимости жизнеобеспечения себя школой. На этих основах школа продолжает развиваться и сейчас. И в этом оправдание закономерности и целесообразности ее возникновения и развития. Необходимо акцентировать и то, что ярославская театральная школа сложилась как отечественный культурный феномен благодаря исключительному стечению обстоятельств, а также благодаря уникальному творческо-педагогическому потенциалу ее художественных лидеров, как в прошлом, так и в настоящем обеспечивающих состоятельность школы.

Проблема осознания Ярославлем театральной школы как яркого отечественного культурного феномена, являющегося одной из составляющих культурной уникальности, исключительности Ярославля, остроактуальная. Феномен театральной школы может быть осознан только театральным городом. Чтобы полагать себя театральным городом, недостаточно быть родиной старейшего российского театра. Театральный город не может жить только

славным прошлым. Отношение города к современному театру и определяет его как город театральный. Формирование Ярославля как современного театрального города возможно в случае существенного корректирования театральной политики города, создания отчетливой концепции театральной жизни Ярославля, воспитания современной театральной культуры ярославцев.

Примечания

1. Фирс Ефимович Шишигин (1908-1985) – народный артист СССР, заслуженный деятель искусств России, долгие годы являвшийся художественным лидером Театра им. Ф.Г. Волкова, инициатор открытия в Ярославле театральной школы. В 1962 году он осуществил первый набор студентов театрального училища. До последних дней своей жизни Ф.Е. Шишигин был художественным руководителем Ярославского театрального вуза. Формируя основы самобытной методики Ярославской театральной школы, Ф.Е. Шишигин опирался на традиции русской театральной школы, в основе которой лежат творческие искания К.С.Станиславского.

2. Тихонов, С.К. Фирс Шишигин – человек, режиссер, педагог // Овладевая театральной профессией. Проблемы комплексного воспитания и обучения: Сборник статей. – М. : «Прометей», МГПИ, 1990. – С. 8.

3. Всеволодский (Гернгресс) В. История русского театра. – Ленинград-Москва : ТЕА-КИНО-ПЕЧАТЬ, 1929. – Т.2. – С. 198.

УДК 008:001.8

Ю.А. Кузовенкова

«Городская сцена» Самары: аккумуляция ментальности и порождение образов

Образ города всегда тесно связан с ментальностью городского субъекта. Смена ментальность, связанная с ней культурная идентичность обуславливает динамику образа города. Поэтому, будучи однажды порождённым, образ города постоянно меняется, «переодевается». Это хорошо видно на примере образов Самары, характер и смысловая наполненность которых менялись в зависимости от смены культурной идентичности городского субъекта. Динамика образов дореволюционной Самары обнаруживает тесную корреляцию с изменениями, происходящими в жизни города.

Для выявления причин и характера динамики городских образов мы считаем методологически продуктивным использо-

вание операционального инструментария «городская сцена». Под «городской сценой» мы понимаем «особый тип социокультурного пространства – урбанистический... Городская сцена – процессуальные, движущиеся связи человека и пространства, социальной группы и социума, реальных условий и символики, маленькой культурной формы и большого мира культуры» [1]. То есть под «городской сценой» мы понимаем системное восприятие города (материальное пространство, процессы, протекающие в городе, людей, его населяющих), которое ложится в основу того или иного образа. Как заметил Э. Сойя: «Города и другие пространства социальной жизни всегда имели власть абсорбировать и репрезентировать сознание и идентичность» [2].

Традиции системного восприятия города и конструирование на его основе определённого образа своими корнями уходят в творчество Петрония, М. Сервантеса. Позднее эта традиция была подхвачена О. Бальзаком, Ч. Диккенсом, Э. Золя, О'Генри, Н.В. Гоголем, Ф.М. Достоевским и др. Именно в их произведениях, по мнению М.С. Кагана, «... город оказался, прежде всего, местом жизни населявших его людей, и его архитектурный облик они рассматривали в прямой связи с деятельным наполнением...», осознавая его как «синтез предметно-пространственной ситуации и человеческих действий, чувств, мыслей» [3]. И это приводит не только писателей, но и ученых-урбанистов к целостному восприятию города, в результате которого и проявляется «городская сцена». Именно такой подход к интерпретации Санкт-Петербурга русскими писателями позволил Н.П. Анциферову выделить «душу» города. Подобный системный подход к исследованию города также осуществляли Р. Арнхейм («Динамика архитектурных форм»), К. Александр («The Oregon Experiment»), К. Линч («Образ города»), К. Танге («Пространство японского города»), К. Вайс («Город как сцена») и др.

«Городскую сцену» формируют различные социальные группы в процессах самопознания, самоутверждения, самовыражения. На «городской сцене» происходят поиски социальной идентичности, социального познания, реализация ценностного отношения к миру посредством определённых форм деятельности, результатом чего становится преобразование символического и материального пространства города.

Можно условно выделить следующую схему, отражающую динамику образов Самары (самарской территории) на протяжении XVI – начала XX вв.: «райская земля» – «последнее место России» – «дикое поле» – «город-торгаш» – «почти европейский город».

Самара была основана в конце XVI в. в стратегически важном месте – на самой границе русских земель в месте впадения реки Самары в Волгу. Интересным является тот факт, что ещё до основания города эта земля уже была репрезентирована образом, который, по нашему мнению, оказался одним из факторов выбора данной территории для основания города: в своей челобитной Ивану Грозному Иван Пересветов писал, что приближенные московского царя сравнивали будущую территорию самарского Поволжья «с райской землей по большому плодородию» и «за ее плодородие нельзя было бы так оставить» во владениях казанского хана [4].

До тех пор, пока Самара оставалась пограничной крепостью, она представлялась «последним местом России», а потому расположенный от нее в пяти днях пути Яицкий городок виделся уже за пределами страны, хотя и считался в ее подданстве [5].

В XVIII в. образ Самары начинает меняться с «последнего места России» на «дикое поле» [6]. В этом образе города отражено геополитическое положение Самары: территория считалась «дикой» в силу удалённости от центральной власти. Самара была уездным городом, и вслед за гоголевским героем можно сказать: «отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь».

И только в XIX в., когда начался резкий рост населения и развитие Самары, возникают «антропологизированные» образы города, в которых отражается ментальность и культурная идентичность городского субъекта.

Ю.М. Лотман писал, что географический фактор «... не только делается важнейшим элементом самосознания, но оказывается наиболее чувствительным к динамике доминирующих процессов данной культуры» [7]. В связи с этим, анализируя образы Самары, необходимо учитывать, что Самара – прежде всего волжский город в центре России. Этот геополитический фактор повлиял на ментальность местного населения и сделал его непременными чертами любовь к свободе и высокий уровень толерантности, которые отразились в многочисленных образах города.

Мотивы вольницы, свободы в образе Самары – след, оставленный после себя основателями города – вольным казачеством. Жигулевские горы, обрамляющие противоположный берег Волги, долгое время были пристанищем беглых преступников, спасающихся от преследований властей. Отсюда и название: «жигуль» или «жиган», то есть разбойник – Жигулёвские горы на самом деле «разбойничьи». Любовь к свободе отразилась в рождённых на самарской земле легендах о золотой трубке Сте-

пана Разина, зарытой им на Молодецком кургане, о шапке Емельяна Пугачёва, потерянной в Жигулёвских горах. Образы бунтарей Разина и Пугачёва и связанной с ними Волги часто встречаются в волжском фольклоре, например, в известной всем песне «Из-за острова на стрежень...», в появившейся позднее песне А.А. Навроцкого «Есть на Волге утёс...».

Образ реки, переплетённый с молодостью и любовью как самыми яркими моментами жизни, запечатлён в народной песне «Ах, Самара-городок...». Образ Волги-защитницы хранится в легенде о Жигулёвских горах – Молодецком кургане и Девьей горе, защитивших собой местных жителей от разбойников.

Любовь к свободе и ассоциировавшейся с ней Волгой выразилась в том, что именно загородные волжские просторы в советский период истории города стали той базой, на которой смог возникнуть Грушинский фестиваль – среда для свободного самовыражения творческих людей и всех тех, кто хотел вырваться из рамок, заданных советской идеологией.

Высокий уровень толерантности в межнациональной и межконфессиональной сферах сформировался благодаря нескольким факторам: река, степи, дававшие возможность свободного сухопутного передвижения из одной губернии в другую, и особое положение самой Самарской губернии – на границе между восточными и западными частями страны, в традиционном месте проживания различных народностей. Всё это предоставляло условия для обмена культурным опытом, непрерывного диалога с другими культурами и как следствие – сформировало высокий уровень толерантности, наложивший отпечаток на самарскую ментальность. Доказательством тому может служить отсутствие в Самаре столкновений на межнациональной и межрелигиозной почве до 1905 г., печально известного еврейским погромом, прокатившимся по всей России.

Общий вид города с Волги, который можно назвать официальным, демонстрировал высокий уровень толерантности горожан. На фоне неба вырисовывались силуэты множества религиозных построек разных конфессий, располагавшихся рядом друг с другом: православный храм и лютеранская кирха, городской собор и католический костёл, мечеть и синагога. Расположение этих сооружений говорит о том, что многочисленные религиозные конфессии не были притесняемы представителями официальной религии Российской Империи – православия. Так, лютеранская кирха располагалась на расстоянии двух кварталов от одной из главных площадей города – Алексеевской (ныне –

площадь Революции). Католический костёл в непосредственной близости от главного городского собора.

До XIX в. Самара была маленьким бедным городком в 15 тыс. населения. И именно потому, что на протяжении XVII – XVIII вв. город был небольшим, дворянский слой крайне тонок, в нём так и не сложился тот уклад жизни, нормы социальных отношений, которые были характерны для старинных русских городов. Самара была «диким полем» и в плане культурных традиций.

Но, как бы иллюстрируя закон диалектики о единстве и борьбе противоположностей, этот «минус» в XIX в. превращается в «плюс». В начале XIX в. город начал активно развиваться, численность населения возросла втрое. Основной рост населения был обеспечен приезжими крестьянами из соседних губерний. В городе, не обременённом культурными традициями, формировались новые социальные связи, культурные установки. Очень ярко проявилась самобытная ментальность города. Структура самарского общества с самого начала больше напоминала европейское, или, по мнению самарского губернатора П.В. Алабина, американское, нежели традиционное русское. Сословная разница была менее заметной. Формировался класс горожан, как в Европе бюргеров. По сравнению с общественным положением купечества в более древних городах, самарские купцы чувствовали себя свободно и уверенно в городском обществе молодой Самары. П.В. Алабин отмечал, что «в самарском обществе сказывалось что-то свежее, молодое...» [8]. Эту особенность самарский губернатор связывал с молодостью самого Самарского края, в нем «не могли иметь места те предания, которые преобладали в старинных губерниях» [8], и с торговой специализацией края, куда съезжались «на временное житьё предприимчивые, оборотливые люди из различных торговых центров... От этого с первых лет жизни губернского города здесь незаметно сословной розни в обществе, составляющем как бы единой целое. От этого не только чиновник и купец здесь всегда себя чувствовали во всех слоях общества как дома, но даже главная масса городских обывателей – мещане, хотя и существуют отчасти здесь, как и везде, замкнутою жизнью, но представляют больше самобытности и свободы, чем в каком-либо другом городе, и имеют больше чем где-нибудь общения с остальным обществом» [9].

Город приобретал новую спецификацию – становился торговым центром. В городской жизни и ментальности горожан начали проявляться черты капиталистической культуры. Это позволило Н.В. Шелгунову сказать в 80-е гг. XIX в.: «Самара собрала в себя людей совсем не для школы, библиотеки, почты и

церкви. В неё влез пионер, во-первых, потому что ему нужно где-то жить, а во-вторых, чтобы ему удобней было грузить пшеницу, которую он скупает у мужика и казака. Собрала людей только пшеница... с городскими целями никто не селился, поэтому-то Самара и не город, а просто очень большое заселённое пространство» [10]. В путевой заметке В.О. Португалова, относящейся к этому же периоду, нарисована примерно та же картина: «Самара город мещанский, обывательский, город-торгаш, без барских затей, без особых прикрас и без всякой поэзии» [11].

Алабин отмечал, что большинство самарского населения проводят своё свободное время по кабакам: «Да и удивительно ли, что в нашем простонародье общественная жизнь появляется только в пьяном разгуле, в посещении кабаков и в меньшей степени – трактиров и харчевень, если общественная жизнь средних и высших слоёв нашего общества в основании своём имеет преимущественно те же увеселения и развлечения, разумеется, лишь более облагороженные... К особенности Самары надлежит отнести предпочтение удовольствий общественных домашним» [12].

М.С. Каган отмечал, что прагматизм и рационализм бюргера порождались прозаической буржуазной практикой и выводили на первый план такие ценности, как полезность и истинность [13]. Поэтому культурная жизнь здесь была плохо развита, и, по-видимому, это позволило Максиму Горькому посвятить Самаре в 1895 г. такие строки:

«Смертный, входящий в Самару с надеждой в ней встретить культуру,

Вспять возвратися, зане город сей груб и убог,

Ценят здесь только скотов, знают цены на сало и шкуру,

Но не умеют ценить к высшему в жизни дорог» [14].

В литературных произведениях А.Н. Толстого, жившего в Самаре (роман «Сёстры» из трилогии «Хождение по мукам») город предстаёт пыльным, мещанским и некрасивым, временами – даже страшным. Б.Л. Васильев в романе «И был вечер, и было утро» описывает Самару как глубокую провинцию.

Образ «города-торгаша» наглядно подкреплялся и экстерьером: «... по выезде из города виднеются на горизонте бесчисленные ветряные мельницы; обилие их наглядно говорит о значении города. Самара – важная хлебная пристань, перемалывающая хлеб в муку... а берега речки Самарки... уставлены длинными рядами хлебных амбаров» [15], – писал А.П. Нечаев. Эту картину дополняют воспоминания журналиста В.И. Немировича-Данченко: «Самара видна как будто на круглом пригорке, входящем в Волгу, сначала неизбежный нефтяной городок из же-

лезных башен-цистерн, чисто береговые батареи, защищающие город, вытянутый вдоль берега над рядом пристаней и барж... Многоэтажные паровые крупчатки вздымаются на первом плане, огромные, как соборы, и самарские церкви кажутся издали гораздо ниже их; по-видимому, они тут на первом плане во всех смыслах» [16]. Функция экстерьера – моделировка внешней точки зрения на себя. Он указывает, каким нужно воспринимать город. Экстерьер Самары ясно говорил: Самара – волжская хлебная пристань, торговый город.

Предпринимательский дух и культ денег в городе были настолько сильны, что смогли стать основой для консолидации многонационального и поликонфессионального самарского общества. Деньги становились общей ценностью, а нацеленность на накопление и приумножение капиталов – общей целью. Это касалось православных, евреев, мусульман, католиков, протестантов, молокан, старообрядцев (австрийских староверов, поповских старообрядцев, представителей спасова согласия, «австрийского согласия», поморцев). На 1900 г. «... в Самаре официально значилось 91 672 жителя (в действительности проживало несколько больше). Из них великороссов 84479 чел., малороссов 502, поляков 706, немцев 795, татар 2216, мордвов 885, чуваш и вотяков 144, евреев 1545 и других наций 430» [17]. Но, как бы сильно ни различались ценности всех национальностей и конфессий, по мнению Н.В. Шелгунова, был здесь один «бог», который их всех объединял: «Золотой телец здесь общий бог, которому одинаково молятся люди всех состояний, всех сект и всех религий. Только один этот бог их всех примиряет и заставляет забывать религиозное различие, и потому понятно, что лишь в его руках и вся судьба здешнего человека» [18].

Таким образом, развитие промышленности, сельского хозяйства и капиталистических отношений сформировало особую самарскую ментальность, походящую больше на американскую или европейскую буржуазную, чем на традиционную русскую. Черты капиталистической ментальности нашли свое яркое отражение в образе Самары конца XIX в. – «город-торгаш».

Но Самара начала XX в. демонстрирует поразительно высокий темп развития не только экономического (в конце XIX в. она относилась к экономической периферии страны, однако в начале XX в. «самарский земледельческий рынок растительных продуктов... относили к категории средний и выше среднего» [19]), но и культурного. Умножались поколения купечества и вместе с ними город обретал своё культурное лицо. Самара росла в длину, а самарец расширял свои культурные горизонты. На

рубеже XIX-XX вв. в городе появляются музеи, библиотеки, театры, яхт-клуб, велосипедное общество, фотографическое общество, художественный салон, владелец которого К.П. Головкин проводил встречи в богемном кругу, передвижные выставки, комфортабельные гостиницы, здания в европейском стиле модерн. Повышается уровень благоустроенности: строится водопровод, прокладывается конка, а позднее – трамвай, электрические фонари на центральных улицах, делались мостовые, в купеческих домах устанавливается калориферное отопление, проводится канализация, для ускорения торговых операций начинает использоваться телефон, на улицах появляются машины.

Изменения в жизни города происходят вследствие изменений в ментальности ведущей социальной группы Самары – купечества (на начало XX в. – торгово-промышленного класса). Ментальность меняет «городскую сцену», которая в свою очередь приводит к формированию нового образа города: Самара становится «почти европейским городом». Мы видим, что Самара сохраняет свою ориентированность на европейскую культуру, но поднимается на более высокий уровень культурного развития.

Европеизированный образ был отмечен В.А. Поссе, общественным деятелем и публицистом: «За 15 лет, прошедших с «холерного» 1892 года, Самара необычайно выросла и похорошела. Тогда она произвела на меня впечатление огромной деревни, теперь – почти европейского города. Хорошо освещаемые и вымощенные гладкие улицы, много больших и красивых зданий, блестящие магазины, комфортабельные гостиницы и т.д.» [20] Вице-губернатор И.Ф. Кошко: «Дворянская улица, залитая асфальтом, с широкими тротуарами, порядочными домами и роскошными магазинами, показалась мне городом большого масштаба, не то, что наш Богоспасаемый скромный Новгород» [21].

Посетив Самару в начале XX в., В.О. Португалов, земский врач и публицист, дал следующую характеристику города: «... крупная будущность его не подлежит сомнению: Самара уже и теперь служит центром распространения европейской культуры на весьма далёкую окрестность...» [11].

Тяготение культуры и внешнего вида города к Европе или США было настолько сильно, что Самару постоянно называли то Новым Орлеаном, то русским Чикаго.

Но после революции 1917 г. «переодевания» города в различные образы приостанавливаются. Образ города, отражающий его уникальность, нивелируется. Для большинства городов советского пространства становятся характерны тенденции к типизации и унификации. Это связано с тем, что репрезентация городов в

Советской России детерминирована особенностями культурного пространства страны в целом: «Доминанта советского пространства – универсальность и тотальность властно-силовых отношений... Структура советского пространства едина и единственна», [22] – пишет В.Л. Каганский. Поэтому города и их образы не могут обладать собственной индивидуальностью.

Самара императорской России – город с неповторимым, уникальным образом, индивидуальным лицом, претендующий на сочетание русских и европейских традиций. Образ Куйбышева (Самара в советский период) существовал в парадигме универсальности и тотальности советской власти, которая проявилась в том, что спонтанно формирующиеся на основе «городской сцены» образы многих советских городов, в том числе и образ Куйбышева, стандартизируются и теряют самостоятельность, является составной частью образа СССР в целом.

На сегодняшний день Самара (также как и многие другие российские города) снова ведет поиск своей индивидуальности, что связано с цивилизационными изменениями. Города существуют в ситуации конкуренции друг с другом за ресурсы существования. Одним из средств конкурентной борьбы является имидж города, который отличается от образа своим коммерциализированным характером, целенаправленным конструированием.

Примечания

1. Бурлина, Е.Я. Межкультурная коммуникация. Толерантность [Текст] / Е.Я. Бурлина. – Самара : Самарское книжное издательство, 2007. – 304 с. – С. 171.

2. Соля, Э. Постметрополис. Критические исследования городов и регионов [Текст] / Э. Соля // Логос. – 2003. - № 6. – С. 133-150. – С. 141.

3. Каган, М.С. Град Петров в истории русской культуры [Текст]/ М.С. Каган. – СПб. : Паритет, 2006. – 480 с. - С. 22.

4. Пересветов, И. Большая челобитная Ивану Грозному. 1540-ые гг. [Электронный ресурс] / И. Пересветов // Библиотека Якова Кротова. URL: <http://krotov.info/spravki/persons/16person/peresvetov.htm> (дата обращения: 03.09.2010).

5. Смирнов, Ю.Н. Политика освоения Заволжья и организация управления его территорией в XVIII – первой половине XIX вв. (основные этапы) [Электронный ресурс] / Ю.Н. Смирнов // Вестник Самарского госуниверситета. Гуманитарная серия. История. – 1997. – №1. URL:

<http://vestnik.ssu.samara.ru/gum/content/hist.html> (дата обращения: 03.09.2010).

6. Бажанов, Е.А. Вольный город пионеров Дикого поля [Текст] / Е.А. Бажанов. – Самара : Самарский Дом печати, 1995 г. - 224 с.

7. Лотман, Ю.М. Современность между востоком и западом [Текст] / Ю.М. Лотман // Знамя. – 1997, № 9. – С. 152-169. – С. 152.

8. Алабин, П.В. Самара: 1586-1886 годы [Текст] / П.В. Алабин. – Самара: Книжное изд-во, 1991. – 248 с. – С. 161.

9. Алабин, П.В. Самара: 1586-1886 годы ... [Текст]. – С. 161- 162.

10. Путешествие в прошлое: Самарский край глазами современников [Текст] / сост. Завальный А.Н., Рыбалко Ю.Е. - Самара : Книжное изд-во, 1992. - 285 (2) с. – С. 88.

11. Путешествие в прошлое ... – С. 103.

12. Путешествие в прошлое... – С. 162.

13. Каган, М.С. Историческая типология художественной культуры [Текст] / М.С. Каган. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1966. - 84 с. – С. 29.

14. Максим Горький и Самара [Текст] / сост. Л.А. Финк, В.З. Иванов-Паймен. - Куйбышев.: Куйбышевское книжное издательство, 1968 г. - 432 с. – С. 327.

15. Путешествие в прошлое... – С. 80-81.

16. Путешествие в прошлое... – С. 68.

17. Бажанов, Е.А. Вольный город пионеров ... [Текст] – С. 120.

18. Путешествие в прошлое... – С. 91-92.

19. Самарское купечество: вехи истории [Текст] / под ред. д/ра ист. наук, доц. Е.П. Бариновой. - Самара: изд-во «Самарский университет», 2006. - 370 с. – С. 87.

20. Путешествие в прошлое... – С. 158.

21. Кошко, И.Ф. Воспоминания губернатора (1905-1914 гг.) Новгород – Самара – Пенза [Текст] / И.Ф. Кошко. – Петроград : тип. «Содружество», 1916. - 259 с. – С. 48.

22. Каганский, В.Л. Ландшафт советского пространства / В.Л. Каганский [Текст] // Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. — 576 с. – С. 135-154. – С. 142.

Н. А. Люкманова

Конструирование городского пространства в кинематографе

Статья посвящена особенностям построения городского пространства с помощью декораций, работе режиссера и художника-постановщика с декорациями в интерьере и экстерьере.

Город в кинематографе включает себя не только дома, улицы и проспекты, а является неким пространством существования персонажей. Н. А. Агафонова рассматривает кино как вид искусства, который «превращает понятие времени в понятие пространства» [1, с. 235]. Кино передает пространство двумя способами: ограничивается тем, что «воспроизводит» его и дает нам его почувствовать благодаря движению камеры, либо «создает» пространство с помощью соединенных последовательно эпизодов реальности, которые могут не иметь никакой материальной связи между собой, но воспринимается зрителем как единое целое. Пространство в кино невозможно отделить от действующих в нем персонажей. В этом случае пространство уже не является опорой для действия и местом, где строят киноизансцену, а играет роль атмосферы, в которой «живут» персонажи. Режиссер, прежде чем приступить к съемкам фильма, работает над идеей и сценарием, в котором тщательно прописывает место действия, – определяя, в какой точке и в какое время должен находиться тот или иной герой. Сюжет фильма может происходить как в интерьерах – в доме или квартире, так и на открытом пространстве, например в городской среде. Пространство в фильме «строится» с помощью декораций, которые играют специфическую роль. Специфика кинематографа требует, чтобы декорации были реалистичными и придавали правдивость действию, правдивость, которая характерна для кинематографа в целом, независимо от его жанров и стилей. М. Мартен писал: «Основное качество хороших декораций – это их реализм, ибо в кино декорации должны, прежде всего, участвовать в действии и способствовать созданию психологической атмосферы драмы» [4, с. 72]. Декорации интерьеров представляют интерес для режиссера, давая ему полную свободу самовыражения, что позволяет судить о его почерке. Например, в школе немецких экспрессионистов зародилась традиция создания декораций, передающих душевное состояние персонажей. Они были схожи с театральными декорациями, несли странный, искусственный и символический характер.

Творчество художника-постановщика в фильме сильно регламентировано и подчинено общим постановочным задачам, которые ставит перед собой режиссер. В игровом кино роль декоратора может быть целиком растворена в мастерстве оператора и режиссера. «Одной из главных задач художника является организация пространственной среды кадра через воссоздание выразительного предметного мира и облика персонажей» [1, с. 115]. Решение этой задачи происходит с первых графических набросков будущих кинообразов. Художники создают эскизы костюмов и декораций. С момента построения декораций, подбора реквизита, мебели, костюмов, выбора места съемок начинается работа над фильмом. Городское пространство для персонажей, например, экстерьер, можно также построить с помощью декораций. Л.В. Кулешов до того, как стать режиссером, работал художником. Он считал, что город, существующий со своим ритмом жизни, снимать достаточно сложно, поэтому городской пейзаж может быть построен с помощью декораций. В этом случае режиссер выбирает, каким образом будет это делать. Л. В. Кулешов отмечает, что «существует несколько методов постановки декораций. Основными являются два. Громоздкие архитектурные постройки с возможно большим числом планов и изломов стен, для более эффективного освещения и достижения благодаря этому большой глубины и стереоскопичности. Постановка сложных архитектурных построек сопряжена со значительными затратами времени, места и средств ...» [3, с. 44]. И второй – упрощенный метод съемки, в процессе которой делаются фрагменты декораций, например угол того или иного дома, улицы (оператор может снимать не выше первого этажа). Упрощенную декорацию можно снять только с одного места. По мнению Л. В. Кулешова, следует поставить несколько уголков одной и той же декорации квартиры, дома или улицы, тогда можно снимать с разных точек. Многие начинающие операторы и художники-постановщики считают, что работать в интерьерах легче. Но с приобретением определенного опыта им становится интересней работать на натуре.

Существуют различные взгляды великих кинорежиссеров на роль декораций как в интерьерах, так и в экстерьерах. Шведский режиссер Ингмар Бергман перед тем, как приступить к работе над наиболее своим театральным фильмом «Шепоты и крики», долго думал над образом героев. «Четыре женщины в фильме есть четыре любви, страсти, четыре стороны человеческой души (фильм «Шепоты и крики» был изначально задуман цветным, в котором присутствовало только три цвета: белый, черный и красный» [2, с. 177]. Бергмана целый год преследовала сцена: четыре

одетые в белое женщины в красной комнате. Три женщины ждут смерти одной. «Все мои фильмы могли быть черно-белыми, кроме "Шепотов и криков". В сценарии написано, что я задумывал красный цвет как выражение сути души. Ребенком я представлял себе душу в виде дымчато-синего, похожего на тень дракона, некоего громадного парящего крылатого существа - наполовину птицы, наполовину рыбы. Но внутри дракон был сплошь красный» [2, с. 178]. Благодаря цветовой гамме фильм имел большое эмоциональное воздействие на зрителя. Каждый цвет дополнял образ всех персонажей.

В советском кинематографе времен «оттепели» А.А. Тарковский открыл для зрителя новый язык визуального повествования, согласно которому в фильме декорации и предметный мир несли дополнительную символическую нагрузку. Предметы могли «говорить» за персонажей. Режиссер тщательно работал над декорациями, не терпел того, что могло оказаться в кадре случайно. М. И. Туровская так пишет о А. А. Тарковском: «А как он любил эти свои панорамки по предметикам: рыбку пустить, здесь ветку, коробочку из-под шприца – это он сам всегда выкладывал, никому не доверял. Первый раз в «Солярисе» сделал в доме отца. (Потом весь советский кинематограф стал елозить по предметам.) Вот он выложил там какие-то предметики – камушки, какие-то коробочки; очень любил коробочки из-под шприцев. Конечно, многие вещи подбирались заранее... Он очень любил всякие бутылочки...Ему по цвету нужны были для оператора какие-то вещи, чтобы где-то блеснуло. И букеты, между прочим, сам собирал и сушил – те, которые в «Зеркале» потом в квартире автора были» [7, с. 116]. В то же время он считал, что осознанные приемы режиссера не должны быть заметны в его произведении зрителю. «Во всяком случае, - писал А. А. Тарковский, - такое требование для себя я считаю обязательным. И иногда очень сожалею о некоторых сценах и кадрах, не отвечающих этому принципу, но по тем или иным причинам оставленных в моих картинах» [6, с. 51]. По мнению А. А. Тарковского, художник-постановщик никогда не должен забывать, что декорации должны быть выражением психологического состояния героев и идей режиссера. При строительстве декораций художник помимо творческих идей должен еще решать практические, главные задачи, обеспечивающие возможность съемки. Декорация не должна диктовать киноизансцену, мешать оператору и ограничивать его возможности. Художник должен знать, какой техникой будет сниматься та или иная сцена оператором. «Для картины «Зеркало» художник Н. Двигубский построил комплексную декорацию «Квартира автора». На ее строительстве были заняты почти

все бутафоры «Мосфильма»... В этой декорации старой московской квартиры была предельно достоверно передана фактура стен на лестницах; оборванных, затянутой паутиной обоев в нежилой комнате; ржавых, с подтеками труб в ванной; старой, позеленевшей и облупленной раковине на кухне; протекающего потолка, который вот-вот рухнет на головы обитателей квартиры. Это была квартира, где жило само время» [6, с. 52].

А. С. Михалков – Кончаловский, приступая к работе над фильмом «Романс о влюбленных», долго размышлял о том, какой должен быть город персонажей. Сценарий Е. Григорьева не предлагал уже решенного изобразительного ряда. Материальная среда, предметный мир были оставлены на усмотрение режиссера. Сценарист поместил героев в мир абстрактный, идеализированный. «Был город с черепичными крышами, брусчатыми мостовыми, узенькие улочки, тенистые парки. По городу катили на цветных мотороллерах девочки и мальчики с разноцветными воздушными шариками. Женщины ходили в кружевах и шляпах. Стояли прекрасные статуи. И все в этом мире были радостны и счастливы – одним словом, утопия. Сказки Андерсена»[5, с. 30]. С художником Л. Перцовым режиссер хотел создать мир для персонажей, близкий реальному времени. А. С. Михалков – Кончаловский пишет: «Мир первой части фильма нам хотелось сделать поэтичным, красивым, приятным глазу. А что нам милее всего в Москве? Старые дома, переулки, дворы, пусть обшарпанные, но связанные с памятью детства, со странными чудаками, со старушками-божьими одуванчиками, с ароматом патриархальной старины. И я предложил для съемок двор, который давно приметил в Трубниковском переулке... Двор странный - с темными арками, глубокими колодцами стен, загадочными переходами». Атмосфера во дворе напоминала дворы в фильмах 50-60-х годов. Во второй части фильма герои жили в современном пространстве, в окружении домов, построенных из «нового бетона, квартиры образцово чистые, без следов обжитого уюта стены». Михалков-Кончаловский таким образом делает противопоставление двух миров.

При съемках городского пространства режиссеры прибегают и к такому методу, в котором происходит замена одного города другим. Съемки производятся в провинциальных городах, архитектура которых сохранилась и напоминает городское пространство, например Москвы и Санкт-Петербурга в определенный исторический период. Это объясняется тем, что городская среда, архитектура в больших городах меняется за счет строительства новых зданий. Поэтому сегодня с уверенностью можно сказать, что художественные фильмы, созданные во второй половине XX

века, становятся документальными материалами. А с помощью декораций можно восстановить старое городское пространство.

Библиографический список

1. Агафонова, Н. А. Общая теория кино и основы анализа фильма [Текст] / Н. А. Агафонова. - Минск : Тесей, 2008. – 392 с.
2. Бергман, И. Картины [Текст] / Перевод со шведского А. Афиногеновой. — М. – Таллинн : Музей кино, Aleksandra, 1997. — 440 с.
3. Кулешов Л. В. Кинематографическое наследие. Статьи. Материалы [Текст] / составитель и автор вступительных статей к разделам А. С. Хохлова. - М.: Искусство, 1979. — 84 с.
4. Мартен, М. Язык кино [Текст] / под ред. Юткевич, С. – М., 1959. – 292 с.
5. Михалков-Кончаловский, А.С. Парабола смысла [Текст] /А. С. Михалков-Кончаловский. - М.: Искусство, 1977. – 231 с.
6. Тарковский, А. А.Уроки режиссуры [Текст] / А.А. Тарковский. - М. : Всероссийский институт переподготовки и повышения квалификации работников кинематографии, 1993. – 90 с.
7. Туровская, М. И. 7 с 1/2 и Фильмы Андрея Тарковского [Текст] / М.И. Туровская. – М.:, 1991. – 253 с.

УДК 008(091)

Р.С. Колокольчикова

Опыт формирования пространственной среды индустриальных городов Европейского Севера России. (На примере строительства г. Костомукши в 1970-е – сер. 1980-х годов)

Советская урбанизация, в отличие от индустриализации, не рассматривалась как специальный объект политики советского государства, она являлась функцией «социалистической индустриализации», в развитии и размещении городских поселений видели подчиненный процесс, обслуживающий производство [1]. Наиболее убедительно советская градостроительная практика проявилась в районах с суровыми природно-климатическими условиями, в частности, на территории Европейского Севера России, где во II половине 1960-х – середине 1980-х годов происходили большие изменения картины городского расселения, связанные с осуществлением крупных народно-хозяйственных программ регионального и общесоюзного значения.

Уникальный опыт градостроения в регионе в исследуемый период был накоплен при строительстве города Костомукша Калевальского района Карельской АССР. Своим рождением город был обязан началу освоения железорудного месторождения и возведению Костомукшского горно-обогатительного комбината (ГОКа), на долю которого в 1986 году приходилось 99% промышленной продукции Костомукшского промышленного узла. Комбинат и город были построены в сравнительно короткий срок, в практически не освоенной северо-западной части Карельской АССР.

В 1974 году развернулось строительство и подготовительные работы по промышленным объектам, жилью, объектам соцкультбыта [2]. А в сентябре 1982 года была введена в действие первая очередь ГОКа, в декабре 1983 – вторая, в декабре 1984 – последняя третья очередь комбината [3]. 25 апреля 1983 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР рабочий поселок Костомукша Калевальского района КАСССР был преобразован в город республиканского подчинения [4]. Если на 1 марта 1979 года численность населения на территории Костомукшского поселкового Совета составила 3,5 тыс. человек, то на конец 1983 года – 20,5 тыс., а в декабре 1985 года – 29,3 тыс. человек. Главным источником увеличения численности населения города являлся интенсивный миграционный оборот. Например, за 1983 год механический прирост населения составлял 92,5%, за 1985- 78% [5].

Комбинат и город Костомукшу стремились строить по передовым нормам промышленного строительства, с учетом новейших достижений теории и практики градостроения, на основе новых норм межгосударственных отношений. Не последнюю роль в этом сыграла близость комбината к финской границе (около 40 км) и советско-финское сотрудничество на строительстве, когда бок о бок трудились строительные организации из государств с различными социально-политическими системами. Данные обстоятельства превращали возведение ГОКа и города в своеобразную «витрину социализма», передний край идеологической борьбы, что вызывало повышенное внимание к стройке руководства СССР. Кроме того, комбинат и город предстояло строить в основном молодежи – поколению, родившемуся в 1950-60-е годы, формирование мировоззрения которого пришлось в основном на время «хрущевской оттепели», на брежневский период – время стабильности, разрядки международной напряженности. В отличие от поколений советских людей предвоенных лет, времен Великой Отечественной войны, первых послевоенных лет, поколение молодежи 1970-х – середины 1980-х годов уже не столь искренне верило в социальный порядок в стране, в какой-то мере исчезал страх перед вла-

стью, исчезало ощущение военной опасности, а это снижало эффективность установок советской пропаганды на преодоление трудностей, на работу в неблагоприятных условиях, что заставляло министерства и ведомства, органы власти уделять больше внимания вопросам социальной сферы.

В итоге, при строительстве комбината и города была нарушена традиционная практика освоения северных территорий с присущим ей долгостроем и минимальными затратами на социальную сферу, возведением «временок» с минимумом бытовых удобств для работающих, без учета экологических последствий. Для ослабления экологической напряженности в районе новостройки уже на стадии завершения проектирования комбината начались работы по созданию комплексного государственного природного заповедника рядом с Костомукшей на территории Калевальского и Муезерского районов Карелии. Важную роль в этой работе играл Совет Министров КАССР, его председатель А.А. Кочетов, что позволяло успешнее решать сложные проблемы межведомственного характера [6]. Открытие заповедника состоялось в декабре 1983 года [7].

Кроме того, за время строительства комбината его генеральная дирекция проявила много инициативы по использованию в производстве экологичных технологий (оборотное водоснабжение, нефтеловушки, электрофильтры и т.п.), для увеличения зеленой зоны города и санитарно-защитной зоны комбината. Эти инициативы были поддержаны научно-исследовательскими институтами, Советом Министров КАССР, что в конечном счете позволило минимизировать неблагоприятное воздействие комбината на экологическую ситуацию в городе [8].

Опыт проектирования Костомукши интересен прежде всего поиском современных решений на основе достижений двух градостроительных школ – советской и финской, а практика совместного проектирования была направлена на выявление и максимальное использование наиболее сильных сторон проектировщиков обеих стран. Непосредственного участия в проектах генерального плана и детальной планировки первой очереди строительства финские проектировщики не принимали, так как эти работы были выполнены до заключения контракта с финскими фирмами.

Строительство города осуществлялось по генеральному плану, разработанному ЛенНИИП градостроительства в 1972 году и утвержденному Советом Министров КАССР в 1973 году. Однако совместная советско-финская разработка конкретных проектов застройки города внесла коррективы в генплан, обогатив его опытом финского строительства жилых районов в схожих природно-

климатических условиях. ЛенНИИП градостроительства совместно с финскими проектировщиками заложил в генплан принципиальные решения, обеспечивавшие комплексность застройки, высококачественную городскую среду, удовлетворяющую всем нуждам горожан в труде, быту, отдыхе [9]. Костомукша как моноотраслевой центр должна была создаваться на средства Министерства черной металлургии СССР, поэтому проект строительства города был согласован с Минчерметом СССР как по составу объектов, так и по стоимости [10].

Особенностью проектирования города и строительства его первой очереди являлось бережное отношение к естественным лесным массивам и ландшафту городской среды, максимальное сохранение естественного рельефа местности при строительстве зданий, учет характерных деталей поверхности земли, климатических условий, взаимосвязи селитебной и промышленной территории, возможности дальнейшего развития города.

«Фасад» города обращен к озеру Контокки, он запроектирован и построен таким образом, чтобы естественный «амфитеатр» местности подчеркивался застройкой; на самых высоких отметках местности расположены высотные дома, по мере снижения отметок местности снижается и этажность зданий. Акценты на холмах и многоплановый силуэт застройки создают впечатление от города как от скульптуры, расположенной в зелени.

При проектировании города и застройке его первой очереди было осуществлено такое зонирование селитебных территорий, которое позволило максимально сохранить естественные лесные массивы. Зеленая система города построена на основе «вклинивания» в город больших лесных массивов, принята свободная планировка территории по принципу «дом в лесу», которая сочеталась с возведением малосекционных домов с относительно невысокой плотностью застройки (ниже нормативной на 20-25%) и невысокой плотностью населения [11]. Строительство жилья осуществлялось замкнутыми кварталами, что наиболее приемлемо для суровых климатических условий северо-запада Карелии, так как замкнутый двор защищает от ветров, кроме того, создает благоприятный интерьер для проживающих, несет на себе определенные социальные функции, являясь объединяющим звеном для жителей [12].

Костомукшу начали строить с центра – уникальный случай в практике советского градостроительства. Ярко выраженный центр Костомукши выполнен в линейно-планировочной структуре, так называемый городской «арбат» - от берега озера Контокки до улицы Антикайнена. С самого начала создавалась основа инфра-

структуры города-новостройки. В ходе строительства его первой очереди удалось построить объектов соцкультбыта больше, чем требовалось по нормам. Жилые дома из всего городского строительства первой очереди составляли 450 тыс. кв. м, а общественные здания – 550 тыс. кв. м, в том числе расположенный в центре города комфортабельный и многофункциональный, построенный по индивидуальному проекту Дом культуры, городской узел связи, детская молочная кухня, прачечная, торговый центр, хлебозавод, больница, школа, детские сады [13].

Взаимосвязью с промышленной зоной обусловлена транспортная система города, основой которой являются две радиальные магистрали, соединяющие селитебную зону с промышленностью. Остальная транспортная система определилась планировочной схемой застройки Костомукши и естественным рельефом города. Выполненные финскими строителями на высоком уровне работы по созданию дорог, тротуаров, пешеходных дорожек, а также большое количество зеленых газонов придавали городу уют и ухоженность.

Использование опыта советских и финских проектировщиков, строителей позволило создать своеобразную и неповторимую основу архитектурно-планировочного облика города, что вызвало повышенный интерес к нему как в СССР, так и за рубежом. Однако при возведении второй и третьей очередей городского строительства контрактные предложения финским фирмам, подготовленные институтом ЛенНИИП градостроительства, в Минчермете подвергли существенным корректировкам, исключив многие объекты социального назначения. Минчермет – основной застройщик города, экономя средства, привлек к строительству Костомукши советские подрядные организации – трест «Костомукшстрой» и строительно-монтажное управление (СМУ) «Рудстрой», не вполне к этому подготовленные. Контрактные обязательства финнов по строительству города стали сокращаться, а с середины 1980-х годов крупных контрактов в Костомукше у финнов не стало [14].

В отличие от финских строителей, которые уделяли равное внимание промышленным и гражданским объектам, советские строители осуществляли реализацию генплана города с большими отступлениями, ведомственный интерес обусловил усиливающуюся несбалансированность городской инфраструктуры, приоритеты финансирования были направлены на промышленное развитие. Усилия исполкома горсовета преодолеть отставание строительства жилья и особенно объектов соцкультбыта от темпов промышленного развития оказались тщетными: строительство осуществлялось на деньги Минчермета СССР. Чтобы преодолеть диспропор-

ции в развитии города, в 1983 году Карельский областной комитет КПСС и Совет Министров КАССР обратились в Совет Министров СССР с просьбой о дополнительном привлечении финских фирм к строительству в городе Костомукша жилых домов, объектов культурно-бытового назначения, однако получили отказ [15]. Строительство города продолжили советские подрядные организации.

Как отмечал в начале 1987 года председатель постоянной комиссии по строительству при Костомукшском горисполкоме В.И. Шлямин: «Убедительно проявилась архитектурная несовместимость застройки 1978-1984 годов и застройки 1985-1986 годов. Особенно остро обнажилась проблема качества строительства в двух ее составляющих – качество изделий предприятий стройиндустрии и качество работ непосредственно на строительной площадке» [16]. Медленно наращивались мощности ведущей строительной организации - треста «Костомукшстрой». Отсутствие стройиндустрии в городе заставляло завозить строительные материалы из Петрозаводска и других городов Карелии на расстояние 500 и более километров. Негибкая технология отечественной стройиндустрии, частые «волевые» поставки непроектных по цвету, форме, качеству, отделке конструкций и изделий, нетребовательность контрольных служб треста «Костомукшстрой», заказчика и горисполкома не лучшим образом сказывались на облике города.

К 1985 году заметно охладел к градостроительной судьбе Костомукши ЛенНИИП градостроительства. Это выразилось в отсутствии принципиальной, заинтересованной позиции института к выбору типовых проектов зданий социально-бытового назначения, жилищного строительства, нежелании отойти от принятой ошибочно в проекте застройки города его демографической структуры. Избыточное количество принятых к строительству серий жилых домов, например, в блоке «В», выполняемых советскими строителями, привело к разнобою не только в цвете, фактуре отделки фасадов, но и образности новых микрорайонов, нарушило их стилевое единство. Кирпичное строительство жилья и объектов соцкультбыта по типовым проектам в Костомукше проектировщиками стало закладываться без индивидуализации. Попытки индивидуализации типовых проектов стали осуществляться в построечных условиях на уровне личного творчества лучших рабочих коллективов из СМУ «Рудстрой» и треста «Костомукшстрой». Неоправданное и бездумное соглашательство проектировщиков с заказчиком, выразившееся в удешевлении проектных решений, привело к строительству в городе домов с низким уровнем теплозащиты, несовершенным инженерным оборудованием, а также к замене закрытых схем горячего водоснабжения, оправдавшего себя в первых трех очередях застройки города, на открытую.

Сиюминутная экономия, о которой заботились специалисты из ЛенНИИП градостроительства, Госстроя КССР, «Карелгражданпроекта», вылилась в конечном итоге в солидные эксплуатационные расходы и моральные издержки жильцов. Направленность в течение длительного времени основного застройщика города Костомукшского ГОКа на реализацию жилищной программы привела к тому, что комплексный проект города Костомукши претворялся в реальность некомплексно. В структуре объемов строительно - монтажных работ основным заказчиком управлением капитального строительства ГОКа была недооценена роль объектов социально – бытовой сферы. В результате уровень обеспечения населения Костомукши объектами социально – культурного и бытового назначения в 1987 году составлял: по магазинам (кв.м. общей торговой площади) – 56,2%, непродовольственных товаров – 39,6%; всего по бытовому обслуживанию – 46,8%; детские дошкольные учреждения – 67,1%; библиотеки – 52,6% и т.п. [17]. Усложнившиеся социально-бытовые проблемы в городе привели к тому, что с 1985 года механический отток населения из Костомукши стал превышать размеры механического прироста [18]. На сессии Костомукшского горсовета в октябре 1987 года отмечалось: «Из года в год капиталовложения на объекты соцкультбыта осваивались частично. В погоне за квадратными метрами жилья, за выполнением лишь основных объемов строительно-монтажных работ руководством ГОКа трестом «Костомукшстрой» были упущены вопросы благоустройства, озеленения, а вместе с ними и нормальная жизнь людей во вновь создаваемом жилье ... У нас имеются претензии и к проектировщикам ... привязка зданий и сооружений производится механически, без полного учета местных условий, рельефа, природного окружения и т.д. Даже по особо ответственным объектам не производится выезда на место строительства. Важнейшие для города объекты: школа №4, детсад №38 в блоке «Е» выполнены без учета существующей ситуации. Лес, который можно было сохранить, вырубается (что и сделано по школе№4), а затем проектом на тех же местах предусматривается посадка деревьев. Проект детсада №38 практически не учел рельефа местности ... руководство треста ... допускает нарушения технологической последовательности работ (сети проводятся после строительства здания)» [19].

Итак, с середины 1980-х годов архитектурно-планировочный облик Костомукши, пространственная среда города стали быстро ухудшаться. Возводимые советскими строителями микрорайоны с выровненным ландшафтом, строчной застройкой, уничтоженным лесом, однообразием типовых зданий, стилевым разнообразием, плохим благоустройством невыгодно контрастировали с районами финской застройки. Костомукша стала превращаться в город

двух градостроительных культур. «Соревнование двух систем», развернувшееся на территории Костомукши в соседних жилых кварталах, складывалось явно не в пользу советских строителей.

Строительство города Костомукши убедительно продемонстрировало преимущества рыночной экономики, что проявилось в формировании пространственной среды города. Опыт застройки жилых районов первой очереди города Костомукши, выполненных финскими строителями, советскими и финскими проектировщиками, свидетельствует о том, что в условиях индустриального домостроения при правильной организации производства, творческом подходе к делу архитекторов, строителей, технологов и других специалистов, учете природно-климатических, ландшафтных условий, бережном отношении к характерным особенностям природного окружения можно добиться высоких эстетических качеств массового жилищного строительства, объектов социально-бытового назначения, успешного решения задачи по созданию неповторимой, присущей только данному городскому поселению пространственной среды. Совместными усилиями финских и советских строителей удалось сделать главное – в невиданно короткие сроки в глухой карельской тайге выросли одновременно крупнейший горно-обогатительный комбинат и новый город. Профессионально грамотная планировка города, заложенная в генплане Костомукши, характерный градостроительный «почерк», отличающий первые жилые блоки, - результат совместного советско-финского проектирования – навсегда закрепили здесь ту рациональную архитектурно-художественную основу, которая так бросается в глаза всем гостям города.

Библиографический список

1. Сенявский, А.С. Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе [Текст].- М., 20003. – С. 108
2. РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 383. Оп. 3. Д. 4096. Л. 2, 4, 6
3. Там же. Д. 13206. Л. 181 - 182
4. Костомукшский муниципальный архив. Ф. 3. Оп. 1. Д. 11а. Л. 9
5. Там же
6. НАРК (Национальный архив республики Карелия). Ф. 700. Оп. 22. Д. 1201. Л. 178 - 182
7. История Костомукши. Документы и материалы [Текст].- Петрозаводск. 1994. – С. 231.

8. Горняк Карелии – Печатный орган парткома КПСС, администрации, профкома и комитета ВЛКСМ строящегося Костомукшского горно-обогатительного комбината. – 1982. 15 дек..

9. Костомукшский муниципальный архив. Ф.19. Оп.1. Д.154. Л.14,35.

10. Там же. Л.35.

11. Там же. Л.17-18.

12. Там же. Д.154. Л.20,21.

13. История Костомукши. Документы и материалы [Текст]. – Петрозаводск, 1994. С. 314

14. Там же. С. 313 - 314

15. РГАЭ. Ф. 383. Оп. 3. Д. 12301. Л. 238

16. Костомукшский муниципальный архив. Ф. 19. Оп. 1. Д. 154. Л. 35-36

17. Там же. Л. 16 - 17.

18. Там же. Л. 17

19. Костомукшский муниципальный архив. Ф. 19. Оп. 1. Д. 155. Л. 88, 94, 96.

УДК 008.009

И.П. Басалаева (Рещикова)

Конструирование образа города в современном (пост)индустриальном регионе

Ландшафт современного российского города в визуальном отношении разительно отличается от ландшафта города советского. Наблюдаемые изменения затрагивают не только *тело города* – архитектурно-пространственную среду, векторы транспортных потоков, городскую инфраструктуру в целом: эта плотная «материальность» урбанистического пространства трансформируется в ином режиме длительности, нежели его более «поверхностные» и мобильные структуры. К последним относится декорирование улиц и транспортных магистралей, рассчитанное исключительно на визуальное восприятие.

Помимо своей прямой функции быть *местом проживания жизни*, городское пространство является ещё и полем решения различных идеологических задач, сама постановка которых обусловлена возможностью (имеющейся у социальных акторов *всегда*, при *любом* государственном режиме) проживать свою жизнь по-разному. В этом идеологически окрашенном поле спектр потенциальных жизненных практик должен быть сужен до нормативного «набора». Субъект подобной работы по легитимации жиз-

ненных стратегий – властные элиты, с ненавязчивой принудительностью использующие городской ландшафт в качестве инструмента формирования габитуса. От эпохи к эпохе и от культуры к культуре меняются лишь технологии, при помощи которых создается «правильный» житель города, *у-местный* в этом конкретном *Месте*, адекватный ему. Важным компонентом хабитуальности является идентичность, причём в постсоветской России особую актуальность приобрела идентичность территориальная.

Во времена СССР задача хабитуального преформирования «масс» эффективно решалась в том числе благодаря системе наглядной агитации. С 2000-х годов, то есть с началом относительной стабилизации жизни постсоциалистического российского общества, наблюдается возвращение практики декорирования публичного пространства (прежде всего уличного) с целью идеологического влияния на общественное сознание. Эту функцию сегодня выполняет наружная социальная реклама. В той части, которая не связана с продвижением товаров, она всё чаще используется с целью создания определённого образа *Места* и формирования у населения определённого отношения к *Месту*. Парадоксально, но именно по этой причине современная наружная реклама функционально аналогична советской наглядной агитации, хотя, как известно, в СССР упрочение связи человека с *Местом* не было целью идеологической пропаганды, решавшей совершенно иные пространственные задачи.

Ломка государственного организма запустила процесс регионализации. Прагматика рынка проникла в некогда «священную» сферу идеологии. Власть на местах получила законодательно оформленную возможность самоуправления. Переходная эпоха сделала тему *пространственного развития* насущной для регионального управления: территории, подобно товарам, стали объектом маркетинга. *Продвижение* городов и их предварительное *брендирование* становится обычной практикой муниципального и регионального менеджмента. «Вписанность» города в «стратегический дискурс» даёт ему возможность быть отнесённым к категории *инновационных* или *креативных* (высшая похвала). В моду вошло *стратегическое планирование*, создавшее огромное количество *концепций стратегического развития* для городов и иных территориальных образований – вплоть до макрорегионов (обычно на долгосрочный период – до 2025 г. и позже). Данное направление современной «стратегической» мысли рассматривается как инструмент *устойчивого развития* территорий России и обслуживается сложившейся инфраструктурой исследовательских центров, экспертных ассоциаций, программ, форумов, конкурсов, мастер-

классов и т.д., а также обширным сопровождением в виде электронных ресурсов.

В чём же, согласно «стратегическому дискурсу», нуждается сегодня территория, стремящаяся к *устойчивому развитию*? Обзор соответствующей литературы показывает, что это – *инновации: брендинг и/или ребрендинг, капитализация, (эко)девелопмент, маркетинг, менеджмент, проектирование, инжиниринг...* В современном региональном управлении территории подвергаются этим и иным операциям с настойчивостью едва ли не принудительно-обязательной. Образ города «технологизируется» с целью извлечения экономического эффекта из нового позиционирования территории. При этом прагматика постсоветской эпохи, казалось бы, всячески располагает к тому, чтобы современный инструмент работы по брендированию территории в массовом сознании был принципиально иным, нежели его советский аналог. Однако на практике картина гораздо сложнее.

Историчность культурного ландшафта доступна наблюдению только в период его трансформации, когда становится *видным* и само устройство ландшафта. Именно этот период всё еще длится в постсоциалистической России. Страна сегодня являет собой культурный ландшафт переходного типа: перестав быть советским, он приобретает черты постсоветского пространства (эта трансформация обстоятельно исследована в работах В. Л. Каганского).

В СССР городской ландшафт был тотально идеологизирован (за исключением «островков свободы» в виде дворов, кухонь, бань, гаражей и т. п.). Работать в направлении коммунистического преобразования пространства Советская власть начала прямо из собственной колыбели, что говорит об осознаваемой вождами огромной важности этого предприятия. Изменение *тела города* стало одной из ближайших задач нового строя: стены, улицы, монументы должны были доступно и ярко мотивировать освобожденный пролетариат на строительство «нового мира», тем более что недавнее «безмолвствующее» большинство не владело грамотой. Политическая стабильность советской власти напрямую зависела от того, насколько быстро и тотально будет изменена сама ткань городской повседневности.

Очень скоро в юной стране Советов был выработан специфический жанр оформительского ремесла, который просуществовал до конца 1980-х и обеспечил куском хлеба не одно поколение художников – наглядная агитация. После перестройки ситуация радикально изменилась. Госзаказ на пару с системой художественных фондов приказал долго жить, советские артефакты эпохи массовой пропаганды руинизировались в дичающем ландшафте

1990-х, однако уже начиналось обживание городского пространства рекламой. К началу 2000-х возникло то, что именуется социальной рекламой; города вновь стали «декорироваться» к праздникам, а в середине текущего десятилетия уличные рекламные конструкции стали использоваться в целях формирования у населения определённого отношения к *Месту* путём создания образа этого *Места*. Кузбасский материал позволяет утверждать, что за пять лет (и особенно активно в последние три года) возникла и утвердилась новая модификация социальной наружной рекламы. За неимением другого термина, назовём её *наружной рекламой территории*. В отличие от коммерческой, эта реклама обслуживает городское сообщество в целом (оно является ее целевой аудиторией), а ее тематика очерчена следующими сюжетами:

- Территориальная идентичность (позитивная).
- Образ *Места* (аттрактивный).
- Историческое прошлое территории (в идеологически апробированных и преимущественно стереотипизированных моделях).
- Стратегия развития территории (образ социально-желательного будущего).
- Персонификация *Места* (в образах заслуженных и именитых жителей территории, местных авторитетных руководящих лиц, иных ключевых персоналий регионального и странового масштаба).
- Социальные проблемы территории (безопасность дорожного движения, экологическая ситуация, наркомания и т. д.).

В настоящей статье *баннером* называется любой носитель рекламного сообщения, позиционирующий конкретную территорию. Такое терминологическое расширение оправдано тем, что стилистика, слоганистика, визуальный контекст рекламных сообщений, размещаемых на разнообразных носителях, совершенно однородны. Круг рассматриваемого ниже эмпирического материала ограничен слоганами баннеров, отснятых в течение 2007–2010 гг. на улицах преимущественно кузбасских городов. Социокультурной детерминантой анализируемого материала выступает ярко выраженный (в прошлом) индустриальный характер региона и осознаваемая властями (в настоящем) необходимость поиска принципиально новых путей долгосрочного регионального развития. В текстах рекламных сообщений очевидны попытки конструирования региональной идентичности, чей важный компонент – *образ места*. Этот сектор современной наружной рекламы можно условно назвать имиджевым: соответствующие баннеры призваны формировать и транслировать определенный имидж города. В этом отношении наружная

реклама является очень эффективным инструментом идеологического контроля даже по сравнению с возможностями телевидения. Она дешевле, «стационарнее» (некоторые рекламные сообщения не меняются месяцами, кочуя по разных улицам), наконец, принудительнее (её практически нельзя не видеть).

Функционально данный вид оформления города аналогичен почившей наглядной агитации, поскольку призван выполнять те же задачи: создавать чувство всеобщей связи по принципу территориальной принадлежности (в СССР – с Советской родиной, в России – с городом/регионом), задавать рамки социально одобряемого, дозволенного и запретного; в общем, управлять гражданами и репрезентировать символическое господство власти. Наружная реклама территории должна формировать у граждан демократической России прочную локальную идентичность (я – *омич, прокопчанин, тоболяк...*), тем самым заменяя распавшуюся советскую (*мы – советский народ*).

Но гораздо примечательнее тот факт, что *и содержательно* наружная реклама территории сохраняет все базовые черты советской пропагандистской модели. Сегодняшнее изобилие баннеров «территориальной» тематики, их размещение в городском пространстве, иконография, лексическое и символическое наполнение дают богатый материал для размышлений как о нарождающейся идеологии, так и о «социальном бессознательном» постсоциалистического российского общества. Что и как говорит нам город языком и образами своих баннеров? Кто и с какой целью обращается к нам от его имени?.. Рекламные сообщения о городе/регионе дают некоторое представление о том, что, по мнению заказчика (которым является муниципальная и региональная власть), должно быть значимым для современного гражданского сознания в отсутствие национальной идеи.

Наружная реклама территории, будучи важным компонентом новейшей постсоветской идеологии, в разных ракурсах даёт спектр интригующих исследовательских сюжетов:

1. С точки зрения *герменевтики ландшафта*, прочтение рекламных сообщений, анализ их визуального контекста и территориальной локализации позволяет зафиксировать современную структуру семантического пространства города, способы маркирования центральности и периферийности мест, стратегии приватизации и сакрализации ландшафта. Так, на главном въезде в Новокузнецк по федеральной трассе из Кемерово в 2009 г. долго висела перетяжка, рекламирующая *металл Магнитки* (здесь и далее тексты рекламных сообщений выделены жирным курсивом. Во всех цитатах полностью сохранены орфография и синтаксис оригина-

ла). И это на «центральных воротах» Новокузнецка, «города угля и металла», который с 1930-х годов находился в перманентном социальном соревновании с Магнитогорском! Аналогичное наблюдение касается канализационных люков с текстом **400 Томск** (отлитых к 400-летнему юбилею Томска в 2004 г. и появившихся на новокузнецком проспекте Metallургов в год реконструкции его северной части). Интерпретация таких объектов в городском пространстве свидетельствует о том, что оно маркируется в том числе хотя и сувенирными, но «чужими» объектами.

2. Семантический анализ ключевых идеологем и имплицитного автора (повествовательной инстанции рекламных текстов) открывает дорогу к установлению специфики «новой субъектности» как тех, кто отвечает за региональную *культурную политику*, так и тех, кто эту политику потребляет. Какой целевой аудитории адресована наружная реклама территории? Очевидно, недифференцированной. Имеющиеся рекламные сообщения с большой натяжкой можно распределить даже на блоки, которые демонстрировали бы идентичность-для-себя и идентичность-для-других. Лишь в единственном случае оказалось возможным выделение группы внешних потребителей бренда – в ситуации конца февраля–начала марта 2009 г., когда Кузбасс посетил глава Правительства РФ. Визит премьер-министра «высветлил» некоторые прагматические нюансы наружной рекламы территории. В соответствии с длительностью визита на въезде в город висели две растяжки со словами **Новокузнецк приветствует гостей!** – и были сняты вскоре после отъезда премьера; активное рекламирование 85-летия Прокопьевского района и любви к нему началось строго с линии дороги из аэропорта в сторону Новокузнецка, хотя границы района данная автотрасса пересекает не менее чем за десяток километров до аэропорта.

3. Баннеры, брендирующие конкретные территории, создают ещё и новую символическую карту страны путём образно-семантического масштабирования этих территорий. В системе координат эпохи регионализации село становится различимым в страновой оптике (**Малая родина – Сосновка. Большая родина – Россия!**); о городе в 73 тысячи жителей (Мыски) можно сказать **Мегаполис...** Актуальным инструментом брендирования выступают фразы, позиционирующие *Место* в качестве некоего центра мира.

4. Может представлять интерес соотношение смысла рекламных «мессиджей» с содержанием иных официальных ресурсов, посредством которых сегодня также конструируется новая идеология. В частности, текстового и визуального наполнения официальных сайтов территорий и этикетных здравниц, адресуемых их жителям по праздничным поводам.

5. Наблюдается отчетливая тенденция искусственной историзации ландшафта, что находит своё выражение в навязчивом нагнетании юбилейных поводов и цифр. Примеры: *85 лет Прокопьевский район; 85 лет родному району!; Кемеровский район 85 лет; Кемерово 90 лет 1918–2008; Прокопьевск 75 лет; 385/390 лет/391 год Кузнецку; 70 лет г. Осинники; Веков связующая нить Заводскому району 45 лет; 75 лет первому Сибирскому трамваю; Кемеровский кондитерский комбинат 65 лет* и т. п.

6. Небезынтересно изучить современное состояние процедуры производства, утверждения и размещения баннеров. Как следует из интервью должностных лиц (в частности, главного художника города Новокузнецка), эта практика имеет сегодня множество «дыр», где никто ни за что не отвечает. В результате наиболее ущербной становится содержательная сторона рекламного продукта: если его эстетическую сторону всё-таки контролируют районный архитектор и главный художник, то функции «третьего секретаря горкома» сегодня вакантны.

7. Неожиданные контекстуальные значения будут результатом сплошного прочтения городского ландшафта через баннеры. К восприятию пространства как сплошь заполненного и семантически связного располагает методология герменевтики ландшафта, разработанная школой теоретической географии. В этом случае обнаружилось бы достаточное количество парадоксов, тонко подмеченное в одной из работ по наружной рекламе: суммированный смысловой посыл таких метатекстов создаёт ощущение, что с народом «что-то не так». В частности, соседство сексуально ориентированного баннера, рекламирующего *Большое мужское пиво*, с баннером о любви к городу выглядит достаточно провокационно.

Эпоха масштабной социокультурной метаморфозы делает нас свидетелями выработки нового канона публичной речи от лица демократического государства. Канон пребывает в стадии становления, но уже обладает рядом характерных черт, иначе была бы невозможна имитация его стилистики в другом «формате» (баннеры копируются на строительных ограждениях). Специфика современного администрирования общественно значимых тем описывается в официальных документах с применением слова «креатив». Применительно к наружной рекламе это значит – не так, как во времена советского официоза, а талантливо, ярко и по-новому. Тем не менее содержание наружной рекламы территории обнаруживает значительную ментальную инерцию, поскольку наиболее отчетливые ее сюжеты сегодня – это всё те же ключевые агитпроповские идеологемы, которыми в свое время было перенасыщено советское пространство:

1. **«Чистые» императивы.** Это прямые побуждения к действию в духе советских «Решения XXV съезда КПСС – в жизнь!», «Введём в 1968 г. коксовую батарею в сентябре, конвертерный цех в декабре!», «Будем жить и работать по-коммунистически!», «Семи-летку – досрочно!»: *Благоустроим Кузбасс вместе!; Чистый поселок делать; Чистый поселок любить; Попади в 10 выбери профессию – стань специалистом на благо любимого города!*; а также несколько странно звучащий призыв *Содержи Россию в чистоте!* К ним примыкают тексты трудовой тематики: *Шахтеры Кузбасса – России!; Рабочий класс – гордость Кузбасса!* (это серия с отдельными сюжетами: *Буду как папа – строителем/машиинистом!*). Для этой группы характерно частое использование местоимения «мы» – немодного в эпоху освобождения от пут советского коллективизма – и формы множественного числа глагола («дадим», «сделаем»...). Несколько особняком стоит «афганский» баннер с текстом *Родина, люби нас так, как мы любим тебя!*

2. **Здравницы и славословия** были очень популярными в советском новоязе: «Да здравствует КПСС!», «Слава советскому народу, строителю коммунизма!», «Слава труду/КПСС/Советскому Союзу!» Сегодня концепт *слава* вновь востребован в наружной рекламе территории: *Педагогическим трудом славим родной город и Кузбасс, Своим искусством славим Кузбасс!, В год Молодежи – прославим Кузбасс!; Наши победы – слава Кузбасса.*

3. Робко возобновляется **практика «освящения» ландшафта цитатами вождей.** На трассе Кемерово – Новокузнецк водителей напутствуют слова премьеры: *Уважительное отношение к старшему поколению – это наш священный долг;* в Кемерове – слова Президента: *Город-спутник Лесная поляна – это город будущего, город молодых.*

4. **Фразы-«дары»** (существительное в именительном падеже+существительное в дательном падеже): *Доступное и комфортное жилье – горожанам!, Любимому городу – большие возможности!, Наши достижения району и Кузбассу/родному городу!, серия Тебе, любимый Кузбасс спортивная доблесть Кузнецка!, Здоровое поколение во славу родного города, Потенциал старшего поколения – во благо процветания России!*

5. **Констатации, примыкающие к жанру советских обязательств-рапортов:** *Лучшие дороги – в Кузбассе! За последние 4 года сдано рекордное количество километров дорог Мы привыкли Кузбассом гордиться!;* либеральное *Всё у нас получится...*

6. **Дидактические сентенции** (в СССР – сакраментальное «При запахе газа в квартире звоните 04» и т.п.). Современные аналогии в основном посвящены экологическим вопросам: *Мы за чист-*

тый город!, Наш город должен быть чистым!; Участвуйте в городских субботниках!; Благоустраивайте свои дворы!; Не бросайте мусор мимо урн!

7. Вновь обрел актуальность старый **вектор «вперед»** (советский проект был отчетливо ориентирован в будущее, где сияло неземным великолепием светлое здание коммунизма): **Будущее Кузбасса в наших руках!; Наши дети – будущее России!; Счастливые дети – светлое будущее!; Молодая семья – будущее России!; Дети – наш завтрашний день/наше будущее.**

8. Тексты с тенденцией к **имперскому центрированию ойкумены**. Когда-то дети страны Советов были счастливейшими детьми на планете просто по факту своего рождения на одной шестой части суши. Безусловно советскими реминисценциями навеяны фразы **Я родился в Кузбассе!; Я живу в Новокузнецке!** Очевидная идея этих слоганов: конкретное *место* выступает как лучшее, идеальное, почти центр земли. В контексте обсуждаемой темы нельзя не упомянуть недавнюю повальную моду на поиск «семи чудес (света)» в каждом уважающем себя *Месте* – по всем городам и весям страны. Иконография соответствующих баннеров идентична советским плакатам о счастливом детстве под красной звездой. Это один из симптомов того, что городское пространство, децентрированное и утратившее значительную долю официозности в 1990-е годы, сегодня вновь делается объектом узурпации власти.

9. Наконец, встречаются **семантически замкнутые в себе фразы**, настолько «шарообразные», что продумать сказанное в них затруднительно. Это аналоги советских «Да здравствует 70-летие Великой Октябрьской социалистической революции!», «Победа коммунизма неизбежна!», «Миру – мир!», «Наша цель – коммунизм!»: **Главное – здоровье горожан!; Счастливое детство!; Творчество – это верный выбор!; Дети цветы жизни; Духовность – наше богатство!; Любимый город/район – родной Кузбасс – е/Единая Россия!**

Мы являемся свидетелями конструирования новой идеологии. Как и полагается идеологии, она конъюнктурна и политически сервильна. Наглядная агитация и современная наружная реклама – во многом похожие инструменты «декорирования» города, а по сути управления и идеологического контроля. Связь между ними – генетическая: современные уличные баннеры реанимируют советские концепты *слава/славить, (на) благо, вера, доверие, гордость, (трудовые) победы...* В самих по себе этих концептах нет ничего плохого. Более того: источник их заимствования может стать отличной школой мастерства для современных дизайнеров и «мастеров креатива», поскольку институт наглядной агитации был создан

профессионалами, которые удерживали достаточный уровень и содержательной, и формальной стороны агитационной продукции.

Наружная реклама территории может и должна быть мощным инструментом создания адекватного образа *Места*, без которого невозможно возникновение полноценного чувства связи с территорией. Однако на сегодняшний день концептуальной, стилистической, символической и эстетической рамкой наружной рекламы территории остаются советские агитационные модели. *Чувство Места*, отличающее позицию *горожанина* как ответственного укоренённого человека, таким способом у населения не создать – просто потому, что в арсенале советских концептов нет соответствующего материала. В 2000-е годы началась какая-то работа власти с *образом места* – в широко развернувшемся по стране движении стратегического планирования, на официальных сайтах администраций городов, во вновь создаваемом каноне официальных здравниц... Эта линия администрирования сопровождается мощным краеведческим движением на местах. Тем самым процесс регионализации вышел за пределы сферы сугубо социально-политической и экономической и обрёл «ментальное измерение». Однако текущее состояние наружной социальной рекламы в Кузбассе во всех ее тематических разновидностях не демонстрирует ответственного профессионального подхода к разработке ее содержательных (смысловых, языковых, фактологических) и эстетических (дизайнерских) аспектов. В ситуации засилья избитых, семантически пустых фраз лидерство держит ***С любовью к городу!***

В то же время *баннеры о городе* в обозримом будущем, судя по всему, останутся самым востребованным из общего пакета регионализации инструментом формирования территориальной идентичности. Это доступный, недорогой и эффективный способ презентации территории. Постсоциалистическая Россия вступила в эпоху, когда массовое сознание определяется и формируется по преимуществу визуальными образами. Доминирование медийных каналов передачи информации, само структурирование свободного времени современного человека свидетельствует о том, что СМИ, и в том числе реклама, берут на себя ведущую роль в формировании его личности. Именно поэтому профессиональная и ответственная работа с образом города (во всех его изводах – *имидж, бренд, про-ект...*) – определяющий фактор успешного развития территории, стигматизированной индустриальным прошлым.

Т. О. Санникова

Полифония городского пространства

Город изначально полифоничен, иначе говоря, «многоголосен», и в визуальном и содержательном плане. В этом его отличие от сельского поселения, поскольку деревенский образ жизни по природе традиционен. Традиционность, повторяемость, возобновляемость в привычном облике характерна и для визуального ряда сельского поселения. Ряды домов российской деревни напоминали (и напоминают) одноголосное пение или, если прибегать к образу декоративно-прикладного искусства, – бусы. Сельская церковь, конечно, могла быть (могла – это значит, что так происходило отнюдь не всегда) сооружением выдающимся в данном поселении, округе. К ней мог приложить руку даже достаточно известный архитектор. Однако в случае определенной архитектурной, культурной доминанты при аккомпанементе других визуальных образов ни о какой полифонии говорить не приходится.

Иначе обстоит дело с городом. Понятие большого города относительно времени и пространства. Облик, структура города формируются его направленностью и историей. Идет время, и меняются пространственные координаты города. Изменение ключевых точек, определяющих лицо поселения, отражает трансформацию мировоззрения и образа жизни его населения.

Есть моногорода, чья основная сфера является одноподчиненной, часто монофункциональной и (или) связанной с деятельностью одного предприятия. Но даже в этом случае присутствует полифония городского пространства. Например, в таком своеобразном явлении в градостроительстве России XVIII – первой половины XIX в., как города-заводы, при всем тяготении завода к господству в городском окружении, изначально поселок (город) стремился к равновесию с производственной сферой. «С позиций создания архитектурного образа выделяются три разных (условных) типа города-завода: древнерусский (конец XVII – начало XVIII в.), новопетровский (со второго десятилетия до последней четверти XVIII в.) и классицистический (с последней четверти XVIII в.). Древнерусский город-завод характеризовался деревянной застройкой в национальных традициях с единичными вкраплениями каменных зданий и сооружений барочного типа (например, Невьянский завод начала XVIII в.). Новопетровский опирался на относительно равное сочетание национальных традиций в деревянном зодчестве со стилем барокко в каменном и элементами

строений «на голландский манер» (Екатеринбург петровского и послепетровского этапов). Классицистический город-завод определялся преимущественно каменной в стиле классицизма застройкой завода, центра и ведущих композиционных узлов (Миасский, Ижевский, Златоустовский и многие другие заводы периода расцвета этого стиля)» [1]. Облик классицистического завода, несмотря на поздние разрушения, перестройку зданий и появления новых, сохранился в историческом центре некоторых современных городов (или хотя бы угадывается).

Сами заводы периода классицизма часто представляли образцы ансамблевого решения, замечательные произведения промышленной архитектуры. Одним из примеров такого рода является главный корпус Ижевского оружейного завода, возведенный учеником А.Д. Захарова С.Е. Дудиным в 1807-1515 гг. Можно сравнить его роль в организации городского пространства со зданием Адмиралтейства в Петербурге. Другим композиционным элементом Ижевского завода в XIX веке служило здание арсенала (1823-1825 гг., архитектор С.Е. Дудин) – «свободно поставленный в ландшафте (примерно под углом 30° к направлению плотины) на вершине холма, арсенал активно участвовал в силуэте «города Ижа», ограничивая его периметр с юго-восточной стороны» [2]. Разные приемы расположения арсеналов показывают отсутствие жесткой привязки их к структуре города-завода и руководство индивидуальными особенностями поселения. «Несмотря на необходимость соседства, не было и особой привязки их к оружейным заводам. В градостроительном отношении арсеналы были самостоятельны, но входили в число главных опорных сооружений, придавая городам-заводам более монументальный вид» [3]. Среди других элементов организации пространства городов-заводов в XIX столетии можно назвать здания правлений и служб, госпитали и конечно же культовые сооружения. Здания заводских правлений и служб (контор) имели большое градостроительное значение. «Находясь у входа на завод, напротив или вблизи него, по направлению к продольной оси плотины или поперек нее, они являлись неотъемлемой частью ансамблей заводских строений и центров поселений и включались во все видовые кадры» [4]. Наряду с общественными зданиями, в панораму сооружений городов-заводов, в их единстве с плотинами и прудами, опорными участками общей структуры оказывались включенными и дома заводской аристократии.

Определенными пространственными ориентирами города являлись культовые сооружения. В первую очередь в русских поселениях таковыми являлись православные храмы. Без зданий церквей, соборов, часовен немислим ни один дореволюционный

город России. Храмы становились определенными пространственными ориентирами, играли роль доминант в культурном ландшафте. Вертикалями силуэта культовых сооружений придавалось неповторимое своеобразие городского пространства. Поскольку церкви размещались, как правило, на открытых площадках, возвышенностях, это местоположение придавало им роль структурообразующих зданий в общем облике города.

Влияние на облик города оказывала и «рука» наиболее талантливого мастера-архитектора: В.Н. Петенкина в Воткинске, С.Е. Дудина в Ижевске, М.П. Малахова в Екатеринбурге.

Архитектурные доминанты города особенно четко вырисовывались на фоне основной жилой застройки. Так, в Екатеринбурге в 1849 году было 168 каменных домов и 2884 деревянных [5]. Главным материалом оставалось дерево, из которого и строились дома мастеровых, рабочих и служащих городов-заводов.

Екатеринбург – один из типичных в плане застройки уральских городов-заводов. Однако в нем как в центре горнозаводского Урала (с 1802 г. в городе было образовано Горное правление) черты эти представлены более ярко и разнообразнее. План Екатеринбурга 1802 г., как и последующий план 1829 г., представлял собой регулярную прямоугольную сетку кварталов, группировавшихся вокруг завода и прудов. В плане 1845 г., не менявшемся до начала XX в., предусматривалось дальнейшее расширение Екатеринбурга с учетом развития его регулярной планировочной структуры. Пруды со временем стали одним из главных природных акцентов в облике городов. Застройка складывалась таким образом, что на пруд были ориентированы основные постройки города.

И.А. Гончаров писал в романе «Обрыв», очень живо хранящем атмосферу провинции XIX века: «Какой обширный дом, какой вид у предводителя из дома! Впрочем, в провинции из редкого дома нет прекрасного вида: пейзажи, вода и чистый воздух – тем дешевле и всем дающие блага» [6]. Обозримость, открытость – определяющие характеристики провинциальных российских городов. Д.Н. Мамин-Сибиряк в своих произведениях также оставил множество поэтичных описаний видов уральских поселений: «Если смотреть на Ключевской завод откуда-нибудь с высоты, как, например, вершина ближайшей к заводу горы Еловой, то можно было залюбоваться открывавшеюся широкою горною панорамой. На западе громоздились и синели горы со своими утесистыми вершинами, а к востоку местность быстро понижалась широким обрывом. Десятки озер глядели из зеленой рамы леса, как громадные окна, связанные протоками и речками, как серебряными нитями» [7]. Вторит этой обрисовке и облик Кукарского завода в рома-

не «Горное гнездо»: «Вид на Кукарский завод и на стеснившие его со всех сторон горы из господского сада, а особенно с веранды господского дома, был замечательно хорош, как одна из лучших уральских панорам. Центр картины, точно налитое до краев полное блюдо, занимал большой заводской пруд овальной формы» [8]. Близость к природе, гармоничное единение, вписывание провинциальных городов в окружающий ландшафт влияли на бытие их жителей.

«Язык сам напоминает: мировоззрение зависит от *взгляда* на мир, иначе говоря, мысль следует за взглядом. В свою очередь, то, каким будет характер зрительного восприятия, во многом определяется качеством пространства. Созерцание дали не вяжется с назойливым самовыражением, а картина обширного обжитого ландшафта уводит от простых житейских переживаний, напротив, она располагает к «бесконечной думе», созвучна возвышенным устремлениям» [9].

В XIX веке архитектура провинциального города оставалась камерной, и соборы, дома и усадьбы его жителей естественно вписывались в окружающую среду. Согласимся с мнением Ф. Разумовского: «Художественный мир русского города, построенный на природно-пейзажной основе, прекрасен не каким-то отдельным видом, памятником, даже не своей застройкой, в большинстве деревянной и потому часто возобновляемой, а выразительным равновесием всех частей, форм и пространств» [10].

Нельзя сказать, что пространственный образ дореволюционного провинциального города состоит лишь из черт «прекрасного далека». Вот, к примеру, написанные в ироническом ключе «Штрихи общественной жизни», напечатанные в газете «Екатеринбургская неделя» от 25 июля 1879 г.: «В общем виде (...) Екатеринбург представляет собой очень красивый город и из прекрасного далека, в некоторых частях, напоминает даже собою северную Пальмиру. Широкие, красивые и стройные улицы Екатеринбурга, заслужив для некоторых из них право на наименование проспектами, разделяются на две категории: к одной из них относятся все те, по которым нельзя ездить, без опасения не утонуть в болоте; к другой – все остальные, так называемые шоссированные, по которым хотя и можно ездить, но с опасением получить сотрясение мозгов. В центре города, по главным улицам, тянутся традиционные провинциальные бульвары, на которых блуждающие на приволье козы находят для себя обильное пастбище, а обыватели, заходящие на них, вдыхают густые клубы пыли...». В 1890-х годах, когда Екатеринбург посетила комиссия по обследованию уральской промышленности, возглавляемая Д.И. Менделеевым,

город произвел на членов этой комиссии не самое приятное впечатление: «Правда город большой, но какой-то унылый, сонный. Как будто он обстраивается, и как будто разрушается» [11]. Прочитав подобные свидетельства, понимаешь, что сатирические образы городов, встречающиеся в произведениях М.Е.Салтыкова-Щедрина, немногим далеко ушли от российской действительности. В «Губернских очерках» под именем Крутогорска описывая Вятку, он писал с иронией об обратной стороне патриархальности и спокойствия провинции: «Не то чтобы он отличался великолепными зданиями, нет в нем садов семиамидиных, ни одного даже трехэтажного дома не встретите вы в длинном ряде улиц, да и улицы-то все немощеные; но есть что-то мирное, патриархальное во всей его физиономии, что-то успокаивающее душу в тишине, которая царствует на стогнах его. Въезжая в этот город, вы как будто чувствуете, что карьера ваша здесь кончилась, что вы уже ничего не можете требовать от жизни, что вам остается только жить в прошлом и переваривать ваши воспоминания. И в самом деле, из этого города даже дороги никуда нет, как будто здесь конец миру» [12].

Образ уральских городов, как и других – многомерен, центр – официальная часть города, с собором, домом горного начальника и зданиями центральных городских сооружений, как никакая другая стремилась подражать линейности и четкости Петербурга; чем ближе к окраине – тем более скромными становятся постройки, кривыми улочки, приближающие к облику соседних деревень.

Влияние Петербурга прежде всего чувствуется в планировочной структуре городов. Центры городов размещались по периметру предзаводских площадей и по берегам заводских прудов. Элементы московской школы архитектуры проявились в характере типов домов, частных и общественных зданий.

«Усадьба в городе» – одна из излюбленных тем московского классицизма конца XVIII и первой трети XIX века. Тип городской усадьбы хорошо виден в жилой застройке Екатеринбурга. Небольшие уютные усадьбы, городские особняки оказывали влияние и на архитектуру сооружений общественного назначения, которые приобретали камерный характер жилого особняка и часто были окружены зеленью садов, что еще более подчеркивало их сходство с городской усадьбой [13]. Подобное влияние, которое можно увидеть и в московской архитектуре, хорошо просматривается, к примеру в Екатеринбурге в таких зданиях, как горная аптека, госпиталь Верх-Исетского завода.

Тем не менее, даже несмотря на монофункциональность, города-заводы отличались оригинальностью градостроительного, образного решения.

К сожалению, советская градостроительная политика уничтожила многие доминанты российских городов дореволюционного периода. Не только в том плане, что уничтожались и уродовались, например, культовые сооружения, а нарушалась их изначальная роль в городском пространстве. А.Г. Лазарев, А.А. Лазарев пишут о том, что данный процесс носил общесоюзный характер. По их мнению, наибольший урон отечественная архитектура второй половины XX века понесла там, где она когда-то лидировала – в ансамблевой застройке городов, в формировании уникальной городской среды: «создаваемая в 1960—1970-х годах искусственная среда обитания человека стала скучной и однообразной, почти полностью лишенной пластичной и колористической выразительности» [14].

Большой город определяется не сугубо количеством жителей, но и полифункциональностью, которая собственно это количество и определяет. Если говорить все же о разнице полифонии облика большого города и малого, то она проистекает из единства содержания и формы, т.е. присущая им как к городу, в мегаполисе она в полной мере носит характер «многоголосия», трудно поддающегося счислению, в отличие от более вычленяемых голосов небольших городов.

Существование городской полифонии наряду с монопространством деревни, или даже «гомфонной» структуры села, совсем не означает приписывание полифонии априори положительной сущности, поскольку известно, что полифония не соотносится знаком равенства с гармонией и полифоническая гармония есть лишь ее разновидность. Стремление к равноправию голосов свойственно современному городу, и чем более крупным он является, это стремление лишь усиливается, приводит к какофонии. Гармония, ансамблевость города уступает место хаосу и сумбурности. В европейских городах исторический центр действительно является историческим, застройка идет вне его, города, развиваясь, сохраняют прошлое. В России настоящее почему-то стремится утвердиться за счет перечеркивания прошлого. Наиболее известна ситуация с Москвой и Петербургом, когда сносится историческая застройка, а вновь возводимые дома совершенно не вписываются в сложившееся десятилетиями и столетиями архитектурное пространство. Аналогичные процессы, хотя и в меньшем масштабе (что опять же относительно, если брать за точку отчета именно определенный город), происходят с другими крупными российскими городами. Однако и современная городская застрой-

ка явно идет в разрез с прежними ориентирами, т.е. тем, что должно упорядочивать городское пространство. Так, например, здание Арсенала в Ижевске, где ныне размещается Национальный музей Удмуртской республики, утратило такую организующую роль, и окружающее пространство вкупе с современной застройкой само «съело» его. Любопытным представляется точка зрения человека, осуществляющего так называемую «точечную застройку» в Ижевске (генерального директора управляющей компании «КОМОС» А. Осколкова): «Сам я не являюсь сторонником точечной застройки, потому что это колоссальное неудобство - как для строителей, так и для жителей окружающих домов, но, сожалению, в столице Удмуртии очень мало готовых площадок, потому что, как и любой другой мегаполис, он сталкивается с недостатком сетей. Центр города необходимо реконструировать, есть проекты, но нет коммуникаций, не развита инфраструктура. Для этого нужны годы, а время не ждет» [15].

С другой стороны, современное отношение к прошлому явно укладывается в парадигму постмодернизма, который, собственно, и может дружественно пожать руку какофонии, где бы она ни проявлялась, как, впрочем, и полифонии в целом, ибо иерархичность им не свойственна. «В ижевской архитектуре принцип коллажа нашел наглядное воплощение на улице Советской в результате строительства нового здания Национального банка (архитектор Владимир Шевкунов). Банк не вписался в уже имеющийся архитектурный ансамбль, раздавил и изуродовал его. Но зато получилось самое постмодернистское архитектурное пространство в Ижевске» [16]. Современная городская архитектура часто использует большие зеркальные пространства. Отражая все, она словно не имеет своего лица, облика, образа. Игра в имитационную полифонию, но именно игра.

Нынешний российский город, являющийся мегаполисом, или динамично развивающийся, имеющий тенденцию превращения в большой город, сохраняя полифоническое визуальное пространство, утрачивает гармонию. Как заметил архитектор Е. Асс: «Сегодняшняя Москва не представляет собой нормально управляемого и структурно организованного мегаполиса, такого, каким является, предположим, (...) Нью-Йорк» [17].

Одновременно современный большой российский город пытается довести эту пространственную игру до обманки – убежать от похожих объемов и нагромождений зданий – уйти в детали, уличную скульптуру, обыгрывающую историю города, его легенды и были. Так, в Ижевске такими деталями-изюминками городского пространства стали скульптуры крокодила на скамейке, пельменя на вилке, собачки Звездочки.

Чем старше город, тем труднее вписывать современные реалии в его облик, чтобы сохранить гармонию пространства. Однако именно история придает ему неповторимость.

Возможно ли гармонизировать городское пространство, которое по сути является отражением структуры нашего сознания, особенностей современного мышления? Вероятно, путь допустим лишь обратный, если он вообще нужен человеку.

Примечания

1. Лотарева, Р.М. Города-заводы России. XVIII – первая половина XIX века [Текст]. – Екатеринбург, 1993. – С.39-40.
2. Лотарева, Р.М. Указ.соч. С.59.
3. Там же.
4. Там же.
5. Козинец, Л.А. Каменная летопись города [Текст]. – Свердловск, 1989. – С.46.
6. Гончаров, И.А. Обрыв [Текст]. – М., 1986. – С.46.
7. Мамин-Сибиряк, Д.Н. Горнозаводской город [Текст] // Анциферов Н., Анциферова Т. Книга о городе. Ч.2. – СПб., 1926. – С.130.
8. Мамин-Сибиряк, Д.Н. Горное гнездо [Текст]. – Свердловск, 1981. – С.15.
9. Разумовский, Ф. Большое пространство малого города [Текст] // Наше наследие. - 1989. - № 7. – С.33.
10. Там же.
11. Цит. по Козинец, Л.А. Каменная летопись города [Текст]. – Свердловск, 1989. – С.119.
12. Салтыков-Щедрин, М.Е. Губернский город [Текст] // Анциферов Н., Анциферова Т. Книга о городе. Ч.2. – СПб., 1926. – С.133.
13. Козинец, Л.А. Указ.соч. С.60.
14. Лазарев, А.Г., Лазарев А.А. История архитектуры и градостроительства России, Украины, Белоруссии VI – XX вв. [Текст]. – Ростов н/Д., 2003. – С.495.
15. Облик Ижевска ждут большие перемены [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://komos-stroy.ru/info-tsentr/novosti/detail.htm?itemid=373833>
16. Коновал А. Три шедевра постмодернизма в Ижевске //ИА «День» от 24 января 2002 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dayudm.ru/article.php?id=336>
17. Жизнь в мегаполисе: за что мы ее любим и за что мы ее ненавидим (запись передачи радио «Свобода» от 25.01.2009)

Л.А. Якушева

Повседневная жизнь города: человек из очереди

Культура повседневности базируется на эфемерных и, казалось бы, «простодушных» основаниях, таких как еда, предметы обихода, каждодневные житейские процедуры, бытоустройство. Со временем все это приобретает культурную форму и становится репликатором определенной эпохи. Прошлое «толкует нас»[1], предъявляя нам в качестве социального, отрефлексированного и художественно-осмысленного опыта манипулятивные технологии, сценарные практики поведения, систему идеологем и образов. Мы отражаемся в зеркале культуры, не задумываясь о качестве этого зеркала, но имея в распоряжении отдельные артефакты, ставшие символами, определяющими специфику различных сторон жизни.

В данном случае речь пойдет о публичном поведении городского жителя в пространстве очереди. Очередь относится к тем социокультурным феноменам, в которых сосредоточены как исторические, этнические, психологические особенности «фундаментальной» культурной традиции, так и практика повседневного бытового поведения советского и постсоветского человека. Поэтому, прежде всего, нас интересовал «концепт очереди», выступающий неким понятийным культурным комплексом. Процесс самоопределения советской эпохи во времени еще не завершен, но уже сейчас можно утверждать, что коммуналка, очередь, двор, дача являются символами культуры Советской. Они составляли ту «систему координат», с помощью которой воспринималась действительность и в соответствии с которой строили свои отношения и реализовывали ожидания городские обыватели эпохи XX века.

Согласно словарю В.Даля, очередь – это «порядок, последовательность, принятый порядок следования одного за другим» [2]. Исторически сложилось так, что очередь стала *институциональной формой*, регулирующей жизнь семьи, поколений, государства; *бытийной нормой*, соотносимой с ожиданием, терпением, воздаянием; *частью системы распределения* насущных благ, то есть – необходимым условием и атрибутом культуры повседневности.

Рассмотрим ментальные особенности очереди, определив «русскость» данного феномена. Психологические, социокультурные параметры очереди соотнесем с советской традицией. И, наконец,

сетевой принцип очередей, психологию очередника представим как основание для установления «диагноза» современности.

Особенностью русской очереди является *скудность и хаотичность* в сочетании с априори заданной ею же организованностью и последовательностью. Это происходит по разным причинам и соотносится с прагматикой действия заинтересованных лиц (стояние в нескольких очередях сразу), ментальной абсурдностью действий (стоять за компанию, стоять вместе, чтобы поговорить). Русская очередь может возникнуть на интерес – стоять «все равно зачем», стоять, чтобы посмотреть, а что там. М.Эпштейн отмечал, что любая культура отличается открытостью, демонстрируя свое лицо. Очередь же, являясь анахронизмом, открывает спину, то, что не защищено [3]. Продолжая это наблюдение, отметим, что «европейские» очереди предполагают дистанцирование, удаленность людей друг от друга (особенно в ситуации завершения стояния, приближения к результату), а «русская» может быть схематично представлена в виде цепи, где каждое звено – это отдельный круг, участники которого «разворачиваются», контактируют, объединяются в устойчивые мини-группы. Именно поэтому в «нашей» очереди легко происходит визуальная (дама в шляпе, человек в сером пальто т.д.), социальная (студент, врач, пенсионерка) и персонифицированная идентификация.

Очередь, имея свои социально-исторические предпосылки возникновения (экономический упадок, войны, разруха), наиболее рельефно проявила себя в советское время, поскольку имела отношение не только к повседневной, обыденной жизни человека, но и воплощала в себе *модель*, в которой отражался избранный путь исторического развития: отдаленность результата, длежащее ожидание. Если иметь в виду, что «риторический дискурс советской идеологии перенасыщен метафорами пути»[4], то можно согласиться с М. Эпштейном, что очередь «необходимо было изобрести» (поддерживать как социальный институт) [5]. Постепенно приобретая статус групповой нормы, очередь способствовала ужесточению иерархической пирамиды, уравниванию и формированию механизмов управления и давления.

Особенностью советской очереди являлась особая плотность людей на единицу площади, вследствие чего ее *психологическая территория* отличалась особой напряженностью, эмоциональной выраженностью. «Чем ближе люди, тем менее дружескими и более болезненными становятся их отношения»[6]. В очереди мы наблюдаем «детское» поведение Я-личности. В отличие от «взрослых» реакций на проблемные ситуации (анализ мотивов, последствий), дети видят способы разрешения конфликтных ситуаций в интенсивности прояв-

ления эмоций. Так, участники очереди для «ускорения» передвижения и достижения результата зачастую используют бурные реакции, комментарии, иногда механические действия (отталкивание, размахивание руками, вплоть до потасовок). Однако каждый участник социointеракции предьявляет другим не сами чувства, а то, что могло бы указать на испытываемые эмоции. В этом случае человек на публике уподобляется актеру-исполнителю. Театральность поведения присуща и участникам очереди. В ней достаточно четко просматриваются некоторые амплуа: «посвященный» (тот, кто знает стоящих, запомнил в лицо отдельных участников), крайние (и те, кто только что подошли, и те, которые стоят вопреки указанию на то, что обслуживаться не будут). Смена положения по отношению к прилавку приводит и к смене ролей. В каждом отдельном случае могут быть определены элементы драмы как классического текста (завязка, конфликт), с заведомо заданной жанровой характеристикой развития действия (драма, трагикомедия), психологической атмосферой происходящего (агрессивность, беспокойство, тревога, нервозность).

Несправедливость, ущербность, зависть («почему досталось кому-то, а не мне») становились устойчивыми характеристиками межличностных отношений не только внутри очереди, но и за ее пределами. Хвастовство недавно сделанными покупками и сервировка праздничных столов дефицитными продуктами – были атрибутами советского образа жизни.

Стремление людей избежать очередей как процедурно-оформленных действий было вполне естественным. Существовали всевозможные стратегии поведения, позволяющие улучшить шансы стоящего: сказать, что занимал раньше, предьявить особые доказательства: детей, беременность, документы льготника. Социальное положение, статус, причем в крайних оппозициях (от номенклатуры до люмпенского дна) позволяли не стоять в очередях вообще.

За долгий период советской власти очередь стала устойчивым механизмом воздействия, структурирования индивидуального поведения: власть концентрировалась в одной точке – прилавке, остальные участники позиционировались по отношению к «распределителю благ» по «территориальной» близости, степени родства, расчетливости при использовании принципа «ты мне, я – тебе». Существовали услуги, получение которых также откладывалось на неопределенный срок, но физически можно было в очереди не стоять (очередь на квартиру, телефон, на получение подписных книжных изданий и т. д.) Подобного рода ситуации послужили еще большему распространению данного феномена по сетевому принципу.

Общими характеристиками советской очереди являлись «замедленность», протяженность, масштабность и монументаль-

ность. Она охватывала все стороны жизни и притязания – от очереди в Мавзолей (иерархия) до очереди за колбасой; от очереди за билетом на спектакль до очереди в кафе, становясь существенной и неотъемлемой частью культуры повседневности и условием идентификации: «Я, как и все, стою в очередях».

Современные маркетологи предлагают различные способы ликвидации очередей в пределах одного учреждения, предоставляющего услуги, пользующиеся повышенным спросом [7]. Все они, так или иначе, присутствовали и в советское время: срочное обслуживание заменяла система выдачи спец. пайков; обслуживание наиболее ценных клиентов соотносилось с работой со льготниками; линии с высокой оплатой за услуги оборачивались выносом и распределением с «черного хода». В советское время доминировал принцип выстраивания очереди за «одним» товаром, так называемые современные «экспресс-линии». Абсурдность такого выстраивания очереди заключалась в том, что количество желающих приобрести тот или иной товар от этого не убывало, а возрастало, поддерживаемое своего рода скрытой рекламной акцией («раз все стоят – дают что-то нужное»). Инвариантом этой процедуры становилось распределение «в одни руки» (количественное, весовое, размерное и другие ограничения).

В тоталитарном государстве очередь, являясь социальной нормой, не нарушала личностные границы (порой даже обостряя условие выбора «стоять – не стоять»), в то время как современные маркетинговые технологии предельно обезличены. Обыватель использует приобретенный опыт социальных ролей произвольно, автоматически. Современное общество сталкивается с проблемой переноса отношений «в очереди» (со всеми негативными проявлениями) на более близкие – домашние, соседские, корпоративные. Сама же очередь, будучи социальной болезнью, пережив пору социального бедствия, стала вирусом, поразившим все формы коммуникативного поведения современного человека.

С. Довлатов, В. Маканин, М. Жванецкий, В. Распутин, В. Аksenov, И. Штемлер в своих произведениях давали точные характеристики психологического состояния и способов самоорганизации сообщества очередников, постепенно формируя образно-метафорическое наполнение понятия очередь. Рассмотрим художественную интерпретацию культурного пространства «человека из очереди» на примере одноактной пьесы «Зеленые бананы» драматурга «новой волны» Аллы Соколовой. Время написания произведения – начало 80-х, публикация пьесы была осуществлена в 1985 году и до настоящего времени она сценически востребована. Наряду с другими текстами, входящими в цикл «Люди, звери и

бананы», была поставлена на сцене Центрального Дома Актера режиссером И. Хуциевой в 2009 году.

Место действия драматургической миниатюры «Зеленые бананы» – городской сквер. Ранняя весна. Он и она. Скамейка. Реплика женщины: «Извините, где вы брали бананы?»[8] – срабатывает по принципу сжатой пружины. С самого начала мы оказываемся в ситуации, когда один человек имеет то, чего у другого нет, но этому другому необходимо. Зеленые бананы, редкие экзотические (для времени конца 70-х) фрукты, провоцируют обычную для эпохи дефицита пикировку, выяснение отношений, но, в конечном итоге, становятся поводом для начала знакомства.

В начале пьесы герои – мужчина и женщина – ведут себя, согласно ремарке, «не глядя друг на друга», демонстрируя *поведение человека в очереди*: предъявляют друг другу претензии, обижаются, возмущаются и т.п. Складывается впечатление, что, будучи «заведенными» на определенное действие «получения добычи», они не могут остановиться, словно забыв, что Он уже свое отстоял и бананы получил, а для Нее этот момент упущен. Их реплики напоминают обмен затверженными фразами, используемыми в типовых ситуациях публичного конфликта. Она: «Вы меня своей грубостью не удивите... И не такое слышала». Он: «Сначала плюнете в лицо, потом извиняетесь через губу»[9].

Представленная ситуация очень узнаваема. В ней угадываются черты «вседозволенности» поведения: грубость, хамство, которые распространились катастрофически быстро, пронизав все сферы и виды жизнедеятельности советского человека. Разрушение традиций, сложившихся иерархических норм и ценностей, даже на короткое время, повлекли за собой необратимые процессы. Вынужденные выживать, советские люди оказались причастными к творению такой обыденной культуры, которая вытесняла человеческое, уступая место животному.

Люди «толкаются, давят друг друга»[10], останавливаясь ненадолго, чтобы неожиданно для себя заметить, что бананы пахнут «сломанной весенней веткой»[11], что «мир держится на отдельных чудачках»[12]. Передышка раскрывает в героях человеческую натуру, вызывает желание попросить прощения. «Я обычно стараюсь держать себя в рамках», [13] – оправдывается Она, а Он в ответ протягивает ей зеленые бананы. Примирение, которое могло бы быть классическим финалом, становится началом непростого разговора о том, что оба они оказались истцами и что ее, беременную, бросил муж, а ему жена не дает встречаться с дочкой.

Однако автор не только представляет сцену из реальной жизни, но и дает повод задуматься о модели поведения человека,

преодолевающего неравенство (материальное, социальное, образовательное и т.д.) путем хамства, откровенных эмоциональных всплесков («и чего я на вас набросилась?»[14]), неконтролируемых реакций. Реплика: «Научились люди от гадости удовольствие получать»[15], – становится и выпадом-осуждением чужого поведения, и маркером собственного, поскольку герои обмениваются этим упреком. Каждый из них становится причастным к «жестоким играм» современного человека, где нет ни правил, ни оглядки на нравственные ориентиры (культурную традицию, христианские постулаты). Поэтому проблема «маленького человека», стремящегося к превосходству, при чтении текста воспринимается не только как социальная беда, но и как предвестница гуманитарной катастрофы.

Разговор на скамейке длится каких-нибудь минут 15, и за это время герои переходят с позиции «вы меня не слышите / вы меня не понимаете» на одну общую волну, совпадая в стремлении поддерживать свой императив порядка, разумности. Для Него это положенные по закону свидания с дочерью, выполнение отцовского долга, для Нее – стремление когда-нибудь объяснить ребенку «что хорошо, что плохо на наглядных примерах: на птичках, на пчелках, на сорняках»[16]. В данном диалоге условием успешной коммуникации становится способность человека к адаптации в меняющихся условиях, его психологическая устойчивость, осуществление преднамеренной толерантности, проявляющей себя не на глобальном, а на обыденном житейском уровне, что, с учетом отсутствия определенной культурной консервации, гораздо сложнее.

В итоге читатели /зрители пьесы становятся свидетелями коллизии падения – возрождения, отрицания – примирения героев, что не только соответствует обозначенным жизненным реалиям, но и отсылает к матрице классических текстов. Представленная в данном случае повседневная ситуация воспроизводит культурные смыслы, необходимые для понимания эпохи, а человек из очереди приобретает статус героя своего времени.

Примечания

1. Соловьев, Э. Прошлое толкует нас. Очерки по истории философии и культуры [Текст] / Э. Соловьев. – М. : Политиздат, 1991. – 432 с. – С.4.

2. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] : в 4 т. Т 2 / под ред. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. – 3-е изд., перераб. и доп. – СПб. ; М. : Издание товарищества М.О. Вольф, 1905. – 78 с. – С. 64.

3. Эпштейн, М. Очередь [Текст] / М. Эпштейн // Все эссе: в 2 т. Т 1. В России. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 544 с. – С. 79.

4. Богданов, К. Повседневность и мифология. Исследования по семиотике фольклорной действительности [Текст] / К. Богданов. – СПб.: Искусство, 2001. – 438 с. – С. 384.
5. Эпштейн, М. Указ. соч. С.80.
6. Сеннет, Р. Падение публичного человека: пер. с англ. [Текст] / Р. Сеннет. – М. : Логос, 2002. – 424 с. – С. 373.
7. Челенков, А. Специфика управления сервисными продуктами [Текст] / А. Челенков // Маркетинг. – 2000. – № 1. – С. 120-121.
8. Соколова, А. Люди, звери и бананы [Текст] / А. Соколова // Пьесы ленинградских драматургов. – Л.: Искусство, 1985. – 508 с. – С. 176.
9. Там же. С.176.
10. Там же. С. 177.
11. Там же. С. 177.
12. Там же. С. 181.
13. Там же. С. 179.
14. Там же. С. 179.
15. Там же. С. 176.
16. Там же. С. 181.

УДК 008.001.8

Я.С. Ивлев

Образ города как результат визуального восприятия человека

Современное российское общество сталкивается с глубокими изменениями базисных основ жизнедеятельности, на которые активно влияет окружающая среда. В этой связи профессионалы постоянно занимаются поиском решений, обеспечивающих формирование определенного образа окружающей среды. При этом визуальный образ среды мыслится как особая категория, достижение которой является сверхзадачей творчества архитектора-дизайнера.

Объективный анализ российских городов показывает, что в связи с изменениями социально-экономических условий их среда приобретает более хаотичный характер, большей частью за счет торговых павильонов, рекламных установок, бессистемного вечернего освещения, которые зачастую не украшают, а лишь портят общую картину города. Хаотичность городской среды — один из полюсов ее состояния, другой полюс — монотонность как результат механистичного господства типовой архитектуры [1].

Существующая практика архитектурно-дизайнерского проектирования, как правило, не учитывает реальных потребностей жителей, имеющихся возможностей преобразования, развития и совершенствования городской среды. При этом разрозненность работы утверждающих инстанций не позволяет организовать полноценную систему ее мониторинга, анализа, оценки и прогнозирования. Кроме того, слабые методическая и информационная базы усугубляют остроту данного вопроса.

Особую актуальность приобретает введение архитектурно-дизайнерской проектной составляющей в общую систему архитектурного проектирования с целью формирования целостной, эстетически совершенной, информативной, художественно-осмысленной среды городов.

Городская среда – это особое единство человека, сообщества людей с их окружением. В теории под средой понимается результат и одновременно процесс взаимодействия людей, их сознания, чувств с материальным миром объектов, искусственных и естественных.

Существует ещё одно понятие, характеризующее городскую среду как пространство, ограниченное архитектурными строениями, внешним видом всех этих строений, а также его окружения, это экстерьер, но при этом и интерьер, то есть город не только снаружи, но и внутри построек. В интерьере активно формируют пространство малые формы, различные скульптуры и живописные пейзажи города [2].

Таким образом, здесь следует рассматривать два понятия: образ и облик города.

Понятие облика тесно связано с понятием образа. Как эстетические категории они находятся в одном ряду, но различаются сферой существования: облика — в реальной действительности, образа — в сознании субъекта. Облик представляет собой объективно необходимую основу образа.

В этом смысле облик первичен, поскольку материален, а образ как адекватное отражение в сознании — явление вторичное. Облик — реальная, образ — творчески интерпретированная действительность. Облик города является совокупностью наиболее общих и значимых особенностей облика его фрагментов, следовательно, когда меняется облик города, меняется и его образ.

В основе восприятия городской среды лежат визуальные ощущения (85% от всего процесса восприятия мира человеком), та зримая картина, которая отражает все многообразие форм, света и цвета, присущих материально-пространственному окружению.

Визуальный образ города — это результат визуального восприятия городской среды, формирующий в сознании человека ее определенный эстетический, духовно-насыщенный образ. Необходимо отметить также присущее визуальному образу качество коллективности, отражающее общественное мнение, которое представляет собой состояние массового сознания в виде скрытого или явного отношения людей к событиям и фактам действительности.

Отличительной особенностью визуального образа среды является динамическая закономерность, которая устанавливает однозначную связь во времени между состояниями объекта. Динамика визуального образа города, складывающегося в течение суток, — это процесс движения от дневного образа через сумеречный к вечернему. Один образ среды постепенно поглощается другим образом, меняется, перетекает из одного состояния в другое. При этом динамика визуального образа достигается не только за счет изменения освещения в течение суток, но и за счет движения зрителя в пространстве города.

Существуют следующие аспекты восприятия городской среды.

Психофизиологический аспект (зрительная система, эмоции) восприятия среды как физически существующей реальности с присущими ей свойствами — массой, объемом, размерами, расположением в пространстве, фактурой, светом и цветом, а также эмоциональным рядом. Психика и физиология человека на протяжении веков практически не изменились, и современный человек имеет те же способности восприятия, что и человек эллинизма и средневековья. Кроме того, к психофизиологии относится и эмоциональный эффект восприятия, а также реакция на приятные или неприятные для органов чувств физические воздействия, выразительность линий, плоскостей, цвета, пространств и объемов, составляющих форму как основу эмоционального воздействия на человека.

Эстетический аспект восприятия среды — вид эстетической деятельности, выражающийся в целенаправленном и целостном восприятии произведения как эстетической ценности, которое сопровождается эстетическим переживанием. Эстетическое восприятие имеет открытый характер, включающий жизненный опыт субъекта, его эстетический вкус и ценностные ориентации. Избирательность и глубина такого восприятия обусловлены состоянием культуры общества и общекультурным потенциалом самой личности. Продуктом такого восприятия становится «вторичный» образ и смысл, который совпадает или не совпадает с образом и идеей, задуманными автором.

Художественно-образный аспект восприятия среды как произведения искусства — это процесс осмысления ее композиции, художественной формы и через них — образной выразительности, которая во многом обусловлена «духом места» и «завершенностью облика среды».

Таким образом, визуальный образ города — это результат ее визуального восприятия, формирующий в сознании человека определенный эстетический, духовно-насыщенный образ данного города, с учетом присущих ему качеств динамики и коллективности [3].

Однако, несмотря на всю субъективность зрительного восприятия города, всё же существуют общепринятые понятия, в которых сочетаются эти три аспекта и в результате формируется общее представление о том или ином городе.

Ярким примером удачного сочетания этих составляющих является город Белгород. Несмотря на то, что за время своего существования он неоднократно подвергался практически полному разрушению, в настоящее время это один из красивейших провинциальных городов России.

Белгород - один из самых амбициозных и быстро развивающихся городов. После развала СССР город сумел найти своё место в государстве и как самый южный город центральной части страны стал быстро наращивать своё население. Ещё каких-нибудь двадцать лет тому назад он был обычным, ничем не выделяющимся из серой массы областным центром Российской Федерации. Но после 1992 года сюда стали съезжаться бывшие жители северных регионов государства. На сегодняшний день объёмы жилищного строительства в Белгороде значительно превышают аналогичные во многих городах России.

Одной из достопримечательностей города является огромное разнообразие различных монументов, памятников культуры, архитектурной застройки, которые вносят немалый вклад в формирование благоприятного визуального образа города.

Самым новым районом Белгорода является Харьковская гора. На ней находятся преимущественно спальные районы, но тем не менее это очень красивая в архитектурном плане часть города. Там же, на Харьковской горе, на углу улиц Щорса и Королёва, можно увидеть оригинальный храм. Построен он на месте источника, в стиле русской деревянной архитектуры. При приближении к центру города, на улице Костюкова, находится один из символов города, памятник крестителю Руси, князю Владимиру.

После постройки этого монумента Белгород трудно представить без фигуры, возвышающейся над Харьковской горой. Напротив памятника расположена гостиница «Южная» и пушкинская

библиотека. С площадки, на которой расположен монумент, открывается потрясающий вид на город. Городской пейзаж покрыт строительными кранами, город очень активно строится. Выделяется своим как бы золоченым куполом здание государственного университета.

Другая достопримечательность города – это парк. Здесь всегда многолюдно, это место проведения занятий по физкультуре студентов университета, просто прогулок, самая центральная зона отдыха в городе. В ней находится аллея героев-белгородцев и другие монументальные сооружения. В перспективе реки находится небольшой пруд для купания, а напротив него – один из наиболее знаменитых музеев города, панорама «Огненная дуга». За панорамой выставка военной техники времён Великой Отечественной войны, и памятник воинам, погибшим в Афганистане. На этой же площадке – городской краеведческий музей, перенесённый из Преображенского собора. Рядом с музеем мирно соседствуют половецкая каменная баба и первый харьковский трактор.

Неподалёку находится соборная площадь – главная площадь Белгорода. Роль собора выполняет здание облминистрации. Архитектура площади выдержана в классическом сталинском модерне. Рядом со зданием облминистрации – самая фешенебельная в городе гостиница «Белгород». С противоположной стороны площади – драматический театр имени Щепкина, а рядом памятник великому актёру.

На площади сходятся две наиболее красивые магистрали города: Гражданский проспект и Свято-Троицкий бульвар. Бульвар – центральная магистраль города, и самая старая. В своё время она была застроена двухэтажными домиками, сохранившимися по сегодняшний день. Сегодня они, конечно, не смотрятся, но это лицо города в 50-х и 60-х годах. Перейдя проспект Богдана Хмельницкого, выйдем к зданию госуниверситета. Неподалёку от него – Троицкий собор, давший название магистрали, а перед ним памятник Святителю Иоасафу – небесному покровителю города. Несмотря, что Троицкий собор находится в одном квартале от университета, тем не менее, при университете построена своя, университетская церковь, расположенная на самом берегу реки Везелки. С берега реки открывается на новое здание университета.

Город гордится своим университетом, и сам он довольно быстро развивается. Построенный рядом с городской магистралью, тем не менее, первоначально университет стоял на отшибе. Выше вдоль течения Везелки уже была деревня. Сегодня эти места не узнать.

Перед университетом с разных сторон находятся две площади: одна со стороны речки Везелки, а другая со стороны проспекта Богдана Хмельницкого – центральной магистрали города. Центр города застроен новыми зданиями, которые чередуются со старой застройкой.

Ещё одной достопримечательностью является духовная семинария, рядом с которой стоит памятник митрополиту Макарию, выходцу из Белгорода.

Неподалёку находится Преображенский собор – кафедральный собор города Белгорода, известный тем, что в нём покоятся мощи Иоасафа Белгородского.

Но, несмотря на всё культурное и архитектурное разнообразие города Белгорода, это является не единственным фактором формирования его благоприятного визуального образа у людей. Не менее важным является постоянное поддержание города в чистоте и порядке. На это направление город выделяет огромные деньги.

По итогам экологического рейтинга общественной организации «Зеленый патруль» Белгород находится на первом месте.

Для определения рейтинга взяли 15 показателей. Считали природоохранный, промышленно-экологический и социально-экологический индексы. Итоги подводились по экологическому состоянию в городе, работой с проблемными объектами, проведением мероприятий по сохранению природных комплексов, экологическим образованием граждан и сообщениями СМИ по рассматриваемой тематике.

На сегодняшний день в Белгороде самый строгий в России контроль экологической ситуации.

Тем не менее, в настоящее время существуют определённые проблемы, связанные с внешним обликом города, главной из них является наличие промышленных предприятий, которые в процессе роста города оказались практически в его центре. Это не только оказывает негативное воздействие на экологическую обстановку города и, как следствие, на здоровье людей, но и портит общую картину города.

Другой проблемой является наличие отдельных районов, в которых многие здания нуждаются либо в капитальном ремонте и реконструкции, либо в замене их другими, более современными, а также то, что в условиях постоянно растущего количества автотранспорта в Белгороде многие дороги не соответствуют нормативным показателям.

Эти и другие проблемы активно решаются руководством города, и на данный момент уже разработан целый ряд документов, которые предусматривают:

- совершенствование сложившейся системы расселения, направленной на обеспечение высокого качества застройки, приоритетное развитие социальной сферы, инженерной инфраструктуры, улучшение экологической обстановки в городе, рациональное использование территории, проведение модернизации застройки;

- улучшение архитектурного облика и благоустройства города, жилых и промышленных зон, переход от освоения строительства новых территорий к комплексной реконструкции сложившихся жилых образований, регулирование этажности застройки с учетом местных условий и особенностей каждого района, развитие малоэтажного строительства;

- сохранение архитектурного своеобразия города и других поселений, проведение мероприятий по охране и реставрации памятников истории, культуры, архитектуры и археологии, создание градостроительных ансамблей, замены типового на авторское адресное проектирование;

- реорганизацию промышленно-производственного комплекса, развитие промышленности города на базе коренного технического перевооружения и перепрофилирования объектов, переориентацию экологически опасных и ресурсоемких производств, а также постепенное вынесение промышленных объектов за черту города;

- максимальное использование современных научно-технических решений для развития, реконструкции и модернизации инженерной инфраструктуры города и рекреационных комплексов на основе внедрения современных технологий;

- архитектурно-планировочная структура новых массивов жилой застройки в виде микрорайонов, кварталов, групп зданий, рекреационных пространств и улично-дорожной сети должна быть увязана по своим пропорциям и размерам с исторически сложившейся планировочной структурой существующей застройки населенных пунктов, нести черты преемственности и последовательного развития местных градостроительных традиций и особенностей;

- массовое жилищное строительство должно осуществляться с учреждениями социального, культурно-бытового обслуживания, инженерным обеспечением, внешним благоустройством и озеленением территорий, с использованием проектов зданий, включенных в перечни и каталоги или по индивидуальным проектам;

- допускается проведение реконструкции существующего жилого фонда с переоборудованием первых, цокольных и подвальных этажей многоквартирных жилых домов для размещения объектов, предназначенных для обслуживания населения, а также производить строительство пристроек и надстроек к существующим зданиям, строениям, сооружениям для указанных целей;

- упорядочение использования промышленных и прочих территорий [4].

Кроме того, в условиях научной интеграции различных сфер общественной жизни как в Белгороде, так и в других городах России всё большее значение приобретает развитие инновационных процессов.

Инновация – это специфическое изменение в деятельности организации, отрасли, производственного комплекса или региона, вызванное внедрением результатов научно-технического прогресса и направленное на совершенствование существующего процесса или организации деятельности с целью достижения интегрального, экономического, социального, научно-технического и другого рода эффекта. В настоящее время инновационные нововведения являются основным движущим фактором развития во всех сферах общественной жизни.

Таким образом, внедрение инноваций в различные сферы деятельности по благоустройству города позволят не только улучшить внешний вид города и создать более благоприятный визуальный образ, но и повысить качество возводимых строительных зданий и сооружений, учесть возможность их изменения и усовершенствования в будущем.

Библиографический список

1. Николаевская, И.А. Благоустройство территорий [Текст]: Учебное пособие для студентов СПО / И.А. Николаевская; М.: Academia, 2009. – 272 с.

2. Лысова, Н. Ю. Малый исторический город: культурные параметры и актуальные проблемы [Текст] / Н.Ю. Лысова // Регионоведение. – 2008. – №2. – С. 9-11.

3. Бочкарева, Т.В. Динамика городской среды [Текст] / Т.В. Бочкарева // Проблемы качества городской среды. – 2004. – №4. – С. 22-23.

4. Город Белгород [Текст] / ; Белгород, 2010 – . – Режим доступа: <http://www.gorod-belgorod.ru/beloblast/belgorod.php>

Е. Н. Корсикова

**Динамика образа города Ярославля
в художественной фотографии
(на материале фотоконкурса «Мой любимый город»)**

Фотограф, жизни быстротечность
И принимая, и любя,
Отобразил в мгновение вечность,
Сказав за нас и за себя.

Е.Гусев [1]

Над большой голубой рекой тихо струился серебряный свет. Занимался розовый рассвет, открывая великолепный вид на изумительный град. Имя ему – Ярославль!..

Древний город на Волге уже давно стал жемчужиной Золотого кольца и одним из самых красивых уголков России. Насчитывая 1000-летнюю историю, расположенный в сердце европейской части нашей страны недалеко от Москвы, город сыграл важную роль в становлении отечественной истории, государственности и культуры. Наделенный статусом исторического города, Ярославль сохранил печать глубокой старины, в которую уверенно вплетаются современные черты. Гармоничное и рациональное сочетание седой старины и современности привлекает к нему внимание миллионов россиян и зарубежных туристов. Динамично развиваясь, сегодня город становится позитивно-перспективным центром по привлечению национальных и иных инвестиций в свою инфраструктуру. В связи с тем, что Ярославль является ярким воплощением русского провинциального города, он притягивает к себе взоры и является предметом творческого вдохновения многих поэтов, писателей, художников, музыкантов, фотографов.

Фотография представляет собой особенный вид современного искусства. Ее уникальность заключается в стремлении «остановить мгновение», запечатлеть то, что является для фотографа субъективно значимым в тот или иной момент жизни. И для фотографа «фиксируемое мгновение важнее динамики, иначе оно не остановило бы его внимания» [2].

В преддверии празднования 1000-летия г. Ярославля, в целях воспитания патриотизма, любви к родному городу, приобщения к его культурному наследию и современным достижениям на протяжении 10 лет при поддержке мэрии г.Ярославля в музее истории города проводился фотоконкурс «Мой любимый город», к участию в котором приглашались как профессионалы, так и любители.

тели фотоискусства. Реализация этого проекта уже стала доброй творческой традицией.

За 10 лет в фотоконкурсе приняло участие более 300 человек, которые представили на суд жюри только за последние пять лет более полутора тысяч снимков. На вернисажах демонстрировали свои работы 88 мастеров, ежегодно экспонировалось около 90 фотографий [3]. По результатам последних лет было издано четыре хорошо иллюстрированных каталога, а также выпущен итоговый фотоальбом «Мой любимый город» за 2006-2010 гг., приуроченный к 1000-летию Ярославля.

Чрезвычайно динамичная, насыщенная многочисленными событиями жизнь крупного древнего и вечно молодого города отражена в бесконечном разнообразии мотивов, тем и сюжетов. Однако среди них можно выделить общие черты, что позволило организаторам конкурса объединить снимки в несколько номинаций.

Одной из самых любимых ярославскими фотографами стала номинация «Архитектура города». Здесь в поле внимания фотохудожников попадают разнообразные архитектурные объекты. Известно, что «золотым веком» развития ярославской школы архитектуры считается XVII столетие. В это время город оказывается на пересечении крупных торговых путей, и на средства купцов возводятся величественные храмы, призванные сблизить земное и небесное. Именно церкви и церковные ансамбли придают городу неповторимое очарование и своеобразие. И поэтому произведения храмового зодчества присутствуют на большинстве фотографий.

Значительный интерес представляет серия панорамных фотографий С.Киселева «Мой Ярославль», где удачно выбранный автором цветовой фон эффектно оттеняет памятники архитектуры и создает у зрителя всякий раз новое впечатление – то романтично-загадочное, то элегично-спокойное, то торжественно-приподнятое. Тихим лиризмом исполнены «Зимний пейзаж» В.А. Щенева, «Церковь Михаила Архангела» Л.Тихоновой, «Толга» О. Яковлева. Различное состояние архитектурных сооружений контрастно воссоздают фотографии. Так, например, живописно-провинциальным с отпечатком заброшенности, отражающим непривлекательную российскую действительность, выглядит изображение «Церкви Петра и Павла» Л.Соколова. Напротив, яркой, блистательной, искрящейся лучами света предстает церковь Богоявления на фотографии Н.Плигина «Сбылось!». Снимок как бы выражает ликующее настроение автора от исполнения только ему известной сокровенной мечты.

Интересный, но часто встречающийся прием использован в фотографиях Е. Белковой «Весенние отражения», на которых колокольня церкви Рождества Христова и храм Св.Дмитрия Солун-

ского показаны сквозь призму воды, в которой они отразились. Изображения в этом случае получились мягкими, нюансными.

Внимание фотографов все больше привлекают здания культовой архитектуры, возведенные в современный период. Это и уютная «Церковь Богоматери – Нечаянная радость» Н. Гурьевой, и обращенная к небу «Часовня Казанской Божьей матери» Д.Красильникова и величественный Успенский Собор Д.Бырлова. Идею веротерпимости в условиях многонационального государства отражает красивая по композиции фотография М.Козловой «Ярославская соборная мечеть». Пересечение ажурных линий решетки, в которую вписан минарет, придает ему еще большую устремленность ввысь.

Первый регулярный градостроительный план развития города был утвержден по указу императрицы Екатерины II во второй половине XVIII в. В соответствии с ним от центральной Ильинской (ныне Советской площади) лучами расходятся улицы, которые в местах пересечения с опоясывающими площадь улочками образуют просторные площади. Как градостроительное ядро такой план застройки исторического центра города сохранился и поныне. Об этом живо свидетельствует большая серия снимков В. Лашкова «С высоты птичьего полета», которая была снята с вертолета еще в 80-е гг. XX в. На фотографиях как на ладони предстают аккуратно застроенные невысокими домами улочки исторического центра города с вплетенными в них главными достопримечательностями: цирком, театром им. Ф.Г.Волкова, Спасо-Преображенским монастырем. Заслуживают внимания также мастерски исполненные «Панорама города с гостиницы Юбилейная» С.Шубкина и снимок «Красив, откуда ни взгляни» А.Кобаладзе.

К сожалению, немногие фотографы уделили внимание деревянным постройкам, сохранившимся в городе с XIX столетия. Среди них изящное деревянное строение в обрамление резной листвы деревьев на фотографии В.Лаптевой «Деревянное зодчество Ярославля» и выдержанно-строгое напряженное здание с пулеметом на фасаде на снимке «В ожидании перемен» Н.Корсикова, в котором как бы отразились тревожные 90-е гг.

Динамику архитектурного развития Ярославля в XX веке характерно отражает фотографии Е.Герасимова «Московский проспект сегодня и 30 лет назад». Сделанные в вечернее время снимки значительно контрастируют друг с другом. Если на первой фотографии зритель созерцает большую пустынную практически не застроенную с обеих сторон магистраль с виднеющимися одноэтажными деревянными домами и с тонкими только посаженными деревцами, то на втором снимке перед нами предстает современ-

ный индустриальный город с воздвигаемыми многоэтажками, оживленным движением, рекламными щитами и перекрытиями. Неповторимость изображений подчеркивает использование цветового спектра при теперешнем отображении города.

Парадоксами живет и современный город. Стихийное развитие рыночной экономики привело к не вполне упорядоченным отношениям в городской среде. Эkleктичная застройка, формирование разных видов частной торговли и производства, противоречия в использовании рекламы привели к многочисленным нарушениям архитектурного пространственного ансамбля Ярославля. Это особенно хорошо заметно на панорамных фотографиях В.Лашкова «Старое и новое. Ярославль» и «Горизонты Ярославля», где ветхие деревянные лачуги и каменные домики, зияющие черными пустотами оконных проемов, соседствуют с внушительными коттеджами, построенными в соответствии с последними строительными достижениями. На фотографии Н.Бородиной «Единство противоположностей» на только что отреставрированный храм Сретения Господня враждебно «надвигается» бетонная стена забора, испещренная темными знаками граффити.

В последние годы в Ярославле активно ведется строительство и реконструкция зданий и сооружений, устанавливаются различные скульптурные памятники. Они нашли свое воплощение в фотографиях «Приходи удивляться» Л.Тихоновой, «Вечер на площади Богоявления» Н.Корсикова, «Жемчужина», «Для новых побед» А.Кобаладзе, «Перекресток Кирова-Андропова» В.Лашкова. В начале 90-х гг. в русле европейских традиций в городе широко стала использоваться декоративная подсветка зданий, которая делает их более эффектными и привлекательными в темное время суток. Таковы снимки «Огни большого города» А. Штольбы, «Мэрия» А.Гриднева, «Блистающий мир» М.Зайцевой.

Номинация «Городской пейзаж» также полюбились ярославским фотографам. Она тесно перекликается с темой «Архитектура города», смещая акценты со зданий и сооружений на обаяние городской среды. Почти все древние русские города располагались вдоль крупных рек и озер. Ярославль в этом отношении не стал исключением. Основанный по преданию в 1010 году князем Ярославом Мудрым, «город-князь» занял стратегически выгодное положение на «Стрелке» - месте слияния величественной русской реки Волги и ее притока Которосли. С воды Ярославль воспринимается как город-памятник, город-корабль и живой организм, соразмерный по своей красоте от малого до большого элементов. В настоящее время в городе появилась новая архитектурная доминанта – реконструированная Набережная с воссоз-

данным Успенским Собором и памятником Тысячелетию, которая усиливает внимание фотографов к этой части Ярославля.

Несомненно то, что ускорение динамике города придают люди - горожане с их жизнями, наполненными чувствами, переживаниями, настроениями, предпочтениями. Именно они являются творцами событий, иногда значимых только для них или узкого круга друзей и знакомых, иногда значительных для всего города. Из таких событий пишется современная летопись, которая вскоре становится историей. Свой вклад в создание такой фотолетописи внесли многие фотографы, представившие фотографии в номинациях «Ярославль в событиях» и «Ярославцы».

Событийный ряд, представленный на фотоснимках, очень разнообразен. Отрадно видеть снимки, воссоздающие восприятие горожанами событий значимых в масштабах страны и всего мира. Острота эмоций радости наступления Великой Победы зачастую сочетается с болью потерь родных, друзей, однополчан, пронесенной сквозь десятилетия. Они искусно показаны А.Акиловым в фотографии «Это праздник со слезами на глазах». Трогательно выглядят герои снимков С. Козлова «Вместе по жизни», А. Гриднева «До сих пор в строю», А. Лукиной «Давай посмотрим», Г. Джузенова «Последний парад Ивана Гриднева», А. Комисарова «Вальс победы». Важным, на наш взгляд, является не только запечатление сюжетов, отражающих связь времен и поколений фотографиями-профессионалами, но и их юными преемниками. Среди них работы Д.Дорофеевой «Образ Победы», «Не стареют душой ветераны».

Духовная жизнь города представлена темами возрождения Православия («Крещенское купание» С.Белякова, «Вера» И.Алова, «Благодатный огонь» И.Штольба, «Награды за труды праведные» В.Лаптевой, «Архиепископ Кирилл» В.Вахрушева, «Благословение» С.Федорова), русских народных традиций («Праздник на Кузнецком подворье» В.Мартыновой, «Перед выступлением» Е.Вахрушевой, «Масленица» Н.Корсикова), культурными мероприятиями (одноименные снимки «День города» В.Лашкова и Ж.Морозовой, «Играет духовой» А.Гриднева, «Ярославль в кино» Е.Белослюдцева). Фотографии отражают суть времени, в котором уживаются ранее идеологически непримиримые сюжеты последователей «Великого Октября» («Такая позиция», «Большевичка» А.Гриднева, «Тоска о былом» В.Орлова, «Последний» Д. Шиманского) и приверженцев Православного возрождения («Пасхальное богослужение» В.Вакина, «Звонарь» А.Давыдова).

Значительное число фотографий раскрывает большую спортивную жизнь Ярославля. Перед зрителем предстают футбольные («Большие гонки» А.Соловьевой), хоккейные матчи («Я

выбираю шайбу», «Судья всегда прав» А.Комиссарова), состязания силачей («Богатырская сила» С.Штольбы, «Силач» В.Орлова), лыжные («Спортивный интерес С.Федорова), конно-спортивные соревнования («Наша тройка впереди» В.Орлова). Фотографам удалось запечатлеть уникальные моменты игры («Победный гол Шинника», «Гол сезона», «Силовой прием» А.Комиссарова), показать искренние переживания игроков и болельщиков («Не первый» В.Вахрушева, «Мы победили!» А.Комиссарова). Интерес фотографов сосредоточен не только на игре сборных, но и на ярко выраженных эмоциях и чувствах фанатов. С этой точки зрения показателен снимок шествия болельщиков фанклуба «Зенит», выполненный А.Гридневым, напоминающего по масштабам грандиозную акцию протеста. Отражена в фотографиях и любовь ярославцев к рыбалке («Клевое место» С.Киселева, «Весенний лов» Н. Корсикова, «Сом на реке Которосль» В.Скорина).

К сожалению, повседневную жизнь горожан составляют не только радостные, но и драматические события. Эмоции боли, отчаяния, растерянности перед будущим читаются во взгляде стариков, сидящих вместе с верной собакой на крыльце обгоревшего дома («Горе» В.Орлова).

Снимки, представленные в номинации «Ярославцы», составляют своеобразную галерею портретов выдающихся жителей города. Среди них выделяются работы Е.Герасимова «Командарм Шарохин М.Н.», «Генерал Батов П.И.», В.Никольского «Художник Н.Мухин», «Любовь Шишханова», «О.Отрошко», В. Вахрушева «Народный артист России В. Солопов», М. Козловой «Юлиан Надеждин», И.Алова «Барокко»; портреты мэра города В.В.Волончунаса (В.Котов «Папарацци») и губернатора области С.А.Вахрукова (В. Дорофеев «Когда уйдем со школьного двора»).

Портреты простых горожан часто попадают в объективы фотографов. Здесь и простодушный «Мужичок» с гармошкой А.Комиссарова, и веселый «Умелец» В.Орлова, и совершенствование мастерства «В студии Руссар» А.Давыдова, и нехитрый заработок «Уличного музыканта» В.Вакина. Героями фотографий часто становятся дети и молодежь – те, кому в обозримом будущем предстоит сохранить лучшие достижения прошлого и настоящего и вписать новые страницы в биографию любимого города.

Сюжеты некоторых фотографий побуждают зрителя улыбнуться, поскольку исполнены доброго юмора, увиденного в жизни. Таковы снимки «На Богоявленской» В.Лашкова, «Ветер-шалун» В.Юрасова, «Под впечатлением» Л.Тихоновой, «Кто ты, зверь?», «Левый авангард» Е.Вахрушевой, «Опять по девкам», «Сюрприз к тысячелетию» В.Орлова, «Легкий способ» А.Штольбы.

Среди всех направлений современной художественной фотографии самым рискованным и непредсказуемым, пожалуй, является «Эксперимент». Вероятно, это обусловило то, что фотографий, представленных в этой номинации, не очень много. Современное экспериментирование чаще всего связано с работой фотохудожников в различных графических редакторах, что позволяет им менять цвет, фон, текстуру изображений. Однако новые технические возможности предъявляют повышенные требования к эстетическому вкусу, чувству равновесия и гармонии авторов.

В преддверии 1000-летия г. Ярославля фотохудожниками проделана колоссальная работа по созданию своеобразной фотографической летописи города. Она явилась творческим подарком мастеров искусства к празднику, который воспринимается как славный юбилей. Это самое знаменательное событие истории города, на котором присутствуют люди и делегации со всех концов света, представляющие регионы и страны, связанные с Ярославлем на протяжении многих веков. В ответ ярославцы дарят гостям свои достижения в разных сферах, подчеркивающие обратные связи, соответствующие наиболее ярким событиям контекста развития многосторонних отношений.

Проделанный нами анализ избранных фотографий убедительно отражает динамику города в сюжетах, представленных на высокохудожественных снимках. Вместе с тем, он также демонстрирует трансформацию мышления, мировосприятия, эстетических и жанровых предпочтений самих фотографов, которые стимулируют их дальнейшее творческое совершенствование.

Примечания

1. Гусев, Е. Вступительная статья [Текст] // Мой любимый город [Изоматериал]: каталог фотовыставки 2009. – Ярославль, 2009. – С.4.

2. Щенев, В.А. Вступительная статья [Текст] // Избранное [Изоматериал] : каталог выставки художественной фотографии фотостудии «Руссар». – Ярославль, 2008. – С.3.

3. Корсиков, Н.Г. Вступительная статья [Текст] // Мой любимый город [Изоматериал] : фотоальбом. – Ярославль : ООО «ИПК «Индиго», ООО «Студия «Д’артС», 2010. – С.3.

Е. А. Шахова

Создание образа города в региональном деловом журнале

Первым в Ярославском регионе деловым журналом, где были сформированы подходы к осмыслению особенностей городской среды и сделаны шаги по созданию образа города, стал «Губернский город». Его «идеология» была, на первый взгляд, прагматична (дизайн обложки одного из первых номеров уже содержал такую деталь, как стилизованная «канцелярская» печать-штампик со словами «Полезный журнал») и сориентирована на представителей строительного бизнеса, риэлтерского сообщества, разумеется, и на представителей областной и муниципальной власти.

Статус делового журнала издание приобрело в силу того, что с его появлением была обозначена и одновременно заполнена ниша, где впоследствии стали появляться, трансформироваться, исчезать другие издания, которые не в полной мере можно назвать аналогичными. С одной стороны, в них присутствовали попытки так или иначе «отразить», «осветить» жизнь региона в аспекте его деловых интенций (например, «Квартиры и цены»). С другой стороны, обозначились попытки предложить своего рода косвенную рефлексию деловой жизни; а именно, представить деловую (производственную, финансовую, спортивную, административную, реже всего культурную) сферы сквозь призму обыденной и в то же время элегантно-нарядной, по возможности даже роскошной, светской жизни (например, «Элитный квартал»). В намеченный перечень изданий с определенными «деловыми» установками можно добавить ряд изданий («Не зевай», «Ваш досуг»), которые, разумеется, не являясь в полном смысле слова «деловыми», также пытались или пытаются в той или иной мере создавать образ города.

Для характеристики обозначенной тенденции, связанной с созданием образа современного и в то же время «исторического» города, существенно отметить, что круг авторов, включенных в работу по осмыслению или формированию представлений о городе, оказался достаточно узким, поскольку – к чести руководства большинства изданий – в качестве аналитиков (что было редко, в основном на уровне интервью с ведущими учеными – культурологами, историками, практиками - архитекторами) и в качестве авторов (что было постоянно) – привлекали опытных либо начинающих, но все же специалистов. К числу наиболее активно действовавших с 2004 по 2007 гг. авторов, представивших циклы материалов, связанных с историей улиц, домов, производств, людей и да-

же предметов быта, через которые фиксировался образ Ярославля, старинного и развившегося в парадигме стремительного XXI века, назовем кандидатов исторических наук В. Дутова, А. Бородкина, кандидата искусствоведения А. Гудкову (Маслову), аспирантку и затем кандидата наук М. Александрову, а также автора этих строк, опубликовавшую материалы в журнале «Губернский город» под фамилией «Кузина».

Сформированная в рамках деятельности научной школы Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (кафедра культурологии и журналистики), логика работы по созданию образа города применительно к требованиям со стороны руководства регионального делового журнала в нашей авторской концепции включала в себя несколько аспектов. Все они были объединены в рубрике, название которой, по нашему предложению, включало три основных составляющих образа города: «Город. Дом. Люди».

Город в серии материалов был представлен как антропологически детерминированное пространство, как среда, соразмерная человеку, его семейным, творческим устремлениям. *Дом* рассматривался не только как место проживания семей (аспект культуры повседневности), не только как здание, имеющее историческое значение (историко-типологический дискурс) и архитектурную ценность (искусствоведческий дискурс), но и как интегративный культурологический артефакт, объединивший в себе исторические социально-экономические, религиозно-нравственные аспекты жизни представителей культурных страт и демографических групп. *Люди* разных эпох – заказчики, жители, руководители учреждений, «поселившихся» в тех или иных домах, рядовые и не рядовые горожане в диалектике их судеб, связанных с теми или иными зданиями, – также составили важный предмет исследования в публикациях.

В ходе работы по созданию образа *города* Ярославля на страницах делового журнала «Губернский город» были выделены следующие группы *домов*, имеющих самостоятельное историко-культурное значение или воспринимаемые в специфическом статусе в аспекте жизни или работы причастных к ним *людей*.

(1) Дома, занимающие в городе место *культурных доминант*: здание мэрии, здание Ярославского художественного музея (Губернаторского дома), здание театра им. Волкова, здание Музея истории города Ярославля.

Дом 6\7 по улице Андропова – здание, где в настоящее время располагается *мэрия* города Ярославля. Это здание – одно из главных в городе; оно является таковым и по своему местопо-

ложению в исторической части застройки (бывшем Земляном городе), и по своему официальному значению (там помещаются две ветви власти: исполнительная – аппарат мэрии – и законодательная – муниципалитет). Дом современной мэрии состоит из разновременных построек. Более раннюю, угловую часть принято считать характерной постройкой в стиле раннего классицизма. Экстерьер отразил, как и в случае со многими другими нарядными и репрезентативными ярославскими зданиями, разные направления, существовавшие в России. Особенно интересен его западный фасад, имеющий четкую симметричную композицию. Ровно посередине были высокие, и, разумеется, тяжеловесные двери, точно над входом расположен традиционный треугольный фронтон. 1900 год принес перемены для дома. В эпоху эклектики гражданский инженер Н. Ю. Лермонтов разработал проект, направленный на расширение здания ярославского губернского земства. Согласно этому плану к дому вице-губернатора была пристроена трехэтажная центральная часть, соединяющая отдельно стоящие двухэтажные корпуса и бывшее здание бани. Здание превратилось в крупное и значимое для губернского города сооружение. С апреля 1917 года в только что перестроенном здании расположился Совет рабочих депутатов. В советское время дом занял горисполком. К сожалению, очень мало сведений о перестройках и реконструкциях, которые проводились в этот период, но важно, что особняк пережил две разрушительные войны, устоял и до сих пор служит примером провинциального классицизма. Интересной особенностью здания нынешней мэрии является то, что оно – одно из немногих, сохранивших свои общественно значимые функции на протяжении всей своей истории. Значение дома в городе, как показывает история многих старых «населенных пунктов», далеко не всегда определяется его непосредственным местоположением.

В *Ярославском художественном музее*, здание которого имеет неформальное наименование Губернаторского дома, в конце 1990-х годов возродилась традиция проведения под новый год губернаторских балов. Источники свидетельствуют о том, что в прежние времена балы проводились не в этом здании а в Доме призрения близкого. В доме же, где находилась резиденция ярославских губернаторов, в свое время проводились не балы, а приемы по торжественным случаям. Дому, построенному в 1823 году, смогли вернуть статус Губернаторского только в начале 1990-х годов. В музее проводятся настоящие, в старинном духе елки для детей от 3 до 9 лет. Дети чувствуют себя свободно и радуются всему, что им предлагается здесь, попадают сюда впервые на особый праздник, а потом возвращаются уже для встречи с искусст-

вом. В новогодние дни обязательно проводится игровая экскурсия, а родители в это время могут посетить экспозиции музея, выпить кофе или посмотреть кино.

Особую праздничность новогодним дням в Губернаторском доме придают концерты знаменитого ансамбля «Барокко», выступающего каждый год с абсолютно новой программой. А будни Губернаторского дома украсились воссозданным здесь кабинетом губернаторов – с портретами императоров, со старинными книгами за стеклами не менее старинных шкафов, с большим письменным столом. Кабинет придал вполне домашний характер старинному музейному зданию и сделал восприятие высоких государственных чиновников в какой-то мере лирическим: в обстановке дома видны люди, их характеры, интересы, привязанности.

Впервые дом под номером по волжской набережной 17/1, построенный на Волжской набережной и принадлежащий ныне Музею города Ярославля, упоминался в 1863 году. С 1890 года владельцем этого дома стал Василий Яковлевич Кузнецов, потомственный почетный гражданин Ярославля. Этот человек активно участвовал в общественной жизни Ярославля и жертвовал огромные суммы на восстановление церквей, за что был отмечен орденом святой Анны. Для обычного двухэтажного городского дома здание кажется чересчур нарядным. Особую эффектность придает ему не просто разнообразная лепнина, но по-своему роскошный, с львиными головами фриз, который при детальном рассмотрении удивляет многообразием и гармоничностью деталей. Окна второго этажа по обыкновению завершаются овалами, а небольшое крыльцо с достаточно массивными перилами вызывает в памяти русские терема. В 1985-1998 годы музей города Ярославля был филиалом Историко-архитектурного музея заповедника. И только в 1998 было принято решение о создании муниципального музея города Ярославля. Очень интересны временные экспозиции, которые устраиваются в Музее города. Была здесь выставка «Рождение колокола», посвященная истории колоколотейного дела, и в частности выставка продукции завода Николая Шувалова, о котором рассказывалось в одном из номеров журнала «Губернский город».

(2) *Особняки*, отличающиеся характерными для эпохи их строительства и специфическими для провинциального города архитектурными, планировочными, декоративными особенностями, ставшие местом *образовательной, культурной – общественно значимой – жизни региона* (главное здание ЯГПУ имени К.Д. Ушинского, Дом работников образования, Дом офицеров)

Зданию *Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского*, которое в «народе» называют

главным, а в официальных документах вуза числится под №1, больше 180 лет. Множество историй и судеб переплелись вокруг этого старинного дома. Поначалу он задумывался как камерный, а потом, волею новых обитателей, эклектично и странно разросся, поскольку ему на роду было написано стать не столько семейным, сколько учебным «гнездом». Впрочем, дух семейного, родственного, тесного человеческого общения продолжает витать в этом здании. Изначально здесь строился частный особняк семьи Горяинова – ярославского помещика и дворянина. Дом возводился на протяжении нескольких лет, и к 1818 году он уже стоял на перекрестке Духовской и Никитской улиц (ныне - Республиканской и Салтыкова-Щедрина).

Из семьи Горяиновых, для которых строилось это здание, здесь никто не жил. По разным причинам все разъехались. В 1848 году особняк был продан ярославскому дворянству, и властями там был организован Дворянский Клуб. В 1880 году бывший особняк Горяиновых был продан еще раз - теперь женскому духовному училищу. Училище предназначалось для девочек из семей ярославского духовенства. Его основателем был архиепископ Ярославской и Ростовский Ионафан.

Перестройки здания связаны с деятельностью крупнейших ярославских архитекторов. Для работы училища требовалась домовая церковь, которую планировалось пристроить к левому крылу корпуса (по Духовской улице). С момента своего основания в 1908 году учительский (а затем педагогический институт - университет) не менял своего адреса. Здание дома Горяиновых несколько раз перестраивалось для нужд университета, но больше не менялось капитально. Когда-то в этом здании располагались все факультеты педагогического института. И студентам исторического и филологического факультета тогда очень везло: можно было изучать историю и культуру XIX века, не отходя от учебного места. Сейчас университет с его десятью факультетами, более чем 50 кафедрами, диссертационными советами, лабораториями, разросся, сместился на соседнюю Которосльскую набережную; а в этом здании остался физико-математический факультет.

Наиболее интересной частью здания сегодня является его «центральная угловая часть» (так она называется в документах и в научных статьях) – она и есть «след» того самого, изначально построенного особняка Горяиновых, поскольку является самой ранней из сохранившихся построек. Интерес представляет уже сам фасад – округлый, торжественный, отчетливо организующий пространство вокруг себя. Здание Ярославского педагогического университета по своему экстерьеру напоминает архитектуру примерно

того же времени в Санкт-Петербурге. Проходя по улицам северной столицы, неоднократно можно встретить подобное решение архитектора. Двух-трех этажные здания с центрально-угловой частью и двумя крыльями отличаются только нюансами украшения фасада и тем, что в нашем случае к зданию была пристроена церковь. Отличается история конкретного дома - и почти не отличается время создания; основа классицистического стиля едина, и дома, построенные в разных городах, похожи.

Дом работников образования, который располагается в бывшем особняке семей Лопатиных и Донцовых, на улице Большая Октябрьская, 44/60, стал местом для общения учителей, для повышения уровня своего профессионального мастерства и, конечно, отдыха. Каким был этот дом до второй половины XIX века, сейчас, скорее всего, установить невозможно. В документах, на которые ориентируются сами работники Дома, он существует как памятник архитектуры именно этого периода. Понятно, что первоначально это было традиционное для эпохи классицизма здание с достаточно строгой планировкой и минимумом украшений, которые впоследствии приобрели эффектный и капризный рисунок рококо. Сейчас в нем проходят различные мероприятия с участием учителей и учеников, обучающие курсы, многое из того, что связано с конкурсом «Учитель года».

Дом офицеров помнит славу воинов 1812 года, видел победителей 1945 года. Он спокойно взирает своими окнами на срывающиеся у светофора иномарки и постоянно меняющиеся рекламные растяжки над дорогой. Здание с постаревшими интерьерами (а когда-то – «просто» жилое помещение помещика Шубина), но с незабываемой историей. Здесь не просто рассказывают о героях. Здесь бывали герои разных эпох. Вряд ли какой-то другой ярославский дом видел в своих стенах столько людей, совершавших подвиги и ковавших воинскую победу. Здание Дома офицеров является характерным примером классицизма, адаптированного к достаточно скромным потребностям частного заказчика из провинции.

(3) Скромные здания, в прошлом бывшие частными домами, предназначенные для обычной жизни, прошедшие в советское время через состояние разрухи или коммунального быта и обозначившие собой круг международных связей региона (*Дома дружбы*)

Дом дружбы «Ярославль-Пуатье» был открыт в 2001 году, разумеется, 14 июля. Уютный домик на площади Богоявления восстанавливался ярославскими архитекторами при активном содействии французских партнеров и стал любимым детищем мэрии города Ярославля и мэрии города Пуатье. Там регулярно проходят мероприятия, связанные с праздниками и традиционными обычая-

ми Франции, а некоторые арендаторы становятся постоянными друзьями. Востребован дом школьниками и студентами, которые пользуются библиотекой и медиатекой, и всеми, кто хочет овладеть французским языком.

Разрушенный особняк середины восемнадцатого века стал городским Джазовым центром и начал функционировать 29 мая 1999 года - в День города Ярославля. На тот момент он был первым и единственным «зданием для джаза» не только в нашей стране; таких специальных домов, где «хозяином» бы являлся именно джаз, не существовало во многих развитых европейских странах - Дании, Швеции, Германии. Он же по совместительству является и Домом дружбы «Ярославль-Берлингтон». Но круг друзей гораздо шире: это и Нью-Йорк, и Сиэтл, и Бостон, и Лос-Анджелес. Это, наверное, самый «общительный» дом на ярославской земле. В нем регулярно проходят концерты известных джазменов и джаз-бандов, а раз в два года к нам приходит фестиваль «Джаз над Волгой», в жизнь которого втягивается весь город.

Дом дружбы «Ярославль-Экстер» находится на одной из самых тихих улиц в центре города, улице Некрасова. Само здание - особняк XIX века. Нынешняя «версия» дома создавалась в английских традициях, чтобы добиться особой атмосферы и идеального сочетания традиций старины и современного комфорта. Дом дружбы обычно функционирует в «двойном режиме»: он открыт и для зарубежных гостей, и для желающих изучать английский язык, и, конечно, для тех, кто уже прекрасно владеет английским и приходит сюда для интересного общения. У этого домика есть замечательный дворик. Особое очарование придает ему фантастическое существо, парящее над мраморным столбиком: то ли ребенок, то ли ангел, охраняющий этот дом.

Дом российско-германской дружбы «Ярославль-Кассель» был открыт первым из своих собратьев, в День города Ярославля (полагаем, именно так была заложена традиция открытия остальных домов дружбы именно в этот праздник), 28 мая 1994 года. Для проходящих по Советской улице он, со своим зеленоватым цветом деревянной обшивки - неказистый, может быть, не слишком богатый убранством, зато – живой. Живой за счет жизни, которая кипит в нем и летом, и зимой, и утром, и вечером. Как смогли, внесли уют и комфорт дизайнеры, обустроили постоянные обитатели, и уже не могут без него ежедневно посещающие его школьники и студенты (в рамках этого центра постоянно работают курсы немецкого языка по модели Института им. Гете), те, кому интересна немецкая культура, немецкий язык и Германия.

(4) Наконец, здания, которые с точки зрения художественной ценности являются скромными, хотя и типичными образцами провинциального быта, но по своему культурному наполнению жизни по личностному модусу значимыми. Это касается как домов, ставших местом «обитания» так называемых *учреждений культуры* (Детская школа искусства им. Собинова, Центр современного искусства – бывший кинотеатр «Арс», завершающий свою жизнь в одном из зданий Казанского женского монастыря Планетарий), так и совершенно обыкновенных с точки зрения их визуальных характеристик, однако значимых в силу жизненных историй людей *жилых домов* в центре города.

Есть такие дома в любом старинном городе мира: вроде бы стоят в общем ряду, вдоль улицы, не выделяясь ни этажностью, ни декором. Однако – и не простые это дома. Таков дом на Республиканской, 56, где уже более 40 лет живет Музыка, где работает старейшая в городе и одна из старейших в России *детская музыкальная школа* (ныне Детская школа искусств). Документы, которые сохранились в соответствующих отделах мэрии и архивах, говорят о том, что здание, где сейчас располагается здание Детской школы искусств №1 им. Л. Н. Собинова, было построено в конце восемнадцатого века. До разработки регулярного плана Ярославля, то есть до 1778 года, на этом месте располагались деревянные дома вдоль трассы улицы Духовской (нынешняя улица Республиканская). После того, как город начал перестраиваться по регулярному плану, Духовская улица была расширена и выпрямлена. В разное время домом владели титулярный советник Карл Шенберг (1847 год), В. Т. Манулевич (1877 год). Позднее в доме располагались крестьянский банк, мастерские портнихи, больница и квартира князя Урусова. С 1899 года в здании по улице Духовской поместилось Ярославское Городское общество – сиротский дом имени Друженковых. Именем супружеской пары – Дмитрия Алексеевича и Анны Николаевны – сиротский дом (как и приют) был назван потому, что эти благотворители занимались строительством и содержали эти заведения. На тот момент, когда дом перешел в руки музыкальной школы, памятник архитектуры находился в неудовлетворительном состоянии. Реставраторы зафиксировали локальные просадки фундамента и трещины по все фасадам, преимущественно в области цокольного этажа. В архитектуре этого дома не был использован достаточно традиционный для того времени принцип осевой симметрии фасада. Дом построен при помощи приема зеркальной симметрии, что похоже на русские терема и стилизовало традиции древнерусского зодчества.

История этого здания в определенной степени отразила историю музыкальной жизни в Ярославле. В конце девятнадцатого века эта жизнь складывалась в основном из благотворительных концертов, музыкальных вечеров и из концертов, которые давали гастролеры, чаще всего московские. В самом начале двадцатого века, а точнее – в 1903 году в нашем городе открылось отделение Императорского русского музыкального общества, цель которого была поднять на новый, более профессиональный уровень музыкальную жизнь.

Документы о доме по нынешней улице Свердлова сохранились, и из них следует, что здание бывшего кинотеатра «Арс» было построено за фантастически короткое время. Мартом 1913 датированы разрешительные документы, а в ноябре того же года в ярославской прессе появилась информация об освящении дома, что означало завершение строительства. Дом являет собой смесь провинциального модерна (основная лестница, расположенная не в центре, а сбоку, небольшие объемы помещений, то окружающих одно из них, то расположенных анфиладой) с легкими отсылками к классицизму и, скажем так, благоговейными «извинениями» перед ним (прямые линии стен и контуры оконных проемов). На рубеже 1914–1915 годов в новом и красивом доме был размещен лазарет. С кинематографом судьба здания оказалась связанной с 1924 года, когда сюда переехал кинотеатр «Арс». Решили, что «Арс» будет местом встречи интересующихся современным искусством людей, которых ходят в театр, читают книги, знают толк в изобразительном искусстве, а раз место встречи – то «центр», Центр современного искусства «АРС – форум».

Драматичную «судьбу» имеет дом номер 20 по улице Трефолева, где сегодня (вплоть до близящегося переезда в новое, специально построенное здание) располагаются ярославский *планетарий* и до недавнего времени работал *Провинциальный колледж*. Здание входит в ансамбль Казанского монастыря. Именно эта его часть (Покровская церковь) имела тяжелую судьбу. Сначала уничтожили колокольню, потом «поселили» туда библиотеку. Во время Великой Отечественной войны нынешнее здание планетария перестраивали. Уже в наши дни постановлением мэра Ярославля был образован городской научно-педагогический центр (Провинциальный колледж-планетарий). С 1992 года Провинциальный колледж стал тем местом, где дают знания очень высокого уровня. Его выпускники – желанные студенты всех вузов. Именно на базе Провинциального колледжа была организована городская программа для школьников, а впоследствии Российская научная конференция школьников «Открытие».

Дом под номером 2-а по улице Чайковского – довоенный, построенный еще в 30-х годах прошлого века. Вначале это был очень престижный дом, в котором жила тогда еще пединститутская элита. Сорок с лишним лет назад здесь были коммуналки, в которых обитали будущие профессора. С этим домом связаны имена знаменитых в нашем городе и далеко за его пределами профессоров и преподавателей. И тех, кто составлял славу этого вуза несколько десятилетий назад (как, например, профессор-лингвист Г.Г. Мельниченко или ректор – поочередно – педагогического и вновь созданного Демидовского, Л.В. Сретенский), и тех, чьими трудами вуз живет сегодня.

В нашей небольшой антологии был и дом, построенный напротив главного корпуса Ярославской медицинской академии, где оказался он, как я полагаю, не случайно. Его адрес - *Площадь Челюскинцев, 13/6а*. Этот дом с начала своего существования (с 1955 года) принадлежал ярославской медицинской академии, вернее, тогда - ярославскому медицинскому институту (строился для профессуры). Хотя некоторые жильцы в этом доме менялись, но профессия большинства из них осталась неизменной – врач (большинство также преподает в медицинской академии). Говоря об этом доме, нельзя обойти вниманием семью бывшего ректора Н.Е. Ярыгина; правда, сейчас уже никто из здешних жителей не носит эту фамилию, но именитые врачи живут там до сих пор.

Таким образом, в региональном деловом журнале образ города был представлен не только как место застройки, не только как сеть магистралей, предназначенных для проезда, но как духовно обитаемая среда. Рядом с прагматическим аспектом был утверждён аспект социально-нравственный.

Примечания

1. Горшкова, В.В. Добрякова, О.И., Полознев, Д.Ф., Рутман, Т.А. «Золотой век» Ярославля: Опыт культурографии русского города XVII – первой трети XVIII века [Текст] / В.В. Горшкова и др. – Ярославль : «Александр Рутман», 2004.

2. Жельвис, В. И. Прогулки по Ярославлю [Текст] : путеводитель / В. И. Жельвис. – Ярославль : Верхняя Волга, 2001.

3. Злотникова, Т.С. Ярославль: жизнь людей, их тревоги и заботы [Текст] / Т.С. Злотникова // Безопасность Евразии. – 2003. – №3 (13).

4. Кудряшов, М.Н. Архитектура современного российского города: инверсия и интерпретация постмодернизма [Текст] : автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. иск. / М.Н. Кудряшов. – Ярославль, 2006.

5. Лотман, Ю.М. Архитектура в контексте культуры [Текст] / Ю.М. Лотман // Лотман, Ю. М. Семиосфера. – Спб. : Искусство, 2004.
6. Марасанова, В. М. Летопись Ярославля: 1010 – 2010 [Текст] / В. М. Марасанова. – СПб. : ИД «Морской Петербург», 2007.
7. Маров, В.Ф. Ярославль: Архитектура и градостроительство [Текст] / В.Ф. Маров. – Ярославль: Верхнее-Волжское книжное изд-во, 2000.
8. Мейерович, М. Г. Так начинался Ярославль [Текст] / М. Г. Мейерович. – Ярославль : Верхне-Волжское изд-во, 1984.
9. Рутман, Т.А. Храмы и святыни Ярославля [Текст] / Т.А. Рутман. – Ярославль : «Александр Рутман», 2005.
10. Стовичек, М.В. Изменения архитектурной среды Ярославля на рубеже XIX-XX веков (на примере главного здания ЯГПУ) [Текст] / М.В. Стовичек // Ярославский педагогический вестник. – 1998. – №3. – С. 139-142.

УДК 008(1-6)

К.Д. Заостровцев

Образ Ярославля в Интернете

Ярославль, который совсем недавно встретил свое тысячелетие, выбрал для своего позиционирования достаточно интересный слоган – «Древний город, устремленный в будущее».

Безусловно, для современного города важна инфраструктура, в том числе и туристическая. Исторический центр города, расположенный у слияния рек Волги и Которосли, является объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО. Ярославль традиционно считается одним из основных объектов Золотого кольца России.

Одним из способов для привлечения туристического потока областью было выбрано развитие интернет-площадок, которые могут представить город в нужном свете, показать его культурное, историческое и экономическое значение не только для России, но и мира в целом.

Интернет уже давно позволяет, не покидая своего рабочего места, ознакомиться с регионом, его устоями, изучить и забронировать места в гостинице, определить для себя места посещения.

Данный доклад направлен на оценку представления Ярославля в мировой сети Интернет. Насколько город готов к принятию гостей? Насколько он может обеспечить жителей других регионов информацией для решения своих задач внутри региона?

Другим аспектом доклада станет понимание того, насколько интернет-площадки удобны для жителей города.

В современном мире имеет место конкуренция территорий (городов, стран, регионов) между собой, главной целью которой является привлечение потребителей в виде населения (трудовых ресурсов), инвесторов, туристов и т.п.

Все больше стран и городов целенаправленно занимаются маркетингом своих территорий, формированием своего территориального бренда, которые обуславливают инвестиционную и туристическую привлекательность местности. Таким образом, особенно в условиях глобализации, постоянного роста конкуренции, уравнивания условий хозяйствования на различных территориях, маркетинг территории, ее имидж и бренд выходят на первый план при сравнении примерно равных по условиям хозяйствования и проживания географических зон.

Одновременно можно говорить о том, что комплексный маркетинг и брендинг территории являются такими же важными задачами для государства в целом и его регионов, которые необходимо решать наравне с традиционными задачами, например, создание благоприятных условий жизни для местного населения.

Очевидно, что вложения в бренд территории в тех случаях, когда не решены элементарные проблемы с предоставлением комфортных условий жизни для населения, а также благоприятных условий хозяйствования для предпринимателей, вряд ли будут прибыльными. Однако для многих российских территорий, регионов и городов момент, когда необходимо реализовывать программы комплексного маркетинга и брендинга, уже наступил.

В настоящее время выделяются следующие тенденции в сфере брендинга территорий. Прежде всего, маркетинг и брендинг территории становятся важнейшими составляющими социально-экономической, политической и международной политики органов государственного и территориального управления, особенно для стран, активно оперирующих на глобальном рынке туризма. Отражается этот факт не только в том, что повсеместно создаются городские маркетинговые агентства или офисы по туризму, но и в том, что создаются новые должностные позиции - бренд-менеджеров стран (например, в США). Кроме того наблюдается значительный рост бюджетов на брендинг территории, особенно для стран, имеющих прямых конкурентов на рынке территорий. Рост взаимного влияния имиджей (брендов) территорий и произведенных на них товаров, которое создает системный синергетический эффект в виде роста экономической устойчивости и долгосрочной рыночной конкурентоспособности тех и других, а также рост влияния дизайнера

бренда территории на его привлекательность являются важными трендами развития явления территориального брендинга.

Вместе с тем брендинг территории требует активного внедрения своей визуальной составляющей, которая определяется существованием эмоционально привлекательного символа (логотипа), отражающего его стиль, атмосферу и настроение.

Рост привлекательности территории и ее узнаваемости обусловлен влиянием символа бренда на поведение потребителей и формирует символический бренд-капитал территории.

Вместе с тем, многие территориальные власти, которые уже начали процесс создания территориального бренда, не осознают до конца важность грамотного проектирования бренда, поиска территориальной идентичности, роли визуальной политики, а главное, того, что территориальный брендинг создается не только для внешних, но и для внутренних потребителей, то есть для жителей данной территории.

Для того, чтобы оценивать эффективность реализуемого бренд-проекта территории, выделяют следующую структуру системы показателей, которая состоит из пяти групп показателей:

- Показатели стратегической эффективности брендинга города. Эта группа показателей фактически состоит из формализованных целей, которых хочет достичь территориальная администрация за счет реализации целевой программы, в которой брендинг используется как инструмент достижения целей. Стратегические цели могут быть выражены не только экономическими показателями, но и неэкономическими (например, привлечение в город 5 млн. туристов).

- Показатели коммуникативной эффективности брендинга города. К таким показателям следует отнести динамику узнаваемости бренда города, отношение целевых потребителей к бренду города, запоминаемость бренда, знание конкурентных преимуществ города и т.п.

- Показатели текущей экономической эффективности брендинга города: затраты на брендинг, доходы от реализации целевой программы.

- Показатели динамики символического бренд-капитала города. Для получения такого показателя, характеризующего силу бренда города в мировом масштабе, необходимо включить город в состав городов, подлежащих такой оценке – например, в рейтинг С. Анхольта и GMI.

- Нормативные показатели эффективности брендинга города. Нормативные показатели должны определяться и корректироваться ежегодно на основе бенчмаркинговых исследований эффективности брендинга в других городах мира. Это позволит территориальным

органам власти иметь четкие представления об уровне экономической и других видов эффективности брендинга, что определит оптимальный подход к формированию бренд-бюджета города.

Город Ярославль глазами русскоговорящих туристов

Для того, чтобы оценить Интернет глазами туристов, нужно использовать основные пути нахождения информации обычными людьми.

Википедия

Википедия (англ. Wikipedia) – свободная общедоступная многоязычная универсальная интернет-энциклопедия, поддерживаемая некоммерческой организацией «Фонд Викимедиа». Название образовано от слов «вики» (технологии для создания сайтов) и «энциклопедия».

Более 17 миллионов статей Википедии (на русском языке — 615 903 статьи) написаны совместно добровольцами со всего мира, и почти все эти статьи могут быть изменены любым посетителем сайта. Участников Википедии называют википедистами.

Ярославлю посвящено две большие статьи. Первая находится по тегу «Ярославль» (<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AF%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D1%8C>), вторая «1000-летие Ярославля» (http://ru.wikipedia.org/wiki/1000-%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B8%D0%B5_%D0%AF%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D1%8F).

В первой статье рассмотрены вопросы общей истории города, известных людей, инфраструктуры города. К сожалению, в статье отсутствует «полезная», практическая информация для туристов. Существуют лишь упоминания о гостиницах (четырёх), но без какой-то информации о ценах, телефонах и даже гиперссылок на эти сайты.

Хорошо, что дана информация о культуре – упомянуты основные музеи, театры. Но опять же без гиперссылок на сайты-первоисточники и контактной информации.

Во второй статье, наоборот, дана подробная информация о праздновании города (с расписанием мероприятий, мест проведения развлекательной программы).

В целом, зайдя в Википедию, человек может узнать информацию об истории города, посмотреть на фотографии Ярославля – и все.

Поисковые системы

Яндекс

По запросу «Ярославль» поисковая система предлагает посмотреть следующие сайты:

Место	Сайт	Ссылка	Оценка полезности (по пятибалльной шкале)	Наличие английской версии	Комментарий
1	Официальный сайт города Ярославля	www.city-yar.ru	3	Да	Сайт мэрии города Ярославля. Потенциальный посетитель города помимо официальной информации может узнать о выставках, истории города, гостиницах, ресторанах, кинотеатрах города. К сожалению, информация устаревшая – многих новых заведений просто нет в списке.
2	Ярославль — Википедия	ru.wikipedia.org/Ярославль	3	Нет	Про Википедию есть отдельная часть настоящего доклада
3	Ярославль и Ярославская область - информационный портал	www.yarcom.ru	4	Нет	Достаточно подробно расписаны все места посещения города, куда и как можно сходить. Есть даже афиша, которая может сориентироваться по времени мероприятия. К сожалению, не все разделы заполнены (особенно это касается музеев).
4	Ярославль online. YarLand.ru - сайт города Ярославля	YarLand.ru	4	Нет	Классический информационный сайт о городе. Есть афиша, новости города. В целом хороший ресурс, который может помочь потенциальному гостю города разобраться в многообразии предложений. Конечно же, на сайте присутствует не все значимые места города. Информация частично устарела.
5	Панорамы города Ярославля, фото Ярославль, достопримечательности	360yaroslav1.ru	5	Нет	Оригинальный сайт, который представляет город через фотографию. Постоянно обновляются 3D-панорамы города. Существует актуальная афиша и карта города. К сожалению, нет английской версии.
6	Ярославль - Yaroslavl	culture.yarcenter.ru	5	Да	Сайт, который заявляет, что он является окном в культурный мир Ярославля. Первый «тематический» ресурс, который полностью оправдывает свое название. Есть материалы на двух языках, афиша культурных мероприятий города.
7	Ярославль - ... церкви и памятники, отдых и	www.yaroslav1ru.ru	3	Нет	Достаточно удобный сайт для изучения гостиниц, ресторанов и так далее. Даны вырезки из меню (не самые последние, но ориен-

	экскурсии в городе Ярославль				тир по ценовой политике можно узнать).
8	Электронный Ярославль – портал Ярославля и Ярославской области	yar-net.ru	3	Нет	Похож на сайт yarland.ru – та же концепция, те же разделы.
9	Ярославль: информационный портал - Главная страница	www.yaroslavl.biz	3	Нет	Новый сайт, который почти не наполнен. Зато есть узконаправленные новости, посвященные бизнес-сообществу города.
10	Ярославль и Ярославская область: справочник предприятий	www.infoyar.ru	1	Нет	Самый обычный ресурс, который собрал в себе все компании города. Больше рассчитан на внутреннее использование. Практической пользы для иногороднего жителя практически не имеет.

Средний уровень полезности сайтов: 3,4 балла из 5.

Наличие английской версии сайта: 2 из 10.

Google

В данном разделе будут рассмотрены только ресурсы, которые не вошли в список Яндекса.

Место	Сайт	Ссылка	Оценка полезности (по пятибалльной шкале)	Наличие английской версии	Комментарий
4	Гостиницы Ярославля, квартиры посуточно в Ярославле	http://yar-nasutki.ru/	5	Нет	Незаменимый сайт для тех, кто не хочет останавливаться в гостиницах города. Он может остановиться в мини-отеле, о которых он может узнать на сайте.
5	№44 - Родной город Ярославль – Город Ярославль	http://www.yar.rodgor.ru/	4	Нет	Сайт газеты «Родной город» - единственное СМИ, которая вошло в ТОП-10 поисковых систем. Помимо новостных материалов и анонса нового номера – присутствует классическая афиша, рестораны и кафе. Информация о гостиницах отсутствует.
6	Ярославль. Ярославский городской портал.	http://www.vyaroslavle.ru	2	Нет	Очень аскетичная афиша, никакой дополнительной информации о городе нет.

7	Город Ярославль и Ярославская область	http://www.yarosinfo.ru/	1	Нет	На сайте присутствуют новости города и незаполненный справочник компаний. Ориентироваться на этот ресурс точно не стоит.
10	Ярославль – город с тысячелетней историей	http://www.yargid.ru	4	Нет	Цель данного некоммерческого интернет-проекта: рассказать жителям и гостям города, а также людям, которые ни разу не были в нашем городе, о его истории, архитектуре и достопримечательностях. Присутствует отличительная особенность – на сайте есть старые фотографии Ярославля. Наверное, это единственная сильная сторона этого сайта.

Средний уровень полезности сайтов: 4,3 из 5.

Наличие английской версии сайта: 0 из 6.

Итого по поисковым системам

В целом, ситуация не самая плохая (все-таки средний уровень 3,85, т.е. 3 с плюсом), но городу есть точно к чему стремиться для представления себя на территории России.

Узнать полноценную информацию о городе нельзя ни на одном (!) ресурсе, посвященном Ярославлю. Практически везде информация устаревшая. Если человек будет ориентироваться на сайт, то он легко может получить недостоверную информацию.

Единственная сильная сторона сайта – это историческая справка о городе. В первую очередь, это заслуга Википедии и сайта с историческими фотографиями города.

Социальные сети

Если рассматривать социальные сети, то вКонтакте отсутствует информация о Ярославле (имеются в виду группы). Предлагаются одежда в Ярославле, салоны по наращиванию ногтей и волос.

В Facebook ситуация чуть лучше – существует группа «Ярославль» - <http://www.facebook.com/group.php?gid=103386025572>. В ней на сегодняшний день присутствует всего 227 пользователей, что составляет порядка 0,03% от общего количества жителей города Ярославля.

Иностраный турист

Если с российской стороны Интернета о Ярославле еще более-менее ясно, то в западной картина еще более удручающая.

Википедия

Английский вариант Википедии (<http://en.wikipedia.org/wiki/Yaroslavl>) предлагает еще более скромные сведения о городе.

Тут энциклопедические знания об истории, транспорте и церквях города. Никакой конкретной информации о местах, которые можно посетить, ни конкретных мест, где можно остановиться и пожить.

Единственное, что радует, – это ссылки внизу, которые ведут на:

1. Ярославский английский форум (на самом деле ведет на раздел ЯрПортала на английском языке).
2. Сайт Волковского театра.
3. <http://yarfor.me/> - единственный сайт на английском языке о Ярославле.

Все остальные сайты из ссылок ведут на русскоязычные сайты, в которых иностранец вряд ли будет разбираться.

Во всемирной энциклопедии «Википедия» по сути только 3 (!) страницы, которые могут ему помочь понять город Ярославль.

Поисковые системы

Yahoo.com

Место	Сайт	Ссылка	Оценка полезности (по пятибалльной шкале)	Комментарий
1	Yaroslavl - Wikipedia, the free encyclopedia	en.wikipedia.org/wiki/Yaroslavl	3	Про Википедию информация дана ниже.
2	Guide to Yaroslavl waytorussia.net page	www.waytorussia.net/GoldenRing/Yaroslavl/Guide.html	2	Предоставлена краткая информация о гостиницах, историческая справка. Но номера телефонов даны со старым кодом города, поэтому вряд ли турист дозвонится. Никаких ссылок не было предоставлено.
3	Yaroslavl Oblast - Wikipedia, the free encyclopedia	en.wikipedia.org/wiki/Yaroslavl_Oblast	2	Очень сухая справочная информация, но при этом обновлена – есть информация о том, что губернатор Сергей Вахруков.
4	Yaroslavl For Me	yarfor.me	3	Симпатичный ресурс, правда, малоинформативный. Сайт представляет собой блог, в который размещают фотографии и какие-то новости. Единственный «живой» сайт, который обновляется с постоянной периодичностью.
5	Yaroslavl Facts,	www.encycloped	2	Судя из названия – это «Факты о Яро-

	information, pictures Encyclopedia.com	ia.com/topic/Yarosavl.aspx		славле». Помимо этого, предоставлены статьи о Ярославле и выдержки из YouTube, которые имеют тег «Yarosavl»
6	Yarosavl - Kosmix : Reference, Videos, Images, News	www.kosmix.com/topic/Yarosavl	2	Опять же сухие факты (население, основные исторические вехи).
7	Yarosavl	www.sras.org/yarosavl	2	О Ярославле буквально одна статья, которая знакомит с базовыми данными о городе.
8	Yarosavl travel guide - Wikitravel	wikitravel.org/en/Yarosavl	3	Сайт, который, судя по разделам, должен предоставить потенциальным туристам информацию о местах размещения, ресторанах и кафе. Но разделы не заполнены, причем на сайт их может разместить любой пользователь (или владелец заведения).
9	Yarosavl: Facts, Discussion Forum, and Encyclopedia Article	www.absoluteastronomy.com/topics/Yarosavl	3	Статья, скопированная из английской Википедии.
10	Volunteer Abroad in Yaroslavl, Russia, with Cross-Cultural	www.crosscultural.org/.../yarosavl.aspx	1	Даны устаревшие факты (неправильные цифры о населении города). Практической пользы не имеет.

Средний уровень полезности сайтов: 2,3.

Ярославскому региону стоит гораздо сильнее задуматься о своем внешнем виде в среде Интернет, потому что на сегодняшний момент информации явно недостаточно.

В условиях жесткой межрегиональной конкуренции возрастает роль позиционирования, позволяющего региону привлекать и наращивать ресурсы для своего развития. Еще в позапрошлом веке русский экономист И. В. Вернадский писал: «Каждая местность имеет свой идеал, каждая страна – свои формы совершенства, чуждые другой, под иными условиями стоящей местности. В этом-то преимущественно и кроется главная причина того различия, которое существует в хозяйственном, общественном и политическом положении». Цель регионального позиционирования – выделить эти ключевые характеристики, выявить, а и в некоторых случаях и создать, четкие ориентиры, указывающие на территориальные особенности.

Для формирования уникального имиджа региона – территориального бренда – используются особенности территории, необычные исторические факты, события, иногда даже выдуманные, так же как и специально созданные яркие культурные события.

Все рассмотренные бренд-проекты как центрального федерального округа, так и северо-западного считаются успешными, хотя, конечно, они не очень удачные. В средствах массовой информации их довольно резко критиковали, к примеру, резкие нега-

тивные оценки высказывались в отношении таких брендов, как туристический «Ярославль – древний город, устремленный в будущее», «Рязань – душа России», «Тверская земля – это русская мечта» и др. Главным промахом эксперты посчитали то, что такие бренды совершенно не способны подчеркнуть уникальность территории, выделить ее среди остальных.

Ярославль с этой позиции воспринимается совсем слабо.

Библиографический список

1. Ф. Котлер, К. Асплунд, И. Рейн, Д. Хайдер. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. [Текст] Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005.

2. Спицын, В.В. Стратегии маркетинга региона: понятие, виды, место в стратегии развития региона // Экономика Региона, декабрь 2007, №18, (<http://journal.vlsu.ru/index.php?id=1832>).

3. ИД Собеседник
(http://www.sobesednik.ru/leisure/exhibition/museum_sawhorse/)

4. Лапочкина, В.В. Формирование имиджа туристских территорий [Текст] : автореферат. – Москва, 2008.

5. Управление развитием городов и регионов
(<http://kirgach.oakiz.ru/obzor/spkkirgach/1.php>)

6. Щербо, Г. Новая экспортная отрасль [Текст] // Эксперт, 2008. – № 43.

7. Информационный маркетинг региона как фактор экономического роста. (<http://kuibishev.narod.ru/work.htm>)

8. Александр Сычев. Дающий обретает, а не теряет [Текст] // Эксперт. – 2008. – № 43.

9. Юрий Сахаров. Ребрендинг в кратчайшие сроки [Текст] // Эксперт. – 2008. – № 43.

10. Галина Щербо. Средство от депрессии [Текст] // Эксперт. – 2008. – № 43.

11. <http://promisly.ru/>

12. <http://www.mininvest.ru>

13. «В Мышкин хотят все чаще»
<http://www.tourdom.ru/news/?read=15582>

14. «Экологический туризм в России. Отдых в национальных парках» www.adrenalinetour.ru/ecotours.html

Н.В. Киселева

Место изучения культуры родного города в современном образовательном пространстве

Современное российское образование переживает еще одну реформу. С 2011 года все образовательные школы (1 классы) переходят на новый федеральный государственный образовательный стандарт. Его ядром стала концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. Задача общеобразовательных учреждений – «воспитывать гражданина и патриота, раскрывать способности и таланты молодых россиян, готовить их к жизни в высокотехнологичном конкурентном мире. При этом образовательные учреждения должны постоянно взаимодействовать и сотрудничать с семьями обучающихся, другими субъектами социализации, опираясь на национальные традиции» [1, с. 6] В педагогическую практику вводятся такие понятия, как «современный национальный воспитательный идеал», «базовые национальные ценности», «духовно-нравственное развитие». На первом месте источником нравственности определен патриотизм (любовь к России, к своему народу, к своей малой родине; служение Отечеству). Известно, что любовь к Родине рождается из любви к своей малой земле.

На федеральном уровне еще в рамках Федерального компонента государственного стандарта общего образования 2004 года по учебным предметам «Искусство (музыка и изобразительное искусство)» (8 класс), «Историческое краеведение» (9 класс) и «Мировая художественная культура» (10-11 класс) обозначено место изучения культурных традиций родного края.

Методистами института развития образования (ИРО) г. Ярославля разработаны 2 краеведческих модуля по 17 часов в рамках учебных предметов «Музыка» и «Изобразительное искусство».

Основной идеей курса по изобразительному искусству в 8 классе [2] является изучение синтеза искусств в архитектуре, дизайне, полиграфии, формирующих художественно-образное мышление, духовно-нравственное мировоззрение, эстетические идеалы.

Для знакомства с теоретическим материалом по видам архитектуры учителям предлагается использовать архитектурные сооружения Ярославля и области, планы микрорайонов и районных центров, ландшафтную архитектуру набережных рек Волги и Которосли, оформление улиц, парков, зон отдыха и др.

Для изучения архитектурных стилей и композиций рекомендуется использовать ярославские памятники архитектуры клас-

сицизма, модерна, новорусского и псевдорусского стиля, современные жилые постройки XIX-XX в., храмовую архитектуру XVI-XVIII в., отдельные элементы архитектуры (архитектурный орнамент в оформлении окон и карнизов, архитектурные решетки, ярославские изразцы и др.).

Школьникам предлагается познакомиться с творчеством русских архитекторов А.А. Никифорова, П.Я. Панькова, Н.И. Поздеева, Н.Д. Раевского, Т.П. Садовского, Г. Саренко, Н.А. Спирина, В.А. Шульрихтера, Ф.О. Шехтеля, построивших в разное время и в различных стилях памятники архитектуры в Ярославле и области.

Тему синтеза архитектуры и дизайна предлагается раскрыть и на примере оформления интерьеров и экстерьеров в местных церквях, монастырях; ярославских усадьбах; Спасо-Преображенском архитектурном музее-заповеднике; бывшем Доме губернатора и др.

Используя местную печатную продукцию, учитель знакомит учащихся с полиграфией, типографическими шрифтами, печатными иллюстрациями, газетными рисунками. Кроме этого учащиеся на уроках изобразительного искусства изучают коллекцию шрифтовых, гербовых и фамильных книжных знаков (экслибрисов) XVII в., оставленных местными купцами и посадскими людьми; богатейшие местные коллекции экслибрисов XVIII-XIX в. Е. Минаева и В.В. Ашика; современные экслибрисы XX в. С. Глушко, С.Г. Ивенского, Д. Реутова и др. Школьникам предлагается познакомиться с оформлением древних книг, редких текстов, с уникальными иллюстрациями и детскими книгами XIX-XXI вв. Е. Поленовой, М.В. Нестерова, И. Билибина, С.В. Чехонина, В. Шлюндина, В. Курова, О.П. Отрошко, И. Сакурова и др.; с почтовыми открытками и иллюстрациями ярославской художницы Е.М. Бём, выполненными к детским книгам ярославского поэта Н.А. Некрасова; с оформлением первого русского провинциального журнала «Уединенный пошехонец», местной газеты «Ярославские губернские ведомости». Здесь же акцент делается на анализе иллюстрации В.А. Фаворского к «Слову о полку Игореве» – памятнику культуры XII в., обнаруженному А.И. Мусиным-Пушкиным в Ярославской Преображенской церкви. А для изучения полиграфической продукции рекомендуют использовать афиши к спектаклям первого русского национального театра им. Ф.Г. Волкова.

Изучение музыкальной культуры родного края является важной составляющей частью школьного музыкального образования, которое реализуется в государственном образовательном стандарте и находит претворение в следующих формулировках: «панорама музыкальной жизни родного края и музыкальные тра-

диции, придающие самобытность его музыкальной культуре; конкурсы и фестивали юных музыкантов как формы творческого самовыражения учащихся и демонстрации их достижений в области музыкального искусства как возможность открытия новых дарований; знакомство с творчеством региональных музыкальных коллективов и солистов – исполнителей народной, академической и эстрадной музыки; раскрытие панорамы современной музыкальной жизни страны и мира на примере ознакомления с исполнительским искусством наиболее признанных участников центров отечественной (в том числе региональной) музыкальной культуры и музыкального образования».

Опираясь на данные формулировки, С.А. Томчук и О.М. Фалетрова разработали краеведческий модуль «Музыкальные традиции Ярославского края» [3].

Данный модуль знакомит учащихся с музыкальным фольклором Ярославля, в котором отражены жизнь Ярославля и образы ярославцев, а также музыкальное воплощение в фольклоре творчества великих ярославских поэтов Л.Н. Трефолева, И.З. Сурикова, Н.А. Некрасова («Песня о камаринском мужике», «Коробейники»), и с собирателями ярославского музыкального фольклора, и с основными чертами современной ярославской частушки. В центре изучения находятся традиции ярославских и ростовских колокольных звонов.

Модуль предусматривает отдельное изучение творчества В. Зиновьева и Л.В. Собинова. Но не остаются без внимания музыкальные таланты ярославской земли (И.В. Попков, А.И. Колбешин, В.А. Челноков, А.А. Савельев, Н.И. Аязян, Я.Л. Казьянский, А. Хрипкова и т.д.), их творческие достижения.

Отдельное внимание уделяется ярославскому симфоническому оркестру и знаменитым ярославским дирижерам, руководившие симфоническим оркестром в разные годы (А.Е. Уманский, Ю. Аранович, В. Барсов, И. Головчин, В. Вайс, М. Аннамамедов и другие); ярославскому органу и творчеству Л.Б. Шишхановой; музыкальным коллективам города.

Завершается модуль обзором современной культурной жизни Ярославля.

В ходе изучения музыкальной жизни Ярославской земли предполагается посещение дома-музея Л.В. Собинова, концертных залов Ярославля, джазового центра, экскурсии по музею Д. Мостославского «Музыка и время».

Введенный в 2004 году учебный предмет «Историческое краеведение» знакомит учащихся с историей Ярославля с древнейших времен и до наших дней. Программа разработана методи-

стом ИРО Л. Харитоновой. На данный предмет отводится 34 часа учебного времени, 3 из которых посвящены культуре Ярославского края. Учащиеся знакомятся с культурным развитием края в XVI – XVII века, социально-экономическим и культурным развитием края первой половины XIX века, общественно-политическим и культурным развитием края в конце XIX – начал XX веков.

Федеральный базисный учебный план для образовательных учреждений Российской Федерации отводит 70 часов на обязательное изучение учебного предмета «Мировая художественная культура» на ступени среднего (полного) общего образования на базовом уровне [4], в том числе в X и XI классах по 35 часа, из расчета 1 учебный час в неделю. Изучение мировой художественной культуры построено на логике исторического линейного развития от культуры первобытного мира до культуры XX века. Сквозной линией через весь курс мировой художественной культуры проходит тема «Культурные традиции родного края», которая предполагает изучение регионального варианта культуры, в том числе историко-этнографическое и краеведческое исследование местных объектов культуры, народных традиций и обычаев в рамках проектной деятельности с соответствующей фиксацией и презентацией результатов (зарисовки, фото- и видеосъёмка, запись фольклора и «устных историй», создание музея школы, сайта и т. д.). Этот раздел реализуется за счёт национально - регионального компонента или компонента образовательного учреждения, но, как показывает опыт работы, отдельного времени на изучение культуры родного края не отводится. Учитель исходит только из тех часов, которые отведены ему на изучение мировой художественной культуры.

Таким образом, федеральный компонент государственного стандарта общего образования в 2004 году четко определил место изучения культуры родного города. К сожалению, учебно-методических комплексов, включающих учебник, рабочие тетради, CD диски, методические пособия для учителя, на сегодняшний день нет. Нет программ, нет дидактических и методических материалов, но существуют учебные пособия, мало связанные между собой и по большей части направленные на изучение истории региона.

В 2000 году появляется учебное пособие для старшеклассников «Православие и русская культура» (авторы Ю.Я. Колбовский и Т.А. Степанова), но оно не ставит во главу угла ярославскую культуру. Книга знакомит учащихся со Священной историей Ветхого и Нового Заветов, христианскими догмами, православным культом в том числе, чтобы «сделать понятным смысл и содержание соответствующих произведений литературы, архитектуры и культуры в целом» (стр.5), и только в главе 6 «Православные храмы» учащие-

ся старших классов смогут познакомиться со Спасским монастырем в Ярославле XVI века и ярославскими храмами XVII в.

Как продолжение (по мнению самих авторов), в 2009 году из печати вышло учебное пособие для учащихся 2 – 4 классов общеобразовательных школ «Православие и русская культура» (авторы Т.И. Ерохина и И.Н. Чижова). Оно вводит детей в мир родной истории, традиций русской культуры, православных ценностей. Ярославль, как часть этой истории, не остается без внимания авторов. Раздел III в каждом классе называется «Моя малая родина», в котором изучаются «Мой дом» и «Дом как часть природы» (2 класс); «Святые покровители городов моего края», «Планировка старинных русских городов», «Церкви и монастыри города Ярославля» (3 класс); «Ростов», «Углич», «Переславль-Залесский», «Тутаев» (4 класс).

В 2007 году издательство ОАО «Рыбинский Дом печати» выпускает учебное пособие для учащихся 3 классов общеобразовательных школ «Путешествие по родному краю» (авторы О.В. Лощакова, И.А. Федорчук). Данное пособие снабжено рабочей тетрадью. Это единственное издание, направленное не только на теоретическое освоение материала, но и на практическое его применение.

В этом же году выходит еще одно учебное пособие, но для учащихся 6 – 9 классов общеобразовательных школ «Очерки по истории Ярославского края с древнейших времен до наших дней» (авторы Н.П. Рязанцев, И.А. Федорчук). Ярославская культура рассматривается в общем контексте, каждая глава снабжена списком с краткой информацией о выдающихся деятелях земли Ярославской.

Все вышеперечисленные пособия не продолжают и не дополняют друг друга. Помощи учителю музыки или изобразительного искусства они не окажут, поскольку темы, заявленные в данных курсах, не рассматриваются авторами учебников. Это первая проблема.

Вторая проблема связана с тем, что изучение культуры Ярославского края целостно рассматривается только в начальной школе. На ступени общего среднего образования оно дается фрагментарно, что не создает у детей полной картины развития культуры родного края, хотя опыт в некоторых школах накоплен богатый. Так, в средней общеобразовательной школе № 77 в конце 90-х годов краеведение было введено как обязательный предмет для изучения в 5-9 классах. Учащиеся знакомились с историей, географией, природой, культурой и экологией Ярославского края.

Для того чтобы воспитать любовь к родному краю, необходим комплексный подход к изучению культуры Ярославской области. Надо, чтобы учащиеся знакомились с историей, географией,

биологий, культурой не в рамках соответствующего предмета, а в рамках отдельного специального курса «Краеведение».

Примечание

1. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России [Текст] / под ред. А.Я. Данилюка, А.М. Кондакова, В.А. Тишков. – М. : Просвещение, 2009. – 24 с. – (Серия «Стандарты второго поколения»)

2. Методическое письмо о преподавании «Изобразительного искусства» в общеобразовательных учреждениях Ярославской области в 2009-2010 учебном году. / сост. Е.А. Панова // (http://www.iro.yar.ru/m_letter/index_09.htm) Проверено 05.11.2010

3. Методическое письмо о преподавании «Музыки» в общеобразовательных учреждениях Ярославской области в 2009-2010 учебном году. // Сост. С.А. Томчук // (http://www.iro.yar.ru/m_letter/index_09.htm). Проверено 05.11.2010

4. Методическое письмо о преподавании учебного предмета «Мировая художественная культура» в условиях введения федерального компонента государственного стандарта общего образования [Электронный ресурс] // (<http://www.ed.gov.ru/ob-edu/noc/rub/standart/mp/1443/>). Проверено 28.09.2008.

УДК 008:316

П. А. Прошутинская

Феномен толкинизма в современной городской субкультуре

Тема города в современных условиях трансформации российского общества приобретает особую остроту в силу той уникальной роли, которая ему принадлежит в истории. О современном городе можно сказать, что он является экономическим и культурным центром, центром интеллектуального потенциала.

С момента своего появления города становятся системообразующими компонентами в социокультурном пространстве. Город представляет собой социокультурный центр, выполняющий функцию притяжения интеллектуальных сил, генерации культурных ценностей и их распространения, создающий вокруг себя определенное социокультурное пространство. Городская субкультура отражает систему ценностей, нормативных, символических форм, выражающихся в определенном образе жизни людей, проживающих на конкретной городской территории.

Термина «субкультура» изначально не имел однозначной трактовки. Прежде всего, это связано с самим понятием «культура» и множеством его определений.

В энциклопедии «Культурология XX век» дается следующее определение: «Субкультура – особая сфера культуры, целостное образование внутри господствующей культуры, отличающееся собственным ценностным строем, обычаями, нормами» [3, с. 236].

Первоначально возникло такое понятие, как «контркультура», в качестве совокупности всех субкультур внутри доминирующей культуры. Однако впоследствии понятие «контркультура» приобрело несколько другое значение, противостоящие «доминирующей» культуре.

Субкультурные образования культуры, как правило, изолированы, не претендуют на то, чтобы заместить собой господствующую культуру, вытеснить ее.

В широком смысле под субкультурами в социологии обычно понимают те социальные образования внутри общества, которые отличаются от преобладающей культуры по некоторым признакам: обычаям, нормам, ценностным ориентациям, стилю поведения.

Я полагаю, что принципиальное отличие субкультуры от культуры касается степени произвольности их выбора.

Говорить о выборе культуры невозможно: приобщение к ней начинается без согласия ребенка с раннего детства. Но приобщение к субкультуре во всех случаях подразумевает принятие решения. Каждый человек принадлежит той или иной субкультуре. Термин «субкультура» не означает, что та или иная группа выступает против культуры, господствующей в обществе.

С.В. Косарецкая [2, с. 9] в своей работе приводит следующее определение : «субкультура – это социальная, этническая или экономическая группа с особым собственным характером в пределах общей культуры общества».

А.В. Мудрик [5, с. 66] определяет «субкультуру» как «совокупность специфических социально-психологических признаков (норм, ценностей, вкусов), влияющих на стиль жизни и мышления определенных групп людей и позволяющих им осознать и утвердить себя в качестве «мы», отличного от «они». К признакам субкультуры он относит: ценностные ориентации, нормы поведения, взаимодействия, взаимоотношений, статусную структуру, предпочитаемые источники информации, эстетические пристрастия, жаргон, фольклор.

Субкультуры обусловлены различиями поколений. Проблема субкультур рассматривается в культурологии в рамках кон-

цепции социализации, то есть интеграции человека в различные общности, которая может происходить под влиянием внешних и внутренних факторов.

В своей работе Б.С. Ерасов [1, с. 143] отмечает, что приобщение к культурным стандартам, вхождение в мир господствующей культуры, адаптация к ней – процесс сложный и противоречивый, насыщенный психологическими и иными трудностями, «это и порождает особые жизненные устремления молодежи, которая из духовного фонда присваивает себе то, что отвечает ее жизненному порыву, ценностным исканиям».

Во всяком сложном обществе важную функциональную роль выполняют различные субкультуры.

Различие социальных типов культуры прослеживается как в повседневной жизни – манерах, нормах, интересах, языке, так и в духовных ценностях и идеологии. Подобные образования могут существовать лишь в рамках субкультурой структуры, не подрывающей основополагающих принципов организации общества в целом, то есть если общество будет ощущать угрозу своим основным ценностям, в нем усилятся консервативные настроения, направленные на сохранение стабильности общества.

Как и культура, субкультура условно состоит из двух частей: материальной и нематериальной. К материальной относятся одежда, детали внешнего вида, которые являются одним из способов выражения своей индивидуальности и причастности к группе. К нематериальной части относятся музыка, литература, особенности речи, ценностные ориентации, особенности мировоззрения.

На сегодняшний день существует несколько типологизаций субкультур. Так, например, Б. Ерасов [1] выделяет следующие типы: субкультура бедных и богатых, гендерная, городская и сельская, девиантная, классовая, криминальная, молодежная, периферийная и элитарная. А.Шилова [6] выделяет 3 типа субкультур: делинквентную, молодежную и профессиональную.

Существует и классификация по ценностным ориентациям.

[2]

1. Романтико-эскапистские

Представители данной группы стремятся к бегству от повседневности, обыденности. Пытаются сделать свою жизнь менее «среднестатистической», более необычной и разнообразной.

2. Гедонистско-развлекательные

Представители этой группы субкультур стремятся к получению удовольствий, находятся в поиске развлечений, что становится для этих людей основной целью.

3. Полуделиквентные

Эта группа имеет общие черты с предыдущей группой. Целью ее представителей также становится поиск «красивой жизни», однако ее достижение может осуществляться с использованием криминальных средств.

4. *Радикально-деструктивные (анархо-нигилистические)*

Мне кажется, что данную группу уже можно отнести к контркультурам, так как ее представители отрицают существующие социальные нормы и стремятся к переустройству общества.

Как можно заметить, и здесь нет единого подхода, однако можно выделить основные принципы типологизации: возрастной, географический, профессиональный, принцип социальной стратификации и ценностных ориентаций.

Образование субкультур составляет разнообразие культуры и, как я думаю, способствует ее жизнеспособности.

Под городской субкультурой обычно понимается субкультура крупных и средних поселений, административных центров.

Современная городская субкультура складывалась на протяжении многих десятилетий. Процесс урбанизации обусловил разрушение ранее устойчивых традиционных связей. Чертами урбанистического образа жизни стали ослабление социального контроля и социальной сплоченности, анонимность общения, преобладание формально-ролевого общения.

Специфика современной городской субкультуры в значительной мере связана с большей силой эстетического и духовно-нравственного воздействия урбанизации пространства.

Городское культурное пространство выступает ареной взаимодействия множества различных субкультур, носителями которых выступают соответствующие слои городского населения. Это позволяет городской культуре отбирать среди передаваемых из прошлого в настоящее и из настоящего в будущее ценностей, норм, образцов поведения те, которые наилучшим образом способствуют воспроизводству городского образа жизни. Вместе с тем, внутри городской культуры возникают новые элементы, которые обогащают содержание городского культурного пространства и обеспечивают непрерывное обновление городского образа жизни.

Таким образом, городское культурное пространство является пространством, в котором действует городская культура, выполняя три основные функции - трансляционную, селекционную и инновационную, реализация которых выступает необходимым условием воспроизводства и обновления городского образа жизни.

Условия жизни в большом городе создают предпосылки для объединения молодежи в разнообразные группы, движения,

являющиеся сплывающим фактором, формирующие коллективное сознание в этих группах, коллективную ответственность и общие понятия о социально-культурных ценностях. Таким образом появляются молодежные субкультуры.

На мой взгляд, появление такого разнообразия субкультур именно в городской среде связано с желанием самоидентификации и самореализации. Город предоставляет современному человеку выбор, и, как ни странно, это приводит к тому, что сделать этот выбор становится сложнее. Становится сложнее подчеркнуть свою «особенность», непохожесть, при этом в современной культуре «модно» быть необычным.

Среди городских субкультур мое внимание привлекла субкультура толкинистов. Обладая всеми признаками субкультуры, она имеет и свою специфику.

Творчество Толкина представляет собой особый тип литературного мифологизма. Он создал почти реальный, почти осязаемый мир. Писатель открыл новый тип героя, для которого мир четко делится на внешний и внутренний, на микромир, над которым он властен, и макромир, с которым он стремится не соприкоснуться. «Роман Толкина был бы ложью, если бы он был об эльфах и волшебниках, но «Властелин колец» - миф о человеке 20 века». Как говорят сами толкинисты, в этой книге можно жить, «как в раю». Средиземье стало заповедным уголком, где они могут почувствовать себя причастными к тайне, другой реальности со своими языками (в Интернете можно найти курсы эльфийского) и законами. Мне кажется, что этим Толкин и привлек современную молодежь, и не только молодежь, так как, можно сказать, XX-XXI век – время новых духовных поисков, попытка обретения новой веры.

Уникальность толкинизма в том, что это единственная субкультура, построившая социальную модель на основе литературного произведения.

Конечно, одной из главных ценностей для толкинистов являются произведения Профессора. Тексты «Властелина колец», «Сильмариллиона» стали основой сюжетов ролевых игр. Кроме того, по мнению толкинистов, на настоящий момент не существует более или менее приемлемого перевода произведений Профессора на русский язык. В некоторых из них пропущены эпизоды, а другие изобилуют неточностями, поэтому многие толкинисты читают «Властелина колец», «Хоббита» и «Сильмариллион» в оригинале и хотят создать новый, точный и дополненный перевод.

Толкинистам в основном от 14 до 30 лет. Данную субкультуру нельзя назвать молодежной. Среди толкинистов можно встретить и школьников, и студентов и взрослых, «солидных» людей, то есть люди, относящие себя к толкинистской субкультуре, одновременно включены в несколько субкультур (например, студент относится к молодежной субкультуре). Они очень мирно сосуществуют с основной культурой общества, отнюдь не пытаются ее вытеснить. Возможно, некоторые идеи «толкинутых» могут показаться странными, но вряд ли шокирующими. Мысль о том, что необходимо избегать насилия присутствует и в христианской традиции. А идею о гармоничном сосуществовании с природой можно встретить в буддийском учении. Нельзя сказать, что толкинисты выступают против материального благополучия. Особенно, как мне кажется, это касается тех толкинистов, которые причисляют себя к «хоббитам» и «гномам». Хоббиты – любители комфорта и вкусной еды, а гномы – любители алмазов, золота и других драгоценных камней и металлов. Толкинисты ищут необычное в повседневности, стараясь сделать свою жизнь менее «среднестатистической». В своих произведениях Толкин утверждал ценность каждой жизни. Писатель показывает, что даже самое слабое существо может изменить судьбу всего мира. Как мне кажется, именно поэтому главными героями у Профессора становятся хоббиты – существа маленькие, слабые, но именно на их долю выпадает миссия спасения мира. Думаю, эта мысль привлекает многих толкинистов.

Важным является поиск утерянных связей с окружающим миром, с природой. В этом толкинисты, на мой взгляд, близки взглядам хиппи. Для них большую роль играет лес, природа. Это связано и с местом проведения ролевых игр, и с особым мировоззрением. Можно предположить, что в данном случае лес выступает как символ первозданного мира, символ Средиземья. Во «Властелине колец», обращаясь к истории Средиземья, Толкин описывает только зародившийся мир как сплошной лесной покров. Поскольку многие толкинисты причисляют себя к «расе» «эльфов» и «хоббитов», для них лес является и символом гармонии, единения с природой, а также символом мира. Толкинисты выступают против потребительского отношения к природе и к жизни вообще. Согласно «Хоббиту» и «Властелину колец», хоббиты не любят устройств сложнее кузнечных мехов. Толкин скептически относился к научно-техническому прогрессу. Человек в гонке за открытиями и достижениями забывает о самом важном, и мир машин и механизмов теряет волшебство. Мне кажется, именно в условиях урбанизации, го-

родской среды эти ценности приобретают особую значимость, когда остро переживается разрыв с окружающей средой.

Когда заходит речь о толкинистской субкультуре, то первой вспоминается фраза «Мы — эльфы»: толкинисты, так или иначе, отождествляют себя с персонажами мира книг Толкина, отдавая предпочтение «нечеловеческим расам» — эльфам, гномам, оркам и т.д. Для некоторых представителей субкультуры это не более чем игра, для других — нечто более серьезное. Уже несколько десятилетий некоторые люди утверждают, что они являются одновременно и собой, и некоей личностью из Средиземья. Социальный и интеллектуальный статус таких людей достаточно разнообразен, но, как правило, высок: практически все имеют высшее образование (студенчество — основная «питательная среда» толкинистов), работа многих из них связана с научной или иной интеллектуальной сферой.

Ключом к объяснению психологии таких людей являются работы Л. Леви-Брюля о сопричастии [4, с. 62]. «В коллективных представлениях первобытного мышления предметы, существа, явления могут непостижимым для нас образом быть одновременно и сами собой, и чем-то иным». Термин «коллективные представления» у Леви-Брюля означает некое мироощущение, передаваемое из поколения в поколение, властвующее над эмоциональной, а не логической сферой, не зависящее от качеств отдельной личности. Иными словами, «коллективные представления» Леви-Брюля практически тождественны понятию «бессознательное». Это область эмоций, не подвластная логике и логикой никогда не проверяемая. Применительно к толкинистской субкультуре можно уверенно утверждать: как только человек начинает логически осмысливать свои идеи и образы, он перестает быть «эльфом», то есть включение рационального анализа приводит к разрушению сопричастия, базирующего на эмоциональном восприятии.

Основа сопричастия — именно эмоциональная сфера. Первобытный человек не хуже цивилизованного в повседневной жизни сумеет отличить, например, камень от дерева, различить кабана и молнию, но в ритуале они будут служить определенным символом (например, молния как символ бога — громовержца). Если нас, к примеру, попросят изобразить эмблему слова «знание», кто-то нарисует сову, кто-то — очки, кто-то — книгу. Все эти рисунки будут обозначать одно понятие, но в обычной жизни никто не станет их отождествлять. Можно предположить, что чем менее материально означаемое, тем больше материальная вариативность означающих, то есть чем более абстрактно понятие, тем больше нам

потребуется материальных, конкретных предметов, чтобы его изобразить, объяснить.

Такова суть механизма, по которому различные материальные объекты «могут быть одновременно и сами собой, и чем-то иным»: вне знаковой системы они тождественны сами себе, при включении в систему тождественны нематериальному означаемому, которому тождественно и некое множество других объектов. Это может приводить к отождествлению конкретных объектов между собой, однако, отнюдь не всегда.

В том случае, когда человек отождествляет себя с конкретным героем книги, он мыслит более архаично, чем когда считает себя жителем мира Средиземья, имя которого в книгах Толкина не фигурирует, так как в архаических культурах важным являлся культ предков, имела традиция передавать имя по наследству. Так и в данном случае человек может взять имя персонажа. С именем он как бы принимает качества этого персонажа. Выбор «расы» диктуется ощущением эмоционального родства душевных качеств человека и «расы». Представления о «нечеловеческих расах» также лежат в сфере коллективного бессознательного и практически совпадают у большинства людей. Это касается как внешнего вида эльфов, гномов, орков и других «рас», так и их внутренних качеств, образа мыслей, манеры поведения, обычаев и т.д.

Леви-Брюль пишет о том, что для архаического человека имя выражает родство личности с определенной группой, с предком.

Принятие имени является знаком вхождения в субкультуру толкинистов. Многие из них указывают на то, что обычное имя не воспринимается эмоционально, символически окрашенным знаком. Так и у архаических народов повседневное имя считается лишенным магической силы, в то время как «настоящее имя... является тайным... способным переносить в другое место часть личности...». [4, с. 69]

Итак, и в архаических культурах, и в толкинистской субкультуре имя есть способ проявления сопричастия. Можно предположить, что при смене сопричастий будут меняться и имена. Интересно, что в среде толкинистов есть случаи, когда имя меняется несколько раз. Возможно, это связано с его эмоциональным восприятием, с изменением жизненных ситуаций или статуса в обществе толкинистов. Здесь, на мой взгляд, есть сходство с тем, как мы принимаем прозвища (в классе, группе и других коллективах). Прозвище учитывает особенности характера, внешности, то есть в большей степени отражает личность. В среде друзей оно употребляется чаще, чем «официальное» имя, оно тоже показывает причастие к той или иной группе.

Толкинизм обладает всеми признаками современной субкультуры – это и ценностные ориентации, обусловленные системой ценностей, заданных в художественных произведениях Толкина, специфическое мировоззрение, предполагающее игровые принципы самоидентификации (выбора имён); особенности норм поведения, общения, эстетические пристрастия.

Толкинизм как явление современной субкультуры занимает особую нишу в современной культуре, позволяя, на мой взгляд, каждому своему представителю принять участие в мифотворчестве, опираясь, с одной стороны, на литературную авторскую модель мифа, предложенную Толкиным, а с другой стороны – подразумеваемая и свободу собственного мифотворчества.

Возможно, этим и объясняется популярность толкинизма в современной культуре среди людей разных возрастов и профессий.

Примечание

1. Ерасов, Б.С. Социальная культурология [Текст] : учеб. для вузов. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Аспект-пресс, 1996. – 590 с.

2. Косарецкая, С.В., Синягина, Н.Ю. О неформальных объединениях молодежи [Текст]. – М. : Владос, 2004. – 159 с.

3. Культурология XX в.: Энциклопедия. Т2 [Текст] / составитель С.Я. Левит. – СПб. : Университетская книга, ООО «Алтея», 1998. – 447 с.

4. Леви-Брюль, Л. Первобытное мышление // Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении [Текст] / пер., послесловие П.Арискина. – М.: Педагогика-пресс, 1994. – 602 с

5. Мудрик, А.В. Социальная педагогика [Текст] : учеб. для студентов пед. вузов / под ред. В.А. Сластенина. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Издательский центр «Академия», 2002. – 200 с.

6. Шилова, А.Н. Социология отклоняющегося поведения [Текст] // Социологические исследования. - 1994.- №8.

УДК 008.001.8

Е.Н. Медведева

В.Г. Туркина

Вербальные и невербальные контексты пространства современного города

Город и городское пространство в последнее время стали объектами интенсивных междисциплинарных научных исследований и дискуссий с участием не только архитекторов, географов и экономистов, но и социологов, кино- и литературных теоретиков, исследователей культуры, и даже философов.

Идея и характер города, его структура, функции и значение открыли поле для пересмотра его статуса. Роль города значительно изменилась в наше время, так как города стали не только центрами человеческого жилья и жизни, но особенно центров современной модернистской и постмодернистской культуры. Город и его культура в основном рассматривались не столько с точки зрения эстетической или художественной категории, но, скорее, в контексте модных идеологических или политических концепций, таких, как раса, этническое происхождение, класс, пол и сексуальная идентичность.

Французский философ Анри Лефевр исследовал понятие пространства и его роль в качестве сцены для социального взаимодействия. Его работа «Производство пространства» была впервые опубликована на французском языке в 1974 году и переведена на английский язык Дональдом Николсоном Смитом в 1991 году.

Лефевр ввел понятие социального пространства, которое он понимал как одновременно физическое и концептуальное. Социальное пространство является областью, в которой «культурная жизни общества» будет принята, но это не «форма или контейнер практически нейтрального рода, предназначенный просто получить то, что в него налили» [1, р. 94]. Вместо этого пространство «выделяется» обществом: оно производится моделями социального взаимодействия, но и накладывается на его пользователей и таким образом формирует общество. Пространство поощряет и отпугивает некоторые формы взаимодействия и придает форму социальной структуре и идеологии. Таким образом, оно увековечивает власть доминирующих групп. Обеспокоенность Лефевра пространством можно сравнить с теорией Грамши о гегемонии.

Итальянский марксист Антонио Грамши разработал теорию гегемонии в качестве модели для понимания того, как идеология распространяется в обществе. Гегемония является системой контроля, оперирующей посредством коалиций учреждений – политических, религиозных и культурных – которая зависит не от

принуждения (по крайней мере не исключительно), а на вымогательстве сознательного или бессознательного согласия подчиненных групп. Ясно, что архитектура может функционировать в качестве агента гегемонии: здания нормализуют власть конкретных социальных групп, полагают пространственные границы и действуют в качестве эмблемы социальных ценностей. Однако Лефевр утверждает, что агенты гегемонии – будь то политические, религиозные или культурные – принципиально пространственны. Например, он пишет, что церковь и государство будет просто абстракций без пространства, в котором проявляются и осуществляет свою власть. Таким образом, пространственная организация города может формировать его языковое пространство.

Языковое пространство города выстраивается в рамках самого города и содержит в себе элементы, характерные для мировидения горожан, т. е. отражает картину мира жителя города. Это пространство полиотично, неоднородно. Оно содержит в себе множество вариантов литературного языка, различные лингвокомпоненты, эргонимы, топонимы и проч. Оно также насыщено текстами невербальными, иконическими, которые, взаимодействуя с вербальными текстами, обеспечивают целостность и связность впечатлений и знаний о городе. Язык горожанина отражает его языковую, знаковую рефлексивность, его языковое сознание. Рядовой, среднестатистический горожанин, вписан в городское языково-знаковое пространство, рассматривает его на основании «городских цивилизованных ценностей» и воспринимает форму и содержание городских текстов исходя из своих представлений об этих ценностях. Таким образом, можно сказать, что город-пространство кодифицированное, многозначное. Исходя из лотмановской парадигмы [2, с. 3], можно заключить, что город представляет собой особую форму существования знаковой системы, которая складывается как совокупность артефактов из многочисленных и многообразных текстов различного происхождения в гипертексты, описываемые различными семиотическими кодами, в рамках городского пространства. Пространственная среда города порождает особые тексты, в которых город предстает и как нагромождение случайных символов и знаков, и как система означающих.

С точки зрения виртуалистики, любой текст виртуален, поскольку образует пространство смыслов и культурных кодов, всегда динамичен, изменчив и способен влиять на реальность. Слово, текст, не только отражает реальность, но и созидает ее. Философское осмысление позволяет выявить множественные смыслы термина «городской текст»: это и интерпретация всей городской среды как текста особого рода; и собственно литературные тексты,

связанные с городом, с его метафизикой (летописи, хроники, бытописания) или непосредственно включенные в городское пространство (тексты уличной рекламы, урбаноимы, названия районов, улиц, магазинов, общественных мест, вывески).

Городская среда как феномен культуры представляет собой напластования, наслоения сообщений или, по выражению Ю.М.Лотмана, «котел текстов». Поэтому в городской культуре мы находим не только разные тексты, но и разные языки, на которых они «пишутся», разные коды, необходимые для их адекватного прочтения. Можно присоединиться к мнению французских семиологов Р.Барта и Ф.Шоэ о том, что городская среда представляет собой динамику означающих, создающих потоки смысла или бесконечные цепи метафор, где означаемые расщепляются и сами становятся означающими.

И в целом культурное пространство города воспринимается как текст. Пространственная среда города — это не только канал, обуславливающий возможность сообщения между его обитателями, но и множество самих сообщений — пространственных текстов, которые несут разнообразную информацию и служат организации жизни общества на разных уровнях — от регуляции движения людских потоков до формируемых в общественном сознании представлений о некотором культурном единстве и общей истории.

Зачастую город и его текст лучше «читается», постигается не столько его жителем, сколько гостем города, совершающим каждодневное путешествие по улицам. Визуальные стратегии подразумевают под собой пешее исследование — путешествие. Как утверждают исследователи, путешествие — это экспертиза ландшафта перемещающимся в нем индивидом. Целью такой экспертизы является постижение ландшафта, то есть создание образа памяти. С точки зрения познавательных процессов создание образов памяти есть акт мышления, он понимается как освоение мыслимого.

Образ города, ощущение города возникают в результате освоения пластических динамик — пространственных, зрительных, требующих своего прочтения, понимания, то есть впечатлений от архитектуры и природных ландшафтов. Окрашенность городу придает вся атмосфера вокруг него, составные части которой иногда неуловимы. Она неотделима от общего состояния того, что сегодня мы назвали бы средой — призрачного света, дрожащего туманного воздуха, растворяющего тени, пустынного простора реки, карнавальная суесть проспекта и т.п. Одним словом, образ города складывается из всей суммы особенностей места, создающих необходимый эмоциональный контекст. Их эстетическая выразительность связана с определением объемной формы в про-

странстве и потом переживанием ее пространственного развития. И здесь архитектурные образы наиболее наглядно представляют динамику протекания этих процессов, связанных с мировоззрением человека, с эстетическими принципами той или иной эпохи. Объекты визуальной культуры подчас акцентируют внимание на наглядных изменениях в средней обыденной жизни человека: ее насыщении или материализованных и символических духовно-эстетических идеалов, построения окружающего человека мира по законам гармонического единства целого и частей.

Человек воспринимает образ даже незнакомого города не «как он есть», непосредственно, а в рефлексивном зеркале художественной формы. И это понятно, поскольку образ – продукт нашего сознания, реагирующего на видимую действительность, и потому он всегда в большей или меньшей степени и «образ памяти». Чем больше мы видели, читали «о городе», чем лучше в художественном отношении те изображения городской среды, что попадались нам на глаза, тем в большей степени мы оказываемся зависимы от «образа памяти» – и тогда, когда опознаем его в видимой действительности, и тогда, когда вынуждены резко перестроить заранее накопленное представление.

Постепенно узнавая город, проникаясь им, человек складывает некоторый целостный образ из мозаики отдельных впечатлений. В тех случаях, когда образ города, видимый архитектором профессионально, и образ, создающийся в сознании горожан, совпадают или почти совпадают, мы имеем дело с наиболее совершенными примерами градостроительной композиции.

Слово «композиция», как известно, применимо только к произведению искусства. Значит, для того чтобы говорить о композиции города, необходимо уметь увидеть в нем произведение искусства. Композиция города проявляется, прежде всего, через силуэт – границу между «телом» города и беспредельностью неба, природы, «видов». Силуэт обладает для нас серьезным значением в силу фундаментальных особенностей человеческой психики. Вертикальные объемы активно участвуют в создании визуального облика города, выстраиваясь перпендикулярными доминантами, сочетаясь с горизонтальными линиями водно-зеленого пояса. Вертикали вносят в систему города порядок, акцентируя наиболее существенные композиции, комплексы, подчеркивая направления векторов улиц и проспектов.

У движения в городе своя особая семантика, потому что в дело вмешивается человеческая психика. Прямой как стрела путь мимо совершенно одинаковых зданий считается как более длинный сравнительно с зигзагообразным движением в меняю-

щемся окружении, если даже пройденный путь во втором случае длиннее в метрах или шагах. Еще короче кажется путь, если что-то — яркая витрина, афиша или внезапно открывшийся вид — расчленяет его на несколько относительно небольших отрезков. Но если таких отрезков очень много, если наш путь пролегает через очень занимательное окружение, то за счет напряжения всех чувств путь словно резко удлиняется. Ведь человек, двигаясь по заданному маршруту, за некоторый отрезок времени получает огромное количество зрительных впечатлений. Архитектурные памятники, здания, монументы задают ритм движущимся людским потокам, воздействуя на них и через декоративность архитектурных элементов, и интерьерность их пространственного расположения, которую Ю.М. Лотман определил как театральность.

В том же Петербурге границей между зрителем и сценой, рампой выступает главная героиня города – Нева. Именно она выступает важнейшим пространственным организатором всего городского архитектурного ландшафта. Можно сказать, что Нева является наиболее эффективно воспринимаемой пространственной и ландшафтно-архитектурной, интерьерной доминантой, кульминационным узлом. Знаменитые мосты Петербурга превратились в необходимейший компонент стилистики города, его образа. Они связывают воедино Природу и Разум, землю и воду, создавая визуальный и духовный образ Петербурга как единого целого, где отдельные части сосуществуют, связанные единой диалогической основой. При этом создан уникальный композиционный, ансамблевый стиль барочных, классических, ампирных сюжетов, подчеркнутых современными средствами прямых транспортных магистралей, огнями уличного освещения и дизайнерской подсветки зданий [3].

Огромное значение для формирования образа города имеет такое визуальное приобретение, как реклама с ее деметрианской мифологемой. С помощью рекламы наше сознание потребляет знаковую сущность предмета, объекта вместо реального функционального свойства: Адмиралтейство, Петропавловка – шпиль, Исаакий – купол, Петергоф – фонтаны и т.д. Узнаваемость визуально растиражированных достопримечательностей обеспечивает простоту восприятия образов и создания мифов объектов. Рекламные приспособления – щиты, баннеры, растяжки – становятся, таким образом, важным составляющим ориентиром культурного пространства города. Визуальное содержание рекламы направлено на активизацию пространственного творческого воображения. Оно же продуцирует создание образа.

Таким образом, город существует в двух ипостасях: как действительно существующий, как реальность, воплощенная в

камне, в формате овеществленных пространственных решений, и как предмет рефлексии в пространстве мышления, субъектом которой становятся те, кто осваивает город и выстраивает его культурный ландшафт у себя в представлении, памяти.

Как и всякие другие, тексты городской среды неодинаково интерпретируются в сознании субъектов, принадлежащих разным культурным сферам и потому всегда в своем диалоге сочетающим взаимное понимание с непониманием. Такой межкультурный диалог разворачивается на городских улицах и площадях, в музеях и театрах, в кафе и магазинах.

Ж. Деррида предлагает посмотреть и на пространство как на текст. Пространство есть текст, а не место для текста. Так как пространство не вместилище для текста, а действие имеющегося вписывания, оно больше не может быть представлено традицией как пространство субординации, напротив, жест вписывания производит пространство. Деррида объясняет это через понятие «опространствливания». Опространствливание есть дистанция репрезентации. Она маркирует пространственный интервал между означающими. Опространствливание не есть пространство, а «становление пространства», того, что должно быть беспространственным, как презентация, речь, жест, идея. Опространствливание это то, что открывает пространство в двойном смысле.

Движение по городскому пространству, в процессе которого происходит чтение текста городской среды, эквивалентно постструктуралистскому понятию «прогулки по тексту», предложенному Р. Бартом. Автор этого термина, имея в виду литературный текст, невольно перевел его из линейного лингвистического дискурса в трехмерный, подобный пространству города. Под влиянием эстетики постмодерна современные проектировщики создают такие архитектурные тексты, где скрещиваются языки различных видов искусств и возникает, по выражению Н.Б.Маньковской, «трансархитектура события», включающая в себя приемы организации не только архитектурного, но и кинематографического, драматического, хореографического и др. типов пространств. Но независимо от архитектурной практики постмодернизма в среде любого исторически сложившегося города мы сталкиваемся с необходимостью применять интерпретационные стратегии, близкие к эстетике постмодерна. Ведь город представляет собой коллаж из старой архитектуры (вплоть до обнаруженной в ходе раскопок) и новых строительных решений, из островков жизни прошедших эпох и современности; в нем неизбежно смешение строительных стандартов и стилей, а при переходе из одного топохрона в другой мы попадаем в иную систему жизненного смысла. Поэтому чтение городского текста

включает в себя движение как «по смыслу», так и «против смысла», ибо визуально выстроить непротиворечивое сообщение просто невозможно — оно всегда будет наталкиваться на материал, подчиняющийся другим правилам кодирования. Из этого следует, что городская среда обладает неисчерпаемым информационным потенциалом и способна в изобилии генерировать тексты. При подобном рассмотрении возникает вопрос о границах текста и реальности.

Чтобы понять приемы кодирования городского пространства в разных художественных языках, можно сравнить восприятие городской среды невооруженным глазом и с помощью видеотехники. Когда городская среда воспринимается сквозь объектив фото-, кино-, теле- или видеокамеры, она предстает такими сторонами, которые не могли быть замечены при обычном взгляде. Фото- и киноизображения умножают лики и образы города, наращивая объем информации о его жизни. Но нельзя не учитывать того, что здесь происходит переход к текстам с другими законами кодирования знаков: из трехмерного мира мы попадаем в плоскость фотоизображения или кинокадра со своими правилами организации композиции. Другое дело — непосредственное восприятие среды включенным в нее наблюдателем, кругозор которого стереометричен и не ограничен какими-либо рамками. Такое восприятие синестетично, телесно, в нем окружающий мир не только структурируется по законам кадра, но и остается жить в своей спонтанной неорганизованности и текучести. Эстетические законы такого восприятия уясняются средовой эстетикой, или искусством организации окружающей среды — инвайронментализмом.

Одним из вариантов перекодирования текстов городской среды является их деконструкция как неизбежный момент исторической жизни и развития города. Деконструкция заявляет о себе не только как прямое разрушение исторических памятников, но также и как придание новых смыслов тому, что было раньше, или что проектировалось под жестко запрограммированный, определенный образ жизни. Никакие архитектурные решения не будут жизнестойкими, если они ограничивают инициативу людей, не учитывают того, что жизнь может принимать самые непредсказуемые формы или тяготеть к старым привязанностям в области быта, внося неизбежные ретроспективные коррективы в любые новаторские проекты. В связи с интересом к проблеме пределов возможностей воздействия архитектуры на жизненные процессы прагматический (побудительный) аспект архитектурной коммуникации стал в последнее время привлекать пристальное внимание философов и семиологов. Из имеющихся точек зрения нам представляется наиболее взвешенной позиция У.Эко, считающего, что зодчий должен знать систему

предполагаемых ожиданий потребителя, возможность их осуществления; архитектурная информация должна сочетать некоторую степень избыточности, чтобы быть понятной, с определенной долей новизны и непредсказуемости, чтобы вызывать к себе интерес, стимулировать восприятие, а через него — влиять на поведение человека без презумпции его ограничения и строгой программированности. В настоящее время стало ясно, что задача выстраивания пространства городской среды требует знания языков города и умения их согласовывать. Согласование языков города так же необходимо для создания социальной, психологической, коммуникативной общности субъектов, населяющих город, как и взаимодействие лингвистических дискурсов с другими духовно-телесными практиками.

Мы полагаем, что если любой город может восприниматься как текст, то современный большой город, мегаполис читается как текст, написанный в стиле постмодерна, с присущими ему интертекстуальностью, сменой ритмов, отсутствием единого сюжета и нравственного назидания. Это эклектичный и порой противоречивый, алогичный, иррациональный текст. Это текст, читатель которого становится читателем поневоле, иногда вопреки собственному желанию, в который он включен и который способен изменить. «Петербург имеет свой язык. Он говорит нам своими улицами, площадями, людьми, историей, идеями и может быть понят как своего рода гетерогенный текст, которому приписывается некий общий смысл и на основании которого может быть реконструируема определенная система знаков, реконструируемая в тексте», — пишет В.Н.Топоров [4, с. 13].

Именно для подобного города можно говорить о «считывании урбоинформации». В современном городском тексте происходит очевидная замена традиционных мифологем на мифологемы эпохи постмодерна и постиндустриального общества. Сегодняшняя система городских урбаномов не является фактором региональной идентификации, демонстрируя результаты процессов глобализации, не направлена на эксплуатацию местных брендов, пытается придать любому городу столичного лоска. Современные урбаномы не стабильны и не способны формировать устойчивый городской текст. Поэтому общественное сознание не всегда способно их адаптировать и усваивать. Динамичность и эклектичность современного городского текста так велики, что современные горожане воспринимают семиотику названий не более чем на половину. Так семиотическое пространство города становится виртуальным.

Примечания

1. Lefebvre, H. The production of Space. London: Basil Blackwell, 1991. p. 94

2. Лотман, Ю.М. От редакции / Ю.М.Лотман // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1984. – Вып. 18. – С. 3.

3. См. об этом : Иконников, А.В. Архитектура города: Эстетические проблемы композиции [Текст]. – М. – 1972; Лисаевич, И. Петербург: Архитектурный портрет. 1703 -2003 [Текст]. – СПб. – 2002; Острой, О.С. Город многоликий [Текст]. – СПб., 2000.

4. Топоров, В.Н. Петербург и петербургский текст русской литературы [Текст] / В.Н. Топоров // Труды по знаковым системам. – Тарту, – 1984, – вып.18. – С.13.

УДК 008(1-6)

О.В. Поддубровская

Озеленение как фактор успешного развития инфраструктуры современных городов

Длительное время одной из самых актуальных экологических проблем для множества современных населенных пунктов, в которых с каждым годом увеличивается количество построек, является проблема недостатка растительности.

Экологическая ситуация городов - «зеркало», в котором отражается уровень социально-экономического положения страны, поэтому не случайно информация об экологической ситуации в развитых странах общедоступна и занимает одно из ведущих мест в политической и общественной жизни общества.

С ростом города, развитием его промышленности становится все более сложной проблема охраны окружающей среды, создания нормальных условий для жизни и деятельности человека. В последние десятилетия усилилось отрицательное влияние человека на окружающую среду и, в частности, на зеленые насаждения. Проблема зеленых массивов - одна из важнейших экологических проблем в городе.

Главные функции зеленых насаждений:

1. Санитарно - гигиеническая: очистка воздуха, ионизация воздуха растениями, фитонциды растений, защита от шума;

2. Рекреационная: растения не только выполняют свою биологическую и экологическую функцию; их разнообразие и красочность всегда «радует глаз» человека. Как приятно после долгой и монотонной работы выйти на улицу и пойти в парк, вдыхая свежий воздух и наслаждаясь шумом листьев на ветру! Или хорошо пройтись жарким летним днем по прохладной тени аллеи, вдыхая

аромат цветов. Ничто так не успокаивает мысли и не поднимает настроение, как прогулка по скверу. Человек неразрывно связан с природой, он ее часть. В жизни каждого человека бывают минуты, когда он не может без нее. Хорошо, когда для того, чтобы ощутить единство с окружающим миром, достаточно выйти на улицу. Как приятно наблюдать весной набухающие почки, поющих птиц, перелетающих с дерева на дерево, летом - роскошную зелень деревьев и кустарников, вдыхать аромат цветов, а осенью видеть все то множество красок, которое принимает природа.

3. Декоративно-художественная: озеленение улиц определяется их значением и характером окружающей застройки. Насаждения являются важной и неотъемлемой частью планировки улиц, активно влияя на архитектурный облик.

На сегодняшний день проблему озеленения городов РФ можно решить, используя разнообразные традиционные и нетрадиционные методы озеленения. Традиционное озеленение включает в себя скверы, сады, зеленые лужайки, парки и газоны. Они не только увеличивают подачу кислорода, но и очищают загрязненный воздух, а также обеспечивают население прекрасными местами для отдыха. Но, к сожалению, не всегда получается разбить парк или сквер в центральном районе большого города. В таких случаях стоит прибегнуть к нетрадиционным методам озеленения. К таким методам относятся вертикальное, крышное озеленение и экопарковки. Если говорить о крышном озеленении, то оно бывает очень уместным в различных офисах и больших торговых центрах, поскольку создает комфортный микроклимат и защищает здание от холода и жары. Более того, оно помогает повышать влажность воздуха, а также адсорбировать вредные вещества и пыль.

Если речь идет о вертикальном озеленении, то это говорится об использовании растений, которые вьются и не допускают перегрева, попадания шума или пыли. При всех этих качествах еще и обогащают помещение кислородом. Применение такого типа озеленения в городе - обуславливается быстрым ростом мегаполиса. На данный момент это едва ли не единственный способ украсить цветами и кустарниками тот участок, где невозможна посадка цветов в открытый грунт. Вазоны для вертикального озеленения специально сконструированы для минимизации затрат на обслуживание (снижение полива, ухода за цветами), легко группируются в различные формы и модули. Озеленение вазонами с двойными стенками - это профессиональный подход к благоустройству, с гарантией на оборудование - 10 лет. По своей сути, это оборудование, рассчитанное на озеленение площадей на долгие годы благодаря своим характеристикам.

Проблема озеленения городов стоит уже достаточно давно. Какие только способы решения данной проблемы не предлагались, но ни одно из них не может обеспечить полноценное озеленение городской среды!

Оригинальный проект, решающий проблему недостатка зелени, реализовали в Москве. В качестве основы проекта было предложено использование газонных решеток для создания автомобильных парковок. Идея достаточно проста, впрочем, как и все гениальное: на слой почвы, засеянной газонной травой, укладываются прочные решетки из пластика. Величина ячеек является достаточной, чтобы позволять траве свободно расти и обеспечивать доступ влаги. В то же время ячейки газонной решетки предохраняют траву от механического истирания. На «зеленой парковке» даже при интенсивном движении трава остается свежей и радует взор. Специалисты, осуществляющие ландшафтные работы, уже взяли на вооружение новую технологию. Газонные решетки с успехом применяются при обустройстве парковок при торговых центрах, кинотеатрах, офисных зданиях. Также широко применяются такие решетки на приусадебных участках в местах с наиболее интенсивным движением: подъездных путях к дому и садовых дорожках.

К достоинствам «зеленых парковок» стоит отнести не только благоприятное воздействие на состав городского воздуха, но и защиту газонов от вымывания и выветривания почвы. Ячейки решетки защищают поверхностный слой почвы от негативного воздействия талых вод, ливневых дождей и сильных ветров. К тому же в ячейках скапливается уличная пыль, которая постепенно становится частью почвогрунта, т.е. использование парковочных газонов позволяет еще и решить проблему запыленности современных городов. Особо следует отметить экологичность материала, из которого изготавливаются газонные решетки. Пластик не содержит вредных веществ, не разлагается под воздействием влаги, не выделяет токсинов. Использование газонных решеток никоим образом не может нанести вреда экологии и здоровью человека.

Значение озеленения города понимают все, однако данная задача решается довольно сложно и долго. Во-первых, очень сложно найти деревья для озеленения городов – их вырубает за считанные минуты, а вот на восполнение лесного и паркового фонда времени уходит гораздо больше. Во-вторых, эпоха массовой застройки мало способствует засаживанию территорий зелеными насаждениями. Земель под строительство катастрофически не хватает, поэтому принимаются решения о вырубке некоторых парковых зон. В-третьих, население не всегда проявляет сознательность

и не стремится оказывать содействие городским властям, т.е. люди очень неохотно выходят на субботники, не желают бережно относиться к молодым саженцам. В общем, вышеперечисленные проблемы озеленения городов являются основными, но существует ряд других препятствий, с которыми сталкиваются борцы за озеленение.

В крупных городах ситуация еще более плачевная - проблемы озеленения крупных городов стоят особенно остро, а гипертрофируются в результате огромного количества промышленных объектов, автомобилей и ритма жизни. У большинства жителей больших городов попросту не хватает времени даже задуматься об этом, хотя роль озеленения города все понимают, но мало кто реально может оценить всю масштабность проблемы.

Основа системы озеленения современного города - насаждения на жилых территориях (во дворах при группах домов, в садах жилых районов и микрорайонов), на участках школ, детских учреждений. Их дополняют насаждения общегородского и районного значения в парках культуры и отдыха, детских, спортивных и других специализированных парках, в скверах и на бульварах, на промышленных, коммунально-складских территориях, на полосах отвода земель для транспортной коммуникации, а также заповедники, санитарно-защитные и водоохранные зоны. Составной частью озеленения крупного города являются насаждения пригородной зоны, создающие условия для массового отдыха населения среди природного окружения и содействующие оздоровлению городского воздушного бассейна: леса и лесопарки, плодовые сады [1].

Для всех развитых стран мира экологическая ситуация, складывающаяся в городах, а особенно в столицах, является предметом особого внимания официальных властей всех уровней, политических партий и общественных движений, средств массовой информации и широких слоев населения.

Новый термин, которым сегодня оперируют архитекторы, - это «натурализация застройки», то есть принципиально новый подход к освоению земли. В рамках «экологической реновации» размещение зеленых насаждений планируют не только на территории городских районов, но и на самих домах. Благодаря внедрению новых, устойчивых к разрушению материалов появилась возможность высаживать растения на любые свободные поверхности зданий и сооружений - крыши, фасады и стены домов, шумозащитные экраны, откосы дорог. Этот метод городского озеленения уже сейчас широко используется в Европе и активно поддерживается государственными властями. Кроме того, проблема озеленения решается и обратным способом (то есть путем «ухода» жилья

под землю с сохранением в этом месте природного ландшафта), с помощью контейнерного озеленения, а также путем создания внутренних мини-садов (патио) и пространств с искусственным микроклиматом (живой «лес» внутри здания под стеклянным колпаком). В г.Москва также рассматриваются подобные программы, и скоро, помимо ставших уже привычными лотков вертикального озеленения, в столице «расцветут» стены домов, балконы и даже крыши нежилых зданий [2].

Ярким примером современного города, большое внимание уделяющему проблеме озеленения и благоустройства городских территорий, служит город Белгород. Реализованы многочисленные программы по решению проблем озеленения, проводятся различные мероприятия по благоустройству территории. Ухоженные газоны, яркие клумбы, необычные декоративные скульптуры становятся визитной карточкой образа Белгорода.

Основное предприятие по озеленению Белгорода - ОАО «Горзеленхоз» – постоянно обновляет цветочные композиции панорамы города. В 2010 году ко дню города ОАО «Горзеленхоз» порадовал жителей Белгорода удивительной часовой клумбой. Эти часы настоящие. Они идут и показывают точное время. С близкого расстояния не сразу поймешь, что эта яркая, красочная клумба с «изюминкой». Здесь даже цифры выполнены из цветов. За газоном ухаживают, ежедневно его поливают, но электронному часовому механизму это ничем не грозит - он надежно укрыт в специальном коробе. «Часовая клумба» появилась в г.Белгород напротив памятника князю Владимиру, еще одна такая же, но в другой цветовой гамме - возле кинотеатра «Радуга». Это не единственный сюрприз, который работники зеленхоза преподнесли горожанам. Напротив часов по проспекту Ватутина появилось мраморно-крошечное оформление газона с надписью «Русь». А на пустыре около одной из школ «нарисовали» клумбы в виде геометрических фигур. «АиФ-Белгород» уже публиковал фото цветочной клумбы в виде ордена Отечественной войны возле драматического театра. Еще раньше здесь была цветочная композиция «Гвардейская лента», посвященная празднику Победы. Оригинальные клумбы украсили пустовавшие до этого газоны во многих районах города.

В г.Белгород проводится ряд конкурсов на лучшие предприятия по озеленению территории. Ко Дню города 5 августа 2010 г. подвели итоги городского конкурса по озеленению и ландшафтному оформлению прилегающей территории предприятий. Руководители лучших из них сегодня получили награды от администрации Белгорода. Конкурс в этом году стал частью проекта «Зеленая столица», но организовали его гораздо раньше для того, чтобы поддержать

предприятия, которые самостоятельно взялись за обустройство своей территории. Среди награждённых были представители управляющих компаний, учреждений образования и здравоохранения и индивидуальные предприниматели. Победителями среди представителей малого бизнеса стала компания «ДРЭП ДСК», которой руководит Виктор Молодых. Ему вручили диплом и денежную премию в размере 50 тыс. руб. Второе место присудили проекту гостиницы «АМАКС Конгресс-отель» (премия 30 тысяч рублей), а диплом третьей степени и премия 10 тысяч рублей достались директору парикмахерской «Мастер-Люкс» Александру Сошенко. В номинации «Средние и крупные предприятия» денежные премии были немного больше. 30 тысяч рублей за третье место получил генеральный директор компании «Белгородстройдеталь» Анатолий Манков. Диплом второй степени и 50 тысяч рублей - руководитель кондитерской фабрики «Белогорье» Сергей Сиротенко. А абсолютным победителем конкурсная комиссия назвала завод «Белагромаш-Сервис». Генеральному директору предприятия Владимиру Рязанову вручили премию в размере 100 тысяч рублей.

Жители Белгорода принимают активное участие в субботниках по очистке города. Структурные подразделения администрации, сотрудники предприятий и организаций, политические и общественные организации, школьники и студенты выходят на улицы города для проведения субботников.

Губернатор Евгений Савченко сформулировал цели, задачи и механизм реализации регионального экологического проекта «Зеленая столица», разработка концепции которого началась несколько месяцев назад. Как рассказал губернатор на прошедшем 29 января заседании правительства области, проект «Зелёная столица» будет развиваться по пяти направлениям. Первое направление включает в себя озеленение и ландшафтное обустройство территории области, в первую очередь населённых пунктов. Второе подразумевает рекультивацию участков, испытавших техногенное воздействие со стороны хозяйствующих субъектов - предприятий горнорудного комплекса и других промышленных отраслей. В качестве третьего направления проекта глава региона назвал развитие рекреационных зон. Они будут создаваться и обустраиваться на берегах рек, в лесных массивах и других природных комплексах и предназначаться для активного и полезного отдыха жителей области. Евгений Савченко отметил, это направление уже успешно развивается в некоторых муниципальных образованиях, например, в Прохоровском и Волоконовском районах. Четвертой задачей «Зеленой столицы» является сплошное облесение меловых склонов и опасных в эрозионном отношении участков. По словам губернатора, до настоящего времени работа по этому направ-

лению не носила комплексного характера, но теперь она будет активизирована на системной основе. Пятый компонент проекта заключается в координации работы по производству посадочного и посевного материала для остальных направлений - саженцев деревьев и декоративных кустарников, семян трав и цветов.

Для реализации масштабного экологического проекта при губернаторе области создан координационный совет. Руководителем проекта назначен начальник департамента строительства, транспорта и ЖКХ области - заместитель председателя правительства области Николай Калашников. Губернатор отметил, что необходимая производственно-техническая база и кадровый потенциал для создания «Зеленой столицы» в регионе имеются. Органичной частью проекта станут и многочисленные программы в экологической сфере, уже выполняющиеся в области. Финансироваться проект будет из разных источников: за счет средств областного бюджета, при содействии крупных коммерческих компаний и предприятий, бюджетных организаций. Не исключается также и привлечение федеральных средств.

Губернатор выразил уверенность в успешной реализации проекта, который может и должен стать визитной карточкой региона. Одновременно Евгений Савченко порекомендовал главам районных администраций задуматься над созданием брендов для своих районов, развивать их особые черты, которые способны принести им известность далеко за пределами области [3].

Проект призван подарить белгородцам новые зоны отдыха. Все жители области, а также гости региона должны получать заряд положительных эмоций, быть всегда в хорошем настроении, жить в гармонии. А гармония - это единство таких важных составляющих, как человек, природа, Бог, наука - отметил губернатор Евгений Савченко. Лишенные растительности участки на территории области - это результат нашей неразумной хозяйственной деятельности. Мы должны исправлять свои ошибки, - подчеркнул глава региона.

К настоящему времени необходимая подготовка к практическому выполнению проекта завершена: сформирована нормативная база, определены необходимые материально-технические ресурсы, источники финансирования и непосредственные исполнители. В рамках совета сформированы рабочие группы, каждая из которых отвечает за реализацию одного из пяти направлений «Зеленой столицы».

Губернатор предложил активнее использовать при озеленении города проектные возможности белгородских вузов, а также потенциал крупных предприятий и организаций. Кроме того, Евгений Савченко поручил в полной мере учитывать вопрос озеле-

нения при проектировании и сооружении всех крупных объектов - дорог, жилых комплексов, торговых центров и так далее.

Третьего апреля 2010 года в продолжение комплексной программы озеленения в с. Нижние Лубянки Волоконовского района стартовал масштабный проект «Зеленая столица», который предполагает озеленение и ландшафтное обустройство территории области. На меловых склонах площадью 13 га участники субботника высадили более 60 тысяч саженцев сосны, акации и ясеня.

В настоящее время муниципальными районами представлены 285 проектов рекреационных зон, развитие которых предусматривает инвестирование около 2,8 миллиарда рублей. Все эти проекты, предполагающие организацию активного отдыха белгородцев, пройдут оценку с точки зрения их рекреационных возможностей и коммерческой привлекательности. В создании зон отдыха примут активное участие органы местного самоуправления, в этом им поможет и область, но основную роль должны будут сыграть инвесторы. Вторым направлением проекта является сплошное облесение меловых склонов и эрозионно-опасных участков. Высадка на меловых склонах саженцев деревьев и кустарников будет начата в 2010 году.

Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что человечество начинает понимать, какой вред приносит природе техногенная деятельность. Промышленность, автомобили, нефтедобыча - все это убивает планету точно так же, как, например, сигаретный дым убивает легкие человека. Сегодня все большее число людей осознает необходимость восполнения и восстановления зеленых насаждений. Властные структуры большинства городов понимают, что озеленение города должно включаться в первоочередные задачи. Ведь помимо того, что на зеленые кусты и деревья смотреть гораздо приятнее, чем на бетонные стены, насаждения очищают воздух, помогая людям дышать свободнее.

Примечания

1. Чернышева, М.П. Хвойные породы в озеленении Центральной России [Текст] / М.П. Чернышева. – М. : Колос, 2007. – 325с.
2. Полозун, Л.Г. Озеленение и декоративное оформление жилой застройки [Текст] / Л.Г. Полозун. – М. : Сталкер, 2005. – 161с.
3. Завадская, Л.В. Вертикальное озеленение [Текст] / Л.В. Завадская. – М. : Аст, 2005. – 128 с.

Д. С. Семикопенко

Стратегия развития городов России

В настоящее время тема разработки стратегии городов России стала очень актуальной для руководителей городов и регионов. Рассматривая город как корпорацию, следует считать жизненно важным понимание тенденций развития и оценку силы влияния внешней среды на его текущее состояние.

Необходимо также отметить, что в городе всегда присутствуют различные ресурсы для развития, которые сосредоточены не только в банковском и финансовом секторах, но и в материальных и нематериальных активах предприятий, организаций и учреждений. Для того, чтобы проводить последовательную работу по развитию города, необходимо определить базис для объединения всех усилий и возможностей развития.

Разработанная стратегия развития позволяет определить готовность города к реагированию на выявленные факторы влияния внешней среды и объединить ресурсы внутри города. Кроме того, стратегия города свидетельствует о способности города вести планомерную работу и по привлечению внешних ресурсов для его развития по формированию привлекательного имиджа и развитой инфраструктуры города.

Естественно, что на сегодняшний день мы не в состоянии привести полный перечень разработанных и реализуемых стратегий городского развития. Сегодня не только большие, но и малые города ставят вопросы стратегического развития и планирования в число высших приоритетов деятельности органов местного самоуправления.

Очевидно, что в каждом городе, разрабатывающем или уже реализующем стратегию, существовали «свои» основные причины, послужившие катализатором стратегической работы. Соответственно, в каждом городе проявляются особенности как при организации работы, так и в содержательной стороне разрабатываемых планов. Даже с учетом того, что для большинства городов присущи схожие проблемы (депопуляция, изношенность объектов инфраструктуры, недостаточная собственная налоговая база, недостаток инвестиционных ресурсов, отсутствие продуктивного диалога бизнес-власть и др.), каждый из муниципалитетов определяет приоритетность проблем и подходы к их решению по-разному.

Несмотря на выделенные приоритеты, все города используют комплексный и системный подход в разработке плана стратегических мероприятий и программных действий.

Критически важным для последующей реализации стратегии является разработка и принятие исполнителями конкретных программ и мероприятий стратегического развития. Необходимо на этом этапе четко осознавать приоритеты и ориентиры городского развития. Такой подход обеспечивает баланс между потребностями и ресурсами, имеющимися в распоряжении города для реализации предложенных мероприятий.

Город – это огромный консервативный механизм, поддержание деятельности которого в первую очередь связано с адаптационными механизмами и лишь во вторую – с инновационными. При этом нормальное функционирование адаптационных механизмов требует постоянных нововведений, миссией которых становится саморазвитие, рост благосостояния жителей, процветание, интеграция в мировую экономику и многое другое [1].

Сегодня практически в каждом регионе России существует стратегия развития инфраструктуры города. Так и в Белгородской области разрабатываются и реализовываются десятки стратегий развития региона.

Одна из таких программ – «Стратегия развития Белгорода до 2025 года».

Белгородская область — регион Российской Федерации, расположен на южной окраине Среднерусской возвышенности, преимущественно на правом берегу реки Северский Донец (правый приток Дона), в 697 км к югу от Москвы, в 40 км от границы с Украиной. В нынешних границах Белгородская область существует с 6 января 1954 года.

В состав области входят 21 район, 6 городов областного подчинения (Алексеевка, Белгород, Валуйки, Старый Оскол, Губкин, Шебекино) и 5 городов районного подчинения (Бирюч, Грайворон, Новый Оскол, Короча, Строитель), 20 посёлков городского типа, 1592 сельских населённых пункта [2].

Сегодня Белгород — город с развитой инфраструктурой, научный, культурный, экономический и духовный центр Центрально-Чернозёмного района и России. Город насчитывает 576 улиц, бульваров и проспектов, общей протяжённостью около 460 км. Также является крупным транспортным узлом России. Белгород неоднократно занимал почётное первое место по чистоте и благоустроенности среди городов России с населением от 100 до 500 тыс. человек.

Белгородская агломерация включает в себя п. Северный, п. Разумное, п. Дубовое, п. Стрелецкое, п. Майский, п. Таврово и другие близлежащие населённые пункты, общее население агломерации составляет около 500 тысяч человек.

Город активно развивается и расстраивается. На территории города находится более 10 крупных торговых комплексов, универмагов и гипермаркетов. Образовательная сфера города представлена рядом вузов и ссузов, а также в Белгороде 50 общеобразовательных школ и около 80 дошкольно-образовательных учреждений. В городе насчитывается шесть парков культуры и отдыха, семь музеев и четыре театра. Особое внимание здесь уделяется спортивным объектам, в городе насчитывается около 20 спортивно – оздоровительных комплексов. Богата Белгородская земля и старинными памятниками архитектуры, которые находятся на государственной охране.

В Белгородской области был разработан проект «Стратегия развития Белгорода до 2025 года». Идея о создании долгосрочной стратегии развития города была продиктована самим временем. Социальная ответственность перед будущими поколениями сформировала задачи, поставленные в этом уникальном документе. Вектор, выбранный губернатором Белгородской области, был поддержан депутатами городского Совета. Работа над перспективами – ближайшими и ближними – базировалась на Программе повышения качества жизни белгородцев и на реализации приоритетных национальных проектов.

«Главная стратегическая цель принимаемого документа, - отметил глава администрации Белгорода, - повышение уровня жизни населения. Миссия стратегии – от благоустройства к благополучию. Развитие творческого потенциала населения, возможность самореализации – эти цели также заложены в средне- и долгосрочную программы».

Инвестиции в человека, развитие городской инфраструктуры, развитие местного самоуправления – вот какие задачи ставили во главу угла разработчики Стратегии. Помимо десяти программных целей, в ней сформулировано 30 задач, 47 индикаторов жизни, главный из которых – индекс развития человеческого потенциала.

В соответствии с рекомендациями ООН он характеризуется тремя основными показателями: ожидаемой продолжительностью жизни, уровнем образования и долей ВВП на душу населения. Мы занимаем 9-е место по этим показателям среди регионов России. И это позволяет надеяться, что запланированные Стратегией перемены свершатся, сделав жизнь белгородцев еще более качественной.

Белгородская область прочно занимает передовые позиции в Российской Федерации по темпам жилищного строительства. За последние годы в Белгородской области вводится около 800 тыс. м² жилья в год. В расчете на одного жителя этот показатель превышает уровень столицы в 1,5 раза, Центрально-Черноземного региона - в 3 раза.

В то же время наряду с позитивными тенденциями в настоящий период жилищная проблема региона не потеряла свою остроту. Сложившуюся ситуацию, как и в других регионах, можно рассматривать как переходную. К проблемам в сфере жилищной политики региона можно отнести следующие:

- недостаточность объемов жилищного строительства и его несоответствие платежеспособному спросу населения;
- несовершенство нормативно-правовой базы для рыночных отношений в сфере жилищной недвижимости;
- по сей день важнейшим фактором, формирующим спрос на жилье, выступают потребительские мотивации;
- на жилищном рынке преобладают перераспределительные тенденции между различными по уровню доходов слоями населения;
- диспропорции в темпах и качестве жилищного строительства в различных административных районах Белгородской области;
- низкий уровень развития жилищной инфраструктуры;
- несбалансированное соотношение себестоимости и рыночной стоимости жилья.

Вопрос государственного регулирования развитием рынка жилья является чрезвычайно важным на региональном уровне, поскольку именно здесь происходят основные рыночные преобразования. Различие условий и сложившихся тенденций на жилищном рынке Белгородской области вызывает потребность в разработке индивидуальных моделей, учитывающих специфику данной территории.

Основная цель жилищной политики в Белгородской области заключается в стабилизации и обеспечении роста темпов нового строительства, его дифференциации по качеству и местоположению в соответствии со спросом и потребностями населения, в повышении качества и эффективности строительства.

Приоритетными задачами в отношении жилищного строительства на территории области являются:

- комплексность в создании комфортной среды проживания, включающей:
- многообразие архитектурных решений преимущественно малоэтажной застройки в сочетании с профессиональным градостроительным подходом к ее размещению;
- опережающее развитие инженерной инфраструктуры районов массовой застройки, развитие дорожной сети в населенных пунктах области и их благоустройство;
- обеспечение безопасности проживания;
- создание наиболее благоприятных возможностей застройщикам для строительства индивидуального малоэтажного жилья коттеджного типа на прилегающих к городам и рабочим

поселкам земельным участкам, организации спальных районов и зон отдыха трудящихся и сферы услуг с полным инженерным обеспечением возводимого жилья;

- реконструкция жилых зданий начального периода массовой застройки;
- совершенствование парка строительной техники;
- создание равных условий для всех субъектов хозяйственной деятельности жилищного строительного рынка, поддержки развития малого предпринимательства;
- регулирование и контроль строительного рынка посредством создания и развития соответствующей нормативно-правовой и нормативно-технической базы на федеральном, региональном и местном уровнях, а также контролем за ее исполнением.

Одна из приоритетных задач Белгородчины – программа озеленения территории города и его районов.

Белгород активно включился в областной проект «Зеленая столица». Сделать город красивее помогают и городские предприятия, и рядовые горожане. В эту работу включилось практически все население областного центра. У проекта несколько направлений, и ведется работа масштабно.

Одно из направлений – реконструкция и ландшафтное обустройство северного и южного выездов из города. В северном направлении работы ведутся от улицы Александра Невского до Ротонды. В южном – от Водстроя до улицы Есенина. На этих участках будут реконструированы зеленые насаждения: заменены и кронированы деревья, обновлены и улучшены газоны, высажены кустарники, появятся новые клумбы и цветники.

Запланировано и благоустройство. В северной части города будет уложено около 19 тысяч квадратных метров плитки. От улицы Кутузова до улицы Александра Невского уже проложено 540 метров ливневой канализации.

Еще одно направление – ландшафтное обновление города на территории хозяйствующих субъектов. Сегодня практически все предприятия и организации включились в работу. Разрабатываются проекты озеленения территорий, начинаются работы по их воплощению в жизнь. Примером для всех здесь могут служить два крупных городских промышленных предприятия: «Белагромашсервис» и «Абразивный завод». Здесь уже не первый год занимаются ландшафтным обустройством.

Активно включилась в работу и общественность. Клумбы у подъездов, ухоженные дворы, зеленые газоны – это вклад жителей Белгорода в реализацию программы «Зеленая столица».

Проект «Зеленая столица» — это система зеленого оформления города. В нее входит не только озеленение, но и уход за растениями. Губернатор области и мэр Белгорода уделяют особое внимание вопросам озеленения и рекультивации отработанных земель.

Один из новых законопроектов Белгородчины – закон “О родовых поместьях в Белгородской области”. Его суть заключается в том, чтобы узаконить такое понятие, как “родовые усадьбы”. Теперь граждане могут по аналогии с участками под ИЖС приобретать участки в заброшенных селах и хуторах, создавая таким образом родовые усадьбы, которые на сегодняшний момент целиком вписываются в программу по поддержке земель под ИЖС. Губернатор Белгородской области также поддержал идею по предложению создавать семейные родовые усадьбы.

В городе активно проходят конкурсные программы по развитию территорий областного центра, одна из таких программ – «Город Белгород 2010». Участниками стали общественные объединения, которые представляли на суд жюри программы по развитию и благоустройству родного города.

Предложенные программы и планы реализации очень разнообразны. Одна из таких программ – "Развитие и обустройство специально предназначенной и огороженной площадки для выгула и дрессировки собак на территории реки "Везелка", которая и заняла первое место в конкурсе. Второе место получил проект "Развитие и обустройство мест массового отдыха населения".

Конкурсная комиссия также дала положительную оценку программам "Зеленому городу - здоровый образ жизни!", по развитию детской спортивной инфраструктуры на придомовой территории, победители получили гранд для реализации программы.

Город располагает развитым научно-культурным потенциалом. Подготовку кадров ведут 5 государственных высших учебных заведений и 5 филиалов, среди них гордость нашего города - государственный университет с новым корпусом и концертным залом на 700 мест, технологический университет им. В.Г.Шухова, университет потребительской кооперации, государственный институт культуры, юридический институт, Белгородский филиал МЭСИ, филиал Санкт-Петербургского инженерно-экономического университета и др., а также 6 коммерческих. Во всех вузах обучается 49,1 тыс. человек. Ежегодно выпускается более 7 тысяч специалистов.

Особое внимание уделяется воспитанию детей: в областном центре для них работает 50 дневных общеобразовательных школ, в которых учится 33,3 тыс. учащихся, 63 дошкольно-

образовательных учреждения, специализированные клубы, детские городки, стадионы.

За последние годы Белгород вырос и как культурный центр. К услугам белгородцев и гостей города 4 музея, 3 театра, 4 кинотеатра, 14 учреждений культурно-досугового типа, 30 библиотек, ледовый дворец "Оранжевый лед". Гордостью и символом областного центра являются академический театр им М.С. Щепкина, а также музей-диорама "Огненная дуга".

Не мог и остаться без внимания вопрос о реконструкции и строительстве дорог. Очень большое внимание уделяется дорожным вопросам, совместно с технологической академией им. Шухова разрабатываются новые дорожные покрытия, совершенствуются материалы и технологии строительства самих дорог.

Большая часть дорог Белгородской области была построена 40-50 лет назад. Из-за возросшей интенсивности использования и увеличения нагрузок степень разрушения дорожного полотна такова, что текущий ремонт не дает должного эффекта. Начальник ГУ «Управление автомобильных дорог общего пользования и транспорта области» Константин Полежаев рассказал, что в первую очередь необходимо провести реконструкцию трасс по следующим направлениям: Белгород-Старый Оскол, Белгород-Валуйки, Старый Оскол-Валуйки, Белгород-Алексеевка, Белгород-Томаровка-Ракитное. Так, уже к октябрю будущего года ожидается завершение реконструкции трассы «Короча-Губкин-Горшечное». Запланировано и строительство новых высококлассных автодорог, таких как Таврово-Соломино-Разумное, Разумное-Северюково-Ближняя Игуменка-Новосадовый и далее на Хохлово-Терновку с выходом на М-2 «Крым». Современные дороги предполагают 4-полосное движение и прочное дорожное покрытие, способное выдерживать современные нагрузки.

Городом молодости, устремленным в будущее, считают белгородцы свой областной центр. Мощный промышленный, строительный и научный потенциал, развитые коммуникации, хорошо оснащенная социально-культурная база открывают ему большие перспективы.

Приоритетами новой инвестиционной политики города Белгорода, стратегическими целями которой являются создание условий для активизации экономики города, адаптации ее к развивающимся рыночным отношениям, являются:

- содержание, обслуживание и развитие инфраструктуры города и жилищно-коммунального хозяйства;
- производство импортозамещающей продукции;

- производство экспортных товаров несырьевых отраслей, имеющих спрос на внешнем рынке;
- промышленное освоение экономически эффективной наукоемкой техники и технологий;
- укрепление конкурентных позиций местных товаропроизводителей на внутреннем и внешнем рынках;
- улучшение экологии на территории города;
- внедрение энерго- и ресурсосберегающих технологий;
- иные направления, ориентированные на развитие города.

С точки зрения интересов муниципальных образований новая инвестиционная политика города призвана обеспечить формирование доходной части бюджета за счет активизации хозяйственной жизни и эффективного управления муниципальной собственностью.

Проведение новой инвестиционной политики невозможно без создания конкурентной среды, с учетом привлечения внутренних и внешних финансовых ресурсов [3].

Концепция инвестиционной политики города Белгорода значительно повысит привлекательность города и области для инвесторов, подтвердит надежность ее экономического состояния, стабильность социально-экономической обстановки, послужит залогом заметного увеличения дополнительных средств для инвестиционной деятельности.

Библиографический список

1. Кочетков, С. В. Стратегия планирования инфраструктуры города и реализация государственных программ развития России [Текст] : учеб.-метод. пособие / С. В. Кочетков, А. Н. Муравецкий ; под общ. ред. С. В. Кочеткова. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2009. – 207 с. : табл.

2. Разработка и использование приоритетных программ развития Белгорода [Текст] : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Губкин, 7-8 апр. 2010 г. / В. К. Харченко, В. Ю. Переверзев, Л. В. Серых и др. ; науч. ред. и сост. П. Е. Решетников. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2010. – 315 с.

3. О стратегии развития города Белгорода при губернаторе области [Текст] : постановление губернатора Белгородской области : от 18 января 2010 года № 114 (документ опубликован не был) // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Разд. «Законодательство». Информ. банк «Региональная стратегия Белгородской области».

УДК 008:316

Н.П. Салохин

Самоуправление городского социума в процессах саморазвития

Несмотря на признание практиками и научным сообществом самоценности парадигмы социальной самоорганизации одним из перспективных направлений, в завершённом виде таковая пока не сложилась. Процесс её становления активно идёт, и определяющая роль здесь принадлежит синергетике.

«...Мир нестабилен, - писал И. Р. Пригожин. - Но это не означает, что он не поддается научному изучению. Признание нестабильности – не капитуляция, напротив – приглашение к новым экспериментальным и теоретическим исследованиям, принимающим в расчет специфический характер этого мира... Мы должны признать, что не можем полностью контролировать окружающий нас мир нестабильных феноменов, как не можем полностью контролировать социальные процессы...»[1, с. 51]

Постнеклассическая парадигма управления, используя элементы теории самоорганизации Г. Хакена, теории диссипативных структур И.Р. Пригожина и Г. Николаса, теории коэволюции сложных систем Е.Н. Князевой, С.П. Курдюмова и Г.Г. Малинецкого, теории автопойзиса У. Матураны и Ф. Варелы, динамической теории Д.С. Чернявского и И.А. Ершовой-Бабенко, также концепций В.И. Аршинова, В.В. Васильковой, А.А. Колесникова, Н.Н. Моисеева и других авторов, предлагает как на методологическом, так и на практическом уровнях новые подходы в оптимизации процесса управления социумом города в качестве совокупности сложноорганизованных нелинейных сред различной, в том числе и социально-организационной природы. Поиску подходов к обоснованию теории социальной самоорганизации посвящены и труды автора доклада.

Проблемы значения открытости социальной системы, её неустойчивости, нелинейности и неравновесности – предмет изучения синергетики. Ослабевающий хаос в жизнедеятельности трансформируемой России и локальных территориальных сообществ создаёт основания для будущей самоорганизации. И. Р. Пригожин в работе «Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой» предложил рассматривать таковой в качестве важного внутреннего побудительного стимула самоорганизации социальных систем, которые в стремлении к саморационализации самостоятельно выстраивают оптимальные структуры[2, с. 130].

Синергетическое измерение единицы самоуправления города раскрывается в поиске конечных причин трансформаций -

смысловых устремлений бытия человека в мире социального, трансграничных траекторий становления и развития, обладающих способностью к синтезу и саморазвитию, в обнаружении самоценности перехода социума из состояния хаоса к состоянию порядка[3, с. 16]. Придавая содержательный смысл явлениям хаоса и порядка, синергетика, выделяя равновесный, динамический и статистический хаос, не противопоставляет их друг другу. Порядок при этом рассматривается как структурное или одновременно динамическое явление.

Применив системный подход для анализа социальных процессов города, мы определили основной элемент социально-территориальной организации социума - локальное территориальное сообщество - как открытую, нелинейную и неравновесную самоорганизующуюся систему. Мера открытости социальной системы характеризуется качеством взаимодействия с внешней, в том числе социально-организационной, средой, обменом с ней энергией и информацией. В самоорганизующихся системах взаимодействие указанного типа присуще всем элементам внутренней структуры. Специальные локализованные органы, выполняющие функции управления, в них невозможны: непосредственно или в опосредованной форме здесь все должны взаимодействовать со всеми.

Содержание процессов, происходящих в открытых системах, характеризует качество взаимодействия граждан и власти как взаимополагающих и взаимодополняющих элементов, каждый из которых обладает определенностью, создающей условия для энергетического и информационного обмена. Любое территориальное сообщество – население города, городского округа или района, микрорайона или городского квартала – нуждается в разветвленной социальной инфраструктуре, раскрывающей уровень социального развития в каждом отдельном элементе. Очевидна необходимость организующего и управляющего начала, детерминирующего их деятельность и оперативно реагирующего на поступающие вызовы.

Открытость системы – необходимое, но не единственное основание самоорганизации: всякая самоорганизующаяся система открыта, но не всякая открытая система – носитель более прогрессивной социальности. Мера прогрессивности открытых систем выражена в противоречии основных тенденций становления самоуправления в посттоталитарной России: тенденции нарастания неоднородности в сплошной среде, что повышает уровень взаимодействия органов местного самоуправления с местными сообществами, и тенденции рассеивания неоднородности

самого различного содержания, что ведет к детерминации и снижению возможности самоуправления. Несмотря на явное доминирование в практике управления последней тенденции, мы можем говорить о нарастающем сопротивлении самоуправления детерминации и диктату.

«Нелинейность» как выражение неэквивалентности прошлого и будущего является другим важным основанием самоорганизации городского социума. Практика самоуправления содержательно «нелинейна», ибо осуществляется под воздействием множества переменных. Нелинейность выражена в альтернативности и поливариантности направлений эволюции и ее необратимости. В благоприятных условиях нелинейность усиливает флуктуации системы, увеличивая положительные социальные последствия действия самых незначительных элементов ее структуры. В рамках территориальной общности возрастание значимости социального признака, не получившего пока распространения, выражено ростом числа участников безвозмездной деятельности и ростом числа политически активных граждан. Условием этого роста мы видим снижение авторитета власти на фоне угасания веры населения в способность решать успешно и в интересах большинства проблемы социально-экономического развития. Отход от традиционных субъект-объектных норм активизирует деятельность самоуправления.

Открытые нелинейные системы обладают важным социальным качеством - порогом чувствительности. Выше определенной меры уровень социальных связей многократно возрастает, активность индивидов и их сообществ повышается, идет интенсивный поиск оптимальных форм и механизмов организации собственного бытия. Понижение социальной чувствительности с неизбежностью ведет к застою, социальной апатии и деградации социума. Практика становления институтов гражданского общества в посттоталитарной России свидетельствует, что, несмотря на рост социальной и политической активности граждан, отношения самоуправления не достигли требуемого порога чувствительности и находятся в режиме стагнации.

Нелинейность выражена в возможности развития и изменения различных свойств и признаков социальной системы в соответствии собственной гносеологии на основе собственных ресурсов и ответственности. В нелинейной среде городского самоуправления, выбор путей эволюции строго детерминирован набором сложившихся объективных и субъективных факторов. После краха тоталитаризма в начале 90-х гг. развитие России могло пойти совершенно иным путем, но слабость субъектного

фактора саморазвития позволила возобладавать социальным тенденциям, противоречащим объективным потребностям эпохи постмодерна.

Нелинейность активизирует не учитываемые ранее (ввиду их незначительности) факторы, способные повлиять на общее направление развития. Нелинейность социальных процессов делает нефункциональным традиционный для классической схемы управления прогноз на основе экстраполяции от достигнутого, ибо развитие происходит в процессе случайного выбора путей движения вперёд из множества возможных, а подобная случайность может не появиться вновь.

Механизм ускорения или затухания темпов развития, - как обосновал С.П. Курдюмов, - отражает нелинейность обратной связи, которая может быть как положительной, так и отрицательной. Отрицательная обратная связь объективно тормозит развитие, формируя основания для возврата в состояние равновесия, создающего стабилизирующий эффект и утверждающий количественный рост, отрицающие необходимость перемен. Это происходит всякий раз, когда в обществе осуществляются трансформации, не соответствующие объективным потребностям развития и не встречающие поддержки и одобрения большинства населения, что порождает отрицательную реакцию населения на действие субъекта управления.

Положительная обратная связь переводит систему из состояния равновесия к неустойчивости, что может становиться основанием появления новых активных форм организации общественных связей и обновления всей системы общественных отношений. Без неустойчивости, по мнению ряда исследователей, невозможно развитие, поэтому неустойчивость и хаос проklamируются как условие становления новой социальности.

Развитие социума города и городского самоуправления не может по целому ряду соображений быть стабильным. Но, признав значимость нестабильности, нельзя полностью проигнорировать стабильность и детерминизм в развитии [4, с. 23-24]. Очевидно, что и неустойчивость не всегда конструктивна.

Современная Россия предоставляет открытое пространство для становления городского самоуправления, мера открытости которого детерминирована всем предшествующим опытом развития. Конкретная форма актуализации отношений самоуправления в современной России пока не сложилась, следовательно, российский вариант самоуправления должен отвечать национальной традиции и реальным потребностям жизни.

Систему бытия городского социума нельзя обозначить как абсолютно неустойчивую. Для её возникновения необходимы конкретные условия, создающие определенным образом детерминированную сферу. Неустойчивость в социальной среде раскрывается в наличии случайного внутри конкретной системы отношений. В современных условиях мы имеем дело не с отсутствием детерминированности, а с более сложными закономерностями казуального характера. Слабовыраженный социальный импульс нового, возникая на периферии многокомпонентной структуры, в ходе изменения темпов объективации процесса может быть не замечен общностью и его действие окажется недостаточным. Наш вывод раскрывается в практике политических партий и общественно-политических движений, активных в столицах и практически незаметных на периферии. Слабый импульс, возникая в структуре общности, объединяемой недостаточно выраженными социальными связями, в состоянии привести в действие механизм становления новых качеств, увеличивая значимость определяющих функций, что ведет к рассогласованию действия внутреннего механизма и распаду сложной структуры [5, с. 66-67].

Эти процессы имеют место в структуре социума города. Приватизация предприятий торговли привела к распаду упорядоченной системы распределения продуктов потребления, но учреждения социальной сферы – образования, здравоохранения, культуры, социального обеспечения – по-прежнему действуют вне системы товарно-денежных отношений. Эта двойственность находит выражение в противоречиях взаимодействия городской инфраструктуры и субъектов организации жизни города. Указанное противоречие можно разблокировать, по меньшей мере, двумя путями: превратив все социальные услуги – образование, здравоохранение, спорт, досуг и культурное творчество – в товар, продав в частные руки школы, вузы, больницы, поликлиники, театры, музеи, стадионы и спортивные школы; либо установить строго детерминированный баланс товаров и услуг, создавая, тем самым, для всех равные стартовые условия в сфере развития индивидуальности.

Практика дает право утверждать, что рост эффективности управления прямо пропорционален его совпадению с действием внутреннего механизма развития социальной системы. В сложноорганизованной системе нельзя детерминировать направления развития, ею нельзя управлять, применяя только субъект-объектные схемы: внешнее воздействие не в состоянии заменить самоупорядочение и саморазвитие. Управление должно обеспе-

чить свободу выбора и свободу действий для реализации альтернатив. Социальная система тем более активна и функциональна, чем меньше заимствований из внешней среды включено в ее внутреннюю структуру.

Указанный вывод науки как будто нашел отражение в действующей Конституции Российской Федерации, где декларируется самостоятельность самоуправления в рамках собственной компетенции и независимость его органов от верховного и регионального субъекта власти. Конституционное прокламирование независимости автоматически не привело к таковой, не утвердило способность самоорганизации городского социума. Местное самоуправление не имеет достаточных ресурсов и по-прежнему испытывает финансово-экономическую зависимость от властного субъекта, что дает повод усомниться в целесообразности самоуправления такого типа.

Традиционно социальные системы делятся на открытые, обладающие способностью активно переработать внешний импульс в интересах собственного развития, и закрытые, стремящиеся к автаркии и максимальному уменьшению внешнего воздействия. Употребляя понятие «открытая система» - «закрытая система», мы не рассматриваем разнотипные общества, а ведем речь о разных состояниях одного и того же общества, одной и той же территориальной общности на разных временных отрезках ее истории.

Социальная эволюция как выражение открытости социальной системы и умения использовать механизм обратной связи определена Н. Н. Моисеевым, который писал: «Если... в конкретных условиях возникло несколько типов организации материи, согласующихся с другими принципами отбора, то реализуется та структура, которой отвечает ее минимальный рост (или максимальное убывание энтропии). Поскольку убывание энтропии возможно только за счет погашения внешней энергии и (или) вещества, реализуются те из мысленно возможных (виртуальных) форм организации, которые способны в максимальной степени поглощать внешнюю энергию»[6, с. 28]. Экстраполируя этот принцип на становление городского самоуправления, мы видим, что в современной России имеет место процесс, упорядочивающий как внутреннюю структуру системы городского социума, так и принципы его взаимоотношения с управляющей внешней средой. Наиболее жизнеспособными оказываются те модели самоуправления, которые удовлетворяют объективным потребностям развития.

Становление социальности нового типа связано с действием негэнтропийных источников социальной энергии. Для территориальной общности в качестве таковых выступают социальные силы человека, раскрываемые в различных видах общественно полезной деятельности. Нелинейный скачок в саморационализации собственной структуры социальная система города производит на основе новых ресурсных источников, что в российской практике проявилось в легализации корпоративной, индивидуальной и частной собственности на средства производства. Становление городского самоуправления осуществляется в процессе утверждения новых форм собственности, однако освоение новых ресурсов не отличается эффективностью. Этот процесс, как мы полагаем, должен раскрыться в более рациональном использовании трудовых ресурсов. Практика социально-экономической жизни России не дает оснований для оптимизма: во-первых, в годы трансформаций так и не сложились новые стимулы для повышения результативности коллективных и индивидуальных инициатив: не все участники национальной трудовой кооперации сумели перейти к повышению объема и качества продукции при сокращении числа работающих; во-вторых, в стране не сложился функциональный рынок труда: работодатели по-прежнему вне конкуренции за обладание наиболее квалифицированными работниками; в-третьих, отсутствует механизм здоровой конкуренции различных организационных форм и форм собственности; и, наконец, в-четвёртых, не сложился средний класс – носитель отношений социального самоупорядочения и самоорганизации, главный потребитель рыночных продуктов и услуг.

Прорыв мы видим в возможностях информационного ресурса, что ускорит темпы связи с внешним миром и утвердит открытость социальной системы. Открытость является одним из условий динамичного развития городского сообщества, но в то же время создает условия утверждения единообразия. Упорядочивающее влияние государства может привести к утверждению унифицированных субъектов самоуправления, изначально обреченных на тотальную стабильность и возрастание энтропии.

Объективная оценка возможностей нелинейного в эволюции социальных систем дает основания для спокойствия, ибо изменение систем зависит не столько от наличия разнообразных ресурсов, сколько от способности системы адаптировать таковые применительно к внутренним потребностям развития.

Успех или неуспех становления городского самоуправления всецело зависит не только от наличия ресурсов, в большей степени он испытывает влияние со стороны способности прогно-

зировать последствия применения указанных ресурсов. В процессе усвоения и освоения внутренних и внешних ресурсов социально-территориальная система испытывает разные виды воздействия. Это воздействие может быть представлено как обмен финансовыми и иными материальными ресурсами, обмен информацией и идеями, обмен индивидуальными и коллективными сущностными силами между участниками отношений самоуправления, обмен между человеком и природной средой. Потoki ресурсообмена не могут объективироваться в чистом виде, ибо механизм социального взаимодействия предполагает одновременное действие многих видов общественных отношений по всем линиям контактов. В соответствии с законами самоорганизации, одновременное взаимодействие по множеству линий создает неравновесность социальной системы, обуславливая возникновение новых структур. Противоречие внешних и внутренних источников неоднородности усиливает социальную стратификацию социума и ведёт к возникновению антагонизмов социальных слоев и социальных групп. Утверждение реальных рыночных отношений, включающих в систему социального обмена большинство членов общества, может стать гарантом положительной социальной динамики[7, с. 108-109].

Развитие отношений собственности ускоряет процесс социальной мобильности. Динамизм социального развития усиливает демократические начала и выражается в формировании основ гражданского общества. Этот процесс является альтернативой и средством противодействия возможному хаосу и социальным потрясениям. Нормы права укрепляют стремление к самоопределению территориальных сообществ, декларируя их самоуправляющийся статус в рамках единого конституционного пространства.

Наряду с интенсивным усвоением внешних ресурсов в социальной системе имеют место обратные процессы, обеспечивающие стабильность и воспроизводство устоявшихся социальных норм. Formой бытия социальной системы является одновременное влияние факторов открытости и закрытости, при временном доминировании одного из них. И открытые, и закрытые сообщества живут и действуют в соответствии с законами саморазвития. Система находит смысл существования в сохранении и воспроизводстве устойчивого состояния.

Детерминация территориальных сообществ в соответствии с гносеологией субъекта управления делает их однотипными по структуре и характеру деятельности и взаимодействия. Единобразие активно противостоит флуктуациям и обеспечивает режим сохранения порядка и равновесия. Провинция, отставая в

развитии из-за недостатка ресурсов, сохраняет прежние нормы социальности. Провинция была и остается носителем охраняющей устоявшиеся социальные нормы тенденции закрытости.

Российская Федерация, постоянно прокламирующая приверженность нормам демократии, усиливает государственное влияние в социальной и экономической жизни общества, что отрицательно влияет на процесс становления городского самоуправления. Указанная тенденция отчетлива в новой редакции федерального закона о самоуправлении[8]. Как показывают многочисленные конкретные социологические исследования последних лет, в том числе и проводившиеся автором, представления о порядке у большинства россиян отражают социальность закрытого общества.

Основное различие открытой и закрытой форм самобытия городского социума выражается в том, что в первом варианте доминируют естественные социальные изменения, а во втором – внешний упорядочивающий импульс. Всякое целевое управление – основание закрытости общества, но без социального управления общество обречено на анархию и хаос.

Создание функциональной парадигмы городского самоуправления должно основываться на отрицании детерминации субъектно-объектной связью всех сфер социального бытия. Самоуправление городов даёт возможность преодолеть тесноту субъект-объектных отношений и утвердить отношения равно-мощности и равноответственности всех социальных субъектов в регулировании социальных процессов.

Примечания

1 Пригожин, И. Р. Философия нестабильности [Текст] // Вопросы философии. – 1991. - № 6. – С. 46- 53.

2 См.: Пригожин, И., Стенгерс, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой [Текст]. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 312 с.

3 См.: Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы [Текст] / под общ. ред. П.К. Гречко, Е.М. Курмелёвой. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 440 с.

4.См.: Князева, Е. Н., Курдюмов, С. П. Принципы коэволюции сложных систем и социальное управление [Текст] //Синергетика и социальное управление. – М.: РАГС, 1998. – С. 8-18.

5. См.: Хайек, Ф.А. фон. Конкуренция, труд и правовой порядок свободных людей. Фрагменты сочинений [Текст] / Состав-

вители С.А. Мальцев, Lorenzo Infantino и др. – СПб. : Изд-во «ПНЕВМА», 2009. – 200 с.

6. Моисеев, Н. Н. Алгоритмы развития [Текст]. – М. : Наука, 1987. – 304 с. .

7. См. например: Василькова, В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем [Текст]. – СПб. : Лань, 1999. – 480 с.

8. См.: Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Текст]. – М. : «Книга сервис», 2005.

Сведения об авторах

Азеева Ирина Викторовна, проректор по научной и инновационной деятельности Ярославского государственного театрального института, кандидат культурологии (Ярославль).

Бабаева Татьяна Борисовна, доцент кафедры рекламы факультета психологии и социальных коммуникаций Таганрогского института управления и экономики, кандидат педагогических наук (Таганрог).

Балдандоржиев Жаргал Баирович, аспирант заочной формы обучения по специальности культурология Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского (ЗабГГПУ) (Чита).

Басалаева (Решикова) Ирина Петровна, старший преподаватель кафедры истории гуманитарного факультета Новокузнецкого филиала-института ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (Новокузнецк).

Батурина Юлия Вячеславовна, заместитель директора МОУ средняя общеобразовательная школа № 23 городского округа город Рыбинск, магистр образования по направлению «Гуманитарные знания», аспирантка заочной формы обучения кафедры культурологии и журналистики Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д.Ушинского (Рыбинск).

Болдырева Мария Васильевна, аспирантка дневной формы обучения кафедры культурологии и журналистики Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д.Ушинского (Ярославль).

Бурлина Елена Яковлевна, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и культурологии СамГМУ, шеф-редактор российско-немецкого Альманаха „StaLaPlan“ (Самара).

Васильев Алексей Григорьевич, кандидат исторических наук, зам. директора по научной работе Российского института культурологии (Москва).

Всеволодов Антон Владимирович, аспирант кафедры истории Череповецкого государственного университета (Череповец).

Ермолин Евгений Анатольевич, доктор педагогических наук, кандидат искусствоведения, зав. кафедрой культурологии и журналистики ЯГПУ им. К.Д. Ушинского (Ярославль).

Ерохина Татьяна Иосифовна, доцент кафедры культурологии и журналистики Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д.Ушинского, доктор культурологии (Ярославль).

Заостровцев Константин Дмитриевич, аспирант дневной формы обучения кафедры культурологии и журналистики Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д.Ушинского (Ярославль).

Злотникова Татьяна Семёновна, доктор искусствоведения, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии и журналистики, директор Научно-образовательного центра ЯГПУ им. К.Д. Ушинского (Ярославль).

Иванов Вячеслав Николаевич, студент факультета русской филологии и культуры Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д.Ушинского (Ярославль).

Ивлев Ярослав Сергеевич, студент факультета бизнеса и сервиса Белгородского национального исследовательского университета (Белгород).

Катерина Инна Александровна, ученица 10-а класса МОУ гимназии № 2 г. Ярославля (Ярославль).

Киселева Наталья Витальевна, методист МОУ ГЦРО, кандидат культурологии (Ярославль).

Колокольчикова Римма Станиславовна, доцент, кандидат исторических наук, Череповецкий государственный университет (Череповец).

Кондаков Игорь Вадимович, доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета, академик РАЕН, зам. председателя Научного совета РАН «История мировой культуры».

Корсикова Елена Николаевна, старший преподаватель кафедры теории и истории педагогики Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, кандидат педагогических наук (Ярославль).

Кузнецова Дарья Алексеевна, ученица 9-а класса МОУ гимназии № 2 г. Ярославля (Ярославль).

Кузовенкова Юлия Александровна, преподаватель кафедры философии и культурологии Самарского государственного медицинского университета, кандидат культурологии (Самара).

Летина Наталия Николаевна, доцент кафедры культурологии и журналистики Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д.Ушинского, доктор культурологии (Ярославль).

Личак Наталия Алексеевна, доцент кафедры политологии Ярославского государственного технического университета, кандидат исторических наук (Ярославль).

Люкманова Наталья Альбертовна, сотрудник Государственного литературно-мемориального музея-заповедника Н.А. Некрасова «Карабиха», аспирантка заочной формы обучения кафедры культурологии и журналистики Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (Ярославль).

Маслова Анастасия Алексеевна, кандидат искусствоведения, старший преподаватель Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (Ярославль)

Медведева Елена Николаевна, доцент кафедры религиоведения и философской антропологии Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, кандидат философских наук (Саратов)

Новиков Михаил Васильевич, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН, профессор, первый проректор ЯГПУ им. К.Д. Ушинского (Ярославль).

Пермиловская Анна Борисовна, кандидат культурологии, ведущий научный сотрудник лаборатории Охраняемых природных территорий и экологии культуры Института экологических проблем Севера УрО РАН (Архангельск).

Петрова Марина Валерьевна, доцент кафедры культурологии и журналистики Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, кандидат культурологии (Ярославль).

Поддубровская Олеся Владимировна, студентка факультета бизнеса и сервиса Белгородского национального исследовательского университета (Белгород).

Полознев Дмитрий Федорович, кандидат исторических наук, директор Ярославской областной универсальной научной библиотеки им. Н.А. Некрасова (Ярославль).

Пономарёва Маргарита Гелиевна, заведующая кафедрой книжного дела Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, кандидат филологических наук, доцент (Ярославль).

Проскурина Екатерина Вадимовна, аспирантка кафедры культурологии и журналистики Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (Ярославль).

Прошутинская Полина Алексеевна, учитель МХК и английского языка, аспирантка заочной формы обучения кафедры культурологии и журналистики Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (Ярославль).

Резчикова Елена Александровна, учитель гимназии № 1 г. Углича, соискатель кафедры культурологии и журналистики Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (Углич).

Рутман Тамара Александровна, кандидат исторических наук, научный редактор издательства Александра Рутмана (Ярославль).

Салохин Николай Павлович, профессор кафедры государственного, муниципального управления и таможенного дела факультета экономики и управления Омского государственного технического университета, доцент, кандидат философских наук (Омск).

Санникова Татьяна Олеговна, доцент кафедры общегуманитарных наук филиала Удмуртского государственного университета в г. Воткинске, кандидат исторических наук (Воткинск).

Седых Марина Геннадьевна, студентка 3 курса Белгородского национального исследовательского университета (Белгород).

Семикопенко Денис Сергеевич, студент факультета бизнеса и сервиса Белгородского национального исследовательского университета (Белгород).

Скибинская Ольга Николаевна, старший преподаватель кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (Ярославль).

Соколов Дмитрий Александрович, аспирант дневной формы обучения кафедры культурологии и журналистики Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (Ярославль).

Стовичек Мария Викторовна, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ярославского высшего зенитного ракетного училища противовоздушной обороны (военный институт), кандидат искусствоведения (Ярославль).

Туркина Виктория Григорьевна, профессор, заведующая кафедрой теории и истории культуры Белгородского государственного института культуры и искусств, кандидат философских наук, доцент (Белгород).

Устюгова Вера Васильевна, доцент кафедры древней и новой истории России Пермского государственного университета, кандидат исторических наук (Пермь).

Федюк Владимир Павлович, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль).

Шахова Елена Александровна, соискатель кафедры культурологии и журналистики Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (Ярославль).

Щербакова Лилия Валерьевна, старший преподаватель кафедры философии и культурологии Астраханского государственного технического университета (Астрахань).

Юрьева Татьяна Владимировна, доктор культурологии, профессор кафедры культурологии и журналистики ЯГПУ им. К.Д. Ушинского (Ярославль).

Якушева Людмила Алентиновна, доцент кафедры теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного педагогического университета, кандидат культурологии (Вологда).

Яновская Елена Вадимовна, учёный секретарь Государственного литературно-мемориального музея-заповедника Н.А. Некрасова «Карабиха», кандидат культурологии (Ярославль).

Научное издание

Образы города в горизонте российской динамики

Научный сборник

Ответственные редакторы:
Михаил Васильевич Новикова,
Татьяна Семеновна Злотникова,
Татьяна Иосифовна Ерохина

Редактор Л.К. Шереметьева
Технический редактор С.А. Викторова
Компьютерная верстка – Ю.В. Ефимова
Дизайн обложки – В.Н. Шохнин

Подписано в печать 22.12.2010
Формат 60х90_{1/8}.
Объем 28,6 п.л.; 26 уч.-изд. л. Тираж 300 экз. Заказ № 370

Издательство ГОУ ВПО
«Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского»
150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108

Типография ЯГПУ
150000, Ярославль, Которосльская наб., 44